



ФАНТАСТИКА

ДМИТРИЙ
ВОЛОДИЖИН

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

ЛЕОНИД
КАГАНОВ

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ДМИТРИЙ
СКИРЮК

И ДРУГИЕ...

2002
выпуск 3

ФАНТАСТИКА 2002
выпуск 3





З В Е З Д Н Ы Й



Л А Б И Р И Н Т



ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДАНЫЙ

ФАНТАСТИКА

2002
выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА

2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 12.11.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 15000 экз. Заказ № 2225.

Фантастика 2002. Вып. 3: Рассказы, повести. — М.: ООО
Ф22 «Издательство АСТ», 2002. — 621, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-016371-1

Издательство АСТ предлагает вам ОЧЕРЕДНОЙ сборник повестей и рассказов «Фантастика — 2002/3».

Дмитрий Володихин, Владимир Васильев, Леонид Каганов, Александр Громов, Василий Головачев, Дмитрий Скирюк — и многие другие!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО «Издательство АСТ», 2002

РАССКАЗЫ

Сергей Герасимов

ЖИВОТНОЕ

Я нашел его случайно. Просто проснулся от ночного кошмара, преследование, пожар, кровь, стрелы, торчащие в спине, — проснулся, поднял занавеску, еще досматривая последние кадры сна, и увидел, что оно сидит снаружи, на подоконнике. Сидит и смотрит на меня с выражением доверчивого беспокойства. Этим оно меня сразу и покорило: оно не боялось встречи со мной, оно ждало меня, как будто знало меня давно. Оно было похоже на котенка, только на лысого и беззубого толстого котенка. При этом его вид был приятен, трудно сказать почему. Ростом оно было маленькое: я подставил ладонь, и оно на нее вскарабкалось. Я сразу подумал, что это детеныш.

Я принес его в кухню и посадил на стол. При электрическом свете оно как-то съежилось; на коже появились морщинки. Налил молочка в блюдце. Оно выпило, подняло мордочку и запищало. Я налил еще, и оно выпило еще. Вскарбкалось на мою руку, цепляясь коготками за рукав, свернулось, закрыло глазки и сразу уснуло. Все оно было серым и только коготки — яркого морковного цвета; коготки у него, кажется, втягивались.

В этот день я поил его молоком, пока молоко оставалось, а вечером дал печенье. Печенье ему понравилось, но я боялся навредить и потому дал немножко. Я же не знал, чем таких кормят. Да и никто этого не знал. Ночью я нашел его на своей подушке. Оно приползло ко мне и прижалось к щеке, радостно попискивая. До самого утра я спал плохо, потому что боялся, что задавлю его каким-нибудь неосторожным движением.

Уже на следующий день я заметил в нем необычные способности к имитации. В шесть утра с небольшим, когда нача-

ло говорить радио, я вышел на кухню и увидел его сидящим на табуретке и внимательно слушающим. Мне показалось, что оно пытается повторять звуки, как попугайчик. Забавно было бы научить его произносить несколько слов, подумал я и отложил это до вечера.

За следующую неделю оно почти не подросло, зато научилось сносно повторять десяток слов и даже употреблять их самостоятельно. Голос его, неожиданно для такого маленького существа, оказался низким, вибрирующим и густым, более низким, чем вообще мог бы быть человеческий голос; шел этот голос как-то из груди, а не изо рта, и уже с расстояния двух-трех метров не был слышен. Наверное, потому, что оно только имитировало человеческую речь и пользовалось для этого не привычными голосовыми связками, а еще чем-то, не знаю чем.

Вскоре я заметил, что оно любопытное. Оно совало свой носик во все: когда я читал или сидел за компьютером, оно пристраивалось рядом — но не рядом со мной, а рядом с книгой или экраном, и добросовестно пыталось понять, чем я занимаюсь. Оно продолжало слушать радио и вскоре научилось выискивать более или менее узнаваемые мелодии — из тех, что крутили часто. Я живу один и потому иногда говорил с ним как с человеком, подобно тому как это делают одинокие старые девы со своими невзрачными собачонками, — но не потому, что считал его человеком или хотя бы понимающим собеседником, а потому, что он помогал мне, когда я говорил сам с собой, обсуждая тот или иной сложный вопрос. А вопросов таких было немало. Однажды я попросил его принести спички, и оно принесло.

Я взял его мордочку в свои ладони и посмотрел в эти милые отзывчивые глазки. Но не только милые — было в этих глазах и что-то такое, что не позволяло смотреть долго. Какая-то тень, полумрак, мягкий тон невыразимого, подобный тени моих ночных кошмаров — не такой страшный, но столь же иррациональный, неотвязный, непреодолимый, как и они.

— Нет, так не бывает, — сказал я и отпустил его. Оно побежало скакать по комнате. В последние дни оно стало довольно ловким и игривым.

Несколько дней спустя я увидел его висящим на занавеске и глядящим в окно. Оно любило лазить по занавескам. За окном сгущались сумерки и шел густой и мелкий снег, клубящийся и несомый ветром, как пар, может быть, последний снег этой зимы. Оно смотрело неподвижными,

широко открытыми глазами, похожими на изумительно прозрачные жидкие шарики, и на его зрачках перетекали отражения автомобилей, движущихся в белой трехмерности улицы. Меня поразило выражение его глазок — оно было совершенно осмысленным.

— Что ты там видишь, малыш? — спросил я.

— Снег, — ответило оно, и я почти не удивился.

— Ты умеешь говорить? — спросил я, но оно не ответило, и я понял, что мешаю. Оно думало о чем-то.

Но всю следующую неделю оно молчало и даже не произносило тех простых слов, которым я научил его в самом начале. При этом оно прекрасно понимало меня. Понимало не хуже человека или по крайней мере маленького ребенка. Я пытался поймать его на этом понимании. Я говорил, например:

— Посмотри на часы, что с ними?

И оно смотрело на часы. Правда, после нескольких таких опытов оно перестало реагировать, но я-то знал, что оно понимает меня, и пытался — пытался, пока ему это не надоело.

— Перестань, пожалуйста, — сказало оно, — перестань меня обманывать.

— Хорошо, — ответил я, — скажи, почему ты молчал.

— Я стесняюсь, — ответило оно.

— Но ты говоришь очень хорошо.

— Не очень. Но я научусь.

Со временем я привык к тому, что оно разговаривает. Я не задумывался о том, насколько высок уровень интеллекта этого существа, пока не произошло одно событие, о котором я собираюсь рассказать.

Все три моих стола завалены книгами и разным хламом, порой довольно неожиданным: всякими батарейками, сломанными карандашами, паяльниками, старыми ключами, какими-то тумблерами и вообще бог знает чем. При этом все, что может лежать вверх ногами или дном, так и лежит. Поэтому мы пообедали на табуретках и сейчас мирно сидели, болтая о вещах совершенно абстрактных и к жизни не имеющих ни малейшего касательства. Я вышел в кухню за компотом. Животное сидело там; оно прислушивалось к радионовостям.

— Как тебе нравятся мои друзья? — спросил я, наливая из банки.

— Все трое молодцы. Но тот, который Боря, кажется, влюблен.

— К сожалению, — ответил я. — Она его не замечает. Он для нее только друг. Тут ничего не поделаешь; сердцу не прикажешь.

— Иногда можно приказать. Предложи сыграть в карты, — сказала она.

— Зачем?

— Попробуй, сегодня это поможет.

Я попробовал. К моменту моего возвращения разговор уже достаточно усох и едва струился. Тогда я и предложил колоду карт. За окном шел дождь, по телевизору ничего, все выпито и съедено, говорить надоело. И мы стали играть в обыкновеннейшего пошлого дурака.

Свободного стола у меня не нашлось. Единственным подходящим предметом была широкая картонка, которая в свое время служила коробкой для монитора. Мы сели на табуретках и картонку положили на колени. Алена села рядом со мной, и, чтобы картонка не упала, ей пришлось прижаться ко мне коленками. Это было не совсем то, чего я хотел, но я собирался понять, чем это кончится и как это кончится.

Мы начали играть, и Денис сразу стал жульничать: в картах он жульничает просто невыносимо. Он жульничает не ради выгоды, а просто потому, что иначе не может. Обман — это его стиль жизни, при этом он не желает никому зла, и если бы мы играли на деньги, он играл бы более-менее честно. Но просто так он честным быть не способен.

Ее коленки все плотнее прижимались к моим, сильнее, чем того требовала игра. Кажется, она нервничала. Что-то происходило. Но это закончилось ничем. Когда жульничество Дениса ей надоело, она просто встала, перевернув картонку и рассыпав карты. Потом Денис ушел курить на балкон, а я к нему присоединился.

Мы молчали.

— Ты слишком правильный, — сказал он наконец, — люди такими не бывают. Тебе никогда не хотелось сделать что-нибудь неправильно?

Мне постоянно этого хотелось, но я не стал объяснять. Он бы не поверил, если бы я сказал, как сильно и как часто мне этого хотелось.

— Ты хочешь быть хорошим. Но зло тоже бывает полезно, — сказал он.

— Например?

— Например, у меня нет ногтя на указательном пальце. Когда мне было четыре года, мой отец собрался уйти от матери. Он уже собрал чемодан и вышел за порог. Тогда мать, она была умная женщина, вставила мне пальцы в дверь и прищемила изо всех сил. И честное слово, она придавила от души, с размахом, так сказать. Такое вот неожиданное решение. Слышал бы ты, как я орал! Тогда он ее ударил, но остался. У меня слезло три ногтя, а один так и не восстановился. Зато у меня остался отец. Потом у меня родился брат — получается, что за его жизнь я заплатил всего одним ногтем. Это немного.

— У тебя нет брата, — сказал я.

— Согласен, все наврал. Но не в этом дело. Попробуй сделать что-нибудь плохое — и тебе сразу станет лучше. Хватит быть памятником, будь человеком.

Увы, я не мог быть человеком.

Когда я вернулся, я сразу услышал ее смех, необычный смех — так смеются девушки, которым нравится ухаживание. Ухаживание, а не приставание, — ничего пошлого не было ни в ней, ни в ее смехе, как не может быть ничего пошлого в любви или симпатии. Пошло лишь их отсутствие, а так — ведь все мы живые люди, даже те, кто похож на памятник.

Остаток вечера они не отходили друг от друга, а я не очень понимал, что произошло и при чем здесь карты. Когда гости ушли и я вымыл посуду, мое животное уселось на моем плече.

— Может быть, ты объяснишь? — спросил я.

— Их нужно было подтолкнуть, — сказала оно.

— И?..

— И ты их подтолкнул. Когда она появилась, — продолжало оно, — она была возбуждена. Такое с женщинами бывает — всякие мысли, о том, об этом.

— С мужчинами тоже, — заметил я.

— Вот. А в карты в твоей комнате можно было сыграть только на картонке. Когда ее нога прижалась к твоей, ей понравилось. Чем дольше она сидела, тем больше ей нравилось. Но ты не тот человек, который ей нужен. Наконец она не выдержала и встала. Но она слишком возбудилась. Ты ей не подходил, Денис тоже, поэтому она остановилась на Боре, она впервые посмотрела на него как на мужчину. Первого раза оказалось достаточно. У него ведь все написано на носу.

— На лбу, — поправил я.

— Нет, на носу. Он морщит нос, когда смущается.

— Это нельзя было просчитать заранее, — возразил я.

— А разве были варианты?

И тогда я догадался. Я сходил на балкон и выкопал из-под хлама кубик Рубика.

К сожалению, в его лапках не было достаточно силы, чтобы этот кубик крутить. Я показал ему, как это делается.

— Двадцать четыре поворота, — сказала оно, — есть интересный вариант в двадцать четыре поворота. Давай, ты поворачивай, а я буду подсказывать.

Я стал поворачивать, и после двадцати четырех поворотов кубик был собран.

— Научи меня читать, — попросило оно.

— Ты до сих пор не умеешь?

— Нет, я ведь не знаю кода.

Код я ему объяснил. Вначале оно читало медленно, повторяя вслух слоги, но это длилось всего несколько часов. Оно читало всю ночь, а к утру я нашел его спящим на моем столе, среди груды книг. Во сне оно вздрагивало и попискивало, дергало усиками и его глаза были приоткрыты. Ему что-то снилось. Последние семь лет мне снятся только схватки, преследования и кровь. Ни одной ночи без кошмаров, а днем постоянная перспектива сорваться. Постоянный танец на лезвии ножа. Мне абсолютно запрещено зло, даже самое малое, даже относительно невинное зло, может быть, я родился порочным, может быть, все люди таковы, может быть, зло насколько свойственно нам, что отказ от зла равносильно болезни? Я хочу зла, как утопающий хочет вдохнуть воздух или как умирающий в пустыне хочет глотнуть воды. Эти годы воздержания меня совершенно измучили — настолько, что мне даже не снятся красивые женщины, мне снятся лишь зло, снятся кошмары. А что снится ему?

Проснувшись, оно погрызло печенье и попросило новых книг. Книги у меня лежат в кладовке, прямо кучками, все не хватает времени расставить их по полкам. Я вытащил их и разложил по полу. Но сейчас оно читало книги по-другому: оно тратило всего несколько секунд на страницу. После обеда оно пришло ко мне.

— Это безумно неудобно, — сказала оно. — Надо придумать что-нибудь побыстрее.

Тогда я дал ему толстенный двухтомник по Delphi и пустил за компьютер. К счастью, оно не могло само нажать включающую кнопку — не хватало силы, поэтому я на-

деялся как-то контролировать то, что может произойти. Хотя я начинал побаиваться.

Вначале оно пыталось работать на всей клавиатуре, копируя человека, но вскоре переопределило клавиши, написав какую-то программку. Сейчас оно работало только на маленьком квадрате справа, и ему не приходилось вставать и идти, чтобы перейти от буквы «Ф» к букве «Х». Оно продолжало читать, но теперь страницы текста и рисунков летели так, что для меня сливались в сплошное мелькание.

Со временем мне стало казаться, что оно мною руководит. Я до сих пор не могу сказать точно, было ли это так на самом деле или просто казалось. Я стал вести себя не так, как раньше. Я делал те вещи, которые были не в моих привычках и которые совершенно не планировал и не собирался делать. Вечерами, засыпая, я пытался восстановить ход событий и иногда находил те цепочки, которые меня дергали и вели в нужном направлении. К сожалению, после случая с влюбленным Борей я как-то не понимал, что те же методы, но усиленные и отточенные, могут быть использованы и по отношению ко мне.

Я подумал: меня никто ничего не заставляет делать, но все же, может быть, я раб, даже не знающий об этом наверняка. Разве могу я сейчас, например, просто встать, взять это животное и вышвырнуть его на улицу? И если это начало, если оно всего лишь малый детеныш, то что будет потом?

Я встал и вышел на кухню. Оно не спало и ждало меня там.

— Как дела? — спросил я.

— Ложись спать, — сказала оно, — и не волнуйся. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого.

И я послушно пошел спать. И я до сих пор не знаю, сделал ли я это по собственной воле.

И где-то вначале третьего месяца его жизни со мной у него прорезались зубки. До сих пор я кормил его в основном молоком с печеньем, и ему это нравилось. Иногда оно жевало свежую зеленую травку. Теперь его вкусы начали меняться: оно пробовало то одно, то другое, но не оставалось довольно ничем. Оно стало есть меньше и медленнее расти.

Сейчас оно было величиной с небольшую кошку, и по детской непропорциональности его сложения было заметно, что оно вырастет гораздо больше. Еще недавно оно играло и резвилось, в то время когда не сидело за компьютером или спало (а спало оно очень мало), теперь изменился и его характер: оно перестало потреблять информацию и почти не

говорило со мной, а если говорило, закрывало при этом глаза или смотрело в пол. Я уже давно не видел его глаз.

Я стал очень уставать и вначале не понимал почему. По утрам я вставал поздно и чувствовал себя разбитым. В течение дня это чувство только усиливалось. Вечером я падал и проваливался в сон. Эта необычная осталась сопровождалась столь же сильным безразличием, почти параличом воли: я настолько утратил инициативу, что даже не попытался выяснить у него, в чем дело. А что дело было в нем, я не сомневался. Просто мне было все равно. Я не хотел двигаться, говорить, ни к чему не стремился. Со мной можно было делать все, что угодно. И однажды оно сказало:

— Мне нужен контакт.

— С кем? — вяло спросил я.

— Ты мне поможешь.

Я согласился. Я бы согласился на любое его предложение.

Несколько дней я был занят изготовлением специального портфеля, в котором мое животное могло перемещаться незамеченным. Когда я нес этот портфель в руке, я ничем не отличался от тысяч обыкновенных людей вокруг. Но то, что сидело внутри, было необыкновенно. Оно нуждалось в защите — и я сделал прочную внутреннюю арматуру, чтобы портфель не раздавили в толпе. Оно нуждалось в связи со мной, и поэтому мне пришлось надеть наушники от плеера. Оно должно было отпугивать естественные надобности, дышать, не замерзать и не перегреваться. Все это было предусмотрено. Кроме того, я сделал множество других вещей, смысла которых я не мог понять. К концу четвертого дня мой портфель напоминал космический корабль в миниатюре. Мы отправились на вокзал и сели в электричку.

Сейчас, когда оно сидело в портфеле плотно закрытое, я чувствовал себя лучше. Мы ехали поздно вечером, и вагон был почти пуст. Я мог говорить свободно: ближайший пассажир спал в четырех лавках от меня.

— Сейчас тебе лучше, — сказало оно.

— О да, намного.

— Прости, я брал слишком много твоей энергии. Это мне нужно для роста.

— Я понял. А сейчас ты не растешь?

— Это металлическая арматура внутри портфеля. Она меня экранирует. Я хочу объяснить.

— Валяй, — ответил я.

— Это все для вашего блага, — сказало оно. — Я был послан на землю, чтобы спасти вас. Впрочем, спасти — не совсем то слово. Вы так прочно устроены, что всегда сможете выкарабкаться сами. Я был послан на землю, чтобы подтолкнуть ваше развитие.

— А в чем моя миссия?

— Охрана. Пройдет еще около двух лет, и я внешне стану неотличим от человека, хотя сейчас в это трудно поверить.

— Охрана от кого?

— Я слаб. Я могу очень много по сравнению с человеком, но физически я слаб. Это как охотник и слон: самый глупый слон имеет шанс убить самого умного охотника просто потому, что он сильнее физически.

— Кто-то захочет на тебя напасть?

— Люди алчны, а за меня дадут большие деньги. Поэтому за мной и за такими, как, я идет охота. Я не первый. Уже было больше трехсот попыток за последние двенадцать лет.

— И что?

— Никто из них не вырос.

— Веселая новость.

— Я говорю это, чтобы дать тебе выбор. Сейчас ты можешь отказаться, можешь просто выбросить меня из поезда, и я исчезну. Сделай это сейчас, пока я не стал слишком опасен. Или останься со мной до конца.

— Я не могу тебя выбросить, — сказал я.

— Почему?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, — сказало оно.

— Куда мы едем? — спросил я.

Мы прибыли на место через полтора часа.

Название станции мне ни о чем не говорило. Мы перешли через рельсы и двинулись в сторону противоположную поселку. Признаться, мне было немножко жутко: дорога не освещалась, половинка луны, спинкой вниз, время от времени серебрила разрывы в облаках и отбрасывала на дорогу мою тень. По правую руку от меня шелестела роща каких-то плодовых деревьев, кажется, грецких орехов, и этот шелест был единственным звуком, нарушающим тишину, кроме, разумеется, моих шагов и звона в ушах. И мне сильно мешали наушники, которые я то надевал, то снимал. Оказывается, уши здорово помогают ориентироваться в темноте — без них сразу становишься беспомощным и испуганным. С каждым шагом

мне все сильнее чудилось, что кто-то идет за нами; несколько раз я оборачивался, но никого не видел.

Дорога спустилась к овражку, через который я перешел по узенькому дощатому мостику, нащупывая доску при каждом шаге. Впереди был глухой ночной лес, в который мне предстояло углубиться. Если тебя закопают здесь, сказал я сам себе, то в ближайшие сто лет об этом не узнает никто, кроме рыжих лесных муравьев. К счастью, это был всего лишь небольшой лесок. Пройдя его насквозь, я остановился на краю широкого поля.

— Это здесь, — сказала животное. — Не выходи из-за деревьев, нас могут увидеть.

Мы простояли так несколько минут. За это время животное задало мне всего пару вопросов, касающихся окружающего пейзажа.

— Все в порядке, — сказала оно, — иди прямо вперед к решетчатым воротам. Портфель просунешь снизу, а сам перелезешь. Постарайся не поднимать шума. Из охраны здесь всего лишь несколько сторожей и собаки, но собак я усыпил.

— Как? — спросил я, но оно не ответило. Пришлось верить на слово.

Перелезая через ворота, я несколько раз лязгнул цепью, причем сделал это специально: если бы здесь нашлась хоть одна неспящая собака, она бы уже неслась ко мне. Но все оставалось спокойным. Я совсем не хотел оказаться съеденным какой-то дикой псиной в этом захолустье, но я думаю, что мое животное хотело этого еще меньше.

Итак, мы оказались внутри. К этому времени небо почти очистилось от облаков, и лунный свет пробивался сквозь широкую полосу неплотных облачных барашков. То, что я увидел на земле, впечатляло.

— Это военный объект? — спросил я.

— Нет, всего лишь телескоп.

— Но телескопы круглые?

— Это стационарный радиотелескоп: десятки тысяч антенн соединены между собой и смотрят в небо. Они занимают целое поле. Отсюда я передам сигнал.

— Ты уверен, что это не военный объект?

— Абсолютно. Здесь максимум четыре человека охраны. И они в разных концах поля. Если ты не сумеешь с ними справиться, я тебе помогу. Достанешь меня из сумки; этого хватит. .

— Ой ли?

— Мне достаточно будет посмотреть им в глаза. Они почувствуют то же самое, что чувствует хищник в человеческом взгляде, но в тысячи раз сильнее.

— Ты хочешь сказать, что они оцепенеют или будут парализованы?

— Я не причиню им вреда, если ты спрашиваешь об этом. Я спрашивал не об этом, но уточнять не стал.

— Подожди меня здесь.

И оно полезло вверх по стене. Это была обыкновенная кирпичная стена, но лезло оно так же свободно и быстро, как кошка лазит по дереву. Ночь была прохладной, и к его возвращению я замерз. Я сел на траву и смотрел на небо. Оно подошло ко мне сзади и потерялось о ногу.

— Ну как? — спросил я.

— Здесь не получится. Придется идти в центральный корпус.

Оно вошло через форточку и открыло дверь изнутри. Несколько раз я спотыкался о стулья, но, к счастью, сильного грохота не произвел. В комнатах были видны лишь контуры оконных рам, за неплотными занавесями. Какие-то деревья и кусты снаружи вполне экранировали свет. Темно, хоть глаз выколи.

— Сиди здесь, — приказало животное, и я сел на нечто напоминающее диван. Оно занялось делом. Щелкали какие-то кнопки, и зажглось несколько лампочек. Я все ждал, что включится экран компьютера, но он так и не включился.

— Ну как? — спросил я опять.

— Сигнал прошел.

— Зачем это?

— Я сообщил о том, что первая фаза пройдена. Теперь я получу коды и включу программу превращения в человека.

— Когда ты их получишь?

— Уже получил. Это информация, модифицирующая генную структуру.

Сейчас наступило время действовать, но я колебался, я тянул время. Мне показалось, что я еще не знаю самого главного. Именно этого момента я ждал целых восемь лет, а теперь я мог пропустить его, и тогда все пойдет насмарку. Мне мешала инерция долгих лет правильной жизни, — я стал неповоротлив как памятник.

— Когда ты станешь человеком, что ты дашь людям? — спросил я.

— Только мораль. Ни один пророк не давал большего. Сейчас люди создали мощные и дорогостоящие системы машин. Пройдет немного лет, и они станут еще мощнее, умнее и дороже. Все больше решений они станут принимать без участия человека. Тогда встанет вопрос о том, как они должны взаимодействовать с человеком, чтобы не причинить человеку вреда и чтобы человек не повредил их. И этот вопрос окажется сверхчеловечески сложным, потому что построить систему морали гораздо сложнее, чем изобрести какой-нибудь очередной Windows. Мораль должна будет стать такой же точной наукой, как математика, потому что будет использоваться так же, как математика.

— И ты дашь нам основные теоремы? — спросил я, вставая с диванчика.

— Зачем ты встал?

Оно сразу почувствовало опасность, но было уже поздно.

— Включи свет! — сказала оно.

— Ни за что.

Я нащупал стул и запер дверь его ножкой. Теперь из комнаты не было выхода. В темноте оно было не так опасно. Несмотря на его довольно значительную физическую силу и ловкость, оно оставалось маленьким, не крупнее кошки. А его зубы больше похожи на человеческие, чем на зубы хищника — такими можно больно укусить, но не загрызть. Единственное настоящее оружие — его парализующий взгляд, но в темноте оно бесполезно. И у меня есть защита.

Несмотря на темноту, я прекрасно ориентировался в этой комнате. Я знал расположение каждого предмета, каждой мелочи. Меня хорошо готовили. Я подошел к столу и достал из нижнего ящика экранирующие очки. И только потом включил свет. Теперь оно может смотреть на меня сколько угодно. Мне нужно продержаться не дольше часа, всего лишь, пока прибудет вертолет.

Оно действительно получило коды, меняющие генную систему. В тот момент, когда я включил свет, оно напоминало человеческого младенца, но сразу же начало изменяться. Его тело с ходу переплавлялось в новую форму. Это немного напоминало таяние мороженого. Но, во что бы оно ни превратилось, оно не сможет стать достаточно большим, чтобы справиться со мной.

Как только оно превратилось в паука, я набросил на него сеть. Сеть была спрятана здесь же в комнате, во втором ящике стола. Ячейка сети была достаточно мелкой. Я

привязал сеть к трубе отопления, на всякий случай. Пусть теперь превращается в кого угодно.

— Не делай этого, — сказала оно, — я дам тебе денег, очень много денег, ты даже не можешь представить себе такую сумму. Я дам тебе любые возможности, я излечу тебя от всех болезней. Ты проживешь двести лет.

— Дело не в деньгах.

— А в чем?

Оно начало просовывать что-то длинное и тонкое сквозь ячейки сетки.

— Я восемь лет ожидал твоего появления, — сказал я. — Восемь лет я вел себя так, как требует ваша инопланетная мораль. Восемь лет я не причинял зла, не будучи при этом идиотичным фанатиком какой-либо из земных доктрин. Я не срывал травку и не наступал на букашек, не говоря уже о большем. И наконец, вы поверили в меня и выбрали меня. И прислали вестника. Но я истосковался по злу. Зло — в моей крови. Человек создан так, что зла и добра в нем пополам, запрещая себе зло, я запрещаю половину самого себя. Меня измучили эти годы воздержания. Мне снится боль и кровь. Я хочу драться, охотиться, преследовать и нападать. Я хочу смотреть триллеры и читать книги о зловещих монстрах. Я знаю радость и ярость битвы. Есть упоение в бою и темной бездны на краю — вы этого никогда не поймете, — это для вас как внутренность черной дыры. Я схожу с ума от борьбы с собой — я хочу врагов, противников, конкурентов и недоброжелателей. Без этого человек прокисает. Вы кастрируете людей, если отберете у нас все это. Без нашего зла мы станем плоскими манекенами. И добро, которое мы творим, перестанет быть делом чести, а превратится в такую же естественную функцию, как опорожнение кишечника. Поэтому я никогда и ни за что тебя не отпущу. Мораль — это кандалы, которые я хочу надевать на себя сам, а не с чужой помощью.

— Но ты любишь меня, — сказала оно. — Только два часа назад ты был согласен рисковать для меня жизнью. Открой дверь, иначе я умру. Ты же меня вырастил. Ты меня создал. Я помню все, что ты говорил. Вспомни тот снег, на который мы смотрели вместе. Я люблю тебя, не надо меня убивать. Вслушайся в это слово: «убивать...»

Конечно, мне не нужно было с ним разговаривать. Оно все же в сто раз умнее меня. Только сейчас, когда оно протянуло, с мерцанием в голосе, это «убивать...», я понял,

что мы не говорили — нет, все это время оно гипнотизировало меня, оно заставляло меня раскрыться, и теперь...

И теперь я буквально лежал перед ним на тарелочке.

— Пожалуйста, отопри мне дверь, — сказала оно.

Я подошел к двери и взялся за спинку стула. Материя, когда-то бывшая зеленой, вытертая многими спинами, местами засаленная, местами торчат нитки, что мне делать?

— Ну открывай, открывай, — настаивало оно.

Я вытащил стул, и он брякнулся на пол.

— Можешь не отвязывать сетку, я выйду сам, — сказала оно. — До свидания, мой добрый друг...

Я вставил пальцы левой руки в дверь и решительно надавил правой. Боль была такая, что я заорал и почти оглох от собственного крика. Мои пальцы распухли и побелели и сразу же начали наливаться кровью. Но наваждение рассеялось. Теперь мне было не до гипноза. Я снова запер дверь стулом и прислонил пальцы к холодному металлу батареи. Иногда и зло бывает полезным, вот так.

Оно превратилось в копошащийся узел мелких змей и провалилось сквозь ячейки сетки. Змеи расползались во все стороны. Одна из них уже взобралась на стол и ползла ко мне, расталкивая боками карандаши при каждом извиве. Оно пугало меня, всего лишь пугало. Я не боялся этих змей — ведь ни при каких обстоятельствах оно не могло причинить мне вред. Это запрещала его мораль. Поэтому они, такие умники, и попадают в наши ловушки. Мораль — как факел в темноте: когда ты поднимаешь его, то слепнешь и не видишь того, что притаилось в ночи. При всем своем уме они не могут просчитать варианты нашего коварства. Потому они и незнакомы с коварством, обманом, предательством, лицемерием и глупостью — с теми простыми и удобными вещами, которые во все века убивали мудрых пророков и мессий. И кто знает — хорошо это или плохо.

Дмитрий Володихин

ДЕСАНТНО-ШТУРМОВОЙ БЛЮЗ

2128 год.

Европа, спутник Юпитера.

364-й день условного года, 202-й день солнечного года, 11-й день юпитерианского года.

Танк в условиях Внеземелья — это длинный список проблем, нерешаемых даже в теории, но тем не менее счастливо решенных сумасшедшими фанатиками-конструкторами. Например, танк на Плутоне — нечто в принципе невозможное. Следовательно, лет через двадцать его точно построят. Танк на Марсе отличается от земного собрата совсем чуть-чуть: процентов на двести. Танк на Европе представляет собой золотую середину между марсианской и плутонианской версиями. То есть он должен передвигаться по сплошному льду при температуре -100 по Цельсию, стрелять, не отлетая при каждом выстреле на километр вперед или на два назад, не уноситься в результате близкослучившегося взрыва от поверхности со скоростью, обеспечивающей превращение в самостоятельное небесное тело, — и это при силе тяжести, уступающей лунной...

Можно, конечно, подумать о летающем танке (его здесь называют «амфибией»). Но на Европе нет собственной атмосферы, поэтому все, хотя бы отдаленно напоминающее самолет или вертолет, отпадает по определению. На антигравы у правительства просто нет денег. Остается нечто летающее столь быстро, что способность долго и целенаправленно поддерживать огнем пехоту у него начисто атрофирована.

Значит, придется строить танк...

И это будет танк, устрашающий своим причудливым внешним видом даже собственный экипаж.

В гвардейской десантно-штурмовой бригаде полковника Шматова по штатному расписанию числилось 120 именно таких танков. И еще 300 единиц легкой бронетехники, 16 амфибий и 2288 человек личного состава. Бригада десятый час пребывала в состоянии полной боевой готовности. Над ее расположением в черном небе холодно сияло чудовищное пятнистое «солнышко» — Юпитер.

...На борту флагманского крейсера «Память Синопа» два консула Русской Европы решали уравнение с одной неизвестной величиной: объемом грядущих неприятностей. И как ни крутили, объем этот, то увеличиваясь, то уменьшаясь, все время выходил за рамки приемлемого.

Военный консул, адмирал Глеб Алексеев, настаивал на радикальном решении проблемы. Мол, драки однозначно не миновать. Второй, гражданский консул, премьер Владислав Мартыгин, пытался найти дипломатическое решение, но тщетно. Заранее обреченная игра: какую фигуру ни тронь, ход приведет лишь к ухудшению позиции.

— Слава, одной моей десантно-штурмовой бригады хватит, чтобы за один час — слышишь ты, за один час! — раскатать этот проклятый Центр до состояния ровного блина со сквозными отверстиями. Когда они начнут усиливаться, все станет намного сложнее.

— Час, говоришь ты?

— Это максимум. Вероятнее всего, достаточно сорока пяти минут.

— Вот пройдет этот час, Глеб, мы порадуемся вволю, а потом нас атакует весь флот Аравийской лиги. Что мы — против них? Я понимаю, у тебя отчаянные ребята и мы продержимся несколько недель... или даже месяцев. А потом? Глеб, ты же знаешь, у нас Рея и Европа, семьдесят четыре миллиона жителей на обоих планетоидах. Смех один. А у них — миллиард с копейками. Нас раздавят, Глеб.

— Патрон заступится.

— Допустим, Россия решится защищать нас всерьез. Только допустим, Глеб. Чисто теоретически. Потому что там могут решить, как им заблагорассудится. Конечно, Русская консульская республика — их детище. Но и марионетка.

— Ну-ну.

— Да, Глеб, как бы там ни было, а сейчас мы во всем зависим от патрона. Такой марионеткой, здраво рассуждая, в крайнем случае можно и пожертвовать.

— Теоретик ты превосходный, Слава. Но я тебе как военный человек скажу, безо всяких тонкостей твоей этой космополитики: Российская империя — слишком сильный зверь, чтобы запросто отказаться от большого куска мяса, вроде нас. Да и не бросят нас, Слава. Против всех правил не бросят. Они же наши...

— Не перебивай ты меня. Я же сказал: допустим, не бросят... Лига, конечно, подожмет хвост и попросит помощи у своего патрона — Женевской федерации. А это уже не зверь. Это чудовище. Истинный Левиафан.

— За нас встанут Латинский союз и Поднебесная империя. А китайцы женевам парку-то уже поддавали... Вчетвером сдюжим, Слава. Должны сдюжить.

Второй консул только руками развел. Никто не хочет воевать, но все к этому готовы. Полшага до бойни в масштабах всего Внеземелья, и жить хочется, как никогда. А тут третьестепенный для уровня Солнечной системы политик с восторгом излагает третьестепенному же политику лучший способ, как запалить фитиль. Господи, до чего ж хорошо, что в Русской консульской республике военная и гражданская власти равны. Радикальные парни когда-то добивались другого. Мол, мы — горячая точка по определению...

— Глеб, ты точно хочешь положить столько народа?

— До этого дело не дойдет. Вот поугубить кое-кого стоит. Есть у нас достоинство, или мы шавки с поджатыми хвостами?

— Дойдет — не дойдет... Ромашку, что ли, пытаешь? Если дойдет, тут через год будет ТНЖ в лучшем виде.

— Чего? Объясни толком.

— ТНЖ. Территория, непригодная для жизни. Уже бывало такое. У китайцев на Титане. И у женевцев на Палладе. Вспоминаешь? А повторить — хочется?

— Ты не на предвыборном оральнике. Уймись. Что ты сам-то можешь предложить со своей космополитикой?

А предложить Мартыгин ничего не мог. Женевцы честь по чести провели в Международной Организации Фундаментальных Исследований решение строить на Европе Центр Юпитерологии. Разумеется, международный. Как удачно! Его как раз можно поставить на территории нейтрального государства... Во всяком случае, формально — нейтрального.

Ведь Русская консульская республика не принадлежит к числу великих держав. А куратором Центра почему бы не назначить другое нейтральное государство. Во всяком случае, формально — нейтральное. Ведь Аравийская лига тоже не тянет на великую державу, прошли, как говорится, те времена... Патрон, конечно, сопротивлялся, как мог. Но в МОФИ у женеццев большинство. Тут ничего не поделаешь.

Первый закон космополитики... нет, пожалуй, не первый, а нулевой, главнейший, прежде всех прочих: главная ценность во Вселенной — ТПЖ, территория, пригодная для жизни. Потому что демография вот уже целое столетие играет роль царицы наук, а космополитика при ней в роли доверенной служанки. И послушаться обеих нельзя, дороже встанет... У ТПЖ — масса градаций. Тут освоение требует одних затрат, там — других, а во-он там никакие затраты не помогут, и территорию можно освоить лишь чисто теоретически. Так тоже бывает. Есть разнообразные нюансы. Как выяснилось, «подогреть» планетоид гораздо дешевле, чем «охладить». С силой тяжести, превышающей земную, способны бороться только очень богатые инвесторы, за то со слабой гравитацией не справится только нищий. Осваивать очень маленькое небесное тело — бросать деньги на ветер. Та же Леда или голые камушки Пояса Астероидов не нужны никому... Урезать собственное население с помощью небольшой войны встанет, конечно, в копеечку, но не дороже получится, нет, не дороже. Рейс к Урану или к какому-нибудь, прости господи, Плутону и обратно существует как реальность только для тех, кто готов сорить средствами направо и налево. Разумные люди ограничивают свою активность максимум орбитой Сатурна...

Так вот, по всем космополитическим прикидкам, лучшей, «удобной» землицы во всей Солнечной системе, если не считать родную планету человечества, совсем немного. Луна. Марс. Спутники Юпитера. Все занято! И на эту райскую территорию с вождением поглядывают многие. Женеццы могут себе позволить некоторую неспешность. У них демографические законы — людоедские: весь сверхлицензионный приплод с рождения лишается надежды на гражданство. В государственной системе его нельзя ни лечить, ни учить, ни страховать, ни давать ему работу. Идентификационную карточку — и ту запрещено оформлять. А в частном секторе таких не обманывает только ленивый, потому что договор со «сверхприплодом» не признает действительным ни один суд... У

Аравийской лиги положение хуже, гораздо хуже. Ребята смеют жить, как в двадцатом веке, и скоро будут ходить по головам друг друга. Вот и суетятся.

— Глеб, а что у них там... на территории Центра... из военной амуниции?

— Пока — мелочь. Сто сорок единиц бронетехники. Ракеты класса «поверхность-поверхность». Старье. Десяток шпионских спутников. И «экспериментальный полигон». Мои доклады: полигон этот похож на взлетно-посадочный терминал для больших десантных платформ, как, например, ты на свою голограмму.

— Чьи права-то мы не соблюдаем?

— Не так грубо, Слава. Из российского Генштаба сообщают следующее. По данным разведки, будет теракт. Если одного не хватит, то их организуют пять, двадцать пять, сто, сколько понадобится. Статья «недружественное отношение местного населения к международному проекту»... В результате — зона отторжения радиусом триста пятьдесят километров.

— Ско-олько?

— Триста пятьдесят, Слава. Стандарт. Уже отрабатывалось.

— И там, конечно, в один день возникнут поселения рабочих, строителей разнообразных...

— Правильно понимаешь. А к рабочим приедут жены, семьи. Почему жить рабочим без семей? Проект-то ведь долгоиграющий. Аж на девяносто девять лет. За такой срок и с таким плацдармом грех не прибрать к рукам весь планетонд. Думай, Слава. Неделя смертельного риска или век позора и самоограбления.

— Ты не на предвыборном оральнике, Глеб.

— В общем, думай. Войска в полной боевой готовности. Они там, на Земле, узнают о нашей работе, когда все уже будет кончено.

— То есть?

— То и есть, Слава. Сигнал от нас до Земли в ближайшие дни идет около двух часов. Расстояние между планетоидами увеличивается. Сам же знаешь. Так что мои ребята даже подмести за собой успеют. Жаль, что мы с тобой никак не сговоримся. У Лиги перед многими долги имеются. Ударит кто-нибудь другой и оставит моих парней, можно сказать, без работы...

— Другой, говоришь? Другой... Было бы в самый раз. Только вот никто... эхм. Глеб... а может, другой и отыщется.

— Ты про что?

— Сейчас объясню. А пока ответь мне: есть у тебя боевой офицер, чтоб проверен был в семи огнях и семи водах?

— Комбриг Шматов. Комдив Птахин. Комдив Терещенко.

— Шматов ведь, кажется... из штурмовиков?

— Верно.

— Срочно вытаскивай его сюда. А парням своим дай приказ, пускай до времени рассупонятся. Объявляем перерыв.

— Перерыв или отбой, Слава?

— Перерыв. Это я тебе обещаю.

...У полковника Шматова по первости очи собрались в кучку.

— Это что же, Глеб Германович, к предательству подговариваете? И вы туда же, Владислав Александрович?

Однако через полчаса комбриг уже со вкусом обсуждал детали предстоящей операции:

— Как назовем мероприятие, господа консулы?

Премьер задумался:

— Знаете, полковник, есть один старинный полонез, навеянный щемящей тоской от прощания с родиной... Так может быть, назовем все это «Полонезом»?

— Иезуит ты, Слава. Нам требуется нечто простое, тихое и умиротворяющее. Пусть будет «Блюз», полковник.

Трое мужчин сдержанно заулыбались.

Шматов вернулся в бригаду. Ему предстояло крепко побеседовать с офицерами. Адмирал сообщил в Центр о плановых учениях в двух шагах от разделительной полосы. А премьер запросил «добро» у Москвы.

Десантно-штурмовая бригада заняла позиции в непосредственной близости от Центра. Шматов обратился к начальнику штаба:

— Господин майор, установите-ка мне связь со всем личным составом. Хочу сделать обращение.

— Мы готовы, господин полковник. Личный состав ждет.

Пребывание танка или уж тем более пехотинца в открытом поле ограничено крайне непродолжительным периодом времени. При ста восьми (а именно столько и было снаружи) очень трудно обогревать машины и людей хотя бы сутки подряд. Да и металл начинает капризничать... Поэтому на Европе в военных людях ценили предельный лаконизм. Шматов не нарушил традиции.

Две с лишним тысячи штурмовиков, укрытых бортовой бронею от вечерней прохлады по-европейски, услышали его голос:

— Боевые мои товарищи! Политика вседозволенности, проводимая нашим правительством, завела государство в... это самое. Назовем его словом «тупик». Нам нужно решительное и прямое действие. Объявляю землей свободы территорию на пятьдесят километров от моей амфибии во все стороны. Здесь я намерен основать суверенную Военно-Демократическую Республику Новая Европа. С пожизненным, значит, монархом во главе. Каждому из вас, если он полный осел и не согласен стать свободным человеком, я разрешаю отвалить в течение пяти минут. Позже его пристрелят. Есть желающие?

Шматов честно выждал обещанные пять минут. Желающих не нашлось.

— Теперь мы проведем выборы пожизненного монарха. В ваши бортовые компьютеры введены, значит, бланки избирательных бюллетеней по числу членов экипажа каждой машины. В каждом бюллетене три графы. Это, если вам неясно, столько у вас кандидатов. В первой графе я, полковник Шматов. Во второй мой начштаба, майор Михайлович. Третья пустая, это будет независимый кандидат. Вставьте туда, если кому нейдет, кого хотите. Предвыборная агитация будет такая: голосуйте за меня. А сейчас майор Михайлович поагитирует.

Голос начштаба:

— Голосуйте за меня!

— Все. Теперь, значит, давайте голосуйте. На размышления даю пять минут. Если кто не понял, голосование тайное, под трибунал, в случае чего, никто не пойдет. Так. Слушай мою команду: время пошло!

Через полчаса в наушниках опять зазвучал поставленный командирский бас комбрига:

— Свободные люди! Значит, счетная комиссия в составе моего штаба всю работу уже проделала. Могу вас поздравить. Явка на выборы — стопроцентная. Победил я. За меня проголосовало 2284 человека. Один человек проголосовал за майора Михайловича. Один предложил в монархи свою маму. Так. Сержант Лядов, хоть голосование и тайное, а после всего покажитесь корпусному психоаналитику. Доложите ему о своем поведении. А ваш прямой начальник проверит. Один человек вставил в пустую графу словосочетание «Пошел ты!». И третьей ротой он больше командовать не будет. Вместо него комроты временно назначается лейтенант Малышко. Один чело-

век успел за пять минут выйти во всеобщую информационную сеть, вырезать обнаженную женщину из порнографического журнала и вставить в бюллетень. Поздравляю вас, господин сержант Сам-Знаешь-Кто. Обеспечим отправку в офицерское училище без экзаменов. Такие таланты не должны сохнуть без полива.

Полковник сделал паузу, откашлялся и продолжил:

— Свободные люди! Значит, теперь вот что. Я обещаю в течение сорока восьми часов дать вам новую конституцию. А пока взамен конституции будет действовать полевой устав бронетанковых и десантно-штурмовых войск. Второе — это я оповещу все цивилизованное человечество об акте нашей независимости. Понятно, короче. Третье. Все граждане моей республики сейчас, значит, сидят в машинах своих, и если хоть один баран будет небоготов... то вы меня знаете.

Комбриг велел начштаба составить Декларацию Независимости строк на пятнадцать, чтоб посолиднее, и отправить ее правительству Русской Европы. А потом — всем правительствам великих держав. Благо для мощной армейской станции связи это была вполне решаемая задача.

Ответ пришел до странности быстро. Гражданский и военный консулы Русской Европы с негодованием осудили разнужданный космический сепаратизм. Имущество всех «сепаратистов» конфисковано правительством, банковские счета заблокированы. Бригада снята с денежного, вещевого и продуктового довольствия. Членам семей позволено выехать к мятежным родственникам на полное их обеспечение. Конечно, никто не собирается раздувать пламя войны. Ради сохранения мира на планетоиде Русская Европа официально признает Военно-Демократическую Республику в заявленных ее монархом границах. Решать такие проблемы можно только путем переговоров... Россия и Поднебесная также признали ВДР. И тоже рекомендовали... «путем переговоров».

По международному праву согласие трех любых стран признать действительно существующей четвертую автоматически придавало ей статус государства-как-все...

— Отлично. Теперь, господин майор, выдвигайте танк... э-э-э... сержанта Лядова к самой разделительной полосе. Пускай он ездит туда-сюда в метре-двух от территории Центра. И приготовьте оператора!

— Готов, господин полковник.

— Приступайте.

Это было тонкое место. Где тонко, там, глядишь, и порвется. Но комбриг хорошо изучил психологию условного противника. Горячие боевики Аравийской лиги, разумеется, не утерпели. Пули и снаряды малого калибра чуть ли не в первую же минуту обрушились на броню танка, беззвучно высекая снопы искр... Полетела во все стороны ледяная крошка.

— Снимаете?

— Сняли, господин полковник.

— Отлично! Связь с личным со... с гражданами моей республики, немедленно! Есть? Включаем.

Теперь в голосе комбрига слышался справедливый гнев:

— Свободные люди! Против нас совершен беспрецедентный акт агрессии. Захватчик применил оружие по вашим боевым товарищам. Так ответим ударом на удар! Объявляю боевую тревогу во всем государстве. Готовность ноль!

Республике понадобилось не более четверти часа, чтобы изготовиться к тактической операции...

— Поднимите мне знамя!

— Так точно.

На мониторах во всех боевых машинах появился рисунок, двадцать минут назад созданный бригадным живописцем Владимиром Станкунасом: двуглавый коронованный медведь с серпом и молотом в лапах. Ниже Станкунас расположил надпись: «Vivat Novaya Evropa».

— Так. Ну, поехали!

Взлетели бронеамфибии.

Вслед за ними, обгоняя транспортеры, пошли в атаку штурмовые танки. Танки русско-европейского производства...

За тяжелый танк типа «Водомерка» военный конструктор Константин Залесский получил государственную премию сразу после ходовых испытаний. В профиль «Водомерка» напоминает колоссальный чемодан на восьми длинных тонких лапках. Каждая такая «лапка» выбрасывает бур и закрепляется на льду наподобие штопора, который можно вытащить из бутылки только вместе с пробкой. Анфас танк фамильно похож на разъяренного богомола... только размером с дом. И он никогда не страдал от какого-либо типа отдачи. Потому что в момент открытия огня пневматика «Водомерки» выбрасывает строго вверх артиллерийский комплекс, состоящий одновременно из пускового механизма, электронного «наводчика» и заряда (или зарядов). В условиях мизерной силы тяжести арткомплекс медленно-медленно добирается до верхней точки

траектории полета, а потом ничуть не быстрее падает на поверхность. И все это время арткомплекс может не переставая лупить по цели, время от времени корректируя наводку... Когда у Залесского спросили: «А как же борьба за живучесть? Ведь это чудовищно большая цель!» — он ответил, ничуть не смутившись: «Для высокоточного оружия все равно, что надо поразить — письменный стол или проспект. Моя «Водомерка» борется за живучесть, уничтожая всех, кто может ей угрожать». Действительно, танк несет около четырехсот арткомплексов.

...И сейчас по Международному Центру Юпитерологии проходил один вал огня за другим. Боевики вяло отстреливались, но куда большую надежду возлагали на убежища. Контракт — хорошо, а жизнь лучше.

«Вот это и называется порядочная огневая поддержка, — заметил про себя Шматов, — в конце концов, что это за война такая, когда убивают твоих солдат!»

Комбриг велел прекратить бомбардировку Центра. Десант вышел из транспортеров, демонстрируя готовность к атаке. Центр нагло огрызнулся несколькими вспышками.

«Мало им».

Полковник велел повторить огневой удар.

И еще раз.

И еще.

И еще.

Больше, кажется, никто не шевелится?

Только после этого он приказал пехоте занять развалины Центра и подготовить их к уничтожению.

Пламя взрыва расцветило лед всеми цветами радуги. Необыкновенно красивое зрелище!

...Когда полковнику доложили о потерях в живой силе и технике, о пленных и трофеях, он удовлетворенно покачал головой:

— Ведь можем, когда припрет. Сорок три минуты на все — и ни одного убитого. Глядишь, в учебники войдем... Господин майор, готовьте «отходной» текст, утвердите у меня и разошлите по тем же адресатам. Республика сворачивается.

Михайлович удовлетворенно заулыбался...

В последнем публичном выступлении перед согражданами пожизненный монарх заявил:

— Свободные люди! Наше отделение от Русской Европы оказалось исторической ошибкой. Теперь мы стремимся к мирному воссоединению. Конфронтация прошло-

го, значит, забыта. Если никто не против, я объявляю республику закрытой. Протесты принимаются в течение пяти минут. Время пошло.

Протестов не поступило.

— Благодарю всех за проявленную отвагу, сознательность и слаженность действий. Отменяю все, кроме полевого устава. Правительство Русской Европы только что сообщило: сепаратизм нам прощается. Ради, значит, мира на планетоиде нам даже вернули гражданство, а также старые звания и должности. Бригада поставлена на довольствие. Если кто не понял, я разъясню: неграждане государства не отвечают за деяния, совершенные ими, пока они были гражданами. Можете спать спокойно. Все, кроме сержанта Лядова...

Вручая полковнику Шматову Суворовский крест в неофициальной обстановке, премьер с некоторой иронией поинтересовался:

— Говорят, вы, комбриг, обещали выдать новую конституцию за сорок восемь часов... А если бы это действительно потребовалось?

— Не сомневайтесь, господин гражданский консул, не подвел бы.

— А... скажем, за двадцать четыре часа?

— Твердо обещать не могу. Вот если бы вы спросили меня об этом, когда я ходил еще в лейтенантах...

Дмитрий Воронин

ЧЕМПИОНКА

Анна Кротова заканчивала свое выступление. До конца оставались считанные секунды, и Роберт Ротби уже не смотрел на площадку — все было ясно и так. Поэтому, когда дружно вставший стадион приветствовал бурными овациями замершую гимнастку, он лишь вяло хлопнул несколько раз в ладоши, больше отдавая должное традиции, чем восхищаясь мастерством этой русской девчонки.

На табло вспыхнули оценки жюри... Ротби равнодушно бросил взгляд на ряд «десяток» и слегка скривился. Судья из Германии поставила 9,8 — это можно было ожидать, она всегда занижала русским оценки... Но итог все равно предрешен — его Эсти наверняка не сможет достичь такого результата. И уж тем более — его превзойти. Уж он-то лучше всех знал возможности своей воспитанницы.

Овации все еще не смолкают. Эта русская уже в который раз получает практически высший балл — и где только они таких самородков находят. Правда, сейчас девочек начинают готовить к гимнастической карьере уже с шестимесячного возраста, но ведь дело еще и в наследственности. Что бы там ни говорили о русской безалаберности, но их бескрайние леса все еще обеспечивают, по крайней мере часть населения, относительно чистым воздухом и более-менее экологически чистыми продуктами. Отсюда и результаты.

Табло проинформировало о следующей участнице. Юная аргентинка выбежала на поле и замерла в ожидании музыки. С места Ротби была отлично видна ее поза — ему пришлось в голову, что нормальный, не «выращенный» специально для

этой цели человек, приняв такое положение, уже сломал бы себе позвоночник. В трех местах...

Тереса начала танец. Отрешенно наблюдая за ее пластикой, Ротби мимоходом отмечал про себя недостатки гимнастики. Его многолетний опыт позволял с уверенностью заявить, что девочку начали тренировать в год, а то и в полтора — нет уже у нее той змеиной гибкости, которую только что продемонстрировала эта русская, Анна... Конечно, тренер аргентинки добился многого, даже очень — но просчеты все равно были видны. И пожалуй, девочка уже старовата для Олимпийских игр, десять лет — не шутка, еще три-четыре года, и неизбежные побочные эффекты тренировок превратят ее в полупарализованную развалину. Ну, может, она выступит на следующих играх... если повезет. Но показать что-нибудь мало-мальски значительное не сможет, артрит не позволит. Сейчас — ее последний шанс, вряд ли она вообще доживет хотя бы до двадцати, редко такое случается с гимнастками. Не зря кто-то из острых на язык журналистов назвал этих спортсменов «свечками» — они сияют ярко, но сгорают быстро.

Выступление наконец закончилось. Тереса получила свою долю аплодисментов — довольно небольшую долю, в сравнении с предыдущей спортсменкой. И оценки были куда скромнее, пожалуй, даже бронза ей не светит.

— Ну что, Роб, кажется, Эсти имеет шансы?

Ротби с болезненной гримасой повернулся к своему соседу. Дейл Заг, его давний партнер и даже в какой-то степени друг, неторопливо сосал пиво, развалившись в кресле. В настоящее время Заг вызывал у своего шефа исключительно раздражение.

— Какой, к дьяволу, шанс? — резко бросил Роберт, окидывая толстяка презрительным взглядом. — Эта русская сука получит золото, готов поставить что угодно...

— Конечно, получит... — примирительно взмахнул руками Заг, пролив пиво на дорогой спортивный костюм, смотревшийся на его толстой туше по крайней мере дико. — Я не о том. Бронза-то наверняка будет нашей. Брось, Роб, это тоже неплохо, в конце концов, это первое наше выступление. И все еще впереди.

— До тех пор, пока Болотин находит таких вот... — Роб с некоторым трудом удержал готовое сорваться с языка слово, — таких девок, нам ничего не светит. Мы никогда не сможем достичь такой гибкости и точности движений, по крайней мере — не с нынешними методами.

— Придумаем новые, — пожал плечами Заг.
По табло побежали новые строки...

— А теперь, уважаемые болельщики, вы увидите событие, которое запомните навсегда. На нашей Олимпиаде, впервые в мировой истории, к соревнованиям допущен робот...

— Позволь перебить тебя, Стив, скорее, роботесса...

— О да, конечно! Итак, сейчас свое мастерство покажет нам роботесса Эсти Эйч, продукт новейших технологий концерна «Ротби Инк». Вот она выходит на площадку... Как ты думаешь, Билл, насколько правомерно допускать роботов... о, прости, роботесс к спортивным состязаниям?

— Ну, Стив, я бы сказал, что это вполне законно. Прецедент был создан, насколько я помню, еще в конце двадцатого века, когда компьютеры впервые приняли участие в шахматных турнирах.

— Согласен, Билл! И все же можно ли сравнить человека и машину?

— Стоит ли загадывать, Стив? Думаю, наше авторитетное жюри вскоре скажет свое слово. А пока...

— О, выступление началось! Обратите внимание, дамы и господа, какая отточенность движений Эсти, какая точность!

— И тем не менее, Стив, я позволю себе заметить, что ее танцу чего-то не хватает. Думаю, наши зрители тоже смогут заметить некую... бездуховность танца. Нет жизни, порыва — лишь заложенные в программу действия. Впрочем, это лишь мое мнение.

— И оно не совпадает с моим, Билл. Смотри, как великолепно она движется. Мне кажется, что эта... м-м... девочка вполне достойна высшей похвалы. Конечно, выступление Кротовой вне конкуренции, но если Эсти не получит бронзы, я первый обвиню судей в шовинизме... О господи!

— Стив, она...

— Да, Билл, с ней что-то не в порядке! О, нога! У нее, похоже, вышел из строя коленный сустав! Но она продолжает выступление, господа болельщики, продолжает! Какая воля к победе!

— Звучат финальные аккорды, и мы со Стивом, как и вы, уважаемые поклонники художественной гимнастики, с нетерпением ждем оценок жюри.

Когда в коленном шарнире Эсти лопнул маслопровод, этого не заметил никто, даже сам Ротби. Плавность

движений машины не изменилась ни на йоту, и лишь ноутбук на коленях Роберта, непосредственно контролирующий состояние систем Эсти, выдал сигнал тревоги.

— Может, прекратить выступление? — неуверенно спросил Заг, заранее уверенный в ответе.

— Нет, — резко бросил тренер, пальцы которого замелькали над клавишами, передавая роботу команды. — Она будет продолжать.

— Колено не выдержит, — с сожалением вздохнул Заг. — Без масляной пропитки продержится всего несколько секунд.

— Надеюсь, ты, как всегда, излишне пессимистичен, — хмыкнул Роберт. — Эсти осталось полминуты, всего тридцать секунд...

Заг пожал плечами и отвернулся. Когда вопрос конструкции робота, входящий в общем-то в его компетенцию, поднимался им на любом совещании, шеф попросту затыкал ему рот. Предельная облегченность, даже в ущерб надежности — вот девиз Ротби, который сейчас и приводит к этим, прямо скажем, плачевным результатам. Конечно, там, на совещаниях, Заг уступал — и не только потому, что шеф, как говорится, всегда прав. В конце концов, выступление длится полторы минуты, а потом Эсти может хоть рассыпаться на части — это никого особо не трогало. Но он слишком хорошо знал, насколько облегчена конструкция, поэтому никаких иллюзий не питал. Колено выдержит максимум пятнадцать — двадцать секунд, а потом...

Компьютер выплюнул на экран очередную порцию паники, но Роберт проигнорировал вопли диагностической системы. Эсти продолжала выступление. Лишенный масляной защиты, коленный сустав стремительно разрушался, пока наконец не вышел из строя полностью. Нога вывернулась под неестественным углом, но Эсти, казалось, даже этого не заметила, ее мозг, поощряемый командами тренера, лишь сменил программу на более щадящую. И это сразу бросилось в глаза всем — и зрителям, и комментаторам, и, конечно, жюри. На лбу Ротби выступили капли пота, он с дрожью ждал последних тактов музыки... надеясь на чудо.

Чудес не бывает — гласит народная мудрость, которая в эти мгновения нашла свое очередное подтверждение. Буквально за несколько секунд до конца выступления сустав окончательно развалился, колено надломилось, лопнула искусственная кожа, исторгнув на ковер фонтан гидравлической жидкости.

Робот, потеряв равновесие, упал на спину — диагностическая система, оценив разрушение, отключила двигатели. «Девочка» со сломанной ногой неподвижно замерла...

— Никогда робот не сможет превзойти человека!

Ротби метался по кабинету, как разъяренный тигр. Заг, разваливаясь в кресле, меланхолично сопровождал шефа взглядом. За его спиной здоровенный, на полстены, экран показывал лабораторию — техники разбирали сустав робота.

— Это ты уговорил меня, негодяй! Ты... миллионы вложены в этот проект, и что? Судьи вообще не стали ставить оценки, бог мой, какой позор!

— Не нервничай, босс. На следующей Олимпиаде мы все наверстаем.

— И это говоришь мне ты? Кто утверждал, что никто не сможет сравниться с этой моделью? И что мы видим? Сопливая девчонка берет золото, а твою Эсти сейчас разбирают на запчасти... Спорт удел человека, пора бы тебе это понять.

— Человек... — криво усмехнулся Заг. — Ни один человек, я имею в виду Homo Sapiens, не способен на то, что делают эти девчонки. Они давно уже не люди, они специально выращены для этого. Как индеек выращивают на мясо, так и этих... «девочек» выращивают для спорта. Одноразовый товар, свечки...

— Они люди. Ты сам знаешь, что в двадцатом веке возможности для совершенствования своего организма гимнастки исчерпали полностью. Не помогали даже допинги, после того как их официально разрешили. Теперь, чтобы достигать новых высот, надо идти другими путями. Хирургия, может даже генетика...

— Что и доказывает мои слова. Эта твоя хваленая Анна не более человек, чем наша ST-8. Только что Эсти состоит из пластика и металла, а эта чемпионка — из кожи и костей.

Ротби с силой ударил кулаком по столу, его лицо пылало от уже не сдерживаемой злости.

— Все! Я сворачиваю программу! Твои железки ни на что не годны. Оставь спорт людям и впредь конструируй... официантов...

— Что ж, Анечка, ты молодец... Я не побоюсь этого слова, ты просто чудо. Честно признаться, я ожидал успеха, плох тот тренер, что не верит в свою подопечную, но я и не думал, что твой взлет будет столь головокружителен...

Болотин задумчиво крутил в руках золотую медаль, нетопливо пропуская голубую ленту между пальцами. Он надолго замолчал...

Семь лет принесли успех. Семь лет непрерывной, изматывающей работы, тренировок, детального изучения всех нюансов выступлений прежних чемпионок. Анна отработывала каждый элемент своего выступления сотни раз, пока не достигла именно того, что он хотел увидеть.

Объявление о том, что в составе американской сборной будет выступать робот, модель ST-8 компании Ротби, его порядком обеспокоило. Прежде всего тем, что впервые машина была официально допущена к соревнованиям. Ничего хорошего этой Эсти не светило, даже не произойди у нее поломка. Болотину было хорошо известно возмущение членов жюри, и он был совершенно убежден, что никто из них никогда не поставил бы этой бездушной железке высший балл. Ротби допустил одну ошибку — люди не любят, когда машины их столь явно превосходят.

Так что поломка пришлась весьма кстати. Все еще раз осознали, что машина не сможет сравниться с человеком, зато его Анна предстала во всем своем блеске.

Да, эта Олимпиада сделала его известным и, чего уж там, богатым человеком. На такое не жаль положить годы труда. Но жизнь не останавливается, и впереди — новые вершины, которых надо достичь.

Болотин задумчиво посмотрел на молча сидящую в кресле Аню.

— Но нам с тобой еще работать и работать... — задумчиво продолжил он, продолжая ласкать пальцами медаль. — Пожалуй, пару недель мы отдохнем, за тобой понаблюдают специалисты, а потом, пожалуй, возобновим тренировки. Думаю, что через четыре года ты...

Он снова внимательно посмотрел на девочку. Да, через четыре года... Сейчас вряд ли хоть одна гимнастка рискнет выйти на площадку в одиннадцать лет, во всяком случае, на Олимпиаде слишком мало шансов. Это, пожалуй, даже сможет оказать психическое давление на жюри, они просто привыкли к семивосьмилетним спортсменкам. Еще бы, уже к десяти годам в организме начинают накапливаться побочные эффекты генетических воздействий.

Может, широкой публике это и неизвестно, но опытные тренеры знают, что самые лучшие результаты дос-

тигаются только так: генное конструирование позволяет достигать идеальных способностей. Ну а последствия... Спорт не должен стоять на месте, а значит, для победы можно использовать любые способы. Цель оправдывает средства.

Кто-то, кажется, утверждает, что возможности человека исчерпаны... В чем-то они, безусловно, правы.

— Как ты думаешь, девочка, мы ведь победим, верно?

Анна не ответила. При создании организма девочки головные связки попали в перечень органов, которые не были сочтены необходимыми для будущей звезды гимнастики. Зубы и язык, обоняние, кишечный тракт, половые органы — все это рудименты. Капельница с витаминизированной глюкозой вполне обеспечит ее питательными веществами, а до секса она все равно не доживет.

Что там говорят журналисты? Что современная гимнастка — уже не человек, по крайней мере не Homo Sapiens? Что ж, возможно... Но они, эти девочки, становятся чемпионками.

И они все же люди... ну или почти люди... Свечки.

Homo Sportus.

Наталья Точильникова

ДУХ ОГНЯ

Антуан д'Эль, студент Парижского университета, возвращался от позорного столба рынка, что на Круа дю Трауар — перекрестке улиц Сент-Оноре и д'Арбр Сек. Там должны были повесить какого-то вора, который был к тому же поэтом. Но он написал оду в честь короля и был помилован. Как его звали? Кажется, Франсуа Вийон. Антуан был очень разочарован и в сердцах проклинал хитрость рифмоплетов и чувствительность августейших особ. Нет, наш герой не был жесток, и вид чужой смерти вовсе не доставлял ему удовольствия. Просто он был ученым и мечтал постичь тайну жизни и смерти. А как еще понять, чем отличается одно от другого, если не наблюдать за агониями осужденных, отбросив отвращение и ужас? Антуан занимался алхимией и медициной. Его комната, которую он снимал в дешевой гостинице на улице Фуар, была завалена толстенными фолиантами, заставлена пробирками, колбами и пузырьками с химическими препаратами. Он мечтал создать гомункулуса, но его творения всякий раз оставались мертвы.

Антуан вошел в гостиницу и встретил неприязненный взгляд хозяйки. Нет, он был тихим постояльцем, аккуратно вносил плату и даже не участвовал в чересчур веселых студенческих пирушках. Но занятия этого студента казались хозяйке крайне подозрительными, и нельзя сказать, что она была так уж неправа. С предыдущего постоянного двора наш школяр был с позором изгнан после неудачи очередного эксперимента по оживлению гомункулуса. Неизвестно, что уж там взорвалось, но взорвалось, и половины крыла дома как не бывало. Так что Антуан быстренько собрал те из своих вещей, что чудом остались целы после пожара, и недолго думая покинул зло-

получный постоянный двор, пока хозяин не догадался позвать полицию.

Мсье д'Эль опустил глаза под взглядом хозяйки и решительно поднялся на второй этаж. Войдя в свою комнату, он задумчиво посмотрел на большой стеклянный сосуд с неприятного вида серой слизью. Очередное искусственное существо упорно не хотело оживать. Вдруг нашего алхимика осенила несомненно гениальная идея. «Да! Именно так! — воодушевленно подумал он. — Как это я раньше не догадался!» И он подошел к своим пробиркам и с трепетом и надеждой дрожащими руками слил вместе содержимое двух из них. Смесь вспыхнула, зашипела, и над пробиркой вырос высокий и острый язык пламени. Антуан героически подавил в себе желание отбросить пробирку подальше от себя и аккуратно вернул ее в держатель. Язык пламени вырос еще, заколебался и принял очертания, отдаленно напоминающие человеческие.

— Я к твоим услугам, Антуан д'Эль, величайший из алхимиков, — сказал огонь и поклонился. Или, может быть, это ветер влетел в окно и качнул пламя.

— Как! Неужели я наконец создал живое? — прошептал ошеломленный студент.

— Нет, — с явной иронией возразил язык пламени. — Ты только смог вызвать меня. Я существовал всегда. Я Дух Огня.

— Я думал, что духи огня — саламандры, — осторожно возразил Антуан.

— Много ты понимаешь! Я пришел, чтобы помочь тебе. Что ты хочешь оживить? Вон ту гадость? — И Дух Огня кивнул в сторону слизистой заготовки гомункулуса.

— Да-а. Хотя бы, — неуверенно согласился Антуан.

— Ну так смотри!

Дух Огня вытянулся, оторвался от пробирки, взлетел над рабочим столом Антуана и самоотверженно нырнул в отвратительную слизь гомункулуса.

Через минуту там что-то зашевелилось, и над стеклянным чаном показалось что-то мокрое и бесформенное. Оно медленно перевалилось через край, неуклюже перебирая лапами-отростками, грузно упало на пол и, вероятно от избытка сыновних чувств и благодарности к творцу, поползло по направлению к своему создателю, оставляя на полу вонючий мокрый след. Антуан отступил на шаг:

— Эй! Что ты мне оживил?

— То, что ты создал.

Дух Огня беззаботно висел над отвратительным монстром и явно посмеивался.

— Верни! Верни его обратно! Немедленно!

— Хорошо, — сразу согласился Дух Огня, и гомункулус лениво отправился в обратный путь.

Студиозус печально смотрел ему вслед.

— Это не мое творение. Ты дал ему жизнь, и только тебе он послушен.

— Я могу поделиться с тобой своим даром, — ответил Дух Огня и подмигнул. А может быть, это случайная искра нарушила спокойствие пламени.

— И тогда я сам смогу оживлять свои творения? — недоверчиво спросил студент.

— Конечно. Но я потребую платы.

Антуан нахмурился.

— Успокойся. Не твою душу. Поверь, она мне совершенно ни к чему. Мне нужно твоё тело. Да и то только ночью. Днём оно будет принадлежать тебе. И лишь после того, как угаснет последний луч заката и стугнутся вечерние сумерки, я буду вселяться в тебя. Но ты ничего не заметишь. Это будет лишь сон, который ты забудешь сразу, как только проснешься.

— Зачем тебе это? — настороженно спросил наш алхимик.

— Не все ли тебе равно? У меня есть дела на земле, а люди слушают только людей и доверяют только людям. Мне нужно человеческое тело.

Антуан задумался. Предложение было страшным, но заманчивым.

— Я вижу, ты колеблешься, — сочувственно проговорил Дух Огня. — Это естественно. Что ж, я дам тебе время на размышление. Думай до завтрашнего вечера. Тогда я снова прилечу к тебе, и если ты решишь согласиться, мы пойдем в одно место и совершим обряд, подтверждающий наш договор.

И Дух Огня исчез, оставив Антуана мучиться страхом и сомнениями.

Весь следующий день наш студент не находил себе места. Но к вечеру он понял, что решился. Власть над жизнью и смертью была его навязчивой идеей, его прекрасной и сокровеннейшей мечтой, и он не мог от нее отказаться, какой бы платы ни потребовал от него таинственный Дух.

Опустилась вечерняя тьма, и Дух Огня вновь появился перед ним, подобный отблеску далекого пожара.

— Ну что? Ты готов? — спросил он студента так, словно заранее знал ответ.

Антуан медленно кивнул.

— Тогда следуй за мной.

И они покинули гостиницу и пошли по темным парижским улицам. Дух огня плыл впереди, становясь все больше, но бледнее, и вот он уже достиг нормального человеческого роста и стал полупрозрачен, как привидение. Он как будто специально выбирал самые глухие места, и вскоре нашему студенту стало сильно не по себе. Он уже не узнавал города.

— А что это за место? — шепотом спросил он.

— Увидишь, — кратко ответило привидение.

Они повернули на следующую улицу, которая, казалось, была еще темнее предыдущей, и перед ними вырос огромный готический собор, подобный провалу тьмы на фоне более светлого, усыпанного звездами неба. Нет, это был не Нотр-Дам. Антуан не помнил этого собора.

— Где мы? — еще тише с трепетом спросил он своего проводника.

— Мы пришли.

Несмотря на поздний час, ворота собора почему-то оставались открыты, и наши герои поднялись по невысокой лестнице и вошли в храм.

Здесь было еще темнее, чем на улице.

— Может быть, зажечь свечу? — прошептал студент.

— Не стоит, — ответил призрак и стал намного ярче.

В этом трепещущем свете Антуан смог разглядеть высокие своды собора, полутемные росписи, фигуры святых, скульптуру Мадонны и огромную звезду Давида, выложенную на полу каменной мозаикой.

— Это символ Вселенной, — сказал Дух Огня. — Он нам понадобится.

И язык огня качнулся к золотой решетке возле алтаря и коснулся одного из ее прутьев.

— Подойди сюда и возьми это! — властно сказал он Антуану.

— Взять? Это? — удивился студент, но покорился и подошел к решетке. Прут подался сразу и без усилий, и через мгновение Антуан понял, что держит в руке длинное золотое копье.

— Теперь слушай, что ты должен делать, — проговорил Дух. — Встань в центр Маген-Довида и вонзи в него золотое копье со словами: «То, что было огнем, — стань

огнем!» Тогда ты станешь тем, что ты есть, освободив свою душу, и тогда мы сможем объединить свои сущности.

— Pater noster, qui es in caelis... — одними губами прошептал Антуан, где-то в глубине души понимая, что в такой ситуации это, вероятно, надо читать наоборот, с конца к началу.

— Не поможет, — усмехнулся Дух. — Ни так, ни этак. Иди же! Или ты передумал?

И Антуан сам не заметил, как оказался в центре звезды. Уже почти не сознавая, что делает, он с силой вонзил золотое копье в каменную плоть пола, и столб огня вырвался из свежей раны собора и устремился ввысь под его темные своды. Раздался грохот и звук падающих камней — это взорвался купол и разлетелся вдребезги, открыв неровный лоскут усыпанного звездами неба.

Антуан посмотрел на свою руку и ужаснулся. Она больше не была рукой. Это был язык пламени. Бывший студент понял, что стал огнем, так же, как тот Дух, что привел его сюда.

— Теперь мы почти равны, — торжественно сказал Дух Огня, взял с алтаря причастную чашу и слегка пригубил ее. — Подожди!

Антуан повиновался.

— Пей! — приказал Дух и протянул ему чашу.

— Отсюда? — с ужасом спросил алхимик. — Там кровь?

— Нет. Возьми!

В чаше не было крови. Там был огонь. Живой и ослепительный, он бился о ее золотые стенки, как плененный зверь. Антуан набрался мужества и отпил из чаши. Но пламя не обожгло ему ни губ, ни горла, ведь он и сам был огнем. И в тот же миг, как огонь вошел в него, Антуан вновь стал человеком, и его плоть стала обычной плотью.

— Теперь ты сможешь оживлять мертвое, — сказал Дух Огня, который остался Духом Огня. — Надо только сказать: «Именем Несущего Свет!»

Алхимик посмотрел вокруг:

— Позволь, я попробую.

— Я не волен позволять или запрещать тебе. Теперь ты решаешь сам.

Взгляд Антуана упал на скульптуру Мадонны, и наш студент недолго думая повернулся к ней, гордо и властно посмотрел в лицо Марии и проговорил:

— Именем Несущего Свет, оживи!

Фигура мадонны встрепенулась, подняла голову, посмотрела на Антуана и, разняв руки, сложенные в молитвенном жесте, простерла их к нему. Кажется, ее губы уже приоткрылись, чтобы что-то сказать, но Антуан остановил ее:

— Не надо! — вскричал он. — Остановись! Именем Несущего Свет!

И фигура вновь замерла, так и оставшись с простертыми вперед руками.

— Не стоит оживлять Христа, Мадонну и Святых, — назидательно проговорил Дух Огня. — К тому же ведь это не твои творения.

— Я должен сейчас отдать тебе свое тело? — обреченно спросил Антуан.

— Нет. Со следующей ночи. А сейчас можешь возвращаться в свою гостиницу.

Близился рассвет, и, не более получаса проплутав по незнакомым улицам, Антуан неожиданно вылетел прямо на Гревскую площадь. Этот факт показался ему не слишком хорошим предзнаменованием, но зато отсюда не составляло труда найти дорогу к дому. Наш студент чувствовал себя совершенно бессиленным после треволнений этой ночи и, придя домой, не раздеваясь упал на кровать и немедленно заснул.

Прошло около месяца. Но и этого времени с избытком хватило, чтобы по городу поползли странные слухи о колдуне с улицы Фуар.

— Он сделал восковую куклу человеческого роста и оживил ее, — нервным шепотом рассказывала хозяйка гостиницы торговкам на рынке, у которых закупала еду к ужину для постояльцев. — Теперь эта кукла ему прислуживает и везде за ним ходит, почти как человек. Издалека посмотришь — и не отличишь от человека. А еще у нас возле лестницы висит большая кабанья голова. Так вот, этот мсье только посмотрел на нее, и она раскрыла пасть и оскалила зубы. Мой муж это видел. Точно так и было.

Служанка трактирщицы стояла рядом с огромной корзиной для продуктов и преданно кивала.

— А он точно был трезв, твой муж? — недоверчиво осведомилась торговка.

Хозяйкин муж был человеком тихим, незаметным и явно под каблуком у жены. Особого пьянства за ним тоже не числилось, так что трактирщица даже оскорбилась:

— Если и выпил — то уж не так, чтоб мерещилось! Не то что твой благоверный!

Но оставим этих достойных дам выяснять отношения и вернемся к нашему алхимику. А он вовсе не был рад чересчур широкой огласке, которую получило его открытие, и про себя проклинал болтовню хозяйки. Ожившую восковую куклу он тоже не выставлял напоказ и то, что о ней стало известно хозяевам трактира, объяснял себе наличием многочисленных дыр, просверленных в стенах излишне любопытными постояльцами. Но Антуана волновало не только это. Да, его творения оживали, но не были независимы. Наибольшее, на что они были способны, — это четко выполнять его приказы.

— Дух Огня! — позвал Антуан. — Дух Огня! Ты обманул меня!

— Нет! — прозвучал в его голове ответ. — Твои творения живут. А я обещал тебе только это. Разве я говорил, что они будут свободными?

— Но я хочу, чтобы они были таковыми.

— А ты не боишься, что они взбунтуются против своего создателя, что они проклянут тебя?

— Пусть. Но только тогда я стану настоящим творцом.

— Это не так просто. Чтобы стать настоящим творцом, нужно умереть и возродиться снова в своем творении, отдав ему себя. Только в момент смерти, когда твоя душа вырвется на свободу, ты сможешь создать поистине живое, только если забудешь о том, что умираешь и найдешь силы думать лишь о своем творении.

— Ты предлагаешь мне самоубийство?

— Ритуальное самоубийство, — со смаком уточнил Дух Огня.

— Нет! Я люблю мир и жизнь и не собираюсь с ними расставаться ради твоей химеры. Убирайся! Я больше не хочу тебя слышать. Твое время — ночь.

— Мне что, совсем уйти? — осведомился Дух.

— Да.

— Смотри, не докричишься!

— Больно ты мне нужен!

— Ну что ж, прощай! — И голос Духа Огня надолго замолк в душе Антуана.

Но зато слухи о таинственном студенте росли и ширились, несмотря на все усилия Антуана прекратить это безобразие. Так что он не очень удивился, когда однажды

ранним утром в дверь его комнаты кто-то громко и требовательно постучал.

— Да? — ответил полусонный Антуан. — Кто там еще?

— Лейтенант полиции Пьер де ла Деор. Именем короля откройте!

Тюрьма Шатле, куда заключили нашего несчастного студизуса, была ничуть не лучше всех остальных заведений подобного рода. Маленькая камера с низким каменным сводом, охапка соломы на полу, зарешеченное окошко, в которое виден лишь крошечный кусочек неба, да и то только если достать до прутьев решетки и подтянуться на руках. Антуан в сердцах ударил кулаком по ни в чем не повинному камню стены и проклял свою доверчивость и неумеренное любопытство, не забыв, разумеется, и о лукавом Духе Огня.

Как и ожидал Антуан, его дело разбирал церковный суд, а это значит, что нашему герою грозил костер или в лучшем случае виселица на паперти Нотр-Дам, где епископ вешал своих осужденных.

— Ваше имя? — строго спросил судья.

— Антуан д'Эль.

— Мсье Пишар, вы узнаете этого человека?

Из темноты в центр зала вывели высокого худого человека, по виду студента. Вид он имел замученный и отрешенный. «Верно, какой-нибудь магистр искусств», — предположил Антуан. Никогда раньше он не встречал этого человека.

— Да, — ответил мсье Пишар. — Это он.

— Так это он возглавлял ваши нечестивые сборища? — уточнил судья.

Пишар кивнул:

— Он смеялся над рассказом о грехопадении. Он говорил, что его придумали люди, чтобы оправдать свою лень и отсутствие любознательности. Настоящим грехопадением было то, что люди объявили запретными плоды с древа познания и приписали этот запрет Богу. Тогда они убили в себе подобие Божие, потому что запретили себе творить.

— Что ты несешь? — воскликнул Антуан. — Я никогда не говорил ничего подобного! Я даже никогда тебя не видел! — Он рванулся было к клеветнику, но сильные руки стражей удержали его.

— Ты же знаешь, что я помогаю тебе, — печально проговорил Пишар. — Трудно решиться самому.

— Преступник опознан! — торжествующе объявил судья. — Уведите!

Только по пути в камеру Антуана наконец осенило. Как он не понял этого сразу. Верно, хлеб и вода и отсутствие свежего воздуха не способствуют нормальной работе мозга. Да, конечно! Дух Огня, овладевая по ночам его телом, организовал какую-то еретическую секту. И теперь Антуану ни за что не оправдаться. Все члены секты видели его и без труда опознают. «Да будь он проклят!» — прошептал наш незадачливый алхимик.

В секте оказалось человек двадцать. Все они не только во всем признались, но и с готовностью выдавали своих товарищей, почти без всякого давления со стороны следствия, так что это удивляло даже церковный суд, пока не стало известно, что в секте были в чести ритуальные самоубийства. Двое молодых людей даже совершили этот ужаснейший из грехов и наложили на себя руки. По решению церковного суда их тела были эксгумированы и повешены возле позорного столба рынка. Да и обречь на смерть единоверца считалось среди сектантов делом добрым и достойным всяческой похвалы. «Смерть — это освобождение, — считали они. — Но не каждый решится сам порвать свои путы. Помочь в этом ближнему, готовому к таинству смерти, — наш долг». У парижского суда вовсе не было намерений устраивать массовую казнь, и если бы еретики попросили о снисхождении, их бы, возможно, и помиловали, но никто из них не произнес слов покаяния, и все они были приговорены к сожжению.

По традиции, прежде чем сжечь, преступников выставили у позорного столба рынка. И Антуан стоял там вместе с теми, кого он никогда раньше не знал, но кто считали его своим вождем. Он был единственным, кто не сознался в ереси, но это не спасло его от смертного приговора. И наш бывший студент смотрел на жаждущую зрелища толпу и вспоминал себя несколько месяцев назад, когда он мечтая открыть тайну жизни и смерти, стоял в такой же толпе и ждал казни того легкомысленного поэта. «А что, если он не во всем лгал, этот Дух Огня? — неожиданно спросил себя Антуан. — Что, если попробовать. В конце концов, мне все равно нечего терять». И когда у ног его запылал костер, Антуан собрал в кулак все свои силы и думал лишь о том, что он должен сделать. Дыхание его перехватило, и на миг он увидел площадь рынка где-то далеко внизу. Потом все накрыла тьма. «Нет! — беззвучно прокричал он. — Именем Несущего Свет! То, что было огнем, — стань ог-

нем!» И столб огня взлетел в небеса и обжег землю, и Антуан почувствовал, как его обволакивают клубы густого черного дыма. «Дух обманул меня, — в отчаянье подумал он. — Это просто дым от костра». Но налетел ветер, и в слое дыма возник узкий разрыв, обнаживший далекую землю. Она была безвидна и пуста.

— Зачем ты дал им эту власть, Люцифер? Нельзя творить, не имея любви. Каждый из них лишь сотворит себе ад.

— Пусть так. Но нельзя научиться поистине любить, не став творцом, — ответил Несущий Свет, и звездный ветер качнул его огненное тело. А внизу под их ногами закручивался спиралью Млечный Путь, и двадцать новых миров расцветали на его сияющих крыльях. А эти двое все продолжали спорить, и ни один не мог победить другого, и спор этот не кончался до свершения сроков.

Роман Афанасьев

ВЕЧЕР ТЕПЛЫЙ, ВЕЧЕР ТАПЫЙ

Зеленая поляна была залита солнечным светом. Огромные деревья, в зеленом мареве листвы, стояли словно часовые, охранявшие покой тихой поляны. Он лежал на спине, в центре зеленого великолепия, уставившись невидящими глазами в бездонное синее небо, и не пытался шевелиться.

Внезапно в поле его зрения появилась прелестная женская головка — с золотыми кудряшками волос, с черными длинными ресницами, голубыми глазами и чувствительными алыми губами. На вид — девушка, даже скорее девочка, лет шестнадцати. Розовые щечки пылали утренней зарей. Она наклонилась ниже.

— Ты кто? — спросила она.

— Человек, — просто ответил Он.

— Так не бывает, — звонко рассмеялась девушка. — Какой же ты человек? Они все страшные...

Он закрыл глаза, надеясь, что мираж пропадет. Так не хотелось сходить с ума.

Его тронули за плечо, и глаза открылись сами собой. Девушка по-прежнему стояла над ним, заинтересованно разглядывая свою находку.

Он перевернулся на живот, со стоном поднялся на колени и встал, морщась от боли в пояснице.

Вокруг был лес. Настоящий сказочный лес, и он стоял посреди него на залитой солнцем поляне рядом с прекрасной девушкой, напоминавшей ангела.

— Пойдем? — прошептало это создание. — Пойдем к нашим? Какой ты забавный...

Все-таки девушка. Белоснежное платье с бретельками на загорелых плечах, венок из одуванчиков на голове, белокурые длинные волосы в мелких кудряшках.

— Ну пойдем! — Она взяла его за руку и потянула на себя.

Он вяло шагнул вперед. Ноги отказывались служить, как, впрочем, и голова. Перед глазами плавал странный туман, и память как-то пугливо пыталась скрыться за ним.

Девушка, обрадовавшись, потянула его за собой:

— Пойдем-пойдем! У нас давно новеньких не бывало!

Он покорно шагнул вперед, подчиняясь этому натиску. Его права рука была захвачена в плен нежной дамской ручкой. А вот левая почему-то противно ныла, словно он потянул связки. В этой руке была зажата какая-то тяжесть. Он опустил глаза, пытаясь рассмотреть, что там такое, и увидел автомат. Автомат! Сапоги, гимнастерка, ремень и кобура на нем... Помни! Как все это называется, он помнил! Помнил, что это автомат и зачем он нужен...

Остальное... Остальное скрывалось за темной пеленой, где-то на краю сознания. Темная туча, где-то там, далеко в голове, напряглась, в ожидании грозы. «Имя! — подумалось ему. — Какое же имя вертится у меня в голове? Кто я?»

— Кто ты? — снова спросила девушка.

«Кто я?»

— Человек, — машинально ответил Он.

Девушка снова звонко рассмеялась в ответ, и в этот момент из грозовой тучи на краю памяти ударила молния, на мгновение ослепив его. Память навалилась, подминая под себя сознание...

В углу палатки, на свернутой грязной шинели лежал человек. На китель с погонами капитана был накинут халат, бывший когда-то белым. Сейчас он приобрел багрово-коричневый цвет — цвет запекшейся крови, чужой и своей.

— Ближе, — прошептал капитан, и Он наклонился над ним.

— Как там? — спросил военный, ворочая запекшимися губами.

— Отступаем. — Ответ горький, как слеза, скатившаяся на щеку. — Отступаем, Михалыч!

— Все ушли?

— Все.

Врач умолк, прикрыв глаза. Осколок в бедре, в левой руке, в боку и еще черт знает где. Бомба. Авиационная бомба.

Налет вражеской авиации — вот как это было. Фашисты, бомбя позиции, специально выцеливая госпиталь, метились по красному кресту. Когда начался налет, в полевом госпитале шла операция. Капитан-медик Самойлов Лев Михайлович, профессиональный хирург, отнимал ногу молодому бойцу Филиппову из второго взвода. Когда стали падать бомбы, операция была в самом разгаре. Никто из врачей не ушел. Ни хирург, ни его ассистент, ни сестра Ирина, ни две санитарки.

Бомба разорвалась довольно далеко, но вот осколки, волна... Что для них стенки полевого госпиталя устроенного в большой палатке.

Одни умерли сразу, другие потом. К утру остался в живых лишь хирург.

— Отступаем мы, Михалыч, — сказал Он. — Гонят нас и в хвост и в гриву...

— Беги, — внятно произнес капитан.

— Михалыч, мы тебя на грузовик...

— Оставь, — прошептал врач. — Я-то знаю... Уматывай быстро!

— Михалыч!

— Мне остался день. В самом лучшем случае. Потом все, амба. Уходи, лейтенант. Это приказ.

— Не брошу! — Ворот тесен, дышать трудно. — Слышишь, не брошу!

— Уходи, дурак! Уводи людей! У тебя же на шее куча сопляков, ты в ответе за них! Уходи!

— А ты?

Врач прикрыл глаза.

— Там, — шепотом сказал он, — у стенки, где моя шинель. Подай кобуру.

— Зачем? Михалыч, ты что?

— Подай и уходи! Быстро, понял?

Лейтенант не шевелился. Слеза скатилась по щеке в густой лес черной щетины.

— Лейтенант! Подай кобуру и убирайся отсюда! Ну подай! Мне же больно! Больно! Подай, будь человеком!

Сквозь мокрый туман в глазах, на ощупь, Он сунул в холодную руку врача свой ТТ и, шатаясь, побрел к выходу.

— Спасибо, лейтенант, — донеслось в спину.

— Эй, не спи!

Он очнулся. Открыл глаза. Перед ним была все та же белокурая девчонка.

— Ты всегда такой молчаливый? Почему ты спишь на ходу?

— Я. Всегда... — упали слова.

— Пошли на площадь! — восторженно заявил белокурый ангел. — Там сейчас все соберутся!

Он покорно побрел за ней, подчинясь ее настойчивости.

«Странно, — думал он про себя. — Тут помню, тут не помню... Лейтенант. Это я?»

Лейтенант. Это звание. Воинское. Он воин. Человек — воин.

— Эге-гей! — взвился тоненький голосок к зеленым верхушкам. — Выходите, я новенького привела!

Лейтенант с удивлением оглянулся по сторонам. Он оказался прямо посреди деревушки. Одноэтажные ухоженные домики, затянутые зеленым вьюнком. Прямо посреди леса. Утоптанная до пыли дорога уходила за поворот. Дома. Много маленьких домиков среди деревьев.

— Идем! — дернула его девушка. — На площадь, на площадь!

Она подхватила его под руку и буквально поволокла за собой.

Площадь оказалась совсем рядом — круглая полянка, посреди которой расположился каменный фонтан. Его каменная чаша, украшенная статуэтками, была заполнена прозрачной, незамутненной водой. Тоненький султанчик воды выбивался из каменного цветка, стекал по ажурным лепесткам и попадал в водоем, выложенный белой плиткой. Лейтенант заворожено уставился на это зрелище. Красивый фонтан. Очень.

— Смотрите! — раздался звонкий голосок. — Вот он!

Лейтенант обернулся и замер. На площади былолюдно... нет, это не то слово! Да, здесь была толпа, но он не видел в ней людей!

Они были почти как он — только черные с рогами, зеленые с крыльями, розовые с длинными носами... Вот кошка, скорее, пантера на задних лапах, смотрит прямо в глаза; вот вроде человек, но с головой быка. Вот огромный мужик, выше его на голову, но весь зеленый и с огромными клыками...

Лейтенанта и девушку захлестнул многоголосый поток. Они все галдели, кричали, пищали — все это обрушилось на лейтенанта как ударная волна. Мозг отказывался воспринимать все это, ему казалось, что он спит.

«Наверно, так бывает перед смертью, — подумалось ему. — Интересно, видел ли это Михалыч?»

Лейтенанта ощупывали, толкали, щипали, передавали друг другу в лапы.

— Тише. Тише! — прорезался сквозь гомон толпы звонкий голосок. — Послушайте, что он говорит!

Толпа затихла, плотно обступив лейтенанта и девушку, что держала его за руку. Прямо рядом с ними стояли огромная кошка и тот здоровый зеленый с клыками.

— Кто ты? — снова спросила у лейтенанта девушка, весело улыбаясь.

— Человек, — твердо ответил он. — Воин.

Толпа сначала ахнула, а потом разразилась громким смехом.

— Какой же ты человек, — мурлыкнула кошка. — Они же страшилища...

— Они уроды все, — донеслось из толпы. — Идиоты.

— Ты что, — сказал зеленый с клыками. — Они выше меня и крепче будут!

— Это кровавые убийцы, кровожадные чудовища! — снова выкрикнули из толпы.

— Они носят одежды из железа, — сказала кошка. — И рубят на части всех своими огромными мечами. Они не терпят ничего живого!

— Они убивают деревья везде, где появляются, — сказала желтая пичуга.

— Они вытаптывают траву и сверху кладут камни.

— Они едят заживо наших детей!

— Они ненавидят друг друга и убивают сами себя!

— Они огромные, страшные и дышат пламенем! Это просто чудовища!

— Тише! Ти-ше! — снова крикнула девушка, и толпа сразу же успокоилась.

Теперь они пожирали глазами этого тощего, бледного, грязного и запыленного странника, назвавшегося человеком.

— Не прикидывайся, — строго сказала девочка, — кто ты такой на самом деле?

— Я человек, — упрямо ответил лейтенант, — воин.

В толпе обидно захохотали.

— Челове-е-ек, — протянул зеленый, — да ты просто, братец, самозванец!

— Простой мертвяк, — разочарованно сказала кошка, — такой же тупой и вялый...

— Ну же! — нетерпеливо топнула ногой девушка. — Посмотри, вот это кошка! Это рядом с ней Троль! Это

наш бычок, это эльфы, это дождевики. Это кентавр, за ним русалка со своими дружками орками, а ты кто?

— А ты-то сама кто? — вдруг вырвалось у лейтенанта.

— Я то. — Девушка улыбнулась и шагнула в сторону.

Внезапно на стала больше ростом, облегающее черной платье сменило ее белый сарафан. Волосы стали черными и короткими, глаза стали карими, а на щеках заиграл румянец. Лишь губы остались такими же — открытыми, нежными, манящими...

На лейтенанта теперь смотрела настоящая молодая женщина, в самом расцвете. Чернобровая красавица. —

— Я — фея, — прошептала она, вглядываясь в лейтенанта. Под ее взглядом у него на мгновение замерло сердце. — А ты кто?

— Самозванец! — рявкнуло над ухом.

Лейтенанта схватил за плечо зеленый детина и мгновенно нахлобучил на его голову колпак с бубенцами.

— Он у нас злобный человек! — провозгласил тролль. — Убийца беспощадный!

— Самозванец — взвыла толпа веселье!

Его толкнули в толпу, и она подхватила его в свои лапы, крылья, руки... Его передавали друг другу. Толкали, пинали, перебрасывались, как мячиком.

«Нет, — думал он, — наверно, я все-таки умер. И это, наверно, ад. Или рай? Что же здесь такое и кто же я? Как мое имя?»

— Принесите ему деревянный меч, — кричал кто-то в ухо, — раз он человек, пусть попытается нас убить! А мы с ним сразимся!

— Нет, не надо деревяшки, — взревел Троль, — сам себя покалечит! Несите ему батон колбасы — он помягче будет и в самый раз ему!

Лейтенант споткнулся и упал. В ту же секунду добрый десяток рук подхватили его и поставили на ноги. Толпа развлекалась.

— Какой же ты, братец, человек! Не вышел ты рожей в человеки!

— Да человек он, человек, гроза неба и земли! Ужасный убийца — неужели не видно!

Вдруг пестрая публика бросилась врассыпную с визгом и писком, оставив лейтенанта одного посреди площади. Человек-кот, стоящий на четвереньках, повернулся к лейтенанту задом и, задрав хвост, обдал «самозванца» дурно пахнущей струей. Толпа восторженно взвыла.

— Потешная, однако, шутка, — восхищенно заметил Троль.

Толпа снова закружила лейтенанта в своем бесконечном хороводе. Он только старался не падать и не выпускать из рук автомат. Он уже почти полностью отключился от происходящего. Ему казалось, что это происходит не с ним — что эта полянка очень далеко. На самом деле всего этого нет! Это лишь сон, наважденье!

Из толпы его выдернула Фея. Он прижала его к себе, словно игрушку, и погладила по голове.

— Бедненький, — сказала она, — ну что же ты так! Не переживай, ты вспомнишь, кто ты.

— Я... — только и сказал лейтенант.

— Пойдем, — она снова взяла его за руку, — пойдем домой. Помоешься с дороги, устал ведь. Да и вечер.

— Вечер, — завороченно произнес лейтенант, — вечер теплый, вечер талый, лес кусочек солнца ест...

— Пойдем, — мягко сказала Фея.

Она ласково обняла лейтенанта за плечи и повела к маленькому домику.

Он шел, автоматически переставляя ноги. В голове все кружилось и плыло. «Бред, предсмертный, наверно, бред. Так не бывает...» «Человек — так не бывает, — вспомнилось ему. — Кто я? Человек. Лейтенант. Воин. А имя, как меня зовут?»

— Не помню, как меня зовут, — пожаловался он вслух.

— Вспомнишь, — ласково сказала Фея, — вспомнишь.

В доме у нее было хорошо. В настежь открытые окна бил закат, и стены рыжели под лучами заходящего солнца.

— Иди, — сказала Фея, — в ту комнату. Там будет чан с водой, умойся.

Чан действительно в комнате был. И не просто чан — громадная ванна с водой. Лейтенант выпустил из рук автомат и залез в теплую воду прямо в одежде. Было хорошо.

Только вот что-то беспокоило его, — на самом краю сознания продолжала кружиться грозовая туча, скрывавшая в себе его память. Она все кружила и кружила... Чувствовалось приближение грозы.

Лейтенант выбрался из ванной и, пройдя к окну, повалился на роскошную кровать. Перевернулся на спину, мерзко хлопнула мокрая гимнастерка. Он поднялся, нашарил автомат и подтянул его к себе поближе. В этот момент память снова вылетела молнией из грозовой тучи, и он откинулся на спину.

— Лейтенант! — кричал он во всю глотку. — Поднимай людей! В атаку!

— Не идут! — слышалось в ответ.

— Это приказ! В атаку!

Никто не ответил.

Над головой нависло свинцовое небо. Чужое небо. Слева горел лес, справа была железнодорожная станция. Впереди город. Вдалеке. Артиллерийская канонада затихала. Фашисты прошли огненным валом по позициям нашей пехоты и ждали атаки, простреливая все поле из пулеметов.

Капитан спрыгнул в окоп и, пригнувшись, побежал по рядам. По дороге он перебирался через солдат, переползал через них и мчался дальше, не обращая внимания на проклятия и ругательства, несущиеся вслед.

Он добрался к первому окопу, свалился в него.

— Где лейтенант Дерюгин? — крикнул он в ухо бойцу, который скорчился на дне окопа.

Тот в ответ лишь махнул рукой куда-то в сторону, и капитан стал пробираться дальше. Лейтенанта Дерюгина он нашел в левом окопе, полуприсыпанным землей. Рядом радист с ожесточением дул в трубку переносной радиации и дергал за провода. Связи не было.

— Поднимай народ! — закричал капитан в ухо лейтенанту, пытаясь перекричать вой минометов. — Поднимай, сучий сын!

— Не идут! Там смерть верная!

Капитан выглянул из окопа и заорал во всю глотку:

— В атаку! Вперед! •

— Иди сам, — отозвались из ближайшей ячейки, — мы не танки, мы люди!

— Люди? — взвыл капитан. — Вы твари! Люди сейчас на правом фланге пошли в атаку и гибнут, потому что мы их не поддерживаем.

— Сам иди, — снова крикнули в ответ.

Капитан встал в полный рост и выбрался на край окопа, стараясь не слышать, как смерть визжит над его головой.

— Вперед! — крикнул он и, повернувшись, он пошел. Один.

Доставая на ходу из кобуры пистолет, он бросил быстрый взгляд назад. Из окопа поднимались бойцы, вставали в полный рост и шли за ним.

— Люди! — закричал капитан. — Люди, в атаку!

И он побежал вперед.

Сознание возвращалось постепенно. Он проснулся, сладко зевнул и тут же, очнувшись от остатков сна, зашарил руками вокруг себя в поисках автомата. Нашел. Сжал в кулаке холодный ствол, подтянул к себе. И лишь потом открыл глаза.

Утреннее солнце заливало комнату. Было светло и жарко.

Он поднялся, вчерашняя ванна стояла посреди комнаты с уже чистой водой.

Капитан подошел к ванне, перегнулся через край и окунул голову в воду. Хорошо. Он вытер лицо рукавом и, подойдя к окну, распахнул его.

За окном было шумно — где-то за углом гомонила толпа. Капитан собрался уже закрыть створки, как вдруг шум толпы перекрыл тонкий крик. Даже не крик — визг. Капитан схватил автомат и, прыгнув в распахнутое окно, бросился к площади. Он уже слышал такие крики и хорошо их помнил. Предсмертные крики.

Он вылетел на площадь как раз напротив фонтана. На площади по-прежнему было много существ. Казалось, они и не уходили. Все сгрудилось вокруг фонтана, закрывая его спинами, и громко говорили, порой даже кричали. Где-то внутри толпы раздавался звонкий голосок Феи.

Снова из центра толпы раздался визг, и капитан бросился вперед, расталкивая собравшихся. Через миг он вывалился на открытое место — площадка вокруг фонтана была свободна. Около каменного бортика в землю были вбиты два деревянных столбика. К ним были привязаны пара мохнатых существ, маленькие, едва достигающие капитану до пояса. На головах у них были маленькие рожки, хвост с кисточкой и на ногах копытца. Черти. Вернее, чертята. Около них стояли Фея и Троль.

— Ого-го, — крикнули из толпы, — а вот и самозванец. Пусть поучаствует, раз ему так хочется побыть человеком.

Фея улыбнулась ему и поманила к себе пальчиком. Капитан на негнущихся ногах сделал шаг вперед. Он с ужасом заметил, что в левой руке Фея сжимает нож с длинным узким лезвием.

— Попробуй, — сказала она, — это впечатляет.

— Вы что тут делаете? — хрипло осведомился капитан. — Зачем вы их мучаете?

— Мы? — удивился Троль. — Мы их не мучаем, мы просто развлекаемся!

Он резко нагнулся к одному из чертят и откусил кусок лохматого уха. Чертенюк снова издал пронзительный вопль.

— Ну что ты, — подхватила Фея, — мы что, люди?

Она, не договорив, присела на корточки и вонзила свой нож в плечо второму чертенку. Тот только слабо дернулся. Не обращая внимания на застывшего от ужаса капитана, Фея припала к открытой ране своими чувственными алыми губами.

— И мне! — вдруг закричали из толпы позади капитана. — И мне дайте!

Его толкнули в спину, и толпа бросилась вперед, обходя застывшего человека с двух сторон. Спины — зеленые, пупырчатые, волосатые, с крыльями и без, закрыли от взора капитана столбы с чертями. Из центра этой кучи-малы снова раздался жалобный крик одного из чертят.

— Назад, — заорал капитан, — назад!

Он вскинул автомат, на шаривая пальцем спусковой крючок, и в этот момент на него снова обрушилась вспышка памяти.

— Саня, — позвал он, трогая за плечо лежащего перед ним солдата, — Саня!

— Оставь его, Лешка, — донеслось из-за спины, — оставь.

— Нет, он живой, живой!

— Не трогай его, майор, дай ему отойти спокойно.

Майор Алексей Викторович Семгин, он же простой Лешка, поднялся и отвел взгляд от умирающего. Улица была пуста. Развалины каменных домов, перекошенные фонарные столбы. Бои за город были тяжелыми. Фрицев приходилось выбивать буквально из каждого подвала.

— Лешка, очнись, они сейчас будут выходить!

Майор вздрогнул, на шаривая свой автомат, висящий на плече.

Вот она — дверь, ведущая в подвал. Вернее, то, что от нее осталось. А там внизу — кучка немцев, забаррикадировавшихся там и притаившихся. Санька первым сунулся в этот подвал и заработал пулю.

Остальные, окружив выход, изрешетили очередями дверь, подбросили внутрь ручную гранату — итальянскую «ананаску», которая разворотила весь вход, и стали ждать.

Фрицы сдались — деваться им было некуда. Сейчас они должны были выходить.

Алексей, направив автомат на дверь, крикнул:

— Выходи! Без оружия, с поднятыми руками!

Дверь в подвал тихонько толкнули изнутри, и она просто рассыпалась в труху.

— Нихт шисн, — раздалось из темноты, — Гитлер капут!

— Давай выходи! — заорал майор. — Без оружия!

И они стали выходить. Первым шел тощий, дохлый парень, совсем еще мальчишка. В правой руке он сжимал бывший когда-то белым носовой платок. Грязные, черные как черти, давно не бриты. Шинели заляпаны пятнами сажи и жира. Это было отвратительное зрелище.

— Отвоевались падлы, — прошипел кто-то из солдат за спиной майора.

— К стене, — скомандовал Алексей, — к стене, суки!

Десять человек в грязных шинелях испуганно жались к вышербленной пулями каменной стене.

— Нихт шисн, — жалобно повторил мальчишка, — Гитлер капут!

Алексей чувствовал, как его глаза застилает алая пелена гнева. Вот. Они. Здесь. Ненавижу!

Его пальцы сами нашарили спусковой крючок, металл приятно холодила палец. Всех. Их. В клочья!

Вдруг его кто-то тронул за ногу, и Алексей резко повернулся. Никого. Вдруг снова, за ногу рукой...

— Санька! — прошептал он, нагибаясь к солдату, — Санька!

Тот открыл глаза.

— Командир, — едва слышно прошептал он, — не надо!

— Ты что, Санька, — зашептал майор, падая на колени перед солдатом, — ты о чем, Санька!

— Не стреляй, — прошептал тот, — не надо... Они же сдались.

— Ты что, Санька, ты что!

Солдат вытолкнул языком изо рта бурый сгусток и закашлялся. Брызги крови легли на щеку майора, склонившегося над умирающим.

— Не надо, майор. Они без оружия... Они же сдались...

— Суки они все, падлы!

— Командир, ты же человек... настоящий человек. Будь таким же до конца...

Голова солдата бессильно откинулась на каменную крошку от разбитой кирпичной стены.

— Отряд! — взвыл майор, распрямляясь как пружина. — Вязать! Всех вязать, сукиных детей! И назад, в тыл их!

Он вскинул автомат и в бессильной злобе выпустил в воздух длинную очередь.

При первых же выстрелах толпа бросилась врассыпную. Потом опомнились, обернулись, но было поздно. Когда магазин кончился, майор достал из кобуры трофейный парабеллум и продолжил стрельбу. Его глаза застилал алый туман гнева. Внутри все бурлило и кипело, в голове метались неясные образы... сейчас он помнил только одно — убивать.

Когда кончились патроны и туман гнева отступил, его взору предстала знакомая до боли картина. Груда окровавленных тел перед ним. Все как всегда. Стоны раненых и хрипы умирающих. Кровавая бойня.

На негнущихся ногах майор пошел вперед к ним. По дороге он подобрал нож, оброненный кем-то из толпы, и судорожно сжал его в кулаке.

Там, у самого ботика фонтана, запрокинув голову, лежала Фея. Ее черные волосы слиплись от крови, но глаза моргали, она была еще жива.

Майор наклонился над ней, присел на корточки. Белое лицо было усеяно мелкими брызгами черной крови. Ее алые губы шевельнулись, и она чуть слышно прошептала:

— Кто ты?

— Я человек, — отозвался он, — Алексей Викторович Семгин. Майор армии.

— Человек, — прошептала она, — да, ты оказался прав. Никто из нас и подумать не мог, что ты окажешься именно человеком. Чудовище.

— Да, — тихо ответил он, — я чудовище. Везде, где я появляюсь, там смерть, кровь, страдания и мука. Мы убиваем друг друга и самих себя. Мы такие, какие есть. Мы одновременно и добро и зло, мы мечемся от одного к другому, раздираемы на части своими противоречиями... Но есть грань, за которую даже самое ужасное страшилище не должно переступать. Эта грань и называется — человек. И переступивший эту грань, пусть у него две руки и две ноги и даже человеческое лицо, — уже не человек.

— Человек, — тихо повторила Фея, облизнув окровавленные губы, — человек! Ну так и убирайся обратно к себе!

Она вскинула руку, словно хотела ударить его по губам, и майор отшатнулся. Поскользнувшись в луже крови, он упал на спину и ударился затылком о каменный бортик

фонтана. Искры огненными фонтанами брызнули у него из глаз...

— Майор! Майор! Лешка! — кричали ему прямо в ухо.

Алексей вздрогнул и открыл глаза. Он лежал на усыпанной кирпичами мостовой, уткнувшись носом в сложенные локти. Прямо перед ним громоздился разбитый танк. За ним было очень удобно прятаться. Рядом с майором лежал лейтенант Тахадзе, он-то и кричал:

— Ты что, заснул, что ли! Граната! Граната нужна!

Майор мотнул головой, выбрасывая из памяти остатки странных видений, и выглянул из-за разбитой гусеницы.

Там впереди, на улице, что простреливалась со всех сторон, залегли его солдаты. Чуть выше, где улица шла в гору, нервно ворочал башней немецкий танк. Вот он дрогнул и покатиł вперед, рыгая черными клубами гари.

Чуть сбоку от него метнулись тени — вражеская пехота шла за танком. Шли не торопясь, изредка постреливая, прячась за спину железного чудовища.

— Ну! — В бок больно толкнули.

— Нет гранаты, — отозвался майор, — нету!

Тахадзе грозно засопел и отполз в сторону, примеряясь, как бы добраться до угла дома, где засел запасливый Федоров, у которого наверняка сохранилась противотанковая граната.

Семгин высунулся из-за гусеницы и навел автомат на тени, что крались за танком. Железяку, конечно, не взять, но хоть пехоту пугнуть.

Они рванули вперед. И танк, взревевший своим движком, и пехота, что пряталась за ним. Посыпались как тараканы из щели. Майор сжал цевье автомата, и вдруг в голове помутилось. Какая-то странная пелена спустилась сверху. Она давила на голову, на глаза, на руки...

«Ты же человек... — пришли откуда-то слова. — Человек...»

Немцы приближались. Майор уже различал грязные лица, открытые в крике рты. Но не стрелял. Справа ударил ручной пулемет, слева две злые автоматные очереди — это наши били по пехоте противника. А майор не стрелял. Он не мог. Палец на спусковом крючке словно окаменел. Его сковал холод. Страшный подлый неземной холод, не дававший майору спустить курок.

«Ты же человек... — крутилось в голове. — Человек...»

Перед глазами мелькнул окровавленный Михалыч, следом какие-то странные мохнатые шкуры, все в запекшейся крови. И женское лицо в страшных оспинах свежей крови. Разбитые губы черноволосой красавицы шептали: «Ты человек... человек».

— Майор, — раздалось откуда-то издалека, словно из другого мира. — Майор!

Семгин жадно глотнул горький воздух, смешанный с жирной сажой от горелой резины. Руки не слушались его. Они не хотели стрелять. Ведь он был человеком.

«Будь человеком, — всплыло в памяти, и Михалыч словно живой встал перед ним. Вот только он был в окровавленном халате с развороченным выстрелом правым виском. — Будь человеком, будь...»

И Семгин закричал. Страшно, надрывно, стараясь выплеснуть всю свою боль, накопившуюся внутри.

— Я человек, — кричал он, — я, черт возьми, человек! Чудовище, сеющее смерть во имя смерти! Я создан для того, чтобы убивать таких же других чудовищ, что стоят напротив меня! И я буду их убивать, пока не придет кто-то лучше меня и их. Я жду твоего пришествия, Лучший! Ты будешь чистым и белым, всеблагим и прощающим. Святым! А я человек, просто человек!

Руки сжались в судороге, мучительная боль скользнула между пальцев и впилась в ладонь, заставляя истерзанные мышцы кричать. Но рука сжалась. Автомат выплюнул короткую очередь. Потом вторую. Серые тени впереди бросились прятаться за камнями. А майор стрелял. Стрелял потому, что не был святым и лучшим. Он был просто человеком.

Екатерина Некрасова

ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Сказка пьяного геймера

*Посвящается Эми Ольшев
и персонажам компьютерной игры
«Final Fantasy VII»*

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ...

«...новое поколение компьютерных игр. Одним из главных достоинств обсуждаемой игры является ее вариативность. В зависимости от действий главного героя (то есть ваших) варьируется поведение всех остальных персонажей и, соответственно, сюжет — разумеется, в весьма ограниченных пределах...»

Из рекламной статьи

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

(Рядом с клавиатурой стояла мятая голубая банка. Грейпфрутовый джин; на экране монитора разворачивалась трехмерная картинка. Хрустальные колонны храма. У входа в храм маячила человеческая фигурка. За спиной — меч в ножнах, рукоятка торчит над правым плечом. Желтые волосы точком, как у панка. Геймер вздохнул и нажал на кнопку со стрелкой. Фигурка пошла.)

© Е. Некрасова, 2002.

...Колонны упирались в небо. Вместо неба был мозаичный глаз на потолке — продолговатый, с черным провалом зрачка. В храме не было стен — солнце преломлялось в хрустале колонн, и по плитам пола тянулись длинные блики, разбитые на цвета спектра.

— Это я, — задрав голову, весело сказал пришелец в черный зрачок.

(...Весь экран заняло закинутае лицо. Молодое. Желтые волосы, синие глаза, царапина на скуле... Персонаж компьютерной «стрелялки» — великолепная трехмерная графика, возможность голосовых команд... Геймер вздохнул снова. Разгладил на столе инструкцию с текстом роли и нагнулся к микрофону.)

— ...Ты, — сказал Голос.

Ниоткуда и отовсюду. И негромкий вроде бы голос — но, наверно, от него должна была бы стечь в жилах кровь.

— Я, — повторил тот, что стоял улыбаясь — руки в карманы. — Привет, Оракул.

Вздок грянул. Наверно, он должен был бы отдаться гулким эхом — но в храме не было стен. Только колонны.

— Ты, — повторил Голос. — Ты пришел, чтобы узнать свою судьбу. Ты прошел... э-э-э...

Тот, что стоял внизу, ухмылялся. Ему вдруг показалось, что Оракулу все надоело. Что он повторяет сказанное в сотый раз; что вся слава этого места — дурацкие сплетни и зря он пове-рил-таки и приперся, зря, зря...

— ...Ты прошел через пустыню. Ты пересек океан. Тебе предстоит пройти через Синие горы и Ржавые болота... — Голос закашлялся. По ногам тянуло сквозняком. — Болота непроходимы, а Синие горы населены чудовищами. Но ты пройдешь.

Тот, что слушал, усмехался, даже не пытаясь изобразить почтение. Конечно, пройду. Тоже мне, удивил. А через что я прошел, я и без тебя знаю...

— У тебя есть девушка. Вот она...

...Карие глаза. Темные волосы. Короткая юбка и грубые ботинки. И сбившиеся гармошкой носки. Вот она идет — рядом...

— Она будет ждать тебя в твоём родном городе, но твой враг сожжет твой родной город...

Слова упали, как камни в воду — без возврата. Оракул не ошибается — в этом сходились все, во всех кабаках на перекрестках всех дорог. Оракул знает будущее; Оракул ви-

дит будущее; Оракул может менять будущее. Иногда — очень редко — Оракул исполняет желания...

ОРАКУЛ НЕ ОШИБАЕТСЯ. Значит...

— Что?.. — растерянно спросил тот, кто все еще улыбался.

— Твой враг сожжет твой родной город. Но твоя девушка уцелеет...

Радость. Мгновенная. Облегчение. И сразу — осознание.

— Погоди, — перебил посетитель. Мотнул головой, осмысливая; снова вскинул расширившиеся глаза. — Как... сожжет? Совсем? А люди?

— Почти совсем, — подтвердил Голос — и в нем почудилась усмешка. — Твой враг сожжет твой родной город. У тебя что, со слухом плохо?

Человек молчал. Дул ветер; под ногами лежал блик — цветной и полосатый, как радуга. Фиолетовый... синий... зеленый... огненный... Улицы. Дома. Деревья. Люди...

— Зачем?

— Он твой враг.

И снова было молчание. И был ветер, и вздрагивали блики... (...цветными «зайчиками» на экране монитора. Геймер сморщился и почесал нос.)

— Персонаж он отрицательный! Ему так положено.

...Блики.

— Ты же всемогущ, — сказал человек в черноту зрачка. Его губы вело — и, должно быть, страшенькая выходила улыбка. — Якобы. Ты... Сделай что-нибудь.

«А иначе на фига ты тут сидишь?!»

Голос хмыкнул — секунду мир состоял из звука: х-х-х...

— Я могу. Я могу изменить прошлое — и тогда изменится будущее. Но ты все равно придешь сюда — и, вступив на порог, ты вспомнишь...

— Ну?!

И снова был вздох.

— Но и ТВОЕ прошлое изменится. И изменишься ты сам. Я выполню твое желание — а оно, возможно, перестанет являться таковым...

— Да ты охренел, — заявил наглый посетитель, — всемогущий. Город? С людьми? Черт с ним, что мой, я там не живу... город?! И чтобы я передумал?!

(...«CTRL — ALT — DELETE» — два раза подряд.)

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Он вошел в храм. Снаружи было пасмурно и ветрено; в храме было сумрачно. Прозрачные колонны, цветная мозаика на потолке — желтый глаз с черным зрачком...

— ...Ты, — сказал Голос. — Ты прошел через Синие горы и Ржавые болота...

Тот, что стоял перед ним, вдруг уселся на пол — пачкая штаны грязными ботинками, поджал ноги по-турецки. Ухмыльнулся.

— Я устал чего-то, слышь... всемогущий.

...Ветер.

— А ты наглый, — помедлив, констатировал Голос. — Ладно. В твоём городе, который ты спас, тебя ждет девушка...

Человек отвернулся.

Вот оно.

...Горели фонари. Вверху, заслоняя ночь, пересекались дуги автострад; шел мелкий снег, и подсвеченное городское небо казалось шероховатым, как грифель. Мы шли рядом — и она взяла меня под руку; я шагал обмирая... Выпрямиться. Развернуть плечи, стать высоким и сильным...

Давно дело было.

Смех на палке. И ведь таки стал.

И вот.

— ...Глянь, какая девушка! Какие ноги! Какой бюст... как она только, бедная, землю под ногами видит, когда ходит, — я никак не пойму...

— Заткнись, — оборвал тот, что сидел на полу.

И воцарилось молчание.

— Так, — сказал Голос. — Что тебе опять не слава богу?

Человек смотрел себе на ноги. Грязные коричневые ботинки, толстые рубчатые подошвы... Пыль всех сторон света.

— Пусть лучше не ждет.

— Так, — повторил Голос — и снова вздохнул, и качнулись тени. — Передумал, значит. Ладно... А я тебя предупреждал. Ну, ладно. — И тут же снова оживился: — Но смотри, тебя будет любить еще одна девушка... Смотри!

...Запах хризантем. Волосы — рыжевато-каштановые, солнечные; вот она расплетает косу, встряхивает головой — волосы льются, блестящие, волнистые... Руки. Теплые сухие ладони, мягкие и нежные; ночник на столе, сбита простыня, свисающая до полу...

— Но твой враг убьет ее.

...Дул ветер. Отсюда, со скал, хорошо просматривались ступенями спускающиеся в долину террасы. Когда-то на террасах росли сады — и считались чудом света; сады давно одичали, и высохли, и истлели. Прошли тысячи лет. И только песок...

Он УВИДЕЛ.

...Падает черная тень — размазываясь в прыжке; черный плащ, белые волосы, длинное изогнутое лезвие... У него меч длиннее его роста. И нога в высоком черном сапоге наступает на ее кошу...

...Человек сидел на ступенях храма. Ветер вскручивал пылевые смерчки; за спиной молчал Оракул. Ждал.

А потом произошло еще что-то — и он услышал. Ее дыхание. Громкое — с хрипами. Учащенное. И кровавые пузыри вздуваются и лопаются на губах...

— Я согласен, — сказал он, не оборачиваясь. — Давай еще раз.

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Небо было свинцовым. Небо нависло; предгрозовые сумерки, в которых почему-то особенно ярко светлеет металл. Храмовая крыша на фоне иссиня-черной тучи. Плиты храмового пола.

Человек смотрел под ноги. Охотнее всего он бы лег и умер. Прямо тут.

— Ну, — сказал Голос. — Третий раз. Ты прошел через пустыню, ты пересек океан. Ты перебрался через Синие горы и Ржавые болота. Ты спас целый город, предупредив пожар. Ты... э-э-э... ты спас влюбленную в тебя прекрасную девушку, которую хотел убить твой враг. У тебя впереди решающий поединок, в котором ты победишь. Вот он, твой враг, смотри!

Человек смотрел под ноги. Изъязвленные временем каменные плиты; сколько они видали таких, как я?

...Тень шагнула из тьмы, таща за собой длинный блик клинка. Металлические наплечники поверх лаково-черного кожаного плаща. Голая грудь, крест-накрест перечеркнутая черными ремнями. Волосы. Длинные. Прямые. Челка. И цвет волос — они не просто очень светлые, вру я все, они — почти серебристые... серебристые. Почти металлический блеск...

Голос:

— Он — твой самый сильный противник. Он всегда был сильнее тебя. Но теперь твое мастерство возросло, и ты... это...

— Не учи меня, — оборвал человек, поднимая голову. — Я с ним дрался, между прочим.

...Тогда. На городской площади, кашляя в дыму; и был летучий огненный блик на режущей кромке длиннющего лезвия. У моего горла.

Плиты пола под ногами. Был взгляд. Цвет глаз — не то голубой, не то зеленый. Была усмешка. Осталось — заживающий порез на шее, под ладонью... Он все равно дерется так, как я драться никогда не буду. Но ведь не убил. Почему?

— Почему он меня не убил?

Молчание. Человек сглотнул.

...Рука в черной кожаной перчатке — на рукояти меча. Распахнутый ворот плаща, огненные отсветы на потной коже. Я увидел его впервые. Он красив, как...

Враг мой. По-че-му?!

...Встать на колени. И ползать. Чего ж я все хамлю-то, ведь от Оракула зависит...

Потому что если я не уговорю... не уломаю, не умолю... Оракул все может — равнодушная сволочь по ту сторону мира...

ТРЕТИЙ РАЗ.

...Щербинки на плитах.

— Он — твой враг. Ты убьешь его, и это будет значить, что ты выиграл...

Человек мотнул головой. Он ВИДЕЛ будущее — снова.

...Враг ждал — с мечом в руке. Почему-то голый по пояс. Черные кожаные штаны, черные сапоги... И неведомо откуда тянущий сквозняк шевелил волосы. Враг смотрел в глаза. Даже вроде чуть улыбался — уголками рта.

Жить ему оставалось меньше десяти минут.

— Пожалуйста, — сказал человек хрипло.

— Я тебя предупреждал, — ответил Голос.

...Предупреждал. «Твоя биография изменится, и ты изменишься... Я выполню твое желание, а оно перестанет являться таковым...» Ты хотел же жить с этой девушкой долго и счастливо? А перед этим, твою мать, ты хотел того же, но — с другой...

Это ж такая глюковина — любовь. Потому что она — не данность. Она — как получится...

С кем получится.

— ...Ты садист.

— Я тебя предупреждал... Смотри!

...Он ощутил себя в движении. Разворачивающимся; косо падает занесенное лезвие... блики в чужих зрачках... Он знал, что сильнее. Он и БЫЛ сильнее — в эти секунды.

Секунды.

...Блики. Дрогнули чужие ресницы. И лезвие падает, падает, падает...

Стоп-кадр, размазанный во времени.

— Почему он меня не убил?!

А Голос спросил с насмешкой:

— Сказать тебе, почему он так хотел убить эту девушку?

...Плиты.

Он стоял на коленях — впервые в жизни. И наверно, нужно было кричать. Умолять. Биться головой о пол...

— Пожалуйста, — повторил он. Не то улыбаясь, не то скалясь — и лицо его выглядело каким угодно, только не умоляющим. — Я не хочу убивать этого человека. — И сморщился. И сглотнул; и еще помолчал, глядя. Черная дыра зрачка. Цветные стекляшки мозаики, темные желобки между ними... Глоток — с усилием. Вспышка молнии насквозь просветила колонны. — Я... он мне нравится.

И тут Голос впервые засмеялся.

Заржал.

...Гром. Да такой, что показалось — покачнулись хрустальные колонны. Но это всего лишь молнии, причудливая игра света...

— Да ты сбрендил, парень, — сказал Голос, переждав очередной удар. — Сначала тебе одну женщину, потом другую... теперь что, вообще мужчину?

— Пожалуйста, — повторил тот, кто еще надеялся.

А что ему еще оставалось?!

Снаружи хлынул ливень; ветер заносил струи в просветы между колоннами. Долетали брызги.

— Я не могу, — ответил Голос — после паузы, неожиданно спокойно. — У игры есть сюжет. С кем же ты тогда будешь драться?

Человек глядел запрокинув голову. В сумраке мозаичный зрачок и вправду казался провалом. Все-таки он ждал чего угодно... но этого... Но не этого.

— Так ты... только чтобы... ради ЭТОГО?! Ради игры?!

— Я игрок, — ответил Голос. — И ты игрок. Жизнь — игра...

...Шум дождя.

Человек поднялся. И демонстративно отряхнул колени — хотя храмовые плиты были, наверно, чище его пыльных штанов.

...Хоть унижайся до бесконечности. Он не поможет. ОН НЕ ПОМОЖЕТ.

А если так — зачем все?

— Будь ты проклят, — сказал он, глядя вверх. И если бы из зрачка пала молния и испепелила его на месте — он не удивился бы. — Будь. Ты. Проклят.

— Ну зачем уж так-то, — сказал Голос. Хмыкнул — снисходительно; по храму прошелся ветер. — Меру, знаешь, тоже надо соблюдать... Давай — третье желание. Последнее. Мне интересно, что еще может получиться. — И — помедлив: — Ну?

Человек молчал. Будь он проклят; он же мной играет, как... как... И желание было одно. Бешеное. Дотянуться и взять за горло.

И все-таки он сказал. Ухмыляясь — потому что все стало так плохо, что осталось только смеяться.

— Тебя бы в мою шкуру. — И, уже шагнув к выходу из храма — навстречу ливню, — обернулся. — Сидишь, сытая сволочь... Я бы тоже так посидел.

(...И что-то замкнуло в мире.)

...И ЧЕМ ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

— Ты игрок, — сказала девушка геймера, вздрагивая распухшими губами и промокивая мятым платочком серые от туши слезы. — Ты хоть там-то...

— Ну что ты, — отвечал отловленный таки военкоматом и забритый в армию геймер из дверей вагона. — Я вернусь... О'кей? Я обязательно...

...Лязгнули двери.

Мятая банка из-под джина стояла рядом с клавиатурой; на третий день он не выдержал — взял банку двумя пальцами и отнес на лестничную площадку, в мусоропровод.

Обыскать шкафы и ящики в квартире он решил уже вечером первого дня. В квартире обнаружили деньги — немного, как оказалось, но все же; из ценных вещей были только телевизор и компьютер, в котором сгорело все, что могло гореть, — содержимое процессора стало единым слитком металла и пластмассы.

На второй день он сходил-таки в магазин — вот еды в доме не было, если не считать хлеба и консервов. Снимая ключ с гвоздика в стене у входной двери, обернулся. Входная дверь ему не нравилась — хилая, плечом выбить... А впрочем, какая дверь удержит ТОГО, если он захочет уйти?

— Ты, пожалуйста, никуда не девайся, — сказал он уже из дверного проема. — Я же тебя не держу. (Старался держать лицо каменным — хотя враг из комнаты не мог видеть.) Просто мне хотелось бы попрощаться.

Из комнаты не ответили.

...Той же ночью небо взорвалось салютом — на нее пришелся какой-то крупный местный праздник. Во дворе, среди освещаемых вспышками сугробов, водили хоровод вокруг дерева, опутанного проводами в цветных лампочках.

...Шел четвертый день. Парень с желтыми взъерошенными волосами сидел в комнате на подоконнике — с ногами, обняв колени. Смотрел в окно. Ему не нравился этот город, состоящий словно бы из одних грязных катакомб дворов и подворотен; серое небо, снег и слякоть и неожиданно глубокие лужи, в которые срываются ноги... Он включал телевизор, только чтобы убедиться, что в этом мире есть места поприличнее.

— Если ты хочешь, я уйду, — сказал он. — Я разберусь, где жить.

Сзади молчали. На железный карниз шлепались снежинки — крупные, мокрые и тяжелые, как плевки.

...Его воспоминания об этом мире начинались с коридора — тесного и темного, в котором он вдруг оказался — шатающийся, задевающий мечом углы и косяки, — и изрубленное тело на его руках заливало кровью деревянный пол.

На выключатель он наткнулся. Затылком; белая круглая клавиша, желтый электрический свет... И в этом свете он смотрел, как затягиваются вражеские раны — закрываются на глазах... срастаются... и шрамы, сперва темные и пухлые, истончаются, сглаживаются, светлеют... И исчезают совсем.

В дверь комнаты он пролез боком — стараясь не задеть косяки ни чужой головой, ни чужими коленями; задел-таки носками сапог. Серебристые волосы едва не мели пол.

Вместо кровати на полу лежал матрас; одеяло в изжелта-сером от грязи пододеяльнике он ногой сбросил на пол. И пнул подушку — в того же цвета и той же степени свежести наволочке. И, поддев носком ботинка, содрал просты-

ню. Уложил врага прямо на матрас; черная кожа, ремни и пряжки... осунувшееся, обескровленное, бледное до синевы лицо.

Он сидел рядом. На краю матраса; прижав пальцы к чужой шее под ухом, щупал пульс. Пульс был.

...Враг так и провалялся эти четыре дня — поднимаясь только по крайней необходимости. Он едва держался на ногах. То ли кровопотеря, то ли шок; ладно, хоть чистое белье в этом свинушнике нашлось. Похоже, эта сволочь жила за своим электронным ящиком и спала за ним же...

И ползли по циферблату стрелки, сохли на тарелке нетронутые бутерброды; победитель выкручивал половую тряпку — журча, лилась в белый пластмассовый тазик бурая от крови вода. На полу в коридоре все равно остались пятна — кровь впиталась в паркет.

Враг лежал лицом к стене, игнорируя все попытки начать разговор. За эти дни он сказал едва несколько слов.

И победитель боялся подойти; высшие силы ниспослали ему раскладушку, висевшую почему-то на стене в туалете — над унитазом. И, лежа в темноте без сна — под собственной курткой, — он слушал, как враг во сне ворочается, изредка бормоча невнятное, и, будто всхлипывая, сквозь зубы тянет воздух, — и все закусывается, все натягивает и натягивает одеяло...

Он укрыл врага курткой — поверх одеяла. Тому это не помогло, а спать в одной безрукавке было холодно.

...Он смотрел в окно. Снег падал; ему казалось, что от его последних слов в комнате висит эхо.

— Если ты хочешь, я уйду. Сгину сию секунду; если ты хочешь...

— Лучше не уходи, — тихо сказали с матраса.

Он медленно обернулся.

— Как хочешь...

Как ТЫ хочешь; да я... Потому что если тебе не надо, чтобы я сгинул сию секунду и на веки вечные — значит, не все так плохо на этом свете...

...Горела сувенирная свечка — кажется, единственная красивая вещь в этой квартире. В стеклянной, совершенно настоящей на вид пивной кружке горящий фитиль торчал из желтого и прозрачного, с пузырьками и шапкой пены. Победитель сидел на краю постели, и голова побежденного лежала у него на коленях. Сплетенные пальцы; чужая кисть в его ладони казалась хрупкой — длинная и узкая, вены, выступающие косточки запястья...

— Смешной ты, — сказал враг — спокойно. И — помолчав: — Поцелуй меня, а?

И была пауза. Он нагнулся — решившись. Чужие губы были сухими. И едва шевельнулись в ответ.

— И что ты здесь собираешься делать? — безнадежно спросил враг, когда они оторвались друг от друга.

— Не знаю, — ответил он, глянув в сумрачное окно. — Наверно, жить.

Памятник был — серого мрамора. И еще не успела выцвести фотография под вмурованным в мрамор прозрачным пластмассовым овальчиком.

— А я замуж выхожу, — грустно сказала бывшая девушка геймера. — Ты не обидишься, Игрок?

Она сидела на мокрой лавочке — на подстеленном полиэтиленовом пакете. Поднялась — подошла, увязая каблуками; остановилась над могилой.

...А день был — седьмое марта. Снег падал в грязь, и в городе уже охапками продавали мимозу.

Она стояла опустив голову.

По кладбищенской дорожке шли — трещал ледок под ногами; шаги приблизились и смолкли. Помедлив, она обернулась.

За оградкой стояли двое парней. Один востроухий — прямо панк; и второй, повыше — что-то совсем экзотическое, длинные светлые, с голубизной даже волосы — будто седые... но не седые же?..

Стояли. Смотрели.

8—14 марта, 21 июня 2002 г.

Юлий Буркин

КАКУКАВКА ГОТОВИТСЯ

1

«...И вот тут он берет в руки череп, смотрит на него и говорит... Говорит... О-о!.. — застонал, отбросив перо, Шекспир, вскочил и заходил по комнате. — Говорит...»

Он остановился возле входной двери и, раскачиваясь, пару раз несильно ударился головой о косяк.

— Говорит... — тоскливо протянул он вслух. — Что?!

«Тук-тук-тук», — постучали молоточком в дверь.

Кто бы это мог быть, в столь поздний час? Однако Вильям Шекспир не отличался особой осторожностью: ведь скорее это мог быть какой-нибудь друг-актер с бутылочкой вина, нежели неизвестный враг. Даже не спрашивая, кто там, он отодвинул засов.

На пороге стоял юноша в странной одежде, явственно выдающей его нездешнее происхождение.

— Добрый вечер, сударь, — кивнул ему хозяин. — Вы ищите Вильяма Шекспира, сочинителя, или же вы ошиблись дверью?

— Нет, нет, — откликнулся тот с чудовищным акцентом. — Я есть очень нужен Шекспир. — И добавил: — Именно вас.

— И зачем же, смею поинтересоваться, вам понадобился скромный постановщик представлений для публичного театра? — осведомился Шекспир, отступая, чтобы пропустить странного незнакомца внутрь.

Теперь, при свете трех горящих свечей, он смог внимательнее разглядеть своего посетителя. Тот был молод, лет двадцати двух — двадцати трех, не более, и тщедушен телом. На

носу его красовалось диковинное приспособление для улучшения зрения — очки, о которых драматург доселе знал лишь понаслышке, а одежда гостя была нелепа до комизма... В руках он держал нечто напоминающее походный мешочек из странного, очень тонкого и блестящего, как шелк, материала.

В целом же незнакомец не производил впечатление человека умного или хотя бы богатого... А труппа ждет рукопись... Шекспир нахмурился.

— Не примите за неучтивость, однако вряд я ли смогу посвятить вам много времени... — начал он.

— Много не хотеть, — перебил его незнакомец. — Мало, очень мало я хотеть времени вас.

— Ну и?.. — спросил Шекспир, не сдержав улыбку. — Чем же могу быть полезен?

— Что вы писать? — спросил незнакомец, указывая на листы бумаги на столе.

— А вам, сударь, какое дело?! — Шекспир встал так, чтобы заслонить стол. — Не агент ли вы соперников «Глобуса»? Или вы — шпион этого подонка Роберта Грина, который насмеется надо мной в памфлетах, пользуясь благорасположением знати?!

— Нет, я хотеть помочь. — Юноша в очках приложил свободную руку к груди, широко улыбнулся и покивал. — Я есть. Я мочь.

— Вряд ли найдется на свете некто, способный помочь мне, — горько усмехнулся Шекспир. — Впрочем... Если вы настаиваете, я могу рассказать вам о своей теперешней работе, тем более что в ней нет секрета, и идею не украсть, ведь она не моя. К тому же я зашел в тупик и вряд ли смогу продолжать. Не знаю, зачем вам это нужно, но извольте. Может, в процессе разговора придет спасительная мысль... Хотя вряд ли... Присядьте, кстати. — Хозяин указал странному гостю на низенькую кушетку, а сам уселся напротив, на обитый потертым синим бархатом стул.

— Итак, за основу пьесы для театра, пайщиком которого я являюсь, я взял историю, рассказанную датчанином Саксом Грамматиком и пересказанную этой бездарью Томасом Кидом в пьесе о датском принце, симулировавшем сумасшествие...

— «Гамлет», — кивнул устроившийся на кушетке незнакомец в очках.

— Ах так?! — вскричал Шекспир, вскакивая со стула. — Выходит, вы видели ту скверную поделку, где призрак короля кричит и стонет, взывая о мести так жалобно, словно торговка устрицами, которая чувствует, что ее товар приходит в негодность?!

Незнакомец невразумительно пожал плечами, скорее всего он не сумел перевести для себя этот стремительный поток слов. Но Шекспир и не ждал от него ответа. Он продолжил, расхаживая по комнате:

— Пьеса бездарна! Но мне показалось, что в основе ее лежит история, которую я, но заметьте — только я, могу превратить в шедевр! Это тем интереснее, что таким образом мы утерли бы нос нашим конкурентам! Мы показали бы, что и голуби, и жабы делаются из одного материала, важно лишь, кто создатель — Бог или дьявол... Хотя пример и неудачен: жаба тоже божья тварь... Я взялся за дело, и шло оно с отменным успехом. Но вот — застопорилось. Стоп! — ударил он ладонью по стене. — Застопорилось до такой степени, что я уже отчаялся закончить эту пьесу! Как?! Как распутать этот противоречивый клубок?!

— Я мочь помочь... — вновь подал голос юноша, глянув зачем-то на металлический браслет на своем запястье.

Шекспир остановился и, багровея, резко повернулся к нему.

— Как вы можете мне помочь, осел вы этаким! — вскричал он. — Может быть, вы дадите мне денег, чтобы я расплатился со своими кредиторами?! Тогда мне и пьеса эта ни к чему!

— Где вы стоп? Какое место в пьесе? — спросил очкарик, не обращая ни малейшего внимания на его гнев.

— Что ж! Извольте! Я остановился на том, что Гамлет сидит на краю могилы и держит в руках череп. Ну?! Что вам это дало? Давайте, помогайте! — воскликнул поэт с горькой иронией.

Очкарик полез в свой мешок, выудил оттуда какой-то томик, полистал его, нашел место и сказал:

— Бедный Йорик.

Шекспир насторожился:

— Откуда вам известно это имя?!

Очкарик, водя пальцем по книжной странице, продолжал:

— Гамлет и Горацио говорят о том, что все умирать, все превращаться в пыль и грязь.

— Пойдите, пойдите! — Шекспир метнулся к столу. — В пыль и грязь?.. Из которой потом строит хижину бедняк... «Державный цезарь, обращенный в тлен, пошел, быть может, на обмазку стен...» Гениально!

Очкарик, переждав этот пассаж, продолжал:

— Мертвую Офелию класть в землю. Священник говорит, что молитву читать нельзя, можно только цветы класть. Ее брат Лаэрт сказать: «Опускайте. Пусть на могиле растут цветы... Сине...»

Шекспир, скрипя пером, забормотал:

— «И пусть на этой непорочной плоти взрастут фиалки!»
Гениально!

— Лаэрт говорить проклятья...

Шекспир забормотал:

— «Да поразят проклятую главу того, кто у тебя злодейски отнял высокий разум...»

— Лаэрт прыгать в могилу. Туда же и Гамлет...

— Они дерутся! — вскричал Шекспир. — Их разнимают. Король говорит Лаэрту, что не стоит связываться с безумным...

— Да-да, — подтвердил очкарик. — Потом Гамлет говорит другу Горацио про письмо, которое он красть, а другое класть, чтобы (по слогам) Гиль-ден-стерн и Ро-зен-кранц убивать. Потом приходит придворный Озрик и сказать о том, что Лаэрт хочет драться с Гамлетом. Спорт. Э-э... Состязание.

— Но рапира будет отравлена! — догадался Шекспир.

— Да.

— Гамлет предчувствует беду?!

— Да, — кивнул очкарик и, перелистнув несколько страниц, продолжил, всматриваясь в напечатанное: — И вино, отравленное тоже. На столе. Король хочет дать вино Гамлету, но его выпивает королева Гертруда...

— А Гамлет и Лаэрт в процессе битвы меняются рапирами! И когда они уже оба поранили друг друга, Лаэрт признается Гамлету: «Предательский снаряд в твоей руке наточен и отравлен...» Они умрут оба!.. — Шекспир невидящим взором уставился на своего гостя и прошептал: — Но сперва Гамлет заколет короля!

— Лаэрт и Гамлет просить друг друга прощения... — уткнувшись в книгу, бубнил очкарик.

— Да! У Бербеджа и Хеминджа это получится так, что зал будет рыдать, пока потоком слез скамьи не снесет в Темзу! Все умирают! Тут прибывает посол Фортинбрас, и он-то и становится датским королем! — Шекспир порывисто повернулся к столу и принялся торопливо писать, но тут же был вынужден остановиться: — Проклятье! Сломалось перо! Вот запасное!

— Отстой, — тихо сказал очкарик сам себе на неизвестном Шекспиру языке. — Кровавый триллер. Классика называется.

Чиркнув еще несколько строк, Шекспир вскочил из-за стола и обернулся к своему загадочному гостю:

— Милостивый государь, вы спасли пьесу, вы спасли театр «Глобус», и вы спасли меня! Кто вы? Что это за книга?! Что вы хотите от меня взамен?

Очкарик поспешно захлопнул томик и сунул его в свой мешочек.

— Я хотеть вот что. Что вы никогда не писать про мавра Отелло и его жену Дездемону.

— Я знаю эту глупейшую новеллу итальянца Джиральди Чинтио, — покивал Шекспир. — Никогда не собирался делать из нее пьесу. Это все, что вы хотите от меня?

— И еще одно. Вы никогда не писать про Короля Лира.

— Идет, — вздохнул драматург. — Хотя, честно говоря, эта кельтская сага всегда притягивала меня...

— Нет, не-ет, не писать, — просительно протянул очкарик, отрицательно качая головой и морщась.

— Не нравится мне это, — начал было Шекспир, но тут же шлепнул себя ладонью по коленке. — Ну, хорошо. Ведь вы, как-никак, спасли меня! Тем более есть один сюжет... Я прочел его в «Истории Шотландии», входящей в «Хроники» Голиншеда... Пожалуй, окончательно оформив «Гамлета», я возьмусь именно за него... Сюжет о некоей кровожадной леди Макбет...

Очкарик болезненно сморщился.

— Вы против этой пьесы тоже?! — вскричал Шекспир с легким раздражением в голосе. — Хотел бы я знать, зачем вам это нужно!

— О'кей, — успокаивающе махнул рукой очкарик. — Писать. «Леди Макбет». Пускай. Хорошо. — Он достал из своего пакета тетрадку, небольшую палочку, видно заменяющую ему перо, и продолжил: — Но про мавра Отелло — не писать? Это так?

— Я дал слово! — гордо поднял голову поэт.

— Прекрасно, — кивнул очкарик, что-то чиркнув в тетрадке. — И про Короля Лира?

— Да, да, — отозвался Шекспир. — Хотя мне это и не нравится. Но обещаю. Клянусь.

Очкарик что-то вновь чиркнул, сунул тетрадь и стило в мешочек, затем поднялся:

— До свидания.

— Ну нет! — вскричал Шекспир. — Вы должны объясниться, сударь!

— Э-э... — протянул его загадочный гость, вновь посмотрел на свой браслет, сокрушенно помотал головой,

а затем спросил: — Дорогой писатель, где я мог бы?.. Как это по-английски... Вода... Пс-с, пс-с. — Он сделал неприличный жест рукой.

— А-а... Пойдемте, я провожу вас, — кивнул Шекспир. — Это за пределами жилища. Но потом мы вернемся сюда, и вы все мне расскажете!

Он проводил гостя в сортир, находившийся во дворе дома парикмахера, у которого драматург снимал комнату. По пути он успел спросить:

— Из каких земель вы прибыли в Британию?

— Россия, — отозвался гость.

— Россия?! — вскричал Шекспир. — Усыпанная снегом степь и белые медведи?! Этот край будоражит мое воображение! Вы должны мне рассказать о нем!

— Вы — великий, — закрывая за собой дверь, сказал гость Шекспиру. Тот, нервно теребя бороденку, остался ждать.

Прошло минут пять... Минут десять... Шекспир приложил ухо к двери сортира. Тишина. Он прижал ухо плотнее... Ничего. Драматург легонько потянул дверь на себя... Она была не заперта и свободно отворилась! Сортир был пуст.

Шекспир перекрестился.

Как Боб и наказывал, экомобиль я отпустил за два квартала до места и оставшийся путь проделал пешком.

— Ну? — спросил я, переступая порог знакомого сарая. — И к чему эта гнилая конспирация?

— Ты зайди, зайди, — потянул меня за рукав Боб, — при-сядь.

Он выставил вперед руку с дистанционным пультом от старого японского телевизора, дверь за моей спиной поползла на место и со щелчком захлопнулась.

Боб (Борис Олегович Борисов) — наш студийный Кулибин, мастер на все свои золотые руки, может из чего угодно сделать нечто совсем другое. Причем, как правило, из чего-то ненужного и бесполезного нечто нужное и полезное.

— Не подделают? — кивнул я на пульт.

— Ключ-то? Нет, бесполезно, — покачал он головой, — нужно частотный код знать, а я его один знаю.

Необходимость такого человека в штате студии много раз подтверждалась практикой. Но какого черта он среди ночи под-нял меня с постели и заставил перетягивать в свой сарай-мастерскую?! Лично я понятия не имею.

Присели. Я огляделся. Да-а, как будто бы и не было последних лет пяти... Да какой там пяти! Этот гигантский сарай служил мастерской еще бобовскому отцу, а возможно, и деду. Это я в последний раз был тут лет пять назад, а не меняется в нем ничего значительно дольше.

— Короче, — сказал Боб, — я встрял.

— В смысле? — Я нервно постучал пальцами по обшарпанному верстаку, возле которого мы уселись.

— В смысле, допрыгался.

— Слушай, хватит тянуть резину! Выкладывай наконец, что стряслось?!

— Значит, так, — начал Боб. — Ты никогда не задумывался над тем, что мир вокруг нас можно сравнить с компьютерным монитором, а Бога — с процессором?

Да-а...

— Если ты вытащил меня из постели для того, чтобы познакомиться с этим поэтическим образом...

— Подожди, подожди! Это не поэтический образ. Это довольно близкая аналогия. Все причинно-следственные связи — в процессоре, а на мониторе только отображение. Вот я и подумал: хоть этот компьютер и работает в автономном режиме саморазвития, можно ведь, наверное, как-то на него влиять извне?

— На Бога?

— Ну да.

— Молиться можно, — сказал я, чувствуя, что меня все-таки втягивают в идиотскую дискуссию.

— Факт. Хорошо мыслишь. Голосовое воздействие. Только нет никакой гарантии, что все будет как надо. А мне нужно, чтобы было жесткое влияние. Так что я немного покумекал и сделал приставку.

— К чему?

— К процессору.

— К Богу, что ли?! — То ли я чего-то не понял, то ли у Боба крыша съехала.

— Можно и так сказать... Только ничего толком не вышло. Возможности очень ограничены. Единственное, что получилось, это когда я на мониторе...

— В смысле, в реальном мире?

— Не понял?

80 — Так ведь у тебя реальный мир — монитор Бога.

— Брось! — махнул рукой Боб. — Забудь. Это я фигурально выразился. А сейчас я про настоящий монитор говорю, про монитор моего компьютера.

— Ну?

— Так вот, можно на мониторе моего компьютера выбрать любую точку пространства и времени, щелкнуть, и ты — там.

Я поднялся:

— Знаешь что, Боб, если тебе захотелось среди ночи кому-то пошурить мозги, выбери, пожалуйста, кого-нибудь другого... — Я шагнул к двери.

— Ну подожди! Ну пожалуйста! — вскричал он. Я обернулся и увидел, что он готов расплакаться. Это было так на него непохоже, что я опустился обратно на табуретку.

— Давай. Только ближе к делу...

— Да куда уж ближе? — потряс головой Боб, словно отгоняя от себя наваждение, затем полез в тумбочку верстака и достал оттуда початую бутылку водки. — Жопа пришла нашей реальности.

— Да что ты натворил-то, ответь, наконец?!

— Да не я это натворил, — вздохнул Боб. — Какукавка.

2

Софья Андреевна заглянула в кабинет:

— Левушка, к тебе посетитель.

— Свет мой, — не оборачиваясь, отозвался Лев Николаевич, — ты ведь знаешь, когда я работаю, я никого не принимаю... — Демонстративно скомкав почти полностью исписанный лист, он кинул его в корзину возле стола.

— Если б не было на то необходимости, я бы тебя не беспокоила, — твердо сказала Софья Андреевна и упрямо вошла в кабинет.

— В чем же эта необходимость? — нахмурился Лев Николаевич, снял мозолистые босые ноги со стоящего возле кресла табурета и, поднявшись из-за стола, повернулся к ней. — Кто ж это такой к нам прибыл — Папа Римский или сам Господь Бог?! — Граф сунул большие пальцы узловатых мужицких рук за пояс и качнулся с носков на пятки.

Внезапно, протиснувшись между косяком и хозяйкой, в комнату проскользнул шуплый юноша в очечках. Типичный тургеневский нигилист.

— Вы уж меня простите, Лев Николаевич, но дело у меня очень важное, — сообщил он с порога. — И чем быстрее мы все обсудим, тем лучше будет...

— Кто таков?! — рывкнул Толстой.

— Да я, собственно, никто, а вот вы...

— А коль никто, так и пошел вон! — Ощетинившись вставшей дыбом бородой, Толстой шагнул к визитеру.

— Анну Каренину пишете? — быстро спросил очкарик, надеясь этим вопросом обескуражить глыбу. Но не тут-то было.

— А тебе, прохвост, какое дело?! — все так же угрожающе спросил матерый человечище и топнул о паркет ороговевшей пяткой. Но вдруг глаза его вспыхнули нехорошим огнем. — И откуда знаешь про нее?! Никто ведь еще не знает!

— Зря пишете, — продолжал незванный гость, чуть отступив. — Ну кинется она под поезд, и всякий читатель спросит: зачем было читать про нее? Что за фигу нам граф подsunул? Только авторитет себе испортите!

У Софьи Андреевны брови поползли на лоб. Толстой, отшатнувшись обратно к столу, сгреб с него папье-маше и с размаху запустил им в посетителя. Однако тот ловко увернулся, и увесистая штуковина влетела в застекленную дверцу старого книжного шкафа. Взвизгнув под аккомпанемент звона бьющегося стекла, Софья Андреевна метнулась прочь из кабинета.

— Спокойно. — Гость уронил пакет и вытянул руки ладонями вперед на манер психиатров из штатовских триллеров. — Лев Николаевич, вы находитесь среди любящих вас людей... Вы — зеркало русской революции... Все под контролем... А я, пожалуй, пойду...

Он проворно метнулся к двери вслед за хозяйкой, но граф с неожиданной для него прытью преодолел пару разделявших их шагов и ухватил очкарика за воротник.

— Врешь! — гаркнул он. — Теперь уж никуда!

Он отшвырнул юношу в сторону, запер дверь и сунул ключ обратно в широкий карман своей холщовой кофты.

— А теперь говори. Кем подослан? — Брови графа нависли так, что глаз не стало видно совсем.

— Никем, — замотал головой перепуганный юноша. — Честное слово!..

— Нечто бесовское видится мне в этом лице, — ткнув указательным пальцем в гостя, сказал граф тихо, словно бы самому себе, — такие вот и в царя стреляют... — А затем повысил голос: — Что в мешке?!

— Кни-иги... — протянул очкарик и всхлипнул.

— Книги, говоришь? — Толстой потрогал пакет босой ногой. — И то правда. Книги. Ладно. Книжный человек — не опасный. Вся сила у него в чтение уходит... Да не хнычь ты, — осадил он гостя покровительственно. — Зла не сделаю. Давай-ка садись, в ногах правды нет. — Лев Николаевич указал незваному пришельцу на табурет. — Садись.

Тот, опасливо поглядывая на графа, наклонился, протянул руку и поднял пакет. Затем, прижав его руками к животу, уселся на предложенное хозяином место.

— Итак... — сказал Толстой и, повернув кресло, уселся к очкарику лицом к лицу. Брови графа приподнялись, и голубые глазки сверлами вонзились в незваного гостя. — Отставим распрю. Сказывай, с чем пожаловал?

Юноша глянул на часы, и на лице его мелькнула надежда. Что не укрылось и от графского взгляда.

— Я, знаете ли, хотел вам сказать, Лев Николаевич, что очень ценю ваше творчество. «Войну и мир» читал и перечитывал, а встреча Болконского с дубом — вообще моя любимая сцена... Ваши религиозно-эстетические воззрения...

— Ты мне зубы не заговаривай! — осадил его Толстой. — Кто такой, откуда взялся?! Ну-ка дай свои книги, посмотрим, что за глупости ты читаешь...

Граф потянулся, вырвал пакет из рук посетителя и выудил из него том. Пришелец понял, что ему не отвертеться. Он вздохнул и признался:

— Я — пришелец из будущего. Из двадцать первого века.

Толстой тем временем открыл обложку и уставился на дату издания:

— Это что, фокус какой-то типографский?

— Это не фокус, — обреченно помотал головой юноша и повторил: — Я — из будущего. — Он снова глянул на часы. Ровно через двадцать... Нет, через двадцать две минуты я исчезну. Так что не теряйте времени, граф, спрашивайте. А когда исчезну, убедитесь, что я не врал.

— Ладно, — кивнул Толстой. — Мужики говорят, «все минется, одна правда останется»... Если ты из двадцать первого века сюда прибыл, словно герой какого-нибудь вздорного Жюль Верна, то почему ко мне? Что обо мне знаешь?

— Вы — великий русский писатель, я вас в университете изучаю. Вот в этой как раз книге, — указал пришелец на том в руках графа, — все про вас написано. Дайте-ка.

Он бесцеремонно выхватил том из рук графа, то-ропливо полистал и прочел:

— «Лев Николаевич Толстой, граф, русский писатель, родился в деревне Ясная Поляна девятого сентября тысяча восемьсот двадцать восьмого года (по старому стилю), умер на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги десятого ноября тысяча девятьсот десятого года...»

— Отчего умер? — глухо прервал его граф.

— Сейча-ас... — Диковинный посетитель снова полистал книгу. — Ага. Вот. «Последние годы жизни Толстой провел в Ясной Поляне в непрестанных душевных страданиях, в атмосфере интриг и раздоров между толстовцами, с одной стороны, и Софьей Андреевной Толстой — с другой. Пытаясь привести свой образ жизни в согласие с убеждениями и тяготясь бытом помещичьей усадьбы, тайно ушел из Ясной Поляны, по дороге простудился и скончался...»

— Значит, все-таки ушел... — тяжело покачал головой Толстой и как будто бы сразу осунулся. — Поздненько, поздненько решился... Ну и что же знают обо мне в двадцать первом столетии? Что это за книжонка-то у тебя?

— «История русской литературы. Конец XIX, начало XX века». Вас в нашем времени почитают за величайшего русского писателя. Да что там русского? Мирового! — Юноша, приходя в себя, хитро глянул на графа. — Но лучше бы вы после «Войны и мира» уже не писали ничего...

— Почему это?

— А вот... — Он поискал глазами, нашел и прочел: «Книга «Война и мир» стала уникальным явлением в русской и мировой литературе, сочетающим глубину и сокровенность...»

— Это я и без тебя знаю, — перебил Толстой. — Что там дальше-то? Что про «Каренину»?

— Сейчас, сейчас... «Духом скорбного раздумья, безрадостного взгляда на современность веет от романа «Анна Каренина»... Здесь сузились эпические горизонты, меньше той простоты и ясности душевных движений, что были свойственны героям «Войны и мира»... — Та-ак, и вот еще: — «Анна Каренина» — остропроблемное произведение, насыщенное приметами времени, вплоть до газетной «злобы дня», подобно написанным в ту же пору романам Тургенева и Достоевского...»

— Сузились, значит... Докатился, — мрачно сказал Толстой, — с Достоевским сравнили. Был бы его Мышкин здоров, чистота его трогала бы нас. Но написать его здоровым у Достоевского не хватило храбрости. Да и не любит он здоровых людей. Думает, если сам болен, то и весь мир болен... Да-а, видно, зря я за «Каренину» взялся. А ведь и сам чувствовал: мелко. Для меня-то...

— Вот-вот, — подтвердил очкарик.

— Ладно... Что там еще пишут? Что за книги были у меня еще?

— Та-ак... «В восьмидесятые годы Толстой заметно охладевает к художественной работе и даже осуждает как «барскую забаву» свои прежние романы и повести. Он увлекся простым физическим трудом, пашет, шьет себе сапоги...»

— Молодец, — оживился граф, — всегда мечтал в глубине души...

— Да вот только непоследовательны вы, — перебил его юноша. — В девяносто девятом у вас опять вышел роман. «Воскресение»...

— Хороший?

— Да ничего, конечно. Вы же, Лев Николаевич, все-таки мастер... Я, правда, не читал, кино только видел... Конец там какой-то дурацкий...

— А герои кто?

— Проститутка. Маслова, по-моему, у нее фамилия. И еще какой-то барин...

— Омерзительно. Гадко. И как книжонку сию грязную публика встретила? Восторженно небось? Как все низкое.

— Давайте посмотрим... Та-ак... Вот. «Резкая критика церковных обрядов в «Воскресении» была одной из причин отлучения Толстого Святейшим Синодом от православной церкви...»

— Отлучение? Неужели так?..

— Написано. Значит, точно...

— Если уж честно говорить, нам с Богом всегда было тесно, как двум медведям в одной берлоге... Но отлучение... Это, братцы, чересчур...

— Я вам про что и говорю, — проникновенно сказал пришелец, — не надо вам все это писать. Один у России великий писатель, и тот скурвился — про проститутку пишет, от церкви отлучается... Кому это надо? Какой вы пример народу подадите? Написали «Войну и мир», да и хватит. Хорошая книжка! Я читал. Честное слово, в восьмом классе... Там все, что надо, есть — и национальный характер, и национальная идея, и национальный оптимизм... Да все!.. Не опешьте. Пашите землю, шейте сапоги. Может, тогда и не будет у вас этих неприятностей в девятьсот десятом и не побежите вы из дому, не замерзнете на станции...

— Может, мне и Соньку бросить, пока не поздно? — заговорчески наклонился граф к собеседнику.

— Ну, это вы уж сами решайте, Лев Николаевич.

Тут я вам не советчик...

— Может, мне с духоворами в Америку махнуть? — все так же искательно смотрел граф на гостя. — Они вроде собираются...

— Лев Николаевич, увольте. Не мне это решать.

— Да я не тебя, шельму, спрашиваю, — выпрямился граф, — я так, сам с собой... А ты-то уже, я так понимаю, скоро к себе, в будущее вернешься? Давеча пришли ко мне двое мужиков, один говорит: «Вот пришли незваны», а другой вторит: «Бог даст — уйдем недраны»... — Толстой по-детски захихикал, но тут же осадил себя и продолжил: — Уж не серчай на меня, что негостеприимно принял...

— Да ладно, чего там, — засмушался пришелец. — Все нормально. Вы мне главное скажите. Не будете «Анну Каренину» писать?

— Да ни за что! Все, хватит. Отписался.

— А «Воскресение»?

— Ни за какие коврижки! Еще чего не хватало! Церковь я, чего греха таить, недолюбиваю, но отлучаться не собираюсь... Жить буду в свое удовольствие... Про меня еще скажут: нашел в себе силы уйти в зените славы... И не унизился до ее эксплуатации... — От удовольствия граф прищурился.

— Обязательно скажут, — подтвердил пришелец.

Толстой вздрогнул. Похоже, он и забыл о его присутствии.

— Сколько тебе тут осталось? — спросил.

Гость глянул на часы:

— Одна минута.

— Ну и как там, в будущем?

— Нормально. Жить можно.

— А Россия как?

— Да... Так себе...

— Худо, — покачал головой Толстой. — А в Бога-то веруют?

— По-всякому... Вот дядька у меня, например...

Раздался легкий хлопок, и пришелец исчез. Внезапный ветер смахнул со стола бумажные листы и закружил их по комнате.

— Вот, значит, как... — Граф, кряхтя, поднялся, отпер дверь и крикнул:

— Софья!

— Слушаю, Левушка, — появилась та на пороге и настороженно заглянула в комнату. — А где ж твой гость странный?

— А-а... — неопределенно махнул рукой граф. — Вот что, свет мой. Будь так добра, собери весь этот мусор. — Он указал на разбросанные по полу исписанные страницы. — Собери и сожги.

Только сама. Не хочу, чтобы прислуга знала... А после — готовься к выезду. Едем сегодня в город. В оперу.

Одно время племянник Боба, студент филологического факультета, денно и нощно торчал в студии «Russian Star's Soul». Даже, помнится, по текстам наших песен писал курсовую. И вот как-то Петруччио (Петр Васькин — наш идейный генератор) заявил, что в отечественном роке сегодня нет такого мистического и мрачного, а главное концептуального, альбома, каким был «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» «Битлз». И именно мы — RSS, можем дать его слушателю.

— Вы только представьте, — говорил он вдохновенно, — слушатель перестает быть слушателем, он становится соучастником, со-творцом...

— Какуавки! — восхищенно заметил племянник Боба.

Покосившись на него, Петруччио продолжил:

— Мы должны придумать новый мир, странный, неожиданный мир, и каждый выберет себе роль в этом мире, и все песни будут посвящены тем или иным взаимоотношениям этих персонажей, будут их иллюстрацией, выражением переживаний...

— Какуавки! — снова повторил племянник.

— Да какой такой, к собакам, Какуавки! — взорвался Петруччио. — Кто она такая, эта твоя Какуавка!

С перепугу студент втянул голову в плечи.

— Я говорю, «Как У Кафки», — старательно разделяя слова, пояснил он. — Как у писателя Кафки...

Мы долго хохотали по этому поводу и с тех пор прозвали бедолагу Какуавкой.

...— Так что же он натворил? — спросил я Боба, опрокинув рюмку и заняв рукавом.

— Неделю назад он попросился сюда, в сарай, к сессии готовиться. Мол, тишина тут. Им там горы книг читать надо... Я и пустил, второй ключ для него смастерил. Я же не знал, что он во всем разберется... Вообще не думал, что полезет, он же гуманистический...

— В чем разберется? Куда полезет?! — снова начал я злиться.

— В приставку мою, куда же еще? Сегодня подхожу к сараю, вижу, он изнутри закрыт. Значит, там, змееныш. Отпер ключом, зашел... Приставка включена, а Какуавки нет. — Голос Боба стал замогильным. — Тут я сразу все и понял.

Та-ак... Лично я, в отличие от Боба, так и не понял, в чем трагизм ситуации, но, что дело худо, осознал. Парень Какуавка неплохой, вот только ссытся и глухой. Три года назад, например, он, чтобы похвастаться перед своими

одногоруппниками, скачал себе черновую версию готовящегося к выпуску третьего альбома «RSS». Представьте наше разочарование, когда наши недоделанные песни зазвучали по всем каналам радио, а мы при том ни гроша от этого не получили...

От неминуемой гибели его спасло лишь то, что именно этот «сырой» альбом и принес нам настоящую славу. Два предыдущих — лишь локальную известность. Кто знает, доведи мы альбом до ума, стал бы он столь популярным? И мы его простили. И уговорили Боба остаться с нами, а то ведь он чувствовал себя настолько виноватым, что собирался покинуть группу.

— Объясни, что ты по этому поводу думаешь, и хватит уже темнить, — попросил я Боба.

— Я что, темнил? — обиделся тот. — Чего тут непонятного?

— Мне ничего не понятно. Где Какукавка?

— В прошлом.

— То есть?

Боб встал, прошел в угол сарая и заглянул в монитор своей машины, по сети соединенной с нашим студийным нейрокомпьютером.

— Раз, два, три... — стал он тыкать по экрану пальцем. — Тут последовательно шесть дат и мест установлено. Прыгает из эпохи в эпоху, из страны в страну. В каждой — по часу. Если, конечно, все нормально получилось.

— А зачем?

— Я откуда знаю? В том-то и дело. Я и боюсь, как бы он там дров не наломал. Сам-то я ее даже испробовать побоялся: мало ли что может случиться... Кстати, последняя дата — тысяча восемьсот семьдесят пятый, Россия, Тульская область, Щекинский район, Ясная Поляна... Что-то знакомое... Тебе это название что-то говорит?

— Толстой, — без напряжения вспомнил я.

И тут наш разговор прервался. Хорошо, что Боб уже отошел от компьютера, потому что Какукавка материализовался прямо в том месте, где тот только что стоял.

3

— Попался, змееныш! — вскричал Боб, дернувшись к нему.

— Дядя! Дядя! Дядя! — завопил тот и юркнул мимо Боба в сторону выхода. — Я вам все сейчас объясню!

Но тут уже я, вскочив со стула, закрыл собой дверь.

И Какукавка в растерянности замер между нами.

— Что ты мне объяснишь?! — громыхнул Боб, медленно и грозно шагая в его сторону. — Где ты был?! Что ты там делал?!

— Я... Я знакомился с писателями, — пробормотал Какукавка, пятясь от Боба и спиной приближаясь ко мне. — Чтобы лучше подготовиться к экзаменам...

— Ты видел Толстого? — продолжал наступать Боб.

— Еще бы, конечно! Только что. Вот так, как вас. Классный старикан. Мы с ним отлично пообщались...

— Что у тебя в пакете?!

— Ничего особенного...

— Дай сюда, — потребовал я, так как Какукавка как раз приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки.

Он затравленно обернулся и послушно отдал мне пакет.

— Возьми у него и ключ, — скомандовал Боб.

— Вот он, — вздохнув, вручил мне Какукавка перемотанный изолентой пульт от видеомагнитофона.

— Сядь! — приказал ему Боб.

Я вытряхнул содержимое пакета на верстак. Несколько книг и тетрадка. Учебник истории литературы, том Шекспира, том Чехова, том какого-то Данте...

— Это еще кто? — спросил я Какукавку.

— Был такой. Итальянец, — неохотно отозвался тот.

— Что-то не слышал. — Я полистал книгу со странным названием «Божественная комедия». — Ничего себе, комедия... — На старинных гравюрах, иллюстрирующих книгу, изображались самые разнообразные пытки и казни. — Глобальная книжица. Странно, что я о ней не слышал...

Листавший Какукавкину тетрадку Боб поднял голову и, глядя на меня сумасшедшими глазами, спросил:

— А ты когда-нибудь слышал про пьесу Чехова «Чайка»?

— Нет, — помотал я головой. — Не было у него такой пьесы, я Чехова всего читал. Да и пошлово так-то — «Чайка», как наковка у матроса на груди...

— «Дядя Ваня»?

— Не-а.

— А роман Толстого «Анна Каренина» тебе знаком? — спросил Боб, и голос его становился все страшнее.

Я только снова помотал головой. Боб перелистнул еще страничку:

— Томас Манн... «Иосиф и его братья», «Будденброки», «Доктор Фаустус»... Вычеркнуто все...

— Не знаю такого писателя, — откликнулся я.

— Та-ак, — протянул Боб, а затем рывкнул на Какуавку так, что у меня зазвенело в ушах: — Говори! — и сунул ему под нос здоровенный волосатый кулак.

— Дядя, ну пожалуйста! — подпрыгнул тот. — Я только чуть-чуть не успевал. Только шесть авторов не полностью прочел... Я после сессии, через неделю, все верну на место!..

«Все вернул на место» Какуавка не после сессии, а сразу. Как он это сделал, каков механизм, я не знаю. Потому что Боб отправил меня домой, точнее, выставил вон, а сам остался с Какуавкой тет-а-тет. Разбираться. По-семейному.

Еще по дороге домой, греясь в такси, я вдруг вспомнил фразу: «Оставь надежду всяк сюда входящий». И вспомнил, что так было написано на воротах дантевского ада. Сейчас это можно было бы написать на дверях бобовского сарая... Отчетливо вспомнил я и «Чайку», и «Дядю Ваню». Вспомнил, что «Анна Каренина бросилась под поезд, который долго влачил ее существование...» Вспомнил и Томаса Манна. Бр-р... Лучше бы его Какуавка не возвращал.

...И мы не говорили с Бобом об этом случае целую неделю. Но вот сегодня он снова позвонил мне. Рожа на стереоэкране — мрачнее тучи.

— Змееныш-то мой сессию завалил, — сообщил он, и не ясно было — то ли с сожалением, то ли, наоборот, с удовлетворением.

— Очень жаль, — откликнулся я, хотя на самом деле подумал злорадно: «И поделом тебе, Какуавка».

— Ни хера не жаль, — возразил Боб моим словам, соглашаясь в то же время с мыслями, словно их слышал. — Зашел ко мне, сказал, что завалил, помялся, помялся чего-то и ушел. И тетрадку свою, как будто бы случайно, оставил. Или правда — случайно... Знать бы это!

— И что? — спросил я, предчувствуя неладное.

— Я ее полистал, тетрадку эту. А в конце, на последней странице, список какой-то. В столбик. То ли я его не заметил в прошлый раз, то ли его тогда не было...

— Не томи, читай, — взмолился я, ощущая на спине легкий холодок.

— Ну, слушай, — Боб вздохнул. — Читаю. Гомер, «Месть циклопа». Шекспир, «Гамлет жив», «Гамлет возвращается»...

— Бред какой-то! — воскликнул я.

— Ты никогда не слышал об этих произведениях? — оторвался от тетрадки Боб и тяжело на меня посмотрел. — Я тоже. Кстати, все они зачеркнуты...

— Да это он просто мстит! Просто воду мутит, чтобы мы помучились!

— Возможно, — кивнул Боб. — Ладно. Слушай дальше. Шекспир, «Дездемона: ответный удар».

— Да он издевается над нами! Не могли они такое писать!

— Ты уверен?.. Дальше. Чехов, «Сливовый сад»...

— Что ты хочешь сказать? — снова перебил я. — Что надо его опять отправить в прошлое, чтобы он заставил их писать весь этот бред собачий?!

— Я это как раз у тебя хотел спросить.

— Но почему у меня?!

— Ну-у... Ты хоть и ритм-басист, а самый из нас начитанный.

— Это не повод. Уволь. Я не хочу брать на себя такую ответственность.

— Струсил, — покачал головой Боб с обидным пониманием, почти жалостью, в голосе и продолжил чтение: — Чехов, «Тетя Маня»...

— Ты машину времени разобрал свою? — спросил я с надеждой.

— Подшаманить можно, — заверил Боб.

— Слушай, а с какой стати эти названия у него отдельно записаны?! — внезапно сообразил я и ухватился за эту мысль, как за соломинку.

— Этот столбик сверху озаглавлен «Факультатив», — отобрал у меня соломинку Боб. — Дальше слушай. Чехов, «Четыре брата».

— Он говорил, «шесть авторов»! — пришла мне в голову очередная спасительная мысль.

— Шесть и выходит, — остудил меня Боб. — Вот последний. Лев Толстой: «Понедельник» и «Вторник». Всё. — Боб захлопнул тетрадь. — Что делать будем?

«Вот же, блин, — подумал я, — «Детство», «Отрочество», «Юность»...

Боб испытующе смотрел на меня.

— Знаешь что... — сказал я. — И хрен с ними. Даже если были.

Алексей Калугин

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Отыскав прореху в неровно задернутой шторе, солнечный луч скользнул в комнату. Сначала он коснулся сухих, чуть приоткрытых губ человека в синей линялой майке и черных спортивных брюках с широкими белыми полосами по бокам, спавшего на кровати. Корнилыч во сне разлепил губы, провел по ним языком и что-то невнятно пробормотал. Луч света поднялся выше и пощекотал ему кончик носа. Корнилыч поморщился и взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. Луч скользнул по задубевшей коже щеки, оживить чувствительность которой у него не было ни малейшего шанса. Наконец ему с трудом удалось протиснуться между опухшими веками и ущипнуть спавшего за глаз. Корнилыч оглушительно чихнул, потер глаз кулаком, с трудом разлепил веки и, приподнявшись на локте, огляделся по сторонам:

— Порядок, я дома.

Сев на кровати, Корнилыч поставил босые ноги на грязный, затоптанный линолеум. Глубоко вздохнув, он медленно выпустил воздух из груди и, как собака, вылезшая из воды, потряс головой. Голова отозвалась привычной тупой болью. Корнилыч поскреб ногтями дремучую щетину на щеке. Он даже и пытаться не стал найти что-нибудь на опохмел — не имел привычки оставлять заначку на утро, — а сразу же потопал на кухню.

Напившись вдоволь холодной воды из-под крана, Корнилыч провел мокрыми руками по волосам, зачесывая их назад, и посмотрел в окно. Надеясь отыскать какую-нибудь мелочь, оставшуюся после вчерашнего, он запустил обе руки в карманы брюк и принялся сосредоточенно перебирать паль-

цами неровные швы. Занятый этим важным и нужным делом, Корнилыч одновременно имел возможность любоваться крышами родного Ярска, благо жил он на самом верхнем этаже девятиэтажного дома.

Высоких домов в Ярске было немного, — все больше двух- и трехэтажные деревянные бараки, выстроенные еще после войны, да стандартные серые пятиэтажки, похожие на отбракованные каменщиком, плохо обожженные, потрескавшиеся кирпичи.

Конечно, имелись в Ярске и своя библиотека, и пара кинотеатров, и рынок, и несколько больших универсальных магазинов, и гостиница, и даже непонятное заведение с чудным названием «Клуб романтиков», в которое Корнилыч, опасаясь подвоха, никогда не заглядывал. Главными достопримечательностями Ярска были оперный театр, выстроенный в конце семидесятых по спецпроекту, и огромная, в три человеческих роста, голова вождя, вырезанная из черного гранита, до сих пор стоявшая пред зданием бывшего горкома. И все же, несмотря на это, Ярск, как и любой другой заштатный провинциальный городок, был сер, скупен и невзрачен.

Но это только в центре. Стоило лишь немного отойти в сторону от асфальтовых дорог и вытоптанных газонов, чтобы оказаться в удивительном мире народных сказок. На окраине Ярска каждый домик, от первого бревна, до последней черепицы на крыше, был выстроен руками хозяев. Впитав их тепло, дома сделались похожи на своих жильцов, как бывают похожи на хозяев собаки, — этот злобно скалится на проходящих мимо высоким частоколом забора и щелкает тяжелыми воротами с тремя засовами и пятью замками, а тот приветливо, как дворняга хвостом, машет флюгером в виде петушка, взлетевшего на крышу.

И имелись в Ярске и свои легенды, до которых по непонятным причинам пока еще не добрались этнографы и фольклористы. Одна из них была связана со старым Ярским монастырем. В первые годы советской власти новое партийное руководство города решило приспособить монастырь под склад только что открывшейся в Ярске фабрики по изготовлению шляпок для гвоздей. Когда работы по преобразованию монастыря в склад только-только начались, один особо дерзкий и решительный комсомолец из бригады маляров полез на маковку монастырской церкви, чтобы скинуть с нее крест. Не меньше полусотни жителей Ярска, собравшихся у

стен монастыря, видели, как, добравшись до самого верха, комсомолец-маляр вдруг ни с того, ни с сего раскинул руки в стороны и камнем полетел вниз. Но что самое удивительное, хлопнувшись оземь, парень как ни в чем не бывало поднялся на ноги, — сверзившись с самой верхотуры церковного купола, он не только не убилися, как полагалось бы по всем существующим законам и правилам, но даже не ушибся. Как рассказал парень собравшимся вокруг него перепуганным работникам, взобравшись на церковный купол, увидел он, что на перекладине креста сидит древний-древний дед ростом не выше семи-летнего мальчонки, с длинными седыми волосами, перехваченными на лбу кожаным ремешком, и такой же длиной, но черного цвета бородой, конец который был заплетен в тугую косицу. Одет был старик в алую рубаху в крупный белый горох и синие широленные штаны, а на ногах имел новенькие лыковых лопаточки. Сидит, значит, этот дедок на самом краю перекладины креста, помахивает себе ногами в лопаточках, и вроде как даже дела ему никакого нет до того, что внизу происходит. Но, увидев забравшегося на церковь маляра, дед сделал сердитое лицо и, погрозив комсомольцу пальцем, лишь одно только слово и произнес: «Отнюдь!» Тут-то парень и ахнулся вниз.

После этого случая работы в монастыре были временно приостановлены, а из областного центра была вызвана авторитетная комиссия. В состав комиссии входили дипломированные специалисты, которые должны были дать конкретное заключение по поводу произошедшего. И хотя раздавались голоса скептиков, утверждавших, что, мол, накануне того, как свалиться с купола церкви, маляр-комсомолец всю ночь с приятелями брагой надирался, комиссия пришла к выводу, что в старом Ярском монастыре действительно имеют место паранормальные явления. Что, впрочем, нисколько не мешает переоборудованию монастырских помещений под склад готовой продукции шляпкогвоздевой фабрики. Однако желающих лезть на купол церкви, чтобы скинуть с него крест, больше не нашлось, поэтому так и простоял склад Ярской шляпкогвоздевой фабрики под крестом без малого семьдесят лет, пока, в соответствии с новой линией партии и правительства, все члены которого внезапно ощутили в душе своей пламень истинной веры, не был вновь преобразован в действующую церковь.

Корнилыч любил свой город. Когда он сидел на нуле, то мог часами глядеть из окна на знакомые крыши, и это в какой-то мере даже смягчало ему тяжесть похмелья.

Вдоволь налюбовавшись крышами родного Ярска и еще разок хлебнув воды из-под крана, Корнилыч собрал в сетку штук пять пустых винно-водочных посуды и одну невесту откуда взявшуюся бутылку из-под «Боржом» и, спустившись на три этажа вниз, позвонил в квартиру, где проживал его хороший приятель Иосиф Моисеевич Хван, — в тяжелые времена у него всегда можно было перехватить червончик-другой до зарплаты.

К несчастью, дверь открыла жен Хвана, по непонятной причине недолюбливавшая Корнилыча. Несмотря на то что Корнилыч вовремя успел спрятать за спину сетку со стеклотарой, жена Хвана подобно фурии взмахнула широкими рукавами красного, как пролетарское знамя, халата и с криком: «Неча тебе здесь делать! Пшел вон!» — захлопнула перед Корнилычем дверь.

— Грубое, вульгарное чудовище, — с драматичным спокойствием произнес Корнилыч, обращаясь к обитой черным дерматином двери. — Мне невыносимо больно слышать подобные слова из уст женщины с высшим образованием. Увы, женщины, с их гипертрофированным эгоцентризмом, никогда не смогут понять мужчин, — заключил он, не спеша спускаясь по лестнице.

Между вторым и третьим этажом Корнилыча обогнал невысокий лысоватый мужчина в очках. «Профессор» — так обычно именовал его про себя Корнилыч. Они нередко встречались на лестнице или возле подъезда, но никогда прежде даже не здоровались, Профессор, не замечая Корнилыча, пробегал мимо. Сегодня же Профессор, к величайшему удивлению Корнилыча, приветливо кивнул ему и, хитро улыбнувшись, спросил:

— Тоже в магазин?

— Туда, — растерянно ответил Корнилыч.

— Ну-ну, — снова улыбнулся Профессор и прибавил шагу.

Взглянув на Профессора со спины, Корнилыч удивился еще больше. Он привык видеть Профессора с чуть потертым, придающим солидность, портфелем в руках. Сегодня же сосед размахивал двумя огромными пустыми хозяйственными сумками, а на плечах у него висел новехонький рюкзак, в который без труда вошел бы в сложенном виде целый туристический лагерь с байдарками и недельным запасом дров для костра.

Выйдя из подъезда, Корнилыч даже присвистнул от удивления — улица, обычно в это время дня почти пустая, была похожа на тропу, проложенную зловредными домашними муравьями к сахарнице. Люди сновали из конца в

конец, едва не налетая друг на друга. И каждый нес в руках необъятные хозяйственные сумки.

Корнилыч задумчиво почесал затылок, размышляя, не праздник ли сегодня какой? Он хотел даже остановить кого-нибудь из прохожих и поинтересоваться причиной странного столпотворения, но вид у тех, кто пробежал мимо него, был столь озабоченный и серьезный, что Корнилыч постеснялся приставать к незнакомым людям с расспросами.

Двигаясь вдоль улицы по направлению к универмагу, Корнилыч то и дело останавливался, пораженный странным видом прохожих. Сначала ему на глаза попала женщина с двумя тяжеленными сумками в руках, которые она едва могла оторвать от земли. Но при этом она умудрялась удерживать под каждым локтем по батону сырокопченой колбасы. Женщина двигалась очень медленно, и вскоре ее обогнал неопрятного вида мужчина, также тащивший в каждой руке по сумке, но вдобавок еще и обернутый крест-накрест, точно революционный матрос пулеметными лентами, низкими рулонов туалетной бумаги. Две женщины на краю тротуара зацепились сумками. Не говоря ни слова, они упорно тянули их каждая в свою сторону до тех пор, пока одна из сумок не лопнула по шву и все ее содержимое не посыпалось на асфальт. Битые яйца, спичечные коробки, акварельные краски, две бутылки шампанского, взорвавшиеся, точно фугасы времен Первой мировой, оловянные солдатики, синюшные куриные тушки — все смешалось в безобразную кучу. А хозяйка всего этого добра, вместо того, чтобы попытаться хоть что-то спасти или уж на худой конец обругать как следует виновницу происшествия, бросила сверху разорванную сумку и заспешила дальше по своим делам.

И у всех, буквально у каждого, кто встречался Корнилычу по пути, на лицах, в глазах, в жестах присутствовал какой-то пугающий бешеный азарт. Корнилыч не мог припомнить, когда в последний раз ему доводилось видеть своих сограждан столь возбужденными. Даже в былые времена, следуя в колонне первомайской демонстрации, но ожидая при этом не столько встречи лицом к лицу с городским партийным руководством, сколько гонца, посланного в магазин, мужики вели себя не в пример сдержаннее.

Так и не сумев уразуметь причину столь странного поведения горожан, Корнилыч подошел к универмагу.

Как обычно, первым делом Корнилыч заглянул на задний двор. У окошка приема стеклотары было подозрительно безлюдно.

Борясь с дурными предчувствиями, Корнилыч подошел к закрытому окошку и застучал в него кулаком:

— Эй, тетка! Открывай богадельню!

Окошко так и осталось закрытым.

Корнилыч застучал с удвоенной энергией. А что ему еще оставалось делать? Другого источника доходов, помимо лежавших в авоське пустых бутылок, у него на сегодняшний день не было.

— Че долбишься? Ополоумел совсем от радости?

Корнилыч обернулся. За спиной у него стоял помятого вида мужичок в затасканном сером пиджачке.

— Да бутылки сдать надо, — ответил Корнилыч, глядя не на мужика, а на запечатанные пробками из золотистой алюминиевой фольги горлышки водочных бутылок, высовывавшиеся из целлофанового пакета, бережно обеими руками прижатого к груди.

— На кой ляд тебе эти бутылки, — усмехнулся мужичок. — Дуй в магазин, пока всю голубушку не растащили.

Подмигнув Корнилычу, мужичок поудобнее перехватил ношу и зашагал дальше своею дорогой. Прикинув, что сдать посуду ему все равно не удастся, Корнилыч быстро догнал человека, который по всем параметрам вызывал у него доверие.

— Послушай, мил-человек, — обратился Корнилыч к мужичку, стараясь шагать с ним в ногу. — Я гляжу, на твоей улице нынче праздник. Так, может, поделишь свою радость с ближним?.. Одолжи десятку...

Мужичок остановился и посмотрел на Корнилыча так, словно тот просил у него ключи от «Мерседеса».

— Да ты что, дражайший, с Луны свалился?

— В кризисное время живем, — смущенно потупился Корнилыч.

— Да я не о том! — Мужичок чуть было не махнул на Корнилыча рукой, но вовремя вспомнил про пакет с бутылками. — Ты в магазин-то сегодня заходил?

— Нет, — мотнул головой Корнилыч.

— Ну так иди и бери! Чего хочешь, сколько хочешь, сегодня все задарма!

Склонив голову к плечу, Корнилыч посмотрел на мужичка с подозрением.

— Не уж-то и взаправду ничего не знаешь? — недоверчиво прищурился мужичок.

Корнилыч молча качнул головой из стороны в сторону.

— Да уж какой день об этом по телевизору твердят!

— Ну... — Корнилыч смущенно ковырнул носком ботинка асфальт. — Я телевизор-то почти и не смотрю... Разве что только фильм какой, чтобы без стрельбы и мордобоя...

— Короче. — Мужичок слегка подкинул пакет, который уже начинал оттягивать ему руки. — Дело в следующем. Фракции коммунистов в Госдуме при поддержке аграриев удалось добиться права на проведение эксперимента в одном отдельно взятом городе. Они вроде как вознамерились доказать, что коммунистический образ жизни присущ нашему народу от природы.

Как говаривал классик: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Не знаю, как уж они там выбирали город для этого эксперимента, но в конце концов остановились на нашем Ярске. Так что с сегодняшнего дня в нашем городе частичный коммунизм введен — на работу все еще ходить нужно, но зато в магазинах все задаром!

— И надолго? — поинтересовался Корнилыч.

— А черт его знает, — пожал плечами мужичок. — Говорят, что ежели эксперимент окажется удачным, то все время так жить будем. Но я так думаю, что эксперимент этот закончится вместе с запасами продовольствия в магазинах. Так что народ времени не теряет и делает запасы впрок. И ты, мил-человек, от остальных не отставай, — пользуйся, пока есть возможность.

Кивнув на прощание, мужичок потопал дальше, оставив вконец растерявшегося Корнилыча в одиночестве.

Корнилыч и верил, и не верил тому, что рассказал ему случайный собеседник с полной сумкой водки. С одной стороны, где это видано, чтобы все раздавали задаром? Если и были когда такие времена, так давно уж минули. С другой стороны, толпы людей с сумками на обычно весьма малолюдных улицах Ярска служили наглядным подтверждением тому, что сказал мужичок.

Прикинув и так и эдак и решив, что ежели мужичок и подшутил над ним, то в магазине, глядишь, встретится кто-нибудь знакомый, Корнилыч направился к центральному входу в гастрономический отдел.

У входа творилось нечто невообразимое. Огромная толпа народу пыталась втиснуться в переполненный, как автобус в час пик, магазин. Другая, ничуть не меньшая

толпа, состоявшая из тех, кто уже успел отовариться, старалась выбраться наружу, чтобы скорее растащить по домам то, что с боем удалось урвать, и вернуться за новой партией дармовщины. Тротуар возле магазина был завален рассыпанными, затоптанными, никому не нужными продуктами, — буханками хлеба, лопнувшими пакетами молока, расколотыми яйцами, побитыми яблоками и апельсинами, измятыми банками консервов... Корнилыч осторожно пристроился с краю толпы, рвущейся в магазин. Людская круговерть подхватила его, смяла, закрутила, затянула, и неожиданно для себя самого Корнилыч оказался в самом центре клокочущей человеческой массы. Ноги постоянно обо что-то спотыкались, скользили в лужах пролитого на асфальт масла, и для того, чтобы устоять, Корнилычу приходилось отчаянно работать локтями. Крики, ругань, возмущенные возгласы тех, кого уж слишком сильно прижали, забивали уши. Не меньше получаса месился Корнилыч в этой людской мясорубке, прежде чем оказался внутри магазина. Происходившее на улице уже казалось Корнилычу диким, но на то, что творилось в самом магазине, было просто страшно глядеть. Снаружи существовало только два противоположно направленных потока, а здесь каждый рвался в свою сторону, ожесточенно и безжалостно отпихивая соседей локтями. Роняя на пол то, что уже успели схватить, люди лезли к следующему отделу. Большая часть продуктов не попадала в необъятные хозяйственные сумки точно с цепи сорвавшихся потребителей, а оказывалась на полу, растоптанная и превращенная в нечто уже совершенно несъедобное.

Вначале Корнилыч еще пытался как-то сориентироваться и двигаться в одну определенную сторону. Но очень скоро, уразумев всю тщетность этих попыток, он отдался на волю людским потокам, швырявшим его из одной стороны в другую.

В конце концов судьба улыбнулась Корнилычу — очередной шквал вынес его прямо к прилавку винно-водочного отдела.

Правда, к этому времени Корнилыч уже потерял в людском столпотворении авоську с так и несданными пустыми бутылками, но это была не та потеря, о которой следовало грустить. О какой-либо очередности получения товара не могло быть и речи.

Измученная продавщица в сбившемся на сторону голубом берете со страхом в глазах хватала бутылки из ящиков, которые подтаскивали ей двое взмыленных грузчиков, и кидала их в алчно тянущиеся к ней руки. Изогнувшись, словно заправский акробат, Корнилыч протянул руку и тоже

ухватил себе бутылку «Столичной» местного разлива. Основная задача была выполнена, и теперь нужно было думать о том, чтобы, не потеряв драгоценную бутылку, выбраться из этой винно-водочной мышеловки.

— Чего скромничаешь, батя? — бесцеремонно ткнул Корнилыча в бок незнакомый парень. — Бери больше, не стесняйся! Сегодня каждому — по потребностям!

У парня на шее висел объемистый баул, уже наполовину заполненный, а он, весело улыбаясь, продолжал кидать в него все новые и новые бутылки, которые передавал ему напарник, уцепившийся одной рукой за прилавок и не обращавший никакого внимания на то, какой отборной матерщиной крыли его те, кому он перекрывал доступ к неиссякаемому источнику спиртного.

Корнилыч ничего не стал отвечать жизнерадостному парню, который, похоже, всерьез вознамерился затариться водкой на всю оставшуюся жизнь. Зажав свою единственную бутылку в поднятой высоко над головой руке, Корнилыч начал пробираться к выходу.

Обратный путь занял у Корнилыча не меньше часа. Из дверей магазина он вывалился истерзанный и измученный, хватая воздух широко раскрытым ртом, словно рыба, штормом выброшенная на берег. Пот лил с него пятью ручьями, а рука, державшая бутылку, затекла и онемела. Но зато по пути Корнилычу посчастливилось прихватить брошенный кем-то на столке батон колбасы.

Толпа у магазина продолжала бесноваться. Был уже второй час дня, но нечего было и пытаться закрыть магазин на обеденный перерыв, — народ этого не понял бы и не одобрил.

Придя домой, Корнилыч выпил водки, закусил ее отличной сырокопченой колбаской, какой ему давно уже не доводилось пробовать, и мирно улегся спать. Он не видел, как продолжал бурлить обезумевший Ярск, как обозленная толпа била витрины в опустевших к вечеру магазинах и переворачивала ларьки, в которых не осталось ничего, кроме оберточной бумаги и целлофановых пакетов.

На следующий день все магазины в Ярске были закрыты, а на улицы города вышли усиленные наряды милиции и дворников.

Лишь спустя неделю наименее пострадавшие из торговых точек города вновь открыли свои двери для посетителей. Но теперь все товары отпускались в них только за наличный расчет. Эксперимент в Ярске был признан неудавшимся.

Хотя, конечно, с какой стороны посмотреть.

Василий Головачев

КРАЙ СВЕТА

В поселок Уэлькаль, по сути — стойбище морских охотников — эскимосов и чукчей, расположенное на берегу Восточно-Сибирского моря, Дмитрий завернул не потому, что этого требовал маршрут экспедиции, а по причине более прозаической: кончились запасы соли. Задавшись целью в одиночку обойти все побережье Северного Ледовитого океана, Дмитрий сильно рисковал, несмотря на то что за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России, по островам северных морей и по горным странам. Однако он был не только известным путешественником, учеником знаменитого Виталия Сундакова, названного королем путешественников, но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях и никого и ничего не боялся.

Дмитрию Храброву исполнилось тридцать лет. Он был высок, поджар, сухощав, изредка отпускал усы и бородку — особенно во время экспедиций, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, чем мастером боя и выживания, способным без воды и пищи пройти сотни километров по пустыне. В двадцать два года он окончил журфак Московского государственного университета, полтора года отработал в одной из подмосковных газет, женился, но потом увлекся путешествиями, и семейная жизнь его закончилась. Жена не захотела ждать мужа, заработка которого не хватало даже на косметику, по месяцу, а то и по два-три, и ушла.

Дмитрий переживал потерю долго, он любил Светлану, и даже подумывал бросить свою карьеру путешественника и исследователя, но учитель и он же инструктор по русско-поморскому развезать тоску, познакомил с археологами, исследо-

вавшими поселения древних гиперборейцев в Сибири, и Дмитрий, загоревшись историей расселения гиперборейцев по территории России, три года провел за Уралом, раскапывал Аркаим, Мангазею и другие поселения русов, потомков гиперборейцев, много тысяч лет назад высадившихся на севере Евразии.

Он, и покинув археологов, остался исследователем-этнографом, а не просто любителем путешествий, продолжая искать материальные и культурные следы предков там, где в настоящее время редко ступала нога человека.

Дмитрий неплохо знал фольклор народов Крайнего Севера, поэтому, планируя экспедиции, руководствовался не своими желаниями, а легендами и мифами, передающимися из рода в род. Мечта Дмитрия обойти северное побережье России опиралась на не менее сумасшедшую идею найти легендарный Рамль, или Ракремль, — древнюю гиперборейскую крепость, около двадцати тысяч лет назад якобы располагавшуюся где-то на Чукотском побережье. Об этом говорили легенды олочей и юкагиров, чукчей и эскимосов. А узнал об этих легендах Дмитрий от своего знакомого, охотно спонсировавшего его экспедиции, который, в свою очередь, был знаком с членами фольклорно-этнографической экспедиции профессора Демина, несколько лет исследовавшей Чукотку.

Рамль искали и до Дмитрия, причем по всему побережью Северного Ледовитого океана, от Мурманска до Уэлена, но Дмитрий почему-то был уверен, что повезет именно ему.

Высадившись в Уэлене в начале июня, когда в этих местах начиналась весна, Дмитрий за два летних месяца прошел около восьмисот километров вдоль побережий Чукотского и Восточно-Сибирского морей, но короткое северное лето кончилось, в конце августа температура воздуха упала до минус восьми градусов, начались снегопады, и темпы движения снизились. Однако отказываться от продолжения пути Дмитрий не собирался и упорно двигался дальше, надеясь к лютым холодам дойти до устья Колымы, — в том случае, если не повезет и он не отыщет следы самого южного* форпоста Гипербореи.

В Уэлькаль Дмитрий попал к обеду.

Солнце висело низко над горизонтом и готовилось спрятаться за гряды дальних холмов, с которых начиналось Чукот-

* Гиперборейская цивилизация располагалась на материке, который занимал бассейн Северного Ледовитого океана, и Крайний Север России для него был югом.

ское нагорье. Близилась полярная ночь, и дни становились все короче и темней. Дмитрию это обстоятельство не мешало, а вот стойбище готовилось к длинной зиме и дорожило светлым временем суток, чтобы успеть выйти лишний раз в море и сделать запасы на зиму.

Охотники Уэлькаля смогли возродить забытый национальный промысел — охоту на гренландского кита, и за смехотворно короткий летний сезон успевали обеспечивать стойбище уймой деликатесов — мясом нерпы, лахтака, белухи, моржа, китовым мясом и жиром и прочими дарами моря. Но Дмитрию в общем-то эти деликатесы были ни к чему, во время экспедиций он и сам охотился на зверя, лесного и морского, и не переживал, что останется без пищи.

Уэлькаль представлял собой полсотни яранг — конусовидных строений из деревянных шестов и оленьих шкур, в искусстве возведения которых чукчам и эскимосам не было равных, и деревянных домиков более цивилизованного вида. Домиков насчитывалось с десятков, и четыре из них принадлежали местной власти — жилищно-коммунальному хозяйству, магазину, школе и детскому саду. Все они располагались в сотне метров от берега не как попало, а по кругу, точнее — тремя почти точными кругами с общественными строениями в центре, и хотя население стойбища насчитывало всего триста пятьдесят человек, выглядел он не временным лагерем, а чуть ли не городом, выросшим на краю света. Впереди — берег и ледяное море, за спиной — вечно мерзлая тундра с редкими холмами. Ни дорог, ни тропинок, только будто уютгом выглаженное побережье Восточно-Сибирского моря.

Связь Уэлькаля с большим миром случается не чаще пяти-шести раз в год, когда сюда прилетают самолеты с гуманитарной помощью, топливом для местного «флота» — двух моторных вельботов и карбаса, и кое-какими товарами для магазина. Но гости в поселок заявляются чаще, особенно когда кончается охотничий сезон. Тогда в Уэлькаль приезжают на вездеходах посланники губернатора — за пушниной и барыги, которые за бесценку скупают, а то и на бутылку разведенного китайского спирта выменивают пушнину и драгоценное мясо морских белух.

Обо всем этом Дмитрию поведал Миргачан, местный шаман, ламут или эвен по национальности, который первым встретил путешественника на берегу моря и пригласил в гости. Жил он в просторной яранге, покрытой двумя слоями оленьих шкур. Шкурами его жилище было устлано и внутри,

так что представляло собой роскошную мягкую спальню, способную уместить сразу две-три семьи. Однако шаман — еще не старый человек лет пятидесяти пяти — жил один и жену завести не собирался. Много лет назад он был охотником, неудачно бросил гарпун в моржа, и тот едва не убил его во время схватки. С тех пор Миргачан хромал, плохо видел правым глазом и сторонился людей. Почему он решил стать шаманом, Миргачан и сам не помнил, но прошел посвящение и поселился в Уэлькале, где нашел понимание и покой.

Дмитрий с интересом оглядел внутреннее убранство яранги, потрогал на полочках вырезанные из китового уса и моржовых клыков фигурки зверей, птиц и людей, бросил взгляд на самые настоящие батареи водяного отопления: поселок имел центральную котельную, начальник которой, он же кочегар, пользовался у жителей огромным авторитетом. Цивилизация пришла в этот богом забытый уголок, что подтверждали стоящий у стенки яранги японский телевизор и электроплита.

Запахи в жилище шамана вполне соответствовали его образу жизни — запахи трав, шкур, китового жира и паленой шерсти. Однако приходилось терпеть, чтобы не обидеть хозяина.

Лошадь Дмитрий накормил и оставил рядом с оленями, принадлежащими Миргачану; ее он использовал только в качестве вьючного животного, передвигаясь преимущественно пешком. В яранге было тепло, но раздеваться Дмитрий не стал, надеясь лишь на беседу с шаманом, а не на ночлег. Миргачан достал початую бутылку настоящей кристалловской водки, вяленую рыбу и особым образом приготовленное нерпичье мясо. От водки Дмитрий отказался, сославшись на веру, запрещающую ему употреблять алкогольные напитки (что в общем-то соответствовало истине), а рыбу и мясо попробовал.

Миргачан почти свободно владел русским языком и разговаривался, обрадованный возможностью пообщаться с человеком «с Большой земли». Он рассказал немало любопытных историй, две из которых Дмитрий даже записал на диктофон.

Первая повествовала о встрече охотников с каким-то диковинным «шибко большим» зверем с огромной драконьей головой и длинным костяным гребнем по спине, вторая уходила в дебри времен. Ее якобы рассказал Миргачану старый шаман, у которого он учился, и говорила она о появлении в стойбищах охотников каких-то странных людей с двумя лицами, ищущих «дыру в светлый мир».

Дмитрий, заинтересованный историей, начал было спрашивать у хозяина подробности, но в этот момент где-то за стенами яранги зародился неясный шум, раздались далекие и близкие крики, и в ярангу, откинув полог входа, нырнул худенький мальчишка с глазами на пол-лица. Он что-то выкрикнул на эскимосском языке, глянул на Дмитрия и шмыгнул вон.

— Что случилось? — спросил Дмитрий.

Миргачан, кряхтя, поднялся.

— Опять барыги свару затеяли, однако. У нас всегда так: стоит только охотникам получку получить — они тут как тут. Спирт продают, водку, а кто отказывается — того бьют.

Дмитрий непонимающе посмотрел на шамана:

— То есть как — бьют? Разве они имеют право принуждать человека покупать у них товар?

Миргачан махнул рукой:

— Многие и не хотели бы связываться с ними, да выпить любят. К тому же барыги почти ничего не продают, а меняют.

— Тем более. А власть как на это смотрит?

— Какая у нас власть? — снова махнул рукой шаман. — Главный бухгалтер, что получку выдает, кочегар Палыч, который тоже пьет много, однако, да я вот.

— А милиция? Участковый?

— Нету милиции, однако. В Ирпени есть, у нас нету. А барыги все здоровые, их боятся. Посиди пока, я попробую их успокоить.

— Я с вами, — встал Дмитрий.

Они вышли из яранги.

Было светло, белесое небо казалось покрытым изморозью. Температура в это время года здесь держалась на уровне минус пяти-шести градусов по Цельсию, но ветры зачастую превращали погоду в колотун.

По стойбищу бродили стайки детей, мужики в засаленных робах и кирзовых сапогах, старухи и молодые женщины в национальных костюмах, отделанных таким потрясающей красоты орнаментом и мехом, что на их фоне поблекли бы и столичные красавицы в дорогих шубах. По случаю выдачи зарплаты в стойбище начался самый настоящий праздник, никто не работал, а самая большая толпа жителей поселка собралась на центральной площади, у магазина. Там же стоял вездеход приезжих менял, возле которого толклись охотники, пожелавшие обменять пушнину и мясо на водку, курево и другие «блага цивилизации».

В тот момент, когда Дмитрий и шаман подошли к вездеходу, трое молодцов в черных кожаных куртках били какого-то мощнотелого, но безвольного мужчину в старом десантном комбинезоне. Жители Уэлькаля молча наблюдали за избиением. Лишь женщины иногда начинали кричать на молодых людей и умолкали испуганно, когда четвертый приятель менял, не принимавший участия в расправе, с угрозой оглядывался на кричащих.

Мужчина упал. Молодые атлеты продолжали сосредоточенно бить его ногами, норовя попасть по голове.

— Прекратите! — сказал Миргачан, выходя из-за спин соплеменников. — Нехорошо, однако.

— Отойди, хромой, — брезгливо оттолкнул шамана четвертый парень, на голове которого красовался танкистский шлем. — Мы только поучим этого мозгляка, чтобы знал, с кем связался.

Миргачан не удержался на ногах, упал, и Дмитрий не держал.

— Эй, чемпионы, может, хватит?

Молодцы прервали избиение, оглянулись. Тот, что толкнул шамана, поднял редкие белесые брови:

— А ты откуда такой выискался, оглобля волосатая? Тоже хочешь получить отпущение грехов?

Не говоря ни слова, Дмитрий помог подняться Миргачану, подошел к мужчине в комбинезоне, скорчившемуся на утоптанном галечнике, протянул ему руку:

— Вставайте, я вам помогу.

На миг показалось, что сквозь черные спутанные волосы на затылке незнакомца на Дмитрия глянули удивленные глаза, но потом это ощущение прошло. Мужчина зашевелился, отнял руки от небритого лица, посмотрел на Дмитрия, прищурясь, молча вцепился в протянутую руку и с трудом встал. Рука у него была горячая и влажная, как у больного гриппом.

Молодцы с вездехода, ошеломленные вмешательством Дмитрия и его спокойствием, опомнились.

— Ты че, ох...л?! — выдохнул «танкист» в шлеме. — Ты за кого заступаешься?! Он же ворюга!

— Он человек, — хмуро сказал Дмитрий. — А если что и украл, то давайте разберемся.

— Да не хрен нам разбираться! Не вмешивайся не в свое дело, а то неровен час волосы потеряешь!

— Я ими не дорожу. А вам советую: забирайте свой товар и уезжайте отсюда.

Стало совсем тихо. Затем «танкист» изумленно присвистнул, махнул рукой своим заржавшим приятелям, и те бросились на Дмитрия, поддерживающего под локоть избитого незнакомца. Что произошло в следующее мгновение, не понял никто.

Дмитрий вроде бы и не двинулся с места, и не махал руками, и не прыгал, но все трое нападавших вдруг оказались лежащими на земле лицами в гальку и мерзлую землю, и драка закончилась, не успев начаться. Дмитрий повернул голову к «танкисту», сузил похолодевшие глаза:

— Уходите отсюда! Мое терпение имеет пределы. Еще раз приедете в поселок — разговор будет другим. Же не компран?

— Че? — вылупил глаза «танкист».

— Понял, мурло?

«Танкист» облизнул губы, внезапно сунул руку за пазуху и выхватил пистолет. Но воспользоваться им не успел. Дмитрий буквально исчез в том месте, где стоял, оказался вдруг рядом с молодцем в шлеме, вывернул у него пистолет и направил ствол в лоб.

— Понял, спрашиваю?

— По-по-по-нял... — вспотел «танкист».

— Убирайтесь! Живо!

Вдруг распахнулась дверца вездехода, со звоном ударилась о борт, из кабины на землю прыгнул какой-то чумазый подросток в ватнике и джинсах, бросился к Миргачану и Дмитрию с криком:

— Помогите! Я не хочу жить с ними! Они забрали меня насильно!

Подросток вцепился в шамана, залился слезами, и Дмитрий вдруг понял, что это девушка, очень юная, почти девчонка.

— Успокойся, однако, — проговорил Миргачан, погладив волосы девчушки заскорузлой ладонью. — Кто ты и откуда?

— Я из Колабельды, — выговорила она, глотая слезы. — Меня зовут Инира, они схватили меня и увезли... четвертый день уже...

Миргачан поймал взгляд Дмитрия, покачал головой:

— Она из поселка Кола, километров сто отсюда, однако. Инира по-русски — звезда. Родители небось ищут...

— Нет у меня родителей, я у кайат жила, у тетки...

— Сколько же тебе лет?

— Восемнадцать... скоро будет...

Дмитрий перевел взгляд на «танкиста», и тот отпрянул, поднимая руки, изменился в лице, заскулил:

— Это не я... это Вахида идея, он взял... а я даже не прикасался к ней...

Молодцы с исцарапанными о камни и мерзлые комья земли лицами начали подавать признаки жизни, озираясь, переглядываясь. Толпа жителей Уэлькаля вокруг загудела.

— Их убить надо! — выкрикнула какая-то старуха в драной шубе и бурках. — Сколько людей они обманули! Мужей спаивали! А они еще и детей крадут!

Шум усилился.

— Тихо! — рявкнул Миргачан на сородичей, посмотрел на Дмитрия. — Бандиты, однако. Их в милицию бы надо. Да только где она, милиция?

Дмитрий поднял пистолет, посмотрел вверх ствола на побледневшего «танкиста».

— Будь моя воля, я бы их всех утопил! — Он посмотрел на спасенного мужчину с заросшим седой щетиной лицом, перевел взгляд на девочку по имени Инира. — У вас есть связь с губернским центром?

— Есть, — вышла вперед женщина средних лет.

— Позвоните, передайте приметы этих... продавцов. Их найдут. А я, когда доберусь до места, продублирую. А теперь пусть убируются!

— Идите, однако, — махнул рукой Миргачан. — Сюда больше не приезжайте.

— Тебя не спросили... — «Танкист» осекся, глянув на Дмитрия. — Пушку-то отдай, оглобля, не твоя она.

Тот подошел к нему вплотную, сказал раздельно:

— Я человек мирный, но если надо — всех вас положу и в тундре закопаю! Понял? Лучше убирайтесь из этого края. Вернусь — найду!

Молодцы в куртках попятились к вездеходу, опасливо поглядывая на пистолет в руке Дмитрия, забрались по одному в кабину.

«Танкист» залез последним, приоткрыл дверцу, ощерился:

— Мы тебя сами найдем, паря! Пожалеешь, что встрял не в свое дело!

Вездеход заворчал мотором, крутанулся на месте, распутивая жителей стойбища, брызнул струями гальки и песка из-под гусениц и помчался вдоль берега, огибая поселок.

Спасенный Дмитрием незнакомец бросил на него косой взгляд и молча, припадая на левую ногу, поплел-

ся прочь, боком протиснулся сквозь толпу, исчез. Что такое благодарность, он, очевидно, не знал.

Люди начали расходиться, оживленно обсуждая происшествие на смеси эскимосско-чукотского и русского языков. Жены потащили домой упиравшихся мужей, не успевших выменять свои товары на спирт. Дети, с уважением глядя на Дмитрия, загалдели, затем разбежались в разные стороны, продолжая свои игры. На площади перед магазином остались четверо: Храбров, шаман, девочка Инира и женщина, оказавшаяся главным бухгалтером стойбища по имени Валентина Семеновна.

— Спасибо вам, что вступились, — сказала она виноватым тоном. — Наши мужики трусоваты, да и зависят от барыг, им невыгодно ссориться и заступаться за других. Надолго к нам? Где остановились?

— У меня, — сказал Миргачан.

— Я всего на минутку сюда заскочил, — развел руками Дмитрий. — За солью да за спичками. Пойду дальше. Позаботьтесь о девчонке. Ее бы к тетке вернуть.

— Поживет пока у меня, а через неделю из центра прилетит вертолет за рыбой, и мы ее отправим домой.

— Не хочу! — выпалила Инира, вырываясь из рук шамана. — Можно я с вами пойду? — Она умоляюще прижала кулачки к груди.

Дмитрий отрицательно качнул головой, поежился под взглядом огромных, с косым разрезом карих глаз.

— К сожалению, это невозможно. Поход — не прогулка, а мне не нужны проводники и... — Дмитрий хотел добавить: и лишние рты, но сдержался.

— Пойдем, милая. — Валентина Семеновна взяла Иниру под руку. — Умоешься, переоденешься, согреешься. Есть хочешь?

Они пошли прочь. Девушка упиралась, оглядывалась, в ее глазах стояли слезы, но Дмитрий покачал головой и отвернулся, понимая, что с такой обузой далеко не уйдет. Да и ситуация складывалась бы двусмысленной: здоровый мужик вдруг решил взять в спутницы молодую девчонку...

— Спасибо, гирки*, — сказал шаман. — Барыги теперь к нам не приедут, однако. Но будь осторожен, это плохие люди.

Дмитрий кивнул. Он не был уверен, что менялы не вернутся. Они контролировали, наверное, все стойбища побережья и вряд ли согласны были отказаться от части прибыли, которую

* Гирки — друг (эвен.).

получали с «торговой точки» в Уэлькале. Законы здесь, на краю земли, не действовали, и рэкетирующие молодчики сами устанавливали свои законы.

У яранги шамана стали прощаться.

— Возьми олешка, однако, — предложил Миргачан. — Лошадь твой далеко не уйдет, замерзнет, а олешек нет.

— Это было бы неплохо, — с сомнением проговорил Дмитрий, — да ведь мне нечего за оленя дать. Лошадь — неравноценный обмен.

— Бери даром, — великодушно махнул рукой шаман. — Я не обеднею. Если надо, мне охотники любого олешка приведут.

— Ну, тогда, пожалуй, можно.

Дмитрий перегрузил тюки с походным имуществом с лошади на красивого оленя, погладил его по шее:

— А он не убежит?

— Смирный, однако, не убежит, — осклабился Миргачан.

— Тогда я двинулся дальше. Спасибо за гостеприимство, за беседу, за оленя. В долгу не останусь. Прощайте.

Шаман мелко-мелко закивал, сунул Дмитрию вырезанную из китового уса темную фигурку, напоминающую зверя и человечка одновременно:

— Это шипкача, добрый дух. Помогать будет, однако, тугныгаков отгонять.

— Кого?

— Тугныгаков, злых духов.

Дмитрий взвесил в руке ставшую теплой фигурку, положил в карман на груди, поклонился (благодарить за такой подарок не полагалось, по местным поверьям) и дернул за кожаный пояс, заменявший узду. Олень послушно тронулся с места.

Никто Дмитрия не провожал. Барыги уехали, ажиотаж с обменом и торговлей спал, жители стойбища разошлись по домам. Лишь стайки детей продолжали суетиться то там, то здесь, изредка появляясь у яранги Миргачана.

Дмитрий оглянулся на краю поселка, но шамана не увидел. «Духовный наставник» стойбища не любил долгих прощаний и скрылся в своем жилище. Зато появился откуда-то тот самый мужчина в камуфляже, которого избили менялы. Он догнал Дмитрия с непокрытой головой, исподлобья глянул на оленя, на путешественника, на море.

— Я знаю, что ты ищешь. — Голос у незнакомца был тонкий, гортанный, необычный. — Могу показать дорогу.

— Это интересно, — сказал Дмитрий хладнокровно. — Мне казалось, я сам не знаю, куда иду и что ищу.

— Ты ищешь Рамль. Я знаю дорогу.

Дмитрий подобрался, ощупал недоверчивым взглядом темное лицо незнакомца, разукрашенное синяками и царапинами, не похожее ни на лицо тунгуса, ни на лицо русского, ни на «лицо кавказской национальности». Снова пришло ощущение, что у мужика не два глаза, а четыре.

— Откуда вам известно... о Рамле?

Губы незнакомца исказила усмешка.

— Это не важно. Ты хочешь найти крепость?

— Хочу, — подумав, ответил Дмитрий.

— Я отведу тебя. Ты помог мне, я помогу тебе. Но идти надо быстро.

— Почему?

— Они могут вернуться.

Дмитрий понял, что речь идет о барыгах, избивших собеседника.

— За что они вас били?

Та же кривая ухмылка.

— Кто-то украл у них банку кофе, подумали, что это я.

— Понятно. А откуда вам все-таки известно о Рамле?

— Я тут давно... — Черноволосый здоровяк неопределенно пожал плечами. С виду он был силен как бык, и Дмитрию было непонятно, почему верзила не дал отпора парням с вездехода.

— Почему я должен вам верить?

— Как хотите. Можете не верить...

— Как вас звать?

— Эвтанай.

— Далеко нам идти до Рамля, Эвтанай?

Мужчина посмотрел на низкое солнце, бросил взгляд на оленя, на ноги Дмитрия, словно что-то прикидывая:

— Два дня.

— Как же ты дойдешь, если у тебя нет ни припасов, ни оружия, ни походного снаряжения? Или болтовня о Рамле только прикрытие? И ночью ты меня ограбишь и скроешься?

— У меня есть оружие. — Эвтанай сунул руку за шею и вытянул длинный нож, сверкнувший ярким голубым блеском. — Мне ничего не надо. Я дойду.

— Ладно, присоединяйся, — согласился наконец интригованный Дмитрий. — Но предупреждаю: замечу

что подозрительное — церемониться не буду. Это я с виду только смиренный, но ты видел, как я могу защищаться.

— Мне нет смысла хитрить. До Рамля одному не дойти.

— Почему? Я бы дошел, если бы знал координаты.

— Рамль защищен... он окружен ведьминым кольцом... ну-жен такой человек, как ты, чтобы никого и ничего не бояться.

Дмитрий хмыкнул, с сомнением оглядел ничего не выражающее лицо Эвтаны и дернул за оленью узду:

— Ну что ж, потопали.

Вскоре поселок охотников скрылся из виду.

За два часа путники отмахали вдоль берега моря около десяти километров, остановились перевести дух, и в это время сзади на серо-белой глади берега появилась точка, превратилась в догоняющего их человека, и человеком этим оказалась девушка Инира, одетая в оленью парку, ичиги и нерпичью шапку, раскрасневшаяся, умытая, причесанная и невероятно красивая. В руке она держала небольшую меховую сумку.

— Я с вами! — выпалила она, останавливаясь, запыхавшись от бега. — Пожалуйста, возьмите меня с собой.

Глаза Эвтаны недобро сверкнули.

— Уходи! — бросил он неприветливо. — Тебе нельзя там, где мужчины. Плохо будет.

Инира умоляюще посмотрела на Дмитрия.

— Я вам не помешаю, я выносливая. Вот, даже еду взяла. — Она приподняла сумку. — Сушеное мясо и хлеб.

Дмитрий улыбнулся:

— Этого не хватит даже на день пути, а до ближайшего стойбища километров триста. Ты не дойдешь. Возвращайся.

Инира гордо вскинула голову:

— Я в школе бегала быстрее всех! Я дойду! Не захотите меня взять — я пойду за вами сама.

Дмитрий и Эвтаны переглянулись. Черноволосый проводник покачал головой:

— Она совсем молодая, глупая, нельзя ей с нами. Совсем нельзя.

— Прогоним — она пойдет за нами.

— Я отведу ее в поселок и оставлю.

— Не подходи, двулицый! — Инира проворно достала из-под полы парки нож с изогнутым лезвием. — Глаз выколю!

Дмитрий поднял бровь, посмотрел на спутника, ничуть не смутившегося угрозы, на девушку:

— Почему ты назвала его двулицым?

— Я видела его в Колабельды, он ссорился с какими-то парнями, и они называли его двулицым.

— Может быть, двуличным?

— А какая разница? — удивилась Инира.

Дмитрий усмехнулся:

— Действительно, почти никакой. Давай договоримся, путешественница. Мы возьмем тебя с собой только при одном условии: не жаловаться! И слушаться. Иначе лучше отправляйся обратно. Договорились?

— Да-да, — радостно закивала девушка. — Я буду послушная.

— Кстати, нехорошо, что ты убежала от приютивших тебя людей да еще забрала у них продукты и одежду.

Инира вспыхнула, понурила голову, потом посмотрела в глаза Дмитрию:

— Я все верну! И я написала Валентине Семенне записку, чтобы она не беспокоилась.

— Мы теряем время, — угрюмо проговорил Эвтанай. — Я против, чтобы она шла с нами, хлопот не оберешься.

Дмитрий и сам думал так же, но и прогонять упрямую аборигенку (интересно, кто ее родители? По всему видно, кто-то из них был эскимосом, а кто-то русским) не спешил. И смотрела она так жалобно и вместе с тем с таким вызовом, что можно было не сомневаться: она и в самом деле способна сопровождать их в отдалении.

— Присоединяйся, — сказал Дмитрий со вздохом.

Глаза девушки просияли. Она бросилась к нему, но застеснялась, остановилась и, повернувшись к Эвтаная, показала ему язык.

За два дня они преодолели шестьдесят два километра и приблизились к отрогам Чукотского нагорья, скрывшим за собой низкое солнце. День от ночи теперь можно было отличить только по светящемуся небосводу, да и длилось светлое время суток всего около четырех часов. Столько же продолжались сумерки, а остальное время занимала надвигающаяся полярная ночь.

Чем руководствовался Эвтанай, ведя небольшой отряд зигзагом, никто не знал. Однако на исходе вторых суток он свернул на юго-запад, и отряд стал удаляться от ровного берега моря. Начались пологие холмы, гряды, долины, болотистая, еще не окончательно заледеневшая тундра сменилась каменистыми осыпями и голыми проплешинами с редким кустарником и куртинами трав.

Птицы уже улетели из этих краев, за исключением белой куропатки, остающейся на зиму, и Дмитрий изредка охотился на птицу, добывая по нескольку штук для обеда или ужина.

Комары, в летний период — настоящее бедствие для животных и человека, с наступлением холодов исчезли, а за ними ушли и птичьи стаи, не успевающие летом поглощать внезапное изобилие пищи. Лишь изредка встречались полярные совы, гонявшиеся за леммингами и зайцами, которые тоже оставались на зиму, да малые веретенники и пуночки.

Олень, подаренный Дмитрию шаманом Уэлькаля, оказался смиренным и выносливым животным, успевавшим насытиться лишайником во время стоянок. Люди, естественно, питались разнообразнее, но не намного: вяленое и сушеное мясо — пемикан, рыба, которую очень ловко ловил Эвтанай, да мясо куропаток, приготовленное на костре. Хлеб Иниры был съеден давно, поэтому обходились без него. Костры разводили из плавника на берегу и сухих лепешек лишайника, иногда подбрасывая встречавшиеся на пути ставшие рыхлыми кости животных.

Дмитрий походную жизнь переносил абсолютно спокойно, как и полагается путешественнику с его стажем. Эвтанай также шагал неумоимо и быстро, не обращая внимания на условия сурового края, хотя ел он редко и только рыбу, когда случалось ее поймать. Однако и девушка Инира, оказавшаяся наполовину украинкой, наполовину эскимоской, не жаловалась на трудности похода, держалась бодро и жизнерадостно, часто пела заунывные эскимосские песни и не донимала своих спутников расспросами или пустопорожней болтовней.

Ее ичиги из оленьих шкур, подшитые снизу вторым слоем кожи, к счастью, оказались прочными, и Дмитрию, знавшему, как быстро изнашиваются ботинки в здешних условиях, заботиться о смене обуви не пришлось. Да и температура воздуха пока держалась на отметке минус восьми — десяти градусов, не заставляя путешественников кутаться в меха и закрывать лица шарфом.

Дмитрий не раз потом размышлял о причине, заставившей его взять с собой Иниру, и пришел к выводу, что он сделал это вопреки желанию Эвтаны, который таинственным образом узнал о цели путешествия Храброва и вел себя подозрительно. О том, что девушка просто понравилась Дмитрию, он не решился признаться даже себе самому.

На третьи сутки Эвтанай впервые начал проявлять беспокойство. То и дело останавливаясь, он подолгу раз-

глядывал сопки и склоны холмов, всматривался в землю, поглядывал на небо и что-то ворчал под нос. За этот день они прошли всего километров пятнадцать и достигли первых скал и каменистых осыпей края плато, постепенно поднимавшегося в горы. Эвтанай некоторое время изучал местность, сунулся к одной группе скал, к другой и глухо проговорил:

— Меня сбивают... уведят от цели... не могу найти тропинку...

Дмитрий и сам видел, что они кружат на месте, несколько раз меняя направление пути, но считал, что проводник просто вспоминает приметы и ищет кратчайшую дорогу к цели.

— Кто сбивает? — поинтересовался он.

— Духи крепости...

— Чем я могу помочь? Что нужно делать?

— Надо идти прямо... эти скалы — ключ к воротам в долину, где стоит... стояла крепость.

— Прямо — это куда? На юг? На запад? На восток?

Эвтанай посмотрел на темное небо, затянутое пеленой облаков, на скалы, ткнул пальцем справа от них:

— Туда.

— Значит, строго на юго-запад, — уточнил Дмитрий. — Что ж, завтра отправимся в ту сторону. Ты уверен, что Рамль стоит именно там?

— Он скрыт от глаз... но вход в долину, где он стоял, там.

— Хорошо. Ищем место для ночевки, собираем все, что горит, и отдыхаем.

Они выбрали ровную площадку за группой огромных каменных глыб, так, чтобы они защищали их от ветра, разбили палатку, развели костер. Палатка была небольшая, одноместная. Дмитрий во время походов спал в ней один, теперь же их было трое, и первое время они спали вдвоем, в тесноте, оставляя припасы и походный инвентарь снаружи. Потом Эвтанай стал отказываться от совместного размещения, спал он плохо, метался, вскрикивал по ночам, и в конце концов Дмитрий махнул на него рукой. Уже третью ночь они с Инирой проводили вместе, она — в его спальнике, он — закутавшись в одеяло, и это устраивало обоих. Хотя речи о близости не было. Инира оказалась неглупой и начитанной девчонкой, жадной до расспросов о столичной жизни и о мире вообще, и Дмитрий с удовольствием отвечал на ее вопросы, чувствуя растущее влечение, но пресекая все нескромные мысли.

Он не удивился, когда она, тихонько раздевшись в спальном мешке, скользнула к нему под одеяло, но пре-

одолеял желание и долго рассказывал девушке о своей личной жизни, чтобы не обидеть и в то же время не совершить ошибку. Вскоре она доверчиво уснула у него на груди, а он, обнимая ее юное, вкусно пахнущее тело, с удивлением и трепетом вслушивался в ее дыхание и думал, что никогда не поверил бы тому, кто рассказал бы ему подобную историю. Но твердо знал, что поступил правильно. Инира была достойна большего, чем то, что он мог ей предложить в данный момент.

Потрескивал костер. Посвистывал ветер в скалах. Эвтанай уходил куда-то, возвращался, ворчал, подбрасывал в костер ветки. По пологу палатки бродили тени. Дмитрий поцеловал Иниру в ухо и уснул...

Встали в начале девятого утра, хотя было еще темно: рассвет здесь начинался после десяти. Позавтракали и выступили в путь, держа курс на юго-запад: впереди Дмитрий с Инирой, сзади Эвтанай, сгорбившийся, мрачный, не смотревший по сторонам.

Таким образом прошагали несколько километров, выбирая более или менее ровные участки рельефа, огибая скалы и длинные каменистые языки моренных гряд. К двенадцати часам окончательно рассвело, хотя солнце так и не показалось над горизонтом. На Чукотском нагорье начались долгие осенние сумерки.

Дмитрий внезапно заметил, что отклонился от выбранного направления к северу. Стал чаще поглядывать на компас. Однако и это не помогло. Стоило немного отвлечься, задуматься о чем-нибудь другом, как траектория их движения сворачивала в сторону, и отряд начинал идти зигзагом, петлять, словно его сбивала с пути какая-то недобрая сила. Дмитрий поделился своими наблюдениями со спутниками, и Эвтанай глухо произнес:

— Это ведьмино кольцо... духи не пускают нас в крепость... может быть, мы вообще туда не попадем...

Дмитрий внимательно посмотрел на него:

— Ты уже пробовал найти Рамль?

Эвтанай отвернулся, затем нехотя признался:

— Много раз... со всех сторон... неудачно...

— И что же ты рассчитываешь там найти?

Глаза черноволосого проводника — он так и шел без шапки — сверкнули. Он долго не отвечал,ковыряя носком мокасины мерзлый лишайник, покосился на Иниру, взобравшуюся на камень:

— В крепости много всего...

— Точнее?

Снова долгое молчание.

— Вот что, дружище, — рассердился Дмитрий, — или выкладывай все, что знаешь, или я поворачиваю обратно!

Эвтанай вскинул голову, оценивающе посмотрел на путешественника и понял, что тот не шутит.

— Там... сокровища... всякие... По легендам, Рамль накрыла волна цунами, и все так и осталось нетронутым... А оставшиеся в живых потом договорились с духами об охране крепости.

— Ты так уверенно говоришь, будто присутствовал при этом.

Эвтанай глянул на Дмитрия исподлобья, хотел что-то сказать, но в этот момент раздался звонкий голосок Иниры:

— Там впереди что-то светится!

Эвтанай вздрогнул, бросился к растрескавшейся глыбе камня, на которую взобралась девушка, в мгновение ока залез наверх. Дмитрий присоединился к ним, козырьком приставил ко лбу ладонь и увидел среди пирамидальных скал в пяти-шести километрах на юго-западе какое-то призрачное свечение.

— Что это может быть?

— Крепость! — выпалила Инира. Она не вмешивалась в разговоры мужчин, но прислушивалась к ним и знала о цели похода.

— Странно... — глухо буркнул Эвтанай, неотрывно глядя на облачко свечения. — С такого расстояния крепость не должна быть видна... но, может, что-то изменилось...

Волосы на затылке проводника шевельнулись, в них что-то блеснуло; Дмитрию показалось — глаз! Но в это время Эвтанай вдруг прыгнул со скалы на землю и, ни слова не говоря, бросился между каменными глыбами по направлению к светящимся скалам.

— Ты куда, Эвтанай! — окликнул его Дмитрий. — Подожди! Проводник не ответил, исчезая из виду.

— Что это с ним? — удивилась Инира. — С ума сошел?

— Он решил, что может теперь обойтись без нас, — пробормотал Дмитрий, переживая неприятное чувство гадливости; перед мысленным взором все еще стоял влажный блеск глаза на затылке проводника.

— Надо его догнать! А то он все себе присвоит!

— Не присвоит, — усмехнулся Дмитрий. — Я вообще не уверен, что мы что-нибудь найдем.

Инира удивленно подняла брови:

— Зачем же тогда ты согласился искать эту гипробейскую крепость?

— Гиперборейскую, — поправил ее Храбров. — Однако уж очень хотелось бы, чтобы местные легенды отражали реальные события прошлого. Если мы обнаружим остатки Рамля — войдем в историю, как Шлиман! Их многие искали, да так и не нашли.

— Кто такой Шлиман?

— Ученый, который нашел и раскопал Троя.

— Что такое Троя? Тоже крепость?

— Нечто вроде этого.

Дмитрий слез со скалы, подал руку Инире, но она легко спрыгнула сама.

— Поехали, посмотрим, что там светится.

Они двинулись вслед за Эвтанаем, прислушиваясь к шорохам ветра в скалах. Где-то далеко закричала не то чайка, не то сова. Откуда-то прилетел странный звук, похожий на рычание мотора. Стих. Дмитрий и Инира переглянулись. У обоих мелькнула одна и та же мысль: вездеход! Однако звук больше не повторился, и Дмитрий зашагал дальше, выдвинув из седельной сумки на всякий случай приклад охотничьего карабина «Сайгак».

Тропинка, по которой они двигались в сторону свечения, вскоре превратилась в расщелину, а затем и в самое настоящее ущелье, прорезавшее скалы и горные склоны. Оно было почти прямое и узкое — двоим не разойтись, но все же достаточной ширины, чтобы по нему могли двигаться люди и даже олень с поклажей.

Преодолев несколько километров в ступающих сумерках, они вышли на край долины и остановились, не веря глазам. Перед ними на дне чашеобразной впадины стоял светящийся призрачный замок, чем-то напоминающий древние русские крепости — кремли: московский, нижегородский, смоленский и другие. Рамль! Его стены и башни зыбились, переливались волнами света, словно сотканые из световых вуалей, испускали серебристое лунное сияние, подрагивали, сказочно красивые и гармоничные. Но стоило путешественникам сделать еще один шаг, как сияние вдруг погасло, башни и стены Рамля исчезли и перед глазами ошеломленных путников предстали... развалины!

— Ой! — испуганно остановилась Инира.

Дмитрий замер, глядя на зубцы и неровные линии кладки и остатков стен. Затем попятился и вздрогнул, снова увидев сияющие стены и башни крепости.

- Дьявольщина!
- Что? — оглянулась девушка.
- Подойди ко мне.

Инира послушно вернулась к нему и не удержалась от изумленного вскрика:

— Кана иктлынкут! — Виновато посмотрела на Дмитрия. — Извини, я от неожиданности...

Он понял, что девушка выругалась на своем языке. Сделал несколько шагов вперед и уже спокойнее воспринял происшедшую метаморфозу сверкающего древнего кремля в развалины. Прodelав ту же процедуру еще раз, Дмитрий определил границы таинственного превращения крепости в руины и понял, почему Эвтантай говорил о ведьмином кольце, отводящем путников от древнего сооружения: увидеть Рамль таким, каким он был когда-то, можно было только в пределах этого самого кольца.

Окончательно стемнело. Олень вдруг заупряился и наотрез отказался следовать дальше за хозяином. Пришлось оставить его у внешней границы магического кольца, привязав за ногу к камню. Дмитрий взял карабин и направился к величественным даже в нынешнем состоянии стенам гиперборейского форпоста, сложенным из гранитных блоков и базальтовых плит. Сбитая с толку, зачарованная Инира вцепилась в рукав его куртки, пытаясь не отстать.

В свете фонаря показались уложенные в шахматном порядке шестиугольные плиты — темные и светлые. Очевидно, это были остатки дороги, ведущей в крепость. Приблизились гигантские, внушающие трепет, каменные врата с покосившейся, готовой свалиться балкой, на выпуклых ромбических пластинах которых были вырезаны какие-то письмена и геометрические фигуры. Некоторые буквы письмен походили на старославянские «г», «р» и «а». Однако прочитать, что начертано на вратах, Дмитрий не сумел.

— Надо пройти туда, посмотреть... — прошептала Инира, вздрагивая в нервном ознобе.

Дмитрий осветил груды каменных блоков, за которыми начинались остатки стен. Некоторые были достаточно низкими, чтобы через них можно было попытаться перелезть, цепляясь за неровности, выбоины и выступы. Интересно, как пробрался в крепость Эвтантай? — пришла мысль. И почему он так спешил, бросив спутников? Что надеялся найти здесь? И вообще: кто он такой на самом деле, двулицый? Почему

иногда действительно кажется, что на затылке Эвтана я есть еще два глаза?..

— Ну что, полезли? — Инира нетерпеливо дернула Дмитрия за рукав, не понимая, почему он медлит. — Здесь, по-моему, можно подняться.

— Давай обойдем развалины, попробуем найти более удобный проход. Знать бы, где прошел наш угрюмый спутник...

— Лучше не надо, — быстро сказала Инира и нервно засмеялась. — Он странный... чужой... и недобрый! Я его боюсь!

Дмитрий двинулся влево, выбирая дорогу между камнями. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты вставшие торчком плиты, погруженные в каменно-песчаные осыпи блоки и камни, рваные земляные валы и языки щебня. Взобраться по ним на мощную стену Рамля было проблематично. Повинуясь голосу интуиции, Дмитрий вернулся к воротам в крепость.

Правая сторона древнего сооружения сохранилась лучше, хотя ни одна из башен не уцелела. Зато вторая от ворот башня оказалась расколотой снизу доверху, и в эту щель можно было пролезть, взобравшись на груды рухнувших сверху блоков. Возможно, через эту брешь на территорию древней крепости проник и Эвтана.

— Странно... — пробормотала Инира.

— Что? — не понял Дмитрий, прикидывая, как легче пробраться в башню.

— Почему развалины не светятся... Издали светятся, а вблизи...

— Возможно, срабатывает какой-то эффект...

— Колдовство?

Дмитрий улыбнулся:

— Кто знает? Может быть, и колдовство. Существует гипотеза, что древние гиперборейцы, населявшие десятки тысяч лет назад северный континент — где теперь льды, были магами. Волшебниками.

— А если они здесь прячутся?! — наивно испугалась Инира.

— Этой крепости не менее двадцати тысяч лет. Так долго не живут даже волшебники.

Взобравшись на вал из обломков стен и башни, они через щель, оказавшуюся достаточно широкой, проникли внутрь основания башни. Обломков и камней и здесь хватало, однако между ними все же оставались проходы, по которым путешественники и двинулись в обход помещения, форму которого понять было трудно из-за нагромождения рухнувших стен и сва-

лившихся с потолка глыб. А затем в толстом слое пыли, покрывавшем пол помещения, Дмитрий увидел следы.

— Мы не ошиблись, — сказал он негромко, разглядывая нечеткие — человек бежал — следы. — Двумицый тоже выбрал этот путь.

— Эвтанай?

— Больше никому. Да и следы свежие.

Дмитрий направился по следам, пересекающим низкое помещение в основании башни почти точно по прямой. Складывалось впечатление, что Эвтанай *знает*, куда идет. Возможно, он уже бывал здесь, пришла неожиданная и неприятная мысль.

Следы привели к внутренней стене башни, и в свете фонаря показались ступени лестницы, винтом уходящие вниз. Пыли на них почему-то не было, словно ее собрали пылесосом, и они отсвечивали полупрозрачным черным стеклом и такой полировкой, будто были только что уложены. Дмитрий посветил в проем, но лестница закручивалась по спирали, и увидеть, что там находится внизу, не удалось.

— Мне... страшно! — поежилась Инира. — Разве обязательно туда лезть, за двумяцым?

Дмитрий осветил пол, потолок помещения, поддерживаемый плитами и балками из все того же похожего на черное стекло материала, перевел луч на стену и увидел невдалеке аркообразную нишу. Это был выход из башни во двор, точнее, на территорию крепости. Когда-то он закрывался деревянной дверью, но время не пощадило дерево, и от двери остались всего несколько толстых поперечных перекладин, висящих на почерневших металлических петлях.

— Давай посмотрим, что там снаружи. Потом вернемся.

Дмитрий углубился в нишу высотой в два человеческих роста, зашагал к двери, разгребая пыль. Дотронулся стволom карабина до расщепленных заостренных перекладин (возможно, дверь была взорвана), попытался толкнуть их, и они рассыпались в труху. Луч фонаря осветил каменные плиты площади, в трещинах и выбоинах, груды камней и осколков стен. За ними виднелись смутные силуэты каких-то куполов и рухнувших башен, горы камней, шпили, огромные арки, но света фонаря не хватало, чтобы рассмотреть всю обширную территорию крепости. Это можно было сделать только днем.

— Там что-то светится... — прошептала Инира.

Дмитрий выключил фонарь и увидел встающее над пирамидальными горами камней облачко тусклого серого свечения.

— Что это может быть?..

Дмитрий погладил вздрагивающие пальцы девушки, вцепившиеся в его локоть.

— Туда нам по этим горам не добраться. Тут сам черт ногу сломит!

— Тогда давай вернемся и дождемся утра... — робко предложила Инира.

— Раз уж пришли, проверим, куда ведет лестница, — решил Дмитрий, сам не испытывая особого желания лезть в темноте неизвестно куда. — Эвтаний тоже спустился вниз, вот и посмотрим, куда он направился.

Они начали спускаться по лестнице, считая ступени и стараясь ступать бесшумно. На сорок девятой ступеньке — ступени были очень высокими, чуть ли не полуметровыми, идти по ним было нелегко — лестница закончилась, и разведчики оказались в сыром шестиугольном помещении с низким сводчатым потолком и квадратными в сечении колоннами из все того же материала, похожего на черное стекло.

Пол помещения, сложенный из шестиугольных каменных плит, был покрыт зеленым налетом, скользким и неприятным на вид, — не то плесенью, не то слизью, — и на нем отчетливо отпечатались следы сапог Эвтания, ведущие в коридор через арочный проход. Переглянувшись, Дмитрий и спутница шагнули в коридор.

Луч фонаря отразился от стен тоннеля, сложенных из глыб черного стекла, покрытых трещинами и серыми натеками. Кое-где в стенах зияли вывалы и бреши, но пол коридора тем не менее был чист, не считая плесени, будто выпавшие из стен блоки кто-то унес. Коридор был пирамидальным в сечении и довольно высоким. По нему мог бы проехать и трамвай. Вел он к центру крепости, как прикинул Дмитрий, но оказался гораздо более длинным, если судить по размерам долины, в которой покоились руины Рамля. Путники отмахали по нему километра три, не встретив никаких препятствий, пока он не свернул, а затем пошел в обратном направлении — по первому впечатлению. Однако и этот коридор вскоре повернул, и, насчитав несколько таких колен, Дмитрий понял, что подземный ход представляет собой спираль или, скорее, меандр и что они все еще находятся под территорией крепости.

Инира притихла, придавленная тяжелой атмосферой подземелья. Дмитрий и сам чувствовал растущее беспокойство и дискомфорт, но следы Эвтания все так же вели в

таинственную темноту подземного коридора, проложенного в незапамятные времена, и сворачивать с полпути не хотелось. Еще через несколько минут впереди забрезжил слабый свет.

Дмитрий замедлил шаг, взвесил в руке карабин, успокаивающе погладил плечо девушки:

— Не бойся, наш проводник не спешил бы туда, зная, что развалины опасны.

— Все равно страшно, — несмело улыбнулась Инира. — Странно, что коридор так хорошо сохранился... наверху все разрушено...

— Да, странновато, — согласился Дмитрий. — Меня тоже кое-что смущает. Например, почему развалины Рамля до сих пор не найдены. Ведь они должны быть хорошо видны с высоты.

— Может быть, ведьмино кольцо отводит взгляд?

— Взгляд — да, но не аппаратуру аэрокосмической съемки. Может быть, Эвтанай объяснит нам эти загадки? Если мы его догоним...

Коридор свернул в очередной раз, и Дмитрий выключил фонарь. Впереди стал виден светлый прямоугольник входа в какое-то подземное помещение, откуда и струился в тоннель зеленовато-серый свет.

Внезапно раздался шелест крыльев, и на замерших людей с пронзительными криками бросилась стая летучих мышей. Инира вскрикнула, закрывая лицо руками, и присела. Дмитрий отмахнулся карабином — раз, другой, третий... В кармашке на груди шевельнулся вдруг и стал горячим подаренный шаманом оберег — шипкача. И тотчас же летучие мыши пропали, будто их и не было. Дмитрий опустил карабин, покрутил вокруг себя лучом фонаря, сказал глухо:

— Кажется, начинается...

— Что?! — вскинулась Инира, озираясь.

— Ничего... это было просто наваждение.

— Это было колдовство! — покачала головой девушка.

Через минуту, набравшись храбрости, они двинулись дальше и вскоре подошли к сводчатому проему в тупике тоннеля, из которого сочилось пепельно-серебристое свечение. Дмитрий сунул в проем карабин, собираясь отскочить назад в случае каких-то угрожающих реакций со стороны невидимых защитников подземелья. Ничего не произошло. Тогда он шагнул вперед и оказался в гигантском квадратном зале с пирамидальным потолком из черного стекла, под сводом которого висел странный корявый нарост в форме двойного креста из ослепи-

тельно белого — после темного коридора — материала. Этот крест и испускал тусклое мерцание, едва освещавшее зал. Но главным объектом подземелья был не он, а прозрачный купол в центре под крестом, накрывающий какое-то огромное сложное сооружение из перламутровых чешуй, ребер и ажурных «снежинок», напоминающее одновременно ковчег и трон.

— Вот это да! — не удержался от восхищения Дмитрий. — Глазам не верю! Неужели здесь уцелела такая ценная конструкция?!

— Может быть, мы спим? — слабым голосом отозвалась Инира. — Или с ума сошли?

— С ума поодиночке сходят, — вспомнил Дмитрий известный старый мультик. — Но свихнуться от таких находок недолго.

Он осторожно двинулся к прозрачному куполу, внимательно глядя под ноги, чтобы избежать каких-либо ловушек. Пол в подземном зале был черный, гладкий, чистый, и следов Эвтаная на нем видно не было. И в какой-то миг вдруг произошла удивительная метаморфоза: Дмитрий сделал шаг, и выпуклый бликующий купол с отчетливо видимым сооружением внутри как бы провалились под пол и превратились в нечто противоположное тем объектам, которые видел глаз. Купол стал чашевидным углублением, а «ковчег-трон» «вывернулся наизнанку» и образовал в этом идеальной формы «кратере» еще одно углубление, поверхность которого отпечатавала все детали прежнего объемного сооружения.

Дмитрий вздрогнул, замер на месте.

Что-то прошептала Инира.

В тишине раздался странный звук, напоминающий короткий раскатистый смешок. Дмитрий обвел стены зала лучом фонаря, но ничего и никого не увидел.

— Давай вернемся... — почти беззвучно проговорила Инира. — Здесь прячутся духи... они нас сожрут... или превратят в камни...

— Пусть попробуют, — пробормотал Дмитрий, выключая фонарь, затем приблизился к краю чашевидной полости и стал разглядывать «отпечаток трона». — Туда можно спуститься. Видишь ребра? Чем не ступеньки?

— Не надо! — испугалась девушка, замотала головой. — Вдруг проснется хозяин и рассердится на нас?

— Какой хозяин? — не понял Дмитрий.

— Ну, кто здесь живет... я его чувствую... лучше ничего не трогать.

— Подожди меня здесь, я спущусь и посмотрю этот «трон» изнутри. Не бойся, никого здесь нет.

— А двулицый?

— Эвтанай наверняка был здесь и, может быть, еще объявится. Из карабина стрелять умеешь?

— Не пробовала.

— Вот предохранитель. В случае чего сдвинь его, отожми вот эту скобу и стреляй.

— А ты как же?

— Во-первых, ничего опасного я не вижу. Во-вторых, скоро вернусь. В-третьих, оружие не всегда гарантирует безопасность. К тому же у меня есть пистолет, который я отобрал у бандитов.

Дмитрий стал осторожно спускаться по гладкой поверхности «кратера» к ребристому отпечатку, похожему на лестницу. Но глубоко проникнуть в «наизнанку вывернутый трон» не успел. Внезапно в зале появились какие-то люди, бросились к чашевидной впадине. Инира обернулась, подняла карабин, но ее сбили с ног, и на краю впадины объявились четверо парней в черных кожаных куртках. Барыги с вездехода, безжалостно избивавшие Эвтаная в поселке Уэлькаль.

— Привет, оглобля, — раздался насмешливо-издевательский голос парня в танкистском шлеме. — Давно не виделись. Что это ты там потерял?

Дмитрий оглядел фигуры парней, держащих в руках пистолеты; у «танкиста» был автомат — десантный «калашников», что говорило о серьезности намерений этих людей.

Имея такой арсенал, они спокойно могли уложить всех нас еще в Уэлькале, пришла трезвая мысль. Почему же они так поспешно ретировались?

— Ну, что, мастер, не хочешь потягаться с нами еще раз? Ты тогда так наглядно продемонстрировал нам свое мастерство.

Инира пошевелилась, протянула руку к карабину, и «танкист» ударил ее ногой в бок, отбрасывая в сторону.

Дмитрий потемнел:

— Не бей ее, скотина!

— А то что? — осклабился «танкист». — Ты позвонишь в милицию? Или попытаешься самолично защитить ее честь и достоинство?

Троица его спутников заржала. «Танкист» снова ударил Иниру ногой, и Дмитрий начал бой в самом невыгодном положении, какое только можно представить.

Он находился в «кратере» на глубине примерно четырех метров, и для того, чтобы уравновесить шансы, ему надо было сократить число противников и подняться наверх по гладкой поверхности чаши. Но за ним следили четыре пары глаз и четыре дула, и начинать *движение* первому было безумством.

И в этот момент снова заставила обратить на себя внимание Инира. Она откатилась в сторону и приглушенно крикнула:

— Иктлынкут!

«Танкист» невольно отвлекся на мгновение, озадаченно оглядываясь, и Дмитрий включил *темп*.

Он выстрелил в крайнего слева парня из пистолета, отобранного у «танкиста» еще в Уэлькале, мигом взлетел вверх по довольно крутой стене углубления, выбил из руки второго верзилы в коже его оружие, обернулся к третьему и внезапно понял, что *не успевает* обезвредить его!

Время как бы застыло.

Дмитрий, напрягаясь до красного тумана в глазах, рванулся к парню, но медленно, медленно... Тот начал поворачиваться, направил ствол пистолета в грудь Храброву, курок под давлением пальца по миллиметру двинулся к концу своего пути, медленно и плавно, однако остановить его было уже невозможно... ну же!.. И в это мгновение с противным чавкающим звуком из груди парня вылезло окровавленное острие длинного кинжала или ножа.

Он тупо посмотрел на свою грудь, упал лицом вниз. И Дмитрий увидел того, кто спас его от верной смерти. Это был Эвтанай.

Спутник Храброва выглядел экзотически, одетый в какой-то блестящий балахон со множеством светящихся полосок и глазков, но спутать его с кем-нибудь было трудно. Лицо его не изменилось, темное, угрюмоватое, заросшее седой щетиной, лишь глаза горели зловещим черным огнем. Дмитрий замер, но тут же прыгнул к «танкисту», поднимающему автомат, и жестоким ударом отправил его в глубокий нокаут.

Стало тихо.

— Вы зря пошли по моим следам, — проговорил Эвтанай гортанным голосом, вытирая кинжал о кожаную куртку убитого им парня. — Это была ошибка. Вы не должны были увидеть то, что увидели.

Дмитрий опустил руки, успокаивая сердце, посмотрел на лежащих на полу подземелья охотников за наживой.

— А разве мы должны были просить у кого-нибудь разрешение? Ведь это ты привел нас к крепости.

— Это была ошибка, — повторил Эвтанай, внезапно вонзая свой тесак в спину парня, которого обезвредил Храбров.

Вскрикнула Инира.

Дмитрий сжал кулаки, сделал шаг вперед, но остановился, увидев вытянутый в его сторону нож.

— Стой, где стоишь! — скривил губы Эвтанай.

— Зачем ты это сделал? — глухо спросил Дмитрий.

— Они свидетели, — пожал плечами черноволосый проводник. — Как и вы. Я не оставляю свидетелей.

Инира подковыляла к Дмитрию, вцепилась в его плечо, кривясь от боли в избитом теле:

— Ты убийца, двулицый тугныгак! Ты и нас хочешь убить?

— У меня нет другого выбора.

Эвтанай оскалился, неуловимо быстро переместился к «танкисту» и ударил его ножом в горло.

Дмитрий выстрелил из пистолета. Пуля попала в лезвие ножа Эвтаны, выбила его из руки. Нож зазвенел по полу, высекая из него длинные желтые искры.

Эвтанай замер, затем повернулся к бывшим спутникам спичной, волосы на его затылке встопорщились, и на Дмитрия с девушкой глянул длинный щелевидный глаз, залитый чернотой и угрозой.

Пистолет вдруг вырвался из руки Храброва, пролетел несколько метров и упал возле мертвого «танкиста». А нож Эвтаны подскочил с пола, как живой, и сам прыгнул к нему в руку. Двулицый повернулся к оцепеневшим путешественникам «первым» лицом, направил нож на Иниру.

— Ты умрешь первой, эмээхсин*!

Дмитрий сделал усилие, дотронулся до кармашка с фигуркой шипкачи и освободился от оцепенения.

— Может быть, договоримся, друг? Мы не претендуем на сокровища.

Эвтанай усмехнулся:

— Это не сокровища.

— А что?

Двулицый махнул ножом на чашевидную впадину в полу зала, и тотчас же произошла мгновенная обратная трансформация вогнутой поверхности в трехмерный выпуклый объект. Прозрачный купол восстановился, а внутри него выросла необычная ажурно-чешуйчатая конструкция — не то древний ковчег, не то летательный аппарат, не то трон.

* Эмээхсин — старуха (якут.).

— Это преодолеватель запретов. Или, говоря современным языком, темпоральный транслятор, с помощью которого я освободился. Вот она знает, что это такое. — Эвтантай махнул рукой на Иниру, оскалился. — Потому что она не та, за кого себя выдает.

Дмитрий посмотрел на девушку и поразился перемене в ее облике. Инира выпрямилась, лицо ее из детски-беспомощного стало гордо-независимым, глаза вспыхнули, на щеки лег румянец. Она перехватила взгляд Храброва, кивнула с решительно-виноватым видом:

— Прошу прощения, Дмитрий Витальевич, он прав. Знакомьтесь: это Эвтантай Черногаад, бывший маг, преступник, осужденный за преступления против народа Гипербореи и сбежавший в будущее. Мы искали его долго, пока наконец не нашли здесь, на краю света, возле геопатогенной зоны, где он оставил свой... хм, преодолеватель.

— Вы? — Дмитрий с недоумением посмотрел на спутницу, перевел взгляд на убитых.

Инира подошла к «танкисту», нагнулась над ним, потрогала лоб и разогнулась.

— Нам пришлось долго играть роль барыг, рэкетиров, чтобы выйти на беглеца, и нам это удалось.

Дмитрий ошеломленно перевел взгляд с убитых на лицо Иниры и обратно:

— Они... тоже ваши... сотрудники?! Что вообще происходит?!

Эвтантай не обратил на его вопрос внимания, подходя к прозрачному куполу и вонзая в него нож. Лезвие пробило пленку, засветилось голубым сиянием, вокруг этого места по поверхности купола побежали сеточки молний. Затем нож сам собой выскочил обратно.

— Вы же знаток легенд, Дмитрий Витальевич, — улыбнулась Инира. — Вспомните. Двадцать тысяч лет назад произошла великая битва магов Атлантиды и Гипербореи, изменившая реальность. Эвтантай был гиперборейским магом и тоже принимал участие в войне, но предал своих, и во многом благодаря этому война приняла масштабы глобальной катастрофы. Погибло множество людей, по сути — обе цивилизации, на волю вырвались колоссальные деструктивные силы... В общем, мы захватили Эвтантая...

— Кто «мы» все-таки?

— Скажем так, силы безопасности. Эвтантай был осужден и помещен в изолятор, но магом он был силь-

ным, да и поделщиков имел много, поэтому и сбежал в будущее. Мы искали его сотни лет, нашли его преодолеватель и закрыли район, однако надо было заставить его вернуться. Он нашел вас и наконец прошел сквозь магическое кольцо защиты, надеясь сбежать еще дальше.

— А на этом месте действительно стоял Рамль?

— Да, это не миф, на этом месте действительно когда-то располагался форпост Гипербореи на Азиатском материке.

— Значит, ты... вы — представительница сил... э-э, безопасности?

— Тийт магадара, — смушенно улыбнулась Инира. — В переводе на русский — полковник контрразведки. И лет мне не восемнадцать, а... гораздо больше.

— Но если он знал, что ты... что вы — полковник...

— О, если бы Эвтанай знал или хотя бы догадывался, меня уже не было бы в живых.

— Но он убил ваших помощников и грозитя убить вас!.. Э-э, нас...

Инира посмотрела на Эвтаная. Гиперборейский колдун снова и снова пытался пробить прозрачную стену купола, но у него ничего не получалось. Купол стрелял молниями, вздрагивал как живой, дымился, разворачивался в «кратер», снова превращался в трехмерное сооружение, но не пропускал двулицевого к «трону». Волосы на затылке Эвтаная разошлись, открывая третий глаз, пылающий черным огнем ненависти, испускающий физически ощутимые потоки энергии.

В ярости Эвтанай полоснул ножом по стене купола, пространство зала искривилось, судорожно вздыбились стены зала, по полу побежали трещины, и купол наконец лопнул. Исчез!

С радостным воплем двулицый метнулся к «трону», коснулся его чешуй ножом, и «ковчег» развернулся диковинным светящимся бутоном с когтистыми лепестками.

— Он уйдет! — встревожился Дмитрий.

Эвтанай обернулся, улыбка сбежала с его губ. Он нахмурился, несколько мгновений всматривался в своих спутников, потом направился к ним, поигрывая ножом.

— Теперь меня никто не остановит, — сказал он уверенно и высокомерно. — Даже служба магадара. Этот преодолеватель — мой закон! Вы не сможете его просто отменить. И мы не на гиперборейской земле. Прощай, приятель. Как говорится — ничего личного. Просто ты оказался не в то время и не в том месте.

Эвтантай направил нож в грудь Дмитрию.

— Шипкача! — вскрикнула Инира.

Лезвие ножа удлинилось, превращаясь в ручей бледно-голубого пламени, и в то же мгновение фигурка доброго духа, подаренная шаманом, раскалилась, прожгла карман и преградила путь продолжавшему двигаться лезвию. Нож наткнулся на засиявшую нестерпимым блеском фигурку, произошло нечто вроде вспышки электросварки, раздался резкий стеклянный звук, и лезвие ножа обломилось, упало на пол с металлическим звоном. Шипкача исчез.

Эвтантай озадаченно посмотрел на погасший обломок ножа, на Дмитрия, на Иниру, проворно сунул руку за отворот своего блестящего комбинезона. Дмитрий прыгнул к нему и ударил ногой в грудь, выплеснув весь свой гнев и вспыхнувшую жажду воздаяния по справедливости. Двумилицый отлетел на несколько метров назад, упал на спину со звучным шлепком, как большой пласт глины.

Что-то звонко щелкнуло. Из алой глубины «бутона», в который превратился «трон» «преодолевателя запретов», вылетело колеблющееся полупрозрачное облачко, подлетело к Эвтантаю и втянуло его в себя. Направилось обратно, провалилось в недра «бутона». Затем появилось снова и подобрало одно за другим тела погибших напарников Иниры.

Дмитрий и девушка молча наблюдали за этим процессом, пока в зале не осталось никого, кроме их.

— Вот и все, — с грустной полуулыбкой проговорила гиперборейская контрразведчица. — Прощайте, Дмитрий Витальевич. Спасибо за помощь... и за то, что не тронули меня тогда, помните?

Дмитрий порозовел:

— Я не... думал...

Инира засмеялась:

— Наоборот, вы думали, а надо было просто чувствовать. Вы очень чистый человек, Дмитрий Витальевич, таких на Земле не так уж и много, к сожалению. Я буду помнить вас, и кто знает, может быть, мы еще встретимся?

— Когда? — вырвалось у Дмитрия.

Инира задумчиво оглядела его лицо:

— Вы этого хотите?

— Хочу!

— Тогда мы встретимся скоро. Эвтантай не единственный, кто сбежал в будущее ради достижения своих лич-

ных целей. И во многом бедственное положение у вас в стране является результатом действий бывших магов, нашедших у вас приют. А теперь прощайте.

— Минуту! — взмолился Дмитрий, протягивая к ней руку. — Только один вопрос... если можно...

Инира, сделавшая шаг к «бутону преодолевателя», остановилась:

— Слушаю.

— Если гиперборейская цивилизация погибла... какой вам смысл искать преступников, сбежавших в будущее? Ведь вам это уже не поможет.

— Гиперборейская цивилизация не погибла, — качнула головой девушка. — Ну, или, скажем так, она исчезла, передав свой потенциал потомкам, переселившимся на южный материк по Уральскому хребту.

— В Россию!

— Кстати, Урал — результат войны магов. На его месте когда-то был южный пролив, образующий вместе с тремя другими проливами коловорот — символ могущества Гипербореи. Потенциал потомков гиперборейцев еще не раскрыт, это очень опасное знание, в руках маньяков оно уничтожит род человеческий окончательно, но мы надеемся, что когда-нибудь Россия воспарит и вернет свое бывшее духовное могущество. Однако опираться оно должно только на таких людей, как вы, чистых и справедливых, добрых и готовых постоять за себя и своих друзей.

Инира быстро подошла к Дмитрию, поцеловала его горячими пунцовыми губами и направилась к «бутону». Оглянулась, махнула рукой:

— До встречи, путешественник! Мой регион ответственности — край света...

Гулкий удар поколебал подземелье. «Бутон» и все, что его окружало, провалились под землю, исчезли. Свет в зале погас. Только некоторое время рдело пятно в центре, в том месте, где стояла гиперборейская «машина времени».

Дмитрий дотронулся пальцами до своих губ, на которых сохранился вкус губ Иниры, улыбнулся и заторопился к выходу из зала. Он совершенно точно знал, чем будет заниматься после возвращения из экспедиции. На краю света...

Василий Головачев

СМОТРИТЕЛЬ ПИРАМИД

1

Известие о гибели Рощина застало Олега Северцева во время подготовки к новой экспедиции: вернувшись из очередного похода, он собирался отправиться на атомной исследовательской подводной лодке «Пионер» под льды Северного Ледовитого океана.

Николай Рошин был геофизиком, в связи с чем довольно часто выезжал в командировки и участвовал в экспедициях во все уголки необъятной России. Познакомились Рошин и Северцев несколько лет назад, еще в Санкт-Петербурге, когда вместе начали заниматься практикой целостного движения у мастера Николая. С тех пор они, оба москвичи, сдружились и нередко отдыхали вместе, выбираясь на лодках в Мещерский край с его великолепными лесами, реками и болотами, придающими краю особый колорит.

Николай, как и сам Северцев, еще не женился и был увлекающейся натурой, цельной и сильной. Вывести его из себя было трудно, а справиться с ним не смог бы, наверное, и профессионал-каратэк. Рошин с детства занимался воинскими искусствами и мог за себя постоять в любой компании и в любой ситуации. К тому же он был специалистом по выживанию в экстремальных условиях. И вот Николай Рошин погиб. Погиб в двадцать девять лет и при странных обстоятельствах, как сообщалось в письме его матери, во время очередной экспедиции: в Убсунурской котловине, расположенной в центре Азии, на границе республики Тува и Монголии, он искал воду вместе с группой ученых из Института физики Земли. Кроме того, мать Николая Люд-

мила Павловна в письме сообщала, что сын обнаружил нечто совершенно необычное и, как он выразился во время телефонного разговора, «тянувшее на сенсацию». Однако что именно нашли геофизики в Убсунурской котловине, зажатой со всех сторон горами, мать не сообщала.

Северцев дважды перечитал письмо, переживая тоскливое чувство растерянности и утраты, затем достал справочники и карты Азии и долго изучал рельеф и географические особенности Убсунура, пытаясь догадаться, что же необычного, «тянувшего на сенсацию», могли открыть геофизики вместе с Николаем в этом месте.

По географическим справочникам выходило, что Убсунурская котловина является единственным местом в мире, где на относительно небольшой по площади территории сходятся почти все природные зоны Земли — песчаные и глинистые пустыни, сухие степи, лесостепи, смешанные и лиственничные леса, горные тундры, луга, снежники и ледники. Однако эти особенности котловины еще не говорили о характере изысканий геофизиков, а найти они могли все, что угодно, от естественных природных аномалий до древних курганных захоронений.

Северцев и сам подумывал об экспедиции в эти края, богатые на историко-архитектурные и археологические памятники, тем более что после находки в горах Алтая выхода глубинника ему на правительственном уровне практически дали карт-бланш на любые частные исследования на территории России, а также обещали спонсировать все исследовательские инициативы.

Еще раз перечитав письмо матери Николая, жившей в Рязани, он позвонил ей, принес свои соболезнования и попросил рассказать о случившемся поподробней.

Оказалось, Николай погиб две недели назад, в июне, когда сам Олег еще находился на Чукотке. Похоронили Николая в Рязани, где жили мать и родственники, не сумев отыскать Северцева, а письмо написать заставили Людмилу Павловну обстоятельства гибели.

— Я не могу тебе сказать, что это за обстоятельства, — тусклым голосом сообщила Людмила Павловна, — но я уверена, что Колю убили.

— За что?! — поразился Северцев. — И кто?!

— Не знаю, Олег. Никто не захотел мне объяснить, как это случилось. Тело Коли наши в пустыне... с открытой раной на затылке. Говорят — он упал со скалы.

— Колька не тот человек, чтобы падать со скалы.

— А его коллеги молчат, словно боятся чего-то. Привезли тело и сразу уехали.

— Что же они обнаружили? Какую воду искали? Может быть, золото или алмазы? Старинный клад?

— Не знаю, Олег, — повторила Людмила Павловна. — Но из его друзей и сотрудников института *никто* не приехал на похороны. Никто! Понимаешь?

— Меня не было в Москве, я был в это время на Чукотке...

— Я тебя не виню, а написала, чтобы ты разобрался в смерти Коли. Неправильно это. Просто так он погибнуть не мог.

— Я тоже так считаю. Хорошо, Людмила Павловна, сделаю, что смогу, и позвоню.

После разговора Северцев еще с час обдумывал свое решение, потом позвонил в штаб подводной экспедиции, находившийся в Североморске, и сообщил, что не сможет принять участие в походе под льды Арктики по личным обстоятельствам. Объяснять ничего не стал, сказал только, что обстоятельства действительно возникли особые.

Конечно, приятели и друзья, спонсирующие участие Олега в арктической экспедиции, могли и не понять мотивов его отказа, но это было не главным. Душа вдруг ясно и четко потянула Северцева в Азию, предчувствуя некие удивительные события и открытия.

К вечеру этого же дня он был почти готов к вылету на место гибели Рощина. Оставалось найти требуемую сумму денег, кое-какое дополнительное снаряжение и поговорить с коллегами Николая, участниками последней экспедиции в Убсунур.

Деньги он надеялся занять у отца, главного менеджера нефтяной компании ЭКСМОЙЛ, а снаряжение — новейший горно-спасательный костюм «Сапсан» — одолжить у приятеля Димы Шкуровича, инструктора службы спасения в горах, недавно прилетевшего в Москву в отпуск.

Вечер Северцев посвятил изучению добытых через Интернет материалов об Убсунурской котловине.

Она была невелика по российским масштабам: сто шестьдесят километров с севера на юг, шестьсот — с востока на запад. Окружена горами: с севера — хребтами Восточным и Западным Танну-Ола и нагорьем Сангилен, с юга — хребтами Булан-Нуру и Хан-Хухей, с запада — хребтом Цаган-Шибэту и массивом Тургэн-Ула и, наконец, с востока

котловину замыкал водораздел с бассейном реки Дэлгэр-Мурен. Роль внутреннего «моря», куда стекают все воды с гор, выполняло соленое озеро Убсу-Нур, давшее название всей котловине.

Кроме того, Северцев выяснил, какие виды флоры произрастают в долине и какие виды фауны ее населяют. Хищников было немного: бурый медведь, снежный барс, россомаха, волк — однако встреча с ними не сулила ничего хорошего, и Северцев решил не отказываться от карабина. Охотничья лицензия и документы на владение оружием — карабином «Тайга-2» тридцать восьмого калибра* — у него имелись.

Позвонив отцу и договорившись с ним о встрече на утро, Олег собрался лечь спать, и в это время телефон зазвонил сам. Недоумевая, кто бы это мог звонить так поздно? — он снял трубку.

— Олег Николаевич Северцев? — раздался в трубке сухой мужской голос.

— Он, — подтвердил Северцев, невольно подбираясь; голос ему не понравился. — Слушаю вас. Кто говорит?

— Не важно, — ответили ему. — Вы сегодня звонили в Рязань. Так вот хотим предупредить: *не суйте* нос не в свои дела и будете жить долго и счастливо. В противном случае вас ждет судьба вашего друга. Договорились?

Северцев помолчал, пытаясь представить облик говорившего; иногда ему это удавалось.

— Это вы убили Николая?!

— Bravo, путешественник! — хмыкнул собеседник. — Вы быстро ориентируетесь. И хотя вашего друга ликвидировал не я, вам от этого легче не станет. Мы найдем вас везде. Надеюсь, вы понимаете, что мы не шутим?

Северцев снова помолчал. Перед глазами возникло полупрозрачное бледное лицо с квадратной челюстью и хищным носом.

— За что?

На том конце линии снова хмыкнули.

Северцев пожалел, что не поставил определитель номера.

— Уважаю профессиональные вопросы. Скажем так: ваш друг пострадал за то, что оказался не в том месте и не в то время. Этого достаточно? Надеюсь, мне вам звонить больше не придется. Летите в Североморск, как собрались, поезжайте в

* 9 мм.

свою арктическую экспедицию, она даст вам много пищи для размышлений, а Убсунур забудьте. Договорились?

Северцев положил трубку.

Незнакомец, имевший прямое отношение к гибели Николая, просчитался. Его предупреждение только добавило Олегу решимости раскрыть тайну. Испугать человека, прошедшего, как Северцев, огни и воды, прыгавшего с парашютом с отвесных скал и спускавшегося с гор внутри огромного пластикового шара, было невозможно.

Утром он, все еще размышляя над вечерним звонком, поехал к отцу, поговорил с ним пять минут о том о сем и направился в Институт геофизики, расположенный на Ростокинской улице, чтобы встретиться с коллегами Николая и выяснить подробности случившейся трагедии. Он уже бывал здесь с Рошиным, да и сам не раз консультировался с учеными, изучавшими такие электромагнитные явления, как сеть Хартмана, подкорковые токи и другие, поэтому пропуск ему выдали без предварительной заявки отдела, в который он направлялся.

Николай Рошин работал в секторе геомагнетизма, где занимался проблемами поиска и изучения «блуждающих эльфов», как сами физики называли источники СВЧ-излучения. Чем были необычны и интересны такие источники, Северцев у друга не спрашивал, хотя из бесед с ним уяснил, что исследования «эльфов» имеют прикладное значение: зачастую в местах их появления находили подземные резервуары пресной воды, а то и целые озера.

В лаборатории, где обычно сидел Николай, работали четверо молодых людей и женщина в возрасте, Полина Андреевна, много лет занимавшаяся проблемами волновых колебаний магнетизма земной коры, но так и оставшаяся младшим научным сотрудником. Почему она не стала защищать диссертаций, Северцев не понимал и с Николаем на эту тему не разговаривал, однако знал, что с ней считаются даже академики. Полина Андреевна являла собой тип женщины, страстно влюбленной в свое дело и потому не заводившей семью.

Северцев поздоровался со всеми, подошел к Полине Андреевне, худой, высокой, с костистым, по-мужски твердым лицом, с волосами, уложенными в жидкий пучок на затылке.

— Доброе утро, Полина Андреевна. Владислава Семеновича еще нет?

— Привет, — буркнула женщина прокуренным голосом, держа в пальцах сигарету; курила она нещадно. — Скоро придет.

Северцев посмотрел на экран компьютера, в растворе которого плавала объемная топологическая структура волнового фронта интрузии, понизил голос:

— Вы, случайно, не знаете, как погиб Николай?

— Не знаю, — так же отрывисто ответила сотрудница лаборатории, не глядя на него, потом подняла глаза, проговорила недовольным тоном: — Я там не была. Поговори с Лившицем.

Северцев кивнул.

Владислав Семенович Лившиц заведовал сектором и был вместе с Рошиным в той злополучной экспедиции в Убсунуре.

— Но, может быть, слышали что-либо, не совсем обычное? Ведь Коля был сильным и подготовленным специалистом, не мог он погибнуть случайно.

Полина Андреевна хотела ответить, но посмотрела за спину Северцева и отвернулась к компьютеру. Северцев оглянулся.

В лаборатории появился маленький лысый человечек с бородкой в сопровождении крупногабаритного парня со специфически *равнодушным* лицом. Это был начальник сектора геомагнитных исследований кандидат физико-математических наук Лившиц.

— Почему в лаборатории посторонние? — сухо сказал он, не обращая ни к кому в отдельности и не отвечая на приветствие Северцева. — Кто впустил?

— Вы меня не помните, Владислав Семенович? — постарался быть вежливым Олег. — Я друг Николая Рошина. Узнал о его гибели и решил уточнить кое-какие детали. Как он погиб?

— Выведите его, — тем же тоном сказал Лившиц, поворачиваясь к Северцеву спиной.

Молодой человек в черном костюме двинулся к Олегу, взял его за локоть, но рука соскользнула. Парень снова попытался взять гостя за руку и снова промахнулся. На лице его шевельнулось что-то вроде озадаченности. Северцев обошел парня как пустое место, догнал начальника сектора:

— Прошу прощения, Владислав Семенович. Я знаю, что вы были с Николаем в Убсунуре и привезли его тело. Он мой друг, я хочу знать, как он погиб.

Лившиц вышел в коридор, оглянулся на своего сопровождающего:

— Я же сказал вывести этого гражданина с территории института.

Парень в черном схватил Северцева за плечо и через пару мгновений оказался притиснутым лицом к стене с вывернутой за спиной рукой.

— Я бы очень хотел обойтись без скандала, — проникновенно сказал Олег. — Если вы не ответите на мои вопросы, я этот скандал вам обещаю. У меня найдется пара хороших журналистов, способных раздуть эту историю, а я обвиню вас в гибели Николая.

В глазах Владислава Семеновича мелькнула озабоченность. И неуверенность. И страх.

— Отпустите его, я позову охрану!

— Отпущу, только пусть не хватает меня за интимные части тела. — Северцев отпустил руку парня. — Итак?

— Я ничего не знаю, — с неожиданной тоской проговорил Лившиц. — Николай отправился к шурфу... а потом...

Молодой человек, сопровождавший его, помассировал кисть руки, поправил пиджак, бросил на Олега взгляд исподлобья, и тот понял, что нажил себе врага.

— Минутку, к какому шурфу отправился Николай?

— Мы обнаружили цепочку «эльфов», разделились и начали бить шурфы.

— Зачем?

Владислав Семенович посмотрел на Северцева с недоумением:

— Наша задача была — поиск пресных колодцев. Но воды мы так и не нашли. Зато нашли...

— Владислав Семенович, — со скрытой угрозой произнес парень в черном.

— Да, конечно, — опомнился Лившиц, лицо его стало деревянным, в глазах всплыла обреченность. — Николай свалился в шурф и... и сломал шею. Больше я ничего не знаю. Мы свернули экспедицию и вернулись.

Он повернулся и зашагал по коридору прочь от лаборатории, в которой работал Рошин. Северцев остался стоять, не обратив внимания на многообещающий взгляд телохранителя Лившица. Или, может быть, надзирателя. Очень было похоже, что парень не столько охранял его, сколько контролировал контакты начальника сектора с посторонними людьми.

— А как насчет «эльфов»? — негромко спросил Олег спину удалявшегося Владислава Семеновича. — Может быть, это они убили Николая?

Тот споткнулся, но не оглянулся и не ответил.

Северцев вернулся в лабораторию, подошел к Полине Андреевне, провожаемый любопытными взглядами молодых сотрудников, двух парней и двух девушек. Одна из

них, симпатичная, с косой, голубоглазая, с ямочками на щеках, смотрела на Северцева с каким-то странным значением, и он отметил это про себя.

— Полина Андреевна, последний вопрос: кто еще был с Николаем в экспедиции?

— Звягинцев и Белянин, — буркнула женщина, не поднимая головы. — Но они сейчас в экспедиции за Уралом.

— И все? Они вчетвером были в Убсунуре?

— Машавин еще был, но он в больнице.

— Что с ним? — удивился Северцев, вспоминая сорокалетнего здоровяка, бывшего борца, а нынче — младшего научного сотрудника института.

— Отравление, — сказала та самая девушка с русой косой и голубыми глазами. — Володя грибами отравился, еле спасли.

— Понятно, — пробормотал Северцев, подумав, что надо бы съездить в больницу и поговорить с Машавиным. — Что ж, извините за беспокойство. Все это печально. До свидания.

Он вышел в коридор, спохватился было, что забыл выяснить адрес больницы, где лежал Машавин, и в это время в коридор выскользнула голубоглазая с косой.

— Вы расследуете обстоятельства гибели Коли? — быстро сказала она.

— Не то чтобы расследую, — ответил Северцев, — но хотел бы знать, как он погиб. И что нашел.

— Они нашли пирамиды.

— Какие пирамиды?!

— Такие же, что и в Крыму нашли два года назад, подземные. Не слышали? Они заплыли почвой и все находятся в земле, некоторые совсем неглубоко. В Убсунуре мальчики тоже обнаружили три пирамиды. Все три — в кластере Цугер-Элс. Коля погиб у одной из них, его нашли в шурфе.

— Я знаю, он упал в шурф и сломал шею.

— Игорь и Вася говорили, что Коля не мог свалиться в шурф вниз головой, для этого ему надо было связать руки. Вы поедете в Убсунур?

— Почему вас это волнует? Вы с Николаем... э-э... дружили? Девушка смутилась:

— Я работаю в лаборатории недавно, просто мы были знакомы. Коля был очень хорошим парнем, всегда выручал и... в общем, это не важно. Если поедете в Убсунур, возьмите с собой оружие и будьте осторожны.

— Обещаю, — улыбнулся Северцев. — Как вас зовут?

— Катя. Я не верю, что Коля погиб случайно, его убили. Кстати, экспедиции в Убсунур отменили все до одной и даже не докладывали о результатах на ученом совете. Это подозрительно.

— Согласен. У вас есть мобильник?

— Есть.

— Дайте номер и возьмите мой на всякий случай, будем держать связь, если не возражаете. Почему я вас не видел здесь раньше?

— Я недавно окончила инженерно-физический, устроилась сюда.

— Ждите. Приеду, мы встретимся. Надеюсь, я узнаю, почему Колю... и что это за пирамиды открыли ваши коллеги. В какой больнице лежит Володя?

— В сорок пятой, на Бакановской.

— До встречи.

Он пожал Кате руку и поспешил к выходу, жалея, что не может встретиться с ней сегодня же вечером. После обеда он собирался ехать в аэропорт Домодедово и вылететь в Туву.

К Машавину Олега не пустили.

Точнее, в больницу он прошел свободно, а у двери палаты дежурил молодой человек в черном костюме, с длинными волосами и цепким взглядом, чем-то напоминавший телохранителя Владислава Семеновича Лившица. Объяснять, почему посетителям нельзя встретиться с больным, он не стал. Просто преградил путь Северцеву и сказал два слова:

— Сюда нельзя.

На все вопросы Олега он не ответил, стоял перед дверью, заложив руки за спину, и смотрел на него, прищурясь, будто ничего не слышал и не видел.

Оглядевшись, Северцев достал пятисотрублевую купюру, однако на стража она не произвела никакого впечатления. Вел себя он как робот, запрограммированный на одно действие: никого в палату не впускать и, возможно, не выпускать. Тогда обозлившийся Северцев решился на экстраординарный шаг и стремительным уколom пальца в горло парня привел его в бессознательное состояние. Поддержав, буквально внес его в палату и усадил на пол у рукомошника.

Володя Машавин, бледный, спавший с лица, лежал на кровати с забинтованной головой и безучастно смотрел в

потолок. На приветствие Северцева он не ответил, но когда Олег подошел к кровати, перевел на него взгляд, и лицо его изменилось, оживилось, в глазах зажегся огонек узнавания.

— Олег... — проговорил он с радостным недоверием.

— Привет, спортсмен, — быстро сказал Северцев. — Как здоровье?

— Поправляюсь.

— Ты действительно грибами отравился?

— Кто тебе сказал?

— Твои коллеги по работе.

— Мне по затылку чем-то врезали. Хорошо, что там кость одна, — пошутил Машавин. — Башку, конечно, пробили, но жить буду.

— За что?

Владимир потемнел, круги под глазами обозначились четче.

— Точно не знаю, но подозреваю... — Глаза его вдруг расширились: он увидел прислоненного к стене охранника. — Кто это?!

— Парню стало плохо, — отмахнулся Северцев. — Наверное, съел что-то. Не бери в голову, оклемается. Так что ты подозреваешь?

— К нам в экспедицию приезжали люди...

— Какие?

— Я их никогда раньше не встречал. Двое. Один похож на монгола или, скорее, индейца, второй вроде наш, с бородой и с лысиной на полчерепа. Глаза у него... — Машавин пожевал губами, поежился, — какие-то пустые, равнодушные... и в то же время жестокие...

— Что они от вас хотели?

— Предложили свернуть экспедицию и уехать. Мы посмеялись. А потом...

— Погиб Николай, так?

— Да. И Ваську Звягинцева кто-то избил ночью. Потом Владиславу Семеновичу позвонили... Короче, уехали мы оттуда.

— А на тебя за что напали?

Машавин поморщился:

— Выпил я лишку... в компании друзей... что-то сболтнул, наверно...

— Понятно. Язык мой — враг мой. — Северцев прислушался к своим ощущениям: спину охватил озноб, и понял, что пора уходить. — Спасибо за информацию. Вы действительно нашли пирамиды?

— Целых три. — Машавин оживился. — Начали бить шурфы в точках с «эльфами»... знаешь, что это такое?

— Зоны СВЧ-излучения.

— Ну и наткнулись на пирамиды. Громадины! Но все заплыли песком и глиной. Вершина ближайшей к поверхности лежит на глубине двух метров. Колька начал ее исследовать, нашел какой-то нарост на грани, похожий на кап или грибочку на стволе дерева...

— В отчетах есть информация об этом?

— В каких отчетах? — усмехнулся Машавин. — Владислав Семенович сдал только один отчет: подземных источников пресной воды в Убсунуре не обнаружено. И все. О пирамидах — ни слова. И нам запретил говорить о них.

— Странное дело. Однако мне пора. Говорят, такие же пирамиды найдены в Крыму, не знаешь, где об этом можно почитать?

— Разве что в Интернете. Там обо всем материал можно найти.

— Отлично, поищу. Не говори никому, что я у тебя был и о чем расспрашивал. Скажешь, если придется, что я заглянул, поинтересовался здоровьем и ушел. Выздоровливай.

Олег пожал вялую руку больному, вышел из палаты, не глянув на зашевелившегося охранника.

На выходе из больницы он едва не столкнулся с двумя спешащими мужчинами в темных костюмах, один из которых был похож на монгола, но дверь тут же закрылась за ними, а выяснять, что это за люди и к кому спешат, Северцев не стал. Сел в свою видавшую виды «Хонду» и уехал.

2

Дома он сел за компьютер и через час поисков необходимой информации нашел целый пакет сведений о крымском феномене, как авторы статей окрестили находку тридцати с лишним подземных пирамид на Крымском полуострове.

Пирамиды были найдены группой геофизиков Украины под руководством кандидата технических наук Виталия Гоха, искавших пресную воду (!) на полуострове. Во время поиска они наткнулись на узконаправленные пучки сверхвысокочастотного излучения — «эльфы», по терминологии русских ученых, пробурили несколько пробных скважин и обнару-

жили пирамиды. После тестирования и анализа полученных данных выяснилось, что почти все найденные пирамиды (группа обнаружила всего семь пирамид, остальные были найдены другими исследователями) имеют одинаковую высоту — сорок пять метров и длину стороны основания — семьдесят два метра. Таким образом, оказалось, что соотношение высоты и стороны основания — $1 \text{ к } 1,6$ — является неким стандартом для всех древних пирамид на Земле, хотя найденные в Крыму были «допотопными», то есть созданными до Великого потопа, случившегося около 10 850 года до нашей эры, как считали ученые. Самая древняя из египетских — пирамида Джосера, «мать египетских пирамид», была на пять тысяч лет моложе.

Однако основное открытие ждало геофизиков впереди.

Заинтересовавшись первыми пирамидами, они начали копать колодцы и наткнулись на странные наросты полусферической формы на гранях пирамид, из серого стекловидного материала. Первую полусферу разбили и едва не поплатились за это: она была заполнена углекислым газом под давлением. Первооткрыватели еле успели выбраться из шурфа. Исследовав осколки полсферы со слоеными стенками: снаружи — гипсо-силикатная обмазка и белок, затем кварц, — они поняли, что перед ними самая настоящая капсула-антенна, имеющая свойства полупроводника. Мало того, таких капсул оказалось много! Они были расположены в строгом порядке по граням пирамиды, образуя нечто вроде кристаллической решетки. Вся же пирамида, таким образом, представляла собой огромную сложную «микросхему», элемент антенной системы, настроенной на передачу энергии в космос. Хотя сначала исследователи этого не знали. Это стало ясно после открытия и анализа расположения других пирамид.

Как предположил начальник экспедиции Виталий Анатольевич Гох, система крымских пирамид обеспечивала когда-то энергообмен земного ядра с одной из звезд созвездия Киля, а именно — с Канопусом. И он же разработал гипотезу, по которой выходило, что другие земные пирамиды также связаны со звездами: гималайские и пирамиды Бермуд — с Капеллой, мексиканские и английские — с Вегой, египетские и полинезийские — с Сириусом*. Что это был за обмен: передавалась энергия или принималась, в сообщении не говорилось.

* Капелла — альфа Возничего, Вега — альфа Лиры, Сириус — альфа Большого Пса.

Не было там сказано и о каком-либо давлении на ученых, принявших участие в изучении пирамид. Хотя сами пирамиды *реагировали* на это. Сначала они были настроены дружелюбно, и все участники экспедиции даже почувствовали улучшение самочувствия, а у одного прошла стенокардия. Но когда ученые начали долбить стену пирамиды, ее излучение усилилось, начала засвечиваться фотопленка, батарейки в фонарях разряжались, а часы перестали показывать точное время, то отставая, то спеша вперед.

Несладко пришлось и людям: у них появились головные боли, головокружения, расстройства желудка, рвота. По-видимому, сработала какая-то система защиты пирамиды, предупреждающая о негативных последствиях нарушения целостности сооружения.

Северцев дважды перечитал найденный в Интернете материал, задумался. Обычно сенсации подобного рода быстро становились достоянием гласности, о них начинали говорить газеты и телевидение, а заинтересованные в заработке комментаторы устраивали яркие шоу. О крымских пирамидах знали только специалисты, судя по отсутствию сведений в прессе, а о находке подземных пирамид молчали даже научные издания.

Возможно, и тут сработала система защиты пирамид, пришла на ум неожиданная мысль. Тем, кто эти пирамиды использовал, шум вокруг них был не нужен. Но почему же защитная система сработала так жестко в Убсунуре? Чем убсунурские пирамиды отличаются от крымских?

Северцев впечатал на принтере найденный пакет информации о «крымском феномене» и начал собираться. Его интерес к Убсунуру достиг апогея. Тайну гибели Николая Рощина можно было раскрыть только там.

Когда Олег уже выходил из квартиры, зазвонил телефон. Обострившимся чутьем он определил, что звонят те же люди, которые предупреждали его «не совать нос не в свои дела». Поколебавшись немного, он трубку не снял. Закрыв дверь и вышел.

Путь из Москвы в Убсунурскую котловину оказался не близким, хотя это и не было неожиданностью для Северцева, привыкшего пересекать Россию из конца в конец. Шесть часов он летел до Кызыла, столицы Тувы, а также географического центра Азии, а потом еще шесть часов добирался на машине до поселка Эрзин, располагавшегося в пред-

горях хребта Восточный Танну-Ола. Здесь находился административный центр заповедника, где ему предстояло выяснить маршрут группы геофизиков под руководством Лившица и попытаться найти проводника.

Однако и в этом Богом забытом краю деньги имели вполне конкретное материальное значение и сделали свое дело: через двадцать часов после прибытия в Эрзин Северцев сидел на лошади и трусил вслед за проводником из местных старожилов, тувинцем Мергеном Касыгбаем, согласившимся за небольшую для москвича сумму денег — всего за полторы тысячи рублей — сопроводить путешественника до пустыни Цутер-Элс.

С погодой Северцев повезло. По словам Мергена, конец июля в Убсунуре обычно ветренный, а что такое ветер в пустыне, Северцев знал не понаслышке: дважды ему приходилось пересекать Гоби и выдерживать удар песчаной бури под Карагандой. Но день двадцать седьмого июля начался солнечный и тихий, температура воздуха к полудню достигла тридцати градусов, и от жары спасало только движение.

Свой универсальный эргономический рюкзак «пилигрим», рассчитанный на все случаи походной жизни, Северцев приторочил к седлу сзади себя, карабин в чехле прикрепил к седлу справа, у ноги, чтобы его можно было достать одним движением, и всадники, выехав за пределы поселка, направились на запад, где начиналась самая северная в мире песчаная пустыня кластера Цугер-Элс.

Некоторое время Северцев любовался дюнами — от полностью лишенных растительности и развеваемых ветрами барханов до закрепленных кустарником караганой и другими пустынными растениями в подобие курганов и островков, потом заметил мелькнувший в дюнах силуэт тушканчика и догнал проводника.

— Как вы относитесь к охоте, уважаемый Мерген?

— Э... — ответил Касыгбай, не вынимая трубки изо рта.

Мергену Касыгбаю пошел восемьдесят второй год, но это был еще крепкий старик с морщинистым темным лицом и вечно прищуренными глазами, выразившими стоически философское отношение к жизни. По-русски он разговаривал с акцентом, но больше молчал или пел какие-то свои национальные заунывные песни. Курил трубку, молчал, изредка посматривал по сторонам и снова курил, молчал и пел. Разговорить его Северцеву не удавалось, несмотря на все старания. Старик на все вопросы отвечал односложно, а о пирамидах во-

обще ничего не знал. Хотя и не удивился, услышав из уст московского гостя историю геофизиков, искавших в Убсунуре воду, а нашедших пирамиды. Зато он отлично знал местность и мог ориентироваться на своей земле с завязанными глазами. Взяв его проводником посоветовал Иван Хаев, заместитель начальника администрации Убсунурского заповедника, располагавшейся в Эрзине, куда сразу заявился Северцев. Хаев, среднего пенсионного возраста мужчина, еще бодрый и подвижный, не удивился появлению Северцева, представившегося путешественником, исследователем местных легенд и фольклора, и после обязательного чаепития и расспросов гостя о столичном житье-бытье проникся к нему уважением. А когда Северцев намекнул о вознаграждении за представление нужной информации, заместитель и вовсе сделался словоохотливым, рассказав Олегу все, что знал сам. Получив от него пятьсот рублей одной купюрой, он самолично начертил на карте края путь экспедиции Лившица, что намного упрощало поиски пирамид. Правда, о пирамидах Хаев тоже ничего не слышал, и в душе Северцева даже шевельнулось сомнение, уж не оказался ли он жертвой изощренного розыгрыша. Однако смерть Николая Рошина в схему розыгрыша не вписывалась, а выяснить все обстоятельства его гибели, связанные с находкой подземных пирамид, можно было только на месте.

К двум часам пополудни всадники достигли буферной зоны Цугер-Элса, соединявшей собственно песчаную пустыню с предгорьями Танну-Ола. Здесь располагалось уникальное по всем параметрам, как говорили Северцеву, пресное озеро Торе-Холь — настоящее птичье царство. На его берегах устроили гнездовья множество видов водоплавающих птиц: лебеди, гуси-гуменники и серые, бакланы, озерные и сизые чайки, черноголовые хохотуны, кулики и даже цапли. Такого разнообразия птиц Северцев еще не встречал в столь пустынных местах, а заметив низко летящего красного ястреба, понял, почему озеро считается уникальным: оно поило птиц, наверное, чуть ли не всей Убсунурской котловины.

Проехали курган с каменной глыбой на вершине, затем несколько возвышенностей с цепочкой стел. Северцев не выдержал, свернул к этим стелам и некоторое время изучал выбитые на плоских боках стел изображения диковинных животных. По рассказу Хаева он знал, что территорию котловины заселяли еще с каменного века и что здесь обнаружено более трех тысяч памятников культуры различных эпох: курганов,

могил, поминальных сооружений, стел, поселений, временных стоянок, петроглифов, — но встречался с ними впервые. Не верилось, что эти памятники никем не охраняются и до сих пор не разграблены, хотя многие из них имели весьма почтенный возраст — до сорока тысяч лет.

Проехали еще один курган с округлой каменной насыпью и цепочкой стел. Это был херексур, поминальный памятник, свидетельствующий о заслугах похороненного здесь человека.

— Могила? — кивнул на курган Северцев.

— Э... — ответил проводник равнодушно. — Хунны. Везде много.

Северцев его понял. Кочевников, пусть и древних, аборигены-тувинцы, обосновавшиеся в этих местах в пятом веке до нашей эры, не шибко уважали.

К вечеру небольшой отряд достиг подножия горы Улуг-Хайыракан и остановился на ночлег у священного для всех тувинцев источника Ак-Хайыракан, где была оборудована специальная стоянка. По преданию, его вода излечивала все болезни, но чтобы духи источника не прогневались, возле него нельзя было шуметь, мусорить и пачкать воду.

Стоянка оказалась пустой, хотя, если судить по следам, недавно здесь располагался целый цыганский табор: тут и там виднелись брошенные пустые банки из-под пива, обрывки газет, кости и прочие «следы цивилизации». Отдыхавшие здесь явно не соблюдали законов чистоты и порядка, оставив после себя неубранный мусор. Северцев пожалел, что не застал туристов во время ухода. Он нашел бы способ заставить их убрать территорию стоянки.

Чтобы не чувствовать себя грязным, он решил поставить палатку подальше от источника, в сотне метров, гостеприимно предложил проводнику поселиться в ней, но старик отказался.

— Буду костер, — сказал он. — Ночь теплый. Спи, однако.

Олег настаивать не стал. Палатка была односпальная, и двоим в ней спать было бы тесно. Он сходил к источнику, напился, отмечая своеобразный вкус воды, набрал полную флягу и котелок Мергена — для чая. Поужинали овсяной кашей, которую ловко сварил Касыгбай, и вяленым заячьим мясом собственного изготовления. Северцев с удовольствием осушил кружку чаю, разглядывая звезды, прогулялся с карабином под мышкой по террасе, за которой начиналась гора Улуг-Хайыракан — темная глыба на фоне закатного неба, напоминающая голову слона, поднялся повыше. Пришло неуют-

ное ощущение, что за ним наблюдают. Северцев повертел головой, ища направление взгляда, и в это время в кармане куртки зазвонил мобильный телефон. Не веря ушам, он вытащил трубку, озадаченно глянул на засветившийся экранчик. Номер абонента не идентифицировался. И вообще было невозможно представить, чтобы в Убсунуре стояли ретрансляторы московской сотовой связи, да еще чтобы кто-то здесь знал номер сотовика Северцева.

Он включил телефон.

— Олег Николаевич? — раздался тихий женский голос.

— Катя?! — удивился Северцев. — Вы где?!

— В Москве, конечно, — прилетел серебристый смешок девушки. — Хорошо, что я до вас дозвонилась.

— Каким образом? Разве в Убсунуре есть пункты связи МСС?

— Московская сотовая имеет свой спутник, и он сейчас как раз пролетает над Кызылом и теми местами.

— Ах вон в чем дело! А я голову ломаю — кто мне звонит... Откуда вы знаете о спутнике? — спохватился он.

— У меня подруга в МСС работает, я узнавала.

— Слушаю вас. Что-нибудь случилось?

— Володя Машавин умер. И вас ищут.

— Умер?! Володя?! Когда?!

— Сегодня после обеда.

Сраженный известием Северцев не сразу нашелся что сказать:

— Черт побери! Как же это?! Я же с ним разговаривал... он был почти в норме...

— Я не знаю подробностей. Но будьте осторожны. К нам в лабораторию приходили какие-то незнакомые люди и спрашивали о вас.

— Что за люди? Из милиции?

— Не похоже. Один бронзоволицый, узкоглазый, похож на... — Голос девушки стал слабеть, потом и вовсе исчез. По-видимому, мобильник Северцева вышел из зоны устойчивого приема спутника. В трубке остался лишь пульсирующий шелест фона. Затем канал связи отключился.

— Похож на монгола, — закончил Северцев за Катю, вспоминая встречу в больнице с двумя спешащими мужчинами, один из которых тоже был похож на монгола. Если к этому прибавить еще и слова Машавина о незнакомцах (один похож на монгола или индейца, второй — лысый, с бо-

родой), приходивших в лагерь геофизиков, то вывод напрашивается сам собой: за геофизиками, открывшими в Убсунуре пирамиды, установлено наблюдение. Кто-то очень не хочет, чтобы информация об этом выходила за пределы узкого круга людей, и убирает источники утечки этой информации. А поскольку Олег Николаевич Северцев, «вольный старатель» и путешественник, в этот круг не входит, следовательно, он также является потенциальным источником утечки информации... со всеми вытекающими...

— Ну, суки! — проговорил Олег сквозь зубы, пряча мобильник. — Я до вас доберусь!..

На душе стало муторно и беспокойно. Пришло ощущение, будто он упустил из виду нечто важное. Однако мысли были заняты другим, было жаль Машавина, в душе зрел гнев на неизвестных убийц, и к палатке Северцев пришел в состоянии раздрая и злости, твердо решив довести дело до конца.

Мерген сидел у костра в позе лотоса и курил трубку, глядя на огонь непроницаемыми глазами. Олег присел рядом, хотел рассказать старику о смерти приятеля, но передумал. Тувинцу его переживания были ни к чему. Посидев немного, Северцев забрал карабин и полез в палатку, мечтая побыстрее выйти в путь. Включив фонарик, он долго разглядывал карту Убсунура и пунктир экспедиции Лившица. Судя по карте, до первой найденной геофизиками пирамиды оставалось всего с полсотни километров.

Уснул он сразу, как только затянул молнию спальника.

А проснулся через два часа от острого чувства тревоги. Прислушался к тишине ночи.

Костер горел все так же, постреливая искрами, бросая на полотно палатки движущиеся отблески и тени. Но проводника не было видно, хотя до того, как уснуть, Олег ясно видел на стенке палатки его тень.

Где-то в отдалении скрипнул под чьей-то ногой камешек.

Олег выбрался из спальника, взял карабин и отстегнул клапан в торце палатки, выполняющий в случае необходимости функцию запасного выхода, выглянул наружу. Палатка стояла входом к костру, и ее задник находился в тени. Никто к ней с этой стороны не подкрадывался. Северцев заставил сопротивляющийся со сна организм перейти в боевое состояние и, как был — в одних плавках и босиком, тенью метнулся в темноту, за несколько секунд преодолев около полусотни метров. Припал к земле, ощупывая окрестности всей сферой чувств.

Вокруг по-прежнему царил тишина, если не считать тихого фыркания лошадей, однако в ней явственно ощущалось *движение*. К лагерю путешественников подбирались с двух сторон какие-то люди. Трое. Если не считать еще одного человека, находящегося в отдалении, у источника Ак-Хайыракан в сотне метров от палатки. Возможно, это был проводник Северцева Мergen Касыгбай.

— Спасибо, Катя, — проговорил Северцев беззвучно, вдруг осознавая, что предупреждение девушки заставило его мобилизовать интуитив-резерв и почувствовать опасность еще до момента ее физического проявления.

Везет тебе, парень, мелькнула мысль. До чего удачно все сложилось: и она позвонила вовремя, и спутник пролетал над Убсунуром в нужный момент...

Мысль ушла. Пришла пора действовать. Люди, подкрадывающиеся к палатке, вряд ли имели добрые намерения.

Северцев снова *ускорился*, сделал изрядный крюк, заходя в тыл неизвестным охотникам, и бесшумно скользнул за ними, пока не подобрался почти вплотную. Они были хорошо видны на фоне догорающего костра, в то время как он был практически невидим в ночной темноте, на фоне гор.

Двое незнакомцев двигались очень тихо, профессионально, и были одеты в пятнистые маскировочные комбинезоны. Оружия их видно не было, но вряд ли они шли невооруженными. С другой стороны палатки показался третий участник «десанта». В руке его блеснул металл.

Все трое остановились в десяти шагах от костра, вслушиваясь в тишину, затем тот, что шел один, бросился к палатке, дернул за молнию и одним движением распахнул полог, в то время как двое его сподвижников прыгнули вперед, вытягивая руки с пистолетами, целя в глубь палатки.

Немая сцена длилась ровно одну секунду.

Северцев клацнул затвором карабина и негромко скомандовал:

— Стоять! Оружие на землю!

Дальнейшее произошло в течение трех-четырех секунд.

Ночные гости в камуфляже были профессионалами и отреагировали на окрик с похвальной оперативностью и слаженностью. Все трое мгновенно отпрянули от палатки, умело растягивая фронт обороны, и начали стрелять, еще не видя противника.

Северцев был вынужден ответить и нырнул на землю, обдирая грудь о мелкие камешки.

Один из визитеров вскрикнул: заряд картечи нашел его в темноте. Северцев выстрелил еще раз. Попал. С криком второй визитер выронил оружие, согнулся и, прихрамывая, рванул в спасительную темноту. За ним метнулись остальные, почувствовав серьезность намерений противника, растаяли за барханами пустыни. Наступила тишина. Полежав еще пару минут на холодной земле, Северцев встал и подошел к палатке, поднял пистолет.

Это был двенадцатизарядный «Форт-12» калибра девять миллиметров, созданный оружейниками Украины. С виду он напоминал российский «макаров», да и по некоторым параметрам не уступал ему, но был далеко не лучшим типом оружия индивидуальной защиты, а уж для штурмовых операций и вовсе не годился. Почему ночные визитеры пользовались именно таким оружием, было непонятно. Разве что они представляли собой некое «самостийное» спецподразделение.

Послышались чьи-то шаркающие шаги.

Северцев поднял ствол карабина, готовый открыть огонь.

Но это оказался проводник, ничуть не изменивший своего меланхолического отношения к происходящим в мире событиям.

— Зачем стрелял? — спросил он равнодушно.

— Дикie гуси пролетали, — хмыкнул Северцев, имея в виду ночных охотников.

— Ночь гусь не летит, — не понял юмора Касыгбай. — Не надо шум. Спокойно, однако.

— А разбойников у вас не водится? — поинтересовался Олег.

— Был мулдыз, кочевник, давно. Сейчас нет. Спи, однако.

— Ошибаешься, отец. Есть тут разбойники и вооружены прилично. — Северцев взвесил в руке пистолет, бросил в палатку. — Хотелось бы знать, что им было нужно.

Не глядя на застывшего старика, он достал из рюкзака клочок ваты, намочил водой из фляги и осторожно протер исцарапанную грудь. Затем залез в палатку и лег спать, справедливо полагая, что второй раз раненные картечью «спецназовцы» не сунутся. Олег наглядно показал им, что обладает немалым боевым опытом и способен защищаться.

3

Лошади во время ночного инцидента, к счастью, не пострадали.

Северцев обошел территорию лагеря вплоть до источника, никаких следов, кроме нескольких гильз, не

обнаружил и влез на своего низкорослого, но крепкого конька, которого уже оседлал Мерген. Проводник ни словом не обмолвился о ночной перестрелке, будто ему это происшествие было глубоко безразлично. А Северцев пришел к выводу, что за ним идут те же люди, что убили Николая Рощина и Володю Машавина. Они знали, куда и зачем направился известный своими открытиями путешественник, и явно хотели его остановить. Любыми способами. Не учли они только одного: их объект был не просто путешественником, но специалистом по выживанию в экстремальных условиях.

Снова перед всадниками распростерся пустынный пейзаж до горизонта с редкими скальными останцами, барханами и мелкими ложбинами. Проехали два херексура с кольцевыми каменными оградами, в окружении стел, но останавливаться Северцев не стал. Для изучения херексурсов и стел нужна была специальная экспедиция, а у него была другая цель. К тому же ощущение взгляда в спину не проходило, и это обстоятельство подстегивало желание Олега быстрее добраться до конечного пункта пути.

Датчики магнитного поля и СВЧ-излучения он включил сразу же, как только сел в седло. Однако не ожидал, что они сработают задолго до того, как отряд приблизится к первому месту стоянки экспедиции Лившица. Впрочем, самым удивительным фактом оказался не момент срабатывания датчиков, а ощущения самого Северцева. Когда проводник свернул к возникшей справа террасе, за которой начинались отроги Танну-Ола, Олег вдруг почувствовал странный беззвучный удар, встряхнувший голову изнутри, и лишь потом включились датчики, отметив резкое возрастание интенсивности электромагнитного фона. А потом Северцев сообразил, что они с Мергеном стоят уже на террасе с крутыми глинисто-скальными склонами, хотя еще минуту назад находились от нее на расстоянии никак не менее пяти-шести километров.

— Здеся, однако, — сказал Касыгбай, ничуть не удивившись «подпространственному» скачку, перенесшему всадников на террасу.

Правда, Северцев подозревал, что он просто отвлекся, занятый созерцанием пейзажа и оценкой обстановки, поэтому и не заметил, как они взобрались на террасу, где почти месяц назад располагался первый лагерь геофизиков.

Терраса представляла собой плоское пространство до ближайших горных откосов, поросшее травой и ред-

ким низкорослым кустарником. Сложена она была из глинисто-песчаного материала осадочного происхождения с тонким слоем почвы, на котором хорошо были видны следы раскопок. Подъехав поближе, Северцев увидел кучи песка с вкраплениями камней и дыру шурфа, спешился.

Шурф был глубокий — около шести метров, в нем еще торчала сухая лесина, играющая, очевидно, роль лестницы. СВЧ-датчик в этом месте показывал интенсивность излучения, в двадцать раз превышающую природный фон.

— Злой дух, однако, — сказал Касыгбай, не торопясь слезать с коня. — Дышит. Светисса. Плохой место. Нельзя.

— Тут ты прав, — кивнул Северцев. — Долго здесь находиться нельзя, импотентом можно стать.

— Палатка тут ставить? Дальше ты сам?

— Нет еще. — Северцев достал карту, расстелил на куче песка. — Мне надо попасть примерно вот сюда. — Он ткнул пальцем в точку на маршруте экспедиции Лившица, где, по его расчетам, находилась вторая пирамида. Ее-то и исследовал Николай Рошин.

— Совсем плохой место, однако, — бесстрастно сказал Мерген. — Там Бурхан живет, шибко сердисса.

— Я доплачу, — быстро сказал Северцев. — Еще пятьсот рублей.

— Зачем, однако, — покачал головой старик. — Бурхан шибко злой, плохо всем. Жертвы приноси, однако.

— Что ему надо? — поинтересовался Северцев, зная, что Бурханом тувинцы зовут местное божество, родственника русскому Перуну.

— Пить, еда, молисса надо.

— С едой и питьем проблем не будет, а молиться я не умею. Может, ты попробуешь?

— Зачем пробовать? — с достоинством проговорил проводник. — Мерген молитва много знай, петь хоомей* всегда.

— Ну и отлично. Вот тебе пятьсот наших, еще столько же получишь, когда доберемся до места. А о пирамидах ты так-таки ничего и не слышал? Неужели никто из жителей края не знает о подземных пирамидах?

Касыгбай спрятал купюру в карман халата, снял шапку с меховой оторочкой (он носил ее даже в жару), погладил макушку и снова надел.

* Хоомей — горловое пение.

— Ничего не знай, однако. Земля есть много всё, зачем копать? Пусть лежит. Предки ушел, нужный всё с собой забрал. Нам совсем другой нада.

Северцев с любопытством посмотрел на разговарившегося Мергена. Показалось, что старик нарочно коверкает слова для придания речи местного колорита. Касыгбай ответил ему непроницаемым взглядом и направил коня в обход брошенного шурфа. Северцев пожал плечами, взобрался на своего скакуна, двинулся вслед за проводником. Ощущение скрытого наблюдения не проходило, хотя вокруг до самого горизонта не было видно ни одной живой души. Если за всадниками и следили, то издалека, в бинокли, а может быть, и со спутника.

Улыбнувшись предположению, Северцев поднял голову, но увидел лишь медленно кружащего над горами черного коршуна.

Через два часа пустынный пейзаж Цугер-Элс сменился степью. Поднявшись на высокую террасу реки Тес-Хем, Северцев увидел несколько разномастных курганов, соединенных цепочками стел и скальных выступов. Проводник поехал медленнее, разглядывая почву под ногами лошади, затем свернул к небольшой возвышенности с группой скал на вершине.

Копыта лошадей зацокали по камням. Трава почти исчезла. Возвышенность была сложена из обломков камней и песка, напоминая моренный язык. На самой ее вершине красовался угловатый камень с выбитыми на боках изображениями странных многоногих животных. Недалеко от камня виднелись свежие кучи песка и щебня, вынутые из неглубокого — в два метра — колодца.

— Сдеся пришел, однако, — сказал Мерген. — Ищи свой пирамит. Деньги давай. Бурхана жди. Я уходить, однако.

— Мы так не договаривались, — возразил Олег. — Ты должен ждать меня, пока я закончу свои поиски. Мне в любой момент может понадобится лошадь. К тому же, возможно, придется идти дальше, искать другие «эльфы».

— Искать твой проблем. Эльф тут нет, однако. Место плохой, гудит, Бурхан сердисса.

— Ничего, переживет твой Бурхан. А сунется — у меня найдется для него подарок. — Северцев красноречиво похлопал по прикладу карабина. — Не разочаровывай меня, дедушка. Ты согласился помогать мне. Кстати, здесь убили моего товарища, и мне очень хочется узнать — за что.

Глаза Касыгбая сверкнули. Но тон его речи не изменился.

— Смерть причина знать, — сказал он с философским безразличием. — Ничего нет без причина. Однако я остаться. Подождать день.

— И на том спасибо, — с облегчением прыгнул с лошади Северцев.

Он поставил в двадцати шагах от шурфа — рядом с камнем — палатку, переделся в спортивное трико, взял датчики, лопату, воду и поспешил к полутораметровой ширины яме, вырытой месяц назад геофизиками.

Датчики по-прежнему фиксировали высокую ионизацию воздуха в радиусе двадцати метров от шурфа, да и сам Олег чувствовал себя неуютно. Во рту появился железистый привкус, в ушах поселился надоедливый комар, мышцы желудка то и дело сжимались в предчувствии спазмов, сердце порывалось работать с частотой пулемета, и успокоить его было непросто. Все эти признаки прямо и косвенно указывали на некую физическую аномалию, в эпицентр которой попал Северцев, и он, не раз испытывавший на себе давление геопатогенных зон, перестал сомневаться в успехе своего предприятия. Даже если в этом месте располагалась не пирамида, все равно это явно был экзотический объект, информация о котором тщательно скрывалась. Кем и для чего — предстояло выяснить. А поскольку Северцев был упрям, остановить его мог, наверное, только взвод спецназа или сам Бурхан, злой дух этих мест.

Такой аппаратуры, какую имели геофизики Лившица, у Олега не было. Но и с помощью той, какая была: датчики магнитного поля, радиации и СВЧ-излучения, электромагнитный сканер, УКВ-локатор, ультразвуковой локатор, шупы, компьютер для анализа и обработки данных полевой обстановки, все современное, миниатюрное, легкое, — он уже к вечеру определил контуры находки. Это действительно была пирамида, заплывшая песком, глиной, осадочно-обломочным материалом и почвой. Вершина ее скорее всего находилась именно в точке, где Николай Рошин начал долбить шурф, но до нее он так и не добрался. Помешала смерть.

— Хрен вам! — показал кулак неизвестно кому Северцев, выбираясь из ямы. — Не дождетесь! Я все равно докопаюсь до истины!

Вечерело, и углублять шурф он решил утром, хотя руки зудели от нетерпения, а душа жаждала деятельности. Тем не менее Олег заставил себя успокоиться, собрал при-

боры, оставив в земле шупы для определения узлов сети Хартмана, и вернулся к палатке, где проводник, с любопытством наблюдавший издали за его деятельностью, уже развел костер.

Ночь прошла спокойно.

Мерген никуда не уходил, сидел у костра, поджав под себя ноги, подбрасывал в огонь ветки, курил и пел. На горловое пение его заунывные мелодии походили мало, но злых духов оно, очевидно, отгоняло. Никто к костру за ночь не подошел. Северцев же провел ночь в полудреме, с карабином под рукой, готовый в случае опасности дать отпор любым ночным визитерам.

Наутро после завтрака он начал углублять и расширять шурф Николая и почти сразу же наткнулся на камень, оказавшийся вершиной пирамиды. К полудню Северцеву удалось очистить эту четырехгранную вершину почти на метр. Однако о полном освобождении пирамиды можно было только мечтать. Для такой операции требовались люди, время и техника — экскаваторы и бульдозеры, а этого как раз у Северцева и не было. Может быть, какие-то хозяйства или строительные организации на окраинах Убсунурской котловины и имели экскаваторы, но их еще надо было отыскать, а главное — каким-то образом уговорить или заинтересовать владельцев начать раскопки. Но таких полномочий и связей Олег не имел. Прикинув свои возможности, он все же решил добраться до капсулы антенного излучателя, какие обнаружили геофизики Гоха в Крыму, и рассчитал точку, где надо было бить шурф.

В этом месте в террасе наблюдалась неглубокая низинка, что немного сокращало глубину шурфа, хотя Северцев понимал, сколько сил и времени придется потратить на это мероприятие. Но отступать он не любил. Цель была поставлена, и ее надо было осуществить, пусть и ценой тяжелой работы.

После обеда он начал рыть новый колодец, ощущая необычный подъем энергии. Вспомнились высказывания украинских геофизиков об улучшении самочувствия в местах расположения пирамид. Эффект был тот же, а это уже указывало на взаимосвязь пирамид, сетью опутавших всю Землю. Для чего древним строителям понадобилось создавать такую сеть, трудно было представить, но глобальные масштабы явления говорили сами за себя. Тот, кто проектировал пирамиды, *знал* их предназначение и смотрел в будущее. Даже после катастроф и природных катаклизмов, заплыв песком, осадочными породами и почвой, пирамиды продолжали работать! Неясным оставалась главная цель их создателей: созидать или раз-

рушать. Отсасывать энергию ядра Земли для своих нужд и тем самым снижать сейсмическую и вулканическую активность, стабилизировать положение или насыщать ядро энергией, заставляя планету вибрировать, создавать энергетические резонансы и, как следствие, доводить ситуацию до катастрофических последствий. Таких, к примеру, как всемирный потоп. Или «ядерная зима»!

Задумавшись, Северцев не сразу уловил изменения в окружающей среде, а когда спохватился, почуяв спиной дуновение холодного ветра угрозы, было уже поздно.

Он выкопал яму глубиной по грудь: грунт в низинке оказался мягким, песчано-гумусным, и работа шла споро. Карабин Олег оставил неподалеку от шурфа, прислонив к глыбе камня, на которую положил мобильник и повесил футболку: день выдался жарким. Но когда Северцев захотел вылезти из ямы и взять карабин, его остановил металлический лязг затвора. Он поднял голову и увидел в десяти шагах Мергена, направившего на него ствол карабина. Замер, еще не понимая смысла происходящего.

— Эй, дедушка, не балуйся! Он заряжен.

— Сиди там, не вылезай, — сказал Касыгбай равнодушно. — Ты быстрый, я знаю, но пуля быстрее.

— Понятно, — усмехнулся Северцев. — Оказывается, ты вполне сносно говоришь по-русски, практически без акцента. Пришла пора снимать прикуп? Показывай свои два туза.

— Ты умный, но недалекий, — усмехнулся в ответ старик. — Зачем не послушался совета? Сидел бы у себя дома в Москве, живой и здоровый, или ехал бы сейчас в Североморск. Там тоже интересно. А теперь вот придется мучиться, искать компромисс.

— Неужели компромисс возможен?

— Не знаю пока. Я только смотритель пирамид Убсунурской системы, защищаю ее от любопытных, а решают судьбы другие люди.

— Люди?

В глазах Касыгбая зажегся и погас огонек.

— Может, и не люди.

— Не те ли молодцы, что вчера ночью хотели меня ликвидировать?

— Хотели бы — ликвидировали. Ты был нужен им живой.

— Зачем?

— Они все сами скажут, потерпи немного. Скоро они будут здесь.

Северцев прикинул свои шансы выбраться из шурфа и отнять у проводника карабин, но с грустью констатировал, что не успеет. Судя по хватке Мергена, рука у него была твердая, и он наверняка выстрелил бы раньше. Влип, что называется! Но кто же знал, что этот древний абориген окажется стражем пирамид?!

Северцев снова огляделся. Чем бы его отвлечь?..

— Что ж, давай поговорим... наблюдатель. Или ты не уполномочен вести переговоры?

— Ты слишком любопытен.

— Такая натура, — сокрушенно развел руками Северцев. — Но ведь я в твоей власти, разве нет? Куда сбегу? Почему бы тебе не удовлетворить мое законное любопытство?

Мерген сел на камень, продолжая держать Олега под дулом карабина, сунул в рот трубку, закурил.

— Меньше знаешь — дольше живешь.

— Я предпочитаю жить иначе. Итак, по всему миру найдены сотни пирамид, половина которых, если не больше, сидит в земле. Теперь я понимаю, что это система. Зачем вы ее создавали?

— Не мы, — качнул головой Касыгбай. — До нас.

— Хорошо, ваши предки десять тысяч лет назад.

— Еще раньше. Многие пирамиды созданы миллионы лет назад.

— Даже так? Любопытно. Однако я о другом. *Зачем она вам? Для чего служит? Для раскачки глубинных процессов в ядре Земли или для успокоения?*

— Ты догадливый, догадайся сам, — раздвинул губы в ироничной усмешке проводник.

Северцев прищурился. Его вдруг осенило.

— Десять тысяч лет назад случился Всемирный потоп. Как говорят ученые — из-за резкой смены полюсов. Цивилизация погибла, началась новая эра. Вероятно, старая цивилизация чем-то вас не устраивала, вот вы ее и угробили. Может быть, и новая тоже не устраивает? И вы готовите еще один потоп? Или что-то пострашней? Апокалипсис? Всеобщее тектоническое светопреобразование?

— Bravo, Олег Николаевич! — раздался за спиной Северцева чей-то хрипловатый бас. — Вы просто гений!

Он обернулся.

К нему подходили трое мужчин в камуфляже: один молодой, с квадратным лицом, на котором выделялись

тонкие усики, и с пустыми глазами лакея, второй — лысый, широкий, мощный, и третий — похожий на монгола с косыми глазами-щелочками и бронзовым лицом. Все трое держали в руках знакомые пистолеты «Форт-12», а у «монгола» в руках была еще черная сумка.

— Спасибо, Мерген, — продолжал лысый, с цепкими и умными, но злыми глазами. — Можешь возвращаться.

— А он? — Касыгбай отложил карабин, не торопясь встал.

— Он останется. — Лысый нехорошо улыбнулся. — Возможно, навсегда.

Проводник молча повернулся и двинулся к палатке Северцева, возле которой стояли лошади. Сел на коня и, все так же не оглядываясь, направился по склону возвышенности к горам. Пропал за курганами.

— Что же нам с тобой делать, орел? — присел на корточки у шурфа лысый. — Ты же нам всю обедню испортил, заставил пересмотреть планы, гоняться за тобой. Потерпел бы месяц...

— Свон! — произнес «монгол» гортанным голосом.

Лысый отмахнулся:

— Помолчи, Улар! Не надо было убивать геофизика! Ничего особо секретного он бы не нашел. А так мы всполошили спецслужбы и усугубили ситуацию. На активацию системы уйдет не меньше трех недель, а за нами уже началась охота.

— Мы успеем.

— Боюсь, ты ошибаешься. — Лысый сплюнул в шурф, изучающе разглядывая невозмутимого Северцева. — С кем еще ты поделился своими гениальными умозаключениями, мистер одиночка?

— С кем надо, — ответил Олег, глянул снизу вверх на «монгола»; впрочем, парень и в самом деле больше был похож на индейца — разрезом глаз и крупным хищным носом. — Это ты убил Колю Рощина? И Володю Машавина?

«Индеец» ответил безразличным взглядом, промолчал.

— Рошин оказался здесь в момент настройки антенны, — сказал лысый. — Мы не могли оставить его в живых. Так получилось.

— Значит, я прав? Вы действительно готовите потоп?

— Всего лишь очередной переворот земной оси. Который повлечет за собой очищение планеты от агрессивной и жестокой цивилизации.

— Так это вы уничтожили Атлантиду?

— Не мы — наши предшественники. И не только Атлантиду, но и Гиперборею — там теперь роскошный ледовитый океан, и Лемурию, и Мерию, и Славь, и Ланну, и около двух десятков других культур. Что поделаешь, человечество не желает учиться на своих ошибках, вот и приходится корректировать эволюцию. Для вашего же блага.

— Откуда вы такие добрые, ребята? — усмехнулся Северцев. — С Канопуса? С Веги? С Сириуса?

— Нет, мы местные, — покачал головой лысый, не поняв юмора. — Но, как вы верно заметили, не люди. Однако пора прощаться, Олег Николаевич. Может, все же скажете, с кем вы поделились информацией? Мы вас и не мучили бы, просто пристрелили бы, и все.

— Спасибо за гуманизм, господин нелюдь. Что-то мне не хочется облегчать ваш нелегкий труд.

— Жаль, придется идти по пути допроса третьей степени. Могила вы себе выкопали не очень глубокую, но тем не менее уютную. Да и недолго лежать в ней будете. Через месяц все здесь над генератором геоконтроля превратится в излучение. Надеюсь, вам будет приятно осознавать, что вы станете частицей этой энергии.

— Дайте его мне, — сделал шаг вперед молодой человек с усиками. — Он мне ногу прострелил, все расскажет.

Лысый разогнулся:

— Займись им, Кут. Прощайте, Олег Николаевич. Вы сами выбрали свою дорогу.

— Мерген возвращается, — сказал вдруг «индеец». — Что-то случилось.

Все трое посмотрели на горы.

В то же мгновение Северцев выпрыгнул из ямы и ударил парня с усиками по колену, добил на лету ребром ладони по горлу. «Индеец» обернулся, выстрелил в него, не попал. И вдруг захлопали выстрелы, «индеец» схватился за плечо, выронил пистолет, бросился бежать. Лысый оглянулся, направил свое оружие на Северцева, но выстрелить не успел. Олег прыгнул, перехватил руку противника, вывернул — и пули прошли мимо. Лысый ударил его кулаком в затылок, выхватил нож, однако Северцев уклонился — лезвие ножа процарапало живот, и ударил противника в лицо растопыренной ладонью. Тот отлетел назад, снова бросился на Олега и вздрогнул, широко раскрывая глаза. Выронил нож, повернулся вокруг своей оси, повалился на землю лицом вниз.

Северцев увидел на его спине след пули, поднял голову. Из-за курганов вывернулся еще один всадник со снайперской винтовкой в руке. Выстрелил в «индейца». Тот упал. Мерген в это время приблизился, и Северцев не поверил глазам: это был не проводник.

— Катя?! — поразился Олег. — Какими судьбами?!

Девушка спрыгнула с коня, одетая в халат и шапку с меховой оторочкой. Издали ее действительно можно было спутать с Мергеном.

— Простите, Олег Николаевич, что пришлось задействовать вас в операции без вашего ведома. Но обстановка требовала нестандартных решений, и мы воспользовались нечаянно дарованной ситуацией.

Она подошла к лысому, наклонилась:

— Помогите.

Вдвоем они перевернули тело на спину, Олег дотронулся пальцами до шеи лысого.

— Жив.

— Котов стрелял издалека, оберегая вас, мог и промахнуться. — Она достала брусок рации, вытащила антенну. — Седьмой, отбой прикрытие. Срочно подавайте вертолет, у нас раненые.

— Кто вы? — спросил Северцев оторопело.

Катя сняла шапку, устало провела по лицу ладонью:

— Не догадались?

— Федералы?

— Особое управление по исследованию и использованию эзотерических ресурсов. Я действительно работаю в секторе Лившица недавно, хотя переведена туда вовсе не из геофизического института. Но это детали.

— Вы знали о существовании... этих людей?

— Положение серьезное, Олег Николаевич. На Земле существует некая организация, контролирующая развитие человечества, и она давно готовит... м-м, скажем так, переворот. То есть готовится резкая смена угла наклона вращения планеты для сброса накопившейся энергии через пирамиды.

— Вы и это знаете?!

Катя улыбнулась, подошла к нему:

— У вас кровь на груди. Вы ранены?

— Пустяки, оцарапался о камни. Но у меня вопрос...

— Нам предстоит долгий разговор, Олег Николаевич. Система пирамид существует в реалиях. Только на

территории нашей страны обнаружено около сотни пирамид, а по всей Земле их насчитывается около тысячи. Люди, а точнее — нелюди, которые убили Николая и хотели ликвидировать вас, уже почти настроили систему, синхронизировали и готовят к запуску. Их надо остановить. В связи с чем у нас к вам есть деловое предложение. Я знаю, что вы являетесь «свободным художником», искателем приключений и не работаете на какую-либо государственную или частную контору. Не хотите поработать у нас? Приключения я вам гарантирую.

Северцев, ошеломленный не столько быстрой сменой событий, сколько открывшейся ему перспективой, услышал далекий рокот винтов, оглянулся.

Над пустыней Цугер-Элс летел вертолет.

— А если я не соглашусь, вы меня... уберете?

Катя улыбнулась, становясь юной и красивой, как фея.

— Вы согласитесь, Олег Николаевич.

Северцев улыбнулся в ответ, зная, что она права. Одиночество уже начинало ему надоедать. Да и кто на его месте отказался бы спасти мир?..

Ноябрь 2001 г.

Олег Овчинников

ДВА МИРА — ДВА СОЛНЦА

· Редуарду Кингу в день двадцатидевятилетия

Прежде чем поприветствовать вошедших, шеф пару минут демонстрировал им насупленные брови и то место на своей голове, где две обширные залысины собирались на затылке в аккуратную плешь. А когда оторвал тяжелый взгляд от стилизованной под дуб столешницы, Редуарду с Николасом стало ясно, что никакого приветствия они не дождутся. По крайней мере сегодня.

— Во всей Вселенной нет двух одинаковых звезд, — издаleка начал шеф. Затем непоследовательно продолжил: — Однако они существуют. — И посмотрел на подопечных с некоторым вызовом.

— Разрешите присесть, — обратился к старшему по званию Николас Лэрри, ксенобиолог. Правда, пока еще не дипломированный.

— Обойдетесь, — мотнул головой шеф, но Николас все-таки сел.

Субординация субординацией, рассудил он, однако ниже курсанта все равно не разжалуют. Других свободных стульев в кабинете не наблюдалось, поэтому Редуарду Кингу волей-неволей пришлось блюсти дисциплину в гордом одиночестве.

Шеф скосил глаза в сторону и заговорил, по обыкновению, очень тихо и неразборчиво. Слова с трудом проникали сквозь неряшливую клочковатость его бороды. Они угасали и растворялись в ней, словно бортовые огни улетающего звездолета в ночном небе.

В точности такого звездолета, какой изображен на значке, прищипленном к мундиру шефа. Зеленом Значке Космодесантника!

У Редуарда тоже со временем будет такой. Не звездолет, конечно, — значок! Сам шеф в присутствии всей группы приколлет его на лацкан курсантской куртки и пробормочет что-то, приличествующее случаю. А Редуард, гордый и немного смущенный, произнесет слова торжественной клятвы:

Клянусь, улетающий вдаль звездолет
На сердце буду беречь.
За бортом что-то космос о звездах поет,
Но слишком невнятна их речь...

Последние две строчки сложились сами собой. Речью шефа, должно быть, навеяло.

Кстати, о невнятице... Редуард Кинг, будущий специалист по космическим контактам, вздохнул и незаметно ушипнул себя за курносый нос, прогоняя с лица глупую мечтательную улыбку. Все это еще будет, успокоил он себя, и значок, и нормальная форма десантника вместо фиолетовой курсантской курточки, обязательно будет... Если сейчас он сосредоточится, вслушается во все эти «бу-бу-бу» и «кхэ-хм» и попытается наконец понять, чего от него хочет шеф.

Из невнятного бормотания между тем следовало вот что.

Звезды похожи на снежинки. Не потому, что маленькие и холодные, а потому, что, несмотря на кажущееся сходство, невозможно из множества похожих выбрать две абсолютно одинаковых.

Каждая звезда уникальна. Она характеризуется своими размерами, спектральным составом, траекторией движения относительно центра галактики, наличием планетарной системы и чем-то еще, о чем шеф упомянул совершенно вскользь.

Итак, тезис первый. Во всей Вселенной нет двух одинаковых звезд.

А теперь второй. Все готовы? Так вот, первый тезис, увы, устарел.

Доказать это удалось группе астрономов из Угугумской (так назвал ее шеф) обсерватории при, скажем так, одноименном университете. Собранный ими телескоп, в основу функционирования которого положен принцип каких-то там последовательных приближений, помог обнаружить новую

звезду в созвездии... судя по названию, весьма отдаленном. Более того, звезду, по всем параметрам идентичную другой, уже занесенной в звездный каталог. Так что ученые поначалу даже усомнились в первородстве своего открытия. А не изобрели ли мы очередной велосипед на пороховом ходу? — задумались они. То есть, проще говоря, не открыли ли по второму разу давно известную звезду?

Но тут внимание астрономов привлек тот факт, что звезда, обнаруженная первой, представляет собой не что иное, как...

Окончание фразы шеф, казалось, проглотил, не жуя, чем достиг безусловного перигея, иными словами, апогея со знаком минус в ораторском искусстве. Он произнес от силы два-три слова. А может, просто кашлянул. Или чихнул. А в ответ на дружное «Будьте здоровы!» одарил курсантов полным превосходства взглядом и добавил:

— Да, да, вы не ослышались!

— Набла Псилонца? — осторожно предположил Редуард.

— В каше стронций? — поморщившись, переспросил Николас.

Вместо ответа шеф досадливо наморщил лоб вплоть до макушки и, не оборачиваясь, ткнул пальцем в окно за своей спиной.

Курсанты как по команде посмотрели туда.

— А-а-а, наше Солнце! — сообразил Николас.

Вид теплого июньского солнышка в безоблачном небе медленно вытеснил все прочие мысли из его головы. «В такую погоду!..» — неодобрительно подумал Николас Лэрри и потерял стеснявшую дыхание верхнюю пуговицу форменной куртки. (Справедливости ради отметим в скобках, что нижняя ее пуговица стесняла курсанта едва ли меньше.)

Нестерпимо захотелось на волю — если уж не на реку, то в лес или, как минимум, в парк. Словом, поближе к природе и подальше от бормотаний шефа, который знай бубнил себе под нос что-то про совпадение звездных величин, про светимость, тождественно равную единице, без запятой и знаков после нее, про прецессию планетарных осей и нутационные колебания...

В общем, из всей пространной речи шефа тренированное ухо будущего ксенобиолога выхватило только знакомое слово «мутационные», да и то, как оказалось, по ошибке.

— Думаю, не нужно объяснять, сколь важным для человечества является открытие звездной системы-близ-

неца? — спросил шеф. Однако последовавшие объяснения растянулись еще минут на десять.

Редуард Кинг сосредоточенно внимал, закусив от усердия губу и повторяя про себя основные тезисы. «Одинаковые звезды. Одинаковые планеты. Особенно третья, ярко выраженного земного типа. Идеальные условия для возникновения и развития... Ух ты!»

— К сожалению, — в заключение заметил шеф, — к системе нет прямого гиперпути, и это существенно осложняет возможность ее исследования. Поскольку кораблю, отправленному в разведывательную экспедицию, придется лет десять плестись на субсветовых, а его экипажу, то есть вам, провалиться в анабиозе.

— Нам?! — Николас рывком вышел из прострации. — Вы хотите сказать, что это мы отправимся устанавливать контакт с вашей гипотетической цивилизацией? Мы, не нюхавшие вакуума?

— Не мы, а вы, — поправил шеф. — Я лично останусь здесь. — Он обвел обреченным взглядом тесное пространство кабинета. — И не устанавливать контакт, а лишь провести предварительную разведку. Покрутиться на орбите, проверить кое-какие гипотезы, оценить перспективы... В общем, там, на месте, разберетесь.

— Вдвоем? — ужаснулся Редуард, чье знакомство с иными цивилизациями сводилось до сих пор к просмотру обучающих видеофильмов в рамках спецкурса по контактологии. — А разве... Неужели для этой миссии нет более достойных кандидатов?

— Естественно, есть, — до обидного легко согласился шеф. — Но мало кто может так вот запросто согласиться на десятилетнее отсутствие. Вы оба — воспитанники интерната, родственников на Земле у вас нет, невестами, насколько мне известно, тоже обзавестись не успели, так что никто вас здесь не удерживает.

— Ну, это как сказать, — возразил Редуард Кинг, но так тихо, что практически про себя.

А Николас недовольно скривил губы. С формальной точки зрения шеф прав, родственников *на Земле* у курсантов не осталось, но ведь Земля — это не пуп Вселенной. И Млечный Путь на ней клином не сходится. К примеру, Николасов непоседливый папаша сейчас болтается где-то между Марсом и Юпитером, благоустроивая необитаемые астероиды для состоятельных клиентов. А родители Редуарда — те вообще обретаются неподалеку: второй год ковыряют лунный грунт в поисках селеновых залежей. И все же шефу при всей его

формальной правоте не помешало бы немного поучиться так-ту. Так-то...

— Насколько я понимаю, участие в экспедиции — дело добровольное. А если мы откажемся? — спросил Николас, в ответ на что шеф поинтересовался:

— Так. Есть еще вопросы?

— Да, — не спешил сдаваться ксенобиолог. — Относительно стипендии. Положена ли нам академическая стипендия за то время, что мы проведем в анабиозе? И если положена, то нельзя ли получить ее заранее? Хотя бы часть...

Дверь кабинета прикрывали старательно, в четыре руки. И тихо — тише, наверное, только в открытом космосе. Первые десять шагов по коридору курсанты, не замечая того, проделали на цыпочках.

— Легко отделались, — шепотом прокомментировал Редуард.

— Да уж... — прошелестели пухлые губы Николаса.

Теперь перспектива провести ближайшие десять лет вдаль от начальственного гнева, пусть бы и в анабиозе, не казалась обоим такой пугающей.

Два карликовых эвкалипта тянулись друг к другу, то ли простирая руки-ветви для прощального пожатия, то ли, напротив, склоняя кудрявые макушки в приветственном поклоне. Окончательно слиться в объятиях им не давала проложенная между рядами дорожка. Вкупе с обступившими ее деревьями узкая, уставленная редкими скамейками дорожка образовывала не аллею даже — аллею. Две прогуливающиеся парочки, идущие по ней в разные стороны, пожалуй, еще смогли бы разминуться, но их действия при этом напоминали бы смену караула или шахматную рокировку.

Впрочем, в данный момент в парке гуляли только двое. Юноша и девушка, чем-то похожие на пару эвкалиптов.

— А обо мне ты подумал? — спросила Надя.

— Конечно, — неубедительно соврал Редуард.

— Врешь! — уверенно сказала она и опустила голову. — Никто никогда обо мне не думает.

С неба на них лилась музыка. Репродуктор скрывался где-то в кроне тороидального тополя, так что Редуарду казалось, что слова простенькой, но привязчивой песенки возникают прямо в воздухе, на высоте прыжка с шестом.

Улетаешь ты —
Не на Солнце, не на Марс.
Улетаешь ты —
Это все в последний раз...

— Когда ты вернешься... — трагически начала Надя.

— Если, — суеверно поправил Редуард.

— Так вот, когда ты вернешься, ты будешь таким же молодым, как сейчас. — «И глупым», — мысленно продолжил Редуард. — А я стану совсем старой. Через десять лет мне будет уже... — Надя сделала вид, что от волнения не может закончить фразу, и негромко всхлипнула, отвернувшись.

Даже сейчас, безо всякого анабиоза, она была на четыре года старше Редуарда. Признаваться в этом не хотелось.

— Ну, чего ты, — сказал он и от беспомощности взял ее за руку.

Все мои мечты
Оставляя на потом,
Улетаешь ты —
Космос стал теперь твой дом...

Конец аллеики приближался неумолимо. Дальше начинались приземистые строения службы наземного сопровождения и ограда космодрома. Оставалась последняя скамейка. Поравнявшись с ней, Надя остановилась и потянула Редуарда за руку, разворачивая лицом к себе.

— Ну, — сказала она. — Целоваться-то будем?

Жалко, что на космодроме не растут цветы, невпопад подумал Редуард.

— Я дождусь тебя, слышишь? — быстро-быстро зашептала Надя. Ее кудрявый локон щекотал ухо Редуарда. — Устроюсь гидом на экскурсионный по Золотому Кольцу — тому, что вокруг Сатурна. Мне подруга говорила, они, экскурсионные, еле плетутся, на второй космической. Это оттого, что туристы перегрузок боятся. Пять лет в один конец, представляешь? И почти все время в заморозке, так что разочек только слетаю туда-сюда, а там и ты вернешься...

Редуард слушал горячий девичий шепот и не находил что ответить. Да и вряд ли во всей Вселенной нашлись бы слова, способные вместить в себя всю нежность и горечь неизбежной разлуки, которые он испытывал.

Улетаешь ты —
Ключ на старт уже готов,
Улетаешь ты —
Вот и кончилась любовь...

— Ничего не кончилось! — захотелось крикнуть Редуарду. — Настоящая любовь выдержит любые испытания и перегрузки, мы вместе пронесем ее сквозь годы, календарные и световые, чтобы...

Но вместо этого снова промолчал. К горлу подступал комок, а на глазах постепенно скапливалась, как сказал бы его лучший друг на ближайшие десять лет, секреция желез, расположенных в верхнелатеральных уголках глазниц.

По счастью, скоро пошел дождь.

Теплый, ласковый и, судя по нескольким солнечным лучам, отыскавшим бреши в плотной завесе облаков, подслеповатый.

Такое часто случается с новичками, непривычным к гиперпутешествиям. Первые несколько минут после выхода из гиперпространства в нормальное трехмерное все окружающие предметы кажутся им чересчур яркими и выпуклыми. Их хочется потрогать.

Редуард Кинг с трудом оторвался от созерцания собственных пальцев и с восхищением посмотрел по сторонам. Самым ярким и выпуклым в области видимости был, несомненно, ксенобиолог, чья фигура в серебристом комбинезоне величественно выплывала из рубки управления. «Как только его выдерживает невесомость?» — в который раз изумился Редуард.

Эффект наведенной гравитации, побочное свойство гиперперехода, прекратил свое действие. Одновременно с этим с обзорного экрана исчезла мутная белесая пелена. Именно таким видится из гиперпространства свет далеких звезд. Он похож на разлитые по стеклу сливки. Тот, кто окрестил нашу галактику Млечным Путем, определенно знал, что делал!

Сейчас экран казался пустым, но Редуард знал, что там впереди. Точно по курсу, на расстоянии пяти лет полета скрывалась она — звезда, которую угугумские астрономы, не мудрствуя, нарекли Солнце-два. И окрестные планеты. И, чем Космос не шутит, может быть, слава!

— Пристегнуться не желаешь? — крикнул он вслед Николасу Лэрри. Но тот не внял предупреждению, лишь пренебрежительно дрыгнул ногой в ответ.

— Как знаешь, — промолвил Редуард и запустил вращение жилого отсека.

В его действиях не было мстительности. Николас сам виноват, к тому же первый начал. Он-то никого не предупреждал, когда решил «проверить люфт стартовой кнопки». В итоге стартовали на полчаса раньше, вдобавок лишних три раза корректировали курс. И все равно чуть было не вошли в гипертуннель боком...

Отсек начал раскручиваться, плавно набирая скорость. Какая-никакая гравитация заставила все незакрепленные предметы свалиться на его стенки. Первым свалился Николас. Сначала на пол, затем на четвереньки и в таком положении полез на стену. Редуарду он напомнил белку-перекормыша, запущенную в не по размеру подобранное колесо.

Однако хмурый взгляд ксенобиолога и его чуть покрасневшие от доплерова эффекта глаза мигом стерли улыбку с лица контактера. Редуард дождался, пока центробежная сила достигнет допустимого значения, и выбрался из противоперегрузочного кресла. Оттолкнувшись от сиденья, он пролетел до границы неподвижной рубки и жилого отсека, где аккуратно приземлился на ноги. По стеночке добрался до Николаса, помог подняться и спросил:

— Не ушибся?

Николас молча отряхнул с колен воображаемую в условиях послекарантинной стерильности пыль, достал из кармана первое яблоко и обиженно хрустнул.

Именно яблоки и прочие натуральные продукты, не предусмотренные скудным корабельным рационом, составляли весь его личный багаж. «Все вкусное бесполезно», — любил повторять ксенобиолог.

Редуард же отпущенную ему норму в пять килограммов использовал от силы на одну десятую процента. Его багаж состоял из единственной фотографии, легко умещавшейся на ладони и в нагрудном кармане комбинезона. С трогательным четверостишием на обратной стороне:

За тридевять парсеков от Земли
Попробуй не забыть про основное.
Желаю тебе веры и любви!
Я сохранить сумею остальное.

С фотографии Редуарду улыбалась Надежда. Его Надежда.

Убедившись, что ксенобиолог полностью поглощен яблоком, которое, в свою очередь, наполовину уже поглощено ксенобиологом, Редуард украдкой коснулся фото губами. «Куда бы ее определить? — задумался он. — Не хранить же все десять лет за пазухой».

В своей комнате в общежитии Редуард поступил бы просто: повесил изображение любимой девушки на стену над кроватью. Но в цилиндре пятиметрового диаметра, который являл собой жилой отсек, сделать это оказалось затруднительно. Тем более что из-за его постоянного вращения то, что тебе в данный момент кажется стеной, твоим соседом может быть воспринято как пол. И все же пару минут спустя Редуард нашел выход.

Он взобрался на привинченную к «полу» табуретку, вытянул вверх руку с фотографией и начал производить ею странные манипуляции. Настолько странные, что Николас Лэрри на время прекратил заразительно хрустеть яблоком и стал с интересом наблюдать за действиями приятеля.

Редуард держал фотографию высоко над головой, за самый краешек кончиками пальцев. Периодически он разжимал их, смотрел, в какую сторону начнет «падать» фотография, затем слегка менял положение руки, и все повторялось сначала.

Ищет точку равновесия, догадался ксенобиолог. Пытается совместить центр тяжести фотографии с осью вращения отсека. Ведь вдоль нее центробежная сила не действует. Вернее, действует, но сразу во всех направлениях, и разнонаправленные вектора силы компенсируют друг друга. Но производит сверхточные расчеты на глазок... Ну-ну. В смысле, успехов!

Оглушительно хрустнуло яблоко.

Редуард обернулся на звук. Всего на мгновение, но выпущенная из пальцев фотография успела отлететь сантиметров на десять «вверх». Редуард встал на цыпочки, но этого оказалось недостаточно. Тогда он прыгнул... и не заметил, как его собственный центр тяжести пересек невидимую ось вращения. С ускорением, которого не почувствовал, Редуард рухнул на «потолок», едва успев сгруппироваться перед самым приземлением.

Пока стремительный контактер путешествовал по кратчайшей, Николас совершил в 3,141592 раз более дальнюю прогулку и приблизился к месту незапланированной посадки.

— Не ушибся? — поинтересовался он, наклонившись за упавшей фотографией. И предложил: — Один — один?

— Ничья, — согласился Редуард, прыжком, правда, очень осторожным, поднимаясь на ноги. Он прикинул взглядом расстояние до подвешенной к «потолку» табуретки. — Пять метров для десантника — не высота.

— Для настоящего десантника это даже не рост, — рассеянно заметил Николас. Внимание его при этом было сосредоточено на Надином снимке. — Вы что, знакомы?

— Да, — подтвердил Редуард, мягко отбирая фото.

— Угум, ничья, — запоздало кивнул ксенобиолог.

Редуард выдавил в себя последние четверть тюбика питательной субстанции, названной кем-то «макаронами по-космофлотски». Вероятно, за то, что микрокусочки мяса встречаются в ней так же часто, как островки разумной жизни в исследованной части галактики. Редуарду, например, попался всего один.

От светлой тоски по собратьям по разуму Редуарда отвлек Николас. Он как раз покончил с яблоками и, не давая организму ни на секунду расслабиться, приступил к грушам. Груши на зубах не хрустели, но от этого не казались менее аппетитными.

«Хорошо, что влюбленным не хочется есть, — с благодарностью думал Редуард. — Ни есть, ни спать», — быстро поправился он, глядя, как Николас вытирает липкие от грушевого сока губы и сладко зевает.

Хотя спать-то ему как раз никто не мешает. Даже наоборот. Как еще скоротать долгие месяцы полета, если точно знаешь, что компьютер доставит корабль в пункт назначения и без твоей помощи, а автоматика обеспечит спящего всем необходимым, за исключением разве что цветных сновидений.

— Может, по морозилкам? — предложил он.

— Можно, — согласился Николас.

— А продукты? — Редуард с надеждой покосился на опустевший наполовину пакет в руках ксенобиолога. — Они же испортятся.

Ксенобиолог на секунду задумался, потом махнул рукой:

— Ерунда. Не больше, чем мы с тобой.

Редуард хотел было возразить, что Николас с продуктами в одну морозилку не поместятся, но тот уже улегся в отведенную ему ванну, пристроив пакет себе на грудь. «Не закроется!» — подумал Редуард и снова не угадал.

Пластиковая крышка анабиотической камеры хоть с третьей попытки, но захлопнулась за ксенобиологом. Под прозрачным пластиком Николас с отчасти приплюснутым лицом стал похож на экспонат антропологического музея. Не хватало только поясняющей таблички: «Человек скаредный».

Редуард еще долго ворочался, устраиваясь на дне собственной камеры, где с легкостью смогли бы разместиться еще два его брата-близнеца. «Какая же это ванна? — раздраженно думал он. — Это бассейн».

Внутри камеры холодало, но непонятно, насколько быстро. Расположенный над головой экран мигал секундами, рябил тысячными — словом, отсчитывал время от момента включения, но текущую температуру отчего-то не показывал — вероятнее всего, чтобы не пугать засыпающих. Поэтому Редуард, ранее никогда заморозке не подвергавшийся, не мог решить, впадать ли ему уже в анабиоз или потерпеть еще.

— Ник, ты спишь? — позвал он, устав от томительного ожидания.

— Естественно, нет, — ответил чуть-чуть придавленный голос. — «Анабиотик» нам впрыснут не раньше, чем температура упадет до минус семи. Иначе...

— Что?

— Удовольствие будет неполным. Ты не волнуйся, такое не проспишь. Минус семь — это как раз та температура, при которой зубы стучать перестают.

— Почему?

— Смерзаются.

— Да ну тебя. — Редуард попробовал обиженно замолчать, но мерзнуть молча оказалось еще мучительнее. Когда немеют конечности и на ресницах выступает иней, почему-то особенно хочется разжиться хоть капелькой дружеского тепла. — А как ты думаешь, — спросил он. — Эта Земля-два — какая она?

— Понятия не имею. Надеюсь, такая же, как наша. Теплая... — передернул плечами Николас. — Если, конечно, шеф не напутал с расстоянием до тамошнего солнца и наличием атмосферы.

— А она... а-а-а... обитаемая? — Редуард Кинг безыскусно имитировал зевок. Как всякий наивный мечтатель, он страшно стеснялся своей наивности и мечтательности и всячески старался их маскировать.

— Мягко говоря, вряд ли. — А вот Николас был реалистом. Холодным... бр-р-р... прагматиком. — Вернее,

существует определенная вероятность, но она ничтожнее тех мурашек, что бегают сейчас по твоей спине. Таких условий, как допустимый эксцентриситет орбиты и приемлемый для человеческих легких состав воздуха, еще недостаточно для зарождения жизни.

— А что еще для этого нужно?

— Да тысячи факторов!

Повисло минутное молчание. Редуард с восторгом размышлял о том, какая все-таки редкая штука — жизнь и как это важно — суметь правильно ею распорядиться. Николас пытался перевернуться на левый бок, но теснота камеры не позволяла. «Нет, это не ванна, — убежденно думал он, — это какой-то сидящий душ Харчо! В смысле, Шарко».

— Даже если необитаемая, — уступил Редуард. — Все равно, сходные погодные условия — это уже не мало. Атмосфера, климат... Сама собой решится проблема перенаселенности Земли. Эту планету даже адаптировать не требуется, хоть сейчас переезжай. И мы с тобой — ее первооткрыватели. Астрономы ведь не в счет. Пусть следят через свои телескопы, как мы первыми высаживаемся на ее девственную поверхность. Как думаешь, на родине нам поставят памятники? Ну хотя бы один на двоих?

— Надеюсь, нет, — поехился Николас. — По крайней мере в ближайшие сто лет. Лучше бы стипендию повысили... — Он усмехнулся. — Ты еще помечтай, как твой родной город по возвращении переименовывают в твою честь, а тебя самого выбирают его бургомистром. Я даже слоган придумал для избирательной кампании: «Из гйбернции — в губернаторы!» Звучит?

— Ну, город не город, — раздумывал Редуард. — Но уж никто не запретит нам назвать своим именем какой-нибудь океан на открытой планете. Хотя нет, океаны бывают холодными, лучше пустыню. — Мурашки уже не бегали по его спине, они замерзали заживо. — Или вулкан.

— Не смейся мои магнитные присоски, — попросил Николас. — Твоим именем разве что бархан в пустыне назовут. А фамилией — грязевой гейзер.

— А твоим... твоим... — Редуард стиснул зубы, придумывая достаточно обидный ответ, и чуть было не пропустил облачко голубоватого газа, вылетевшее из прорезей в стенках камеры. Он вздохнул глубоко, почувствовал неестественную легкость в голове и покалывание в области предплечья, подумал:

«Сохранить остальное... В морозилке — как груши... Смешно...» — и не чувствовал больше уже ничего.

В таком состоянии ему предстояло провести 1826 ночей и дней.

Хотя какие в открытом космосе дни?

— ...какой-нибудь сероводородный источник! — произнес Редуард Кинг, не размыкая век.

— Что источник? — раздался рядом слегка ошалелый голос ксенобиолога.

— Назовут. Твоим именем.

— А... И над этим экспромтом ты трудился девятьсот тринадцать суток?

— Сколько? — Редуард попытался присесть, ощутил лбом ограниченность окружающего пространства и открыл глаза.

Да, именно так. Девятка, единица и тройка уверенно обосновались посреди экрана, плюс к этому несколько часов, минут и секунд с долями, за которыми спросонок было не уследить.

— Я не трудился, — сказал он, откидывая крышку камеры. — Я спал.

— Серьезно? — ерничал Николас, выбравшийся из ванны по пояс. — И что снилось? Держу пари, какая-нибудь горячая девушка? — привычно пошутил он. Подтрунивание над обстоятельствами личной жизни Редуарда давно уже считалось в Академии хорошим тоном.

— Не помню. — После экстренной разморозки с просушиванием Редуард излучал чистоту и свежесть, как вывешенный на мороз пододеяльник, и не хотел пятнать себя участием в словесной перепалке.

— Неудивительно. Во время анабиоза жизненные процессы замедляются практически до нуля. В том числе мозговая активность. Твоя — в особенности.

Ксенобиолог достал из похрустывающего пакета апельсин, задумчиво взвесил на ладони, затем разжал пальцы. Апельсин упал на пол с металлическим звоном и никуда не покатился.

— Гипотремия, несовместимая с завтраком, — с сожалением констатировал Николас.

— Кстати. Ты как биолог должен знать, — не удержался Редуард. — Что это за домашнее животное — безрогое, парнокопытное, вдобавок ни бѣльмеса не смыслящее в апельсинах?

Ответить достойно Николас не мог. Разочаровавшись в цитрусовых, он предпринял попытку отхватить кусок от пригретой на груди груши, в чем теперь, судя по выражению лица, страстно раскаивался.

— Однако. — Редуард осторожно выпрямился, разминая суставы и мышцы после двух с половиной лет неподвижности. Ни онемения, ни судорог, радовался он, и кровообращение вроде бы в норме — спасибо реабилитационной автоматике! — Чего, интересно, ради нас подняли в такую рань? Нам ведь, по-хорошему, еще спать и спать.

— Сейчас узнаем, — флегматично отозвался Николас, пытаясь обнаружить следы собственных зубов на окаменевшем фрукте. — Но наверняка что-то внештатное. Такое, что запрограммированному на все случаи жизни кибер-пилоту позарез понадобилась помощь двух гениев из плоти и крови. Заменить батарейку или что-то в этом роде.

Он встал, добрел, виртуозно шаркая магнитными подошвами, до входа в рубку и там воспарил. Редуард приотстал немного, улучил момент, чтобы еще раз взглянуть на решительный изгиб губ любимой, ее глаза и кудрявый локон, который умеет так нежно щекотать ухо. «А она совсем не изменилась», — подумал он, упрятывая фотографию в нагрудный карман.

— Ну что, батарейка? — весело спросил он, влетая в помещение рубки.

— Да нет. — Обращенное к многофункциональному экрану лицо ксенобиолога выражало озабоченность, а тон ответа был далек от шутливового. — Хуже. Или лучше. Я еще не решил.

— Да что там? — напрягся Редуард, подвигаясь к экрану.

— Корабль.

— В этой глуши? — удивился контактер. — Тут же во всей округе ни одной заслуживающей внимания системы. Кроме, разумеется, цели нашего назначения. Слушай, а может, за нами выслали контрольную экспедицию? Из нормальных ученых...

— Вряд ли. Нас наверняка предупредили бы. К тому же они летят не в ту сторону.

— То есть?

— Сам смотри! — Николас ткнул пальцем в яркую пульсирующую точку, вызвав мелкую рябь на чувствительной поверхности сенсорного экрана. Точка послушно трансформировалась в вектор направления, обросла сеткой пространственных координат.

Редуард Кинг, хоть никогда не умел, тут присвистнул.

Из картинки следовало, что обнаруженный корабль двигался им навстречу, то есть не К системе Солнце-два, а ОТ нее.

Объясняться это могло тысячью причин, но верить почему-то хотелось в самое несбыточное. Видимо, склонность к мечтаниям, в отличие от избыточной сутулости, не способно исправить даже долгое пребывание в тесном замкнутом пространстве.

— Не шипи... — поморщился Николас. — Вот погоди, через полчаса войдем в зону прямого радиоконтакта, тогда и пошипшишь, и поквакаешь, и вспомнишь заодно, чему тебя учили на спецкурсах по интерполяционной лингвистике.

— Радио... контакта? — растерянно повторил Редуард.

— Угум. Ты пока готовься. Не забудь проверить видеокамеру. И смотри, когда будешь снимать сцену знакомства, не заходи сверху. А то у меня на пленке лоб скошенный получается и уши враслопырку. Лучше займи позицию немного снизу и сзади.

— Как это — займи? Какую камеру? — Растерянное выражение покинуло лицо Редуарда. Пока еще он недоумевал, но в любой момент готов был возмутиться. — А кто, по-твоему, будет знакомиться?

— Я. — Николас подчеркнул собственное спокойствие, сложив руки на подлокотники кресла. — И не вздумай спорить, это не обсуждается. Во-первых, я старше, а во-вторых, как ксенобиолог лучше тебя знаком с поведением инопланетной живности.

— Всего на два месяца! — воскликнул Редуард, имея в виду разницу в возрасте. — А что касается живности — не ты ли совсем недавно с пеной у рта доказывал, что ее существование невозможно в принципе? «Тысячи фа-акторов», — передразнил он, для большего сходства раздувая щеки.

— Ничего себе недавно, — возразил Николас. — Два года прошло. За это время я серьезно пересмотрел свои взгляды. И потом, тысячи факторов — разве это так много в масштабах бесконечно разнообразной Вселенной?

— Кроме того, не ты, а я здесь... контактер. — Редуард на мгновение смутился: с языка чуть было не сорвался неуместный эпитет «прирожденный». — Следовательно, я компетентнее тебя в вопросах поиска общего языка с предполагаемыми братьями по разуму.

Собственная неопытность и полное отсутствие практических навыков, так тяготившие курсанта в кабинете шефа, перестали волновать его, вытесненные сладостным предвкушением грядущей славы.

— В том-то и дело, что предполагаемыми, — выделил последнее слово Николас. — Прежде, чем кичиться своей компетентностью, убедись, что они разумны.

— Как это? — опешил без двадцати пяти минут контактер. — А космический корабль?

— А Белка и Стрелка? — парировал Николас. — Вот как выползет из этой тарелки трехголовое чудище с девятью языками, поди тогда разберись, который из них общий...

— Ну... Ты... А в ухо? — осведомился Редуард, поняв, что исчерпал запас разумных доводов.

— Попробуй, — радушно предложил ксенобиолог, пожимая широкими плечами.

«Ничего, — прикинул Редуард. — В невесомости масса большой роли не играет. Главное — на чьей стороне правда!» — И ринулся в бой.

«Ах, как хорошо было тем, кто летал на «Аполлонах», — завидовал Редуард, время от времени прикладывая к лицу прохладное стекло гермошлема. — Тесный салон, тамбур, в котором двоим не развернуться. Достаточно было занять место рядом с выходом — и вот уже весь мир знает Нила Армстронга, первого человека на Луне. А второго... как его? Кто теперь помнит, как звали второго? Э-эх!...»

Редуард задумался, есть ли на свете более бессмысленное и малоэффективное — с точки зрения затраченной энергии и полученного результата — занятие, чем драка в невесомости. И сам себе ответил: есть. Это драка в невесомости посреди тесной рубки, набитой высокоточным оборудованием.

И ладно бы подрались два курсанта с боевого потока. Нет же, сошлись естественник с гуманитарием! Будущий специалист по внеземным формам жизни и эксперт-теоретик по контактам с разумными представителями вышеупомянутых форм. Итог плачевен: полчаса головокружительных кульбитов, несколько выведенных из строя приборов — и всего один более-менее точный удар!

Редуард вздохнул и настроил лицевой щиток гермошлема на отражение. Синяк был на месте. «Вот тебе, бабушка, и полный контакт!» — удрученно подумал он.

— Как связь, Ник? — спросил он, делая тем самым шаг к примирению. — Ты это... если они не отзовутся ни на один из известных языков, попробуй универсальный код.

— Угум. Именно так я бы и поступил, если бы некоторые поаккуратней махали конечностями! И выбирали место, прежде чем со всего размаха врезаться в приборную панель! — Ксенобиолог выпустил из рук мертвые наушники. Они медленно поплыли вверх, прихватив с собой небольшой фрагмент, отколовшийся от блока связи. — Хорошо хоть, до внешних камер ты не добрался в своем всепоглощающем танце. Так у нас по крайней мере осталась возможность посмотреть немое кино из жизни чужих и даже покричать им в иллюминаторы: «Эй, ты, инопланетянин!» Кстати, они уже на подлете.

Действительно, камеры были в порядке, да и обзорный экран уцелел, правда, после побоища на его чувствительной поверхности осталась пара медленно зарастающих вмятин, сильно напоминающая следы десантных ботинок. Причем, что характерно, оба ботинка были левыми.

Подстегиваемые любопытством курсанты прильнули к экрану, на котором уже отчетливо вырисовывались очертания звездолета чужих.

Первую минуту никто не проронил ни слова. Потом Редуард Кинг, утомившись моргать и щипать себя за что попало, отважился на вопрос:

— Тебе... ничего не кажется странным?

— Еще как! — глухо ответил Николас Лэрри. — Странней некуда. Хотя нет, смотри — они разворачиваются боком! Вот теперь точно некуда... Ну что, идем на сближение? Наши коллеги, похоже, тормозят.

— Не знаю. Я не уверен...

— Я же не предлагаю тебе обгонять, — пожал плечами ксенобиолог, не отрывая взгляда от изображения странного, весьма странного корабля.

И это было только начало.

Стыковочные элементы подошли друг к другу как родные.

— Ты уверен, что мы поступаем правильно? — волнуясь, спросил Редуард. — Помнишь, в задании шефа речь шла не о контакте, а лишь о предварительной разведке.

— Не дрейфь, — посоветовал Николас. — Всю ответственность беру на себя. Ты только смотри не урони камеру.

С этими словами он открутил последний крепежный болт и, откинув в сторону крышку люка, уверенно устремился в неизвестность. Редуард поставил камеру на запись, шагнул следом за ним и уже в следующую секунду подумал: «Что за глупая шутка!»

Из-за того, что в момент стыковки корабли сблизилась чуть больше необходимого, гибкий стыковочный рукав посередине слегка изгибался под тупым углом, и вот как раз в месте изгиба какой-то остряк установил большое круглое зеркало, полностью перегородившее проход. Вдобавок из-за отсутствия освещения внутри рукава обитал полумрак, распахнутый люк за спиной света почти не давал, отчего человеку менее догадливому и наблюдательному, похвалил себя Редуард Кинг, могло бы показаться, что он видит пришельцев, один из которых как две капли воды похож на него самого, а другой — на его спутника. В то время как на самом деле причиной забавному обману зрения служило обычное зеркало.

Контактер усмехнулся и, желая показать, что раскусил розыгрыш, помахал своему отражению рукой. Отражение, разумеется, не заставило себя ждать, тоже ухмыльнулось до ушей и повторило приветственный жест.

И только сообразив, что Редуард в зеркале машет почему-то тоже левой рукой, в то время как по всем законам отражения должен бы правой, Редуард пришел к выводу, что что-то тут не так, почувствовал странное недомогание, а слабый свет, струящийся из шлюзового отсека, стал меркнуть, меркнуть, пока не померк совсем.

Редуард привычно очнулся на дне анабиотической камеры и с облегчением подумал: «Ну вот, а ксеноботаник говорил, что во время гibernации ничего не снится!» — нимало не смущаясь тем фактом, что сформулировал эту мысль Николас, получается, тоже во сне.

Однако крышка камеры была откинута, а в непосредственной близости от Редуарда о чем-то беседовали. Двое!

Впрочем, нет, прислушавшись повнимательнее, Редуард понял, что разговаривает один Николас, сам с собой.

— Смотри, смотри, кажется, очухался, — сказал он и сам же ответил: — Угум.

Редуард приподнялся на локте, выглянул из ванны... и тут же слег обратно, почувствовав, что недоспал. Приблизительно 913 суток.

Николасов Лэрри на поверку оказалось все-таки два. И объектом их внимания был не Редуард, а кто-то другой, лежащий в соседней камере.

— Притворяется? — спросил один из Николасов.

— Похоже, — ответил второй. — Ничего, сейчас встанет.

Редуард лежал с зажмуренными глазами, мечтая проснуться в третий раз, и слушал, как совсем рядом кого-то звучно шлепали по щекам.

— И что тут, извините за любопытство, происходит? — не выдержав, поинтересовался он.

— О! Я же говорил, встанет, — обрадовался ближний к Редуарду Николас и шагнул к нему чуть ли не с распростертыми объятьями. — Рэд, ты не поверишь!.. — начал он.

— Я уже не верю, — успокоил Редуард.

— Я, кстати, тоже, — заявил, вылезая из ванны, стопроцентный двойник Редуарда. С точностью до синяка под глазом!

Ну разве что чуть более румяный вследствие полученных оплеух.

Пока оба Николаса размахивали руками и возбужденно, перебивая друг друга, расписывали сложившуюся ситуацию, они сидели рядышком, поделив по-братски один стул, и малопомалу постигали невероятную истину.

Собственно, в самой истории не было ничего нового или неожиданного. Да, земляне обнаружили планету-близнеца, планету-побратима, если угодно, и отправили к ней экспедицию, отбирая ее участников по принципу «кого не жалко». Да, экспедиция преодолела ровно половину пути и повстречала корабль пришельцев — чужой, но по внешнему виду ничем не отличающийся от собственного — и двух космонавтов с поразительно знакомыми выражениями на лицах. Более того, с совпадающими именами, фамилиями и, насколько успели выяснить ксенобиологи, областями специализации.

Словом, все бы ничего, если бы поведал об этом Редуарду не Николас с Земли-два. То есть он-то как раз утверждал, что с Земли-один — на свой субъективный взгляд, и прийти к соглашению относительно порядковых номеров оказалось сложнее всего. Один из Николасов — «Кажется, наш», — отметил Редуард, впрочем, без полной уверенности — предложил не омрачать спорами светлый миг контакта с «близнецами по разуму» и определить первенство родных планет по-простому, разыграв его на пальцах. Возражений не последовало.

Однако ближе к десятой попытке оба участника соревнования убедились в неизбежности ничьей, и в итоге каждый остался при своем мнении.

Редуард следил за ходом дискуссии вполуха и вполглаза, развернувшись к спорщикам чуть ли не боком, чтобы ненароком не выдать своего чересчур явного интереса к соседу по стулу. Тому, похоже, тоже казалось нескромным пялиться на самого себя без помощи зеркала. Взгляд контактера рассеянно блуждал по знакомым элементам обстановки, его успокаивал вид закругляющихся стенок отсека, пакета с фруктами на дне пустующей камеры долгого сна, дрейфующих за дверью рубки обломков, напоминающих о недавней потасовке.

— Надо было прибраться, прежде чем приглашать гостей, — дождавшись паузы в беседе, шепнул он на ухо Николасу.

— Не волнуйся, — ответил тот. — Это мы у них в гостях. — И подмигнул, забавляясь растерянным видом товарища. — Кстати, не хочешь ли поработать по специальности? А то я, честно сказать, представляю процедуру контакта в общих чертах. Если что, температуру им я уже смерил, образцы тканей ненавязчиво позаимствовал. Так что не тяни, переходи сразу к официальной части.

«Вот он, — подумал Редуард, — мой звездный час!» Хотя на обзорном экране по-прежнему не разглядеть было ни единой звездочки.

— Может, обменяемся научными достижениями? — не очень уверенно предложил он, чувствуя себя совершенно неготовым к обмену культурными ценностями.

— Отличная идея! — поддержал ксенобиолог. — С чего начнем?

— Значит, в космос, как я погляжу, вы уже вышли, — заметил его коллега из команды двойников.

— О, еще когда! — улыбнулся Николас. — В двадцатом веке.

— Правда? А мы в девятнадцатом.

— Ну, это смотря от чего отсчитывать, — заметил наш после недолгих раздумий. — Мы, пожалуй, тоже в девятнадцатом. Во второй половине.

— А мы в первой.

— Зато мы навсегда избавились от болезней! — быстро нашелся землянин.

— Болезни? — переспросил уроженец Земли-два, делая удивленное лицо. — Что это?

Так что поникшему Николасу пришлось объяснять очевидное. Впрочем, объяснение получилось таким занудным, что его оппонент не выдержал и пары минут.

— Понял, понял, — прервал он докладчика и неискренне посочувствовал: — Эти так называемые болезни, должно быть, часто приводили к преждевременному старению?

— Какому еще старению? — довольно ухмыльнулся Николас. — Неужели вы до сих пор не открыли рецепта вечной молодости?

— Мы... мы... — беспомощно, как ребенок, повторял Николас-второй.

«Открыли, как же! — окончательно успокоившись, подумал Редуард Кинг. — В некоторых так и вечное детство еще не отыграло».

— В общем, судя по вашим заявлениям, с фантазией на обеих планетах дела обстоят неплохо, — сказал он. — А теперь, пожалуйста, серьезно.

Он на минуту нырнул в рубку и вернулся с планшетом для записей. Расположил его так, чтобы всем присутствующим было видно, и уверенно написал:

$$2 \times 2 = 4$$

$$2 \times 3 = 6$$

Притихшая троица следила за его действиями замороженными взглядами дикарей, которым только что открылось подлинное величие разума. Правда, уже на «шестью шесть» терпение наблюдателей подошло к концу, и с обеих сторон послышались смешки и ехидные замечания. Не обращая на них внимания, Редуард методично запротоколировал всю таблицу умножения. Рука дрогнула лишь однажды, когда напротив « 7×7 » он по инерции чуть было не поставил «47».

Впрочем, Редуард второй следил за действиями первого с неподдельным интересом до самого конца. Хотя интересовали его не столько цифры, сколько рука, сжимающая карандаш.

— Ты что, левша? — спросил он, когда Редуард закончил.

— А ты разве нет?

— В детстве был, но в школе заставили переучиваться. Теперь одинаково владею обеими руками.

— Я тоже.

— Жаль, растут обе не из того места, — хором пошутили ксенобиологи и, рассмеявшись, показали друг другу большой палец.

Редуарды в ответ презрительно скривились и высунули язык. Тот самый общий язык, который так важно найти для успешного установления контакта.

— Прошу не отвлекаться! — бодрым голосом призвал Редуард, перелистывая страницу. — Перейдем к геометрии...

— И наконец, тело, погруженное в жидкость... — устало продолжал он несколько часов спустя.

— Или в газ, — зевнув, уточнил Николас.

— Да, короче, во что угодно, кроме вакуума, теряет в своем весе столько... — Он покачал головой, отгоняя тупое оцепенение, и слегка развел руками, как бы показывая, сколько именно теряет тело.

— Знаем, знаем, — сжалился над утомленным контактером Николас-второй. — Закон Пифагора!

«Ну наконец-то! — подумал Редуард. — Хоть какая-то стыковка...» Он изобразил на лице улыбку человека, добившегося желаемого ценой неимоверных усилий, и попытался хотя бы приблизительно представить, каким должен быть мир, в котором два великих грека, самосский и сиракузский, поменялись местами.

Однако наслаждаться победой пришлось недолго. Сам же Николас-второй все и испортил.

— Или Архимеда?.. — всерьез задумался он.

А первый склонился к уху Редуарда и доверительно сообщил:

— Я тоже всегда их путал.

— Будем считать, что различий в развитии естественных наук нам обнаружить не удалось, — подытожил Редуард. — Как насчет истории?

— С историей все просто замечательно! — воодушевился Николас и огласил первый вопрос: — В каком году произошло восстание Спартака?

Повисло тягостное молчание.

— Может быть, ограничимся нашими собственными историями? — робко предложил Редуард-второй.

— Или вот еще один случай. Мне было тогда девять лет. И мы с двумя соседскими пацанами поспорили, что...

— С ума сошел! — перебил свое второе Я — практически безальтернативное — Редуард Кинг. — Нельзя же

об этом при посторонних! — И, слегка покраснев, покосился на ксенобиологов.

Но тем давно уже не было дела до сбивчивой исповеди Редуардов. Не вникая в смысл сказанного, они переводили заинтересованные взгляды с одного рассказчика на второго. Потом посмотрели друг другу в глаза.

— Ты тоже заметил? — спросил первый.

— Что значит «тоже»? — обиделся второй. — Я первым обратил внимание!

— Не важно! Главное, что у вашего синяк под правым глазом...

— ...а у вашего — под левым!

— Слушай, может, вы хотя бы из антивещества?

— Или вы!

Николасы сделали шаг навстречу друг другу и протянули руки для пожатия.

Потрясенный смелостью их выводов Редуард лишь усилием воли заставил себя не зажмуривать глаза, хотя, к чему скрывать, аннигилировать раньше отпущенного срока было страшно.

Ладонь решительно коснулась ладони.

— Ладно, — пожал плечами Николас-второй и продолжил скучным голосом: — Если вам так интересно, самым ярким воспоминанием последнего дня перед отлетом лично для меня стало свидание с Надей Марципановой.

— С Надеждой? — От возбуждения Редуард едва не подпрыгнул на месте. — С ней? — Он протянул ксенобиологу извлеченный из кармана фотоснимок.

— Да. Мы сидели в парке на скамейке, слушали музыку, болтали о том о сем. Целовались, конечно, — все-таки два часа до старта...

— В таком случае ура! — поздравил присутствующих Редуард. — Нам удалось найти то несоответствие, с которого началось расхождение в истории наших миров. Дело в том, что на моей Земле именно я, а не Николас встречался с Надей накануне вылета. В том же парке, хотя и на час раньше.

Однако энтузиазм Редуарда никто не разделил.

— Видишь ли... — начал Николас-первый, тщательно подбирая слова, и Редуарду не понравилось сочувственное выражение его лица. В одно мгновение он вспомнил все: запахи цветущих эвкалиптов, и щекочущее прикосновение

локона к щеке, и горячий шепот, и нетерпеливый взгляд на часы...

Он встал, краем глаза заметив, как рядом поднимается его двойник, и, качнувшись, ухватился за спинку стула, надеясь, что это заставит окружающие предметы остановить свое бессмысленное вращение. Перед глазами все куда-то плыло, и Редуарду казалось, что он чувствует, как кровь горячей волной приливает к голове. Что, строго говоря, было вряд ли возможно, поскольку голова, как известно, возвышается над прочим корпусом, а центробежная сила слабеет по мере приближения к центру вращения. Резоннее предположить, что кровь, а вслед за ней и сердце Редуарда устремились в направлении пяток, и именно обескровление мозга послужило причиной его последующих необдуманных действий.

Как бы то ни было, оба Редуарда с поразительным хладнокровием произнесли вдруг:

— Ну что ж... Тогда — защищайтесь. И да поможет вам Космос! — и, развернувшись друг к другу спинами, улыбнулись ксенобиологам одинаково бескровными губами.

«За тридевять парсеков от Земли...» — в последний раз прочел он, прежде чем предать фотографию высокотемпературной плазме. Подумал: «Стоило тащиться в такую даль только ради того, чтобы убедиться в извечном женском коварстве?» И не нашелся с ответом.

— Хочешь персик? — продемонстрировал невиданную широту души Николас Лэрри. — Пока теплый...

Он все еще испытывал неловкость перед товарищем, несмотря на троекратную просьбу о прощении, оставшуюся без ответа. Вот и сейчас Николас не дождался никакой реакции от Редуарда, обреченно откусил половину персика и посоветовал:

— Смотри на вещи проще. Во всем ищи свои плюсы. Вот мы, например, сами с собой встретились, ничего полезного не узнали, даже наоборот — зато целых пять лет сэкономили! Вот сейчас поспим годик-другой — и дома! Представляешь, как наши обрадуются? Небось все выпустились уже!

«Конечно, ему легко смотреть на вещи проще, — жалея себя, думал Редуард. — Ни одного подбитого глаза! Не то что я... жертва контакта!»

Николас закончил настройку бортового компьютера на возвращение и стал устраиваться в ванну для долгого сна.

— Слушай, а мы на тот корабль загрузились? — почти отчаявшись расшевелить друга, пошутил Николас. — А то вдруг вернемся на автопилоте, а планета не наша!

— А разве есть какая-нибудь разница? — равнодушно спросил Редуард.

В самом деле, синяк под вторым глазом контактера устранил, казалось, последнее различие между двумя мирами. По крайней мере со вторым Редуардом они стали выглядеть полноценными близнецами.

— Вообще-то нет, — пожал плечами ксенобиолог. — Хорошо хоть, друг друга мы не перепутали.

— Думаешь? — мрачно усмехнулся контактер. В гулкой замкнутости анабиотической камеры его смех прозвучал жутковато, так что едва не напугал самого Редуарда. — А с чего ты взял, что я — тот самый?

И не проронил больше ни слова, надеясь, что ближайшие 913 суток Николасу будут сниться исключительно кошмары — несмотря на пониженную мозговую активность.

Впрочем, когда она у него повышалась?

— Лежите, лежите, не вставайте! — разрешил шеф. И это столь несвойственное ему проявление заботы заставило курсантов вытянуться в струнку на жестких больничных койках. Так что у более рослого Николаса из-под одеяла даже выглянули носки начищенных ботинок, которые он, впрочем, тут же втянул обратно.

— Я, собственно, на минутку, — продолжил удивлять своих подчиненных шеф. — Только передать кое-какие гостинцы и... вот. — Он неловко, со второй попытки пристроил на крышку тумбочки пакет с чем-то круглым и катящимся, скорее всего с арбузом. — Я ознакомился со всеми письменными отчетами и видеозаписями, но мне хотелось бы услышать ваши собственные соображения по поводу случившегося. Если не сложно, буквально в двух словах...

Курсанты, до самых подбородков укрытые толстыми одеялами, обменялись быстрыми взглядами.

— Тезис первый, — доложил Николас. — Параллельные миры существуют. Правда, до них довольно далеко. Тезис второй...

— Но они ничем не лучше нашего, — вздохнул Редуард.

— Что-то не так, — заметил он, как только шеф, пожелав курсантам побыстрее поправляться, вышел в коридор.

— Старик наверняка задумал какую-то новую пакость.

— Угум. Мягко стелет, — согласился ксенобиолог, отбрасывая в сторону чересчур теплое для летнего времени одеяло. Под одеялом Николас, как и Редуард, оказался полностью одетым, более того — в парадную форму десантника, с новеньким изумрудным значком на груди. — Что-то мне уже не хочется быстро поправляться.

— Да тебе вроде уже и некуда, — пошутил Редуард, взбираясь на подоконник.

Окна карантинной палаты располагались на уровне третьего этажа, ну да для десантника, как известно, пять метров — не высота.

— А может, мы все-таки того? — спросил Николас, задержавшись на месте приземления — посреди цветочной клумбы, чтобы насобирать букет. — Перепутали планеты?

— Пожалуй, — кивнул Редуард. — Такого шефа, как у нас, боюсь, нет больше ни в одном из миров.

— Да уж, наш был намного вреднее.

— О чем речь! Гора-аздо.

Каблуки курсантов весело застучали по асфальту аллеи. Там, в тени экзотических деревьев одного из них дожидалась Надежда. Милая, бесхитростная и кажущаяся еще более свежей после разморозки.

Эх, знать бы только, кого?..

Февраль — март 2002 г.

Вадим Петрович выдернул из пачки новый лист белоснежной бумаги и занес над ним маркер как нож. Бумага лежала на столе, готовая к своей участи. Заныла печень. Вадим Петрович отшвырнул маркер, положил на лист громадную желтоватую пятерню, секунду помедлил, а затем резко скомкал листок и щелчком отправил его на пол. Там уже лежало несколько десятков белых комков. Вадим Петрович долго смотрел на них.

— Вот! Буттер! — наконец провозгласил он в тишине кабинета, вынул носовой платок и бережно протер лысину. — Буттер! Очень хорошо.

Он деловито взял маркер, выдернул из пачки новый лист, но замер.

— Хрен там, — сказал Вадим Петрович. — Не поймут. Русское надо. Надо-надо-надо... — он постучал маркером по листку, — Василек! Бред. Лесное! С какой радости? Луговое! Опять. Йо-о-оханный... — Вадим Петрович натужно потер мясистыми пальцами багровые пульсирующие виски. — Надо что-то новое. «Новое»!

Вадим Петрович размашисто вывел на весь лист «новое». Задумался. Скомкал бумагу и отправил ее на пол.

— Вечернее. Утреннее. Луговое... Вот привязалось! Замкнутый круг. Масло «Замкнутый круг»!

В писклявом хохоте затрясся лежащий на столе мобильник и поехал, жужжа, к краю.

— У аппарата. — сказал Вадим Петрович.

— Ало! Вадим Петрович! Это Скворцов! — хрюкнуло в трубке. — Докладываю: ну как бы первый цех реально пущен! Со вторым как бы маленькая проблема. Ну там канализа-

ция не это, короче, стоки надо как бы по уму делать. Я как бы сейчас говорил с водоканалом...

— Стоп! — рывкнул Вадим Петрович. — Я должен выслушивать все это?

— Ну, как бы отчетность, — растерянно сказала трубка. — Возникли незапланированные как бы финансовые...

— Ты крадешь мои деньги?

— Нет!! Я потому как бы и...

— Тогда какого рожна ты крадешь мое время? Рассказываешь про каждый гвоздь? Кто директор — я или ты?

— Я, Вадим Петрович...

— Почему у меня должна болеть голова из-за твоих проблем?

— Виноват, Вадим Петрович...

— Я тебе уже сто раз говорил: меня это не интересует! Деньги я даю. Пустишь завод, принесешь мне смету.

— Виноват, Вадим Петрович...

— Вот так лучше, — смягчился Вадим Петрович. — Ты слово придумал?

— Вадим Петрович, я как бы...

— Да или нет?

— Я как-то... Тут как бы столько дел... Жена придумала, ну как бы вроде чтоб «Солнечное»...

— Солнечное?

— Солнечное. Как бы.

— Солнечное. Зачем?

— Ну... — замялся Скворцов. — Масло — оно ведь как бы желтое, ну и солнце вроде... Нет?

— Кретин! Масло желтое, когда прогорклое! Или слишком жирное! А у меня будет масло белое! Четыре миллиона евро! Желтое! Ха! Оху...тельное будет масло, понял?

— Понял, Вадим Петрович, буду как бы думать.

— Чтоб до вечера десяток вариантов! Не можешь сам — тряси жену! Кого хочешь тряси, хоть водоканал! Работягам своим объяви — кто найдет хорошее слово, дам денег. Пусть думают, пока цеха монтируют!

— Трудно это, Вадим Петрович, — неуверенно сказала трубка.

— Думать трудно?

— Как бы слово придумать трудно.

— А его не надо придумывать! Все слова уже придуманы тыщу лет назад! В русском языке миллион слов!

Надо из них взять одно. Готовое. Простое и понятное. Ферштейн?

— Ферштейн, Вадим Петрович. Но как бы не знаю даже. Вот было бы в русском языке три слова — мы бы с вами сели и выбрали... А когда миллион, тут как бы профессионал нужен. Этот, как его... Писатель какой-нибудь. Или поэт, что ли, как бы...

— Поэт! Ты знаешь хоть одного поэта во всей Щетиновке?

— Ну в Щетиновке как бы, может, и нет... Хотя как бы двести тысяч жителей... Но в Самаре-то наверняка!

— Все дела брошу, поеду в Самару поэтов ловить!

Снова кольнуло в печени.

— Не долби мои мозги, — сказал Вадим Петрович. — К вечеру с тебя десять вариантов. Ауфвидерзейн! — Он нажал отбой.

Снова взял в руку маркер, положил перед собой чистый лист, закрыл глаза и попытался представить пачку хорошего масла. Это удалось. На пачке даже виднелась надпись. Вадим Петрович попытался разглядеть название, оно было неразборчивым, из трех букв.

— Луч? — произнес Вадим Петрович. — Мир?

С закрытыми глазами хотелось спать. Вадим Петрович снова сконцентрировался на пачке, но у той вдруг выросли тонкие ножки, и она резво убежала, неприлично виляя кормой.

— Сука! — огорчился Вадим Петрович.

В кабинет заглянула Эллочка.

— Минералочки, Вадим Петрович? — спросила она.

— Слово придумала?

— Роза.

— Что — роза?

— Масло «Роза». Такой цветок красивый.

— Йо-о-оханный... Элла, значит, вот что — достань мне телефоны каких-нибудь поэтов! Я не знаю, писателей!

— Крэйтеров?

— Чего? Да, типа того.

Эллочка вышла.

— Солнечное, — сказал Вадим Петрович. — Свежее. Здоровое. Вкусное. Мажется хорошо. Размазня!

Мобильник зашелся в истерике. Вадим Петрович поднес его к уху:

— У аппарата!

— Вадим Петрович! Я как бы тут звонил в Москву брату, он сказал, что теперь принято как бы всякого рода водку и закуску называть фамилией с двумя «эф»...

- У меня ни одной «эф» в фамилии.
- У меня есть. Я готов фамилию предоставить как бы.
- Масло «Скворцофф»?
- Как бы да.
- Скворцофф?
- Скворцофф...
- Ф-ф?
- Выходит, как бы так...

— Думаешь? А когда я тебя, ф-ф, завтра выгоню и поставлю какого-нибудь, ф-ф, Козлова? Мы с ним этикетки будем перепечатывать? Ф-ф?!

— Вадим Петрович! Вадим Петрович! Вы как бы меня не поняли!!! Я же совсем не это имел!!! Я имел наоборот — сделать вашу фамилию!

- Мою фамилию?! На масло?! Ты с ума сошел, придурок?!
- Так может, вам лучше было бы не масло производить, а...
- Ты еще меня бизнесу учить будешь! Ты еще мне расскажешь, что производить! Вон пошел!! К вечеру десять вариантов!!
- Уже как бы восемь! — торопливо сказал Скворцов.
- Двенадцать!!! — взревел Вадим Петрович и со злостью брякнул мобильник на стол.

В кабинет впорхнула Эллочка с листком бумаги:

— Нашла, Вадим Петрович. Фирмы по дизайну, рекламе и слоганам. Одна в Щетиновке и шесть в Самаре.

Вадим Петрович хмуро посмотрел на листок:

— Данке шон.

Эллочка тихо вышла. Вадим Петрович набрал номер в Щетиновке и прислушался. В эфире долго шелкало и постукивало, словно переговаривалась стая дятлов, затем раздались первые гудки, и трубку подняли.

— Масс-техноложии-консалтин-групп, добрый день? — с придыханием откликнулась девушка, умело придавая каждому слову учтиво-вопросительную интонацию.

— Главного к аппарату, — хмуро пробасил Вадим Петрович.

— Как вас представить? — проворковала девушка.

— Заказчик.

— Минуточку, переключаяю, — мяукнула девушка, крепко зажала трубку ладонью и развязно крикнула: — Вась, возьми! Ва-а-ась!

— Ало! — раздался высокий мужской голос. — Вы по поводу визиток? Не привезли пока, ждем, попробуйте перезвонить после обеда.

— Стоп! — рывкнул Вадим Петрович. — Ты директор?
— Я, — неуверенно ответила трубка. — А вы?
— И я директор, — сказал Вадим Петрович. — Есть разговор. Заказ.

— После обеда. Адрес знаете? — И трубка забубнила привычной скороговоркой: — Улица Партизана Глухаря, дом один. Он там один. Это от вокзала на четвертой маршрутке до конечной, там прямо до напорной башни, в проулок, по доскам через канавку, увидите гаражи — это Красноказарменная, а слева...

— Стоп, — сказал Вадим Петрович. — Жду у себя в офисе через полчаса. Бульвар Труда, здание мэрии, четвертый этаж, «Фольксбуттер».

— Оп-па... — сказала трубка.

— С собой документ. На кого пропуск выписать?

— Э-э-э... Цуцыков. Василий Цуцыков.

— Пока будешь ехать — начинай думать. Ситуация такая: нужно название для масла. Но не простое. Самое лучшее название. Масло новое, сливочное, оху...тельное. Название должно соответствовать. Ферштейн?

— Я вас понял.

— Жду.

Василий Цуцыков оказался тощим человеком лет тридцати пяти, с узким лицом в золотых очках. В руках он нервно сжимал багровую кожаную папку, удивленно косясь на мятые бумажки, раскиданные по кабинету. Длинные волосы были схвачены сзади резинкой. «Голубой, — огорченно подумал Вадим Петрович. — Впрочем, какая мне разница?» Он кивнул на свободное кресло. Цуцыков сразу расстегнул папку и вынул лист бумаги, исчерканный авторучкой. Вадим Петрович жестом остановил его. Крикнул Эллочке «кофе гостю!», вынул свою визитку и кинул ее вдаль по столу. Цуцыков взял визитку обеими руками.

— Сметана Вадим Петрович, — прочел Цуцыков торжественно. — Телефон какой длинный, это Москва?

— Это мобильный. — Вадим Петрович кивнул на трубку. — Через Германию. А теперь слушай меня внимательно, объясняю один раз.

Цуцыков поерзал талией в кресле, сложил ладони и замер.

— Мне пятьдесят пять, — задумчиво начал Вадим Петрович. — У меня небольшой замок под Кельном, жена, две любовницы, две дочери и сын в Америке. Мне ниче-

го не надо. Ферштейн? Вообще ничего. Можешь такое представить?

Цуцыков вежливо покивал.

— Когда я уезжал, у меня было столько денег, сколько ты в кино не видел.

Цуцыков вежливо покивал.

— За мной охотились такие люди, которых ты никогда не увидишь.

Цуцыков застыл с полуулыбкой.

— Теперь уже не увидишь. Столько лет прошло, все помнялось. Я вернулся, чтобы делать в России бизнес. Ты слышал, что в Щетиновке строится завод масла?

— Конечно! — Цуцыков энергично кивнул.

— Я был на выставке в Бельгии. Купил самого нового оборудования на четыре миллиона евро!

— Это если в рублях... — Цуцыков задумался и стал чесать лоб над очками.

Вадим Петрович шелкнул пальцами, привлекая внимание.

— Четыре миллиона евро только оборудование! Я построил завод. Я поднял и перестроил пятьдесят коровников. Я буду выпускать масло. Оху...тельное русское масло! Такого нет даже в Германии! А в Щетиновке будет! Ты сам откуда? Наш, местный?

— Родился в Щетиновке, — закивал Цуцыков. — Окончил Самарский университет с красным дипломом.

— Хорошо, что местный, — удовлетворенно кивнул Вадим Петрович. — Есть маленькая проблема. Нужно название. Но не просто название. Самое лучшее название для масла. Мы тут думали, думали... Нужны свежие силы.

— Я готов! — Цуцыков вскинул голову и посмотрел Вадиму Петровичу в глаза. — К какому сроку?

— Вчера, — сказал Вадим Петрович.

— И все-таки?

— Третью неделю бьемся. Завтра я улетаю. Сегодня к вечеру надо решить. Деньги — не вопрос. Дам, сколько попросишь. Хоть сто евро, хоть триста, хоть пятьсот.

— Полторы тысячи... — пискнул Цуцыков и испуганно вжал голову в плечи.

— Сколько-о-о?! — Вадим Петрович медленно поднялся во весь свой рост и навис над столом. — За одно-единственное слово?!!

— Такая цена, — пробормотал Цуцыков.

- Одно слово!!!
- Разработка бренда!
- Одно слово!!!
- В Самаре три тысячи! В Москве пять! Наверно...
- Ты не в Москве!!! — рывкнул Вадим Петрович.

Заныла печень. Вадим Петрович устало опустился в кресло.

- Да какая разница? Дам и полторы, только придумай.

Цуцыков важно поправил очки. Вошла Эллочка и поставила перед ним дымящуюся чашку, а перед Вадимом Петровичем — бутылочку французской минералки и бокал. Вадим Петрович жадно опрокинул бутылочку в бокал.

- Читай, что у тебя готово?

Цуцыков элегантным жестом поднес к лицу руку с листком. Точно голубой, подумал Вадим Петрович.

- Доярушка!

Вадим Петрович с омерзением помотал головой:

— Вот только не надо этого совка! Этих всяких, блин, ударница, доярница, красная заря — без этого! Прошлый век! Масло новое, оху...тельное, для простых русских людей. Ферштейн?

- Огонек?

- Йо-о-оханный...

- Василек?

— Тупо! Так и я умею! Это обычное название, а мне надо самое лучшее! Чтoб человек прочел этикетку и остолбенел — вот оно наконец! Мечта всей жизни! Не пройти мимо! Ферштейн?

- Весна?

Ну точно голубой, подумал Вадим Петрович и начал пить минералку.

- Ласточка?

- Нагадила. Прямо в пачку.

- Свежесть?

- Зубная паста.

- Луговое?

Вадим Петрович поперхнулся и посмотрел на Цуцыкова:

- Да с какой радости «Луговое»?!

- По ассоциации. Коровы-то на лугу пасутся.

- Но на лугу навоз, а не масло? Ты был на лугу?

- Солнышко.

- Думали уже. Понимаешь... Как тебя?

- Василий Цуцыков.

— Понимаешь, Василий, название должно быть сильное! Звучное! Могучее! Мощное!

— Тайфун?

— Тьфу.

— Гольфстрим?

— Да заткнись! Слушай: вот у нас было такое предложение — «Буттер». Буттер по-немецки «масло». Обсудили — не подошло. Почему?

— Понятно почему. Получается масло масляное.

— Идиот! Просто нужно русское, мать твою! Русское! Ферштейн?

— Лебедушка?

Вадим Петрович вздохнул, стиснул зубы и перевел тяжелый взгляд на бокал. Бокал выдержал, не рассыпался.

— Соловушка?

Вадим Петрович демонстративно разглядывал толкающиеся пузырьки минералки. Сроду не было голубых в Щетиновке, думал он.

— Пастушок?

— Может, сразу «Петушок»? — перебил Вадим Петрович.

— Хорошая идея! — обрадовался Цуцыков.

— Пошел вон!

— Как? — растерялся Цуцыков.

— Пешком! Вон отсюда, гомик волосатый! Элла, проводи!!!

Дверь за Цуцыковым закрылась. Вошла Эллочка и унесла нетронутую чашку кофе. Вадим Петрович снова положил перед собой чистый лист. «Русское» — написал он на нем и задумался.

Зажужжал телефон.

— У аппарата, — сказал Вадим Петрович.

— Ало! Это как бы Скворцов, — раздалось в трубке. — Соловушка.

— Что-о-о?

— Как бы «Соловушка».

— Теперь и директор у меня петух, — вздохнул Вадим Петрович. — Что ж ты, дурень?

— Жена придумала как бы. А я вот что подумал: может, так и назвать, как фирму, — «Фольксбуттер»?

— Объясняю. Уже сейчас одному объяснял. Название нужно, а — сильное, б — русское, г — необычное, е — оху...тельное. Ферштейн?

— Будем думать, Вадим Петрович. А стоки оказались как бы в порядке! Ничего не надо переделывать.

— Так хрена ли ты мне голову морочил?! — Вадим Петрович отбросил телефон и снова взял в руки маркер.

— Масло «Медведь», — заявил он после долгой паузы. — Это уже хорошо. Это не соловушка. А еще масло «Русская тройка»!

Он торопливо заскрипел маркером. Перечитал написанное — и бросил листок на пол.

— Старо и скучно! — объявил Вадим Петрович. — Новые идеи нужны. Элла! Элла!

В кабинет заглянула Эллочка.

— Элла, принеси книгу, что ли, каких-нибудь. Газет. Самых любимых! Идеи нужны!

Эллочка исчезла. Заверещал телефон.

— У аппарата, — сказал Вадим Петрович.

— Вадим Петрович! Это Цуцыков! Можно вам перезвонить куда-нибудь, чтоб не через Германию?

— Нет!

— Хорошо! Я придумал русские названия!

— Говори.

— Русская тройка!

— Пфу ты...

— Это не все! — заторопился Цуцыков. — Есть еще лучше!

То, что вам надо!

— Давай, не томи.

— Королевское! — объявил Цуцыков.

— Хм. Королевское?

— Мне тоже очень нравится! — оживился Цуцыков.

— Королевское — вот это уже разговор. Неплохо, неплохо.

Очень даже неплохо. Хм... А что? Масло «Королевское»! Нет, не пойдет.

— Почему? — огорчился Цуцыков.

— Платформа «Короли» в тридцати километрах. Подумают, что оттуда масло. А масло наше, щетиновское.

— Может, так и назовем — «Щетиновское»?

— Неаппетитно.

— Наше масло?

— Глупо.

— Масло «Новое»?

— Неоригинально. Масло новое, а название старое. Что там у тебя еще?

— Царь-масло.

— Это как это?

— Ну, есть царь-колокол, царь-пушка, а у нас будет царь-масло!

— Царь-масло? А ты о бабах думал? Как будут наши бабы в магазине спрашивать? Дайте пачку «царямасла»? Ты о бабах вообще когда-нибудь думаешь?

— Масло «Зверь». Вариант: «Зверь-масло».

— Невразумительно. Еще?

— Ну, в общем, пока все. Ничего не подходит?

— Продолжай думать. У тебя уже получается. Чтобы к вечеру...

— Вот! Царское! — перебил Цуцыков. — Раз «Королевское» не подходит. Дайте мне, пожалуйста, пачку «Царского» масла! А?

— Брось, — поморщился Вадим Петрович. — Оборудования на четыре миллиона евро! У царя столько не было. Не надо царей-королей! Не надо совка! Не надо показухи, «Березка», «Медведь», «Русское поле». Не на экспорт делаем! Пока. Для себя, для своих. Наше, новое, оху...тельное масло! Нужно яркое, неожиданное название! Ферштейн? Включи фантазию! Хватай самые безумные идеи, не стесняйся! И больше думай о бабах!

Вадим Петрович отложил мобильник и шумно вздохнул. В кабинет аккуратно вошла Эллочка. Она несла поднос, на котором высилась груда книг и газета. Вот молодец девка, подумал Вадим Петрович, умница, даром что «Мисс Самара». Масло «Элла»? Маслоэлла. Дайте пачку масла э-э-э... Блевать. Вадим Петрович осмотрел стопку. Сверху слоями были накинаны одинаковые пестрые томики в тонких обложках. Вадим Петрович развернул пирамиду корешками к себе. Алексей Алексеев: «Приключения Пещеристого», «Дело Пещеристого», «Пещеристый наносит удар», «Вход для Пещеристого», «Выход для Пещеристого», «Пещеристый возвращается», «Гильотина для Пещеристого», «Опознание тела Пещеристого».

Вадим Петрович яростно смахнул томики на пол и вытянул наугад книгу в солидном черном переплете. Приоткрыл и засунул палец между страниц. Затем распахнул и поглядел, куда попал. «ПОЛИПЬ — древние называли так каракатицу или спрута». Вадим Петрович глянул на обложку. Так и есть, словарь Даля, третий том. Потянулся за газетой. Районная многотиражка. «Новости города — у приезжего задержаны наркотики», «Сетка-рабица оптом и в розницу», «Чудеса Зеленой аптеки, или Как мы помирились с простатой».

— Йо-о-ханный... — крикнул Вадим Петрович, отшвырнул «Щетиновскую звезду» и вновь распахнул томик Даля. — «ПО-ИЗРЕБЯЧИЛСЯ — старик, ужь и не помнить ничего».

Остро заняла печень. Вадим Петрович смахнул на пол все, что было на столе. Глухо брякнул поднос. Рассыпчато прозвонел бокал. Да черт бы вас всех, подумал Вадим Петрович и стукнул кулаком:

— Элла! Маленькую!

В кабинет заглянула испуганная Эллочка:

— Вадим Петрович, но вам же...

— Делай, что я сказал!

— Вадим Петрович... — В голосе Элочки были слезы.

— Неси! — рявкнул Вадим Петрович.

Через минуту перед ним стояла стопка водки и бутерброд с сыром. Вадим Петрович опрокинул стопку и удовлетворенно зажмурился. Заверещал мобильник.

— У аппарата.

— Это Цуцков! — выпалила трубка. — У нас все готово. Отличное название!

— Ну?

— Масло «Афродита»!

— Кто такая?

— Древняя богиня. До Христа жила.

— Не надо древнюю, масло новое, свежее.

— Ну, она симпатяга такая, голая, фигуристая... — Цуцков был обескуражен.

— А масло при чем?

— Согласен. Есть еще варианты! Аннушка. Маруся. Желчка. Сашенька.

— Вот петух, — поморщился Вадим Петрович. — Ну сколько раз повторять? Четыре миллиона евро! Небывалое, оху...тельное масло! Еще есть варианты?

— Ну... Масло «Носорог».

— Не понял?

— Носорог. Почему-то вдруг. Ну это уже так... Напоследок уже, устали, наверно.

— А я при чем?!

— Сами ж говорили: не стесняйся, хватай безумные идеи...

— Безумные! А не дебильные! Разница есть?!

— Извините. Больше не повторится.

— Это все?

— Нет, еще есть. Маслоежка.

— Масло «Маслоежка»?

— Вариант: масло «Гладкая жизнь».

Вадим Петрович вздохнул и покрутил пустую стопку.

— Вы там совсем уже устали или ты трахнутый на всю голову?

— Ну есть конфеты «Сладкая жизнь», ну а тут мы подумали, что масло... Ну, в общем, пока все. Вариантов нет. Ничего не подходит?

— Приезжай в офис, — сказал Вадим Петрович. — Будет мозговой штурм.

Вадим Петрович отложил трубку и покатал стопку по столу.

— Элла! Вызови всех в офис. Скворцова. С женой! И этого, чернявого... И... — Стопка выскользнула из-под руки, упала на пол и кратко шелкнула. — Да черт с ними со всеми!!! Никого не зови!!! Бутылку водки и пожрать!! Курицу!! Свинину!!! Сало!! С перцем!! В кабак! Гори оно все...

— Вася-йо, ты меня уважаешь-на? — спрашивал Вадим Петрович, наклоняясь через дощатый столик к самому лицу Цуцыкова, чтобы перекричать оркестр.

— Ув-важаю, Вам-Прович, — отвечал грустнеющий Цуцыков.

— Тридцать лет назад все пацаны Щетиновки знали, кто такой Вадик Сметана! Понял-на? Уважали!

— Угу... — кивал Цуцыков. — А может, и назвать «Фолькс-буттер»?

— Да погоди, Вася-йо, — морщился Вадим Петрович и тряс его за плечо. — Все знали Вадика Сметану! И в Королях знали! Боялись! И в Самаре слышали-на!

— Угу... — кивал Цуцыков. — А может, переоборудовать цеха на сметану?

— Мать! — стучал кулаком Вадим Петрович. — Вася, пойми! А потом — перестройка! В Москве знали меня! По всей стране знали, суки, кто такой Сметана!!! Сметане все можно! Я любые проблемы решал! Вот только название придумать не могу. Знал бы, что такое будет, ни на хрен бы не покупал оборудование за четыре миллиона на этой драной распродаже!

— Угу... — кивал Цуцыков.

— А вот голубых в Щетиновке сроду не было, — вдруг вспомнил Вадим Петрович с огорчением. — Ты чего в петухи пошел, Вася?

200 — Сам ты петух!!! — взвизгнул Цуцыков.

— Ответишь за базар? — сразу помрачнел Вадим Петрович.
— Да я женат с семнадцати! У меня трое по лавкам! Попро-
буй их прокормить этими драными визитками и рекламками!
Фирма крошечная! Я и Светка! Доходы — во! — Цуцыков сжал
кукиш.

— А че волосы не стрижешь? — опешил Вадим Петрович.

— Мля-я-я-я-я!!! — вскинулся Цуцыков.

— Тихо-тихо! — Вадим Петрович миролюбиво помахал жел-
той пятерней и налил еще по стопке. — Хорошо, что не петух.
Уважаю. Придумай мне слово, Вася. Пять тысяч дам!

— Не знаю-ю-ю я-я... — Цуцыков мотал головой, и Вадиму
Петровичу казалось, что он вот-вот заплачет.

Они чокнулись и выпили.

— Вася, все просто. Масло оху...тельное. Нужно, чтобы че-
ловек почувствовал это всей душой! — Вадим Петрович посту-
чал ладонью по печени. — Ферштейн?

— Оху...тельное масло, — неожиданно трезвым голосом ска-
зал Цуцыков.

— Не понял?

— Оху...тельное масло. Чего думать-то!

— Так нельзя! — испугался Вадим Петрович.

— Иначе никак.

— Так нельзя! — повторил Вадим Петрович.

Цуцыков скорчил неожиданно дикую рожу.

— Сметане все можно, Сметане все можно! — передразнил
он, но Вадим Петрович смотрел сквозь него, вдаль.

— Оху...тельное масло. — Он налил стопку до краев и оп-
рокинул в рот. — Ну Васька! Ну гений! Профессионал! Че ж ты
раньше-то молчал, сука?

— Дизайн я сделаю, — сказал Цуцыков. — Тут уже не надо
выпендриваться: белая пачка, черные буквы.

Словно железная рука схватила печень и сжала, начала кру-
тить внутри живота, как выкручивают из грибницы боровик.
Подкатило к горлу. Зал кабака закружился и улетел, со всех
сторон навалилась желтоватая темнота.

— Вадим Петрович!!! — закричал Цуцыков.

В белых коридорах госпиталя Хольденштрау Вадим Петрович
впервые почувствовал себя безнадежным стариком. За год — три
операции. Лазерная терапия, горы таблеток на тумбочке... Иног-
да жена пересказывала ему новости из России. Небывалая
популярность у населения, золотая медаль на фестивале

российских продуктов. Налажены поставки в Москву. Выстроен новый корпус. Сковорода стал почетным членом Лондонского клуба. Госдума продолжает обсуждать поправку к законопроекту о цензуре названий, но мнения снова разделились. «Фольксбуттер» подает в суд на щетиновскую «Велину», выпустившую пакеты быстрого приготовления «Не...ый супчик», но суд не признает плагиата. В Самаре выходит первый номер журнала «М...ые ведомости». В Москве открывается центр туризма «Ох...льный сервис». В Англии начат выпуск реппелента от комаров «Факофф». Вадима Петровича все это давно не волновало. И когда доктор Вильдер сказал, что надежды нет, Вадим Петрович не почувствовал никаких эмоций. А когда доктор Вильдер предложил заморозиться в жидком азоте, пока врачи не научатся лечить цирроз, Вадим Петрович лишь вяло кивнул.

Очнулся он в большом светлом зале, лежа в кресле странной конструкции. Сознание будто разом включили. Вадим Петрович посмотрел на себя и увидел, что одет в нелепый костюм салатного цвета. Раздались аплодисменты. Вадим Петрович вздрогнул и увидел прямо перед собой шеренгу солидных людей, одетых в обтягивающие деловые костюмы. Со всех сторон поблескивали объективы камер. Наконец один из присутствующих важно шагнул вперед, вытянул ладонь и произнес:

— Позвольте зачитать, ... , не...нно торжественную ноту ...ой вежливости от П...ого президента О...ого, ... , Со...за Мировых Государств! Мы о...но рады, ... , приветствовать до...ое возвращение, ... , к на...ой жизни первого человека, про...шего в жидком азоте семьдесят пять нех...х лет! Да здравствует наша о...ая медицина! За...сь, б...ь!

И шеренга заплотилась.

ПОВЕСТИ

Владимир Васильев

РОК НА ДОРОГЕ

Полуавтобиографическая повесть с сильными преувеличениями.

Любые мысли о сходстве описанных в повести людей с людьми реальными остаются на совести читателя, даже если имена, фамилии или иные приметы совпадают. Автор также осведомлен о некоторых хронологических нестыковках в тексте.

1. Who Do We Think We Are? (1973)

До появления Димыча группа даже еще не обрела название. Не было и клавишника Пашки. А были...

Было их пятеро. Давно и прочно, на уровне «семьи-родители» знакомые Андрюха Шевцов и Игорь Коваленко. Прибившийся к ним несколько позже Данил Сергеев. Приятель и сосед Андрюхи — Вадик Орликов, которого обыкновенно именovali просто «Малый». И недавний знакомец Данила, человек — иерихонская труба, Костик Ляшенко.

Ну и, разумеется, Шура Федяшин — личность совершенно свихнувшаяся. Ну скажите на милость, кому еще паяльник может быть привычнее авторучки, как не психу?

Впрочем, обо всем по порядку.

Кто был молодым, тот знает этот странный зуд в руках, это непреодолимое желание взять все, что можно хоть с натяжкой именовать музыкальным инструментом, объединиться с приятелями, включить на запись простенький магнитофончик, недавно подаренный родителями и...

У кого нет подобных какофонических записей юности? Когда к обычной акустической гитаре добавляются подушки и пуфики в качестве барабанов, крышки от кастрюль вместо тарелок и какая-нибудь экзотика для создания шумового фона, типа пищашего счетчика Гейгера, гордо именуемого «синтезатором»? Через это прошел каждый. Ну почти каждый.

Разумеется, и Димыч (в миру — Дмитрий Василевский) в свое время через это прошел. Отдельно от будущей группы; ему компанию составляли собственные друзья юности — Андрей Дроботов и Валерка Уца. Группа, помнится, звалась «Небритый кактус» и конкурировала с другими дворовыми группами, которые носили не менее гордые названия «Помидоры» и «Кожзаменитель».

Основной состав будущей группы переболел страстью к какофоническим концертам сравнительно быстро. И к моменту знакомства с Димычем Игорь Коваленко уже являлся счастливым обладателем очень неплохой ударной установки брянского завода (подарок родителей), Малый — красной ромбической гитары «Стелла» средней паршивости, с которой он управлялся на редкость шустро и умело; Андрюха Шевцов успел обзавестись достаточно внятным басом «Тверь», который покорял с упорством маньяка. Ну а Костик и Данил пытались петь.

Димыча привел Шурик Федяшин, к тому моменту охотно взваливший на себя обязанности штатного инженера-электромеханика и оператора группы. Сказал как-то, слушая пока еще далекие от цельного звучания рулады:

— Знаете, парни... Со мной в бурсе тип один учится. Димычем зовут. В радио он, говоря начистоту, ни хрена не рубит, но зато на гитаре играет. И — прошу внимания! — пишет песни. Мне нравятся, слышал как-то на мальчишнике.

В этой компании песни пока пробовал писать только Костик. Успел он сделать лишь три; и если просто под акустическую гитару они еще худо-бедно звучали, то командный вариант не устраивал никого.

— Веди, — после короткого совещания резюмировал Андрюха, выполнявший функции администратора и босса.

На следующую репетицию Шура явился в сопровождении сутуловатого парня в круглых очках. В потрепанном чехле парень принес гитару — как оказалось, самодел. Самодел был куда лучше инструмента Малого. Назвался парень Димычем.

Подключил гитару, примочку, взял несколько риффов.

206 Цокнул языком.

— Ну, — сказал он после этого, — показывайте.

Коллектив не очень уверенно, но почти без сбоев сыграл «Беду земли».

— Рыхло, — резюмировал Димыч. — Драйва не хватает. Какая там тема? До-мажорчик, да?

Малый с готовностью нарисовал на бумаге обозначения аккордов.

— Гитару твою пожестче надо. Металла в тембра подпустить. Сможешь, Шурик?

— Не вопрос! — пожал плечами Шурик и принялся колдовать над микшерским пультом и эквалайзером. — Пробуйте!

— Поехали! — скомандовал Димыч.

Со второго квадрата его гитара вплелась в общее звучание. И — о чудо! — дотоле рыхлое и расхлябанное, оно неожиданно слиплось в довольно плотную основу, на фоне которой громыхал могучий голос Костика. Все натурально ахнули.

Перед припевом, после ритмической сбивки, ритм-секция разъехалась: Игорь на барабанах протянул целый такт, а Андрюха направил бас в припев уже после двух четвертей. Костик растерялся, и вместо жесткого, подчеркнутого музыкой: «Нет! Я не хочу, что было так!» — прозвучало нечто маловразумительное.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Димыч. — Давайте определяться. Нот и вообще музыкальной грамоты я, извиняйте, не знаю. Поэтому объяснять буду на пальцах.

Остальные музыкальной грамотой владели в той же мере, что и Димыч, а именно — вообще не владели. Но объяснения Димыча оказалось на редкость простым и доходчивыми; даже Андрюха, которому басовые премудрости давались с некоторым трудом, все понял с первого раза. Надо было просто посчитать в нужном месте про себя: «Раз, два, три, четыре» — и только после этого входить в припев.

Попробовали. Получилось. Попробовали еще раз. Опять получилось. Попробовали другую песню — и снова получилось весьма приятно.

— Заметно лучше, — резюмировал Димыч после полутора часов музицирования. — Теперь осталось гитарные темы прописать как следует... Малый, ты технарь, как я погляжу.

— Ну... — пожал плечами Малый и непринужденно сыграл скоростную гамму. — Такое умею.

— Отлично. У меня со скоростью худо... — признался Димыч. — Я тебе медленно покажу, а сыграешь как следует.

— Не вопрос! — радостно согласился Малый.

Со скоростью у Малого и впрямь все было в порядке. Воображения не хватало, это да. Если ему показывали, что именно и как именно играть, Малый воплощал все с математической точностью и удивительной легкостью. Но сам придумать что-либо путное Малый был, похоже, не в состоянии.

Но все уже поняли: в группе появился тот, кто умеет придумывать.

Через несколько репетиций идеологическим и музыкальным лидером с молчаливого согласия остальных сделался Димыч, тогда как вне репетиционного зала делами административного свойства и менеджмента продолжал заправлять Андрюха Шевцов. Такая ситуация устроила абсолютно всех.

Спустя месяц усиленных репетиций Димыч поразмыслил, почесал в затылке и высказал идею:

— Клавишника надо. Мы ж не чистую тяжесть валим... Не помешает, клянусь. Есть кто-нибудь на примете?

— Есть! — не стал возражать Андрюха.

На следующей репетиции появился Паша Садов со своей многократно перепрошитой «Шексной», и вот тут-то группа зазвучала по-настоящему.

А потом был конкурс самодеятельных групп в кирхе, на улице Декабристов. Накануне долго придумывали название; остановились на варианте «Проспект Мира». Во-первых, песню такую сделали — очень приличную, кстати. А во-вторых, абсолютно все участники группы обитали либо непосредственно на проспекте Мира, либо поблизости. Почему нет, в конце концов?

Завсегдатаи конкурса к новичкам всегда относились снисходительно; «Проспект Мира» никто тоже не воспринял всерьез. А они, впервые играя на пристойном аппарате, сами ахнули после первого же аккорда. «Звучим!» — кричали немые взгляды. Андрюха глядел на Димыча, Димыч по очереди на всех.

Короче, первое место присудили «Проспекту Мира». Завсегдатаи приходили жать руки.

За успех в тот вечер было выпито немало пива, и долго еще вспоминали, как зал пританцовывал в такт «Демократии» и жег зажигалки во время «Замка на песке».

О группе заговорили в городе.

Уже через полгода, на концерте городского рок-клуба, неумолимая председательша мадам Портнова заяви-

ла после предварительного прослушивания: всем группам будет позволено сыграть от одной до трех композиций, в зависимости от оценок, выставленных жюри.

«Проспекту Мира» позволили сыграть шесть композиций. Даже старички из «Магазина» и полупрофи из «Забытого континента», даже первый блюзмен города Юрка Белоруков — все получили максимум по три. А «Проспект Мира» — целых шесть. Да еще шестую песню, собственно «Проспект Мира», группа должна была выдать в финале, перед закрытием концерта, после настоящих профессионалов из «Фокстрота» и «Диалога», после тех, кого знала вся Россия.

Что творилось в зале, когда выступал «Проспект Мира»... Не описать словами. Народ выскочил на сцену и гарцевал на листе девятислойной фанеры, которым прикрыли оркестровую яму, — как не проломился этот лист, уму непостижимо. Димычу сначала на гриф прилетел чей-то пиджак, а потом кто-то прошел по шнуру и выдернул его из разъема. Но ничего, все остались довольны. Кто-то из профи потом подошел и предложил купить песню «Проспект Мира».

Димыч с Костином, как авторы, отказали. Профи ушел обиженным.

Потом были еще концерты — на море, на Южном фестивале. В ближайших городах и городках. Группа крепла и сыгрывалась, училась понимать друг друга без слов.

Но в какой-то момент все почувствовали: движение вперед прекратилось. Нужна была какая-нибудь радикальная встряска.

Вот тогда-то и началось самое интересное.

2. Deep Purple (1969)

Вероятно, во всем была виновата любовь Димыча и Шурика к фантастике. Но если первый ее только любил и читал, то второй вообще считал полной реальностью, просто пока не даной нам в ощущениях.

Ни для кого не секрет, что на западе и в России рок-музыка развивалась в равной степени параллельно, но в то же время очень по-своему. После джаз-бума сороковых и пятидесятых в Западе возникли «Битлз», в России — «Река Слава». Даже в названиях отразилась глубинная разница западного и восточного подходов к року: на Западе нечто вроде «тараканов», у нас — нечто словесно-психоделическое, без пря-

мого значения. Впрочем, не следует считать, будто для Запада превалирующей оставалась исключительно форма, а для русских содержание. В конце концов, там ведь был «Кинг кримзон», а у нас «Атака». Да и шестидесятые показали, что две культуры склонны скорее брать друг у друга лучшее и дополнять чем-нибудь своим. Техногенный расцвет России в семидесятые и одновременный десятилетний кризис Америки мало что изменил: просто лучшие музыканты двух рок-культур сменили «Стратокастеры», «Джибсоны» и «Ибанезы» на «Тверь», «Кабаргу» и «Суздаль», а «Маршаллы» и «Пивеи» на ту же «Тверь», «Неман» и «Искру».

Но в одном Запад все-таки опередил Россию. Он первым придумал и провел Вудсток. Еще в шестьдесят девятом. Восток, то ли в силу природной лени и традиционного русского раздолбайства, то ли из пустой гордости созрел к идее аналогичного форума только через десять лет.

Теперь это легенды. Постаревшие и погрузневшие герои русского Вудстока, звезды городка Бологое семьдесят девятого года, то и дело мелькают на телеэкранах, иногда выдавая нечто похожее на хиты прошлого.

Тогда все было проще. Талант мог пробиться без денег и раскрутки. Тогда — но не теперь. И именно поэтому первые иллюзии неграмотных музыкантов «Проспекта Мира» довольно быстро развеялись. Да, их музыка была хороша. Да, они вполне пристойно ее подавали. Но толстым столичным дядям интереснее было вкладывать бабки в безголосых дочек, чем в разбитных провинциалов.

Но писать новые песни и выступать «Проспект Мира» все равно не прекращал, тем более что отчим Шурика Федяшина, мелкий пивной фабрикант, как-то весной позвал группу озвучить районный пивной фестиваль. «Проспект Мира» так озвучил, что к лету заводик отчима утроил оборот, сожрал с потрохами самого опасного местного конкурента, укрупнился и приступил к строительству нового цеха. «Проспекту Мира» с этого обломился полный комплект аппаратуры, новые инструменты и предел мечтаний для группы их уровня — фирменный трейлер «Десна», шестиосный грузовой монстр-трансформер, который в походном состоянии вмещал всю аппаратуру и служил передвижным домом, а в стационарном — представлял собой удобную сцену-подиум. Даже колонки таскать не приходилось: трейлер подруливал к нужному месту, сдвигал крышу, опускал борта... И все. Сцена готова.

Рок-клуб, понятное дело, обзавидовался; но проспектовцы не жались: наоборот, затеяли большой концерт городских групп по всему югу. На собственном, понятно, аппарате. «Десна» показала себя во всей красе, а отчим Шурика не преминул присовокупить к каждому выступлению трейлер пива по льготной цене. Кроме того, красочные логотипы «Пиво «Янтарь» украшали борта «Десны» в походном состоянии и подножие подиума в концертном, что тоже способствовало популярности фирменного напитка.

В общем, народ «Проспект Мира» слушал с удовольствием, равно как и другие группы, колесившие в тот год по югам вместе с ними. Но попытки записать профессиональный компакт-диск неизменно заканчивались провалом. Возможно, именно оттого, что единственной в городе пристойной студией владел тот самый профи, которому в свое время Димыч и Костик отказались продать фирменную песню группы.

Так и осталось невыясненным — кто первым высказал ностальгическую идею: «Эх, на нашей «Десне» бы — да в Бологое семьдесят девятого года!»

Действительно, эх...

И никто не предполагал, что об этом можно было говорить серьезно. Музыканты «Проспекта Мира» в семьдесят девятом в лучшем случае учились ходить, а Малого так и вообще еще не родилось.

Единственным, кто не умел несерьезно относиться даже к бреду, оставался штатный инженер группы Шурик Федяшин.

3. The Book Of Tallesyn (1968)

Имелся у Шурика большой засаленный талмуд, в который он скрупулезно заносил все случающиеся на концертах и репетициях неполадки и подробно описывал методы их устранения. Последние страницы талмуда часто использовались в качестве полигона для скорых вычислений или каких-то радиотехнических прикидок. Калькуляторы Шурик не любил, предпочитал считать по старинке, на бумаге, в столбик. Говорил, что так нагляднее. Мало кто из проспектовцев обращал внимание на то, что во время репетиций Шурик все чаще забивается в любимый угол у рабочего пульта и колдует над любимым талмудом, а рядом все время таинственно светится матрица его ноутбука, приросшего к глобальной сети.

Ну колдует и колдует, здраво рассуждал каждый из проспектовцев. У каждого свои обязанности. Димыч пишет собственные песни, гранит песни Костика и Данила, придумывает гитарные партии. Малый воплощает придуманное Димычем. Андрюха навораживает на басы, Игорь его поддерживает. Пашка-клавишник обеспечивает красивый фон и вкрапляет в музыку изящные проигрыши. Костик с Данилом напрягают глотки. В общем, все при деле. Так почему бы Шура-оператору не колдовать над талмудом, если весь аппарат работает без сбоев и выстроен как следует? Да ради бога, колдуй!

Но в перерыве очередной репетиции Шурик вдруг выполз из своего угла с талмудом под мышкой, приблизился к попивающим «Янтарь» музыкантам и вдруг очень ровным и уверенным голосом заявил:

— Ну что? Все ещё хотите побывать в Бологом семьдесят девятого? Могу вас туда протолкнуть. Только ненадолго, меньше чем на двое суток. На дольше не получится.

Данил выронил банку с пивом. Костик насупился.

— Шура, — спросил Андрей Шевцов после некоторой паузы, — ты рехнулся?

— Зачем? — пожал плечами Федяшин. — Это действительно возможно, я посчитал. Вот, можете взглянуть...

Он продемонстрировал несколько испещренных формулами листков из талмуда. Большинство понимало там только плюсы да минусы, как приснопамятный парень из преисподней Гаг в настенной писанине увечного земляка Данга.

— Очень наглядно, — прокомментировал Димыч с ехидцей. — И что сие означает?

— А сие означает, что если через двадцать четыре дня оказаться в строго определенном месте в строго определенную минуту и запустить один приборчик — можно на двое суток провалиться в любой произвольный момент с мая по сентябрь семьдесят девятого. Через двое суток нужно будет оказаться примерно в этом же месте и инверсировать режим приборчика. Тогда вернемся. Если не сделать этого... короче, не ручаюсь я тогда за нас.

— Не, — вздохнул Андрюха с сожалением. — Ты все-таки рехнулся.

Но Шурика невозможно было вывести из себя такой мелочью, как насмешка.

— Приборчик показать? — без тени смущения спросил он.

— А ты его хоть на кошках испытывал? — поинтересовался практичный Игорь.

— Нет. — Шурик отрицательно покачал головой. — Сейчас он просто не работает — время не пришло. А такое время случается не чаще раза в тысячелетие.

— Угу, — хмыкнул скептик Димыч. — И разумеется, нам немерено потрафило: это время подоспело именно сейчас.

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Шурик. — Начало века как раз. Думаешь, случайно летоисчисление многих народов привязано к миллениуму?

— А оно привязано? — удивился Андрюха. — Ну, у христиан и исламистов — еще ладно. Но китайцы какие-нибудь или евреи явно по-своему считают годы.

— Китайцы обитают в соседней геомагнитной зоне. У них свои привязки к темпоральным каналам. А евреи просто хитрые и скрытные, — парировал Шурик. — Специально не так считают, чтобы нас с толку сбить.

— Угу, — обиделся Паша, в котором частично текла и еврейская кровь, — как обычно, во всем виноваты евреи и велосипедисты!

— Я не понял. — Шурик недовольно прищурился. — Вы хотите в Бологое на русский Вудсток или не хотите?

— Погоди. — Димыч допил пиво и ловко закинул банку в корзину с логотипом «Янтаря». — Расскажи-ка поподробнее. Что, переходы во времени действительно возможны?

Не зря Димыч слыл среди друзей любителем и поклонником научной фантастики. Идею перемещения в прошлое он воспринял быстрее и легче остальных — не считая, разумеется, самого Шурика, для которого фантастики не существовало вовсе, существовали только реальности, частично данные нам в ощущениях, а частично пока не данные. Целью жизни Шурик давно уже считал перемещение реальностей из второй категории в первую.

Именно между Шуриком и Димычем спустя два часа состоялся короткий, но весьма содержательный разговор о невероятной затее. Димыч заявился в подсобку, где приятель, по обыкновению, что-то паял; остальные музыканты удалились на перекур. Димыч не курил, поэтому и пришел раньше остальных.

— Выкладывай. — Димыч присел на старый корпус от гитарной мартышки, не так давно Федяшин выковырял из него начинку: динамик и прочие радиотехничности.

Начинка ныне успешно обитала в другом корпусе, рассчитанном и собранном лично Шуриком. — Все, что ты затеял.

— С подробностями или без? — уточнил Федяшин.

— С подробностями. Но чтобы я понял.

Шурик закатил глаза, всем видом показывая: либо с подробностями, либо так, чтобы ты понял.

— Ну, ладно, ладно... — смягчился Димыч. — Совсем уж в дебри физики не лезь. Но понять я все равно хочу.

Шурик с сомнением покосился на свой талмуд, но потом махнул рукой и отвернулся. Похоже, он окончательно осознал, что его рабочие записи остальным решительно непонятны.

— Тогда я не буду тебе описывать современные представления о связях времени и пространства. Буду краток. Шесть лет назад один немец-физик, Бертольд Нёрман, вывел очень наглядную, но спорную зависимость. Основное, что из нее следовало, это то, что физическое тело способно покинуть основной вектор временного потока, сместиться относительно него и вернуться, но уже на ином отрезке. Другими словами, попасть в прошлое.

— Или будущее, — ввернул Димыч.

— Нет. В будущее невозможно сместиться. Понимаешь, будущее еще не наступило. Вектор туда просто не тянется, энергия на поддержание временного потока еще не затрачена. Так что...

— Жаль, — вздохнул Димыч.

— Величина абсолютного смещения по вектору и срок, в течение которого материальные тела будут находиться в ином времени, напрямую зависят от затраченной энергии. Поэтому во времена динозавров я вас запихнуть при всем желании не смогу — у меня нет собственной атомной электростанции.

— И, соответственно, запихнуть в тот же семьдесят девятый надолго тоже не сумеешь. Так?

Шурик с сожалением вздохнул:

— Снова не так. Закон сохранения энергии знаешь? В полном соответствии с ним затраченная энергия на перемещение в прошлое должна выделиться при возвращении. Иначе цикл оборота энергии останется неполным. Ну, будут, разумеется, некоторые потери, которые в принципе нетрудно компенсировать. Полное путешествие во времени это не только прыжок в прошлое, это еще и возвращение в исходную точку. Короче: у меня хватит мощности запихнуть вас в семьдесят девятый год на сорок-семь часов. Меньше — будут сложности с возвращением. Больше — не хватит энергии. Я все просчитал, причем не один раз. Показывал Доку — он сказал, что

численные операции проведены без ошибок. Так что... если сработает — вернемся, не дрейфь.

— Да я не дрейфлю. Ладно. Будем считать, мы тебе поверили. Теперь понять бы — что нам делать на русском Вудстоке...

— Как что? — удивился Шурик. — Выступать! Такого аппарата, как у нас, в те времена даже «Черный доктор» не имел! Они там все вспотеют и обоссутся от радости! А светотехника? Тогда ж ни фиги не применялось, выходили патлатые рожи на сцену, становились по стойке «смирно» и пели песенки. А я вам такое лазерное шоу зафигачу, на Луне видно будет!

— Хм... — задумался Димыч.

Пытливый и изобретательный его ум уже ухватил основную идею.

— А нам, стало быть, не хило будет разучить десятка два реальных боевиков последнего десятилетия... Как шарахнем «Обмен ненавистью» или «Череп на рукаве» — народ вообще в осадок выпадет!

— Верно мыслишь! — расплылся в улыбке Федяшин.

Димыч некоторое время молчал. Глаза его горели, в голове роились десятки сногшибательных планов.

— Когда, говоришь, можно будет двигать в прошлое? — уточнил он.

— Восьмого июля. Ровно через двадцать четыре дня.

— Успеем! — выдохнул Димыч. — Успеем все содрать и разучить.

— А если вдруг в Бологое попасть не обломится, — донеслось от дверей, — то те же боевики мы с успехом выкатим на «Ялтинском сборе» в августе.

Шурик с Димычем обернулись. Недостающий состав «Проспекта Мира» стоял в дверях подсобки и последние минуты, затаив дыхание, явно внимал разговору.

— Ну, Андрюха, — развел руками Димыч. — Ты, как всегда, прав! Стало быть, в Ялту едем?

— Едем. Только что Портнова звонила. Мы закрываем первое отделение.

4. Shades of Deep Purple (1968)

К пятому июля «Проспект Мира» успел обкатать полтора десятка самых убойных песен десятилетия. Шура Федяшин, последние дни не вылезающий из подсобки, на-

конец выполз, прищурился на лампочку и не терпящим возражений тоном изрек:

— Завтра с утра стартуем. Иначе рискуем не успеть.

— Не успеть? — удивился Андрюха. — Три дня еще!

— Ну не три, а два с половиной. И потом, вдруг задержка какая-нибудь случится. Обидно будет. Отчиму я уже звякнул, трейлер пива он выделил. Причем на этот раз на халяву — можно будет раздать на концерте. То-то болелы порадуются.

Остаток дня ушел на погрузку аппарата и закупку походной жратвы. О выпивке, понятное дело, тоже не забыли: пиво пивом, а перед выступлением и чего покрепче не помешает.

Заночевали прямо в «Десне». С утра Данил мотнулся на заправку, залился под завязку, «Проспект Мира» и сочувствующие лица погрузились, и экспедиция в прошлое стартовала.

На выезде из города следом пристроился трейлер с логотипами «Пиво «Янтарь» на широченных плоских боках.

— Точка перехода расположена за Киевом, — изволил сообщить Шура. — Кто рулить хочет, распределяйтесь. Я — пас. Надо дообсчитать кое-что.

Рулить помимо Данила умели Андрюха, Игорь и Малый. Плюс еще один из сочувствующих — Леха Азиатцев по прозвищу Муромец.

«Десна» резво катила по Киевской автостраде, окаймленной сплошной цепочкой мотельчиков, закусовых, заправок, техсервисов, придорожных лавчонок. Ничего особо привлекательного в поездке не было — народ либо отсыпался, либо резался в нарды. В кабине «Десны» прочно засел Димыч да изредка сменялись водители. Киев обошли по точной объездной.

С этого момента Шурик стал особенно часто сверяться с подробной топографической картой, с недавних пор украсившей внутренний борт «Десны», и особо тщательно вынюхивал что-то в сети.

Наконец он шепнул в переговорник:

— Эй, рули! Притормаживай! Прибыли.

Трейлер в это время вел Игорь Коваленко, барабанщик. Характера он был ровного и довольно флегматичного, поэтому без комментариев прижался к обочине и выжидательно взглянул на Димыча.

Тем временем наружу выпрыгнул Шурик с ноутбуком под мышкой и мобильником на груди. Димыч тоже покинул кабину. Вдвоем они минут двадцать шатались по окраи-

не придорожного поля, на котором росло что-то низенькое и зеленое. Затем вернулись.

— Эй, рули! Эта байда по полю пройдет? — Шурик кивнул на сияющую рекламными красками «Десну». — Надо будет съехать с трассы.

— Пройти-то пройдет, — пожал плечами Игорь. — Только ехать быстро не сможет.

— Скорость нам ни к чему, — авторитетно заявил Шурик. — Ладно, до перехода еще часа три. Давайте-ка вернемся к той лавке, что недавно проехали. Пожрать закупим.

Пожрать никто не отказался. Тем более что трейлер с пивом следовал в хвосте. И запустить туда лапу не составляло никакого труда.

— Слушайте, коллеги! — обратился к спутникам Димыч по пути ко входу в придорожную лавку «Елисеевъ и сыновья». При этом Димыч опасливо покосился на вышагивающего следом водителя пивного трейлера, который, понятное дело, ни о какой фантастике и перемещениях во времени слыхом не слыхивал. — А ведь надо учесть одну мелочь! Деньга-то у нас старая и новая вперемешку! Нужно купюры девяносто второго года отсеять. А то прикиньте — в семьдесят девятом расплачиваться ассигнациями с ликом государя императора Николая Третьего... Могут и в участок загрести, с городских станется.

— Дык фестиваль-то не в городе, в чистом поле... Какие там городовые? — неуверенно возразил кто-то из болельщиков.

— Ну не городовые, ну полицейские будут. Загребут, а нам как раз возвращаться...

— Ты прям мои мысли читаешь, — в одобрительном ключе высказался Шурик. — Предупреждаю: никаких эксцессов с властями. Через сорок семь часов после перехода мы как штык должны вернуться. Причем в полном составе, люфт по массе весьма невелик. Так что давайте! Новые купюры — по дальним карманам. И монеты отсейте новые.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Андрюха. — У меня только это! — И продемонстрировал нераспечатанную банковскую упаковку новеньких двадцаток.

— Прячь! — неумолимо велел Шурик. — Я готовился. У меня только старые бабки.

Закупились, перекусили, попили пивка, заботливо убирая пустые банки в пластиковый контейнер. В болтовне о предстоящем путешествии и вождленном концерте незаметно прошло больше двух часов.

— Пора, — наконец скомандовал Шурик. — Все в будку, наружу никому носа не казать. Димыч... иди-ка к водиле пивняка. Успокоишь его, если что, — думаю, при переходе будут некоторые визуальные спецэффекты. Скажи, чтобы просто держался нашей кормы, метрах в пяти — семи. Мы медленно пойдем и без рывков. Мобильник, если что, держи наготове.

— Понял, — с готовностью согласился Димыч. — Успокою, не бойсь.

— Андрюха, за руль! Остальные — ховайсь!

Народ дружно полез в «Десну». Спустя несколько минут «Десна» и пивной трейлер медленно сползли с трассы в чистое поле (к вящему удивлению водителей проносящегося мимо транспорта) и замерли. Димыч не выпускал из руки мобильник.

— Че это мы? — удивленно спросил у Димыча водитель трейлера сорокатрехлетний мужичок с испещренным красными прожилками носом, что выдавало пагубную страсть к горячительным напиткам.

— Да это... — принялся вдохновенно врать Димыч. — Магнитная буря надвигается. Молнии могут вдоль трассы встретиться. Шаровые — слыхали о таких?

— Молнии? — недоуменно переспросил водила. — Читал в детстве...

— Во! А у нас ведь колонки в «Десне», усилители — не дай боже испортятся! Да и...

Договорить он не успел — вякнул самописной мелодией мобильник.

— Алло! — отозвался Димыч без промедления.

— Готовы? — справился Шурик.

— Ага! — подтвердил Василевский и повернулся к водиле: — Кузьмич, сейчас потихоньку пойдем вперед. Держись за бампером, метрах в пяти — семи. Идти будем медленно, верст пятнадцать в час, не больше.

— Ладно, — буркнул водила, соглашаясь. По всему было видно, что происходящее он считает совершенной блажью, но спорить не собирается: жалованье за поездку ему полагалось более чем солидное.

— Двинули! — скомандовал Шурик.

— Двинули! — повторил Димыч.

Два грузовика медленно поползли по окраине поля.

Сначала не происходило ровным счетом ничего: протекторы с затейливым рисунком ярославского «Медведя» безжалостно вминали зелененькую фермерскую поросль;

Димыч даже забеспокоился: а ну как сейчас хозяева набегут? Но потом вокруг вдруг сразу стало темнее, окрестности внезапно заволоклись непроглядной лиловой мутью, туманом, дымкой. Кузьмич шурился, пристально глядя вперед. Бампер «Десны» еле-еле угадывался в нескольких метрах прямо по курсу.

А потом предупредительно пискнул мобильник. Димыч взглянул на экранчик. Связь с Шуриком прервалась, да и вообще аппарат, надежный и простой, проверенный временем и снегом «Спутник», потерял сеть. Напрочь. Хотя роуминг вдоль основных трасс гарантировала любая компания мобильной связи, что «Россия», что «Небо-ТФ», что «ДемидовЪ».

За окнами грузовика продолжал клубиться туман, в котором бродили более темные смерчки, возникали особо фиолетовые, как казахский мускат, сгустки. Димыч не мог сказать, сколько продолжалась эта феерия — может, минуту, может больше. Но закончилась она так же внезапно, как и началась.

Пасмурный вечер сменился безоблачным утром — ранним-ранним, солнце едва взошло, не успев даже потерять багровость и набрать нестерпимый глазу блеск. Вместо зелененькой фермерской поросли под колесами машин теперь колосилась чахлая пшеница или еще какой ячмень — в агрономии Димыч был не силен. Дорога по-прежнему оставалась слева, но теперь она лежала гораздо дальше, чем могло показаться, и выглядела неприятно пустынной. Даже со скидкой на ранний час.

«Десна» впереди дала по тормозам и остановилась; Кузьмич автоматически среагировал так же. Все-таки он был классным водилой.

Димыч выскочил наружу, сжимая в руке мобильник. Сеть по-прежнему не ловилась. Неудивительно — откуда ей взяться в семьдесят девятом году? Было одновременно и весело, и страшно. Неужели удалось? Неужели кудеснику Шуру Федяшину посчастливилось обмануть неумолимое время?

Странно: до перехода Димыч верил в возможность темпорального сдвига больше и охотнее. Теперь откуда ни возьмись вылутился червь сомнения и принялся грызть, настырно, назойливо, упрямо.

Пионерам всегда труднее остальных. Что первому мореплавателю-неандертальцу, оседлавшему бревно, что Колумбу, первому из белых людей ступившему на австралийский берег, что Леониду Титову и Юрию Гагарину во время шага с трапа космолета на лунный грунт.

«Еще немного, — подумалось Димычу, — и шастать по временам станет так же привычно и буднично, как ездить в метро».

Отворилась дверь «Десны», из кубрика горохом посыпался народ. Шурик Федяшин и Андрюха Шевцов выпрыгнули из кабины. Федяшин неотрывно глядел на экран ноутбука.

— Ну, что, коллеги, — вздохнул он. — Поздравляю. Мы в прошлом. Шесть восемнадцать утра, пятнадцатое августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Через одиннадцать часов в полутыще верст отсюда стартует русский Вудсток. По коням: нам еще доехать нужно и заявиться. И аппарат расставить. Так что гнать будем шустро.

— Мамочки-и-и, — неверяще протянул Леха Азиатцев по кличке Муромец. Утро. Надо пива хватить.

По близкой дороге неторопливо проехал легкий грузовичок с фургоном безрадостного грязно-серого цвета. Форма кабины его выглядела столь уныло и уродливо, что грузовичок казался гигантской игрушкой для непритязательных карапузов. Сияющие рекламой борта «Десны» и трейлера-пивняка разительно контрастировали с этой пародией на транспортное средство не меньше, чем пасмурный вечер двадцать первого века в мгновении старта с праздничным утром века двадцатого в мгновении финиша.

5. Machine Head (1972)

Уродливый грузовик они обогнали только минут через пять. Вместо отличного автобана Киев — Смоленск имелась раздолбанная асфальтовая ниточка, многожды латанная. Латки были выполнены не асфальтом, а в виде залитой мерзким гудроном щебенки. Гнать больше шестидесяти верст в час по такой, с позволения сказать, дороге мог только законченный псих. Однако близнецы и дальние родственники недавно встреченного монстра от автомобилестроения без зазрения совести решались на это, словно убиваемые ухабами мосты им было ничуть не жаль. Если, конечно, не попадался впереди какой-нибудь особо карикатурный тихоход, обогнать которого было тоже мудрено: дорога имела всего две полосы, по одной в каждую сторону. Приходилось выжидать, чтоб в чередѣ встречных машин случилась достаточная для обгона прореха. Езда в таком ритме выматывала нервы, Андрюха за рулем «Десны» отчаянно матерился, Димыч, вцепившись в рукоятку, изредка

вторил ему, а Шурик, сидящий справа, только загадочно ухмылялся.

— Ну и дорожка! Не думал, что наши предки строили такую пакость... А еще говорят, будто у России два счастья: гении и автостреды.

Димыч грустно вздохнул и потянулся к радиоприемнику. Однако на всем ЧМ-диапазоне нашлось только ровное шипение чистого эфира. Ни одной радиостанции не работало.

— Блин! И радио у них не было, что ли, в семьдесят девятом?

— Скорее ретрансляторов вдоль дорог нет, — подсказал умный Федяшин.

— Вдоль таких дорог вообще ничего нет! — фыркнул Андруха. — Не то что ретрансляторов! Двадцать верст уже отмахали — хоть бы одна лавчонка заваливающая или заправка! Поля да поля...

Наконец Димыч допер переключить приемник в АМ-диапазон и довольно скоро поймал вполне мощный и чистый сигнал. Прозвучали незнакомые позывные, шесть раз пикнуло, и на удивление строгий и официальный голос дикторши объявил: «Вы слушаете «Маяк». Московское время — шесть часов...»

— Шесть? — Димыч машинально глянул на свой понтовый механический «Крым», точности которого обзавидовались даже швейцарцы. — Не семь?

«Крым» его показывал семь — так подсказал перед выездом Федяшин. Все и перевели часы, чтоб не путаться.

— Хм... — удивился Федяшин. — Почему шесть?

— А, понял! — буквально в следующую секунду осенило его. — В семьдесят девятом еще не было перехода на летнее время! Хе-хе, так у нас даже лишний час в запасе есть до начала концерта! Хотя, с другой стороны, и сваливать на час раньше придется...

Димыч удрученно вздохнул:

— Вот всегда так! На ровном месте возьмут — и сопрут час...

Дикторша тем временем несла какую-то жуткую пургу о закромах родины, пятилетке досрочно, трудовых свершениях доярок и ратных подвигах сталеваров. Голос ее оставался все таким же умопомрачительно официальным — обращения государя императора к народу и то более живыми голосами обычно озвучивают. За четверть часа передача ни разу не прервалась рекламой.

Потом без видимого перехода «Маяк» принялся клеймить заокеанских империалистов, якобы нагнетающих

напряженность, хотя, насколько Димыч и остальные помнили историю, в конце семидесятых Америка сидела в полной экономической заднице и никакой напряженности нагнести была просто не в состоянии. Арабы тогда пошаливали в Северной Африке, это правда, но бравый миротворческий контингент британцев и русских как раз летом семьдесят девятого за считанные дни вышиб из них дурь как минимум на четверть столетия.

В общем, прошлое оказалось чужим и отчаянно непривычным. Для успокоения нервов пришлось выпить по баночке пива. Даже Андрюха приложился — ему выдали из ящика специально захваченного «Шоферского», слабоалкогольного.

А буквально спустя пару минут дорожный инспектор в нелепой форме требовательно махнул полосатой палочкой, и пришлось прижиматься к обочине.

6. Stormbringer (1974)

Никто, ясное дело, и не подумал вылезать из кабины. Андрюха только совсем опустил боковое стекло, до того полуопущенное.

Инспектор некоторое время тарасился на грузовики, потом переглянулся с напарником, сидящим в желто-голубой машине с допотопной конической мигалкой, и нерешительно дернул головой. Напарник его тут же вылез. Оба неторопливо приблизились.

— Старший сержант Белов! — козырнул инспектор, буравя глазами Андрюху. Тот как ни в чем не бывало отхлебнул пива и протянул водительское удостоверение.

Старший сержант Белов уставился на обычные права — небольшой, размером с карманный календарик, прямоугольный документ, аккуратно закатанный в ламинат. С документа на инспектора глядели: фотодвойник Андрюхи Шевцова и державный российский двуглавый орел.

Инспектор принял права Андрюхи так, словно это была бомба. Разглядывал он их непривычно долго. Потом, многозначительно переглянувшись с напарником, странно изменившимся напряженным голосом сказал:

— А-а-а... Путевой лист покажи...

И — секунду спустя:

— ...те! Пожалуйста!

«Пожалуйста» в его устах звучало с непонятной осторожностью в интонации.

— Чего? — не понял Андрюха. — Какой лист? Может, документы на машину? Вот, будьте любезны...

Он полез за откидной солнцезащитный демпфер и вынул техпаспорт «Десны», а заодно и регистрационный талон Южного отделения «Руссо-Балта»: инспектор, как видно, попался редкий зануда. В какой-то момент Андрюха едва не выронил техпаспорт и неловко дернулся, расплескав чуть не полбанки, которую так и не выпустил из рук. В кабине остро запахло пивом.

Старший сержант Белов мигом забыл о документах. Шевельнув носом, он вдохнул аромат «Янтаря». На лице последовательно отразился процесс узнавания.

— А что это ты... вы пьете? — спросил он, снова сменив тон. Теперь в голосе прослеживалось давление и злорадство, как у лавочника, который поймал на горячем мелкого ворешку.

— Пиво! — признался Андрюха, демонстрируя зеленую полосу, неперенный атрибут слабоалкогольного «Шоферского».

— За рулем? Пиво? — зачем-то переспросил инспектор, хотя было вполне понятно, что он и с первого раза все прекрасно расслышал.

— Так «Шоферское» же! — в который раз удивился ничего не понимающий Андрюха. — Там алкоголя всего два оборота!

— Блин! — в отчаянии прошептал Федяшин на ухо Димычу. — «Шоферское» в семьдесят девятом, наверное, еще не делали!

Димыч успел подумать, что черт знает где, между Киевом и Москвой, вполне могут и не знать пива «Янтарь». Это не черноморский юг, где «Янтарь» каждая собака знает и любит.

— Выйдите из машины! — потребовал инспектор Белов.

Его напарник все время молча стоял рядом, лишь изредка бросал недоверчивые взгляды на сияющие обода и трубы «Десны» и на глянцевою роспись бортов.

Андрюха тяжело вздохнул, поставил почти пустую банку на торпеду, открыл дверь и выпрыгнул на дорогу, привычно обочиваясь к машине и закладывая руки за голову.

— Вы тоже! — не успокаивался инспектор.

Димыч и Шура Федяшин покорно полезли наружу, причем, разумеется, не через пассажирскую дверь, а через шоферскую. Руки они подчеркнуто держали на виду.

Инспектора это, похоже, удивило, потому что он несколько секунд таращился на высадку Димыча с Шурой. Оба в итоге пристроились рядом с Андрюхой, как положено, лицом к машине, руки за головой, ноги чуть-чуть расставлены.

Народ в кубрике «Десны», словно почувствовав неладное, затаился. Ни звуком не выдавал присутствия.

Инспектор, похоже, растерялся вторично. Интересно, а чего можно было ожидать от водилы и пассажиров в ответ на требование покинуть машину? Трое из будущего какое-то время стояли, словно преступники, рожами в грузовик, а инспектор о чем-то шепотом совещался с напарником.

— Слушай, Димыч, — тихонько сказал Федяшин. — Никакие это, на фиг, не дорожники. Глянь, вообще затормозились. Чушь какую-то несли...

— А кто ж тогда? — удивленно переспросил Василевский тоже шепотом.

— Форма странная какая-то... — продолжал Шурик. — Никогда в доринспекции такую не носили, даже в семидесятые. Да и оружия у них нет. Где «силаевы» штатные, а?

Прежде чем Димыч успел возразить или помешать, Федяшин вдруг проворно метнулся к шепчущимся «инспекторам», на ходу выуживая из кармана газовый пистолет, с которым никогда не расставался. Патрончики у него были ядерные — случилось однажды убедиться. Полчаса верной лежки гарантировано, если не час.

«Пок! Пок!» — дважды пролаяло оружие.

Оба «дорожника» кулями рухнули под колеса «Десны», кашляя и захлебываясь. Федяшин, моментально спрятав пистолет и прикрыв нижнюю часть лица полкой куртки, схватил одного за шиворот и спешно поволок к обочине.

— Помогайте! — донесся его приглушенный голос.

Димыч рефлекторно подчинился. Совершенно не задумываясь.

Глаза почти сразу стали противно слезиться. Андрюха тем временем занял место за рулем.

Вовремя: едва успели впрыгнуть в кабину, приоткрылось окошко из кубрика и полупьяный голос Малого осведомился, «какого хера стоим и когда двинем, время-то идет!».

— Едем, едем! — процедил Андрюха мрачно.

«Десна» тронулась, постепенно набирая ход. За нею двинул и пивной трейлер; глаза у Кузьмича ввиду последних событий сделались круглые и здоровенные, как два

мини-диска. Хотя никто этого, понятное дело, не оценил. Желто-голубая машина с допотопной мигалкой и два истекающих соплями тела на обочине быстро пропали с мониторов заднего вида.

7. Fireball (1971)

Тут уж и самим пришлось гнать невзирая на ухабы!

«Десна» и пивной трейлер кометами неслись по поганой местной трассе. Ублюдочная легковая мелочь боязливо жалась к обочине, позволяя себя обогнать. Карикатурные грузовики, похоже, просто не в состоянии были состязаться с могучими руссо-балтовскими моторами двадцать первого столетия.

Димыч боялся только одного: далеко им не сбежать, если дорожники все же настоящие. Передадут по рации, и привет — вся служба ополчится на два приметных фургона. На фоне тусклых местных автомобилей два расписных красавца сияют, как неоновая реклама в сумерках. И не хочешь, а обратишь внимание.

Впрочем, опасался Димыч зря. Когда старший сержант Белов оклемался до той степени, которая уже позволяет совершать осмысленные поступки, он пришел к простому и однозначному выводу: доложишь начальству — примут за идиота. Подобные происшествия на дорогах Страны Советов были даже не редкостью — чистой фантастикой. А начальство фантастики не любит. Попадешь под горячую руку — отгрузят по загрузку по первое число... Когда же выяснится, что никакая это не фантастика, а самая что ни на есть реальность — будет уже поздно. Никто не вернет снятую премию, не снимет выговор, не восстановит в должности... Оно надо? Пусть другие подставляют шеи, если охота. Старший сержант Белов никаких подозрительных грузовиков, словно сошедших со страниц западных автожурналов, сроду не видывал, кроме как в тех же журналах. Ни-ни. И напарник не видывал — правда ведь, Гуля? То-то же!

К тому же Белов сильно подозревал, что начальство в первую очередь потребует номера обоих грузовиков. Дабы опознать их и в случае чего не наступить ни на чью больную мозоль и не вляпаться в неприятности покрупнее масштабом. А номеров-то старший сержант как раз и не запомнил. Как-то даже взглянуть не удосужился, до того не вписывались странные грузовики в окружающую реальность.

Так что опасался Димыч зря.

Москву решено было оставить восточнее и рвать мимо Смоленска. Трасса шла совсем не так, как было указано в атласе, но выбирать нынче не приходилось. Тем не менее убогая грязно-белая табличка, а затем и пошарпанная стела с безвкусыми металлическими буквами были встречены с некоторым облегчением: СМОЛЕНСК.

И еще: незадолго до стелы с табличкой у дороги попалась стеклянная башенка дорожной инспекции, почему-то увенчанная непривычной аббревиатурой ГАИ. Все ожидали самого плохого: остановки и немедленного ареста. Но инспектор у башенки шмонал какого-то беднягу автолюбителя, а второй в башенке сидел уткнувшись в раскрытую книгу и на дорогу не глядел. В общем, пост они миновали без задержек.

— Вот видишь! — повеселел Федяшин. — Я ж говорил, никакие это были не дорожники. Бандиты, наверное, дань с грузовиков берут.

— У инспектора на посту форма была точно такая же, как и у тех двоих. И кобуры я опять таки не заметил... — угрюмо прокомментировал Димыч, поправляя круглые очки.

Федяшин не ответил. Только скорбно засопел.

Некоторое время все молчали; потом Андрюха отвлеченным тоном заметил:

— Заправиться надо бы... Соляры верст на полста осталось.

— А вон и заправка! — Федяшин ткнул пальцем в лобовое стекло.

Заправка выглядела, как и все здесь, убого и странно. Ни тебе закусочной, сверкающей зеркальными стеклами, ни тебе дорожного сортира, ни тебе станции техобслуживания, ни телефонных кабинок.

Пыльные, грязные допотопные колонки с такими же пыльными грязными шлангами. Масляные пятна на дрянном асфальте. Никаких рабочих в форменных комбезах — похоже, водитель был обязан сам отвинчивать крышку бака, вставлять пистолетище в горлышко и глотать октановые пары.

И — опять! — ни единого рекламного щита! Не говоря уже о шите-ценнике.

Семьдесят девятый год представлялся проспектовцам совершенно иначе.

Андрюха мигнул Кузьмичу и зарулил на территорию стоянки. «Десна» остановилась в метре от донельзя выцветшего и сильно покоробившегося стенда с небрежно

намалеванным красноватым стягом, плакатными фигурками допотопных работяг и сюрреалистическим изречением «Коммунизм победит».

Кого именно коммунизм собирается побеждать — прошлое умалчивало.

8. Perfect Strangers (1984)

Единственное, что не отличалось от привычного, — окошечко кассы.

— Я ща... — буркнул Андрюха и выпрыгнул на асфальт. На ходу доставая деньги, он пошел платить.

Народ в кубрике тем временем решил размять конечности и полез наружу. К приоткрытой двери кабины приблизился Данил Сергеев. Глаза у него масляно поблескивали — не иначе публика успела принять грамм по двести на грудь.

— Сменить не нужно? — участливо поинтересовался он.

Федяшин подозрительно уставился на него.

— Ты ж бахнул уже! — сказал он с нажимом.

— Игорь не пил, — довольно сообщил Данил. — Ему выходить лень, в гамаке изволит почивать. Но если надо сменить — сказал, сменит.

— Ша решим, — пообещал Федяшин.

Он отвлекся неспроста: обратил внимание на Димыча. А Димыч с тревогой глядел сквозь подернутое радужными отсветами лобовое стекло на действия Андрюхи у кассового окошка.

Андрюха чуть не по пояс влез внутрь; руки его тем не менее оставались снаружи, причем Андрюха бурно жестикулировал. По характеру жестов догадаться о предмете разговора было столь же трудно, сколь счесть звезды на небе или песчинки на пляже.

— Че-то не клеится, — мрачно изрек Димыч. — Не поездка, а какая-то сплошная жопа. Как тут наши предки жили, в этом долбаном семьдесят девятом?

— Как-то жили, — буркнул Федяшин. — Пошли разберемся.

Они по очереди покинули кабину Десны. Димыч хмуро покосился на стайку болел, выползших из кубрика покурить. Поскольку курилки на заправке тоже не обнаружилось, народ просто отошел метров на тридцать, к чахлым деревцам на отшибе, где у некогда красной, а ныне насквозь проржавевшей пожарной бочки криво торчал из слежавшейся

земли кое-как укомплектованный пожарный щит, а под ногами полным-полно валялось разнокалиберных окурков.

— Что такое, Андрюха? — Шурик хлопнул административного гения группы по спине.

Андрюха осторожно извлек плечи и голову из окошка. Лицо у него было таким растерянным и обиженным, словно он только что воочию убедился: Земля плоская, а Солнце и Луна приколочены к хрустальному своду дюралевыми гвоздями.

— Соляры нету, — похоронным тоном объяснил Андрюха. — А хоть бы и была, то только государственными машинам и только по талонам. За бабки — шиш.

— Как это? — не понял Шурик. — Что значит — нету?

— Эй, ребятки! — донеслось вдруг из окошка. — Вы что, из Финляндии, что ли? Не понимаете, как не может быть соляры? А что у нас, ептыть, есть вообще, а? Кроме любимой партии...

— Так! — нашелся Димыч. — Пойдемте-ка погугарим...

— Куда? — недовольно спросил Андрюха.

— Да вот... хоть в магазин. Жратву наша банда, поди, уже всю схарчила. Ну и курева своего вонючего небось прикупите.

— Да, кстати! — встрял подошедший Костя Ляшенко. — Я как раз хотел сходить. Вон какая-то лавка виднеется.

За куревом выдвинулась делегация человек в восемь, включая Кузьмича из пивного трейлера.

Над лавкой висела замызганная вывеска с уклончивым названием «Продовольственные товары». А товаров внутри было... В общем, остолбенели все.

Плавленные сырки такого вида, словно их грузили вилами, вековой твердости пряники и березовый сок в неряшливых и пыльных трехлитровых банках.

Больше в магазине не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Пустые полки и витрины. Пустые холодильные шкафы странного облика, к которым никак не подходило ласковое и щемящее понятие «ретро».

Толстая равнодушная тетка в застиранном белом халате, не поднимая головы, зло спросила:

— Ну, чего пялитесь? Будете что брать или как?

Ошарашенные гости из будущего нерешительно топтались у входа. Проходить боялись — может быть, из опасения исчезнуть вслед за исчезнувшими из лавки товарами. Ибо какой смысл держать такой торговый зал пустым? Одна аренда сожрет и перекроет любую выручку этой жуткой пародии на магазин.

— Нет, спасибо, — пробормотал Димыч и пулей вылетел наружу. За ним потянулись и остальные.

— На сколько еще хватит соляры? — мрачно осведомился Димыч когда вернулись к автомобилям.

— Ну, верст на пятьдесят — семьдесят, — пожал плечами Андрюха. — А у тебя, Кузьмич?

— Так же, — коротко ответил тот.

— Кассир посоветовал мне отъехать чуть дальше, встать за Кольцом и постопить бензовозы. Сказал, их там много с нефтебазы шастает. И за червонец зальют баки доверху.

— Так поехали! — решительно заявил Шурик. — Давай, банда, в кубрик, время не ждет!

— Сменить на... — опять затянул было Данил, но Андрюха оборвал его одним-единственным жестом. Данил осекся на полуслове и покорно побрел в кубрик.

До Кольца было совсем недалеко — только успели отъехать от негостеприимной заправки и миновать негостеприимные «Продовольственные товары». Вдоль дороги незаметно встали угрюмые и безрадостные серые заборы, приземистые казематного вида строения высились за заборами. Андрюха приткнул «Десну» у бордюра за ближайшим же перекрестком, не забыв протянуться и оставить место для трейлера Кузьмича. Словно по заказу в сотне шагов от этого места на противоположной стороне улицы зеленел свежеокрашенный киоск с веселенькой надписью «ТАБАК» на жестяном карнизе. Пока Андрюха с Шуриком ожидали обещанные бензовозы, курильщики решили пополнить запасы отравы.

К киоску первыми подошли Данил, Костик и Малый.

Выбор курева оказался небогатый — шесть сортов. Все незнакомые. И если первое удивляло, то второму залетные гости из двадцать первого века не слишком удивились. В их родном времени новые сорта сигарет возникали чуть не каждую неделю, чтобы потом бесследно исчезнуть. Странно, что в продаже не оказалось ни одной старой почтенной марки вроде «Дуката». И импорта не оказалось — вездесущих «Camel» или «Winston». Имелись «Столичные» и «Фильтр» в совершенно незнакомых пачках, копеечные сигареты «Новость», бесфильтровые «Прима» и папиросы (судя по надписям) «Беломорканал» и «Волна»; последние три сорта — в грубых картонных пачках, каких никто сроду не видывал.

— Бдя, ну и выбор, — хмыкнул Данил. — Что рискнем?

— Я — «Фильтр», — решительно выпалил Костик и протянул в окошко десятку. — Пять пачек!

Стоил «Фильтр» сущие гроши — семьдесят копеек.

Остальной народ тоже полез за деньгами. Перспектива курить незнакомое почему-то никого не испугала — наоборот, хотелось экзотики, древности, чтоб потом можно было обронить ворчащему деду: «Фильтр»? Да курил я ваш «Фильтр», гадость редкая...»

Не тут-то было.

— Что это ты мне даешь? — возмутилась тетка-продавщица. — Деньги давай!

Костик озадаченно взял назад свою десятку и устался на нее.

Десятка как десятка. Портрет государя императора, Сенатская площадь... На обороте — двуглавый орел, все как положено.

— А это разве не деньги? — осторожно спросил он.

— Ты б еще керенки принес! — фыркнула тетка презрительно. — Напьются и хулиганят! Управы на вас нету, ироды!

— Так! — насторожился Данил. — Я гляжу, у Димыча с Андрюхой тоже проблемы!

Все обернулись. Упомянутые двое бурно общались с водилой так отловленного бензовоза. Что-то у них явно не ладилось.

— Ну-ка, пошли все! — скомандовал Данил.

Толпа неудовлетворенных курильщиков послушно последовала за ним. Но пока дошли, водила бензовоза успел запрыгнуть в кабину своего уродца и укатить вдоль по улице, гремя цепью.

— Что такое? — спросил Данил у Андрюхи с Димычем.

Андрюха нервно развел руками:

— Да бабки наши ему не понравились...

— Во-во! И тетка-табачница не взяла!

Подошел хмурый Федяшин. Димыч мрачно взглянул на него и изрек сквозь зубы:

— Ну, что? Ты уже догадался, что происходит?

— Почти, — хмуро подтвердил тот.

— А что происходит? — заинтересовался Андрюха.

— А то, — пояснил Димыч. — Это семьдесят девятый год, но не наш. Это какая-то другая ветка истории. Здесь все не так, как у нас. Другие деньги. Другие машины. Лозунги вон какие-то дурацкие...

Все невольно поглядели на ближайшую угрюмо-серую пятиэтажку, увенчанную безыскусными рябыми буквами, складывающимися в короткую и абсолютно ничего не говорящую надпись: «Слава КПСС».

— Что еще за ветка? — не понял Костик.

— Ветка истории. В этом мире, к примеру, в Первой мировой победила не Россия, а Германия с Англией. И пошло-поехало...

— А у нас в Первой мировой победила Россия?

Димыч с досады фыркнул:

— Ты в гимназии вообще не учился, что ли?

— Да я историю вечно прогуливал, — беспечно признался Костик. — У нас такая мымра училка была...

Вмешался Андрюха:

— Это все, конечно, безумно интересно... Да только время идет.

— А что время, — меланхолично заметил Федяшин. — Время нам теперь до задницы. Если это другая ветка, вряд ли здесь в те же сроки и в том же месте пройдет русский Вудсток.

Эта простая и разящая наповал мысль потрясла всех проспектовцев, кроме разве что Димыча, который и сам дошел до аналогичной мысли.

Последний месяц они жили этим фестивалем. Они уже не мыслили себя без него, и вдруг — все рухнуло словно карточный домик. В одночасье.

— Бабки местные все равно нужны, — вздохнул Федяшин. — Заправиться и вернуться в точку перехода. Надеюсь, назад мы попадем в свою ветку... Что-то я не учел. Помимо перехода во времени и пространстве, видимо, происходит и вероятностный сдвиг, и мы проваливаемся в параллельный мир. Не из-за этого ли...

Шурик вдруг умолк, задумчиво поскреб макушку, а потом с невнятным «я сейчас» отбыл в сторону «Десны», где немедленно сунулся в кубрик, надо понимать — в свой потаенный угол, к ноутбуку и любимому талмуду.

— Е-мое, — протянул Малый, наконец-то впечатлившись. — Параллельный мир! Охренеть можно.

— Да хоть перпендикулярный, — буркнул в сердцах Димыч. — Главное — он чужой. Совсем чужой. Точнее, мы здесь чужие.

9. Perpendicular (1996)

— Ладно, не паникуйте. — Андрюха уже взял себя в руки. — Продадим чего-нибудь. У Шурика всякого барахла по загошникам валом. Мартышку какую-нибудь загоним, динамик... Пульта вроде менять собирались. Я бы бас свой скинул, какие проблемы?

— Надо еще местных музыкантов отыскать, — задумчиво протянул Малый. — Думаешь, успеем?

— И как бы дорожки те несчастные нам на хвост не сели... — добавил Димыч.

— Точно! Надо бы поспокойнее место под стоянку найти! А ну, по коням, да поживее мне!

Через какие-то четверть часа был обнаружен глухой тупиковый дворик. «Десна» первой сунулась во дворы, на разведку, и преуспела в поисках тихого угла довольно быстро, а за оставшимся на дороге пивным трейлером Димыч и Андрюха вернулись пешком.

На улице у обычного в этом мире небольшого ларечка толпился народ, причем почти исключительно мужчины. Чем торговали, было не разобрать, но многие стояли со стеклянными банками, пластиковыми канистрами и прочими емкостями объемом от литра до десяти. У самого ларька шла вялая грызня и толкотня.

— Чтоб я сдох... — пробормотал Андрюха и принялся.

В сторонке, в тени у низкой ограды палисадничка, несколько блаженно шурящихся счастливых пили...

Ну конечно же пиво! Им и пахло — дрянным разливным пивом.

— А у нас целый трейлер, — мгновенно схватил суть Димыч. — Загоним десяток ящиков — вот и бабки! Во толпа какая!

— Точно! — У Андрюхи загорелись глаза. — Только нужно узнать, почему здесь пол-литровая банка! Вон магазин на углу, пошли мотнемся!

Несложная мысль о том, что будь в магазине баночное пиво, то либо здесь не создалась бы толпа, либо там собралась бы такая же, просто не пришла им в головы. Андрюха с Димычем без промедления зашагали в сторону магазина.

Но в перпендикулярном мире все было не так. Во-первых, и эта, с позволения сказать, продуктовая лавка ассорти-

ментом не блистала. Больше всего музыкантов поразил

брикет мороженой рыбы, в котором угадывались отдельные тушки, хвосты и головы. Головы смотрели из толщи брикета сурово и вместе с тем печально.

Димыч интуитивно направился к отделу, где на полках красовались уже знакомые банки с березовым соком. Кроме того, из ценника явствовало, что за десять копеек возможно испить молочного коктейля.

— Скажите, сударыня, а пиво сколько стоит? — учтиво спросил Димыч. Андрюха Шевцов безмолвно вырос у него за плечом, но и молчаливая поддержка друга дорогого стоила: суровая тетка, которую Димыч назвал сударыней, поглядела на них так, будто оба только что, не отмыв смолу, вознеслись в мир из ада и стоят сейчас все в шерсти, галантно перебросив хвосты через согнутые в локте левые руки.

— Нет пива! — буркнула тетка. — На улице в разлив...

— А если бы было, сколько бы стоила банка... или бутылка? Мы, видите ли, приезжие...

— Да уж вижу, что не местные! — все так же неприветливо фыркнула тетка. — Смотря какое. «Жигулевское» — пятьдесят две копейки. «Ячменный колос» — пятьдесят пять.

— Огромное вам спасибо! — сердечно поблагодарил Димыч, слегка поклонился и принялся отступать к выходу, невольно оттесняя туда же и Андрюху.

Так они и покинули странный магазин, где ничем не торговали, — пятась как раки.

— Короче, по полтиннику будем торговать. Скинем сотни две банок — на топливо хватит!

Спустя пять минут Димыч осознал, насколько он заблуждался. Нет, пиво пошло на ура, тем более что гости из двадцать первого века, изыскав решимость, подошли к очереди с открытыми банками в руках как раз в момент, когда вождеденное окошко закрылось и за мутным стеклом образовалась белая с черной надписью табличка: «Пива нет». Поэтому очередь охотно переметнулась к трейлеру, как только выяснила, что в банках именно пиво, да еще явно повыше качеством, чем в разлив...

В общем, кормовой отсек трейлера опустел за четверть часа. Сорок два полных ящика и россыпь, оставшаяся от набегов из «Десны», ухнули без следа. Димыч удовлетворенно складировал в сумочку-напузник местные купюры — смешные, незнакомые, без родимого двуглавого орла и с профилем незнакомого бородатенького индивида вместо привычного лица государя

императора анфас. На купюрах меньше десятки портрета не было: пятерку украшали легко узнаваемые кремлевские башни, только почему-то с пятиконечными звездами на шпилях. Кроме того, находились сюрреалистические зеленые бумажки достоинством в три рубля — не два, а три! Ну и, естественно, рубли. Правильного, кстати, цвета, но вида, понятно, незнакомого. Мелочь тоже была со странностями: например, самые мелкие монетки — копейка, две, три и пять были желтыми. А покрупнее, до рубля включительно, — белыми. Парадокс...

Особенно Димыча впечатлил юбилейный металлический рубль с фигуркой все того же бородатенького индивида, простершего руку, и второй, явно изображающий какой-то памятник в виде громилы с мечом в одной руке и маленькой девочкой в другой. Монеты были увесистые, большие — только очень довольный собой режим мог чеканить такие блямбы для свободного обращения.

В общем, с трудом, но все-таки справившись с возмущением очереди, желавшей еще невиданного здесь пива «Янтарь», откочевали в тихий дворик, а потом заманили туда же бензовоз и залились топливом под завязку. Да и вопрос, куда ехать, решился неожиданно просто и скоро: Малый встретил у соседнего дома двух волосатиков с гитарой в кофре и мимо пройти, конечно же, не смог. Спустя десять минут Малый, Данил, Костик, оба волосатика и почти все болельщики сидели в кубрике «Десны» и курили какую-то дрянь. А Димыч с Андрюхой внимательнейшим образом изучали местную карту, пожертвованную волосатиками, где жирным крестом был отмечен небольшой подмосковный городок Можайск. Именно там нынешним вечером стартовал какой-то полуподпольный рок-фестиваль. А точнее, даже не в самом Можайске, а где-то под ним. Волосатики сказали, что ближе к месту подскажут, как ехать: оба уже бывали там на концертах.

И еще Димыч почему-то запомнил, что на месте Твери в этом мире находится город Калинин.

10. Come Taste The Band (1975)

Доехали быстро и на удивление спокойно. Местная автоинспекция, к великой радости Димыча, Андрюхи и Шуры, на короткий автопоезд внимания более не обращала, а остальным было все равно: обкурились до полуобморочного состояния и легли в кубрике. Андрюха поворчал было, но в

конце концов счел, что пассажиры, впавшие в лежку, лучше пассажиров буйных.

— Фиг с ними, доеду без подмены, — сказал он. — А все как раз воспрянут аккурат к установке аппарата.

— Пра-ально! — поддержал Федяшин, перебравшийся в кабину. — Ты газку-то поддай — тащимся, как «Руссо-Балт» сорок девятого года по беломорской гати...

Андрюха немного поддал — насколько позволяла дорога.

Волосатики-аборигены заодно научили, где и как при местной скудости следует закупаться съестным — закупились еще на выезде из Смоленска. Провизия была, мягко говоря, странной, и в другое время никто из проспектовцев и свиты на такое не позарился бы и в сильном поддании, но треволнения перехода да некоторый налет экзотики в итоге примирили с необходимостью намазывать бурюю консистенцию, именуемую «икра кабачковая», на хлеб и вкушать кильки в томате, состоящие, казалось, из сплошных хвостов и глазастых голов. У килек взгляд был не менее печален, чем у недавней рыбы в замороженном брикете. Видимо, печальный рыбий взор был неотъемлемой приметой этого мира и вообще этой эпохи, наравне с бородатым индивидом, чей лик украшал здесь все и вся: от купюр и монет до придорожных щитов и барельефов.

Музыки по радио тут не было как класса: между новостями, от которых сводило скулы и мутилось в сознании, передавали либо что-то посконно-народное, либо что-то совершенно несъедобное и по интонациям — жутко патриотическое, либо классику. Путь коротали в досужем трепе. Тот факт, что все ездоки на рус-Вудсток находятся в чужом времени да еще вдобавок в совершенно чужом мире, уже вроде и не удивлял: привыкли. Удивлялка переполнилась и отрубилась.

— Я представляю, как мы здесь всех уберем, если у них такая музыка — заметил Димыч перед тем, как окончательно выключить радио.

Заодно в который раз обсудили примерный порядок песен. Федяшин торопливо дописывал скрипты обещанного лазерно-светового шоу. В общем, глазом не успели моргнуть, как в окошечко забарабанили из кубрика.

— Ща налево поворот нарисуетса! — сообщил один из волосатиков-аборигенов. Рожа его вельми измята и припухша была. Туда и рули!

Приехали в сущее село вместо чинного уездного городка. По улицам бродили куры и козы, а кое-где и ко-

ровы. Подъехали к заросшему бурьяном и крапивой стадиончику, рядом с которым смутно возвышались какие-то жуткие развалины. Оказалось, это никакие не развалины, а местный клуб, гордо именуемый малологичным словосочетанием «Дом культуры». А остальные дома что — рассадник бескультурья, получается? Проспектовцы отчаялись понять здешнюю логику. Просто мирились с неизбежностью.

— Однако местный Вудсток обставили с нужной помпой! — заметил долговязый и рыжий Костик Ляшенко, выпрыгнув из «Десны» и немедленно вляпавшись в коровью лепешку. — Село еще то, м-мать!

И принялся оттирать подошву о траву.

Все окрестные кусты и заросли в округе кишели духовными братьями волосатиков-попутчиков. Царство клешей, бисера и портвейна. Странно, но у развалин (пардон: Дома культуры!) практически не скопилось автомобилей. Вся эта гопа добиралась автостопом или электричкой. Как организаторы привезли аппарат — проспектовцы вообще не представляли. И что самое странное — концерт предполагалось проводить в этом самом Доме. В его обшарпанном до сердечных судорог зале с убитыми деревянными кресельцами. Когда Димыч с Андрюхой сунулись в зал к оргкомитету мероприятия, почему-то названного заморским словом «сейшн», сердца их и вправду дрогнули. На сцене как раз устанавливали аппарат. Старомодный с виду и явно более чем наполовину самопальный.

Недобрый это был мир...

Тем не менее в зале царило бодрое оживление, кто-то кем-то командовал, кто-то таскал колонки, кто-то путался в проводах, кто-то деловито цокал в фонащий микрофон; многие толпились у сцены. Происходил обычный в таких случаях «обмер шворцов»: музыканты показывали друг другу инструменты, выслушивали мнения и высказывали мнения. Димыч с Андрюхой решили, что происходит это чуточку с большей ревностью, нежели они привыкли. Зашедший следом Игорь Коваленко, понятное дело, сунулся смотреть кухню. После осмотра он натурально вспотел и заявил, что за эти дрова не сядет ни за какие блага жизни. На что его снисходительно спросили со сцены:

— А у тебя что, «Тама» или «Премьер»?

Игорь фыркнул в ответ:

— Позарюсь я на это говно заграничное, как же! У меня четвертый «Урал» в российской комплектации плюс брянское железо.

Ответом ему было дружное ржание и вопрос:

— А у гитариста вашего тоже «Урал»?

Димыч не стал уточнять, что в привычных им местах «Урал» не делает гитар. Просто сообщил:

— У меня — «Тверь-поток», у Малого — четырехребешковая «Суздаль».

Тот факт, что каждый ребешок-звукосниматель Малого стоит, пожалуй, поболее всего в данный момент находящегося на сцене аппарата, Димыч опять же не стал высказывать вслух. В конце концов, они с Малым тоже не с «Твери» и «Суздали» начинали...

На сем дискуссия и заглохла, хотя Димыч видел искривленные в гримасе губы Андрюхи при виде явно самопального корпуса двойной пишалки, на которую неведомый рукодел заботливо приладил самопальную же нашлепку «Marshall». Нашли что лепить!

К идее перенести концерт на улицу организаторы отнеслись более чем прохладно. Не возымели последствий даже клятвенные уверения, что аппарат «Проспекта Мира» по мощности позволит заглушить даже старт «Союза» и «Аполлона» вместе взятых (эта реальность знала и «Союз», и «Аполлон» — проспектовцы по пути успели углядеть у кого-то из аборигенов одноименную пачку сигарет). В общем, удалось договориться, что в перерыве, когда народ выползет подышать воздухом и покурить, «Проспекту Мира» дадут сыграть пару песен.

На том, как говорится, и покалили сrostень. Ни один визитер из будущего ни секунды не сомневался: вышедший подышать и покурить народ назад уже не зайдет. К тому же именно в антракте решили начать халявную раздачу пива.

И отправились проспектовцы разворачивать свой аппарат. Хороший аппарат, российский, без пошлых нашлепок «Peavey» или «Roland».

Шура Федяшин уже успел выяснить, куда тянуть силовой кабель и куда подключаться. Пашка Садов и Муромец с двумя дружками, имен которых Димыч не знал, Федяшину помогали.

Развернуть «Десну» в походно-сценическое состояние было делом нетрудным, тут требовалась не столько физическая сила, сколько знание последовательности операций. Поэтому управились много раньше, чем народ в зале. А уровни всей системы Федяшин привычно выставил по датчикам — сколько раз «Проспект Мира» убеждался, что поправлять ничего особо не придется.

В общем, уже через час команда из будущего все завершила, трейлер с пивом был поставлен позади десносцены, внеся сумбур и урон в ряды стадионных сорняков, а проспектовцы с болелами и добровольно примкнувшими на дармовой «Янтаре» аборигенами смогли почить на травке с банками в руках.

— Черт меня подери, — пробормотал Димыч после первого глотка. — Именно так я себе и представлял русский Вудсток!

11. In Rock (1970)

До начала концерта ничего особо интересного не произошло. Подошел лохматый парень из оргкомитета и хмуро переспросил, как группу именовать и какой город она представляет. Услышав название маленького южного городка, парень скептически скривился и убрался восвояси. На небольшие по размеру стенки «Неман» он лишь мельком скосил взгляд, а вот две бочки Игорехиной кухни явно привлекли его внимание. В целом передвижная сцена проспектовцев куда выглядела почти пустой.

Перед выступлением никто не злоупотреблял веселящим, даже не слишком подверженные дисциплине Малый с Данилом. Пашка-клавишник ковырялся у своих четырех панелей, одна из которых была все той же старой заслуженной «Шексной». Костик и Данил тихо распевались, хотя до их выхода было еще далеко: часа три, не меньше, предстояло провести в душном зале «Дома культуры». Федяшин чего-то, как всегда, допаивал и довинчивал, Малый с Димычем и Андрюхой лениво болтали. Болельщики и аборигены разбрелись, поскольку дармовой «Янтаре» временно иссяк, но зато они унесли и широко распространили благую весть, что в перерыве, когда «эти психи начнут валить на улице», всем желающим будет выкачено вдоволь пива.

Потом лагерь «Проспекта Мира» почтили визитом два местных мэтра. Первый, кучерявый брюнет по имени Андрей, гитарист и поэт, вел себя добродушно и приветливо. С ним за милую душу поболтали, посулили удивительное световое представление в сумерках. Расстались, пообещав обязательно прослушать их группу. Второй, длинноволосый мрачноватый субъект с повадками педика, вел себя заносчиво и нагло. Его вежливо отбрили, после чего на проспектовцев налетела возмущенная дива вся в бисере и с горящими очами. Диве показалось, что «какие-

то сраные провинциалы вели себя непочтительно по отношению к гению из самого Питера». Диву тоже отбрили, и тоже вежливо.

Ну а там и начало подоспело.

Оставили на часах Кузьмича и направились в зал.

Поскольку фестиваль был полуподпольный и, как понял Димыч, идущий вразрез с линией властей, групп приехало не особо много, да и те большею частью по благу. Кучерявый Андрей и его команда выступали уже третьими. Играли они классно, даже при дохлой аппаратуре, а тексты и музыка очень запали в душу всем гостям из будущего. Зал завелся с пол-оборота, и скоро народ уже орал, скакал и пел вместе со всеми. Периодически приходилось прогонять со сцены разнообразных девиц. Федяшин, ясное дело, все писал на мини-диск, моментально снюхавшись с ребятами за пультом. Веселились довольно долго, причем проспектовцы единодушно решили, что Андрей и его ребята далеко пойдут при умелой раскрутке. Впрочем, и без раскрутки пойдут. В их песнях пульсировала сама жизнь, замысловатая и неоднозначная. Да и поэтом Андрей был далеко не последним на российских просторах любого из миров.

Потом на сцену вылезли люди гения из Питера и гений лично. Вот тут-то все крупно и обломались. Голос и манера петь у гения оказались (ожидаемо, впрочем) под стать ориентации, а тексты... Н-да. Вроде каждое отдельно слово — понятно. А все вместе — пустышка, прах. Оценка проспектовцев была единодушной: понты и отстой. Хотя часть местного народа торчала по полной программе. Но многие именно сейчас впервые поползли наружу — покурить и развеесться.

Вышли и проспектовцы. Снаружи сгущались летние сумерки, и цветные огоньки на сцене «Десны» казались случайно попавшими в этот тусклый мир осколками праздника.

Минут через двадцать объявили перерыв: гений утомился и пообещал продолжить после.

— Начнем, а? — сразу оживился Костик. — Обломаем ему малину!

— Начнем... — не стал возражать Андрюха. — Командуй, Димыч! Твое время настает.

Перед каждым концертом Андрюха традиционно передавал бразды правления Василевскому, как бы подчеркивая, что административная часть акции плавно перетекает в музыкальную. Димыч кивнул:

— Пошли. И скажи Кузьмичу, чтоб фургон откупорил. Но больше упаковки на рыло не давать — пусть еще раз подходят.

Федяшин уже подждал в глубине сцены с традиционной бутылкой водки на всех. Перед самым выходом, для куражу — незаменимое средство! Сразу начинает хотеться всех завести, взорвать тишину и добить музыкой до самых звезд.

— Ну, что? — справился Димыч, утерев губы и поправляя гитару. — Дадим джазу? Поехали с инструменталочки! «Смерть в ми-миноре»!

Пашка кивнул и переключил свои доски. Игорь для разгону пару раз бубухнул по бочкам. А потом дал палочками отчет.

И тишину разорвала мистическая гитара Димыча.

Он был прирожденным ритмарем. Не мог играть так быстро, как Малый, да и вообще, если уходил в соляки, то только в медленных вещах. И соляки у него были медленные, густые и тягучие, как добрая малага. Но если он начинал риффовый ритм — то держись. Его размеренные рычащие повторения завораживали, заволакивали сознание наркотической пеленой, и хотелось идти на эти звуки, как идут на дудочку крысолова всегда осторожные крысы. Казалось, Димыч играет не в одиночку — две, а то и три гитары звучат иногда в унисон, иногда в терцию, создавая то неповторимое чудо, что зовется рок-музыкой. Техасские бородачи во главе с Билли Гиббонсом явно приняли бы Димыча за своего.

Композиция разворачивалась; после агрессивного вступления пошло развитие. Зрители-слушатели валом валили из зала на звуки; и тут Шура взялся за свои лазеры.

Что-то, а по части световых феерий он был мастер.

Толпа застыла.

Лазеры чертили с вязком августовском воздухе причудливые мерцающие фигуры, осветители синхронно поворачивали жерла, клубами валил из раструбов сценический туман...

Действо началось.

Не давая народу передохнуть, за инструменталкой грянули «Ты — это я», совершенно убойный хит девяносто пятого года от «Системы плюс». Тут уж не стеснялся никто, ни сирена-Костик, ни математик-Малый, ни Пашка-клавишник, ни Игорь за своим свирепым рамным «Уралом». По сравнению с уже слышанными командами «Проспект Мира» звучал куда тяжелее, забористее и жестче, но вместе с тем отточеннее. И толпа начала заводиться.

12. Burn (1974)

Следующей выплеснули на слушателей «Обмен ненавистью», потом «Штиль».

Кажущаяся неторопливость вступления и размеренно спокойное начало «Штиля» позволили зрителям хлебнуть пивка и прийти в еще более хорошее расположение духа.

Я жду заблудившийся ветер,
Прижавшись к грот-мачте спиной.
На нашем пиратском корвете
Нежданно настал выходной, —

пел Костик еще не громко и не агрессивно под атональный перебор Димыча и Малого. Ритмично грохотали бочки под такой же ритмичный бас. Вкрадчиво фонили клавишные. А потом разом, словно с обрыва в пропасть, обрушили на толпу мощнейший и не раз проверенный драйв второй части куплета:

И море как зеркало чистое в полдень застыло,
Ушла к горизонту бескрайняя синяя гладь,
И солнце нещадное палубу нам опалило,
И нам остается лишь тщетно к Нептуну взывать.

А после тревожного и несколько щемящего куплета в четыре голоса вышли в торжествующий и столь же ритмичный припев:

Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
Над мачтой взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

«На абордаж!» приехавшие с «Проспектом Мира» болельщики проорали так дружно и так слаженно, что глаза загорелись даже у тех, кто начал слушать заезжих южан с откровенным скепсисом.

Второй куплет Костик и Данил пели вместе, умело чередуя голоса:

Я помню лихие походы,
Набеги, сраженья, бои,
И снова в плохую погоду
Заноют раненья мои.

Я с берега каждое утро с тоскою безумной
Смотрю на соленые брызги и пенный прибой,
Мне снятся фрегаты и шлюпы, корветы и шхуны,
И вкрадчивый шепот кильватерных струй за кормой.

На этот раз припев подтягивала уже добрая половина толпы, а «на abordаж» проорали так, что дрогнула земля.

Федяшин как раз смастерил над сценой призрачного «Веселого Роджера»; череп шерился, флаг слабо трепетал на несуществующем лазерном ветру.

А «Проспект Мира» продолжил первой, короткой перебивкой, разбавляющей размеренное течение длинной композиции:

Эй, капитан!
Эй, капитан.
Эй, капитан!

Короткая, напрашивающаяся каждой клеточкой музыкально души пауза, и ликующее, подхваченное сотнями глоток:

На абордааааж!!!

Настало время Малого: он с радостью показал, на что способен. Гитара стонала и выла, шумели на заднем плане волны, кричали чайки, звенела сталь.

Третий куплет снова пустили поспокойнее. Первую его половину:

Мне холодно что-то порою,
И руки немного дрожат,
Ведь годы над головою
Как белые чайки кружат.

А потом снова пошел драйв:

Но мне не забыть гром орудий и стон парусины,
Наполненной ветром, как кубок наполнен вином,
Оружия блеск и изгибы бортов бригаантины,
Что, встретив пиратов, встречается с каменным дном.

Припев пели хором. А вторая перебивка вообще ввела толпу в сущий экстаз:

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.
Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди.

На фоне перебивки припев уже казался достаточно спокойным. Но всеобщее «На бордаж!» снова всколыхнуло округу.

А следом, без остановки, Димыч свалился в короткий ритмический клинч: это означало, что прицепом пойдет и «Шторм». Обе песни игрались в одном ритме и тональности, но как одно целое их пускали не всегда из-за длины: каждая по шесть с лишним минут. Но тут сам бог велел: слушатели встречали на ура.

Ветер гремит в парусах,
И скрипят от усталости реи,
Море, огромное море нам песню поет.
Мы, победившие страх,
Мы в бою никого не жалеем.
Роджер Веселый диктует команду «Вперед!».

Это самое «Вперееееееед!» тянули опять в четыре голоса, даже обычно молчащий Андрюха примкнул к Малому, и в микрофон они выдохнули разом, щека к щеке.

Снова фирменные димычевские ритмические переходы и паузы, а потом припев:

Снова в бой! Никому,
Как обычно, не будет пощады.
Страшный бой. Обагрен
Жаркой кровью холодный клинок.
За собой нас ведет
Капитан, и медлить не надо,
Лишь успеть отвести
Нож врага и нажать на курок.

Лазеры сверкали и метались над подиумом. Клубился туман. Разноцветные световые лучи шевелились, как живые, бродили по сцене, ложились яркими пятнами под ноги музыкантам.

Пираты не помнят родства,
Стало домом соленое море,
А берег — лишь узкая пристань да шумный каба́к.
Краткий момент торжества,

Крепким ромом залитое горе,
И опять поднимаем над мачтой свой выцветший флаг.

Димыч кивнул Малому, и они сошлись посреди сцены, осветители скрестились на двух фигурах с гитарами. Это означало, что Костик и Данил могут перевести дух и промочить горло: вместо припева пойдет концертный соляк, которого в студийном варианте обычно нет.

Перед сценой творилось... черт знает что. Многие размахивали над головами снятыми майками, лес рук тянулся к сцене, хотя, спасибо, никто не решался пока на нее взобраться. В общем, все шло как надо.

Снова лихой абордаж.
И поется кровавая песня.
Есть ли у жизни пирата завтрашний день?
Воспоминаний багаж,
И от них не уйти, хоть ты тресни,
И Веселого Роджера черная-черная тень.

От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова, и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса и снасти.

Припев поставил в песне жирную точку.

13. Slaves And Masters (1990)

Позже выяснилось, что именно во время «Шторма» мэтр из Питера, вкусив портвейну, решил потопырить пальцы и направился продолжать свое выступление в зал. Надеялся небось, что народ потянется за ним.

Фигу: за мэтром последовали только несколько съехавших девиц. А петь для пустого зала любой бы обломался.

В общем, обиделся мэтр. Крепко обиделся. Но «Проспект Мира» этого не знал. А и знал бы — плюнул да растер.

Решили дать народу расслабиться на медлячке, затянули «Осень стучит в окно». Эту песню начинал Малый, под перебор. Продолжал Костик, а завершали все вместе. Зажигалок под медляки тут еще не жгли, но руками качали славно. Следом выдали «Замок на песке». Творение Костики Ляшенко.

Шурик устроил над зрителями лазерный дождь; по толпе скользило почти неразличимое пятно ультрафиолетового прожектора, заставляя белые, только белые! — одежды зрителей светиться на манер рекламных стоек над казино.

В уютном месте, в уголке
Я строил замок на песке,
Совсем не думая о том,
Что смоем первым же дождем.

Там, там дам приют своей мечте,
Забыв, что в жизни суете
Под ноги часто не глядят
И замок могут растоптать...

Костик дал отмашку Игорю — это означало, что ему нужно несколько секунд передышки, посему надо вклинить в песню аритмичную перебивку, после которой последует модуляция на тон.

Сюда однажды я приду
И лишь развалины найду.
Крутом следы, следы, следы...
Где ж вы, плоды моей мечты?

В этом месте Федяшин всегда врубал хорус, и создавалось полное впечатление, что поет сотня Костиков, а подпекает сотня Данилов:

Куда ты смотришь, человек?
Скорей, скорей, уйми свой бег.
Под ноги лучше посмотри
Любить, мечтать, не разучись.

И — с еще большим драйвом и акцентом:

Чтоб равнодушию не дать
С твоей душою совладать,
Чтоб не угас огонь желаний,
Не превратилось сердце в камень!

Настало время неторопливого, густого соляка Димыча. Малый оттенял. Звучало неповторимо...

Зрители стонали в сотни голосов. Казалось, вели сейчас Костик всем умереть — послушались бы не раздумывая.

Неповторимое ощущение — понять его может только тот, кто сам хотя бы раз стоял в полутьме сцены перед залом или стадионом и видел сотни горящих глаз, обращенных к тебе.

Сыграли еще «Законы толпы», «Терминатор (Граница света и тьмы)», «Ветер защиты», «Перегрузку», «Держись, Москва», «Двенадцать», «Законы подъездов»...

А потом и светать начало. Зрители обессилели. Музыканты тоже. И был объявлен перерыв — реально первый со вчерашнего вечера.

Димыч, сняв гитару с ноющего плеча и залпом заглотив банку «Янтаря», почувствовал, что зверски хочет спать. Андрюха и Костик выглядели не лучше. Бедняга Игорь, чья судьба была наиболее тяжелой в физическом плане, весь лоснился от пота, а майка его давно улетела в зал.

Последовала массированная атака местных музыкантов. Вопросов было не счесть: что за аппарат? Где брали? Почему? Не продается ли?

Проспектовцы вяло отмахивались: потом, потом, пива охота, лежать охота... Все потом...

Как-то отбились.

Димыч еле добрал до закутка с топчаном, рухнул и отключился.

14. Abandon (1998)

Разбудил его Шурик, теребя за плечо. В узкие вертикальные щели между стойками и драпировкой ломилось яростное летнее солнце.

— Эй! Вставай-ка!

— А? — вскинулся Димыч.

Проспал он немного, всего несколько часов, но, как всегда после концерта, это здорово восстановило силы.

За плечом Федяшина, который Василевского разбудил, стоял озабоченный Андрюха. Выражение Андрюхиного лица Димычу сразу не понравилось: по всей вероятности, предвиделись какие-то административные трудности.

— Что такое? — спросил Димыч, шурясь на свет.

— Жопа, братец. Мне тут хорошие люди нашептали, что гений из Питера в припадке ревности куда-то сдул.

И посоветовали сниматься отсюда подобру-поздорову, пока худого не стряслось. Я почему-то склонен к этому прислушаться.

— Так что, второй части не будет? — огорчился Димыч. Вчерашний слушатель ему понравился: оттягивалась толпа на славу.

— Не будет, братуха. Мы уже половину аппарата свернули. Пошли заканчивать.

Не подчиниться Андрюхе Василевский не мог. Его епархией оставалась исключительно музыкально-теоретическая часть.

Снаружи было на удивление пустынно; из «Дома культуры» доносилось ритмичное треньканье. То ли кто-то выступал, то ли настраивался. И народу было совсем мало: небось дрыхли все по кустам. Парочками и группами. Группа поддержки проспектовцев в полном составе находилась перед десно-сценой. Что-что, а построить болельщиков Андрюха мог без излишнего напряжения. Поэтому свернулись достаточно быстро. И выехали почти по-английски. Почти — потому что попрощаться пришли кучерявый Андрей со своей группой да несколько парней из других команд. И Димыч сразу понял, кто были те самые «добрые люди», предупредившие Шевцова о грядущих кознях питерского гения.

— Знаете, ребята, — задумчиво сказал напоследок Андрей. — Такое впечатление, что вы приехали к нам из завтрашнего дня. И что ваш завтрашний день куда светлее нашего, сегодняшнего.

— Ну, — вздохнул Димыч. — Если начистоту, то так оно и есть. Только не рассказывай никому, ладно?

Димыч умолк, переглянулся с Шевцовым и Федяшиным, а потом добавил:

— А впрочем, можешь рассказывать. Все равно никто не поверит. Да и ты скорее всего не веришь.

— Я — верю, — ответил Андрей серьезно.

Пива в трейлере оставили всего ничего — чтоб только на дорогу хватило. Остальное сгрузили, на радость группе Андрея и немногим примкнувшим хорошим людям.

Пожали на прощание руки. Расселись.

— Ну что? Прощай, русский Вудсток? — спросил Андрюха, жужжа стартером. — Ничего кроме банальщины на ум не приходит.

— Погоди, — спохватился Димыч. — Я сейчас.

Он метнулся в кубрик, схватил чехол с гитарой и приблизился к Андрею.

— Возьми, — сказал Димыч, протягивая инструмент. — Тебе она нужнее. «Тверь-поток», восьмая модель. Примочка и шнуры там, внутри. Шнуры хорошие, с золочеными джеками. Да и примочка не фуфло, реальный «Шторм».

И, не дожидаясь ответных слов, вернулся в кабину.

— Вот теперь прощай, русский Вудсток! — вздохнул он, хлопая дверцей. — Пусть банальщина, зато правда.

«Десна» и пивной трейлер заурчали двигателями и медленно тронулись.

15. The House of Blue Light (1987)

Обратная дорога запомнилась как-то смутно — всем, не только Димычу. Рулил опять Андрюха, поскольку остальные умельцы после выступления хорошо поддали. Да и встреча с местными дорожниками все еще оставалась вероятной, а административные проблемы Андрюха привык решать сам. Димыч периодически задремывал, потом просыпался, скидывал голову. Навстречу тянулась и тянулась паршивая дорога в непривычной пустоте обочин. Шурик возился с ноутбуком, вычислял точку возвращения, которая, как он сказал, перемещалась, не стояла на месте.

Пару раз останавливались на окраинах городов и городков, дабы пополнить запасы того, что местные называли продуктами. Хорошо хоть за пивом в обычных для этого мира очередях убиваться не приходилось, а отсутствие воды при наличии пива переносилось удивительно легко.

Концертная эйфория постепенно сменялась мыслью «скорее бы домой».

Домой.

Слово, которое начинаешь ценить, только когда посчитаешь какое-то время, проживешь в стороне от любимой койки, любимой кухни, любимой комнаты, любимого компьютера... Почты небось навалило нечитаной...

Дорожники однажды все-таки остановили их. Почему-то не спросили права, только путевой лист. Вопрос решился несколькими красноватыми купюрами с профилем бородатенького индивида — Андрюха обладал завидным даром убеждения, да и инспектор не слишком сопротивлялся. Похоже, он также предпочел свалить бремя разбирательств на кого-нибудь из коллег далее по трассе.

А вскоре Шурик Федяшин велел сворачивать на пыльную колею меж полей и минуты через три притормозить у жиденькой и столь же пыльной полоски деревьев. До перехода, по словам Шурика, оставалось часов семь. Кто не отоспался — немедленно завалился в кубрике, а те, кто успел, расселись на брезенте с краю поля за бутылочкой-другой. Разговоров было и о выступлении, и о странном семьдесят девятом годе неведомой реальности, и не только. И о звездах, точно таких же, как и в родном и привычном мире.

В предрассветных сумерках Федяшин указал направление; два грузовика вторично за последние двое суток медленно двинулись по полю, быстро влипнув в уже знакомый лиловый туман, очень похожий на подсвеченный сценический дым. А потом сразу настал вечер.

У Андрюхи запиликал мобильник в кармане, возвещая о пришедших сообщениях. Чуть впереди, между заправкой «Тюменьтопливо» и дорожной лавкой «Елисеев и сыновья», виднелась привычного облика трасса, по которой проносились привычного облика машины, а несколько в стороне возвышалась ажурная вышка «Российских систем дальней связи», увенчанная полутораметровой чашей спутниковой антенны. Пестик с шаровидным набалдашником, напоминающим трость, целился в ущербный полудиск Луны, что зависла меж туч в темно-голубом небе.

— Хм! — сказал Андрюха и нарочито неторопливо переложил остатки нездешних денег в нагрудный карман.

— Дома, — не замедлил расплыться в улыбке Димыч. — Как я рад, шоб я был здоров!

— Готово! — удовлетворенно провозгласил Федяшин и звонко щелкнул клавишей «Ввод». — Мы отсутствовали в своем времени... и пространстве, как оказалось, сорок семь часов и двенадцать минут с секундами. Все по расчетам.

Народ в кубрике воодушевленно отплясывал «Сударыню».

«Черт возьми! — только сейчас позволил себе сформулировать Димыч. — Я боялся об этом думать. Боялся, что мы потеемся в чужом и неприятном мире. Наверное, не только я этого боялся».

А вслух сказал:

— Спасибо, Шурик, за то, что ты не ошибся. Трогай, Андрюха. Пора домой.

— Так ведь мы уже дома, — отозвался басист, улыбаясь от уха до уха. — И это главное.

16. The Battle Rages On (1993)

В ближайшие три года «Прспект Мира» выпустил и благополучно продал одиннадцать альбомов, мгновенно ставших платиновыми. Второй, четвертый, восьмой и одиннадцатый были чисто их альбомами. Остальные — переосмысленным материалом записей с русского Вудстока в какой-то из параллельных реальностей. Конечно, причиной мгновенного успеха послужил дебютный альбом-бомба под названием «Рок из-за барьера»; а песни «Поворот», «Все очень просто», «Скачки» и «Кого ты хотел удивить?» держались в голове практически всех хит-парадов около семидесяти недель. Музыкальные критики долго пытались выяснить, кто же реально кроется под никому не известным псевдонимом «Андрей Макаревич», какой известный поэт, какой маститый композитор и какой модный аранжировщик?

Тщетно.

Вполне успешными оказались и многие другие песни с других альбомов «Воскресенье», «По дороге разочарований», «Ночная птица», «Забывтую песню несет ветерок», «Лилипуты-1» и «Лилипуты-2».

Но спустя три года «Прспект Мира» распался. Возможно, потому, что собственные их песни хоть и имели успех, но не такой оглушительный. Возможно, потому, что проспектовцы немного повзрослели. Возможно, потому, что Димыч Василевский все меньше стал уделять внимания музыке и все больше — любимой фантастике. Песни «Прспекта Мира» крутят по радио и сейчас, диски продаются и поныне, а клипов они никогда не снимали.

Прошли годы. Много. Пятнадцать. Или даже двадцать. По-разному сложилась судьба бывших проспектовцев. Как ни странно, миллионером ни один из них не стал — вероятнее всего из-за того, что каждый отчетливо сознавал истинную причину успеха «Прспекта Мира».

Андрей Шевцов, басист и администратор, успел отсидеть в тюрьме пять лет за экономическое преступление, которого не совершал. Жена дождалась его, и теперь он счастливый муж и не менее счастливый отец, удачливый предприниматель, хозяин собственного дела. Живет в родном городе.

Константин Ляшенко, вокалист, уверовал в Бога, выгнал шалаву жену, воспитал двоих сыновей, которых не отдал матери. И сегодня поет в хоре одной из небольших

церквей родного города. К сожалению, с ним стало попросту не о чем разговаривать помимо веры, и поэтому бывшие коллеги видятся с ним очень редко.

Данил Сергеев, вокалист, женился и переехал в соседний город, где также занялся предпринимательством. Не столь успешно, как Шевцов, но в общем на жизнь не жалуется. Когда ему бывает совсем тяжело или тоскливо, он берет телефон, набирает номер... и Шевцов сотоварищи тогда хватают такси и чуть не среди ночи приезжают к нему, чтобы вытащить куда-нибудь в бильярдную или питейное заведение.

Вадим Орликов, он же Малый, гитарист, не устоял перед алкоголем и наркотиками, которые сгубили его на шестой год после рус-Вудстока. По распаду группы он нигде не работал и ничем определенным до самой смерти не занимался.

Игорь Коваленко, барабанщик, единственный, кто продолжает жить музыкой. Последнее время он сотрудничал с в общем посредственной группой «ХАОС», отвергая предложения куда более именитых коллективов. Вероятно, ему нравится. Выглядит он счастливым.

Павел Садов, клавишник, одно время был связан с кришнаитами, а потом просто пропал. Говорят, он устроился столяром в крохотную мастерскую где-то на окраине родного города. Говорят, в какой-то момент он почувствовал непреодолимую тягу создавать вещи своими руками. Говорят... Но это ведь тоже своего рода счастье и творчество.

Александр Федяшин, инженер, быстро стал большим и важным человеком. Его чуть ли не мгновенно по возвращению из чужого прошлого подгрести под себя какие-то секретные военные ведомства, связанные с научными разработками. Теперь увидеть его невозможно, возможно только переписываться через сеть. Впрочем, отвечает Федяшин редко, что свидетельствует: без работы он не сидит. Местоположение Федяшина, разумеется, неизвестно, и установить его не удастся никакими ухищрениями.

Ну а Дмитрий Василевский окончательно ушел в фантастику. Пишет книги. Много уже написал — не то двадцать с чем-то, не то тридцать с чем-то. Но иногда решается потрянуть стариной и берет в руки гитару — по крайней мере два сольных альбома он выпустил. Переехал в Москву, хотя в родном городе бывает довольно часто. Однажды встретил в салоне мобильной связи Андрея Шевцова и с тех пор именно с ним видится чаще остальных. Участвовал в выездах в сосед-

ний город к Данилу. Как-то во время дружеской посиделки пообещал друзьям и коллегам описать все, что произошло пятнадцать или даже двадцать лет назад, описать честно и без прикрас. Ему можно — он ведь фантаст.

Совершенно точно можно сказать: никто из бывших проспектовцев ни капельки не жалеет о той в высшей степени необычной поездке. И вряд ли пожалеет в будущем. Именно о таких людях потом говорят: он жил не зря.

А это не всякому удастся.

*Март — май 2002 г.
Москва, Соколиная Гора*

Владимир Васильев, Александр Громов АНТАРКТИДА ONLINE

«...По-прежнему в центре внимания мировой общественности, в особенности научных и политических кругов, остается необъяснимое мгновенное перемещение антарктического континента в центральную часть Тихого океана. На международном геофизическом симпозиуме в Лозанне ведущие специалисты пятидесяти семи стран констатировали отсутствие сколько-нибудь убедительных гипотез, способных объяснить данный феномен. Доктор Огастес Браун из Кембриджского университета выступил с заявлением, расцененным большинством участников симпозиума как скандальное: «В настоящее время мы столь же далеки от раскрытия этой тайны, как и шесть месяцев назад. По-видимому, оставаясь в рамках научного метода, мы никогда не сможем объяснить внезапный «прыжок» Антарктиды. Речь идет о границах человеческого познания... Я намерен задать вам, дорогие коллеги, прямой и честный вопрос в надежде получить столь же прямой и честный ответ: должны ли мы предпринимать дальнейшие попытки отворить лбом запертую дверь? Не следует ли нам принять свершившееся как данность, ни в малейшей степени не зависящую от нас и необъяснимую при помощи наших мысленных усилий? Никто ведь не спрашивает, отчего летает Лапута, — она просто летает...» Выступление доктора Брауна неоднократно прерывалось неподобающими выкриками с мест и даже даже свистом...»

Рейтер, 17 августа 200... года

Глава 1

РОКИРОВКА

Автопилот взбесился как раз в ту минуту, когда стюардесса Жаннет Пирсон внесла в пилотскую кабину поднос с двумя чашечками дымящегося кофе, двумя сэндвичами с ветчиной, предназначенными командиру корабля, и одним чизбургером для второго пилота, не любившего ветчины. В-767 заложил глубокий вираж. С точки зрения пассажиров, он повалился на правое крыло столь стремительно, словно это самое крыло вдруг обломилось под корень и улетело прочь.

Однако обе плоскости оставались на своих законных местах, двигатели также не выключались, и ничто не свидетельствовало об отказе системы управления. До последней секунды полет проходил штатно. Ни облачка, ни нарождающегося циклона, ни бродячей зоны турбулентции. Ближайший грозовой фронт проходит столь далеко, что о нем можно забыть. Видимость — миллион на миллион. С высоты девяти с половиной тысяч метров желто-зеленые атоллы архипелага Тувалу четко вырисовывались в густом ультрамарине Тихого океана. Несколько минут назад была пересечена линия перемены дат, и пассажиры чартерного рейса Гонолулу — Брисбен, главным образом австралийцы, возвращающиеся с приятного отдыха на Гавайях в пекло зимней Австралии, были оповещены о том, что в одно мгновение перепрыгнули из девятнадцатого в двадцатое февраля. Еще через полтора часа под крылом проплывет выводок островов государства Вануату, левее останется французская Новая Каледония, и лайнер выйдет на финальный отрезок маршрута. В двух сотнях миль от австралийского побережья его поймут радары аэропорта, и только тогда пилоту найдется иное занятие, кроме как вполглаза контролировать работу пилотажного комплекса.

Ударившись о переборку, Жаннет вскрикнула не столько от боли, сколько от испуга. Поднос выскочил из рук и прыгнул прямо в лицо. Ожгло горячим кофе. Чизбургер и сэндвичи посыпались на пол.

Не стало сил держаться на ногах. Она упала бы, если бы перегрузка милостиво не прижала ее к переборке, позволив лишь сползти вниз. Жаннет не сомневалась: случилось что-то серьезное, но что?

Слыша возгласы пассажиров, стюардесса механически отметила: паники еще нет, пока налицо лишь удивле-

ние и возмущение. Нормальная человеческая реакция, когда лайнер выделяет невесть что и только что разнесенные напитки опрокидываются пассажирам на колени. Чтобы испугаться, а тем более запаниковать, человеку требуется время. Разумеется, в любом рейсе среди пассажиров неизбежно окажется один или несколько тех, у кого еще в аэропорту заранее трясутся поджилки при одной мысли о посадке в самолет; обычно они и становятся катализаторами паники в любой нештатной ситуации, для них временной промежуток между началом происшествия и окончательной потерей самоконтроля чрезвычайно мал.

Обошлось. Пять, десять секунд — и из первого салона до слуха Жаннет донеслись отнюдь не панические возгласы и облегченный смех. Лайнер не падал — он завершал разворот и аккуратно выравнивался. Сейчас командир корабля обратится к пассажирам с извинениями за причиненное беспокойство: по требованию наземных служб пришлось срочно очистить воздушный коридор, возникла необходимость обойти грозовой фронт или что-нибудь в этом роде. И это будет ложью. Полет продолжается, для беспокойства нет никаких оснований, вы находитесь на борту «Боинга-767-400ER», одного из самых надежных трансконтинентальных авиалайнеров австралийской национальной авиакомпании Квантос-Эйр, известной своими высокими стандартами безопасности, ну и так далее... И это в первом приближении будет правдой.

Перегрузка исчезла. Лайнер медленно, очень медленно выполнял левый вираж, снова ложась на курс. Опершись о переборку, Жаннет поднялась с пола. Колени противно дрожали, руки тоже. Она рассердилась на себя и одновременно позабывала пассажирам: часто профессиональный опыт дает больше оснований для страха, нежели беспочвенная мнительность. Лицо и униформа были залиты кофе, пластмассовые чашечки, сэндвичи и чизбургер раскатились по полу пилотской кабины. Жаннет стиснула зубы. А ну хватит дрожать! Делай свое дело! Во-первых — приberi на полу. Во-вторых — не мешай пилотам. В-третьих — иди приведи себя в порядок. Нечего и думать о том, чтобы появиться в таком виде перед пассажирами, а что до экипажа, то одного взгляда было достаточно, чтобы понять: в течение ближайших минут он вряд ли вспомнит о кофе...

Ей хватило времени и на то, чтобы наскоро помолиться.

— Слушается? — жадно спросил второй пилот.

— Как видишь.

Руки командира корабля лежали на штурвале. Автопилот был отключен. Сейчас над пилотажным комплексом колдовал бортинженер.

— Что там? — не оборачиваясь, спросил командир.

— Сейчас скажу. М-м... Кажется, все в порядке... Да, все в порядке. Уверен.

— Тогда какого дьявола он взбрыкнул?

— Еще не знаю.

— Хотел бы я знать, откуда взялся этот туман, — пробормотал второй пилот.

Действительно, синева океана под крылом исчезла. Внизу насколько хватал глаз простиралась сплошная густая облачность... или туман.

Никто не ответил. Бортинженер возился с бортовым компьютером. Командир держал курс по гирокомпасу.

— На море такой туман бывает, когда вода теплее воздуха, — сообщил второй пилот и поежился. — Такое часто случается на кроссполярных маршрутах...

— Заткнись! — наорал на него командир. — Мы где, на кроссполярном маршруте, по-твоему?

— Нет, но...

— Все в норме, — уверенно сказал бортинженер. — Видимо, случайный сбой. Ничего серьезного.

— Программа полета?

— Проверил.

Несколько секунд командир размышлял, не вернуться ли к автоматическому полету. Затем, не глядя, включил микрофон и ровным, внушающим доверие голосом передал пассажирам сообщение, содержание которого было почти точно предсказано стюардессой Жаннет, только вместо грозового фронта фигурировала зона турбулентии. За это время в его голове созрело решение: попытаться снова включить автопилот и быть начеку, чтобы мгновенно отключить его при первом подозрении на сбой в системе.

— Внимание... Готовы? Включаю.

Лайнер начал валиться на крыло. Опять на правое.

— О черт!

На этот раз только очень внимательный пассажир мог заметить неладное — небольшой внезапный крен был плавно выровнен, а по поводу автопилота командиром было сказано несколько слов.

— Не пойму, в чем дело, — встревоженно отозвался бортинженер. — Все должно работать. Голову даю, что...

— Оставь при себе свою голову, — буркнул командир и, помолчав, добавил: — Дай наше местоположение.

Несколько секунд командир смотрел на карту, отображенную на экране монитора, не замечая, что медленно роняет челюсть. Судя по карте, самолет шел вовсе не над Тихим океаном. Он шел над материком, и очертания этого материка были хорошо знакомы каждому, кто в детстве увлекался рассказами о пингвинах, морских слонах, ледовых трещинах и мужественных зимовщиках. Антарктида!

Бред...

Командир со стуком захлопнул рот.

— Кто-нибудь что-нибудь понимает?

Против воли его слова прозвучали жалобно-просяще.

Наиболее вероятная гипотеза уже сформировалась в его голове. Пилотажный комплекс получил неверные данные. Или неверно их обработал, сейчас это не суть важно. Зато в остальном автоматика сработала штатно и дважды попыталась нацелить самолет на Брисбен... исходя из заведомо ложных координат.

Была и вторая гипотеза — невероятная. Но ее командир не стал рассматривать.

— Если бы сейчас была ночь, я мог бы попытаться определиться по звездам через астрокупол, — сказал, маясь, второй пилот. — Когда-то я умел это делать. Если бы была ночь...

— Если бы была ночь, — фыркнул командир. — Если бы на сосне росли бананы... Если бы мы могли подняться тысяч до пятнадцати и увидеть днем звезды... У нас не истребитель! У нас пассажирский лайнер, и либо у него напрочь свихнулся пилотажный комплекс, либо нас в одно мгновение перебросило через четверть окружности земного шара. Первое куда вероятнее, нет?

Бортинженер упрямо замотал головой:

— Такого сбоя никогда не бывало. Строго говоря, его просто не может быть. Комплекс либо работает, либо нет. Врать он не умеет.

— Врет, как видишь!

— Чтобы так соврать, ему необходима самая малость, — усмехнулся бортинженер, — чтобы несколько спутников ДжПиЭС разом сорвалось со своих орбит. Да и то...

Проще уж предположить, что переместились мы... Хотя бред, я понимаю...

На координаты, отображавшиеся на мониторе, не хотелось и смотреть. Восемьдесят семь градусов южной широты! Судя по картинке, несколько минут назад лайнер пролетел недалеко от Южного полюса и теперь удалялся от него в сторону Атлантики.

Бред, бред...

Вошла Жаннет в новой блузке, неся на подносе кофе и сандвичи. Командир раздраженно замахал на нее рукой. Стюардесса поставила поднос и вышла.

— Есть еще третья вероятность, — подал голос второй пилот. — Все мы сошли с ума и видим не то, что есть на самом деле.

— Тогда нам уже ничем не поможешь, — отрезал командир. — Будем исходить из первых двух предположений. Значит, так. Допустим, мы не верим автопилоту и берем прежний курс. Тогда, если наше местоположение не изменилось, в чем лично я совершенно уверен, мы через два часа оказываемся над Австралией и спокойно садимся в Брисбене. Если же прав пилотажный комплекс, а мы ошибаемся, то мы расходует горючее до капли и падаем примерно вот здесь. — Палец командира ткнулся в южную часть Атлантики. — Теперь второй вариант. Мы верим этому чертову комплексу, меняем курс и идем... м-м... на Кейптаун. Если же мы по-прежнему над Тихим океаном, то не должны промахнуться мимо Филиппин и сядем в Маниле. Полагаю, в этом случае всех нас как минимум ждет отстранение от полетов. Ваше мнение?

— ДжПиэС не может давать неверные данные, — убежденно сказал бортинженер. — Она этого просто не умеет.

— То есть ты за второй вариант?

— Да.

— Я тоже, — быстро сказал второй пилот.

Командир помедлил, прежде чем принять решение. Он с тоской смотрел на облачную кипень в двух тысячах метров под самолетом. Если бы в ней был хоть один просвет! Поди определи, что там внизу: материк или океан! Начавший летать тогда, когда о ДжПиэС и Глонасс никто еще не задумывался, командир больше привык полагаться на свои глаза, нежели на радары и спутниковые системы. Сейчас он еще не знал, что потом будет благословлять этот внезапно появившийся густой туман, — не будь его, двигатели В-767 выхлебали

бы последнюю каплю топлива где-нибудь над Южной Атлантикой.

Пора было принимать решение.

— Хорошо, — сказал командир, — идем на Кейптаун. Пусть всех нас примут за психов. Сообщать пассажирам пока не будем.

Он чуть тронул штурвал, выводя машину на новый курс.

— Передайте кто-нибудь мне кофе.

— До Кейптауна топлива в обрез, — обеспокоенно сообщил второй пилот.

— Должно хватить. — Командир скользнул взглядом по индикаторам и, отпив кофе, добавил: — Если не будет встречного ветра.

Ветер был попутный.

Пытку одиночеством Максим Горобейчиков полагал одним из наиболее мучительных истязаний и тем не менее подвергался ей третьи сутки подряд. Обычных зевак вокруг лагеря экспедиции и близлежащего раскопа и тех не было. Двое подсобных рабочих, уяснив, что в ближайшие пять дней их услуги не понадобятся, повесили на прикрытые пыльными пончо спины пыльные мешки со скудным скарбом и отбыли в близлежащую деревушку проводить семьи, если Максим правильно их понял. Непросто понять местных тому, кто из всего запаса испанских слов знает только «корриду», «амиго», «пульке» да еще «буэнос диас», но лучше уж быть безъязыким с людьми, чем с языком, но без людей. Без слушателей язык не язык, а инструмент для пропихивания внутрь пищи, вроде артиллерийского банника. Не в пустоту же травить байки — что ей до бак, пустоте!

Да и вообще перуанское побережье — разве это место для русского человека? Для двоих русских — еще куда ни шло, для троих русских место вообще не имеет значения, — а для одного? Коммуникационное недоедание. Тоска. Сиди, слушай ветер с океана, хлопанье палатки да крики чаек... И пиво кончилось.

Максим облизнул губы и вздохнул. Еще два дня... Через два дня из Кордовы вернется основной состав экспедиции, все четверо. По правде говоря, сволочь этот Мануэль Рамирес, хоть и ученый с мировым именем. Пригласил не одного, не двоих — всех! Самолет прислал в Куско — не иначе договорился с каким-нибудь больным на голову меценатом... Хотя вполне может статься, что в Аргентине палеонтологи живут и в ус не дуют за счет государства, недаром тамошняя научная школа во всем

мире почитается продвинутой и уважаемой. Может, университету в Кордове понадобилось срочно потратить суммы, отпущенные на международные контакты, — вот Рамирес и обрадовался возможности пригласить российских коллег из не менее продвинутой палеошколы, уже два месяца перекапывающих плиоценовые слои «по соседству», в Южном Перу. Почему бы не сгонять небольшой самолет за три тысячи километров ради такой okazji?

Нам бы их проблемы.

Пригласил-то Рамирес всех пятерых, но ясен пень, улетели четверо. Пятый остался скучать, ковыряться помалу в раскопе, обрабатывать находки да сторожить имущество экспедиции. И этим пятым, как назло, оказался он, Максим Горобейчиков!

А с другой стороны — можно понять выбор начальства. Самый младший, единственный аспирант среди одного доктора и трех кандидатов — это во-первых. Физически крепкий, способный в случае шторма или еще какой напасти постоять за себя и имущество, — это во-вторых. Неунывающий оптимист — это в-третьих. Кого же еще оставить в лагере? Выдюжит, никуда не денется!

Максим еще раз вздохнул и подумал о четвертой возможной причине, сподвигнувшей начальника экспедиции на жестокое решение. Устали от него, от Максима Горобейчикова? А вдруг коллеги промеж себя считают его балаболкой? Что-то последнее время у всех враз находилось срочное дело, чуть только он, Максим, подсаживался к кому-нибудь рассказать анекдот или просто потрепаться за жизнь... Да нет, не может этого быть! Он не рассказал им еще и половины того, что хотел!..

В кастрюльке над примусом булькал «привет с родины» — гороховый супчик с копченостями. Кажется, готов. Максим вылил суп в миску, дождался, когда остынет, и выхлебал до дна. Завтрак. Суп из пакетика с пресной лепешкой из неведомо каких местных злаков. Чай с карамелью. И хватит. На одну персону нет смысла изобретать более развернутое меню.

Хлопала на ветру палатка. Две трети ее объема занимали ящики с пропитанными склеивающим раствором и тщательно упакованными для транспортировки костями плиоценовых ластоногих. Вероятно, их удастся вывезти из страны: Перу не Аргентина, на палеонтологию здесь чихали с колокольни, у этой страны с избытком хватает более насущных проблем. Говорят, местная таможня удовлетворяется небольшой мздой и не чинит препятствий. Не наркотики? Кости?

Ах, только по форме кости, а на самом деле пропитанные клеем куски рыхлого камня? Фосси... как ты сказал, амиго? Фоссилизированные останки? Бульона, значит, из них не сварить? Ха-ха. Ну, грузите поживее свои кости...

Максим зевнул, потянулся и вразвалку вышел из палатки. Еще позавчера он перетащил свой надувной матрац из жилой палатки в лабораторию, ел в ней и спал. Во избежание. Хотя население близлежащей деревушки, сплошь состоящее из флегматичных, вечно курящих табак или жующих коку индейцев, вроде бы нельзя было обвинить в неудержимой тяге к воровству, но береженого, как известно, Бог бережет. И Максим на всякий случай осмотрел две жилые палатки, покинутые и наглухо застегнутые. Нет, все чисто, никто ночью не наведывался...

Вот и славно.

Настроение, однако, не улучшилось. Он сходил к ближнему раскопу, находящемуся всего в пятидесяти шагах от крайней палатки. Постоял на краю, посвистывая «не нужен мне берег турецкий», прикинул программу на день. Покопаться тут? Или в дальнем раскопе?

А вдруг действительно наткнешься на что-нибудь ценное? Потом ору не оберешься: почему самовольничаешь, не мог подождать более опытных коллег, подверг экземпляр опасности, неумеа... Это он-то неумеа? Это вот этот скелет позднеплиоценового тюленя — экземпляр?! Курам на смех. Почти такой же тюлень, какие сейчас по морям плавают, неспециалист и не отличит...

Или лучше полазить, поискать новое захоронение — должно же оно быть! Пожалуй, это лучше всего. Что ж, молоток в руки, веревку на плечо — и шагом марш. Вон к тем обрываю. Пока четыре сачка отдыхают от экспедиционной рутины в Кордове — трудись, юнга, драй медяшку. Отрабатывай грант.

При воспоминании о средствах на экспедицию, предоставленных европейским Фондом развития неприкладных наук, Максим ядовито хмыкнул. Знаем мы, какой он европейский и каких наук! Это ж надо быть совсем слепым или умственно ушибленным, чтобы не понять, чьи деньги вот уже несколько лет идут на раскопки плиоценовых слоев по всему западному побережью Южной Америки — и в Чили, и в Перу, и даже в Эквадоре. «Ищи, кому выгодно!» Грамотно работают ребята из НАСА по недопущению урезания бюджета своей конторы, ох и грамотно!..

Астероидная опасность! Сколько в космических просторах шляется шальных каменюк, только и ждущих случая врезаться в Землю, — это же волосы дыбом! Спасайте Землю! Мониторинг потенциально опасных объектов! Ядерное оружие — на орбиту! Самоокупаемая пропаганда опасности из космических глубин — книги, фильмы, лекции, комиксы. Нормальный пиар — кап, кап обывателю на мозги. И налогоплательщик верит и ежится, поглядывая на небо. Кряхтит, но соглашается отстегнуть денежки: валийте, ребята, бдите и оберегайте. И Конгресс утверждает.

Поучительные примеры из прошлого Земли? Пожалуйста! Как-никак астероиды время от времени все же сталкиваются с Землей, и следы этих столкновений остаются в виде гигантских кратеров, иридиевых аномалий, а иногда и необычных захоронений древних организмов. Классический пример — кратер Чикксулуб и гибель динозавров. Неужели не ясно, что одно событие напрямую связано с другим?

Ах, большинство палеозоологов считает, что не связано? Вот как? Они и разговоры об этом считают неприличными? При одном упоминании о связи между ударами астероидов и массовыми вымираниями их колдобит почище старика Ромул-алдыча? Вот ведь вредные очкарики... Они полагают, что динозавры сходили со сцены постепенно, а к моменту падения астероида последние семь видов и так уже дышали на ладан? Они толкуют о причинах вымирания динозавров, не связанных с самопадающим астероидом? Они (вот негодяи!) раскопали, причем на территории самих США, останки двух динозавровых фаун, переживших падение астероида на сотню-другую тысяч лет?

Да. Но их возражения можно обойти при должной изворотливости. Да и кого вообще интересует мнение очкариков? Деньги-то на раскопки они берут с охотой, а их многословные отчеты можно интерпретировать так, как нужно инвестору — настоящему инвестору, а не какому-то там левому Фонду...

Максим еще раз хмыкнул и, окончательно решив, что потратит сегодняшний день на разведку, сходил в палатку за веревкой и геологическим молотком. Скальные обрывы, тянущиеся к северу от лагеря, были бегло осмотрены в первый же день и большинством участников экспедиции признаны не слишком перспективными. Но Максим так не думал.

Орали чайки. Слева менее чем в километре синел океан.

Максим точно знал, что нынче непременно сбегает туда окунуться — потом, когда жгучее февральское солнце

выжмет из тела все запасы пота. От океана местность полого повышалась. Травянистый склон выгорел. Справа вставали горы, вблизи невысокие, округлые, поросшие густым лесом, а далеко за ними, напоминая картины Рериха, жутко отливали синим и лиловым изломанные пики Анд. Легкий теплый бриз — и ни облачка. Вот-вот из-за хребта должны были брызнуть солнечные лучи. «Чу, жрица Солнца к нам сюда должна явиться», — пробормотал Максим и ускорил шаги.

Слева остался второй раскоп, тоже довольно удачный. Кости ластоногих. Отпечатки морских водорослей в мягком сланце. Отпечатки земных мхов бок о бок с водорослями.

Большинство тюленых скелетов, попадавшихся в раскопах, были раздроблены еще тогда, когда на них росло мясо. Зажмурившись, Максим еще раз представил себе, как это было тогда, два с половиной миллиона лет назад. Невдалеке от берега большое, даже очень большое тюленье стадо охотится за неисчислимыми косяками рыбы, кормящейся в холодных, но богатых пищей водах Перуанского течения... жирная рыба, вкусная рыба... Благодать! А в это время гораздо южнее, в семи тысячах километров от нынешнего Перу, на шельф близ Антарктиды рушится Эльтанинский астероид... то есть он теперь назван Эльтанинским, а тогда это была просто четырехкилометровая космическая глыба-бродяга, повстречавшая на своем пути Землю и вонзившаяся в нее с несусветной скоростью. Мелкое море под собой она, конечно, расплескала, не заметив, а дальше последовал собственно удар, расплывший астероид и окружающие породы, выбивший на морском дне колоссальный кратер, удар, от которого крикнула жалобно земная кора...

Ну крикнула и крикнула, ей не впервой. С ней, корой, иной раз случались катаклизмы похлеще и без всяких астероидов. Минут через двадцать, постепенно теряя силу, отдавая часть энергии океану, до этих мест дошла продольная ударная волна в базальтах, и тюлени, знамо дело, встревожились. Затем, еще минут через пятнадцать, пришла гидроакустическая волна, пошумела на узком шельфе хаотичными отражениями от берега и дна желоба — и успокоилась. Успокоились и тюлени, а зря.

Впрочем, что они могли сделать, когда километровые волны цунами уже катились наискось вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки, мало что не перехлестывая через Анды? Удирать подальше в океан? Нет, наверно, было уже поздно...

Можно себе представить ужас несчастных ластоногих, подхваченных и вознесенных на гребень колоссаль-

ного мутно-зеленого вала, неукротимо катящегося к горам! До удара о скалы, до бешеной мясорубки чудовищных бурунов многие тюлени были еще живы.

Очень недолго. Изогнувшись, вал опрокинулся, с ревом снес с прибрежных гор все, что плохо держалось, а все, что притащил с собой, швырнул себе под брюхо и накрыл сверху. Побесился, смывая холмы, побурлил и схлынул. От большинства морских обитателей, плененных им, даже мокрого места не осталось; от меньшинства остались измочаленные фрагменты; наконец, совсем уж немногочисленным трупам «повезло» уцелеть более или менее неповрежденными. Последний вал, отступая, захоронил их вперемешку с останками сухопутных организмов в ложбине под слоем обломочного материала и клейкого ила. По всему андскому побережью в плиоценовых слоях такая мешанина, но только здесь, в Перу, найдены заброшенные на сушу скелеты морских позвоночных — южнее в каше из сухопутного и морского материала находят лишь всякую мелочь вроде диатомовых водорослей. Оно, конечно, в Чили валы были еще выше и злее...

Вот и копаются палеонтологи в плиоценовых слоях известно на чьи денежки ради нетерпеливо ожидаемого инвестором заключения: падение астероида приведет к глобальным экологическим катаклизмам, от которых вымрут сотни и тысячи биологических видов, а уж человек с его спецификой — в первую очередь. Пока что ни одна группа исследователей не продемонстрировала столь вопиющее отсутствие научной добросовестности, чтобы подтвердить подобный бред. Нет, если лидер ядерной державы с перепугу задействует пресловутый чемоданчик с кнопкой, то в принципе все возможно — однако при чем тут биология вообще и палеонтология в частности? Вот они, наглядные следы падения Эльтанинского астероида, — и что? Волна — была. Еще какая. Иридиевая аномалия соответствующего возраста — имеется. «Астероидной зимы» — не было. Выброшенная в стратосферу пыль осела за считанные недели, если не дни. На планете не вымер ни один вид живых существ. Иное дело, что особям, оказавшимся в месте падения или попавшим под километровую волну, было э... несколько неприятно, скажем так. Тем же тюленям. Но при чем тут глобальная катастрофа? Локальные, чисто локальные последствия, угрожающие в случае повторения отдельным группам людей, но никак не человечеству в целом...

Повторится такой катаклизм завтра — несколько прибрежных стран, безусловно, смоеет. Удар астероида «сбросит» напряжения земной коры, и раньше времени произойдет ряд землетрясений. Возможно, из-за пыли и временного похолодания кое-где погибнут урожаи. И только. Человеческая цивилизация, бесспорно, уцелеет.

Собственно, черновик отчета об экспедиции можно было написать еще в Москве, а на месте лишь дополнить. С Эльтанинским астероидом специалистам уже давно все предельно ясно. Ничего принципиально нового здесь не выкопаешь, никаких принципиально новых выводов не услышит инвестор и от российской экспедиции, и опять придется ему изворачиваться, охмуря обывателя: замалчивать одно, выпячивать другое... Что ж, в следующий раз он даст денег другим в надежде на то, что они напишут то, что ему, инвестору, надо...

Конечно, поездка в Перу сама по себе интересна, однако Максим в который раз подумал о том, что неверно выбрал специализацию. Все-таки скучное это дело — заниматься кайнозойскими позвоночными. Если очень повезет в жизни, можно открыть и описать один-два неизвестных ранее вида, но обосновать новую концепцию — нет шансов. Ну, почти нет. Кайнозой слишком хорошо изучен, а главное, интуитивно понятен даже школьнику — чересчур похож на современность.

Если уж честно, то отпущенных «добрым дядей» денег хватило не на одну, а на две экспедиции, и вот вторая-то сейчас вскрывает в Туркмении действительно интересные слои, о чем упомянутому «дяде» знать совсем не обязательно... А ты — отрабатывай грант.

Э-хе-хе...

Лагерь остался далеко позади. Максим прошел шагов пятьсот вдоль сланцевого обрыва, пока не увидел место, понравившееся ему при первом осмотре. Здесь несколько крупных глыб, повисших на высоте метров шести, ждали только толчка, чтобы загреметь вниз, а под ними... под ними могло оказаться все, что угодно. Или не оказаться. Во всяком случае, Максим надеялся на лучшее.

Держась от нависающих глыб подальше, он вскарабкался на кромку обрыва — действовать сверху было сподручнее. Поднявшееся над горами солнце уже жарило всюю. Максим взглянул на океан, заранее щурясь от слепящих бликов, и обомлел.

Бликов не было, не было поблизости и океана. За те несколько минут, что Максим не смотрел в его сторону,

океан неслышно отступил назад, оставив на желтеющем песке бурые груды водорослей. А слева, с юго-запада, совсем как Максим только что себе представлял, наискось на берег шел мутно-зеленый водяной вал.

Нет, не километровой высоты. Пожалуй, метров пятнадцати, не выше.

Край вала кудрявился пеной, изламывался и рушился на берег. Максим видел, что там творилось. Волна была еще далеко, и пока что крики суматошно кружащихся в небе морских птиц заглушали рев взбесившейся воды.

Максим побежал.

Путаясь ногами в жухлой траве, он бежал вверх по склону, негодуя, что склон такой пологий и волна, конечно, вылизет его дочиста; он не оглядывался, боясь споткнуться. Несмотря на сумасшедший бег, дыхание не сбивалось и ноги не уставали. Он бежал что было сил к ближайшему холму, как будто нарочно отодвигавшемуся от него, и понимал, что вал нагонит его задолго до того, как он достигнет подножия холма...

Но все-таки он бежал.

Один раз он все же оглянулся на бегу и увидел, как зеленая стена воды поглотила раскоп и палатки экспедиции. Теперь уже не стало слышно ни криков птиц, ни свиста ветра в ушах — один приближающийся рев. Ощутимо вибрировала почва.

Максим вскрикнул и надал, как спринтер. До спасительного холма было еще далеко... слишком далеко.

А значит, холму не стать спасителем.

В последний момент, уже ощущая спиной то, что, наверное, ощущает муха под опускающейся на нее мухобойкой, Максим вновь успел подумать о плиоценовых тюленях. И еще он подумал о том, что угроза гибели отдельных человеческих групп не идет ни в какое сравнение с угрозой гибели всего человечества лишь с точки зрения тех, кто не входит в эти отдельные группы...

Затем вал накрыл его. И стало темно.

Глава 2 ПО ВЕРХАМ

Личный секретарь президента был мужчиной по одной простой причине: на этом настояла жена президента. Если бы случилось так, что во всех Штатах сыскался бы только один человек, пригодный на роль секретаря, и если бы этот

человек, на свою беду, оказался женщиной, ему — вернее, ей — пришлось бы пойти на транссексуальную операцию, чтобы получить эту работу. «Он дурак, — говорила первая леди о своем супруге. — Его ничего не стоит обвести вокруг пальца. Если какая-нибудь сексапильная стерва захочет его охмурить, чтобы потом написать об этом бестселлер, — она это сделает».

Личному секретарю было двадцать девять. Помимо исключительных профессиональных качеств, он обладал удивительно подходящей внешностью: невысокий, хрупкий, чуть запыленный, с незапоминающимся лицом гарвардского интеллектуала. На любом митинге, на любой пресс-конференции он служил выгодным обрамлением, рядом с ним президент казался выше, крепче и мужественнее, чем был на самом деле. Некоторые даже уверяли, что у президента волевой подбородок, почти как у Керка Дугласа. А злые языки утверждали, что не будь рядом с президентом секретаря, этой бледной тени, он вчистую проиграл бы последние выборы.

— Дело не терпит отлагательств, — сказал один из вошедших. — Разбудите его побыстрее, Тони.

— Сегодня он спит в бандаже, — проинформировал секретарь и сейчас же проскользнул в спальню. Вообще-то полагалось предварительно постучать в дверь, но на этот раз секретарь пренебрег лишним смыслом ритуалом.

Двое вошедших переглянулись. Последнее время президент частенько спал в противохраповом бандаже — специальном корсете, мешавшем повернуться на спину и захрапеть во всю силу легких. Помогало не очень: лежа на боку или на животе, президент храпел немногим тише, зато по утрам частенько жаловался на плохой сон.

Тем лучше. Проще будет восстать ото сна посреди ночи.

Само собой разумеется, в спальне стоял телефонный аппарат, но разбудить президента телефонным звонком удавалось нечасто. К счастью, никто из репортеров, обожающих писать о том, что президент относится к своим обязанностям спустя рукава, еще не пронюхал об этом.

— Теряем время, — тихо сказал один из посетителей.

— Спокойнее, Дон, — столь же тихо отозвался второй. — Думаю, у нас есть форa. Минутой больше, минутой меньше — какая разница?

— На минуту бы я согласился. Десять минут — это уже из рук вон. Сколько нужно времени, чтобы вскочить с койки?

— Тебе или ему?

— Не понимаю, — пробормотал первый, — как он служил в армии?

— Жалеешь, что не ты был его сержантом? — подколот второй.

— Еще как.

— Можно я скажу ему об этом?

— Это будет последнее, что ты скажешь в жизни.

Оба ухмыльнулись. Пошутили — вот и ждать легче. Минут через пять из дверей спальни появился заспанный президент в пижаме. Следом вышел секретарь и, миновав дверной проем, сейчас же подался в сторону, избегая неуместной аллюзии с конвойным и конвоируемым. Умный подчиненный сохмтит тогда и только тогда, когда этого желает шеф, причем сделает это так, чтобы не показать шефу свое превосходство в остроумии. Половина шуток, которые президент произносил с трибуны и искренне считал своими, на самом деле не была сочинена ни им, ни спичрайтерами, а принадлежала секретарю.

— Привет, Дон, — сказал президент, стараясь подавить зевок. — Как дела, Колин? Что-нибудь экстренное? Террористы...

— Террористы ни при чем, Джордж, — сказал госсекретарь.

— Что же тогда? Ну, я слушаю... Это так трудно выговорить, а?

Двое переглянулись. Оба жалели, что не условились, кто возьмет на себя труд первым проинформировать президента. И кого президент немедленно заподозрит в остром приступе умопомешательства.

— Это действительно трудно выговорить, — сказал министр обороны. — Это полный бред. Если бы не данные со спутников, я бы ни за что не поверил. Пожалуй, мне проще показать это, чем пытаться объяснить словами. — Он раскрыл папку.

— Вот и хорошо, Дон, — улыбнулся президент. — Вот и покажите. Что это?

— Снимок, сделанный сорок минут назад из космоса с высоты семи с половиной тысяч миль. Акватория Тихого океана. Узнаете? Это Антарктида.

— Да? — Близоруко сощурившись, президент ткнул пальцем в снимок. — Очень может быть. А это что?

— Новая Гвинея.

— Без сомнения, это она. А это Тайвань?

— Нет, это Филиппины. А вот тут — Гавайи.

— Мне известно, где находятся Гавайи, Дон, — сказал президент. — Гм... А это?

— Тропический тайфун. Не обращайтесь на него внимания, он достанется Японии. Главное — Антарктида.

— Гм. Вы уверены? Я вижу только большое белое пятно. Просто большая медуза. И вся она в облаках. А это что за хвост торчит?

— Антарктический полуостров, вернее, самый его кончик. Он узкий, поэтому облака над ним снесло ветром. Над остальной частью континента действительно сплошная облачность. Метеорологи считают, что так и должно быть: при контакте теплых океанических воздушных масс с холодной поверхностью всегда начинается конденсация...

— Понятно, Дон. И все же...

— Это не розыгрыш, Джордж, — вставил слово госсекретарь. — И мы не сошли с ума. Нас тоже подняли среди ночи. На данный момент Антарктида действительно находится в центре Тихого океана, нравится нам это или нет. Дон, убери к черту этот снимок, покажи карту.

Несомненно, «карта» выползла из лазерного принтера не более получаса назад. Ее качество оставляло желать лучшего, зато на ней отсутствовал облачный покров.

— Компьютерная реконструкция, — пояснил министр обороны. — Мы предполагаем, что внезапному переносу подверглась вся Антарктическая платформа, то есть материк, шельф и прилегающие острова. Аналогичный кусок океанской платформы оказался как бы вырезан из центра Тихого океана и занял место Антарктиды. Вероятно, данный «обмен» произошел спонтанно и мгновенно. Самое поразительное то, что он, по-видимому, не сопровождался сколько-нибудь значительными катаклизмами. К западному побережью идет небольшое цунами, предупреждение береговой охране уже послано. Есть связь с нашими базами на тихоокеанских островах... то есть на бывших тихоокеанских, а теперь околополюсных. В южные широты перенесло Маршалловы острова, восточную часть Каролинского архипелага, острова Лайн, Гилберта, Самоа, Фиджи, и я уже не говорю о мелких атоллах. Несколько наших крупных боевых кораблей внезапно оказались в околополюсных водах. Там ничего не могут понять. И мы, кстати, тоже.

— Так-таки и ничего, Дон? — спросил президент, разглядывая карту.

Сейчас он напоминал мудрого учителя, пытающегося заставить двух старательных, но туповатых учеников пошевелить мозговыми извилинами. Растерянный президент — это нон-сенс. Снимать привычную маску ради ближайших помощников — чересчур хлопотно. Проще и надежнее позволить маске прирасти накрепко и навсегда.

Журналисты называли его простоватым тугодумом. Он не был согласен с таким определением, но на публике нередко подтрунивал над своим невысоким IQ, обезоруживая самых безжалостных злопыхателей. Всем известно, что дурак, сознающий, что он дурак, на самом деле далеко не глуп. Имиджмейкеры не даром ели свой хлеб.

— Мы пока ничего не можем сказать о причинах феномена, — уточнил министр обороны. — Надеюсь, что когда-нибудь мы получим ответ, но вместе с тем убежден, что данный вопрос не является сугубо срочным. Сейчас для нас куда важнее не причины, а следствия и перспективы, вытекающие из нового положения материка.

— Антарктида в Тихом океане, — сказал президент и зевнул. — С ума можно сойти. И смотрите, как раз посередине. Как нарочно. Это что же, бывший полюс теперь на экваторе, да?

— Совершенно верно. Континент перенесся без вращения на девяносто градусов широты. То, что было полюсом, теперь находится на экваторе, а Антарктический полуостров направлен в сторону Эквадора и Перу. Вопрос об антарктических островах пока остается открытым, но мы это выясним в ближайшее время.

— А люди? — спросил президент. — У нас же там э... научные станции, верно?

— Пока мы располагаем свежей информацией только со станции Мак-Мердо. Пострадавших нет. Можно предположить, что и на других станциях... словом, мы скоро это узнаем. Думаю, все в порядке.

Президент кивнул с видимым облегчением. Улыбнулся. Нет трупов — уже хорошо. Американские трупы — плохие трупы и для президента всегда дурно пахнут.

— Обратно она не перескочит? — проговорил президент. — Я имею в виду на свое прежнее место?

— С чего бы? Впрочем, такая возможность не исключается. Мы следим за ситуацией.

— Полагаю, надо послать разведывательные самолеты? — спросил президент.

— Они уже в воздухе. Кроме того, перепрограммированы два спутника, ведется усиленная радиоразведка, на Оаху готовится к выходу в море гидрографическое судно. Свежая информация поступает непрерывно. Через полчаса-час мы будем иметь достаточно полную и подробную картину, чтобы принимать решения. Пока же предлагаю обсудить создавшееся положение, так сказать, в узком кругу: вы, я, Колин и Кондолиза, она будет здесь через пять минут... как-никак дело касается национальной безопасности. Пожалуй, все.

— Еще пресс-секретарь, — сказал президент. — Мы должны успокоить нацию.

— Разумеется.

Личный секретарь президента, застывший в некотором отдалении, подумал о том, что на этот раз нация, пожалуй, прекрасно обошлась бы и без успокоения. Для большинства американцев атаки террористов и биржевые котировки — вполне достаточная причина, чтобы не обращать серьезного внимания на игривый прыг-скок малообитаемого ничейного материка. Скакнул, никого не угробив, — ну и пусть себе резвится, никому от этого ни горячо, ни холодно.

Составить речь не труд: мы мирная нация, с оптимизмом смотрящая в завтрашний день (спорный тезис), президент уверен в непоколебимой стойкости своих сограждан (он и в своей-то никогда не был уверен), ситуация временно вышла из-под контроля, однако контроль уже восстановлен (гвоздями, что ли, Антарктиду приколотить, дабы отучить прыгать?), мы готовы отразить угрозу своей безопасности (ага, сбить ракетой «Пэтриот» остров Борнео, если ему вздумается свалиться на Капитолий), тем не менее мы будем молиться Всевышнему (полезное занятие, а еще можно в бубен постучать), уповая на неизменное великодушие Создателя, да свершится Его воля, аминь. Можно еще призвать нацию к сплочению, это никогда не вредно.

Другой президент произнес бы такую речь экспромтом, да много ли в ней толку? Какую речь ни напиши, окружение президента четко разделится на две группы. Одна займется прагматичной геополитикой, другая будет принуждена играть роль буфера между нею и общественным мнением: реагировать на протесты обществ охраны животных, пекущихся о здоровье пингвинов, убеждать сектантов, гиперпатриотов, противников абортотворцев и прочих сумасшедших недоэкстремистов в том, что перемещение тектонических плит не имеет ничего

общего с их идиотской деятельностью... Никчемный сизифов труд, утомительный и заведомо безрезультатный...

Ничего этого секретарь, разумеется, не сказал вслух, но на один миг привычное тайное презрение к президенту сменилось в его душе сочувствием.

— Договорились, Дон. Жду вас в Картографическом кабинете... скажем, через четверть часа. Надеюсь, к тому времени появятся новые данные. — Президент зевнул. — Пойду приму приличный вид. Ну и ночь, пропади она совсем...

— По-моему, он так и не поверил до конца, — тихо сказал госсекретарь, когда президент удалился.

— А какая разница, Колин? — возразил министр обороны. — Поверил он или нет, но попотеть ему придется, это как пить дать. Да и нам с тобой тоже.

Он принужденно улыбнулся, прежде чем добавить:

— Если честно, мне самому хочется ушипнуть себя. Надо же — Антарктида...

Солнце, воздух и... нет, не вода, совсем не вода, а снег. Сверкающий под февральским солнцем снег, укатанная выровненная трасса и горные лыжи. Горные пики. Горный воздух. Стрекочущий в синеве вертолет наблюдения. Немного раздражает, но пусть следит за перевалами, предосторожность не лишняя. Вчера в ста километрах отсюда спецназ запер в ущелье бандформирование человек из восьмидесяти, по нему работают из всех видов. Похоже, на этот раз уделают всех, хотя прорыв, как всегда, не исключен.

Холуи не советовали ехать сюда, мало ли что... Дудки, пусть другие прячутся от террористов по авиабазам. Пренебрег, приехал. Наверняка в «Куклах» по этому поводу изобразят поставленный на горные лыжи переносной сортир для бандитомочения... Ерничают, но уважают. А что, разве лучше быть обвиненным в трусости, чем в безответственности? Ну то-то. У нас — никогда. Предшественнику за бесшабашность прощалось и не такое, люди были от восторга, когда он полез на танк. Потом, правда, стали подвывать уже не от восторга... Но все равно хохотали до слез и сквозь слезы над глупым ирландским премьером, напрасно прождавшим у трапа самолета. Знай наших!

Президент усмехнулся про себя — так, чтобы на лице ничего не отразилось. Холуи глупы... Тщатся обозначить свое никчемное присутствие, проявить заботу о безопасности президента — можно подумать, что им известно о

безопасности больше, чем ему самому! На самом деле шанс нарваться на пулю здесь несколько не выше, чем в любом другом месте. Были бы заинтересованные серьезные силы, а снайпер найдется. Кто из лидеров уцелел, имея таковые силы против себя? Один де Голль, пожалуй. Редкостно везло его охране... ну и ему, понятно, тоже. Рейгана — смех! — пытался завалить недоросль из пукалки двадцать второго калибра...

Президент погасил невидимую усмешку. Мысленно встряхнул головой, отгоняя несвоевременные мысли. Не нужно их сейчас. Солнце, горы, снег. Никого и ничего лишнего. Что может быть лучше? Хотя бы два, нет, даже один день настоящего, полноценного отдыха без бумаг, без людей, без проблем, требующих незамедлительного решения...

Скорее всего так не получится. Почти никогда не получалось. Неотложные проблемы найдут президента в Красной Поляне с той же неизбежностью и почти с той же скоростью, как и в кремлевском кабинете. Махни отдохнуть в Сочи, в любимую Чупу Шуйскую, куда угодно, хоть погрузись в батискафе на дно океанской впадины, хоть уйди в медитацию и в позе лотоса созерцай собственный пуп — все равно достанут и из впадины, и из медитации. До обидного мало инициативных исполнителей, все приходится решать самому. Почему в России всегда так: преданных дураков пруд пруди, а если человек умен, то за ним нужен глаз да глаз? Где командные игроки, не работающие втайне на чужого дядю, не гребущие под себя обеими граблями?

Да гребь, шут с тобой, но оправдывая греблю, не будь лукавым холопом, будь человеком государственным! Где Потемкины, Горчаковы и Лорис-Меликовы? Ау! Теперь такие наверх не всплывают, всплывает всякая мелочь и сволочь. Может, умные, преданные и готовые рискнуть головой не ради себя — ради страны только при монархии и произрастали? Сколько раз об этом думано. Может, демократия с ее выборностью органически не может не плодить временщиков? Хотя нет, вряд ли. Вон у американского коллеги вполне приличная команда, аж завидно...

Легонько оттолкнувшись, президент начал спуск по трассе. Краем глаза разглядел телеоператора, сделал вид, что не заметил. Черт с ним. Трасса «чайниковая», сенсации с кувырканием лидера страны по типу «голова-ноги» не предвидится. И пускай, увидев на экране съезжающего президента, мастера презрительно бросят: «Постыдился бы!» Будто он

сам не знает, что и палки держит не так, как у мастеров принято, и поворот у него корявый, и сам-то он классический чайник. Ну и что? Собака лает, а караван идет, и рейтинг президента высок, как никогда. Нет, было бы забавно в частном порядке пригласить одного-двух горнолыжных злопыхателей продолжить спор... на татами. Много вы видели людей, господа, которые и на лыжах съезжают, и истребитель пилотируют, и имеют седьмой дан... ну хорошо, если по-честному, то третий, но и его поди заработай. А много ли вам известно таких, которые при всем том еще и президенты большой страны? Только один и известен? Ответ верен, ставлю «отлично», пригласите следующего.

Так получается, что спорт для президентов, будь то теннис, бег трусцой, дайвинг или ловля лосося нахлыстом — не самоцель и даже не средство поддерживать себя в сносной форме, а попросту удобный способ хоть ненадолго остаться в одиночестве, очистить голову от проблем, подумать о какой-нибудь ерунде, а то и вовсе ни о чем. Как раз в такие минуты в голову ни с того ни с сего приходят удачные мысли. Зря нынешний американский коллега увлекается гольфом — глупый это спорт, ходьба да болтовня о тех же, как правило, проблемах...

Оп!.. Вынесло на перегиб, поджался, чуть-чуть даже пролетел по воздуху. Теперь немного притормозим и обработаем поворот... Ага, получилось. Нет, разогнаться мы не будем, сделаем это в следующий раз, а пока просто продлим удовольствие...

Трасса все равно кончилась быстрее, чем хотелось. Внизу стояли охранники, и один из них молча протягивал радиотелефон. Опять что-то неотложное...

— Да! — бросил он в трубку.

— Господин президент! — Он узнал взволнованный голос секретаря. — Пожалуйста, не поднимайтесь на гору. Только что получено сообщение чрезвычайной важности. Я сейчас направляюсь к вам...

Понятно. Разговор не телефонный. Президент мысленно чертыхнулся и заставил себя не смотреть на ползущую канатку. Кажется, с лыжами на сегодня покончено...

— Если я сам прибуду, это упростит дело?

— Очень, господин президент.

— Ждите.

Лыжи — в сугроб. Машина уже заведена, дверца услужливо распахнута. Пешком до оборудованного под ре-

зиденцию альпийского домика всего ничего, но на колесах секунд на тридцать быстрее, проверено.

Секретарь ждал при входе. Физиономия его была растерянной и, пожалуй, глупой. Так мог бы выглядеть суровый завуч, уличенный в стрельбе из рогатки по воробьям, либо профессор астрономии, проигравший спор на желание: объявить на научной конференции, что Земля стоит на трех китах, а звезды намертво привинчены к хрустальной сфере.

Проходя в кабинет, бросил «слушаю». Выслушал. Дважды вперился в лицо секретаря — непробиваемая маска, а не лицо. Нарочно говорит деревянным, без всякого выражения голосом, и легко понять почему. Кому охота выглядеть идиотом. Не виноват, но пытается оправдаться хотя бы тоном: мол, не я это все устроил, и не я обнаружил, я тут ни при чем, я только передаточное звено, не бейте по голове...

Усмехнулся — опять про себя. Спросил:

— Это точно?

— Подтверждено данными со спутников, сигналами бедствия с иностранных кораблей и самолетов. Из Чили и Новой Зеландии поступили сообщения о цунами средней силы. Есть сообщение с американской антарктической станции Амундсен-Скотт. Капитан судна «Зина Туснолобова», находящегося в районе Маршалловых островов, сообщил о внезапном изменении координат... судно находится сейчас на восемьдесят первом градусе южной широты, по-видимому, вместе с островами...

— Когда это произошло?

— Два часа пятьдесят минут назад.

Так, подумал президент. Медленно, медленно работаем. Нет сомнений: американцы опережают часа на два... два часа уже на ушах стоят.

— Есть ли сообщения о катаклизмах на нашей территории?

— Пока не поступало.

— Докладывайте мне немедленно, если поступят.

Чуть-чуть отлегло от сердца. Катастрофы на российской территории в довесок к прыгающему континенту — это уже лишнее, не надо их... Почему-то у нас всегда так: стоит лидеру со скрипом повернуть государственный руль — неожиданные катастрофы сыплются, как из рога изобилия, один Чернобыль чего стоит. У народа крыша съезжает с понятными последствиями. А четыре года неурожая при Борисе Годунове?

Мало ли что давно это было! Для государственной влас-

ти нет слова «давно», законы ее одни и те же. Власть — она и в Африке власть, и в шестнадцатом веке.

Стабильность нужна, стабильность. И цены на нефть чтобы не падали. Тогда лет через двадцать можно будет делать настоящие дела на мировой арене, не увязая по уши во внутренней политике, а главное, имея крепкий тыл, — подрастет новое, внушаемое поколение. Без непомерной армии интеллигентов и полуинтеллигентов с обязательной фигой в кармане. Только достанется оно уже преемникам...

Пронесет нынешний катаклизм мимо России — все равно хлопот не оберешься. Коммунисты злорадно заговорят о том, что у президента не все под контролем, да и вообще чего хорошего можно ждать от антинародной власти? Много они сами пеклись о народе... Свались завтра Луна на Землю — ответственность ляжет на президента: почему не удержал? Как будто президент отвечает за нарушение физических законов...

— Только Антарктида? — спросил он, помолчав.

— Пока только она одна. — Секретарь мгновенно уловил, куда клонит президент. Если материки начнут скакать туда-сюда, как блохи... Господи, пронеси, не надо!

Скакнул только один, притом обледенелый и по большому счету никому не нужный, — этого уже более чем достаточно. Политический катаклизм превзойдет размахом катаклизм природный.

— Причина? — спросил президент, подняв бровь.

Секретарь едва заметно развел руками:

— Пока ничего не известно...

— Узнайте, кто в Академии наук ведущий специалист по геофизике, свяжитесь с ним немедленно. Также и с его научными противниками. Их мнение мне нужно знать уже сегодня, хотя бы в виде сутобо предварительных соображений. Для прессы: президент прервал отпуск и возвращается в Москву. Пусть подготовят самолет. Пока никаких публичных выступлений не будет. Впрочем, подготовьте черновик, я потом посмотрю. Лейтмотив: Россия не намерена вмешиваться в потенциальный конфликт... хотя нет, о конфликте не надо... Россия далека от намерений извлечь одностороннюю выгоду из создавшегося положения, войска — это подчеркните — не приведены в повышенную боеготовность, мы ждем от всех заинтересованных стран точного выполнения положений Вашингтонского... э... какого года?

— Пятьдесят девятого, господин президент.

— Вашингтонского, тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, договора о статусе Антарктиды. Точка. Текст договора найдется?

Секретарь оказался на высоте — текст был. Свежеотпечатанный на принтере. Быстро и цепко, как умели немногие, президент пробежал глазами документ. Ага... указан сам материк, перечислены попадающие под договор острова, и никакой географической привязки в виде широт и долгот. Стало быть, договор никак не может утратить силу автоматически...

Уже кое-что. Хотя ясно, что это только отсрочка. Любой договор перестает соблюдаться, как только перестает быть выгодным. Но можно поволянить, потянуть время демаршами и апелляциями к так называемой мировой общественности... никто не знает, что это такое, но все к ней апеллируют... Все равно ясно, чем это кончится рано или поздно, но пусть лучше Штаты проглотят бесхозный континент поздно, нежели рано. Может, под шумок и мы свой кусок пирога урвем — невкусный пирог, признаться, без него бы расчудесно обошлись, но не оставлять же другим! А хорошо, что при танкисте, пэнэмаэш, мы из Антарктиды не ушли, не забывали выделять зимовщикам копейки, пэнэмаэш... Миллионы надо было давать, не жалея, новые станции строить десятками, столбить каждый ледник, на каждого тюленя бирку навесить — российский тюлень! Пусть российский криль жрет только законная российская треска, а чужую — взашей!

Смеялись бы над нами — да на здоровье! Всем известно, кто хорошо смеется... Ну ничего, главное, наши там есть. Пусть мало. И сейчас еще не поздно занять кое-что явочным порядком. Как танкист в Косово, пэнэмаэш. Заставим с нами считаться. Надо будет — пингвинов соберем, пусть попросят о протекторате России над какой-нибудь Землей королевы Мод...

— Есть ли официальные обращения из-за рубежа? — спросил президент. Секретарь покачал головой. — Неофициальные? Тоже пока нет? — Кивнул. — Ну хорошо.

На самом деле ничего хорошего в этом не было. Дождаться звонков или самому позвонить американскому и китайскому коллегам, прозондировать их позиции? Ладно, немного выждем, время пока терпит. Позвонить можно и из самолета.

— На восемнадцать ноль-ноль назначаю экстренное совещание Совета национальной безопасности, — сказал президент. — Известите всех... Что? Он все еще в

Иркутске? Пусть вылетает немедленно... Как скоро можем выехать мы?

— Распоряжения уже отданы. Через пять минут можем ехать.

Кивнул. Отметил, что секретарь очень доволен собой, — понимает, что угадал и угодил. Улыбнулся ему одними глазами. Не выдержал — взглянул напоследок в окно на сверкающий снежный склон с очень хорошо подготовленной трассой.

И подавил вздох.

Глава 3

АНТИМАГЕЛЛАНЫ

Все-таки древние не зря называли этот океан Тихим. Четвертая неделя идеальной погоды, четвертая неделя идеального ветра. Сказка. Курорт.

После сложнейшего по всем параметрам перехода через Индийский команда блаженствовала и, разбившись на две вахты, попеременно отсыпалась. Нужный коридор с попутным пассатом давно был найден двумя с небольшим градусами севернее экватора, и устойчивый фордак равномерно влек яхту на восток. Раз в неделю показывался судейский катер, оставлял по курсу плотик с припасами. Плотик с гиканьем вылавливали, перегружали припасы на борт, а взамен выгружали севшие батареи и пакеты с мусором — у босса этой безумной гонки были какие-то тесные связи с экологами, поэтому капитану «Анубиса» строго наказали: даже окурки за борт не бросать!

Вот интересно: гадить за борт можно, а бычки бросать — ни-ни! Хотя, с другой стороны, продукты человеческого метаболизма — суть естественная для океана органика. Кит нагадит — куда там человеку. А пластиковые бутылки или окурки — чужеродная дрянь и планктону не по зубам. В сигаретных фильтрах, говорят, какую-то химию последнее время применяют. Или не последнее, Юрий не разбирался. Из экипажа курила ровно половина: Олег Баландин и Мишка Мазур по прозвищу Нафаня. Капитан Юрий Крамаренко и его напарник по вахте Женька Кубицкий (Большой) не курили. Большим Женьку называли потому, что в родном Николаевском яхт-клубе имелся еще и Малый Женька, причем Малый — это была настоящая фамилия. Так и повелось: «Женьку видел?» — «Какого, Малого?» — «Нет, Большого!»

Юра задумчиво сплюнул за борт и покосился на компас.

— Хорошо идем! — сказал Женька и довольно причмокнул.

— Хорошо...

Родимый допотопный компас Баландин и Женька притащили с со своей многострадальной «Асты», третий год терзаемой бесконечным ремонтом. И парусов с «Асты» взяли на всякий случай — штормовой комплект, хотя у Юры на «Анубисе» таковой, конечно же, имелся. Да много чего взяли — Нафаня с «Косатки» тоже немало прихватил. Но почему-то дороже всего после старта стал им этот компас — металлическая полусфера с прозрачным оконцем, под которым лениво шевелилась магнитная стрелка. Выпуклую крышку полусферы можно было приоткрыть, словно дверцу, и поставить внутрь горящую свечу. Дверца защищала свечу от ветра и случайных брызг, а огонек позволял пользоваться компасом даже ночами.

Женька задрал голову, провожая взглядом здоровенную белую чайку. Неправдоподобно здоровенную.

— О, гляди! — сказал он воодушевленно. — Наверное, альбатрос!

Юра тоже покосился на птицу.

В тот же миг альбатрос (или чайка, черт их разберет в этих южных широтах) вдруг дернулся, словно подстреленная из рогатки ворона, разинул клюв, сложил на миг крылья и, протяжно хрипя, стал валиться к волне.

— Ух ты, — поразился Женька.

В следующий миг альбатрос опомнился, сильно замолотил крыльями и кое-как выровнял полет, зато из воды, вспенив поверхность, полезла стая летучих рыб.

Первое время весь непривычный к экваториальным водам экипаж даже нервничал от всех этих радостей. Потом поосвоился.

Но такой огромной стаи за два месяца регаты они еще не встречали.

— Че это с ними? — пробормотал с недоумением Юра.

Женька, опомнившись, подобрал брасс, а то спинакер начал было слегка заполаскивать. Юра тоже подработал рулем и привычно уже покосился на компас.

В океане курс держать — это не на реке, когда вечно пилишь вблизи берега. Тут ориентиров нет, только вода. Одна надежда на компас. Первое время, как сказали с судейского, «Анубис», подобно всем новичкам, заметно рыскал по курсу. А потом ничего, освоился экипаж.

Ко всему ведь привыкаешь.

Регату-кругосветку для малотоннажных яхт практически сразу нарекли «гонкой самоубийц». Так оно, в сущности, и было, ибо максимум, что «Анубис» мог выдержать, — это семи-, ну восьмибалльный (если повезет) шторм. А сложности начинались уже с шестерки, когда ветер начинал рвать с гребней белесую пену и полосами вытягивать ее поперек волн.

Сумасшедший русский миллиардер Денис Шимашевич, папа «гонки самоубийц», гарантировал участникам только две вещи: солидное вознаграждение после финиша и спасение экипажа — только экипажа, не яхты — в случае жестокого шторма.

Николаевцы купились, ведь риск того стоил. «Анубис» вместе со всем такелажем и вооружением по максимуму тянул тысяч на двадцать — двадцать пять зеленых американских рублей. В Николаеве больше чем за пятнадцать продать его было нереально, разве что в Одессе. Или каким залетным москвичам-питерцам.

Все участники гонки подписывали специальную бумагу — дескать, пускаются они в эту авантюру добровольно, без принуждения и снимают с организаторов регаты всякую ответственность за возможные эксцессы и несчастные случаи. Ну а в случае успешного завершения гонки получают по пятьдесят тысяч безоговорочно и финишные бонусы, тоже немаленькие, в зависимости от занятого места. Даже последнее место оправдывало эту авантюру с головой. Поэтому экипаж молился и ежедневно пил за погоду — единственное, что могло их остановить, это озлобленность океана, это шквальный ветер и чрезмерно высокие волны. Буря, непредсказуемая и слеподырая.

Но океан пока оправдывал свое название.

На старт вышло сорок три яхты. Со всего бывшего СССР, и только с него, — таково было железное условие Шимашевича, хотя просились и голландцы, и шведы, и израильтяне, и еще черт знает кто.

Израильтян Шимашевич пустил — те убедительно доказали свою причастность к СССР: все эмигрировали в конце двадцатого века с шестой части суши на землю обетованную. Еще Шимашевич допустил к гонке болгарский экипаж, сказав, что Болгария, мол, тот же совок был свое время. А капиталистов отшил всех до единого. «Вы и так жирные, чтоб я вам еще бабки платил, — заявил Шимашевич. — На фиг всех».

Старт дали на Занзибаре. В Индийском гонку потрепало, но выбыла всего-навсего одна яхта, кто-то из

Туапсе. Команду «Анубиса» первое время страшно бесили сумасшедшие тропические ливни, раздражавшиеся с регулярностью ежедневного курьерского поезда. Но, невзирая на новое для себя окружение, «Анубис» добрался-таки до первого промежуточного финиша в Сурабае; из теперь уже сорока двух яхт они пришли восьмыми — результат очень даже неплохой. Лидировали, как ни странно, горячие эстонские парни из Сяэре, что на острове Сааремаа, веселый киевский экипаж и ребята из Астрахани.

От Сурабаи до самых Филиппин, где некогда сложил буйну головушку ловец удачи Магеллан, идти было несложно: начался лоцманский этап, сначала через Зондский пролив; потом морем между Явой и Калимантаном, потом вдоль западных берегов Сулавеси и на Минданао, в порт Давао. В Зондском вволю полюбовались на темный конус некогда бабахнувшего вулкана Кракатау. Впереди яхты всегда маячил катер с флажком на топе, так что с курса сбиться мог только полный идиот. Но в Тихом снова пришлось полагаться только на себя.

Этап назывался «АнтиМагеллан» — океан гонка пересекала в направлении, противоположном первой на Земле кругосветке. Как и тогда, старушка планета смилостивилась над идущими в неизвестность моряками и в меру сил радовала погодой. Ровный пассат и встречные завихрения от могучего экваториального течения влекли растянувшуюся на несколько сот километров гонку к западным берегам Америки, и, по уверениям вралей-синоптиков, такая же тихая погода прогнозировалась как минимум на две-три недели, а то и дольше. Против «и дольше» не возражал, наверное, ни один участник «гонки самоубийц», включая папу-Шимашевича.

Строго говоря, сам Фернан де Магеллан шел совсем не так, что и понятно: Панамский канал в шестнадцатом веке существовать никак не мог. По слухам, Шимашевич сначала хотел проложить курс регаты в точном историческом соответствии — через Магелланов пролив или, если чилийцы упрутся и запретят, через мыс Горн. Пожалуй, тут бы «гонка самоубийц» и закончилась: обогнуть упомянутый мыс, двигаясь с запада на восток, и при этом уцелеть — невероятная удача для малотоннажника. А для сорока двух малотоннажников? Да и Магелланов пролив совсем не сахар. В конце концов Шимашевич дал себя уговорить изменить маршрут: гарантировать участникам гонки спасение на подлинном пути Магеллана не мог даже он.

Пестрый пузатый спинакер с красочным логотипом спонсора трудолюбиво тащил «Анубиса» на восток. Океан пронзительно синел — такого потрясающего цвета никто раньше не видел. Даже в Индийском — там вода выглядела гораздо темнее. Юра сидел по левому борту на румпеле, Женька валялся по правому, лениво удерживая браасс. Стаксель не поднимали уже с неделю — все равно не работал под спинчем, а грот, полностью растравленный, работал вполне.

Проснулся Нафания, выполз из кубрика, рефлекторно зыркнул на компас, потом на небо, потом на море, где продолжали почему-то бесноваться летучие рыбы, и вполголоса буркнул:

— Буэнос утрос...

— Как спалось? — поинтересовался участливый Женька. Как все крупные люди, он был заметно добродушнее, нежели могло показаться с виду.

— Нормально. Только фигня какая-то приснилась, аж проснулся...

Нафания побрел к вантам, отлить.

Проснулся и Баландин.

— Привет, мужики... Блин, пурга какая-то снилась, блин!

Он часто дышал, словно после стометровки. Не иначе последствия приснившейся пурги.

— О! — заорал Нафания, навалившись на ванты грудью. — Глядите!

Лоснящееся черное с белыми отметинами на боках тело на несколько долгих секунд вознеслось над волнами и, подняв тучу брызг, вновь рухнуло в соленую свою обитель.

— Косатка, чтоб я сдох! — восхищенно выдохнул Юра. — Нафания, это специально для тебя небось! Ты ж у нас единственный из экипажа Дядика.

— У нас «Косатка» не в честь рыбы, — пояснил Нафания, — а в честь ласточки.

— Косатка — не рыба, косатка — дельфин. Только хищный, — со знанием дела поправил Баландин, в свою очередь наострившись к вантам.

— Так обычные дельфины тоже хищники, рыбу же жрут, — резонно заметил капитан.

— Ты мне мозги не парафинь дельфинами! — с деланным высокомерием отбрыкнулся Баландин. — К тому же ласточка с буквой «а» пишется.

— По-русски — с «а», — равнодушно уточнил Нафания. — А у нас — по-украински написано!

— А... — понял Баландин. — Тогда ладно.

— Чего только в длинной гонке не узнаешь! — вздохнул Большой Женька. — Сто раз с вами ходил и не знал...

«Анубис» величаво скользил по водной глади, лениво взбираясь на пологие синие холмы и так же лениво скатываясь в неглубокие между ними ложбины.

Через какое-то время заскукавший Кубицкий изъявил желание сварганить обед, поэтому на брасс упал Нафаня, а Баландин принялся помогать Женьке. Через полчаса поползли бередящие обоняние ароматы, на камбузе аппетитно шкварчало. Пиликал радиоприемник, извергая некую восточную какофонию, которую наивные азиаты полагали музыкой. «Идеальный звуковой фон для работы, — объяснил как-то Женька. — Не грузит и не мешает». Остальные не возражали.

Летучие рыбы вскоре унялись — перестали выпрыгивать огромными стаями. Косатка тоже больше не показывалась, только давешний альбатрос парил чуть в стороне справа по борту. Пикировать он тоже перестал.

Женька уже раскладывал снедь по боевым, пережившим не один поход (правда, не такой грандиозный) алюминиевым тарелкам, когда Мишка вдруг, вытягивая шею, принялся глядеть вперед, на что-то скрытое от капитана пузом раздутого спинкера.

— Что там, Нафаня? — спросил Юрий.

Он все еще боялся океанских сюрпризов. Отсутствие опыта заставляло нервничать даже по пустякам.

— Не пойму, — ответил Мишка. — Что-то белое прямо по курсу. И тучки какие-то на горизонте поползли.

— Подержи-ка руль. — Юрий встал.

Баландин, не дожидаясь просьбы, вынул из рундучка бинокль и молча протянул капитану.

С полминуты Юрий разглядывал море впереди.

— Тоже не пойму, — объявил он. — Скоро подойдем.

Минуты шли, «Анубис» ходко тянул навстречу загадке.

— Бумага, что ли? Или скатерть какая-нибудь?

— Откуда тут бумага? — спросил Нафаня.

— Да мало ли? Обронил кто-нибудь.

— А может, водоросли? — несмело предположил Баландин, тоже выбравшийся на палубу.

— Разве бывают белые водоросли? — усомнился Юрий.

— Черт их знает, — вздохнул Баландин. — У нас — не бывает точно. А тут...

До белого пятнышка осталось метров тридцать; и было оно не таким уж маленьким.

— Левее возьми, — скомандовал капитан.

Нафаня послушно шевельнул румпелем; «Анубис» чуть заметно отклонился.

— Братцы, — дошло вдруг до капитана. — Да это же льдина!!!

Неровная, оплывшая по краям глыба обыкновеннейшего льда осталась справа по борту, а секундами позже заколыхалась в кильватерной струе.

— Льдина на экваторе?

— Наверное, с судейского катера сбросили, — авторитетно заявил Нафаня. — Скоро растает. Эх, жаль, пленка кончилась, сфоткать бы!

— А откуда на катере столько льда?

— Да мало ли, — фыркнул Нафаня. — Холодильник, к примеру, размораживают.

Капитан передернул плечами и вновь поднес к глазам бинокль.

— Мамочки, — остолбенел он.

— Что?

— Что? — наперебой всполошился экипаж.

— Сами поглядите.

Впереди, снова точно по курсу вставала целая гора. Белая, ослепительно сияющая на южном солнце. А между нею и «Анубисом» виднелось десятка три льдин поменьше.

— Это тоже из холодильника? — с иронией обратился к Нафане Юрий.

Он уже снова стоял на руле, отдав бинокль команде.

Никто не ответил.

Одна из небольших льдин осталась по левому борту; что-то черное шевельнулось на ней.

Баландин поглядел в бинокль.

— Елы-палы, — сказал он ошарашенно. — Это пингвин! Чтоб я сдох — настоящий пингвин!

Если бы Олег Баландин как следует разбирался в пингвинах, он бы уточнил, что это пингвин Адели.

А еще дальше впереди, за целой россыпью льдин разной величины вставала сплошная стена белесого-белесого, плотного-плотного тумана.

Капитан зябко передернул плечами, только тут сообразив, что ему действительно холодно.

Спинакер громко шлепнул и заполоскался.

— Ветер меняется, — забеспокоился Женька Большой. — В бейдевинд уходит...

— Спинакер майна! — без колебаний скомандовал капитан. — Стаксель вира. И давайте-ка левым галсиком, а то в айсберг вмажемся еще ненароком. Олечка, захвати свитерок заодно. Зябко что-то...

Здоровенный столовый айсберг медленно дрейфовал навстречу — наверное, гонимый изменившимся холодным ветром. «Анубис» закренился и изменил курс, капитан привычно отметил отклонение по компасу.

— Экватор называется, — с отвращением пробурчал из кубрика Баландин. — Холодрыга, пингвины...

Ветер изменился не зря — стекающий с ледяного купола Антарктиды холодный воздух подкорректировал экваториальные пассаты, как по направлению, так и по температуре. Многотысячекилометровая глыба материка окутала берега непроглядным туманом. Кроме того, она стеной стала на пути теплого экваториального течения. В годах устоявшийся котел, где варилась местная погода, плеснули вдоволь нового ингредиента, чтобы не зря прозванный Тихим океан нахмурился не на шутку.

Судейский катер появился ближе к рассвету, когда проклятый туман успел осточертеть всем стократно. Команда, натянувшая куртки и свитера, услышала хорошо знакомую сирену. Значит, их запеленговали в этом отвратительном влажном киселе и можно было больше не сидеть поочередно на самом носу с брасоловкой в руке, дабы не вмазаться в очередную льдину.

Катер вынырнул из тумана словно корабль-призрак.

— «Анубис»! — Зычный голос одного из судей, хорошо знакомого николаевцам Палыча, земляка, звучал как из бочки. Глухо и сдавленно.

Но как же он всех порадовал! Нервная ночь, полная неизвестность и лед, лед кругом — откуда, скажите на милость, лед на экваторе?

Нервничали все — и капитан Крамаренко, и Женька Большой, и всезнайка Баландин, и даже рубаха-парень Нафаня, которого наверняка не выбил бы из колеи и снова взорвавшийся вулкан Кракатау в Зондском проливе.

— Здесь мы, Палыч! Здесь! — надсадно заорал в ватную волглую взвесь капитан.

Женька посигналил для верности фонарем, но на катере их уже явно заметили.

Рулил незнакомый мрачный тип со шкиперской бородкой, а Палыч и один из хлыщеватых подручных Шимашевича стояли, вцепившись в носовой релинг и глядя вперед. Оба были в современных ярко-оранжевых куртках с полосами светоотражателя и вязаных шерстяных шапочках.

— Что тут у вас? — первым делом поинтересовался Палыч.

— Да нормально в среднем. Лодка цела, такелаж тоже. Всю ночь бросоловкой льдины распахивали...

— Это льдины нас распахивали, — поправил Баландин. — Новый вид спорта: помесь парусного и лыжного, елы-палы!

— У вас одежда теплая есть? — Палыч все еще тревожился.

— Обижаешь, Палыч? Конечно есть. Хоть и холодрыга на их хваленном экваторе, но мы-то не из Новой Гвинеи какой-нибудь!

Команда и впрямь шеголяла в разномастных свитерах, распахнутых штормовках, тренировочных брюках и бейсболках.

Катер тем временем подошел вплотную; Женька привычно держал за релинг. Из кубрика двое матросов в ядовито-желтых куртках вытаскивали на носовую палубу продолговатые тюки, похожие на боксерские груши.

— Принимайте! — скомандовал Палыч.

На «Анубисе» дисциплинировано стали принимать.

— А что за ледниковый период-то, Палыч? — с неподдельным интересом спросил Крамаренко. — Откуда пингвины?

— А чтоб я знал, хлопцы! — честно развел руками судья. — Мы еще утром во льды влезли. Капитана «Кассандры» чуть кондратий не хватил прямо на мостике. Шимашевич с утра от мобильного не отлипает да от рации. Сначала обойти пытались, миль тридцать к северу дали, а там вообще сплошняком стена ледяная. В общем, катера сейчас ловят регату и буксируют к месту стоянки. Так что это... Давайте конец.

Тюки и два больших походных термоса уже спустили в кубрик «Анубиса»; Нафаня с Баландиным окончательно смайнали и увязали грот, Женька подал на катер буксировочный трос.

— За вами недалеко «Балтика» и «Царица» идут, — сообщил Палыч. — Миль двадцать, не больше. Их тоже подберем. А вы там пока грейтесь. Только на водяру не налегайте, хрен знает что в ближайшее время грянет — может, жара, может, шторм, может, град, может, цунами.

— Не бойсь, Палыч, мы свою плепорцию знаем! — воодушевленно заверил капитан «Анубиса». — А что со временем, кстати? Что зачитывать будут?

— Средний пеленг на девять утра и на полдень, когда «Касандра» первые льды встретила. Слава богу, все зафиксировано, спутник бдит, «Цикада» который, навигационный. Следующий этап будете стартовать по интервалам, как шли вчера. Пока этап прекращен, до выяснения. Кстати, вы спали?

— Нет, Палыч, какой уж тут сон? — сокрушенно всплеснул руками Крамаренко.

— Тогда бейтесь на вахты и спите, пока «Царицу» с «Балтикой» подбирать будем.

— Добро! Палыч, а как мы идем, а? Лидеры далеко?

— Хорошо идете, — буркнул Палыч. — Аж жалко. Шестыми, отставание от лидеров — тринадцать часов.

— Йес! — в один голос рявкнула команда.

— Так что, мы за неделю четыре яхты наехали? — не веря, спросил Женька, замерев у носовой утки.

— Наехали будь-здоров! «Пассат», «Влтава» и «Альтаир» во встречную струю вляпались и полветром на юг почти сутки шли, а «Русалка» сначала не пойми зачем на север забралась, а потом спинч утопила. Полдня на этом потеряли, не меньше! За ними Герецун на судейском-четыре с утра ушел.

— А остальные? Никто не сошел?

— Вроде нет. Разве только в эту ночь. — Палыч сразу нахмурился. — Ладно, будет болтать, нам еще двадцать миль на восток да полста обратно. Не зевайте мне, магелланы...

— Антимагелланы! — поправил довольный Баландин.

Еще бы не радоваться — с десятого места «Анубис» перебрался на шестое.

Женька несильно пихнул релинг, и катер стал медленно разворачиваться. Вот он подался вперед, конец постепенно выбрался из воды и натянулся, «Анубиса» мягко дернуло и повлекло на запад — туда, откуда николаевский полутонник недавно пришел своим ходом.

В переданных с катера тюках оказались такие же современные куртки, как и на судьях, теплые спортивные костюмы, добротные кроссовки, спальные мешки, одеяла и дополнительный сухпай. В термосах — горячая пища, чай и кофе. Спиртное и курево — в отдельном рюкзачке.

— Ну, чего, орлы? — спросил капитан с подъемом. — Пожрем, раз дали, и потянем спички?

Никто не возражал. И даже непонятно откуда взявшиеся холода, лед и туман отошли куда-то на второй план. О них, неопытных по океанским меркам яхтсменах то

бишь, помнят, на них надеются, за них даже болеют (хоть судьям и не положено болеть, но кто же не поболееет за земляков?). Все путем! Все нормально! Все понятно! Ну почти все.

Самое ужасное — это неизвестность и неопределенность. Как вечером вчерашнего дня и на протяжении всей ночи. А сейчас все действительно стало просто и более-менее понятно. Подобрать «Балтику» и «Царицу», с комфортом проехать до стоянки. Отоспаться, наконец! Живи, моряк, сегодняшним днем, не парь попусту голову, для этого судьи есть и дядя Шимашевич с шикарного теплохода «Кассандра».

Первыми тащить вахту выпало Баландину и Нафане. Спать условились по четыре часа.

А туман и не думал рассеиваться.

На буксире шли остаток дня и всю ночь. Команда «Анубиса» в несколько приемов отоспалась, успела слегка махнуть водочки — своей, славянской, а не того жуткого пойла, что удавалось незадорого купить на Занзибаре, в Сурабае и Давао. Успела протрезветь. Успела побывать в гостях на волгоградской «Царице» и принять экипаж калининградской «Балтики», попутно вдоволь почесав языки с коллегами.

Напряжение одиночного плавания через океан спало.

Нет ничего лучше и приятнее, чем сидеть в кокпите, глядеть на розовеющий туман экваториального утра, почему-то обрамленного многочисленными льдинами на поверхности океана, изредка пропускать рюмашечку, захрустывать ее огурчиком...

И общаться.

На «Царице» тоже уже проснулись — один из волгоградцев копался у мачты, остальные точно так же разместились в кокпите. «Балтика» еще дрыхла, только нахохлившийся Борис Баринов клевал носом на руле. Впереди стрекотал двигатель судейского катера — там все, кроме вахты, тоже беспробудно спали.

Неоднократно у ближних льдин наблюдалась разнообразная малохарактерная для экватора живность вроде пингинов или тюленей. Раз видели здоровую пятнистую зверушку, пожиравшую что-то на плоской верхушке довольно здорового айсберга. Красное на белом выделялось особенно ярко.

Зато напрочь пропали летучие рыбы, а чайки теперь встречались другие, нежели ранее. Умный Баландин назвал одну из них поморником.

Женька Большой в который раз пытался настроить приемник на русскую волну. По иронии судьбы в

плавание они взяли достаточно древнюю магнитолу фирмы AIWA с настройкой коротковолнового диапазона на азиатские станции. На средних волнах попадались англоязычные передачи, но никто из николаевцев чужого языка не знал. Длинных же волн на шкале допотопной «Айвы» не было вообще. Поэтому в плавании ее чаще использовали как магнитофон, оглашая экваториальные воды экзотическими для этих мест «Машиной времени», «Воскресеньем», «Арией», Михаилом Кочетковым — всем, что имелось в продолговатом ящичке с аудиокассетами. Еще вчера Женька упорно пытался выловить из эфира что-либо вразумительное, оставив попытки только поздно вечером. Сегодня он, похоже, решил продолжить поиски. Полулежал по левому борту и лениво вращал верньер. Магнитола извергала хрипы, треск, завывания и, реже, непонятную иноземную речь. Баландин курил, зябко кутаясь в штормовку. Капитан тоже курил, изредка стряхивая пепел на транец и наблюдая, как его слизывают прихотливые завихрения кильватерного бурунчика. Нафания невозмутимо грыз чипсы из вчерашнего сухпая.

— Не, — убежденно сказал Баландин. — Не могли мы так далеко на юг отклониться, чтоб во льды влететь. Каждый же день солнце на востоке, по носу вставало, так? Проходило почти точно над головой, потому что экватор, и садилось на западе. И компас — не мог же магнитный полюс уехать фиг знает куда?

— Да сто раз уже это обсосали, — досадливо вздохнул капитан.

Нафания похрустел и осторожно вставил:

— А что там калининградцы вчера про наклон земной оси толковали? Я не понял.

— Ну, — охотно принялся объяснять Баландин, — если предположить, что наша старушка внезапно накренилась относительно плоскости эклиптики... знаешь что это такое?

— Знаю. Блин, который планеты со своими орбитами образуют.

— Во! — подтвердил Баландин. — Так вот, наклон земной оси к плоскости эклиптики составляет... э-э-э... не помню точно, не то двадцать три, не то двадцать шесть градусов. Если бы он изменился, изменилось бы привычное движение солнца по небу. Во всех широтах. Но мне кажется

ся, что фигня все это: такое событие сопровождалось бы катаклизмами почище льдов и пингвинов вблизи экватора. Цунами и землетрясения — наверное, еще не самые страшные из них. Тут что-то иное. Какой-то погодно-климатический катаклизм. Локальные заморозки на экваторе. Хотя это объясняет только льды и вовсе не объясняет присутствие пингвинов.

— А где пингины водятся? В Антарктиде? — уточнил Женька, на время оставивший неблагодарную магнитоу.

— В Антарктиде, на ближних к ней островах и на самом юге Южной Америки, кажется, водятся.

— Может, этот твой катаклизм потихоньку на экватор двигался? А пингины вслед за ним кочевали? — предположил Нафаня.

— Ну да! — усомнился Баландин. — Айсберги потихонечку и движутся. Хоть один не то что до экватора, до тропика добрался?

— Почему я знаю? — пожал плечами Нафаня. — Я вообще за пределы бывшего совка впервые попал... Да, вспомнил! На Галапагосах пингины есть. Хотя где мы, а где Галапагосы...

Неизвестно, до чего экипаж «Анубиса» dospорился бы, но тут тон двигателя буксировщика изменился. Все как один дружно повернули головы прямо по курсу.

До сих пор приходилось часто вилить вслед за катером, огибая встречные ледяные горы. Теперь же впереди из тумана, освещенная мощными прожекторами, восставала сплошная ледяная стена, сколько удавалось разглядеть. Что вправо, что влево. К стене был пришвартован теплоход «Кассандра», судно обеспечения «Фестиваль», а уж к ним — с десятков яхт, участниц «Гонки самоубийц», судейские катера...

— Вот это да! — впечатленно пробормотал Баландин. — Это ж какой катаклизм мог в этом пекле такую стену склепать!

Катер сбросил ход; «Анубис» и «Царица», постепенно сближаясь бортами, продолжали идти по инерции.

Когда борта николаевцев и волгоградцев разделяло всего пять метров, один из матросов «Царицы» протянул руку к ледяной стене и спросил у украинских коллег:

— Уже знаете, что это? Это побережье Антарктиды, Земля Уилкса. Только что про нас по радио передавали.

Команда «Анубиса» молча взирала на льды.

Глава 4

КАК КРЯКАЮТ УТКОНОСЫ

Как хорошо известно каждому, кто в детстве сумел осознать невероятный и, по правде говоря, не очень-то логичный факт шарообразности Земли, население нашей планеты делится на две категории: те, кто ходит головой вверх, и те, кто ходит головой вниз. Существует, правда, и промежуточная категория, состоящая из жителей экваториальных стран, чьи головы торчат вбок, заполняя тем самым классификационную пустоту между вверх- и внизголовыми. Так сказать, связующее звено и золотая середина. Как правило, переход из одной категории в другую, даже добровольный, связан с неудобствами и зачастую мучителен. А уж если переход этот принудителен...

В крайнем, окруженном мачтами на растяжках, домике поселка, где помещалась радиостанция, в стандартном домике с плоской крышей, вечно придавленной плоским сугробом, в домике, до крохотных окошек увязнувшем в осевших за полярное лето снежных наносах, в помощь слабосильному калориферу горела печка-капельница. Было не продохнуть, воняло соляром, табаком и крепким мужским потом. Спиртом тоже пованивало — как от четверых сидевших за дощатым столом, так и от их жестяных кружек.

— Еще по сто? — спросил Непрухин.

— Можно, — басом согласился Ломаев и, с хрустом потянувшись громоздким телом, на всякий случай уточнил: — Разбавленного?

Непрухин только повел слегка осоловевшим взглядом в сторону гостей: мол, за кого ты меня принимаешь, я же не изувер какой... Гости было двое: Джереми Шеклтон и Эндрю Макинтош, магнитологи с австралийской станции Дейвис, неделю назад прилетевшие в Новорусскую ради научных контактов и уже успевшие стать здесь своими ребятами, особенно для аэролога Ломаева и радиста Непрухина. Свои-то они свои, но умерщвлять гостей девяностошестиградусным спиртом, да еще не медицинским, а техническим, правда, очищенным марганцовкой, было бы не по-божески. Пусть еще поживут на этом свете.

— А мне чистого полста грамм. — Ломаев протянул кружку. Ухмыльнулся в бороду: — Помнишь того японца?

Еще бы Игорю Непрухину не помнить гостя из Страны восходящего солнца, а точнее, с японской станции

Сева! Из-за него он схлопотал выговор и, кроме того, три дня чистил картошку на кухне, напропалую проклиная самураев, хризантемы, гейш и особенно остров Сикоку, родину Такахаши Кацуки, старшего над группой японских ученых. В отличие от своих улыбчивых коллег, этот Кацуки держался надменно, всячески подчеркивая свое превосходство не только над подчиненными ему соотечественниками, но и над хозяевами, чем вызвал к себе глубокую неприязнь со стороны доброй половины населения Новорусской. Типунов, начальник станции, приказал не обращать внимания и терпеть, благо миссия японцев была краткосрочной. Может, все и обошлось бы, если бы на прощальном ужине Типунов не разрешил народу принять толику спиртного и если бы Кацуки не начал прилюдно хвастаться тем, что он, мол, не простой японец, а особенный, поскольку не только простое саке, но и императорское саке может пить без всякого труда. Кто-то покивал в ответ, кто-то уважительно промывчал; Непрухин же, знающий о спиртных напитках если не все, то очень многое, в том числе и то, что крепость императорского саке достигает лишь семнадцати градусов, с нарочитым простодушием предложил непростому японцу отведать «русского саке». Хлопнув полстакана спирту, Кацуки закатил глаза и остекленел. Несмотря на хлопоты врача, из стеклянного состояния он не вышел до самого отлета и был с бережением уложен в чреве самолета на пожертвованный Типуновым матрац. После чего начальник станции приступил к поискам виновного, и конечно же нашел.

Вне всякого сомнения, знай Типунов о пьянке в радиостанции, последовавшей непосредственно вслед за общей попойкой «по случаю хамского поведения Антарктиды, самовольно поставившей крест на полярных исследованиях», он непременно явился бы пресечь безобразие. Но начальник антарктической станции Новорусская Аркадий Степанович Типунов давно спал. Спали и видели сны завхоз Недобитько, повар Сусеков, дизелисты Самоклюев и Хвостовой. Спал врач Бакланов-Больших. Спала наука: магнитолог Крот, метеоролог Жбаночкин, гляциологи Полосюк и Мокроватов. Спали и храпели во сне гравиметрист Ухов и микробиолог Нематодо. Спали после бурного застолья пилоты, механики и водители. Начальники отрядов и те спали. Спала вся Новорусская, от мала до велика, от обветренного ветерана до розовощекого новичка-первогодка, ибо белая февральская ночь полярных широт в одночасье сменилась двенадцатичасовой эква-

ториальной теменью, и сказать об этом что-нибудь, кроме невразумительных междометий, на несвежую голову люди не решались. Не спал Геннадий Ломаев — дежурный на эту ночь, часто предпочитавший дежурить в помещении радиостанции со своим дружком Непрухиным, и пока еще не спали, держались австралийцы. Впрочем, долговязый Эндрю Макинтош давно уже не участвовал в беседе, а сидел пригорюнившись, жамкая лицо в пятерне, и не раз делал поползновение ссыпаться с табурета под стол.

— Джереми, — позвал Непрухин. — Ерема! Хау ар ю? Уонт ю э дринк мала-мала? Йес ор ноу?

Голубоглазый великан Джереми Шеклтон (не родственник, а однофамилец знаменитого исследователя Антарктики Эрнста Шеклтона, о чем он в первый же день знакомства поведал на ломаном русском языке русским коллегам, ревниво не желая, чтобы отсвет чужой славы падал на его персону) благосклонно наклонил голову и успел затормозить ее движение прежде, чем впечатался лбом в столешницу. Поводил туда-сюда воспаленными глазами, пододвинул кружку.

— Э литтл, — сказал он. — Как это... немного.

— Конечно, немного, — уверил Непрухин, наливая Шеклону спирт и разбавляя его водой из чайника. — Слышь, Ерема, ты Андрюху толкни — он будет, нет?

— Ему уже хватит, — определил Ломаев, вглядываясь через стол в Эндрю Макинтоша. — Почти готов. Ты себе налил?

— А то, — качнул кружкой Непрухин. В кружке булькнуло. — За что пить будем?

— Все за то же, — вздохнул Ломаев. — Помянем нашу Антарктиду, светлая ей память. Сурова была покойница, да все ее любили. Теперь... не знаю, что будет теперь, да и знать не хочу, потому что не жду ничего хорошего. И-эх-х!.. — Ломаев поднял кружку со спиртом, пододвинул к себе чайник. — За Антарктиду, за Новорусскую! За Мирный, за Восток, за Новолазаревскую, за Молодежную, за Моусон, за Дейвис, за Мак-Мердо, за Амундсен-Скотт! За Дюмон, блин, Дюрвиль! За ту Антарктиду, что была! Помянем! Светлая память старушке.

— Помянуть — это верно, — поддержал Непрухин. — Поминки она заслужила. Это ты правильно сказал. Ерема, ты куда лезешь с кружкой? Нельзя чокаться, поминки же.

— Что есть поминки? — заинтересованно спросил Шеклтон. — Я не знать.

— Поминки? — переспросил Непрухин. — Как бы тебе объяснить... Традиция такая. Помянуть покойника. Выпить-закусить. Словом, это такой званный обед, когда кто-нибудь умирает.

— Обед? — Шеклтон озадаченно заморгал. — Русский традиций? Обед из того, кто умер? Я не понимаю.

Непрухин всхотнул.

— Ты нас в мертвоеды-то не записывай, ага? Ты сперва выпей, а потом я тебе объясню. За Антарктиду выпей, какой уже нет и не будет... если, конечно, она не перекинется обратно. Хотя зачем ей назад на полюс, спрашивается? Холодно там, а зимой еще и темно...

— Летом, — поправил Шеклтон. — Летом темно. Зимой светло.

— Это у вас в Австралии привыкли так считать — летом, мол, холодно, зимой жарко... Вы не из того полушария. А у нас наоборот, понял? Если холодно и темно, то и зима, а если солнце показалось, значит, весна началась. Вот так. Ты пей давай, нечего на спирт смотреть, его пить надо...

Выпили разом. Непрухин подцепил себе из банки зеленую маринованную помидорину. Посмотрел на Шеклтона и положил ему на тарелку такую же. Ломаев, задержав дыхание, набулькивал в кружку воду из чайника.

Прожевав твердые, хрюкающие под зубами помидоры, помолчали. Несмотря на то что с момента «прыжка» континента минуло более суток, случившееся только начинало укладываться в головах людей, и то не без помощи спирта. По правде говоря, в тот момент, когда солнце внезапно переместилось с горизонта в зенит, а затем заволокло густейшим туманом, никто ничего не понял.

Мигрень случилась у всех, что верно, то верно. Врач объяснил это явление резким изменением магнитного поля, выдал личному составу анальгин и посоветовал расслабиться. Какое там!..

Общая растерянность выразилась в неуместной суете. Ошалевшие полярники без толку бегали из домика в домик, из балка в балок, мешая работать немногим флегматикам, пытающимся продолжать заниматься своими делами, растерянно матерились, и глаза у каждого были вполлица. У повара Сускова выкипел борщ. Издалека было слышно, как орали перепуганные пингвины из ближайшего к станции стада.

294 Были и путались под ногами собаки. Типунов, сам ни-

чегошеньки не понимающий, бросался на подчиненных не хуже цепного пса, орал, карал и разносил.

Произошел крупный природный катаклизм — это было ясно каждому. Но сути его не понимал никто. Только-только, казалось, изготовились к очередной зимовке — и вот на тебе!

По-видимому, мировые средства массовой информации здорово растерялись, иначе невозможно объяснить тот факт, что первые сведения о перемещении шестого континента пошли в эфир лишь спустя пятнадцать часов. Вскоре, однако, Непрухин принял радиogramму с «Капитана Хлебникова», только вчера ушедшего из Мирного в сторону Тасмании с возвращающейся на родину сменой полярников и нахватавшейся «полярной экзотики» ненавидимой зимовщиками толпой круизных и капризных туристов, утонуть бы им на глубоком месте.

Радиogramма была скупая: новые координаты судна (близ берегов Канады), рекомендация сохранять спокойствие, дружеские пожелания и более ничего. Непрухин клялся и божил-ся, что, согласно давно и прочно установленному порядку, он доложил о содержании радиogramмы одному только Аркадию Степановичу Типунову и больше никому, однако же через пятнадцать минут о «переезде» материка стало известно всем на станции. Типунов только махнул рукой. Потом пришла радиogramма из родного ААНИИ примерно того же содержания. Не нервничать, сохранять спокойствие, ждать указаний. Мол, подумаешь, материк с цепи сорвался — ха! Видали, мол, и не такое.

Кто видал? Когда?

Теперь уже не могли работать и самые стойкие, с бронированной психикой. Собирались кучками в промозглом тумане, ежились в казашках, спорили и галдели. Столь густой туманной пелены не помнили и ветераны. Туман на антарктическом побережье, что в Новорусской, что в не очень далеком Мирном, вообще редкость. Появись он — стекающий с купола ветер порвет его в клочья и унесет в океан.

Приходилось признать, что море у припая парит с чудовищной силой, а значит, вода куда теплее, чем ей положено быть. Не поленились сбегать — намерили семь градусов, через час — восемь с половиной, а еще через час — десять ровно! После этого туман сгустился до того, что бегать на припай стало опасно, и измерения прекратили. Правильно сделали: через двадцать минут пришла волна, невысокая, но длинная и могучая, как прилив. Припайный лед не просто взло-

мало — искрошило в густую кашу. Чему дивиться, когда математики прыгают с места на место, как блохи. Удивительно, что не пришла волна с небоскреб высотой.

Но как раз туман больше всего и убедил скептиков в реальности наблюдаемых событий. Можно не согласиться с радиогаммой, но поди поспорь с физикой!

С рекомендацией расслабиться Типунов в конце концов согласился вполне, приказав завхозу выдать по двести граммов водки на индивида и добавив две бутылки коньяка от себя — кутить так кутить. Коньяк, как все на станции знали, был особенный — его предполагалось выпить в ноябре по случаю окончания зимовки. Однако о какой зимовке теперь могла идти речь?

— Я не понять, — молвил Шеклтон, прожевав помидорину и моргая. — Почему смерть Антарктида? Изъясни.

— Чего тут не понять, — махнул рукой Непрухин и, задев флягу со спиртом, едва успел ее подхватить. Покачал в руке, подумал и поставил на стол. — А, ладно, не будем о грустном. Ты мне, Ерема, лучше про ваших утконосов расскажи, очень я ими интересуюсь, а вот живьем сроду не видел. Они крикают или как?

Шеклтон наморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл вопроса. Так и не вникнув, смастерил из ладони подставку и уронил в нее лицо.

— Отстань от человека, — прогудел Ломаев, со вкусом жуя хлебную корку. — Вчера приставал, позавчера приставал, сегодня пристаешь. Дались тебе эти утконосы. Он их, может, и в глаза не видел.

— Как это не видел, когда он из Австралии? Скажешь, он и кроликов не видел? Или кенгуру?

Ломаев ухмыльнулся в бороду:

— По-твоему, у них там утконосы в каждом пруду резвятся? Ну вот ты, скажем, из России. Расскажи-ка, как у нас медведи по улицам табунами ходят. Гостям интересно.

— Иди ты, — буркнул Непрухин и вновь устремил взгляд на Шеклтона. — Нет, правда...

— Мьедвэд? — поднял голову Шеклтон. — Что есть?.. О, бэр!.. Ноу, бэр — не есть в Аустралия. Коала есть. В зуу... в зуупарк... Утконос в зуупарк есть тоже. Я ходить видеть. .

— Он из Ньюкасла, — пояснил Ломаев. — Сколько тебе раз говорить? Большой город. Откуда там утконосы, кроме как в зоопарке?

— Не знаю, — сказал Непрухин и вздохнул. — Я как думал? Пришел на ихний пляж, разделся, прыг в воду, а утконосы — только фр-р-р в разные стороны. Так и шустрят. И крикают. Думал, там у них искупаться нельзя, чтобы не напугать утконосов...

Прислушивающийся с видимым напряжением австралиец решительно замотал головой:

— Утконос пугать — нет. Не надо. Данджер... опасность. Ядовитый спур... как сказать русски?

— Шпора, — перевел Ломаев и гулко икнул.

— Йес, ядовитый шпора на задний нога. Пугать — не надо. Только самый глупый человек. Умный — не пугать.

— Ясно, — кивнул Непрухин, тщетно пытаясь побороть икоту. — А они — ик! — крикают?

— Ноу. А зачем?

— Ну как зачем? — удивился Непрухин. — Утконосы все-таки. Были бы дятлоносы — долбили бы что-нибудь. А так должны крикать. Скажешь, нет?

Шеклтон долго думал.

— Должны, — согласился он наконец. — Но не крикают.

— Ты на Непрухина внимания не обращай, — сказал Шеклтону Ломаев. — Ему утконосов подавай, или бушменский язык выучить, или еще чего. Лет сорок назад из него получился бы нормальный романтик с горящими глазами.

— А сейчас? — заплетающимся языком спросил Шеклтон. — Кто есть сейчас получился?

— А сейчас — Непрухин. И этим все сказано.

— Так почему они не крикают? — упрямо спросил Непрухин.

— Ты стебешься или правда глупый? — поинтересовался Ломаев.

— Догадайся.

— А вот выкину тебя наружу, чтоб гостей не изводил, — побродишь ты там, ежик в тумане... поищешь утконосов.

— И у тебя юмор на нуле, — тяжело вздохнул Непрухин. — Убийца. Ничего же не видно. Заплутаю и замерзну, что тогда?

— Похороним. Только ты не замерзнешь. Спорим?

— Это почему?

— Потому что спирт при минус двадцати не замерзает. Сколько ты в себя влил?

— Шуточки у тебя... — обиженно пробурчал Непрухин.

Ломаев замолчал. Оба знали, что во время прошлой зимовки во время внезапно начавшейся пурги в двух

шагах от станции насмерть замерз нетрезвый дизелист. Отошел по малой нужде...

— Извини.

— Ладно, проехали. Давай-ка еще выпьем по чуть-чуть. За утконосов.

— Опять? — задвигал бородой Ломаев.

— Ну как... Мы все-таки немного ближе к ним стали, нет?

— Чуть-чуть ближе, кажется, — подумав, согласился Ломаев. — Только с другой стороны. А за утконосов твоих я пить не стану, сам пей. Давай-ка лучше еще раз за Антарктиду-матушку, светлая ей память, и за зимовку несостоявшуюся... Помянем! Налей!

— Почему помянем? — спросил Шеклтон, мучительно пытаясь не уронить голову на стол, однако с готовностью подставил кружку. — Уай? Почему рашен званый обед?

— По кочану, — угрюмо сказал Ломаев. — Выпьем.

Забыв, что нельзя, чокнулись. Выпили.

— Ты что, не слышал, что за столом Жбаночкин сказал? — с усилием ворочая непослушным языком, спросил Непрухин. — Э! Андрюха, ты куда?

Опираясь на стол, Эндрю Макинтош мучительно тщился подняться с табурета, имея сильный крен на правый борт. («Щас улетит», — определил Непрухин.) Через секунду бортовой крен австралийского магнитолога сменился глубоким дифферентом на корму, и жертва русского гостеприимства, попятившись, наткнулась на дощатую стену, по коей и сползла на пол, задрав тощие колени выше головы на манер паука-сенокосца.

Немедленно вслед за тем австралиец уронил голову на грудь и продолжил мирный сон.

— Готов, — с пьяной улыбкой констатировал Непрухин.

— Ну, хоть не под стол нырнул, — рассудительно заметил Ломаев. — Не трогай его, пусть отдыхает.

— Почему поминки? — повторил вопрос настырный Шеклтон.

Непрухин сражался с непослушным лицом, пытаясь состроить кривую ухмылку.

— Ты хочешь сказать, что наша работа будет продолжена, так? Ты, наверное, хочешь еще сказать, что работы в связи с переездом континента на новое место у нас... э... о чем это я? Да! Работы у нас будет даже больше, чем раньше, и... это... она станет еще интереснее? Так? А вот хрен нам всем! Одно дело околополюсный район, на фиг никому, кроме нас,

не нужный, и совсем другое... э-э... Тихий океан. Купол когда-нибудь растает, а под ним, сам понимаешь, нетронутые ископаемые, бери да вывози. Лакомый кусочек. Да если бы только ископаемые! — Непрухину все же удалось соорудить ухмылку. — Тут... э... много чего, кроме ископаемых. Ничейной территорией Антарктиде уже не быть, зуб даю. Сколько лет продержится Вашингтонский договор, как ты думаешь?

— Хватил — лет! — глухо, как в бочку, прогудел Ломаев. — Недель, а не лет. А то и дней. Вот увидишь, набросятся со всех сторон, как псы, и порвут Антарктиду на части. Всякая дрянь, какую и на карте-то не вдруг найдешь, начнет кричать, что у нее, мол, здесь исконные национальные интересы. Сверхдержавы — те кинутся в первую очередь. Тут такой клубок завяжется, что мало не будет. В лучшем случае мирно поделят кусок, в худшем перегрызутся между собой, и гран мерси, если не начнут войну. А нас — в шею, чтоб под ногами не путались. Что в Антарктиде есть научные станции, это хорошо, это готовые форпосты, только скоро их займут совсем другие люди. — Он насупился и, помолчав, добавил: — Вот так вот.

— Теперь понял? — сочувственно спросил Непрухин. — Хм. Странно, Ерема, что ты не слышал. Витька Жбаночкин об этом еще когда говорил...

— Он на другом конце стола сидел, — пояснил Ломаев. — А Витьке Типунов сразу велел заткнуться.

— Почему — в шею? — спросил Шеклтон, моргая непонимающими голубыми глазами.

— Почему да отчего... — Непрухин качнулся на табурете и затейливо выругался. — Ну ладно, кое-кто из нас поначалу будет нужен... как старожил, так сказать, как инструктор... У нас как-никак опыт, мы пока что... э... представляем ценность. Скажи, Ерема, ты хочешь обучать командос ведению боевых действий в условиях купола, а?

— Ноу. — Шеклтон уверенно замотал головой и едва не уронил ее с руки-подпорки. — Не хочу.

— И я не хочу. А придется. Прикажет тебе твоя австралийская родина — и будешь. Что, нет?

— Ноу. Нет. Не буду.

— А не будешь — вышлют тебя в твою Австралию в двадцать четыре часа. К твоим утконосам.

Шеклтон упрямо мотал головой:

— Ноу. Нет выслать. Нет командос. Нет утконос. Вашингтон... э... договор! Протест... Каждый научник

есть протестант... Фрэндшип, йес? Со-ли-дар-ность! — Произнеся это трудное слово, он разгладил морщины на лбу и победно блеснул глазами.

Непрухин только махнул рукой и вновь чудом удержал равновесие.

— Наивный ты человек, Ерема. Не знаешь, как договорами подтираются? Ну, так узнаешь — делов-то! Тьфу!

— Хорош о плохом, — прогудел Ломаев. — А то я что-то трезветь начал. Зимовка, блин, псу под хвост, деньги, наверное, тоже... Да что деньги! А Молодежная? Такая станция! А Новорусская наша? Отнимут ведь... Не трави душу, Игорек, лучше налей еще. Там еще осталось? Тогда выпьем! Не забудь — Ереме разбавленного.

— Со-ли-дар-ность! — повторил Шеклтон.

— Чего-о?

— Политик — дрянь, — из последних сил сообщил австралиец. — Ученый — всегда договориться. Дьепломат — нет. Факин политик — гоу хоум. Антарктик — наша...

Вслед за тем он со стуком уронил голову на стол и отключился.

Ломаев шумно вздохнул и посмотрел на него с сожалением:

— Договорился один такой... А, ладно! Что бы там ни случилось — за Антарктиду! По последней.

Звякнули кружками, выпили, задвигали челюстями, жуя зеленые хрюкающие помидоры. Душевно...

— А может, он прав? — спросил Непрухин, одной рукой смахивая набежавшую слезу, а другой указывая на Шеклтона. — Сколько тут у нас... э... станций? У нас четыре действующих да еще три можно расконсервировать, у американцев — шесть, у австралийцев — три, у англичан и аргентинцев по две, у французов, бельгийцев и новозеландцев по одной, у японцев и чилийцев обратно по две, потом еще норвежцы, южноафриканцы, китайцы... кто там еще?

— Украинцы, — подсказал Ломаев.

— Точно, у них старая английская станция, им подарили... Да я же их вчера в эфире слышал, значит, в этом году они собрались зимовать. В общем, бери на круг человек пятьсот, а то и тысячу. Если всем объединиться, то... Генка, ты представляешь, что будет?

— А что будет? — спросил Ломаев.

Глаза у Непрухина горели — совсем как у Шеклтона две минуты назад. Чудилось в них синее спиртовое пламя.

— Не солидарность никакая, этого мало. Го-су-дар-ство, понял? Новое и суверенное государство Антарктида. Скажем, э... Антарктическая Федерация... или Конфедерация, не суть важно, потом решим. Самопровозглашение, понял? Страны, какие послабее, нас поддержат, только чтобы у сильных кусок из лап ушел. А вступим в ООН — съешь нас тогда без хрена! Вот им! — Непрухин попытался отбить положенное «им» на локте и едва не сверзился с табурета. — Ерема-то прав, только не успел договорить, потому что устал...

— А Россия? — нахмурился Ломаев.

— Поддержит в числе первых. На что спорим?

— Я о другом. О России ты не думаешь? Ну ладно, Вашингтонский договор державы похерят, тут я согласен... Но, помоему, раз де-факто мы сидим тут, то России при дележе должен отойти кусок. Хотя бы вот эта Земля Уилкса...

— И что Россия будет с нею делать, а? Сам подумай. Генка, ты чего, а? Аляску вспомни, Калифорнию. А ведь тогда мы сильные были, и все равно оказалось, что руки коротки...

Ломаев тяжело вздохнул и стал мрачен.

— Не знаю... Может, базу для флота... бесплатную. Вместо Камрани.

— Это какого флота? — прищурился Непрухин. — Это ржавого, да? Того, что из Владивостока никак не может выйти?

— Заткнись.

— Сам заткнись. Россия нам еще спасибо скажет, это я тебе говорю. Многополюсность мира, равновесие и все такое. Одним полюсом больше — какая, на фиг, разница? Лишь бы не меньше.

— Давай перекурим, — сказал Ломаев.

— А гости?

— Потерпят. Во сне легко терпеть.

Затянулись «Примой». По комнате поплыл дым, дышать стало труднее.

— Ты хоть бы дверь на минуту приоткрыл, — укорил Ломаев. — Задохнемся ведь. Это у тебя от духоты мысли такие дурацкие.

На то, чтобы, хватаясь за стенки и шкафы с аппаратурой, преодолеть расстояние от стола до двери, Непрухину потребовалось полминуты. Струя холодного воздуха, не сухого, как обычно, а влажного, промозглого, потекла по ногам. Сидящий на полу Макинтош замычал и зашевелился, но не протрунул.

— Назад, Тохтамыш! — заорал вдруг Непрухин, и чей-то мокрый нос коснулся свесившейся со стола ладони Ломаева. — Брысь! Пшел вон, скотина!

Пока выгоняли лохматого Тохтамыша, ни о чем не желавшего ночевать в холодном тумане, скулящего, уворачивающегося от рук и огрызающегося, домик совсем выстудило. Дрожа, захлопнули дверь и, не обращая внимания на скулеж и царапанье, набуровили еще по двадцать капель. Сглотнули без тоста и закуски.

— Суки, — невнятно, но с чувством произнес Ломаев. — Вот суки.

— Точно, — согласился Непрухин. — Дай пять. А кто суки?

— Да все... Все, кто гробит Антарктиду. Все, кто сидит и ничего... ничего, блин, сделать не может. Вот как ты и я. Точно мне, Игорь, не могу я так... Включи радио, что ли, давай послушаем, что в мире делается...

Минут через пять стало ясно, что ничего особенного в мире не делалось. То есть ничего такого, что было бы невозможно предсказать заранее. Недолго послушали американцев и новозеландцев, затем поймали на КВ русский «Маяк». Повсюду в блоках новостей шло одно и то же: передавались новые координаты Антарктиды, сообщалось о жертвах цунами, пропавших самолетах, сбившихся с курса судах и тревожной судьбе полинезийцев, чьи острова в одночасье скакнули в южные полярные широты. Эксперты-геофизики не могли сказать ничего вразумительного, солидные религиозные конфессии реагировали лишь призывами молиться, упоая на безграничное милосердие Всевышнего, а несолидные выступали с жутковато-злорадными заявлениями и пророчествами — мол, то ли еще будет, гореть вам огнем, схизматики, и поделом. Совет Безопасности ООН заседал со вчерашнего дня, однако не принял пока никакой резолюции. В Москве плюс один градус, осадки, налипание мокрого снега.

— Во связь, — с блаженной улыбкой сказал Непрухин и уронил подбородок с кулака. — Ни тебе ионосферной непрух... непроходимости, ни какой другой фигни... Не, я тащусь...

— Выключи, — морщась, как от мигрени, потребовал Ломаев.

Стало тихо. Даже Тохтамыш смирился со своей участью и перестал царапать дверь снаружи.

— Антарктик! — пробубнил вдруг Шеклтон, не поднимая головы. — Фридом! Солидар... — Не договорив, он густо всхрипнул и издал носом залиvistый свист.

— Ты чего, Ерема? — участливо спросил Непрухин. — Может, уложить тебя? Баиньки, а, Ерема?

Австралиец не реагировал.

— Слышь, Игорь, — неожиданно прогудел Ломаев, комкая в кулаке бороду, что служило у него явным признаком серьезной работы мысли. — Слышь, говорю! Твоя рация в нормальном вещательном дипа... диапазоне работает?

— Может. А что?

— Включай. Давай подпортим сукам праздник. Бумага, карандаш есть? Пиши.

Непрухин потянулся за карандашом и, своевременно ухватившись за стол, избежал опасного крена.

— Чего писать-то?

— Независимость объявим. Ты против?

— Я?

— Ты.

— Я — за.

— И я — за. Консенсус. Пиши документ и приложи их, сук, как следует.

— Манифест или воззвание?

— А не все равно? — прогудел Ломаев и некстати икнул. — Сам сообрази. И изобрази. Ты у нас — ик! — стилист.

Писать документ пришлось дважды — в первый раз листок бумаги улетел под стол, что не сразу заметили. Зато второй раз дело пошло успешнее, поскольку каракули на фанерной столешнице послужили черновиком. Не без труда отстранив нетерпеливого Ломаева, Непрухин поднес листок к глазам и, старательно вглядываясь в неразборчивые письма, зачитал текст вслух:

— Всем, всем, всем!!! Внимание! Говорит Свободная Антарктида! Говорит Свободная Антарктида! Слушайте сообщение информационного агентства «Антарктида онлайн»! Работают все радиостанции Новорусской и окрестностей! От имени и по поручению народа Антарктиды, а также всех ее живых существ, включая пингвинов и примкнувших к ним утконосов, сим манифестом объявляется о создании независимой, суверенной и неприсоединившейся Антарктической республики с юрисдикцией, распространяющейся на весь материк, шельфовые ледники и прилегающие острова, исторически принадлежащие Антарктиде, а также территориальные воды и двухсотмильную экономическую зону. Считая самоопределение неотъемлемым правом каждого народа, мы, антаркты, заявляем о своей твердой решимости защищать независимость нашей страны от агрессии любой другой державы всеми доступными нам средствами,

включая вооруженное сопротивление. Будучи, однако, народом традиционно миролюбивым, мы приглашаем все страны и народы мира к честному и взаимовыгодному сотрудничеству на благо всеобщего прогресса и процветания. Да здравствует Антарктическая республика! Дано на станции Новорусская двадцать шестого февраля сего года. От имени народа Антарктиды: Ломаев, Непрухин, Шеклтон, Макинтош. Ну как?

— Про утконосов выброси, — посоветовал Ломаев, силясь удержаться на табурете. — А вообще — ик! — неплохо. Теперь наговори то же самое на пленку по-русски и по-английски. Пленку — в кольцо. Транслировать без конца.

— Без конца? — шало улыбаясь, спросил Непрухин.

Ломаев думал, шевеля ушами:

— Ну, пока дизеля стучат.

— Угу. Да, вот еще: «онлайн» как писать — кириллицей или латиницей?

— А ты как — ик! — написал?

— Сейчас посмотрю. — Непрухин поднес бумажку к самым глазам. — Ничего не вижу... Не, вроде латиница. А как надо?

— Как есть, так и оставь — ик! Для бумаги. И для политкорректности. — Ломаев указал на австралийцев. — А вслух ты это тоже будешь произносить кириллицей или — ик! — латиницей?

Непрухин задвигал бровями — думал.

— О! — просиял он наконец. — Точно! Вслух — без разницы. Ну ты голова!..

Спустя примерно полчаса нетрезвый русский голос объявил на весь мир о рождении нового государства Свободная Антарктида. Любой утконос, услышав такое, несомненно, закрывал бы от изумления во весь голос. К сожалению, эндемичные австралийские яйцекладущие так ничего и не узнали о возмутительном сообщении, непрерывно транслировавшемся на коротких волнах в течение восьми с половиной часов.

Зато о нем узнали люди.

Глава 5

ОЙ, ГДЕ БЫЛ Я ВЧЕРА...

Начальник Новорусской Аркадий Степанович Типунов почти всегда просыпался за минуту до звонка будильника. Исключения составляли экстраординарные случаи. Например, в прошлом году, провалившись в полынью на

припае и схватив жестокую ангину с температурой под сорок, он проспал двое суток подряд и выздоровел. Одиннадцать лет назад на станции Восток, тогда еще исправно действующей и даже процветающей, прямо в лоб ему отлетел обломок кувалды, лопнувшей на морозе от несильного удара, как стекло. Понятно, что пока Типунов лежал без сознания, его биологические часы бездействовали. Да и во время акклиматизации на Востоке, если говорить честно, они ввали нещадно. Были в жизни и другие случаи того же сорта. Ничего не поделаешь: биологические часы не снабжены противоударным балансом и на всякую встряску организма реагируют сбоем. Дешевые часы, штамповка...

Будильник пищал. Очень недовольный собой, Типунов заткнул шлепком ладони назойливый механизм, пробормотал под нос ругательство без конкретного адреса, мужественно потянулся и уже готов был вскочить, отбросив одеяло, чтобы проделать комплекс утренней гимнастики, как вдруг припомнил вчерашние события и задумался. Восстать от сна было можно и, пожалуй, необходимо. Но чем заняться, Типунов решительно не знал.

Было только ощущение, что забот полон рот, — но каких? Прежде он не задумывался об этом, ориентируясь на ходу. Вроде получалось. Рутинка — она и в Антарктиде рутинка, особенно после ухода последнего судна. Обеспечивай работу научных групп, не забывай об организации быта и поддержании благоприятного микроклимата в коллективе, поощряй отличившихся, наказывай разгильдяев и, главное, всеми средствами своди к минимуму вероятность ЧП, ибо здесь, как и везде, пригодность начальника оценивается вышестоящим руководством на «пятерку» как раз по отсутствию неожиданных неприятностей.

Но что значат неприятности местного значения по сравнению с дурной шуткой, которую выкинул континент?! Вчера Типунов сломал голову, пытаясь понять, КАК он это сделал, причем вместо КАК то и дело возникал глупый и безответный вопрос ЗАЧЕМ. Сегодня Типунова мучил совсем иной вопрос: что в новых условиях должен делать он, начальник станции Новорусская?

Прежде всего — не поддаваться панике. Это мы знаем, это мы проходили, это нам как дважды два. Пресекать расхлябанность подчиненных — вне всякого сомнения. Пусть каждый занимается своим делом по старому плану, пока не составлен новый, а тех ученых, чья работа связана не с

Антарктидой собственно, а вообще с высокими широтами, надо найти чем занять. Это первое. Запретить всем без исключения удаляться от поселка дальше расстояния прямой видимости, особенно к краю барьера. Это второе. Никаких полетов в туман — это третье. Провести двумя вездеходами ближнюю разведку, хотя бы до седьмого километра — это четвертое. Но осторожно! Может статься, что во время «посадки» континента на новое место лед расколо такими трещинами, что холодный склад на седьмом километре безнадежно отрезало. Если нет — попробовать пробиться к оазису Грирсона, где на будущий сезон намечали поставить новую станцию, оставив Новорусскую лишь как перевалочный пункт. Сдерживать или нет ожидаемую инициативу геологов, метеорологов, биологов и прочей научной братии, рвущейся немедленно собрать бесспорно уникальный научный материал, каждый по своей части?.. Гм... Там посмотрим. Но ждать указаний руководства — это, безусловно, пятое и главное!

Интересно, сколько времени придется ждать толковых указаний?

Типунов снова ругнулся. Черт, подготовились к зимовке... А никакой зимовки теперь не будет. Солнце каждый день будет нагло светить по двенадцать часов кряду и проходить чуть ли не через зенит. Лед потечет, снег начнет таять, и в домах, большинство из которых за три года существования станции занесло снегом до половины, начнется потоп. А значит — что? Значит, уже сегодня надо мобилизовать людей на сборку щитовых домиков — кажется, есть на складе комплекта три... или четыре? На всех, безусловно, не хватит, но хоть какой-то паллиатив. И срочно пробить, где можно, траншеи для стока воды. А в ожидании судна со сборными жилыми конструкциями (когда оно еще придет, это судно!) не мешало бы попытаться раскопать наиболее утонувшие в снегу нежилые постройки и посмотреть, не годятся ли они как материал для постройки новых домиков или хотя бы балков...

Стоп! А откуда следует, что новое жилье вообще понадобится? Вчера за столом в кают-компании Жбаночкин сказал то, что говорить не следовало, во всяком случае, не следовало при иностранцах, но ведь сказал-то он чистую правду! Кому, кроме ученых, была нужна Антарктида на полюсе? Разве что состоятельным туристам, усиленно ищущим все новой и новой экзотики. А кому нужна Антарктида на экваторе?

О, она много кому нужна!.. Завопят, что прежние со-

глашения о ее статусе устарели, и с легким сердцем пустят их побоку. Вцепятся в материк и друг другу в глотки. Начнут делить.

Положим, первое время можно не особенно волноваться — политика политикой, а наука наукой. Ну а потом?

Еще позавчера будущее рисовалось Аркадию Степановичу Типунову спокойным и в меру обнадеживающим. Похоже, после десятилетия упадка, безденежья и равнодушия государственной верхушки ко всему, что невозможно прибрать к рукам, начиналось то самое попятное движение, благотельное действие которого некогда ощутил на себе булгаковский профессор Персигов. Верхи вдруг вспомнили, что за Россией числятся несколько антарктических станций, опекаемым ААНИИ, давно уже воющим дурным воем по причине недофинансирования, выделили сколько-то из бюджета, начальство подбросило снаряжения и техники, и экспедиция этого года получилась побогаче прошлогодней. Отпал вопрос об окончательном закрытии станции Беллинсгаузена. Верхи вспомнили также о геополитических интересах страны, о необходимости точного прогнозирования погоды в любой части земного шара, и многое говорило за то, что уж в следующем-то году законсервированная станция Восток будет открыта вновь — хотя бы только ради метеонаблюдений.

А что такое Новорусская, как не перевалочный пункт на еще не пробитом новом пути к Востоку? Представляется, что путь отсюда до Востока будет чуть-чуть попроще, чем из Мирного. А в общем-то, что Мирный, что Новорусская, что несостоявшаяся станция в оазисе Гирсона — очень далеко не Молодежная и не Новолазаревская. У них иная функция. Мирный и Новорусская — типичное захолустье. Если нет насущно необходимого Востока — что им остается делать, как не хиреть?

Восток попытаются реанимировать, тут нет сомнений. Теперь это даже актуальнее — в Тихом океане внезапно возник огромный «холодильник», и вызванные им погодные катаклизмы прямо коснутся России. И не только ее. Не-ет, те страны, что явочным порядком застолбили себе здесь места для научных станций, без грызни их не отдадут... А чем дело кончится? Ясно чем... Уж кого-кого, а Россию из Антарктиды начнут выдавливать в первую очередь. И можно не сомневаться — выдавят. Мускулы у страны еще не те... или уже не те?

Впрочем, без разницы.

Типунов вздохнул и решил, что мрачных мыслей на сегодня достаточно. До поступления указаний свыше надо жить, как жили. Вон и люди уже успокоились, шутки шутят... Вчера в конце застолья микробиолог Нематодо, отлучившийся на минуту из кают-компаний, ворвался с криком, что в небе наблюдается полярное сияние уникальной красоты. Это на экваторе-то! В густейший туман! А кинулись смотреть многие, и не только новички. Потом, правда, едва не начистили Нематодо рыло за такой розыгрыш...

Выскользнув из-под одеяла, Типунов нашарил на полу гантели и стал с ожесточением предаваться утренней гимнастике. Раз-два, раз-два! Чтобы тепло по жилам. Р-раз! Воппррросы — пррррешим! Пррррпроблемы — пррррррежем!

Хлопнула дверь шлюза, по лестнице застучали чьи-то ноги. Нематодо — легок на помине — влетел в личную спальню начальника станции без приглашения и даже без стука. Факт не имел прецедента. Озадаченный Типунов даже не рыкнул — вопросительно уставился на влетевшего, застыв, как стоял — в трусах, майке и с гантелями в разведенных руках.

На губах микробиолога играла шальная улыбка. Глаза — вполлица, безумные. Столкни такого с ледового барьера — он полдороги пролетит и не заметит.

— Слушайте! — И на стол начальника станции брякнулась магнитола. Английский голос с омерзительно правильным оксфордским выговором вещал из черной пластмассовой коробки:

— ...подстроено русскими. Предполагается, что двух граждан Австралии, Джереми Майкла Шеклтона и Эндрю Льюиса Макинтоша, угрозами или насилием заставили поставить подписи под документом, не имеющим аналогов в мировой истории по наглости и дурному тону. Пока неизвестно, кто скрывается под заведомо вымышленными фамилиями Непрухин и Ломаев и какая организация в действительности стоит за новоявленными сепаратистами. Несколько видных политических деятелей высказали предположение о том, что в действительности речь идет о создании зоны, контролируемой международным терроризмом и предназначенной для размещения лагерей подготовки боевиков, а также перевалочных баз для транспортировки наркотиков из юго-восточной Азии в США, Австралию и Японию. Роль России в разворачивающихся на наших глазах событиях остается во многом неясной, однако тот факт, что передача возмутительного манифеста была осуществлена с российской антарктической станции Но-

ворусская, является неоспоримо доказанным. Два часа назад посол Соединенных Штатов в Москве передал Президенту России ноту протеста; аналогичный шаг, вероятно, предпримет Великобритания и другие цивилизованные страны. Мы будем регулярно знакомить наших слушателей с последними новостями с Ледового континента. Оставайтесь с нами на волнах Би-би-си. Через минуту мы повторим запись манифеста антарктических сепаратистов, затем перед вами выступит приглашенный в нашу студию второй секретарь британского министерства иностранных дел господин Брюс Хапхоуп...

Челюсть Типунова медленно отваливалась. Когда она достигла предусмотренного анатомией предела, начальник станции громко икнул, что с разинутым ртом сделать не очень просто. Вслед за тем мирную ватную тишину занесенного снегом домика разорвал негодующий вопль и, вырвавшись наружу, заплутал, завяз в тумане:

— Что-о-о?..

Сон Ломаеву приснился из самых безобразных: посреди бурлящей на площади громадной толпы его, вздев на шест, жгли на манер чучела. В далеком пионерском детстве Ломаев и сам любил подобные забавы, случавшиеся в пионерлагере не реже раза в смену на специальном антиимпериалистическом мероприятии, и не однажды помогал набивать соломой чучело пузатого мироеда с Уолл-стрит, непременно обряженное в картонный цилиндр, фрак, манишку и звездно-полосатые штаны.

Солома горит хорошо, с керосином — тем паче. Заокеанский буржуин весело стрелял искрами, чернел и разваливался на куски, к радости пионеров. Это был на редкость правильный буржуин, он ничего не имел против детей и был всегда готов принести им радость.

Но даже в самом дурном кошмаре Ломаев не мог представить себе, что сжигаемым чучелом станет он сам!

Толпа веселилась и улюлюкала. Пока горел керосин, было еще ничего, терпимо, но когда огонь слизнул бороду и охватил казшку, Ломаев ощутил некоторый дискомфорт. Затем язык пламени шустрой змейкой скользнул под нижнее белье и поджег выбившийся из разошедшегося на боку шва клочок сена. Ну конечно, его, Ломаева, дурно пошили и не озаботились заштопать! Да и набили кое-как! Стоит ли возиться с тем, что все равно сгорит! На миг Ломаев почувствовал глубокое отвлечение к бракоделам, но только на миг, потому что

огонь начал пожирать его изнутри. Свалились унты, расселось прогоревшее брюхо, отвалилась голова, и Ломаев умер.

Умерев, он проснулся и немедленно о том пожалел. Тошнило; хотелось пить; в голове тяжело и надоедливо били в рельсу; потный живот сводило судорогой, ноги то отнимались совсем, то принимались беспричинно дергаться.

Ломаева ломало. Как научник, привыкший доверять исключительно показаниям точных, поверенных метрологом приборов и лишь в крайнем случае своим глазам и ощущениям, он никогда не верил в полтергейст, барабашек и прочую муть, выдуманную жуликами для скорбных разумом обывателей. Но сейчас в нем поселился именно барабашка, причем явный хулиган с садистскими наклонностями. Вообще-то барабашки в людях не живут, но этот, вероятно, настолько надоед своим коллегам по ремеслу, что был сослан ими в первое попавшееся нетрезвое тело. В его, Ломаева, тело!

Стучало в затылке, висках и, кажется, даже в позвоночном столбе. Сбравшись с духом, Ломаев потянулся всем телом и мужественно попытался не застонать.

Барабашка бесчинствовал. Все-таки не застонав, Ломаев открыл глаза и попытался определить, где он находится — в радиостанции или у себя? О том, что он мог выйти из радиостанции и свалиться в сугроб, не дойдя до своего домика, Ломаев, как всякий полярник, разумеется, не задумывался. Чудес не бывает. Раз поутру ожил — значит, в тепле, иных вариантов нет. Стало быть, отключился он все-таки в помещении. Но где?

Чуть ли не в бороду упиралось нечто твердое, похоже — рифленая подошва тяжелого ботинка. Ломаев пихнул ботинок ладонью, и тот сделал слабую попытку отлягнуться в ответ. Ага, значит, ботинок не просто так, а на ногу... Чудеса... На российских антарктических станциях всякий нормальный человек носит унты, а если изредка и встречаются ноги в ботинках, то это ноги или сумасшедшего, или иностранца. Они дураки, унтов не разумеют...

Австралийцы!

Теперь Ломаев вспомнил. Да, хряпнули вчера изрядно, и австралийские коллеги отключились. А вот что было потом?.. Кажется, прикончили спирт на пару с Игорьком Непрухиным и легли баиньки. Прямо тут. Да, пожалуй, идти к себе в темень и туман в таком виде не стоило...

Стиснув зубы, Ломаев поворочался и, взгромоздившись на четвереньки, дотянулся до стола. Дальше уже

пошло легче. Схватив жестяной чайник, Ломаев припал к носику с жадностью бедуина, нашедшего в Сахаре неизвестный прежде родник. Воды в чайнике оставалось всего ничего, но на два полноценных гулких глотка хватило, вслед за чем Ломаев окончательно ожил.

Оказывается, в помещении не было темно — под низким потолком на коротком, похожем на плодоножку шнуре тускло светилась груша, которую не кушают. В крохотное оконце также пробивался свет — стало быть, ночь кончилась. Светился индикатор питания радиостанции, почему-то только один из двух, и слегка пованивало едким дымком, как от тлеющей плазмассы.

На единственной койке мертвым сном спал Игорь Непрухин. Там же покоились обутые в меховые ботинки ноги Джереми Шеклтона. Сам же Шеклтон пребывал на полу и густо храпел — не иначе проснулся среди ночи, сидя за столом, искал, где прилечь, подвинул Непрухина и прилег было под бочок, но свалился с койки во сне. Беспокойный человек. Эндрю же Макинтош как сполз давеча по стене, так и спал, только ноги вытянул.

А откуда вонь?.. Ломаев приняхался и чихнул, содрогнувшись от боли в голове. Барабашка сбежал, зато на внутренней поверхности черепа, казалось, выросли шипы и шевелились при малейшем движении.

Стараясь не шевелить головой, Ломаев поводил глазами туда-сюда. Вроде ничего не горело, зато появилось ощущение, что чего-то не хватает. Мучительно наморщив лоб, он оглядел помещение. Нет, никто не пропал, и ничего не пропало, вещи и тела были в наличии. А вот что действительно исчезло, так это звук — монотонный шелест встроенного в радиостанцию вентилятора.

Чело Ломаева разгладилось. Включенный на всю ночь передатчик, стало быть, уже не работал. Не гудел больше анодный трансформатор, и зря ухмылялся с боковой стенки небольшой приветливый череп, нарисованный фломастером. Все стало понятно. Испортился и встал кулер, через пару минут на необдуваемом радиаторе перегрелась и дала дуба лампа выходного каскада, от нагрева потекла изоляция, где-то замкнуло — вот вам и дымок. А дальше честно сгорели предохранители передатчика, не допустив окончательного отравления недоотравленных алкоголем тел, как отечественных, так и

особо ценных, австралийских. Каковыми проблемами, без сомнения, не стоит отягощать начальство...

Ломаев слегка расслабился. Он боялся узреть с утра куда более печальные следы вчерашнего застолья. Если честно, то вчера того... перестарались малость. И хорошо, что вместо настоящей беды случилась всего лишь неприятность, к тому же не в его, Ломаева, хозяйстве, а у Непрухина, и вдобавок неприятность легкопоправимая. Уж запасные-то лампы у него наверняка имеются.

За каким-то бесом крутился древний катушечный магнитофон, бесконечно волоча длинную закольцованную ленту. Звук был выключен. Несколько мгновений Ломаев силился вспомнить, что они с Непрухиным вчера хотели от магнитофона, и, наверное, вспомнил бы самостоятельно, если бы его мысли не были прерваны самым грубым образом. Дверь домика рванули снаружи с такой силой, что она едва не слетела с петель, и в помещение вместе с клубами тумана ворвался Аркадий Степанович Типунов, начальник и гроза всяя Новорусской. Глаза его были вытарашены, рот распахнут, правую щеку дергал тик.

Левую, кажется, тоже. И вдвое чаще.

Могучий организм Ломаева уже в достаточной степени привел в порядок рассудок, чтобы тот помог сообразить: что-то не так. Что-то случилось. И виновный в случившемся находится здесь, в этих стенах.

Силлогизм стремительно развился дальше. Что бы ни случилось, виновны в этом явно не австралийцы. То есть, может быть, и они тоже, но лишь за компанию. Будь виновны они одни — политкорректный Типунов не стал бы вламываться в радиостанцию так, будто намерен всех тут повязать, отвести на припай и скормить морским леопардам.

Наверное, вчера действительно начудили... Но как?!

Ломаев ждал начальственного рыка. Но начальство, окинув единственным, зато безумным взглядом внутренность домика с одним вертикальным телом и тремя горизонтальными, воззрилось на рацию и магнитофон с таким ужасом, словно в последнем ползла не лента, а по меньшей мере гремучая змея. Вслед за тем из горла Типунова выползло свистящее, тоже непомнившее о змее, шипение:

— Это что?.. Это как понимать?..

— А что такое, Аркадий Степанович? — спросил

312 Ломаев приветливым голосом Хомы Бруга, обративше-

гося к ведьме со словами: «А чего, бабуся, тебе надо?». — Случилось что-нибудь?

— Случилось? — медленно произнес Типунов, растягивая шипящие согласные, как обозленный удав. — Сслучилоссь?.. — Задохнувшись, он метнулся к магнитофону, включил звук.

«...на весь материк, шельфовые ледники и прилегающие острова, исторически принадлежащие Антарктиде, а также территориальные воды и двухсотмильную экономическую зону. Считая самоопределение неотъемлемым правом каждого народа, мы, антаркты, заявляем о своей твердой решимости защищать независимость нашей страны от агрессии лю...»

Нетрезвый голос Непрухина Ломаев узнал сразу. Вслед за тем начало припоминаться остальное, но как-то кусками. Осколками смальты. Сборке мозаики помешал Типунов, остановивший воспроизведение и с остервенением изорвавший ленту в клочья.

— Доигрались? Мать вашу! Независимость объявили, так? Нацию основать решили? Антаркты! Суверенные и неприсоединившиеся! Пьяное болото!

— А что там дальше было? — спросил Ломаев, изнывая от любопытства.

Типунов задохнулся. Увидев на лице начальника блуждающие фиолетовые и зеленые пятна, Ломаев ужаснулся. Вообще-то среди зимовщиков Типунов считался неплохим начальником, отдавать его во власть инфаркта было бы жалко.

— Да что вы, Аркадий Степанович, — изрядно осипшим голосом примирительно забормотал Ломаев. — Мы же понимаем, не младенцы. Папу Римского к едрене-фене не послали, верно? Не послали. Джихад никому не объявили? Не объявили. Ни по чьему адресу не матерились? Не матерились. Так, пошутили немного...

Прежде чем рывкнуть, начальник станции издал слабый, полный муки-мученической стон, не услышанный Ломаевым по причине похмелья. Затем тесное помещение радиостанции наполнилось ревом, от которого беспокойно заворочался под столом Макинтош.

— Пошутили?! Я вам пошучу! Вон со станции! Кто там за Шеклтоном прячется — Непрухин? Протрезвить мерзавца! Оба вон! Первым же бортом!

— Каким бортом? — озадаченно спросил Ломаев. — Туман же сплошной, самолет не сядет.

— Рассеется туман — сядет! Ил-76 примем. Из Владивостока. Ты лично полюсу будешь расчищать! Один! Вручную!

Ломаев тяжело вздохнул. Недостаток научных знаний начальство во все времена компенсировало горлом. А зря, между прочим.

— Не рассеется туман, Аркадий Степанович, — сокрушенно покачал головой аэролог, разжевывая Типунову очевидное, и даже руками развел. — Тенлый влажный воздух с океана над ледяным куполом — вот вам и туман. Он тут всегда будет, по всему побережью. Разве что стоковый ветер сдует его на фиг... Но хороший ветер с купола — это пурга, а в пургу самолет опять же не сядет...

— «Капитана Хлебникова» вернем!

Еще того лучше... Ломаев деликатно промолчал. Ляпнул Типунов сгоряча, с кем не бывает... Не такая шишка начальник антарктической станции, чтобы своей волей гонять по океану теплоходы. Да и начальнику всей экспедиции для этого не достанет шишковатости... Нет, случись настоящая беда, «Хлебников» вернется, но ради эвакуации двух провинившихся — держи карман. Круизные туристы Антарктиду уже повидали и видеть ее второй раз вряд ли захотят, правильно понимая, что Антарктида посреди Тихого океана — все равно та же Антарктида, ничуть не изменившаяся. Обещанную Тасманию туристы не увидят, и, надо думать, «Хлебников», вмиг перепрыгнувший полмира вместе с антарктическим шельфом, теперь держит курс на Гонолулу — пусть вместо Тасмании бездельники полюбуются на Гавайи. В рамках, так сказать, форсмажора. Для северян там в феврале самый сезон. Кокосы, серфинг, пальмовое вино, танцы в тростниковых юбочках. А начальник Новорусской пусть сам расхлебывает свой прокол — распустил подчиненных, понимаешь...

Ломаев вгляделся. Нет, Типунов еще не понимал того, что главным виновным окажется он сам. Или делал вид, что не понимает. Есть такая забавная юридическая формулировка: виновность без вины. Как раз для него придумана.

— Да что «Хлебников», — со вздохом сказал Ломаев. — Далеко «Хлебников»... Ладно, признаю: напороли. Виноваты, искупим. — Он шагнул к койке и, не совсем деликатно сбросив с нее ноги храпящего Шеклтона, потряс Непрухина. — Игорек, вставай, тут такие дела...

Непрухин всхрапнул, свистнул носом, выдохнул порцию крепчайшего перегара и попытался перевернуться на другой бок. Ломаев затряс сильнее:

— Игорек...

— Уйди, — через силу простонал Непрухин. — Уйди или добей, нельзя так жить...

— Точно, — подтвердил Ломаев. — Без радиостанции жить никак нельзя. Вставай, болезный, техника накрылась...

Глава 6

О ПОЛЬЗЕ НЕПРОЧНЫХ КОСТЕЙ

Типунов выскочил из радиостанции в бешенстве. Так он и знал, так он и думал! Нельзя было оставлять на зимовку Ломаева с Непрухиным, поганой метлой их надо было гнать из Антарктиды! Мало ли — не первая зимовка у каждого и незапятнанная анкета! Пьянь, хулиганье! Хуже того — уголовники! Подшутили над мировым сообществом... А оно, сообщество, таких шуток не любит, за такие шутки приходится дорого платить. Вот пусть и платят! Пусть не воображают, что начальник станет их отмазывать, ему бы себя отмазать, он первый вставит им такой фитиль, что мало не будет. И австралийцы не лучше, жаль, что с интуристов не спросишь по полной программе...

— Сволочи! — от души сказал Типунов в туман, как в вату. Жаль, что никто не слышит. Ну ничего, на экстренном совещании, назначенном через полчаса — раньше негодяям не протрезветь, — оба шутника услышат много ласковых слов. К сожалению, Ломаев прав: эвакуировать их будет затруднительно. Значит, до первого борта, когда бы он ни прибыл, оба посидят под домашним арестом. А вот как выпутываться из скандальной истории — тут нужно еще подумать. Раз уж дело дошло до самых верхов — жди беды. Понятно, надо оправдываться, кричать о глупом недоразумении, каяться и клясться, что самые строгие меры уже приняты. Поможет ли? Ох, не факт. И чем в конце концов кончится дело — неизвестно...

Ноги скользили. Снег в Новорусской и раньше был утопан до предела, облизан талой водой и давно дошел до кондиции хорошего катка в оттепель. Теперь стало еще хуже. В кошках ходить по такому снегу... Попадались лужи. Где-то в тумане журчал ручей. Вот скотство — ветра нет, туман висит, как приклеенный. Уж лучше бы запуржило...

Сейчас же под ноги подвернулся Тохтамыш. Псиная скулила, пытаясь подобрать под туловище разьежающую

щиеся в разные стороны лапы. С шерсти капало — не иначе друг человека уже не раз поскальзывался и падал прямо в лужу.

Злость была такая, что ни в чем не повинного пса хотелось пнуть. Однако Аркадий Степанович сдержал этот безусловно неблагородный порыв и взял в сторону, намереваясь обойти скулящее животное. Его ли вина, что он заметил гладкую скользкую рытвину лишь тогда, когда наступил на ее край?

Одно мгновение он пытался не упасть. Затем его ноги внезапно подлетели выше головы, правую руку пронзила острая боль, голова со стуком ударилась о лед, и Типунов потерял сознание.

Денис Шимашевич отнюдь не родился миллиардером. И родителей его во времена советской власти трудно было назвать богатыми людьми. Обеспеченными, даже зажиточными — вполне. А вот богатыми — вряд ли. Во всяком случае, отец Дениса, начальник отдела кадров одного из минских «почтовых ящиков», мечтал о «Мерседесе», а ездил на «Жигулях». Мать Дениса, сотрудница одного из отделов того же «ящика», мечтала о двухэтажном особняке, но была вынуждена довольствоваться трехкомнатной квартирой на проспекте Ленина. Правда, в хорошей сталинке. Но что такое трех в сталинке по сравнению с особняком, скажем, на Филимонова?

Поэтому и Денис, с детства имевший некоторые карманные деньги, всегда считал, что имеет их мало. И довольно рано стал задумываться над способами их умножения. Доить родителей он считал ниже своего достоинства, поскольку полагал себя человеком предприимчивым и умным, да и прекрасно сознавал, что родители не вечны. Более того, он очень быстро уловил, что и власть большевиков не вечна. Уже в начале восьмидесятых. И свято верил в собственное большое будущее.

Как показало это самое будущее, верил Денис Шимашевич не зря. К новому времени он сумел приспособиться гораздо быстрее и лучше родителей. Теперь он с улыбкой и легкой ностальгией вспоминал свои первые дела — осторожные операции с валютой, первые рейсы в Германию за бэушными стиралками и холодильниками... Конечно, все это смешные мелочи, но именно они закалили его ум и чутье будущего бизнесмена.

Денис опять же одним из первых понял, что вещи — далеко не самое ценное в этом мире. И даже сырье вроде нефти или металла — штука хоть и дорогая, но... Во-первых, давно поделенная, во-вторых, бесконечная и, в-тре-

тых, громоздкая. Ко всяким МММ-образным пирамидам и прочему откровенному надувательству населения Денис сразу отнесся резко отрицательно. Главным образом оттого, что затейникам вроде Мавроди рано или поздно приходится драпать или того хуже — представлять перед судом, а такой финал любого предприятия Шимашевич считал совершенно неприемлемым для себя. Владеть нужно чем-то действительно стоящим, тогда можно это безбоязненно продать или сдать в аренду, причем без перспектив будущих прятков от властей и при крепком здоровом сне каждую ночь.

Сначала Денис занялся недвижимостью; довольно быстро это занятие привело его в Москву, где Шимашевич-младший и поселился. К этому моменту минский «ящик» родителей благополучно загибался от недостатка средств и хронического равнодушия со стороны властей предрежущих; Денис вскоре перевез отца с матерью с проспекта теперь уже Франциска Скорины в Москву в Серебряный Бор, объявив, что они давно заслужили пенсию, но не такую, как платит государство, а такую, какую может безболезненно предоставить им любящий сынок.

Насчет любящего, кстати, все было честно: родителей Денис действительно любил и уважал, ведь не в последнюю очередь благодаря их ненавязчивому воспитанию Шимашевич-младший вырос тем, кем вырос. И именно сетования отца, сокрушающегося по поводу своего безвременно почившего минского «ящика», навели Дениса на очередную идею.

— Какие специалисты, Денис! Какие темы! — вещал Шимашевич-старший, с удовольствием бередея собственные раны. — Профессора сидят без копейки, потому что у этих сраных политиков нет ума вложить копеечку в будущее! У них есть ум только разворовать все сегодня, а на будущее им плевать!

Вложить копеечку в будущее Денис был вполне готов. И потому, что копеечка имелаась, и потому, что отец, сам того не ведая, подсказал, как можно эту копеечку превратить в жирный целковый. Ибо выше всего в мире наживы и гонки к вершине ценятся...

Правильно. Информация. Своевременная информация. Она всегда бывает востребованной.

Словом, спустя пять лет на Дениса и его компаньонов в Дубне пахал целый частный научный центр. Пользуясь знакомствами отца и бедственным положением ученых в Белоруссии и экс-СССР в целом, Шимашевич-младший отыскивал и перетягивал под Москву целые лаборатории. Из

отцовского института, из других заведений — бывших «ящиков», открытых НИИ, университетов даже. Смежных направлений и совершенно отдельных. Минских, киевских, московских... И оборудовали этот центр Денис сотоварищи, не жалея средств. Потому что прекрасно представляли: вложенные средства вернутся сторицею.

Понятное дело, не сразу. К чести Дениса Шимашевича следует сказать, что стратегическое мышление было ему нечуждо. Бывало, он отказывался от сделок, сулящих немедленную прибыль, чем приводил в изумление коллег и конкурентов. «Тише едешь — дальше будешь» — этой поговорки Денис не любил. Но если разовьешь предельную скорость, не зная, что за поворотом, — запросто окажешься в кювете, и пеняй на себя. Вернее, на свою неспособность просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед.

Как-то незаметно трудиться в центре Шимашевича стало очень престижно, а главное — невероятно выгодно. Куда выгоднее, нежели мотать в Штаты или Израиль на весьма сомнительные эмигрантские хлеба. Денис давно пришел к выводу, что собственное богатство следует строить не на безжалостном обирании каждого члена своей империи, а на достатке и благополучии его. Все — от маститого ученого до последнего лаборанта или уборщицы — должны жить хорошо. Тогда им не зачем будет уходить и предавать. А каждый выплаченный бакс завтра превратится в десять, в пятьдесят, в сто — только заинтересуй тех, кто имеет мозги, и тех, кто имеющим мозги ассистирует. И умело воспользуйся результатами.

Так было в теории. На практике — и так, и этак. Стратегия стратегией, но если окружающая действительность навязывает тебе свои представления о тактике, не стоит ими совсем уж пренебрегать, иначе сожрут. Для акул бизнеса идеалист — вкусный корм. Для делового человека компромиссы между целью и средствами необходимы как способ существования и опора для движения вперед.

К началу двадцать первого века Шимашевич торговал технологиями направо и налево, но не терял при этом обычной осмотрительности и не забывал прислушиваться к мнению компетентных в своих областях людей. Среди клиентов исследовательского центра в Дубне значились десятки медицинских и фармацевтических компаний, NASA, Пентагон, Intel, Microsoft, Вооруженные силы России, Mitsubishi, Nokia, Sony, Nissan, Philips, Coca-Cola; Nike, SND, а также космические ведомства

более двух десятков стран и международная служба GMT. На Шимашевича выходили через десятых людей исламские террористы, ирландские террористы, баскские террористы, еще черт знает какие террористы... Но оружием лаборатории Дениса не занимались. К нему обращались некие темные личности из Колумбии и Венесуэлы. Но наркотиками лаборатории Дениса тоже не занимались.

Империя Шимашевича без заметных потрясений пережила смену президента и неоднократные рокировки в правительстве. Его не раз пытались прижать государственные мужи — и не могли, потому что информация и технологии нужны всем, в том числе и государственным мужам. Дениса неоднократно пытались втянуть в разборки политиков и медиамагнатов — Шимашевич и его люди всегда оставались по-швейцарски нейтральными ко всем без исключения и всегда вели дела с теми, кто платит больше. К моменту, когда Денис неожиданно для многих увлекся парусным спортом, его империя стала столь же незыблемой в России и всем мире, как Тибет в Азии. Живой и процветающий Шимашевич был для всех неизмеримо более выгоден, нежели Шимашевич, у которого дела пошли под откос. А поскольку он никогда не вставал ни у кого на дороге и никогда никого не обманывал...

Короче, его не трогали даже самые одиозные из политиков и прочих хозяев жизни.

Идея «Гонки самоубийц» пришла к Денису после просмотра одного малоизвестного фильма под названием «Полным бакштагом к смерти». И еще после того, как он побывал в нескольких южных яхт-клубах. Ну и не в последнюю очередь в результате одного из свежезаконченных исследований в области климатологии и метеорологии. «Почему, — подумал Денис, — в «Вольво оушен рейсез» не участвует ни одна российская, или украинская, или хотя бы прибалтийская яхта? Почему буржуи могут себе позволить такую роскошь, а наши ребята-яхтсмены из провинциальных клубов вынуждены брать в гонку водку подешевле, чтоб больше получалось? Да и на чем они ходят? Нет, лодки в большинстве своем ухоженные и окруженные посильной заботой. Но они ж даже не вчерашний — позавчерашний день!! Некоторым по пятьдесят лет!»

И Денис, как обычно, справедливо рассудил: одна подаренная продвинутым людям яхта ничего не решит. Нужно, по обыкновению, начинать с низов. Нужно, что-

бы у самых преданных рыцарей ветра и парусов, у истинных маньяков и фанатов, появились лодки посовременнее.

Так родились одновременно два мероприятия: кругосветная гонка малотоннажных яхт и дополнительный цех на одном из южноукраинских судостроительных заводов. Каждый, кто дойдет до финиша «Гонки самоубийц», получит кругленькую сумму... и возможность купить новую, свежестроенную в новом цеху яхту. Разумеется, по льготной цене.

В плане коммерческой выгоды дело выглядело на первых порах копеечным, хотя это Шимашевича совершенно не смущало. Ведь он умел смотреть в будущее дальше, чем многие. И кроме того, ему страшно хотелось собственными глазами увидеть придуманную им экстремальную кругосветку, а охота зачастую бывает пуще неволи и вдобавок заставляет закрывать глаза на расходы.

Без хобби жить нельзя на свете, нет. В былые годы Денис перепробовал почти все классические увлечения нуворишей и остался ими недоволен. Он пробовал и пляжи Мальорки, но только покрылся волдырями, и африканские сафари с бельгийкой-слонобоем шестисотого калибра, выплевывающей пулю весом в девяносто граммов с силой в четыре тонны, но повредил отдачей ключицу и на неделю оглох на оба уха, и дайвинг у Большого Барьерного рифа, где едва не был обкусан со всех сторон стаей мелких, но очень настырных акул, и полет через Шпицберген на Северный полюс, где отморозил ухо, и многое другое в том же роде. В конце концов все эти дежурные мелочи вытеснила одна, но пламенная страсть: яхты!

В первой гонке Денис Шимашевич решил лично не участвовать, предпочел тщательнее позаботиться о безопасности и обеспечении. А когда «Гонки самоубийц» перестанут быть новинкой, делом неизведанным и темным... тогда можно будет и оттянуться. По полной программе.

О безопасности и обеспечении Денис позаботился с прищущим ему размахом и предусмотрительностью. Задействованы были сотни структур по всему миру. Расходов оказалось куда больше, чем представлялось с самого начала. Но, в конце концов, так случается во всяком не освоенном пока деле. Поэтому Шимашевич не огорчался и не отступал.

Гонка стала реальностью спустя три года.

Все остальное было чистой случайностью. Случайностей Шимашевич не любил, но считался с ними и

всегда был готов использовать их раньше конкурентов. Как ни жаль, не все на этом свете можно просчитать заранее.

Зато все можно использовать.

Небольшой холл в доме начальника станции издавна служил местом плановых и экстренных совещаний с руководителями отрядов и иным мелким начальством Новорусской. Сам дом, построенный несколько раньше радиостанции, успевшей утонуть в снегу только наполовину и вдобавок построенный в редкостно неудачном месте, давно был погребен вместе с крышей, выставив из гигантского плоского сугроба лишь вентиляционную трубу да тамбур, как ту соломинку, за которую без толку хватается утопающий. Тамбур тоже постепенно заносило; по мере его погружения приходилось углублять ведущую к входному люку траншею со ступенями, пока наконец не стало ясно, что проще уж нарастить лестницу и воздвигнуть на поверхности новый тамбур. Воздвигли, и все началось сначала. Теперь, чтобы спуститься вниз, приходилось преодолевать траншею плюс лестничный пролет.

Антарктическим летом лестница почти всегда была мокрая, сверху то капало, то подтекало, то капало и подтекало одновременно. Случалось, что воду из-под домика приходилось откачивать электрической помпой.

Причина, по которой на экстренном совещании отсутствовал начальник станции, была донельзя уважительной: Аркадий Степанович Типунов лежал на операционном столе в медпункте с открытым переломом руки и сотрясением мозга и дышал хлороформом, чего, впрочем, не замечал, так как с момента падения на лед не приходил в сознание. По той же причине на совещании отсутствовал начальник медпункта Валентин Валентинович Бакланов-Больших, в данную минуту вспоминающий свои навыки хирурга. Остальные были на месте.

Совещание открыл Ефим Евграфович Ерепеев, он же «Е в кубе», он же начальник транспортного отряда и заместитель начальника станции, волей-неволей исполняющий теперь его обязанности. Ерепееву молчаливо сочувствовали, и он старался не показывать виду, насколько ему отвратительно неожиданное повышение в должности в самый не подходящий для карьеры момент. Всерьез разозлиться на Типунова он не мог — Типунову приходилось явно хуже, чем ему, — и он злился на себя за то, что дал себя уговорить пойти в заместите-

ли. На себя он злился даже сильнее, чем на двух виновников паскуднейшей ситуации — Ломаева и Непрухина.

И без этих двух друзей-оболтусов у и.о. начальника станции хлопот был полон рот. А поразмыслить было некогда, давно наступило время принятия решений. Какие первоочередные работы проделать на станции — вопрос не праздный, но и не главный. Как убедить высокое руководство не карать направо и налево — вот вопрос из вопросов!

Основная радиостанция Новорусской вышла из строя; в данный момент Непрухин занимался ее ремонтом. Узнав, что единственная запасная лампа к передатчику до сих пор венчается, аки шпиль, верхушку новогодней елки в кают-компании, Ерепеев вышел из себя и наговорил разных слов, хотя два месяца назад сам выклянул лампу на украшение нейлонового дерева — эстетичная, мол, штучка. К счастью, лампа благополучно пережила новогоднее веселье. Протрезвевший Непрухин божился, что максимум через час станция будет как новенькая. Через полчаса даже!

Поскольку Непрухин чинил связь, в качестве жертвы присутствовал один угрюмый Ломаев, готовый принять на свою бычью шею все кары. С австралийцами решили не связываться — ну их, иностранцев, да и ясно как день, что на безобразную выходку их спровоцировали российские коллеги. За границей вообще есть многое, включая упомянутых в паскудной радиограмме утконосов, и своих оборотов там навалом, но таких, как наши российские, сыскать трудно. Они эндемики.

Надо же такое выдумать — объявить суверенитет!

— Ну, — хмуро сказал Ерепеев, — что делать будем?

Никто не знал, что вопрос был риторическим. И.о. начальника станции уже знал, что он будет делать. Обоих виновников, Ломаева и Непрухина, изолировать на камбузе. Пускай картошечку почистят и поразмышляют о жизни и о себе, им полезно. Далее: как только восстановится связь, объяснить начальству недоразумение, списав его, разумеется, не на пьянку, а на психическое расстройство двух полярников, приключившееся вследствие не объясненных пока наукой физических эффектов, связанных с перескоком материка. Не худо бы затребовать с Большой земли медицинскую бригаду. С больных взятьки гладки, и с их начальства тоже.

Единственный способ спустить все на тормозах. Правда, скандал велик, тормоза получатся жесткие, но иных все равно нет. Вообще-то двух придурков даже жаль — не

видать им больше Антарктиды, — однако никто, кроме них самих, в этом не виноват. Никто. На этом пункте надо стоять твердо.

Ерепеев с сожалением подавил соблазн состроить на весь свет рожу кирпичом, изобразив, будто ему вообще ничего не известно, и объявить случившееся безобразие выходкой неведомых радиохулиганов. Жаль, но ничего не выйдет. Учinyт следствие и очень быстро докопаются. Во-первых, всем коллегам рты не заткнешь. А кроме того, передатчик, скотина, сгорел далеко не сразу, успев прежде проработать несколько часов, и его точное местоположение наверняка было определено — хотя бы из космоса. Сволочи американцы набросали на орбиты уйму всякого железа...

— А может, и ничего, а? — робко промямлил начальник аэрометеотряда Пятко и, между прочим, непосредственный шеф Ломаева. — Может, и обойдется? Связи-то пока нет. Может, они там уже все поняли...

В холле разом закричали и задвигались. Видно было, что эта мысль пришлаь многим по душе.

— Что поняли? — прищурившись, спросил Ерепеев.

— Ну... что все это дурацкий розыгрыш. По-моему, должны они понять, не глупые...

— А кто это «они»? Уточни, будь добр.

— Ну... в ААНИИ. И выше...

— Насколько выше?

— Ну...

— Баранки гну! — рявкнул Ерепеев. — Ты бы понял? Нет, не здесь, а находясь черт знает где отсюда? Что, да? Понял бы? Ты-то, может, и да, потому что кто ты есть? Никто. Какой с тебя спрос? Ты только за свой отряд отвечаешь, а если на тебе лежит ответственность куда как повыше, а? Ты что, не слышал, что в эфире делается? Послушай вон приемник. Нас уже узурпаторами называют. Чилийцы с аргентинцами заявили протест...

— А при чем тут Чили и Аргентина? — спросил кто-то.

— Ты что, неграмотный? — напустился на него Ерепеев. — Здравсье-приехали! Они договор о статусе Антарктиды не подписывали и не собираются. И именно потому, что считают Антарктиду своей исконной территорией, понятно? Они, между прочим, давно поделили ее — половина вам, половина нам... Тут каша мирового значения! Из-за двух идиотов! Мало того, что эти два голубчика ославились на весь мир, так еще и рацию сожгли!..

Пятко с гадливой гримасой вбил в пепельницу окурок. Будто клопа казнил.

Ломаев молчал, уронив подбородок на могучий кулак, глядя исподлобья, и был похож на помесь роденовского мыслителя с насупленным неандертальцем.

— А рации на вездеходах и самолетах? — подал голос кто-то.

— Слабые! С ближайшими станциями на континенте мы еще кое-как можем связаться, а с Большой землей — вот! — Ерепеев откровенно отбил на локте это «вот». — Через спутник — тоже пока никак. Уже пробовали. Так что же, просить соседей, чтобы передали наше опровержение? Не знаю, кому как, а мне «испорченный телефон» не нужен. Да и стыдно. Лучше уж подождать полчаса — и самим...

— А с Молодежной? — настаивал тот же голос.

— С Молодежной связи нет, и с Новолазаревской тоже, — отрезал Ерепеев. — Есть связь с Мирным, но неустойчивая. Магнитная буря, наверное.

Сейчас он нагло врал в глаза своим товарищам — со станцией Молодежная, резиденцией начальника всей российской антарктической экспедиции Михаила Михайловича Троеглазова, связь была, хотя и верно — неустойчивая. Немногие знающие об этом помалкивали, понимая, что и.о. начальника Новорусской просто-напросто оттягивает момент неизбежного тягостного объяснения. Ну что же, ждать починки единственного мощного передатчика — тоже занятие...

Минут через десять вялой дискуссии с Ерепеевым согласились все. Затем кто-то предложил дать слово Ломаеву.

— Это еще для чего? — долетел из угла чей-то дискант.

— А пусть скажет нам, что он сам думает обо всем этом...

Ломаев оторвал подбородок от кулака. Роденовский мыслитель сгинул — остался страдающий мигренью неандерталец.

— Здесь что, товарищеский суд? — сипло осведомился троглодит, встопорщив бороду, и нехорошо ослабилась.

На него заорали — вразнобой, зато от души:

— А хоть бы и товарищеский... Мы тебе что, уже не товарищи? Брезгуешь, гад?

— Из-за тебя, уroda, все, из-за тебя!

— Шутки ему!.. Кому шуточки, а всем без премии оставаться?

— Да если бы только без премии! Мелко берешь. Теперь у всех нас, считай, волчий паспорт...

— Тихо! Пусть скажет...

— Всех подставил, гнида!..

— У меня четвертая зимовка, а теперь что — весь послужной список псу под хвост? Искать работу на Большой земле? Кем? Сторожем? Кому я нужен?

— У меня, между прочим, зимовка тоже не первая...

— Да тише вы!

— Что тут «тише»?! Морду ему набить, а уж потом...

— Нет, пусть он сначала скажет...

Ломаев воздвигнулся, едва не коснувшись головой потолка, большой, набрякший, как грозовая туча, и стало ясно, что шансы набить ему морду, мягко говоря, проблематичны. Разве что он сам позволит.

— Ну и скажу! — рывкнул он так, что все разом притихли. — Скажу! Да! Спьяну! Один я виноват — моя была идея! Сам и отвечу, никого за собой не потяну! Сам! Поняли? Кто не понял, кому повторить персонально? Теперь все, я могу идти?

Одну секунду висела тишина. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы вот так просто отпустить виновника под домашний арест, не пропесочив его как следует, — но много ли в том толку?

— А вот и второй именинник, — сказали у двери. — Починил уже, что ли? Э, ты чего? Ты не толкайся!

Но Игорь Непрухин не мог не толкаться — едва успев ссыпаться с лестницы, он влетал в холл пулей и был не в состоянии погасить инерцию. Да и не желал. Глаза — сумасшедшие, рот — вкривь.

— От астралийцев с Дейвиса! — выпалил он, напролом прорвавшись к Ерепееву, и перед изумленными глазами и.о. начальника птицей порхнул торопливо исписанный бумажный листок. — И еще от американцев с Амундсен-Скотт. Передают непрерывно, просят отозваться...

Зашуршала бумага. Начальственный взгляд, суровый и деловой, забегал по корявым строчкам, и на чело Ерепеева пала тень. Многие видели, как и.о. начальника Новорусской сбился, заморгал и начал читать снова. Затем бумажный лист в его руках мелко задрожал.

— Это что-то... — начал Ерепеев.

Не сыскав в русском языке подходящего эпитета к неведомому «что-то», он осекся и вхолостую задвигал губами. Глаза его расширились и округлились, как у ночного лемура, а лицо начало багроветь.

— Разыгрываешь, паскуда? Нашел, блин, время...

— Ни боже мой! — Непрухин отшатнулся и, как мельница, замахал руками. — Все правда! Наладил связь, и первым делом — вот...

Ему не хватило дыхания, что иногда бывало, и не хватило слов, что случилось с ним впервые. Он шумно втянул воздух и сглотнул слюну, зверски дернув кадыком. Руки остались в движении, и ими Непрухин выделял жесты, по-видимому, означающие: «Да что вы, мужики, стал бы я так шутить, я тут вообще ни при чем, я не я, и кепка не моя...»

У Ерепеева, застывшего столбом с листком в руках, медленно отваливалась челюсть.

— Вслух! — потребовал из угла настырный дискант.

Строго говоря, и.о. начальника станции имел полное право не знакомить никого из своих подчиненных с содержанием любых радиogramм. Вспомнил ли «Е в кубе» об этом в данную минуту или нет, осталось неизвестным. Впоследствии он объяснял свое несолидное поведение крайним изумлением. Во-первых, он с хлопком закрыл рот, во-вторых, громко икнул, а в-третьих, приблизил листок к глазам, словно страдал близорукостью, и покорно и медленно начал читать вслух, выделяя каждое слово:

— «Амундсен-Скотт. Подавляющим большинством поддерживаем российских и австралийских коллег и просим сообщить условия присоединения к Свободной Антарктической республике. Желателен скорейший обмен представителями для координации совместных действий. Можете ли принять самолет? Дайте метеосводку, сообщите состояние ВПП. Готовы вылететь немедленно. Уоррен, Тейлор».

Дальше Ерепеев читать не смог. Скомкав бумагу в кулаке, он ринулся вон из холла, и всем слышен был его дробный галоп вверх по лестнице. Хлопнула дверь тамбура. Вне всякого сомнения, и.о. начальника станции помчался в радиостанцию лично проверить поступающие от иностранных коллег сообщения.

В наступившей тишине кто-то вдруг оглушительно расхохотался, и хохот этот был дик и жуток, как крик филина в кромешной ночи.

Ошалевшие люди вскакивали с мест. Загремели по дощатому полу отодвигаемые стулья. Вмиг стало шумно и тесно, словно холл съезжился, испугавшись криков:

— А Дейвис? Дейвис что?

— Да почти что то же самое! — завопил Непрухин, перекрывая общий гвалт. — А кроме того, они восхища-

ются нами, а также двумя своими соотечественниками — Шеклтоном и Макинтошем, значит. И тоже спрашивают насчет ВПП...

От общего вопля с потолка что-то посыпалось.

— Ну надо же! — хохотал, подвывая и колыхаясь, завхоз Недобитько. — У-у... у всех одни и те же мысли! У американцев, у австралийцев, у наших... У-у-у... у меня, признаться, тоже были, но не решился... Теперь... у-у... не попаду в отцы основатели нации антарктов...

— Попадешь! — орал ему в ухо. — Памятника тебе, правда, не поставят — вот этим двум идиотам поставят, а тебе нет, — зато твое пузо, может, на барельефе изобразят, знаешь, бывают такие многофигурные штуковины вокруг цоколя...

И еще многое кричали ошалевшие люди с вытаращенными глазами и хлопали друг друга по спинам, возбужденные и не-солидные, как дети или болельщики. С шаткого столика спрыгнул узорчатый графин цветного стекла и распался на осколки с мерзким бутылочным звоном. Как видно, на счастье.

— Не может быть, — потерянно бормотал забытый всеми Ломаев, обращаясь преимущественно к своей бороде, поскольку никто из присутствующих его не слышал и уже давно не слушал. — Бред какой-то. Нет, так не может быть, так попросту не бывает...

Глава 7

ОТВЕТ КЕРЗОНУ

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Не знаю, у кого как, а у меня не было и нет сомнений: не сломай Типунов руку — сидеть бы мне и Игорьку под арестом до первого рейса на Большую землю. Тем бы дело и кончилось, это я вам говорю. Пошумели бы и успокоились. И коллеги-иностранцы успокоились бы, пойдя мы на попятный. И вообще все понемногу успокоилось бы. В общем, Троеглазов получил из родного Института Арктики и Антарктики втык и внушение: разобраться, принять меры и доложить. Раздраженная телеграмма была подписана всего-навсего директором ААНИИ, а послал ли он ее по своей собственной инициативе или дождался пинка сверху — то темный лес. Лично мне это не очень интерес-

но. Важен факт: сразу после радиogramм от американцев и австралийцев было принято сообщение с Молодежной: Троеглазов, настроенный свирепо, требовал, разносил и грозился карами. Правда, обращался он при этом к Типунову, все еще пребывавшему под наркозом в медпункте.

Субординация! Ясное дело: будь Типунов здоров и вменяем, он шелкнул бы каблуками и мигом навел порядок. Всем известно, что такое начальник среднего звена — трансмиссия с гидроусилителем, дабы стучать кулаком, если сверху погрозили пальцем. И Троеглазов такой же. Так что еще оставалась возможность объявить все глупой шуткой, наказать виновных и о шутке забыть. Но... не сложилось.

Разумеется, наказаны были бы все, а не только мы с Непрухиным. Типунов как начальник станции — в первую голову. Тем охотнее он стал бы чинить расправу... не окажись лед таким скользким. Что до Ерепеева, то он какое-то время пребывал просто-напросто в прострации, не зная, что делать, — ну и дождался следующей радиogramмы. Уже с Большой земли.

Она была страшна, эта радиogramма. Меня и Непрухина в ней объявляли изменниками Родины, сепаратистами и отщепенцами. Говорилось о попустительстве и пособничестве. Большая земля клятвенно уверяла, что все сестры получают сполна свои серьги и виновные обязательно понесут суровое наказание. Более того, намекалось, что в скандальной хулиганской выходке (если это только хулиганство, а не нечто большее) виновны, хотя и в разной степени, все без исключения зимовщики, коим и предлагалось смягчить свою вину такими-то и сякими-то мерами. Прошу заметить: всего лишь смягчить вину, а не оправдаться полностью! Вот так.

А в чем, спрашивается, должны были оправдываться Ерепеев, Жбаночкин, Нематодо и все остальные? В том, что мирно спали, вместо того чтобы денно и ночью держать нас с Игорьком и австралийцами на мушке?

Даже я, один из прямых виновников, озверел с этой радиogramмы. Карать-то карай, но не всех чохом! Что еще за коллективная ответственность, ровно в Чингизовой Орде?

А главное, эта радиogramма помимо обычной связной частоты пошла в вещательном диапазоне КВ на весь мир. Открытым текстом. Хуже того: она была подхвачена повсеместно и не раз звучала в эфире как на родном русском, так и в переводах на английский, немецкий, французский и, кажется, даже китайский. Кто-то из наших перенастроил спутниковую та-

релку, и теперь в кают-компании постоянно толпился праздный народ, обсуждающий свежие новости Си-эн-эн. Наша слава оказалась столь же сомнительна, сколь и ослепительна. Наверное, за все время с того дня, когда Беллинсгаузен наткнулся на «матерой лед», об Антарктиде не было сказано столько слов, сколько за один только день. Были забыты похороны всемирно знаменитой рок-звезды, подавившейся на концерте микрофоном. В кают-компании яблоку негде было упасть. А затем...

А затем на экране возник наш президент и в краткой энергичной речи дал суровую оценку «антарктическому инциденту», как это теперь называлось. Решительно отмежевываясь от «полярно-экваториальной нелепицы», Россия осуждала тех, кому она на руку, призывала не ловить рыбку в мутной водице и очень, очень настойчиво обещала наказать виновных, попадающих под ее юрисдикцию. С более пространным, однако выдержанным в тех же непримиримых тонах заявлением вскоре выступил министр иностранных дел.

Как всегда, мировая общественность в лице Си-эн-эн не очень-то верила в искренность российских заявлений. О комментариях упомянутой мировой общественности и говорить не хочется.

Кают-компания тряслась от взрывов негодования. Взрывы были сдвоенные: сперва взрывались те, кто хорошо понимал по-английски, потом все остальные, чуть только им переводили смысл сказанного. Пес Тохтамыш, не упускавший ни одного случая нырнуть из сырой и туманной промозглости в тепло помещения, — и тот гневно облаивал чужеземных дикторов, по-моему, жалея, что не может покусать поганцев. Одним словом, информационная шумиха развивалась по стандартному сценарию.

Удивляться — не удивлялись. Привыкли. Задолго до антарктического прыг-скока привыкли. Информационная обработка есть информационная обработка. Дело обычное, технология знакомая. И набить морды хотелось именно дикторам, а не их хозяевам.

Да, да, я знаю, мне объяснили: телеведущие информационных программ подбираются не только из людей приятной внешности с уверенными повадками и безупречной дикцией — этого мало! Они подбираются из людей внушаемых! Ведущий должен быть непоколебимо уверен в том, что изрекает правду, только правду и ничего, кроме правды. Но тогда, извините, он дурак с фаршированными мозгами, а дураков и в алтаре

бьют. Жаль, что мы были никак не в состоянии дотянуться до их открытых и честных физиономий.

И что удивительно: о прыжке Антарктиды, об этом потрясающем геофизическом феномене уже почти не говорили, да и то болтали больше не о причинах, а о последствиях. Нашелся, правда, один журналюга, объявивший земную литосферу разумной и дееспособной, но успеха не имел. Как будто все, что способно прыгать, — разумно! Лягушки, например. Однако вложить этому юродивому так, как он того заслуживал, никто не удосужился. Неинтересно, видите ли. Публике скучно. Обыватель, по большому счету, не хочет знать, ПОЧЕМУ произошло то-то и то-то; он хочет знать, ЧТО ИМЕННО произошло, да и то лишь для того, чтобы держать нос по ветру, пытаясь догадаться, что произойдет в дальнейшем. Людям вообще свойственно переоценивать свои способности.

Дальше — хуже. Для начала мы узнали, что авианосная группа в составе авианосцев «Теодор Рузвельт», «Нимиц» и кораблей поддержки получила приказ направиться к берегам Антарктиды. Нашу пьяную радиограмму о независимости объявили чудовишной провокацией, направленной, само собой, на подрыв мирового сообщества, вот только не могли решить, чьей провокацией: русских? антиглобалистов? международного терроризма?

А может, австралийских утконосов?

На причастность России пока только намекали. По всему видно, эта версия держалась в запасе. Во всяком случае, об участии в скандале двух австралийцев предпочитали не вспоминать. В рукаве всегда оставался козырь: неизвестно, мол, какие «меры убеждения» применили эти русские к несчастным Шеклтону и Макинтошу, и неизвестно, имеют ли австралийцы вообще какое-либо отношение к наглому вызову всей мировой общественности.

С русских станется! Кто столь недавно расстался с тоталитарным прошлым, тот — о-о-о! — на многое способен.

Да на что он способен-то? Спирт пить? Это да, это мы умеем получше всяких австралийцев. С примкнувшими к ним утконосами, как сказал бы Игорек Непрухин.

Насчет антиглобалистов говорили больше, но как-то без адреса. Где их искать? Вокруг европейских саммитов — пожалуйста! Сколько угодно. Там они собираются в стаи, шумят и обеспечивают стабильную прибыль производителям пива, водометов и слезоточивых гранат. А в антарктической при-

роде таких зверей не имеется, это я вам точно говорю. Почему? Да как-то так само собой получилось, что здесь нужны люди, умеющие работать — матерясь, быть может, но работать, а не бесноваться почему зря и, главное, без всякого толку.

О терроризме и террористах шумели громче всего и были потрясающе убедительны. Даже я, уж на что не гожусь в дикторы, и то стал оглядываться: не маячат ли где поблизости ребяташки из Аль-Каиды? Понятное дело, никакой критики эта версия не выдерживала уже потому, что мусульман на всю Антарктиду сыскалось бы от силы особи две, и то вряд ли. Ну не озаботился никакой эмират заранее построить здесь свою станцию! И никакая тайная организация этим не озаботилась — на что ей замороженный насквозь континент? Аллах, знамо дело, акбар, но мозги-то надо иметь!

Получалась фантастика. Если некая глубоко законспирированная международная террористическая организация задумала использовать Антарктиду как плацдарм — она должна была начать действовать практически мгновенно после перескока континента на экватор. Более того, она должна была заранее провести всю подготовительную работу. Отсюда с неизбежностью следовал вывод: таинственная организация знала о предстоящем прыг-скоке и — страшно сказать — возможно, сама его и организовала...

Хотел бы я знать — как?!!

И почему в таком случае неведомые злодеи не уложили Антарктиду прямо на США? Трансантарктическими горами — на их Скалистые, вулканом Террор — на Капитолий? Вышло бы куда эффективнее, да и символичнее... Несли материк, но не донесли, что ли? Из рук по пути выпал?

Но логика в таких случаях приходит задним числом, а пока она в пути, обыватель думает задним местом. Не надо обижаться, я ведь говорю и о себе тоже. Ну не дошла до меня сразу истина, даже в первом, самом верхнем ее слое не дошла! И весь первый день она ни до кого не доходила. Кто-то работал по привычке, кто-то работать не мог и торчал в кают-компании, внезапно стушевавшийся Ерепеев пребывал в жалкой тоскливой растерянности, а Непрухин, окруженный незаконными зеваками, сидел сиднем на радиостанции и азартно принимал радиogramмы от новозеландских, немецких, японских, французских, польских коллег, каких-то ненормальных яхтсменов, уткнувшихся в ледяной барьер посреди Тихого океана...

А мы молчали. Позорно молчали.

Возмущение угрозами Троеглазова и обещаниями президента наказать виновных — было. Владело всеми. Никто, однако, не решался сделать следующий шаг. Ерепеев — он ничего, неплохой мужик и не глупый, но корпусом быстрого реагирования ему не командовать. Каждое серьезное решение он должен сначала выносить, как пингвиниха яйцо, а потом уже... Словом, на начальство надежды рухнули, потому что прооперированному Типунову было совсем худо не столько от перелома, сколько от сотрясения мозга.

Теперь, спустя энное время, я, грешным делом, думаю, что, может, оно и к лучшему...

Часам к четырем пополудни по поясному времени в кают-компании накурили и надышали до того, что находиться там стало невозможно. В помещении радиостанции — тем более. Я вышел подышать, а заодно навестить аэрологический купол. Было тепло — даже в расстегнутой каэшке. Орали поморники. Туман заметно поредел, и над головой клонился к западу диск не диск, а так, какая-то невзрачная солнечная амеба. Помнится, я еще подумал о том, что летчики сегодня вполне могли бы совершить рейс. Если, конечно, расчистить взлетно-посадочную площадку.

Никто ее не расчищал. Не до того было.

Мне тоже не работалось, хотя надо было работать, еще как надо! Внезапное изменение местоположения материка — это вам не хиханьки, тут такие природные механизмы могут прийти в действие, что вообразить страшно. Помнится, я еще подумал: странно, что нас до сих пор не потрянуло таким землетрясением, какого человечество никогда не видело и не хочет видеть. Удивительно, что материковая плита вообще сохранила целостность, не поломавшись на части, как шоколадка. Заодно мне пришла в голову мысль об Атлантиде — а что, если она вот так же скакнула, но напряжения в земной коре превысили предел прочности гранитов... и где теперь та Атлантида? Ау! Разломилась и булькнула — только ее и видели.

Кора корой, думал я, плита плитой, но и в атмосфере должны начаться такие пертурбации, что чертям тошно станет. Шутка ли — на экваторе возник гигантский холодильник, и возник, кажется, надолго. Пока купол не растает. Надо подсчитать, что и когда произойдет, а как считать — пес его знает. Существовавшие до сих пор атмосферные модели были хороши, пока материки стояли на своих местах и океанские течения текли в общем и целом туда, куда надо. Даже

поганое Эль-Ниньо прогнозировалось достаточно уверенно, равно как и его последствия. Теперь что прикажете делать? Точность старых моделей в новых условиях — плюс-минус два лаптя и один безразмерный валенок; как хочешь, так и интерпретируй данные. Откуда и когда ждать тайфуна — неведомо, да и в верхних слоях такое начнется... Совершенно новая схема воздушного переноса! Циркумполярный вихрь исчез — раз. На пути пассатов возник мощный постоянный антициклон над ледяным куполом — два. Что из этого воспоследует, можно уже сейчас прикинуть на пальцах, да только цена таким прикидкам — кал тюлений. Считать, считать надо! И быть готовым к тому, что все расчеты пойдут псу под хвост из-за недоучета какого-нибудь ма-а-аленького фактора!

Интересно все это, безумно интересно. Я-то понимал, что половина аэрологов планеты легко согласилась бы отдать пять лет жизни, чтобы поменяться со мной местами, но в тот момент ничего поделаться с собой не мог. Все валилось из рук. Надо было хотя бы запустить шар-зонд, и лучше не один, — а я не мог себя заставить. На месте, однако, тоже не сиделось. Проверил оборудование, снял кое-какие показания и спустя примерно час понял, что ничего я тут не высижу. Каюсь, но мысли мои были крайне далеки от науки. Мысли были совсем о другом.

Возвращаться в кают-компанию не хотелось, идти слушать радиоэфир — тоже. Хотелось либо напиться и уснуть, либо изнурить себя до изнеможения физическим трудом — расчислитель ВПП, что ли. Только не бульдозером. Лопатой. Да. Во исполнение устного приказа Типунова. Чтобы забыть. Чтобы хоть какое-то время не вспоминать, что все это добром не кончится, не может кончиться!

Ну поорали все хором с выпученными глазами, ну на минуту почувствовали себя антарктами, ну и что? Дальше-то как быть? Толпа неразумная. Похмелье — теперь я отчетливо сознавал — придет очень скоро. В конце концов, здесь у нас не балаган какой, здесь собрались в общем-то здравомыслящие люди. Серьезные люди. Нет, их, как и вообще всяких людей, может иногда увлечь безумная идея... ненадолго.

Вот именно, что ненадолго. Здравый смысл возьмет верх — и отступятся. Правильно, между прочим, сделают. И я хорош! Пить толком не научился! Ну разве сотворил бы такое на трезвую голову?!

Козел отпущения — я. Дурная моя перспектива, ох дурная... И поделом. Все правильно: дурной голове — дурную перспективу...

Справедливо. Но обидно.

Обидно мне было до того, что хотелось заехать кому-нибудь в рыло. Так сказать, превентивно. Ведь ясно же было как день: чуть-чуть задумаются коллеги — и отыграются на нас с Непрухиным. Сдадут. Сожрут. Утопят. Неизбежно. А на ком им еще и отыгрываться-то? Кого делать козлами отпущения?

Впору завить на все побережье. Братцы-людоеды, да за что же вы меня?

Тут вижу: навстречу мне прямо из кают-компания торопятся Коля Пятко — начальник аэрометеотряда, то есть мой шеф непосредственный, и с ним Витька Жбаночкин, метеоролог. Спешат, луж не замечают. Увидели меня — прибавили шагу. Глаза у обоих шальные. И с налета, с поворота — хрясть мне по зубам! Жбаночкин-то промахнулся, потому что у меня голова от первого удара мотнулась, — а Пятко попал.

— Сволочь! — шипит с каким-то даже истерическим привизгом. — Все из-за тебя!

Сплюнул я кровь на снег, утер рот кулаком, и тут бы им обоим худо пришлось, потому что в тот момент я себя не помнил. Изуродовал бы, честное слово. Чего мне терять?

Витька — умница. «Стой!» — кричит. Притормозил я замах, стою. Терплю. Отчего бы не потерпеть одну секунду? Трудно, но можно. И чувствую: дольше секунды не вытерплю.

— Допрыгались! — вопит Витька и за грудки меня — хватя! Мне «стой», а сам не выдержал. — Преступники мы теперь, понял? Только что приняли по Си-эн-эн. Уголовное дело на нас заведено! Статья об измене Родине, между прочим! Понял, кретин, что ты наделал?

— Чего-о? — не верю ушам. — Очумел?

— Того! Генпрокурор выступил. Тебе, Непрухину и всему зимовочному начальству — статья! А заодно всем вашим пособникам, до кучи! — визжит Витька, а Коля снова налаживается приложить мне по уху.

Второй раз это еще ни у кого не получалось. Оторвал я Пятко от себя, приподнял, потряс немного, чтобы в чувство привести, а у самого на душе гадостно-гадостно.

Спрашиваю Витьку:

— А ты-то тут при чем? Вот он, — киваю в сторону Коли, — начальство какое-никакое, а ты? Сразу в штаны наклал? Ты-то с какого боку пособник? Да таких пособников, знаешь, человек с полтысячи по всем станциям наберется плюс пингвины с тюленями. Крыша поехала, да?

Пятко хрипит и брыкается, а Витька насккивает и шипит змеем:

— Крыш-ш-ша? Коз-зел! Да кто там станет разбираться: пособник — не пособник? Насчет независимой Антарктиды все орали! Что, не так? Не было этого? Насчет отцов основателей — тоже орали! Антаркты, блин!.. Думаешь, никто не заложит?..

И далее гонит в том же духе, да только все зря и куда-то вбок. А я ясно вижу: его, Витьку Жбаночкина, никому и закладывать не придется, незачем это делать. И не у него поехала крыша, а у меня. Это я от Родины оторвался, потому что совсем забыл, как такие дела у нас делаются. Вали кулем, после разберем! И ведь разберут! Так разберут, что мало никому не покажется. Чтобы, значит, успокоить мировое сообщество. С чего я взял, что козлами отпущения окажемся только мы с Игорьком да наше начальство? Да сейчас на этих самых «козлов» начнется загонная охота! Всем, всем придется доказывать, что они не «козлы»! И не верблюды.

Хрен докажут.

Опомнися я, поставил Колю на земную твердь, пока он не задохся, а у самого мысли ясные-ясные. Только теперь похмелье окончательно из головы выскочило.

Одно ясно: каяться никак нельзя. Сечет меч повинную голову, еще как сечет! С радостным посвистом.

Ох, не загоняйте вы крысу в угол...

— Чего нюни распустили? — говорю я строго. — А ну, пошли в кают-компанию.

— Зачем?

— Хором обмозгуем. А захотите меня линчевать — пожалуйста! Только сразу. Вы что думаете, я каждому болвану по отдельности буду морду подставлять?

«Болвана» они проглотили.

В кают-компании — дым коромыслом. Гвалт, стоны, скрежет зубовой. Увидели меня — на секунду замолкли, а второй секунды мне и не понадобилось. Упредил — рыкнул, чтобы не вякали, и, пока не опомнились, толкнул речь.

Сперва по Фемистоклу: бей, но выслушай. Потом доходчиво объяснил тем, кто тут умом и еще на что-то надеется, кто они такие и что с ними Родина сделает. Да, да, по моей вине, без вас знаю! Но чтобы нас наказать, надо сначала сцапать, так ведь? А как нас сцапаешь, пока мы на Белом континенте, а? Думайте! Да никак! Экстрадиция? Какая может быть экстрадиция, когда Антарктида не государство... то есть,

пardon, уже государство, но пока не обремененное никакими международными соглашениями? Группу захвата, что ли, вышлют нас брать? Тоже нет: Россия всю демонстрирует приверженность договору о ничейном статусе Антарктиды, следовательно, не пошлет сюда ни одного вооруженного человека. Чтобы не провоцировать супостатов. Ну и как нас, спрашивается, можно повязать? Да только уговорить сдаться добровольно, никак не иначе!

— Голодом выморить, — мне в ответ.

На это я даже отвечать не стал. Да и оппонент не настаивал — опомнился, сообразил, что чушь сморозил. Продовольствия и топлива у нас запасено на всю зимовку, причем с резервом, то есть до января будущего года мы наверняка дотянем, а в режиме экономии — и до мая. В конце концов, можно тюленей бить, рыбу ловить. Пингвинятина — гадость, но тоже еда. Не сдохнем!

А за год с лишним всякое может случиться.

— Между прочим, — продолжил я заговаривать им зубы, — в тексте Вашингтонского договора, насколько я помню, нет ни слова о возможности самоопределения антарктической нации. Там другое: подписавшие договор страны отказываются от прав собственности на Антарктиду. Так что мы, ребята, в своем праве и ровным счетом ничего не нарушили. Это наша земля, наши льды! И море на двести миль вокруг — наше! А если какая вооруженная группа по мандату ООН или, скажем, НАТО без всякого мандата попытается нас отсюда выставить — правы будем мы, а не они! Мы не нарушили ни одного международного закона!

— Какая им разница, кто прав! — сердито бурчит кто-то.

— Верно, — говорю, — но сейчас это дело десятое. А первое вот: надо немедленно выйти в эфир и подтвердить существование суверенной, свободной, миролюбивой, неприсоединившейся Антарктиды каким-нибудь декретом или манифестом... наплевать каким. Любым. В общем, наш ответ Керзону. Выразить недоумение реакцией некоторых — без имен — политиков. И подписать так: временный правительственный совет Антарктической республики. Далее — установить прямые контакты с иностранными коллегами, а то неудобно получается: они к нам прѣсятся, а мы молчим. ВПП — расчислить. Летать! Какие там яхтсмены застряли неподалеку? Сюда их, к нам! В следующем сообщении отметим: республика обладает морским флотом и готова обзавестись речным, как только подтаит купол. Вообще надо всячески проявлять активность — кто не активен,

тот труп. Что примолкли? Да поймите вы, наконец: нет у нас иного выхода, ну нету!..

Накинулись тут на меня, загорланили, но уже видно: морду мне щупать не станут. Загрузил я им мозги работой. Со мною бы сразу согласились, но вот в чем главная проблема: семьи-то у всех на Большой земле остались. Жены, дети. В спальнях все стены фотографиями увешаны. Бобылей среди нас мало. Нервничают коллеги.

Как будто меня в Твери Валя не ждет с двумя пацанами!

Поднял я руку, потребовал тишины и доказал им как дважды два, что прав я, а не они. Зимовать на Новорусской мы все равно собирались, так? Настраивались на то, что полтора года никто из нас своих близких не увидит? Не слышу! А настраивались? Ну и чего же вы тогда ждете? Полагаете, наших близких из-за нас на благодатный Таймыр сошлют? Это вряд ли. В самом худшем случае на них давить станут, чтобы через них на нас воздействовать, да и то я в это не верю. Год-полтора мы здесь продержимся, а за это время ситуация может перемениться на противоположную. В любом случае говорить с кем бы то ни было надо только с позиции силы, иначе нас сожрут и не поперхнутся! А так — начнут уважать. И прецеденты есть. Забыли, что ли, как при Ельцине с чеченами договаривались?

Мне потом признавались некоторые: именно этим аргументом я их и добил. Сообразил народ: даже если суверенными антарктами нам не быть, все равно можно выторговать сносные условия, если гнуть свою линию. Это в худшем случае. А в лучшем — интересные перспективы могут открыться. Очень интересные!

Поспорили-покричали только для порядка. И вижу: глаза у коллег вновь понемногу начали разгораться. Это правильно! Так и сели стгоряча сочинять обращение к мировому сообществу и всем людям доброй воли — мол, суверенитет нами объявлен не просто так, не проформы ради, а с благим намерением не допустить конфронтации между державами, а также с целью ослабить региональные конфликты по всему миру. Готовы принять всех обиженных, несомоопределившихся, за исключением находящихся в розыске террористов. Курды, ирландцы, баски — айда к нам! Всех примем, хоть эфиопов, всем места хватит! Только не забудьте захватить с собой шубы и валенки с галошами.

Тут же, ломая карандаши, сочинили по настоянию завхоза Недобитько заявление временного правитель-

ственного совета: Свободная Антарктида не принимает на себя ответственность за жертвы и разрушения, вызванные прокатившимся по акватории Тихого океана цунами, а также за судьбу оказавшихся близ Южного полюса полинезийцев с их островами, поскольку на момент перемещения материка Свободная Антарктида еще не существовала как суверенное государство. Решили, что для начала хватит, и совсем уже было собрались топтать на радиостанцию, как вдруг у очнувшегося Ерепеева возникает вопрос:

— А кто, собственно, у нас входит в этот... правительствующий Сенат?

Делаю широкий жест:

— В правительственный совет, между прочим. Кто входит? Тыходишь. Я вхожу. Типунов пока не входит по болезни. А так — все входят. Шеклтон и Макинтош тоже входят, потому как они теперь одной нации с нами. Сколько нас на станции? Двадцать семь душ всего-навсего. Что мы, меж собой договориться не способны?

На том и порешили.

И чудно: толпа как-то сразу начала рассеиваться, на радиостанцию отправилось человек пять всего-навсего. Никто не командовал, каждый сам нашел себе дело. Рачительный Недобитко прямо в кают-компанию засел за расчет норм потребления еды и солярки. Механики вышли на бульдозерах ВПП чистить, авиаторы технику готовят. Иные вернулись к науке, а иные добровольно ломami желобы долбят для стока талой воды. Завертелось дело.

А где-то через час после этого очухался от наркоза Типунов, зеленый весь, тошнит его, смотреть жалко, но первым вопросом: какие, мол, новости? Ему и сказали какие. Он крепкий мужик, оттого не помер сразу, только сознание потерял, а врач погнал нас из медпункта.

Шеклтон и Макинтош, между прочим, еще дрыхли после вчерашнего, только уже не на радиостанции, а в гостевом домике. Кто-то из наших помог им добраться до коек, дабы иностранные тела не загромождали ценное пространство подле рации. А только какие они теперь иностранные? Свои! Свои в доску.

— Эй, соотечественники! Подъем!

Сдернул с них одеяла, распахнул двери тамбура, пустил через порог холодный воздух — зашевелились. Поднес им воды попить — замычали страдалцы и ожили. Морды

помятые, в глазах муть плавает, однако вижу: воспринимать информацию уже способны.

Ну я им и выложил всю информацию.

И что бы вы думали — удивились они? Схватились за голову? Ничуть не бывало. Андрюха Макинтош буркнул «йес», а Ерема Шеклтон добавил «оф коз» — вот и вся их реакция. Поплескались под рукомойником, а через пару минут представили уже почти в человеческом облике:

— О'кэй. Что есть нам дьелат? Ми готовфф.

Я так удивился, что отправил обоих в кают-компанию — пусть им там кто-нибудь дело найдет, — а сам был сильно озадачен. Вот вам и одна нация — антаркты! А на проверку выходит, что все разные. Это что же получается: и спирт на нас по-разному действует? Мы-то с Игорьком больше куражились по пьяной злобе, а они — всерьез? В полном здравии не тела, но ума?

А впрочем, почему бы нет? Их-то Австралия изменниками не объявляла. Да и какие они изменники? На свободе свихнулись? Так уж воспитаны. Тонко чувствуют разницу между страной и государством? И это тоже. Для англосакса родина по большому счету там, где говорят по-английски. Кроме того, они оба научники. Умеют мыслить немножко шире, чем всякие-прочие. Наверное, Шеклтон и трезвым готов повторить то, что бормотал вдрызг пьяным: факин политик — гоу хоум...

Если бы с нашей братией было так легко!

Если бы...»

Место под стоянку выбрали несколькими десятками миль севернее, где лед не просто восставал из воды стеной, а образовывал плавную ложбину наподобие привычных долин Днепровского или Бугского лимана. «Фестиваль», судно обеспечения, протужил вдоль побережья эхолотом: глубина у ледяного «пляжа» колебалась в пределах четырех—девяти метров. Яхты ставили на якорь, кормой к берегу; на сушу выносили длинный конец и крепили к металлическим колам, вбиваемым во льды.

Тут предстояло отсиживаться минимум неделю — так объявил Шимашевич.

Океан у побережья парил. Туман успел всем осточертеть. Соседние с «Анубисом» яхты едва угадывались по обеим бортам. Стоило выйти на берег — и собственная яхта тоже пряталась в густом киселе тумана.

Льды неведомо как перепрыгнувшей на экватор Антарктиды таяли. Сотни ручьев стекали в океан, промы-

вали многолетние напластования снега. Кое-где даже обнажалась влажная черная земля. Океан у прибоя сильно опреснился и охладился. Да и вообще было прохладно, как в марте на Украине. Устойчивый ветер дул с суши в океан — как объяснили антимагелланам, с антарктического купола стекал холодный воздух. Какая каша заваривалась в местах столкновения антарктического воздуха с экваториальным, даже подумать было страшно.

Шимашевич устроил на берегу форменный табор. Зачем — непонятно, ведь на борту «Кассандры» можно было с успехом проделывать все то же самое. Возможно, дальновидный российский нувориш неосознанно (а может, и осознанно — фиг его разберешь) пытался продемонстрировать закрепление на новой земле. Палатки, пластиковый помост, штырь с вымпелом компании, даже циклопический полустационарный мангал напротив хозяйской палатки. Ленивых судовых буфетчиков Шимашевич заставил даже пивную палатку разбить и поддерживать в рабочем состоянии. С яхтсменов денег не брали, с судей и персонала — тоже.

Просто постоять в жиденькой очереди и втянуть бокальчик-другой за столиком... Было в этом нечто домашнее, отстоящее от блудного континента на тысячи километров, но по запаху и духу невероятно знакомое. Возможно, Шимашевич пытался внушить антимагелланам подспудное чувство дома, чувство родины. Хотя относиться к льдистому куску суши и туману как к дому даже ошалевшим пингвинам и поморникам, похоже, было трудно. Но так или иначе, разбитый на берегу табор — именно табор, а не лагерь, название закрепилось мгновенно — незаметно сделался основным местом пребывания участников регаты.

Палатки, а не яхты — именно так. Ни чего особо удивительного в этом не было: недели, проведенные на борту яхт, сказывались. Ведь никто из яхтсменов не оставался на борту своих лодок ТАК долго. Море зовет, но и берег зовет, если моря слишком много. А особенно если море подменяется океаном. Ни один экипаж — ни один! — не предпочел базой и локальным домом оставить яхту. Все перебрались в палатки на берегу, наведываясь на борт верных плавсредств лишь изредка.

А Шимашевич, похоже, этого и добивался.

Экипаж «Анубиса» в компании волгоградцев и калининградцев основал собственную «улицу» табора. Пяток минут поспорив, нарекли ее улицей Магеллана. Через десять шагов

от жилых палаток и металлической костровой решетки улица Магеллана пересекалась с улицей Новоантарктической, на которой обитали киевляне, саратовцы и мариупольцы. Чуть дальше располагалась площадь Вешних Вод, на которой никто не обитал ввиду избытка влаги: ручьи. Зато в самой излучине, подальше от табора и недалеко от места, где талые воды низвергались с полуметровой высоты в океан, установили современный сортир — с виду точь-в-точь как деревянный. Конечно, унитазы на «Кассандре» были комфортнее, но для яхтсменов вместо сомнительного висения на транце даже сей приют размышлений и отдохновения казался верхом цивилизации. Пустырек перед сортиром мстительно обозвали площадью Ильича, хотя никаких особых чувств к проигравшему социализму никто из бывших совков уже давно не испытывал. Нареклось — и ладно. Главное понимание, а вовсе не злорадство по минувшему.

Олег Баландин со свежезаправленным газовым баллончиком в руках топал по Новоантарктической в сторону Магеллана. Боцман «Кассандры», случившийся на месте заправки, милостиво выделил Баландину полстакана «Telamoug Dew», отчего Баландин пребывал в слегка приподнятом расположении духа. Женька Большой и Нафаня в компании двоих калининградцев дружно чистили картошку, а Юрка с капитаном «Царицы» на пару в данный момент выгребали на резиновой лодке к «Анубису» за припрятанным салом. Сала требовала душа каждого обитателя улицы Магеллана, а едва николаевцы обмолвились о неприкосновенном запасе на борту «Анубиса», народ взвыл и потребовал.

Поскольку николаевцы отнюдь не были лишены души, также жаждавшей сала, долго раздумывать не пришлось. Снарядили капитанов, снарядили Баландина за газом и уселись чистить картофан. О наличии или отсутствии водки речь вообще не шла — у русских (или украинцев, что, в сущности, одно и то же) водка не переводилась даже на побережье Антарктиды. Антимагелланам иногда казалось, что трюмы «Кассандры», «Фестиваля», судейских катеров и каждой яхты, что смутно проступали из осточертевшего тумана, содержат даже не неисчерпаемые запасы водки, а непрерывно действующие ликероводочные заводи. Хозяйственные волгоградцы в который раз выкатили трехлитровую бутылку маринованных огурчиков. Как они все эти запасы не сожрали еще в Индийском — уму непостижимо. Впрочем, вскоре тайна раскрылась: на «Кассандре» имелся целый контейнер, ключами от которого заведовал один из бонз волгоградского яхт-клуба, в гонке самоубийц — судья.

Одним словом, на улице Магеллана готовились хорошо пожрать, слегка выпить и в очередной раз потрепаться о невероятной ситуации, в которую волею случая вляпались все участники организованной Шимашевичем регаты.

— Заправил? — поинтересовался Женька, когда Баландин приблизился.

Тот утвердительно кивнул.

— А чего это у тебя глазки масляные, а? — прищурился Женька. — Чего, тяпнул уже?

— Так это... Боцман налил. Не отказываться же?

— Лучше бы меня за газом послали, — сокрушенно вздохнул калининградец Дима Дахно.

— А мы, блин, решили уж всех дожидаться и только тогда, — негодуя сообщил Женька. — В то время, когда мы не покладая рук, некоторые неосознательные личности...

— Зато я газ принес, — очень веско заявил Баландин. — Помочь?

Он тоже взялся за нож. Сидящие вокруг мусорного пакета потеснились.

Резинка с «Анубиса» уже гребла назад. Волгоградцы Витька Сивоконь и Володя Власевич, которым Баландин минуту назад вручил баллон, разожгли походную двухконфорочную плитку и колдовали над парой сковородок.

Нафания метнул очередную очищенную картофелину в пластиковое ведро и произвольно принялся.

— Эх! — мечтательно произнес он. — На сале оно бы лучше было!

В пайках выдавали дурацкий импортный маргарин «Рама» — запах от него разносился совсем не тот, чем если б кинуть на сковородочку несколько ломтиков сала...

— Хватит, поди? — Повар-волгоградец Толик Хмелев заглянул в ведро с картошкой. — Точно, хватит.

Поваром Толик работал в родном Волгограде. Как ни странно, вид кастрюль и готовка как таковая совершенно ему не надоедали, поэтому обитатели улицы Магеллана даже не задумывались, кому сегодня готовить. А вот в помощь себе Толик всегда брал одного-двух человек, а то и более — как сегодня, — и попробуй не согласишься!

Женька принялся мыть картошку, остальные немедленно закурили. Тем временем подоспели капитаны — с закатанным в банку салом. Над улицей Магеллана разнеслось дружное троекратное «ура».

— Ексель-моксель, — сказал другой калининградец, но тоже Дима, носящий странную фамилию Субица. — Думать не думал, что буду в Антарктиде сало жрать!

— Хе-хе! — хмыкнул Женька Большой. — Совок вспомни. Ты взрослый, должен помнить. Думал ли ты, что водка без очереди будет? Или вот в стриптиз по телевизору — верил, а?

— Нет, — признался Субица. — Не верил. Да что там верил — я и не думал, что такое возможно!

— А теперь уже и континенты прыгают, как кузнечики, — мрачно добавил Дахно.

— Да уж, — поддакнул Женька. — Начался век! И чем дальше, тем круче. Что ж лет через десять произойдет?

— На Луну полетим, — проворчал Баландин, собирая ножи. Картошку тем временем порезали и вывалили на сковородки. Предложение пропустить по полста на этот раз отвергать никто не стал. Налили даже Баландину, хотя Дахно пробовал вяло, без всякой веры в успех, протестовать, ибо признал сей поступок педагогически неверным. Баландин только весело скалился.

Молчаливый капитан-волгоградец Леня Шпак, закусив соевым огурчиком, с тоской вперился в сивую завесь тумана над головами. Солнце проглядывало сквозь туман бледным, похожим на плафон дневного света, пятном. У мусорного пакета уже дрались две серые чайки. На них рывкнули.

— И все-таки, — задумчиво сказал Леня. — Не идет у меня из головы та передача.

— Какая? Про суверенную Антарктиду?

— Она самая. И неспроста мы тут торчим.

Боря Баринов, капитан «Балтики», взглянул коллеге-волгограду в глаза и коротко попросил:

— Поясни.

— Сдается мне, — поделился сомнениями Леня, — что Шимашевич, папуля наш ненаглядный, заглотил наживку. А какой у него нюх — знаете сами.

— Да брось, — фыркнул Баландин. — Какая еще Суверенная Антарктида? Думаешь, Америка это позволит?

— Не знаю, — честно сознался Шпак. — Но что, если не это?

— Драка, — без тени сомнения заявил Баландин. — Страны-киты передерутся за новые территории. Ну, не в буквальном смысле, конечно, на уровне переговоров-претензий, и все такое. Хотя, может, и в буквальном... Но

смотрите — мы тут уже неделю, а ни одного военного корабля не видели.

— Увидишь их в этом киселе, как же! — фыркнул Нафана. — Тут палатки на Новоантарктической не видно в упор. Да и станут ли вояки к берегу подходить?

— Шимашевич, братцы, зря ничего делать не станет. Тут у наших станция неподалеку — та самая Новорусская, с которой передача и транслировалась в эфир. Так вот, — Шпак сделал многозначительную паузу. — Шимашевич с ними по рации ежедневно по несколько часов болтает.

— А ты откуда знаешь? — усомнился Дахно.

— Мне радист с «Кассандры» рассказывал вчера.

— А что? — вклинился в разговор Юра Крамаренко. — Если представить, что Антарктиде и впрямь предоставят независимость... Шимашевич тут развернется, будь-будь! Тут же земли немерено! Как на Диком Западе!

— Пока тут немерено льда, — проворчал Женька Большой. — И чаек этих дурацких! У, пшли!!! Ну, вот, опять пакет расклевали!

Женька помчался пугать чаек и стребать мусор. Верный своим экологам Шимашевич даже сейчас не позволял разбрасывать мусор где попало — ежедневно по табору, бренча цепями на колесах и все равно скользя, проезжался микрогрузовичок и собирал все отходы в оранжевое пузо с зелеными стрелками «Рециклед» на боках.

— Но когда-то же будет и земля! — резонно продолжил Крамаренко. — Прикинь, сколько тут полезных ископаемых, а? Их же сроду никто не разрабатывал! Да эти антаркты, как арабы в эмиратах, только по праву гражданства в баксах купаться будут!

— А ты, — прищурился Баландин. — Вот лично ты — готов принять антарктическое гражданство?

— Готов! — заявил в запале Юра. — Гнить на Украине, когда тут такие перспективы? Да на фиг! Предложит Шимашевич оставаться — даже думать не буду! Жену с дочкой заберу только, это да.

— Ну, предположим, — по обыкновению тихо и задумчиво сказал Ленья Шпак. — Предположим, Шимашевич ухватится за эту, признаю, вполне перспективную идею застолбиться в Антарктиде. Но кто поручится, что она не сиганет опять к Южно-му полюсу?

— А вот это, голуба, — проникновенно пояснил Юра,

344 — Шимашевич и пытается прояснить, болтая ежеднев-

но с полярниками! Улавливаешь? На станциях ведь ученые — кому, как не им, знать тайны Антарктиды? Тем более наши ученые. Ну, российские, это ж почти наши.

— Для Шимашевича так совсем наши, — хмыкнул Дахно.

— А зачем Шимашевичу мы? — невзначай поинтересовался Женька.

— Да тут работы, сам видишь, непочатый край. Таким люди всегда нужны, — пожал плечами Юра. — В принципе, вербовать рабочую силу в России или Украине и доставлять ее сюда — это ж денег стоит. А мы уже тут. Целая орава...

— ...уже практически сформировавшихся антарктов в душе, — съязвил Баринов.

— А я бы тоже остался, — неожиданно заявил Нафана. — Уж что-что, а тут стократ интереснее, чем дома!

— Толик, картофан мешай! — прикрикнул Баринов на повара. — Развесил уши, понимаешь...

Повар и волгоградцы-помощники действительно подтянулись к дискуссии и внимали спорящим с неподдельным интересом.

Еще бы. В этом споре, вполне возможно, могло родиться их будущее. Будущее суверенных антарктов под началом тертого и хитрого жука Шимашевича. Или же будущее незадачливых и неудачливых участников гонки самоубийц, гонки, так и не дошедшей до финиша из-за каприза ледяного континента, которому вздумалось сняться с миллионами лет насиженного места и сигануть в центр Тихого океана.

— Давайте-ка еще по одной, магелланы, — предложил Баландин. — И опрокинем ее знаете за что? Чтобы не ошибиться в выборе. Каким бы он ни был.

Опрокинули. Закусили. Помолчали.

— Это только мне кажется или?... — насторожился вдруг Дахно.

— Что — или? — не понял его Нафана.

— Гудит! — неуверенно сказал Дахно.

Все прислушались. Действительно, словно двигатель неподалеку тарахтел. Туман, зараза, сглатывал звуки и не позволял сколько-нибудь точно определить, далеко ли их источник.

А потом из тумана вынырнул приземистый вездеход и, разбрызгивая гусеницами талую воду, пополз по улице Магеллана. В сторону центра табора, к палатке Шимашевича.

«Станция Новорусская» — было начертано на его бортах.

Глава 8

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Востроносый Ан-3 развернулся против ветра, нескончаемо несущего в океан ключья тумана, свирепо взвыл, надал и оторвался от ВПП. Одно мгновение казалось, что он обломает стойки шасси о громаздящуюся неподалеку от станции стену материкового льда, — но обошлось, как обходилось всегда. Нырря и раскачиваясь, биплан набрал высоту и лег на курс к полярной станции Амундсен-Скотт. Точнее — к когда-то полярной, а теперь экваториальной станции Амундсен-Скотт.

Место проведения Конгресса по вопросам независимости Свободной Антарктиды напрашивалось само собой. Непрухин, правда, кричал, что делегатов надо собрать в Новорусской, по крайности в Молодежной, без обиняков объявив ее столицей, но остался в меньшинстве. На подготовку ушло пять дней. Наконец с двадцати одной антарктической станции сообщили о готовности вылететь на Амундсен-Скотт, как только позволит погода. Чилийцы и аргентинцы уже успели заявить, что никогда не признают никаких решений самозванного Конгресса. Украинцы и поляки пока отмалчивались.

В сплошной облачности прошли оазис Гриссона и трещиноватую зону, а над зоной застрогов понемногу развиднелось. С высоты тысячи пятисот метров Ерепеев неласково оглядывал бесконечные гряды ледяных волн, окаймляющих континент, как годовые кольца на свежем пне. Сверху они казались совсем не страшными, даже красивыми. Но только тот, кто телепал по ним на вездеходе, ежеминутно то вздымаясь, то рушась вниз, чиня на ходу сыплющуюся технику и яростно матеря любой объект, попавшийся на глаза, знает действительную цену этой красоты. Цена ей — угробленные вездеходы, вымотанные до предела нервы, сердечные приступы и желудочные язвы, иногда сотрясения мозга, пневмонии и почти всегда обморожения от починки гусениц и трансмиссии на открытом воздухе.

Починил — и снова вверх-вниз... Говорили, что у бельгийцев один механик, обрабатывая особо мощный заструг, напрочь откусил себе половину языка и умер от болевого шока раньше, чем истек кровью. Одни только новички в Антарктиде, подозревая розыгрыш, сомневались, что это правда.

Прелестей зоны застрогов Ерепеев вкусил предостаточно — кому же и вкушать их в первую очередь, как не

начальнику транспортного отряда? И все же он, как и всякий нормальный человек, желающий еще пожить на этом свете, предпочитал заструги трещиноватой зоне близ края купола. Трещины близ Новорусской злы, но зона их сравнительно узка, куда уже, чем близ Мирного. Между прочим, это обстоятельство сыграло едва ли не главную роль в выборе места для новой станции. А что зона застругов здесь шире, чем у Мирного, то не беда. Заструги можно и потерпеть.

Мало-помалу ледяная зыбь под крылом сошла на нет, а прорехи в серой пелене над голодой стали увеличиваться и сливаться, выедавая облачный фронт, пока наконец прямо сверху не ударило солнце, заставив вспомнить о темных очках. Континент засверкал, как пересохшее соляное озеро. Казалось, он радуется прямым солнечным лучам, желая показать себя во всей красе.

— Сколько градусов за бортом? — перегнувшись вперед, крикнул Ерепеев пилоту в ухо.

— Минус двадцать два, — проорал тот в ответ. — Теплынь!

Да уж. На поверхности, надо думать, не ниже минус пятнадцати. На этих широтах феноменально много для рубежа февраля—марта...

Тьфу! На каких таких широтах? Для нынешней широты этих мест, лежащих почти на экваторе, не феноменально много, а феноменально мало!

А все купол. Холодильник. Когда еще он начнет таять...

— Когда все это растает, а? — крикнул Ерепеев сидевшему рядом с ним Ломаеву.

— Чего орешь? — недовольно прогудел тот, поковыряв мизинцем в ухе. — А? Что ты спросил — когда купол растает?

— Вот именно. Когда.

— Целиком?

— Нет, блин, наполовину! Целиком, конечно.

— А я знаю? Считать надо.

— Ну хоть примерно?

Аэролог пожал плечами:

— Ну если **ОЧЕНЬ** примерно... Смотри: по периферии материка сплошной туман, что и понятно. Влажно и довольно тепло. Там лед будет стаивать сравнительно быстро, оазисы пойдут в рост. А над большей частью купола — сам видишь, мощный устойчивый антициклон. Отражение от льда практически стопроцентное. Температуры минусовые. Не знаю, как выйдет в действительности, но думаю, что муссо-

нам этот антициклон окажется не по зубам. Значит, таяния льда не будет, одно испарение. Процесс не быстрый даже при солнце в зените...

— Короче. Десятки лет? Сотни?

Ломаев пожевал губами, отчего борода его пришла в движение.

— Первые тысячи.

— Точно?

— От одной тысячи лет до трех, я думаю. Точнее — считать надо.

— Ну и посчитал бы.

— Ну и посчитаю, только не вдруг. Да и без меня посчитают, причем на хороших компьютерах. Знаешь, сколько факторов придется учесть? Тут так посчитают, что какую примут модель, таков и выйдет результат. Лично я никакому результату удивляться не намерен...

— Но все-таки не раньше тысячи лет?

— Четыре километра льда в момент не растают. Не бойсь, поездишь еще по куполу на вездеходе, попрыгаешь по застругам...

— Не напоминал бы уж, — буркнул Ерепеев.

— А что?

— А то! Где мне сейчас надо быть? В вездеходе! А я...

— Без тебя справятся, — сказал Ломаев. — Твои ребята — классные водилы. И Непрухин с ними. Знаю, что ты о нем скажешь, но от Востока к Мирному он уже однажды шел, тягач водить умеет... Подменит в крайнем случае.

— Не должно быть никаких крайних случаев! Трещиноватая зона...

— Они ее прошли.

— У Новорусской — да. И по застругам пройдут: вдоль — не поперек! А дальше — снова трещиноватая зона, так? И неразведанная!

— Справятся, — успокоил Ломаев. — На вожжах пройдут. Не впервой.

— В трещины проваливаться нам не впервой, это точно! Мне надо было идти, мне! Да я вообще не понимаю, на кой ляд нам сдался этот Шимашевич с его яхтсменами!..

Ломаев помолчал, ухмыляясь в бороду.

— А зачем мы летим на Амундсен-Скотт — понимаешь?

— Это да. Это — необходимость. Консолидация. И потом, общество решило, что от нас лететь должны ты да я...

— И Шимашевич — необходимость. Ты знаешь, кто он такой?

— Фамилию только слышал. Шишкарь какой-то новорусский. — Ерепеев поморщился. — Нувориш.

— Даже если бы он был просто нуворишем — все равно он был бы нам нужен.

— Ну и что он может нам предложить? Ссудит деньги на первое время?

— Оружие.

— Что-о?!!

— Только при сугубой необходимости. Вообще-то мы намерены поддерживать демилитаризованный статус Антарктики столько времени, сколько у нас получится. Наша сильная сторона — точное следование букве Вашингтонского договора.

— Ну ладно. Деньги займы, оружие — и только?

— Информация. Шимашевич на ней собаку съел.

— И только-то? — с разочарованием произнес Ерепеев.

Ломаев фыркнул:

— Ты питекантроп. Тебя еще учить надо, что в современном мире ценнее всего...

— От синантропа слышу. Значит, деньги, оружие в перспективе, информация... что еще?

— Флот.

Одну секунду «Е в кубе» сидел с раскрытым ртом. Затем затрясся от не очень-то веселого смеха. Картинно вытер якобы слезящиеся глаза.

— Яхты, да?

— Там еще судно обеспечения, — без тени улыбки пояснил Ломаев. — Даже два судна. Плюс катера — большие, океанские. Плюс танкер. Для начала хватит. Кнут есть, а лошадь будет. Объявим на весь мир: Свободная Антарктида располагает собственным флотом, как торговым, так и военным... Хотя что это я говорю? Только торговым, конечно! Ну, еще погранично-патрульным и рыболовным...

— Хочешь, чтобы над нами потешались?

— Обязательно. Между прочим, благодаря флоту возрастут наши котировки на Конгрессе... российские, я имею в виду.

— Ты же вроде уже антаркт, а не россиянин, — подколот Ерепеев.

— Я русский антаркт, — отрезал Ломаев. — Что тебе не понятно?

— А, — глубокомысленно молвил «Е в кубе». — Ну, русский так русский. Допустим. Ты мне лучше вот что

скажи: этот твой Шимашевич вообще мужик серьезный или так, шутки шутит?

— Вот именно, серьезный. Для чего мы, по-твоему, с Игорьком столько времени убили на переговоры? А он сам? Для него время — деньги.

— Надеюсь, оно того стоит, — с сильным сомнением в голосе проговорил Ерепеев. — И что же Шимашевич потребует взамен? Я не жадный, мне просто любопытно. Пост президента страны или удовлетворится всего-навсего местом в правительстве?

Ломаев выдержал паузу — как видно, специально, чтобы до собеседника лучше дошло. Затем сказал, как отрезал:

— Не должно быть никакого правительства.

Не зря, ох не зря наведывались к Шимашевичу зимовщики со станции Новорусская!! Объединенные общей улицей команды николаевцев, волгоградцев и калининградцев не успели даже водку допить, как в таборе началось шевеление. Во-первых, матросы с «Кассандры» стали спешно сворачивать мангал у резиденции Шимашевича, а буфетчики — возделенную пивную палатку. «Фестиваль» поднял якоря и сгинул в прибрежном тумане. Ну а главное — по табору прокатился полугромкий шепоток: после объявленного совета капитанов гонка снимается с насиженного места и перебазировается к Новорусской.

Капитаны, понятно, ушли на совет. Оставшиеся давали столь любимый на постсоветском пространстве напиток и строили догадки — одна фантастичнее другой.

Все оказалось еще неожиданнее.

Вернулись мрачные капитаны. Быстренько свернули улицу Магеллана и доложили на «Кассандру» о готовности стартовать.

— Трындец гонке, — сообщил Юра, когда команда «Анубиса» собралась в кокпите. — Россия объявила зимовщиков изменниками Родины и военными преступниками. А заодно — Шимашевича, команды «Фестиваля» и «Кассандры» и экипажи всех российских яхт. Коллеги в панике.

Все невольно оглянулись на соседствующие «Балтику» и «Царицу».

— А... Украина-то что? — осторожно, словно боясь спугнуть пока еще не нарушенное гражданство, спросил Баландин.

— А Украина, как всегда, хитрожопее всех. Ни вашим, ни нашим. Из правительственного заявления вообще невозможно понять, поддерживает она Свободную Антар-

ктиду или же осуждает. Но по крайней мере измену нам пока не шьют.

— Не понял, — сказал Баландин, вздохнув с некоторым облегчением. — Что, Свободная Антарктида — уже свершившийся факт?

— Угу. Шимашевич уже и фирму где-то там у себя в Швейцарии совместную зарегистрировал. Швейцарско-Антарктическую. Кроме того, земляки с Новорусской организовали какой-то там совет. Типа временное правительство. Шимашевич уже там, причем не удивлюсь, если председателем.

— Ха! — оживился Баландин. — Я же говорил — подождите малость, и наш папочка точно станет директором Антарктиды. А буржуи что?

— Смотря какие. Америка злобствует. Арабы всяческие поддерживают. Россия только на своих вызверилась, Антарктиду как таковую считает ничьей и неприкосновенной. Кстати, австралийские зимовщики и американские присоединились к психам с Новорусской. Даже в совет вошли.

— Не такие уж они и психи, как я погляжу, — буркнул Женька.

— Ты еще самого интересного не знаешь. Чего учинили прибалты.

— И чего учинили прибалты?

— Ну, ежу понятно, что они Антарктиду поддержали. А вот в отношении своих яхтсменов...

— Что, расстрел через повешение? — мрачно предположил Нафаня.

— Наоборот! Они, понимаешь ли, гордятся, что среди первых граждан новоопределяющегося на лике Земли государства имеются и их соотечественники! И что готовы в любой момент поспособствовать доставке семей всех эстонцев, латышей и литовцев на территорию Свободной Антарктиды, а также оставить всех их и гражданами своих прежних стран тоже! Доставка семей, между прочим, бесплатная!

— Н-да. — Баландин задумчиво почесал в затылке. — Повезло прибалтам. А вот россиянам я не завидую.

— Шимашевич вообще-то сказал: ничего россиянам не будет. В смысле тем, кто останется тут, а не тем, кто сдуру вернется. Кто вернется — наверное-таки повяжут. Но как Россия дотянется до тех, кто останется в Антарктиде? Войска введет? Да фиг, ООН этого не допустит.

Капитан пел явно со слов Шимашевича.

— Скорее уж Америка не позволит, — фыркнул Баландин. — Что ООН? Пузатые бездельники-функционеры, не более.

— А Америке, я в новостях слышал, уже лихорадит. Губернатор Техаса заявил, что сама Америка может служить идеальным примером новоопределившейся страны, просто у нее стаж солидный набежал. И что он от лица своих избирателей поддерживает Свободную Антарктиду. Сейчас в Америке жуткая ругня идет по всем этажам: остальные штаты определяются, с кем они — с президентом или с Техасом. И я бы на президента не ставил. Дайте закурить.

Неожиданная смена капитаном темы повергла всех в глубокую задумчивость. Закурить Юре, конечно же, дали и огоньку поднесли. Но вот мысли упорно продолжали вертеться вокруг раскручивающихся на ледяном континенте событий.

— Короче, — продолжил Юра спустя примерно минуту, — к послезавтрашнему утру каждая яхта должна сообщить свое решение. Кстати, если согласимся — мы все теперь, вместе с «Анубисом», станем державным антарктическим флотом.

Баландин смешно хрюкнул и с иронией уточнил:

— Военным? Или рыболовным?

— Каким скажут, таким и станем, — невозмутимо отозвался Юра, стряхивая пепел за борт. — Кстати, Шимашевич еще заверил, что устроит вопрос с семьями всех остающихся яхтсменов, судей и обслуги.

— Гляжу, ты для себя уже все решил, капитан, — спросил угрюмый Женька. — Так?

— Так, — подтвердил Юра, вышвыривая окуроч. — Я за то, чтобы остаться.

— Я тоже, — встрял Нафаня.

— Итого, уже половина голосов «за», — подытожил Баландин. — Знаете, лично я в Шимашевича верю. И могу рассказать почему. Вот прикиньте, мы в гонке в чем-нибудь нуждались? В жратве там, вещах, судейских релизах? Правильно, не нуждались. И знаете почему? Потому что Шимашевич реально заботится обо всех, на ком стрижет бабки. Зуб даю, он и антарктов в обиду не даст. И потому я тоже за то, чтобы остаться.

— А мой голос превратился, в сущности, в формальность, — грустно заключил Женька.

— Ну почему же, — не согласился Юра. — Ты можешь уехать. Но «Анубис», ты уж извини, останется здесь, раз большинство порешило податься в антаркты.

— Да понимаю... — все так же грустно кивнул Женька. — Можно я до утра хотя бы подумаю? Как-то... не готов я вот так, сразу. Да и жене я бы позвонил сперва.

— Тьфу. — Юра досадливо стукнул себе по лбу. — Об этом-то я и забыл. Все желающие посоветоваться с семьями могут в течение завтрашнего дня позвонить домой с «Кассандры». Мы по графику в полдень.

Женька малость повеселел, по крайней мере лицо его перестало быть таким напряженным.

— Эй, хохлы! — донеслось с соседней «Царицы». — Вы там что себе решили?

— Решаем как раз, — зычно проорал Баландин. — А вы?

— А что нам остается? — невесело ответил кто-то из волгоградцев, кажется, капитан Лень Шпак. — Не в тюрьму же... Попробуем стать антарктами, раз не получилось стать людьми.

— Мы тоже остаемся, — крикнул Баландин. — Только Женька еще колеблется, а мы трое решились.

— Н-да. Были с вами земляками полжизни, потом развели нас политики эти долбанные, и они же, гляди, снова сводят. Гримасничает жизнь...

С «Анубиса» ответить не успели. На берегу как раз, еле видная в тумане, взвилась ракета.

— Десять минут до старта, — буркнул капитан. — Грот вира, потом отдать кормовой... Тянем на север, вдоль побережья. Новый табор будет у Новорусской.

Баландин послушно полез с транца в резинку — отдавать кормовой и извлекать из подтаявшего льда вбитый кол.

«Сколько нам еще так швартоваться, на кол во льду? — подумалось ему. — Хотя надо привыкать. Мы ж теперь вроде как антаркты...»

Ко второй ракете Баландин был уже на борту. Резинку решили не сдвигать — пусть себе болтается в кильватере, все равно гонке конец, обычный переход. Из тумана смутно доносились глухие голоса яхтсменов, треск шкотовых лебедок, хлопанье парусов.

— Блин, — пожаловался Женька. — Чего это они нас своим ходом решили гнать? Побьемся же в таком тумане! Нет что-бы за катера уцепить — и караванчиком...

— Лды, наверное, мешать будут, — предположил Нафания. — Вклинится какой-нибудь айсберг между двух яхт — и чего?

С катера ни бельмеса ж не видно.

— Ну да, — хмуро сказал Женька. — Катер Антарктиде дороже, чем какое-то там парусное корыто и пяток невольных эмигрантов...

— Не бойсь, прорвемся! — Капитан унывать не собирался. — С купола дует ровно, нам вдоль берега, значит, пойдем себе спокойненько вполветра. От льдин отпихиваться уже пробовали. Кстати, Женька, давай-ка ты, как самый могучий, на бак. Брасоловка там?

— Там.

— Если что — кричи...

Баландин как раз закрепил резинку, спрятал швартовы, кол и лодочные весла под кокпит и выбрался наружу. Встал у люка и зябко повел плечами. «Анубис» косо шел прочь от берега — капитан боялся в прибрежной толчее кого-нибудь протаранить. Или наоборот — что «Анубиса» кто-нибудь протаранит.

Старт не прозевали только благодаря секундомеру — ракету видно уже не было, а слабый хлопок выстрела легко спутать с чем угодно — тюлень какой-нибудь местный безмозглый ластой по воде ляпнет или на «Кассандре» боцман уронит на палубу какую-нибудь железку... Проклятый туман искажал звуки до полной неузнаваемости.

— Поехали, — сказал капитан.

Баландин с Нафаней тут же подобрали паруса. «Анубис» заметно накренился — с купола дуло все-таки неслабо. Потом уселись по наветренному борту. Из тумана то и дело проступали контуры льдин.

— Левее! — подсказал с бака Женька.

Капитан послушно переложился.

— Еще!

Переложился еще. Остальные привычно, уже на полном автомате подрабатывали парусами.

Проскользнули впритирку с большим айсбергом, по склону которого, весело журча, стекал неслабый ручеек.

Так и шли, почти на ощупь, лавируя среди льдин.

Часа через два экс-антимагелланов чуть кондратий не хватил — тех, что сидели в кокпите.

За кормой шевелилась неприятно черная вода, вздымались небольшие бурунчики. Мерно билась пузом о волны буксируемая резиновая лодка. Кокпит на «Анубисе» был самосливной, так что от воды его отделяло от силы полметра.

И вдруг, с плеском и брызгами, в кокпит влетело нечто черное, продолговатое, словно торпеда. Уперлось

в пластик под брандер-щитом и тяжело забарахталось. Мгновением позже между основанием руля и левым бакштагом из воды высунулась оскаленная усатая морда, покрытая мокрой пятнистой шерстью. Клацнула зубами, шлепнула ластой по транцу и тяжело сползла в воду.

Ни кто из яхтсменов, впрочем, не заорал с перепугу, только Нафания, бросив к чертям стаксель-шкот, с невероятной быстротой отстегнул с палубы спинакер-гик и вытянул его в направлении нежданного гостя. А остальные проворно подобрали из кокпита ноги. Брошенный стаксель немедленно заполоскал, отчего всполошился и Женька Большой, которому с бака ничего не было видно.

— Эй, чего там у вас? — рявкнул Женька.

— Твою мать! — наконец-то сумел выдавить из себя капитан. Почему-то шепотом.

Черное-продолговатое продолжало ворочаться в кокпите. Нафания опасливо ткнул его концом спинакер-гика, а потом оно кое-как встало вертикально, привалившись спиной к наклонному борту, показало белое пузо, маленькую голову и клюв, и стало понятно, что это всего лишь пингвин.

Баландин выдал длинную непечатную фразу, облегченно вздохнул, но ноги в кокпит так и не опустил.

— Да что там, бля, у вас? — вторично рявкнул Женька. — И стаксель подберите кто-нибудь!

Нафания, не выпуская из рук гика, дотянулся до шкота, подобрал, и стаксель наконец-то перестал полоскаться. «Анубис» сразу пошел бойчее.

— Это, — прокомментировал капитан встревоженному Женьке. — К нам тут в кокпит пингвин запрыгнул.

Вышеупомянутый пингвин, растопырив крылья, пытался шагнуть, но лапы скользили по мокрому да вдобавок наклонному пластику.

— Пингвин? — зачем-то переспросил Женька.

— Угу. И хорошо, что не запрыгнул тот, кто за ним гнался... — подтвердил Баландин. — Морду эту кто-нибудь видел?

— Я — нет, — буркнул капитан.

Он и вправду не видел преследовавшую пингвина пятнистую страхолюдину, поскольку до рези в глазах всматривался в туман впереди.

— Твое счастье, — заверил Баландин. — Зубы — больше карандашей.

Говоря начистоту, зубы у морского леопарда куда меньше карандашей, но в данную секунду Баландин верил в то, что говорил, совершенно искренне.

— И башня, как у собаки Баскервильей! Во-от такая! — Баландин развел руки и показал нечто, напоминающее размерами крупный арбуз.

Капитан опасливо оглянулся и, насколько мог, продвинулся вперед от транца.

— Слышь, Нафаня! — обратился он к Мишке. — А вынь на всякий случай ножичек. Самый большой, какой найдется...

Нафаня закрепил шкот на утке и с гиком наперевес шагнул к люку. Пингвин смешно вытянул шею, еще сильнее растопырил крылья и издал странный звук, напоминающий шипение и клототание одновременно.

— Слушай, Олег! — обратился Нафаня к коллеге. — А они кусаются, или как?

— Да фиг их знает! — буркнул Баландин. — Жрут они вроде рыбу, а людям их бояться, говорят, нечего.

— Ну так гоните его в воду! — сердито сказал капитан.

Нафаня наемкнул незваному гостю гиком в подмышку — пора, мол, и честь знать, давай вали в свою пучину и гребь к ближайшей льдине. Пингвин оказался сообразительный: шлепнулся на пузо и заскользил к транцу. На стопоре бакштага он застрял, бестолково молотя крыльями и суча ногами. Но кое-как ему удалось проползти и съехать в неприветливую околосантарктическую воду.

— Ф-фу!!! — облегченно выдохнул Мишка. — Смылся, слава богу!

— Нафаня, ножик! — напомнил капитан.

Нафаня послушно полез внутрь и зашарудел на камбузе.

— Вот так вот пристройся на транце посрать, — задумчиво протянул Баландин, — задницу тебе и откусят...

— За незалежность надо платить, хотя бы и задницей, — изрек Нафаня из камбуза и с грохотом что-то обрушил.

— Так то в переносном смысле!

— Угу. Будь добр, в следующий раз объясни это леопарду.

— Остряк. Ты нож нашел, нет?

Нафаня появился на палубе с тесаком таких размеров, что Баландин присвистнул:

— Ну вот, теперь у нас точно военное судно...

Посмеявшись, согласились. Нос «Анубиса» размеренно и даже как-то меланхолично раздвигал темную воду. О борта с шорохом терлись мелкие ледышки.

— Как это — никакого правительства?

— А вот так. Совсем никакого.

— Ты шутки-то свои брось. — Ерепеев нахмурился.

— Отшутили уже, — сказал Ломаев. — Уже неделю, как отшутили... кстати, сегодня исполнилась ровно неделя с нашего пьяного манифеста. Юбилей как-никак. Первый День независимости.

— Предлагаешь отметить, что ли?

— Не-е... — Ломаев замотал головой. — Исполнится год — отмечу, так и быть, но не раньше. Зарок дал.

— Отрадно слышать. Так что насчет правительства, а?

— Ничего. Кстати, а зачем оно Свободной Антарктиде?

— Ну как это — зачем! Да хотя бы...

— Что?

— Чтобы править.

— Не понял, поясни.

Ерепеев морщил лоб, думал.

— Монархию учредить хочешь, что ли? Абсолютную? А с барьера в океан ты не падал?

— Нет, и не хочу, — серьезно сказал Ломаев. — Поэтому мы и отказались от монархии... в смысле, и поэтому тоже. А кроме того, мы в манифесте уже объявили Антарктиду республикой. Главное, конечно, то, что при монархии у нас резко падают шансы быть поддержанными хоть кем-нибудь извне. Демократия — иное дело...

— Погоди-погоди, — перебил Ерепеев. — Как это «отказались от монархии»?

— А ты что, монархист? Вот уж не думал.

— Я о другом! Кто отказался? Кто вообще это обсуждал?

— Я, Непрухин, Андрюха Макинтош, Шимашевич и вот он. — Ломаев кивнул в тесный проход между двумя дюралевыми скамьями, где с самого начала полета сладко спал Джереми Шеклтон, поместив под себя надувной матрац и взгромоздив ноги на бочку с горючим, взятым на обратную дорогу. — Водряхнет, болезный. Суток трое не спал.

— А на остальных, значит, тьфу? — заорал Ерепеев. — Ты у людей спросил, чего они хотят? Ты у меня спросил? Я твой начальник, между прочим!

— Да ну? Ты мой начальник во всем, что касается Новорусской, с этим я не спорю. Разве я не выполнял твоих распоряжений? А насчет Свободной Антарктиды — извини,

тут у тебя прав не больше, чем у меня или, скажем, Жбаночкина. Мог бы зайти к нам на огонек и принять участие в обсуждении — не как начальник, а как антаркт. Мы никого не гнали.

— ...

— Не нервничай так, случится что-нибудь, — меланхолично проговорил Ломаев. — На борту валидола нет.

— Не мог позвать, да? Вот так взял и решил за других? Знаешь, кто ты после этого?

— Я все про себя знаю. Считаю, что я позвал тебя сейчас. До приземления уйма времени, мы успеем обсудить все, что угодно. По-твоему, нации самоопределяются непременно в беломраморном зале с колоннами? Вынужден разочаровать: хорошо, если не в сортире. И потом, речь пока идет лишь о наших предложениях, а утвердит их Конгресс... если утвердит. Впрочем, кое-какая поддержка у нас уже есть... Ну начинай.

— Чего? — Ерепеев зло сопел.

— Обсуждать, конечно. Ты ведь что-то обсудить хотел, кажется? Или только мне в рыло захватить?

Ерепеев демонстративно отвернулся и стал смотреть в иллюминатор. Минут через десять под крылом проплыли заброшенные руины станции Пионерская, до боли знакомые начальнику транспортного отряда. Пилот покачал крыльями. Внизу проплывала история. Останься Антарктида на месте — все равно трасса санно-гусеничных поездов к Востоку прошла бы не здесь, а левее, от Новорусской, а не от Мирного.

И первый поезд повел бы Ерепеев.

Глупый вышел сезон. Мало того, что снабдить станцию Восток всем необходимым для зимовки не представилось возможным (а выяснилось это лишь перед отплытием из Питера), так еще и континент выдал такой фортель, какого от него не ждал ни один шизофреник, не говоря уже о людях в здравом уме! И вот тебе пожалуйста — Свободная Антарктида...

Голова кругом.

Восток так и остался законсервированным, и теперь никто не мог сказать, пригодится ли он когда-нибудь Свободной Антарктиде. Но трассу полета пилот удлинил так, чтобы большая ее часть проходила над прежним санно-гусеничным путем — в случае вынужденной посадки вблизи Пионерской, Комсомольской и Востока-1 можно было протянуть какое-то время на руинах, а на Востоке и вовсе оставался запас горючего и продовольствия, живи не тужи хоть год. Пилот знал свое дело и не собирался помирать за здорово живешь.

— Ладно, — сказал Ерепеев, подуспокоившись. — Говори. Какую такую демократию без правительства вы выдумали?

— Непосредственную, — сейчас же отозвался Ломаев. — Как в Древней Греции. Общее голосование антарктов по всем мало-мальски важным вопросам. Нас тут всего-то несколько сот, связь действует, так неужто не договоримся?

— Чуть что — референдум, значит...

— Угу.

— Не угай, не филин. Значит, вообще без правительства? Ну а кто будет вопросы для референдумов готовить? А принимать быстрые решения, когда нет времени голосовать? А представлять Антарктиду за рубежом — Пушкин будет?

Ломаев хохотнул:

— Неплохо бы: его бы небось не арестовали за измену, постеснялись бы...

— Я серьезно!

— А я шучу, что ли? На первое время выберем, конечно, каких-нибудь представителей народа и президента-зицпредседателя. Построим для мировой общественности потемкинскую деревню. А потом примем закон о ротации, скажем, еженедельной. Ты еще не был президентом страны? Значит, будешь. Ты мужик авторитетный, никуда не денешься.

— Иди ты знаешь куда...

— Куда это я пойду из самолета? Ну скажи, тебе не хочется стать президентом? А ведь станешь когда-нибудь.

— Если только это дурацкое предложение пройдет.

— А ты что, будешь голосовать против?

Ерепеев помолчал.

— Нет, — сказал он изнывающему от любопытства Ломаеву. — Не буду я против. А только реально править будет не президент, не представители и не референдум всех антарктов, а этот твой варяг Шимашевич. Нет? Деньги-то чьи?

— Отдадим, и очень скоро отдадим, — махнул рукой Ломаев. — Сомневаешься?

— Еще как.

— Зря. Экономический потенциал у нас будь здоров. Туризм — раз. Рыболовство — два. Да тут в холодных прибрежных водах на экваторе биомасса так поперет — успевай собирать! Думаешь, в манифесте о двухстах миллионах экономической зоны я зря сказал?.. Ну ладно, тебе одному признаюсь: пьян был, ничего не помню, но ведь и спьяну в точку попал! Да мы на одной рыбе разбогатеем! Продажа айсбергов нуждающимся в

пресной воде — три. Австралийцы и калифорнийцы купят, доставка за их счет. Теперь это станет рентабельным, Шеклтон с Макинтошем уже прикидывали. Что еще, ну? Думай.

Ерепеев наморщил чело:

— Поставка пингвинов в зоопарки, что ли?

— Мелко плаваешь. Да мы со временем зимнюю Олимпиаду сможем принять, во как! С горнолыжными трассами в Трансantarктических горах. Да мы какой угодно державе сдадим в аренду участок под космодром — экватор же, выгодно! Да и ступени ронять в океан удобно. А ископаемые?! Пустим к себе геологов — плати денежку, веди разведку пока что в оазисах, бури шельф. Но под нашим контролем! Кинутся как саранча и наверняка что-нибудь найдут. Думаешь, с Шимашевичем не рассчитаемся? С процентами? Ну скажи, что ты думаешь...

Пролетая над озябшим необитаемым Востоком, пилот Ан-3 покачал крыльями. Ломаев и «Е в кубе» этого не заметили.

— Отели для туристов придется построить и места хорошие выбрать. Чтобы и лыжные курорты были, и купальные. Скоро в оазисах хорошие озера возникнут, чистые и незамерзающие...

— Это потом, а пока с иностранных ученых групп деньги брать надо, скоро много их к нам понаедет. Пусть платят за право исследования.

— А с корреспондентов?

— По первому разу, пожалуй, только малую въездную пошлину, а потом поглядим, что о нас напишут и как покажут. Со злопыхателей — втрое за повторный въезд!

— Лучше вдесятеро.

— Да, и насчет хорошей обсерватории астрономам намекаем — в центре купола астроклимат лучше, чем на Мауна-Кеа...

— Транзитные деньги за пролет гражданских лайнеров над нашей территорией...

— Таможенные доходы...

— Торговля лесом...

— Каким лесом, ты чего, перегрелся?

— В малой кальдере Эребуса растут елки. Немного, но есть. Представляешь, сколько будет стоять табуретка, сработанная из ТАКОЙ древесины? Думаешь, не купят?

— Лучше сами купим мицелий каких-нибудь подосиновиков и будем продавать лицензии на право грибного сбора на Эребусе. И доход больше, и елки целы.

— Живы будем — не помрем, — подытожил Ломаев и весело пихнул Ерепеева в бок. Ерепеев немедленно ответил тем же:

— Да здравствуют антаркты, маленькая, но гордая нация!
— Ага, и тебя проняло? — Ломаев просиял и неожиданно пнул ногой лежащего Шеклтона. Несильно. — Спит...

— И так видно, что спит, — прокомментировал Ерепеев. — Вымотался человек. Чего ради ноги-то распускать?

— А того ради, — понизил голос Ломаев, — что до меня только сейчас кое-что дошло. Как до жирафа. Ереме это слышать не обязательно. Как ты думаешь, почему Родина не просто открестилась от нас, но и объявила нас преступниками, да еще всех списком?

— Чтобы отмазаться.

— Только-то? А поглубже копнуть не хочешь?

Морщины на лбу Ерепеева собрались в чрезвычайно пересеченный рельеф.

— Погоди... Ты хочешь сказать, что...

— Вот именно это я хочу сказать. России в Антарктиде все равно ничего не светит, вот она и не оставила нам иного выбора, кроме как отчаянно добиваться независимости. Господи! В кои-то веки умный шаг во внешней политике! Одобряю. Да Свободная Антарктида для России стократ выгоднее, чем Антарктида поделенная!.. Дошло наконец?

— Кажется, дошло. — Ерепеев был потрясен. — Так, значит, мы не изменники?

— Не обольщайся. Лично я в ближайшее время в Россию ни ногой. Знаешь, здесь тоже лед, но все же теплее, чем в Магадане. Лучше останемся антарктами, согласен?

— Придется, — вздохнул Ерепеев.

Ломаев самодовольно подбоченился, черт ему был не брат:

— А разбогатеет — все у нас будет! Из Австралии утокосов выпишем, вон Игорек Непрухин о них давно мечтает...

— На кой черт нам уконосы? — изумился Ерепеев.

— Чтобы были! — отрезал Ломаев. Могучая борода азролога топорщилась дикой метлой, глаза блестели. Глядя на него, хотелось расправить плечи.

Ан-3, чуть заметно ныряя в слабых воздушных ямах, тянул к станции Амундсен-Скотт.

Всеволод Глуховцев

ПЕРЕВАЛ МИППЕРА

Гостиница «Перевал» — не самая лучшая в городе, не самая худшая. Не на центральной улице, но и от окраины далеко. Восемь номеров на первом этаже, десять на втором, один на третьем. Преимущественный состав посетителей — средний и нижний слой мидл-класса. Заведение процветает.

Я — управляющий гостиницей, он же и конторщик, и дневной портье. Сажу в вестибюле, прямо против входа, за дубовой стойкой, принимаю вселяющихся, провожаю отъезжающих, отсюда же руковожу немногочисленным персоналом: швейцар, три горничных, буфетчица, повар, кухонная прислуга: повара и подсобники. Повар один, все остальные сменные. Работа на первый взгляд кажется непыльной, хлебной, но как покрутишься, понервничаешь — ой-ей-ей... Подчиненные нерасторопны, жильцы капризничают, хозяин жучит... Сейчас, правда, его, слава богу, нет — в отъезде он, в Париже.

Хозяин наш, Владимир Карпович Нестеров, один из самых видных людей в городе: бизнесмен, политик и меценат, член Городской думы, крупнейший владелец недвижимости. Кроме «Перевала» у него еще две гостиницы: одна первоклассная, другая нашего уровня, два приличных ресторана и с десяток кабаков разной степени низкопробности, парк отдыха с летним театром и несколько доходных домов. Наверняка он владеет через подставных лиц еще чем-то, но этого я, конечно, не знаю.

Руководитель Владимир Карпович жесткий. Похвалу от него услышать — дело немыслимое, зато нахлобучек — хоть отбавляй. Каждый понедельник, в семнадцать ноль-ноль, он собирает управляющих у себя в конторе — и начинается административное соло.

«Что-с?.. Я не ослышался, Антон Валерьянович? Семь пустующих номеров?.. Вы, очевидно, изволите смеяться надо мною, милостивый государь?.. Что? А какое мне, собственно, до того дело? Нет постояльцев — ищите! Ступайте на вокзал, езжайте в порт, ловите там... Просите, умоляйте, становитесь на колени, пляшите камаринского — но чтобы все номера были заняты!.. Что-о? Не сезон? Вздор! Вздор, милостивый государь. Я плачу вам деньги — из своего кармана, заметьте! — так извольте их отрабатывать. Даю вам три дня, а начиная с четверга пустующие номера вы будете оплачивать из своей зарплаты... Все! Следующий, слушаю».

Но сегодня, к счастью, почти все номера заняты — кроме одного, девятнадцатого, того самого на третьем этаже, двухместного. Пару дней там жил коммивояжер, торговец всякой дамской бурдой: чулками, комбинациями, подвязками какими-то, будь они неладны. Оба дня он, как волк по лесу, рыскал по городу, по магазинам, всучивая свой товар, — и, надо сказать, добился своего, заключил несколько приличных контрактов, чем не преминул передо мною похвастаться, и даже выкатил на радостях бутылку неплохого коньяку. Уехал довольный.

Я тоже пребывал в хорошем расположении духа. Гостиница полна, буфет работает вовсю, обслуга при делах, шуршит — так что фитиля ожидать ниоткуда пока не приходится... Оформив выписку торгаша, я велел швейцару Федору не шляться без толку, а стоять у дверей, а сам занялся просмотром журнала регистрации, вооружившись остро отточенным карандашом. Им я делал аккуратные пометки.

С озабоченным видом я пролистнул несколько разграфленных страниц, остановился, и жало карандаша нацелилось в запись, украшенную небольшой кляксой. Удовлетворенно я поставил едва заметную галочку. У этого жильца из шестого номера в восемнадцать ноль-ноль истек срок оплаты... Так, кто тут еще у нас?.. Ага, четырнадцатый люкс. Угу-м... Это толстый такой, рожа противная. Но он вроде бы собирался продлится... Ну, ладно, там посмотрим, надо запомнить: четырнадцатый номер, восемнадцать ноль-ноль... Эх! Досадно, конечно, что один номер пустует! Совсем чуть-чуть до полного ажура. Хотя бы кто один — и то хлеб.

— Федор! — окликнул я.

Наш Федор преоригинальный тип. Крупный и рослый, в черной униформе с золотыми галунами и позументами, он смотрится крайне представительно. Образ у него все-

гда задумчивый и направлен несколько вниз, левая бровь со значением приподнята, взор отсутствующий. О чем думает — Бог ведает. Скорее всего ни о чем. Я подозреваю, что у него слегка не все дома — в самой малой и безобидной пропорции. Обычно он, заложив руки за спину, глядя в пол, неторопливо прогуливается по вестибюлю.

— Да, Антон Валерьянович? — Федор прекратил маячить, поднял голову и посмотрел на меня солидно-вопросительно.

С Федором надо говорить сдержанно и строго — он очень уважает такой тон.

— Федор, вот что. Поди на улицу, взгляни, нет ли кого похожих на постояльцев. На разведку, так сказать... И потом: отчего у тебя ботинки не вычищены? Ты, кажется, служишь в приличном заведении... Этого не должно!

Федор обозрел носки своих черных штиблет и возвратился взглядом ко мне.

— Да, Антон Валерьянович, — согласился он внушительно. — Вы совершенно правы. Я протру бархоткой, это будет лучше всего. Верно?

— Конечно, — ответил я, удерживая улыбку. — И не забудь на улицу посмотреть.

— Слушаю, Антон Валерьянович.

Я снова взялся за документы. Стал смотреть подшитые счета, проверял правильность исчислений. Вернулся Федор, доложил, что потенциальных клиентов на улице не видно; я сказал ему неотлучно быть у дверей, а сам продолжал подсчеты. Работая, я думал о Нестерове, что он там в Париже... Официально-то якобы по делам уехал, а на самом деле небось по кафешантанам да по борделям... Тот еще крендель! Я завидовал ему...

— Антон Валерьянович! — отчаянно прошептал Федор от входа. Я вздрогнул и оторвался от бумаг. Входная дверь растворилась, зазвякал колокольчик — и в помещение вошли два человека. Я поспешно, едва не опрокинув стул, встал навстречу им.

Миновав вторые двери и вытянувшегося во фронт Федора, двое уверенно, не замедляясь, прошагали по ковровой дорожке через вестибюль прямо к моей конторке. Пока они шли, я успел разглядеть их.

Первый — среднего роста, возрастом под пятьдесят, подтянутый, моложавый. Волосы благородной серебристой седины. Лицо худощавое, правильных форм, красивое мужественное лицо. Крупный твердый рот, крепкий подбородок, прямой нос, прямые брови, ярко-синие глаза, суровый

взгляд. Строг, гладковыбрит, свеж и аккуратен. Отменно чистоплотен был и второй, но этот повыше, попросторнее в плечах и поплотнее — мощный дядя. И значительно моложе, около тридцати. Пшеничного цвета волосы, прямые, жесткие и непослушные, расчесанные на прямой пробор; темные глаза и светлые усы. Он также был приятен лицом, его отчетливо европеоидными линиями, но они были более плавными, нос слегка курносый, и это да еще прищур почти черных глаз и прячущаяся, угадываемая под усами смешинка придавали лицу рисунок постоянно сдерживаемого озорства, того, что точнее всего назвать плутовским обаянием.

Что сразу бросилось в глаза мне: безусловная элегантность обоих мужчин, несмотря на их вполне скромную одежду; уверенность походки, отточенность движений, холеность лиц и рук, ловкий покрой пиджаков и брюк — тот внешний доск, что явственно и ложно-скромно отделяет столичных от провинциалов. Старший был в темно-сером костюме, голубой рубашке и синем галстуке, молодой — в серой паре посветлее и легкой черной водолазке. У первого в руке был черный кейс, у второго — неожиданно потрепанный темно-желтый раздутый саквояж.

С мучительным ущербом в душе я ощутил свое убожество. Я сразу вспомнил, что воротник моей рубашке давно потерял форму, что пиджак лоснится на локтях, а галстук — на узле, что волосы я мыл позавчера... Я оробел и заранее завилял хвостом перед вошедшими.

Они остановились у барьера. Секунда. Взгляд — бесстрастный, синий, льдистый. Я по-приказчичьи ослабилсЯ.

Спокойно, без улыбки, седовласый произнес:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — с поспешной любезностью ответил я и стрельнул глазами в молодого. Тот еще прищурился — точно дружески подморгнул мне.

— Мы хотели бы остановиться у вас, — сообщил мне старший. — Это можно?

— Да, да, конечно!.. То есть... кгм! Должен вам сказать, что у нас всего лишь один номер свободен, на третьем этаже... Если вас устроит, мы, конечно, будем рады вас принять. Но должен вас предупредить, что условия скромные... но... словом...

Я запутался. Слов не мог найти! Куда-то делись все.

— Третий? — впервые заговорил молодой. Голос у него, в отличие от холодного баритона седовласого, был совершенно приятельский: он говорил так, будто мы с ним

знакомы десяток лет. — Мне показалось, пока мы шли по улице, что здание ваше двухэтажное. Или нет?

— Нет. Не совсем так! — снова заторопился я. — Да, дом двухэтажный. Но там такие выступы под крышей второго этажа, над уровнем... ну, как бы мезонин, — я потряс ладонью на уровне глаз, изображая мезонин, — окнами во двор... мансарда...

— Чердак? — весело округлив брови, помог мне словом молодой. — Волшебно! — И он рассмеялся, показав ровные белые зубы. — Всегда мечтал хоть немного пожить на чердаке!

Седой едва слышно кашлянул и покосился на молодого — как мне показалось, недовольно.

— Хорошо, — сказал он. — Я понял так, что номер двухместный?.. Превосходно. Мы согласны. Оформляйте!

Властно он произнес это: «Оформляйте!» — так, что я было чуть не ответил: «Слушаюсь!», но вовремя прикусил язык и стал оформлять: сел, подтянул к себе журнал регистрации и вынул из настольного прибора авторучку. Прежде всего я отметил дату и время прибытия: шестнадцатое мая, двенадцать девятнадцать (я глянул на стенные часы, показывающие двенадцать восемнадцать, потом на свои наручные, утверждающие, что теперь двенадцать двадцать, — и выбрал среднее), кашлянул для солидности, почесал колпачком ручки щеку. Так... фамилии.

— Так, — сказал я. — Ваши данные, господа.

— Боярышников Лев Степанович, — сухо объявил седовласый.

— Ропшин Герман Юрьевич, — охотно представился молодой.

Я записал.

— Цель прибытия?

— Частные лица, по своей надобности, — после крохотной, но все же паузы ответил Боярышников.

Я записал и это.

— Так. Срок проживания... то есть на сколько вы намерены остановиться?

— Двое суток.

На этот раз ответ был дан без малейшего промедления.

— Я это спрашиваю потому, что у нас принято оплачивать вперед, — сказал я извиняющимся тоном. — Таково распоряжение владельца! Но разумеется, потом можно продлевать, — поспешил добавить я. — Продлевать срок пребывания... то есть увеличить длительность проживания... э-э... продолжительность...

Я вторично запутался в словах и потерялся совсем. И снова Ропшин выручил меня, спросив шутливо:

— А если мы у вас на год приостановимся?

— Пожалуйста! — Я облегченно рассмеялся, принимая шутку. — На год, на два... Пожалуйста!

— Ну и отлично, — сказал он и вынул из внутреннего кармана пиджака изящное кожаное портмоне. — Формальности все?

— Не совсем. Вот тут еще одна графа...

— Что такое? — удивился Ропшин.

— Место постоянного проживания.

— А! Петербург.

Да, столичную лошениость не спрячешь. Хотя они вроде и не думали чего-то там прятать... да.

— Цена недорогая, господа... два тридцать пять за место, за двоих четыре семьдесят, двое суток. Итого девять сорок.

Ропшин звучно припечатал червонец ладонью к дубовой стойке:

— Без сдачи. — И снова белозубо улыбнулся.

Я оформил счет-квитанцию, отдал первый экземпляр Боярышникову, второй сунул в папку, спрятал купюру в несгораемый ящик и достал ключ от девятнадцатого. За это время я успел продумать некоторый план действий, и вот почему: коммерсант съехал всего час назад, и в номере успели лишь наскоро прибраться и переменить на одной кровати постельное белье, и нужно было поменять скатерть на столе, дорожки на полу и сделать влажную уборку. А между тем старшая горничная Ирина уехала в прачечную получать свежее белье; вторая, Лукерья, работала наверху, в престижных люксовых номерах, и никак нельзя было ее оттуда снимать... Оставалась третья, Анна, горничная низшего разряда, полууборщица, два месяца как из деревни. Я с тоской подумал, что кошмарно неотесанная деваха Анна шокирует этих петербуржцев, но иного выхода у меня не было. Я решил.

— Федор! — окликнул я швейцара и повернулся в его сторону. И чуть не поперхнулся. От удивления: такого Федора я видел в первый раз. Я привык видеть физиономию, исполненную идиотского глубокомыслия, — а тут вдруг совершенно человеческое лицо! И на лице тревога, и вопрос, и некая растерянность! А взгляд швейцара был нацелен пониже левой кисти Боярышникова. Туда, где черный атташе-кейс.

От оклика моего Федор запоздало дрогнул и моментально вернулся в свой обычный вид.

— Слушаю, Антон Валерьянович, — сказал он, глядя мне в лицо с прежней служебной многозначительностью.

Наверное, на какое-то мгновение я застыл — три четверти секунды, не длиннее. Я опешил. Федор был другим. Я был готов поклясться! Был другим. «Маски долой!» — вдруг пронеслась в мозгу моем раздражающе знакомая фраза, но я никак не мог вспомнить, откуда же!.. И навязчиво завспоминал было. Но тут же оборвал себя: не время. И это тоже все в течение секунды.

— Федор... ты остаешься за меня здесь, пока я буду наверху поселять господ... — заговорил я, прогоняя озадаченность; откашлялся, и голос мой зазвучал деловито. — Позови Анну; она где-то тут, на первом этаже. Позови ее сюда! Я подожду пока.

Но тут Анна объявилась сама, не успел Федор углубиться в коридор: оказалось, что она убиралась в ближнем номере. Анна была мордастая молодуха, не столько толстая, сколько бесформенная: тумбочка такая. Она постоянно шмыгала носом, вытиралась рукавом, что-то жевала, и неистребимо пахло от нее луком.

— Так, — сказал я. — Анна, ты со мной сейчас, в девятнадцатый номер... Федор, остаешься за главного. Мест нет — повесь табличку на дверь. Если кто меня по телефону — я занят, поселяю гостей. Ясно?.. Прошу, господа!

Впрочем, господ не надо было просить. Они повернулись налево и все тем же барским шагом, не оборачиваясь, двинулись вверх по широкой лестнице, так что мне, выбравшись из-за конторки, пришлось поднажать, настигая их. За мной, шмыгая и стараясь не чавкать, поплелась Анна. Мой взгляд упал на обувь приезжих, и я снова морально покалечился.

Башмаки на мне были разношенные и удобные, ноге привычно и легко, поэтому я их жаловал. Но тут от неловкости и стыда у меня аж ноги скрючились в них, в башмаках этих, являвших теперь в моих глазах яркий образец застарелого уродства! Я робко глянул снизу вверх на уверенно ступающих по лестнице Боярышникова и Ропшина. На их осанистые прямые спины и шегольски подстриженные затылки. Я уловил тонкий запах незнакомого дорогого одеколona — и тоскливая зависть придавила плечи.

Это было совсем не то, что ощущалось мной, когда я представлял Нестерова в Париже. Та зависть была простецкая, простодушная: позавидовал и тут же позабыл. А это нет, это другое, это было тягуче болезненно, вроде того, как сорвал болячку с незатянувшейся ранки. Так вроде знаешь, что

есть люди из недоступных тебе сфер — но, не встречая их, живешь не тужишь... А тут вдруг встретил — и какой жестокий разрыв между ними и тобой! Как трудно пережить это воочию! Для них пустяк: провинциальная второсортная гостиница, нелепо-услужливый портье в дурацких башмаках... Посмеяться и забыть, забыть на второй же день после возвращения в свой петербургский мир, который для меня замкнут навсегда... Навсегда! Какое слово... Какое больное прикосновение!.. Я поник. Нет, черт возьми, лучше б они не появлялись, лучше не приезжали, не травили душу!..

Терзая себя такими мыслями, я опомнился тогда только, когда поднялись на маленькую площадку третьего этажа. Тут я завибрировал было, что тесное получердачное помещение угнетающе подействует на гостей, но ничего подобного... Со словами: «Позвольте... позвольте, господа!» — я деликатно протиснулся к двери, открыл ее и отпрянул к лестнице.

Гости вошли в комнату, причем Боярышников сразу же направился к окну, а Ропшин, небрежно кинув саквояж на стул, распахнул дверцу шифоньера, удовлетворенно хмыкнул, обнаружив там ряд висящих на перекладине плечиков, и начал стаскивать пиджак. Я набрал в грудь воздух, готовясь запустить извинительную тираду о том, что это единственный свободный номер... предыдущий жилец полчаса как съехал... еще не успели ничего, и если господа не возражают, то горничная тут же, очень быстро, в течение десяти минут, приберется... Честно говоря, я побаивался, что сейчас они возмутятся: мол, черт возьми, что же это? Разве нельзя было прежде предупредить? — но я-то опасался упустить тогда клиентов! А теперь готовился стелить как можно мягче... Но все это оказалось совершенно лишним, так как Боярышников, бегло оглядев законное пространство, обернулся ко мне.

— Как вас зовут? — спросил он.

Я выдохнул ненужный воздух и с полупоклоном ответил:

— Антон Валерьянович.

— Вы... портье?

— Я... управляющий гостиницей.

— Ого! — воскликнул Ропшин с веселым уважением, и я приятно смутился.

Боярышников несколько секунд молча смотрел в лицо мне — немигающе.

— Так, — сказал он. — Я попрошу вас помочь нам.

— Я буду рад оказаться вам полезным, — опять-таки с полупоклоном произнес я и восхитился этой своей

светской фразой так, что возликовал и даже позабыл о башмаках. Мне показалось, что одним удачным броском я сократил разрыв.

— Видите ли, — молвил Боярышников, — мы в некотором роде исследователи. Занимаемся научными изысканиями, связанными с изучением атмосферного электричества. А ваша гостица расположена именно в зоне повышенной турбулентции электрических полей атмосферы... Понимаете меня?

Я кивнул, весь в напряженном внимании.

— Прекрасно. Так вот, для исследований нам необходимо развернуть здесь некоторое научное оборудование. Что вы на это скажете?

Что я скажу? Я с готовностью воскликнул:

— Да, да, конечно!.. Извольте... Наука... она, конечно... Гм!..

— Прекрасно, — повторил Боярышников. — В таком случае я попрошу вас о содействии. Скажите, ваше здание снабжено громоотводом?

Я слегка обомлел. Как-то мне такой вопрос никогда не приходил в голову. Пожарная инспекция проверяла нас ежеквартально, с составлением акта, но они смотрели кухню, плиту, дымоходы, электроприборы и никогда не интересовались громоотводом. Но он должен быть, иначе как же без него...

— Да... — беспомощно забарахтался я. — Честно говоря, я как-то... Но наверняка снабжено, иначе как же без него... ●

Я с беспокойством ощутил, что снова потерял дистанцию.

— Нам необходимо будет установить временный дополнительный громоотвод, — объявил Боярышников, продолжая неотрывно смотреть в глаза мне.

Черт побери, он вообще мигает когда-нибудь?..

— А куда ведет вот эта дверь? — спросил вдруг Ропшин.

Я живо обернулся к нему. Он стоял, расставив ноги на ширину плеч и сунув в карманы руки. Я и раньше замечал, что хорошо пошитый пиджак скрадывает объем мышц, придавая мужской фигуре утонченность, и вот теперь... Черный блейзер не был обтягивающим, но и его свободный покрой являл выпуклую грудь, широкие покатые плечи и литые бицепсы Германа Юрьевича — и я невольно восхитился его телесной мощью.

— Это черный ход, — объяснил я. — Он ведет во двор.

— Ага... прямо отсюда, — Ропшин сделал винтообразное движение вниз указательным пальцем, — и во двор?

— Да.

— Ага... ладно. Скажите, а нельзя взглянуть? Дело в том, что, может, удобнее будет там протянуть громоотвод — через эту черную лестницу... Она у вас часто используется?

— Используется?... Нет, практически нет. Зачем? Это на всякий случай, экстренный, так сказать.

— Ага. Тогда пойдемте глянем? Ключ от этой двери?

— Ключ здесь есть, в ящике стола. Вот. — Я шагнул к письменному столу, выдвинул верхний ящик и показал ключ. — Он полагается здесь, на экстренный случай.

— Отлично! — воскликнул Ропшин, не скрывая радости. — Отлично! Лев Степаныч! Ну что — тогда мы сходим вниз с Антон Валерьянычем, посмотрим? Антон Валерьяныч, вы уж не обессудьте, мы вас поэксплуатируем немного!.. Ваш швейцар там справится без вас?

— Справится! Чего справляться-то, дел там на копейку, — заговорил я оживленно, чрезвычайно польщенный тем, что Ропшин говорит со мной так по-приятельски. — Тогда, быть может, пусть здесь горничная порядок наведет, пока мы смотрим? Скатерть поменять, половики, влажная приборка?..

— Пусть, — после коротенького молчаливого раздумья, кивнув, согласился Боярышников.

— Анна, — заруководил я, — давай приступай! Десять минут тебе... Идите?

— Идем, идем, — подхватил Ропшин.

Я отпер дверь.

Анна шмыгнула, вытерла под носом рукавом, вытерла ладони о синий передник и, переваливаясь уткой, проследовала к круглому столу, а я шагнул на площадку.

Узкая деревянная лестница с деревянными же перилами. Узенькие окна. Мы простучали каблуками по ступенькам бойкий ритм, и я на ходу вынул из кармана здоровенную связку ключей, отыскивая среди них ключ от входной двери.

Мы спустились, и я уже приставил найденный ключ к скважине замка, как Ропшин спросил вдруг:

— А это что за дверца?

— Это вход в подвал, — ответил я, не оборачиваясь, ибо дверца здесь была всегда одна. Дважды повернул ключ, выдернул его и толкнул дверь — на площадке сразу стало светлее. — Вот это выход во двор, — пояснил я и, не получив никакой реакции, оглянулся.

Ропшин стоял — руки в брюки — и прищуренно смотрел на маленькую дверцу под лестничным пролетом.

— Послушайте, — сказал он задумчиво. — У вас там, в подвале, пол земляной?

Станный вопрос.

— Да, — ответил я, недоумевая. — А что?

— У вас там что-то хранится?

— Ну... так, ерунда; ящики со стеклом, кирпич... Вообще-то там коммуникации, трубы.

— Да, — промолвил Ропшин и игранул темными бровями, чем как бы стряхнул с себя задумчивость. — Так это же здорово! — воскликнул он прежним бодрым тоном. — Лучше всего будет протянуть громоотвод сюда, в подвал. Заземлить его там. Верно?

Тут я забеспокоился и вдруг увидел свое легкомыслие. Я мало что смыслю в электричестве, но принцип действия громоотвода в общих чертах понимаю: молния лупит в железный штырь и по нему, а потом по железной проволоке уходит в землю. Если они хотят протянуть проволоку по черной лестнице и через эту проволоку пройдет разряд молнии, а кругом все деревянное...

— А в смысле противопожарной безопасности... это как?

Ропшин сначала смотрел на меня непонимающе, но, сообразив, рассмеялся снисходительно-добродушно:

— Ах вот вы о чем!.. Да нет, конечно, никаких проблем. Я объясню. Функцию громоотвода выполняет изолированная медная проволока. Мы устанавливаем мачту на крыше, присоединяем к ней проволоку, тянем в подвал и там заземляем. Весь ток уходит в землю. А изоляция стопроцентно предохраняет от... э-э... ну, от всяческих эксцессов. А вообще-то это сущая формальность. Обязательное правило техники безопасности. Нужды в нем никакой нет: основной громоотвод защищает здание надежно, да и небо, как видите, ясное, никакой грозы и в помине не предвидится... Но так уж полагается, такие правила. Если их не выполнять, эксперимент считается недействительным, никакая комиссия потом результатов не утвердит... — Ропшин рассмеялся. — В науке своя бюрократия имеется! Так что вы работайте спокойно, ни о чем не думайте.

Я успокоился и спросил заинтригованно:

— А если через окно во двор?

— Не годится. У вас там, я вижу, во дворе асфальт, а газон — то есть земляная поверхность — далеко. Эдак будет проволока через весь двор болтаться — несерьезно! Оборвут... А так, в подвал — отлично, ничто никому не мешает. Оп-

тимальный вариант, так, да?.. Да вы не волнуйтесь! — снова засмеялся он. — Абсолютная гарантия! Поверьте старому электротехнику...

— Вы электротехник? — почтительно спросил я и смешался: как-то по-детски наивно прозвучал этот вопрос.

— Ну, в общем, да. Вообще-то мы с коллегой имеем отношение к военному министерству, и наши исследования... — Тут Ропшин сделался значительным. — Короче говоря, это не предмет для широких обсуждений! Понимаете меня?

— Понимаю, — ответил я, мгновенно и горько удрученный тем, что не догадался сразу, кто они. Теперь-то я увидел совершенно ясно: выправка, короткие стрижки, командная уверенность... Вот только словечко «волшебное», припомнил я, произнесенное Ропшиным, как-то не укладывалось в картину, от офицера такое услышать странно... но ведь и они не строевые солдафоны, а исследователи... Да. Как я сразу не сообразил?.. Лопух! Разиня...

— Вот и отлично, — между тем заметил Ропшин. — Ну что ж, давайте откроем.

Я без труда отомкнул висячий замок, снял его и потянул на себя легонькую дверцу.

— Только там темно, — предупредил я.

— Вот как? Ладно. Тогда поднимемся наверх, возьмем фонарь. Пойдемте!

Я накинул замок обратно, запер оказавшуюся ненужной входную дверь, и мы поднялись наверх. Боярышников, без пиджака, в одной голубой рубашке, стоял у открытого окна, строго глядя вдаль. В комнате ощущался запах хорошего табака, я заметил, что на подоконнике стоит пепельница, а в ней — раздавленный окурочок... Анна, часто шмыгая, орудовала шваброй, моя пол. Толстое, безбровое лицо горничной было сурово и серьезно, нижняя губа оттопырена. Скатерть на столе лежала свежая. Боярышников повернулся к нам.

— Полный порядок, Лев Степанович! — весело отрапортовал Ропшин. — У них тут, оказывается, подвал с земляным полом. С любезного разрешения Антона Валерьяновича там мы и заземлимся.

Лев Степанович едва заметно кивнул в знак согласия.

— Почему ваша гостиница называется «Перевал»? — неожиданно спросил он.

Я выпучил глаза. Положительно, этот тип имел особый талант озадачивать своими вопросами.

— Почему «Перевал»?.. Ей-богу... я тут в общем-то недавно... год всего как работаю... не задумывался даже...

— Это что! — с живостью откликнулся Ропшин, шумно возясь в своем саквояже. — Я вот в одном городишке небольшом был, северном — так там гостиница называется «Бирма». Представляете? Чуть не в тундре и — «Бирма»! Спрашиваю местных: откуда, мол, название такое, с каких таких чудес?.. Никто ответить не может. Руками разводят, плечами пожимают: Сколько себя помнят, говорят, столько и она — «Бирма».

Говоря это, он извлекал из саквояжа поочередно большой, очень мощный электрический фонарь, изрядную бухту медной проволоки в лиловой полихлорвиниловой оболочке, молоток, пассатижи и еще какой-то странный предмет: небольшой тускло поблескивающий медный шарик на медной же цепочке. Шарик он проворно сунул в карман, а все остальное выложил на стол.

Анна сделала шваброй замысловатый финт, увлажнив последнюю половицу, подхватила ведро с грязною водой и удалилась. Слышно было, как она увесисто затопала по ступенькам. Ропшин отряхнул ладонь о ладонь и повернулся:

— Ну что, Лев Степанович, начнем?.. Что там у нас?

Сказав это, он приблизился к подоконнику. Я тоже из вежливости выглянул в окно из-за их спин. Ропшин легко, без рук, взмахнул на подоконник и оттуда прыгнул на крышу. Кровельное железо недовольно громыкнуло под его ногами. Упершись руками в поясицу, он закинул голову назад, сощурился от солнца, ослабив белые клыки.

— Красота! — беззаботно воскликнул он. — Я пацаном любил по крышам лазать просто так — гулять, смотреть сверху...

Он с видимым сожалением окинул взглядом горизонт — мол, да, хорошо было бродить по крышам в детстве, не то что ныне... вроде бы и крыши те же, что и двадцать лет назад, и день такой же светлый и сияющий, как те дни... а все равно не то — ушло время, убежало, смеясь, и его почти уже не видно...

— Красота, — вздохнув, повторил Ропшин, вскарабкался обратно в комнату, и без долгих слов они с Боярышниковым принялись разматывать бухту, а я вдруг упоенно воспарил душой: эти люди разговаривали со мной просто, на равных, и никакой насмешки или снисходительности не было — значит, это я сам уничтожался по своей глупой провинциальной закомплексованности, а на самом деле ничего подобного... Хорошо, хорошо!.. Я ощутил себя точно увеличившимся в объеме.

Прилив тщеславия был прерван появлением Анны, и я удивился — чего ей здесь надо?

— Тебе чего? — спросил я, сделав строгое лицо. Ропшин быстро покосился на меня, с юмором во взгляде: ишь, начальник! — и я затрепетал, опять попав в смятение.

— Скатерку старую забрать, — объявила Анна и ожесточенно потерла пальцем правую ноздрю.

— А-а... ну-ну... — забормотал я, не зная, как выбрать верный тон. — Забирай, забирай...

Вытянув из бухты провод на достаточную длину, Ропшин четкими движениями рук стал выправлять витки в прямую линию, а Боярышников, взявшись за конец проволоки, постепенно подтягивал его к окну. Делали они это молча, слаженно и быстро. Я с простодушным интересом смотрел на их работу.

Анне, видимо, тоже сделалось любопытно. Забрав старую скатерть, она остановилась, и когда я поднял голову, то ужаснулся до самых пяток: повесив скатерть на сгиб левой руки, Анна заправила в нос указательный палец правой и, ворочая им там во все стороны, с сугубым вниманием натуралиста наблюдала — что же делают приезжие. От нажима правый глаз ее аж съехал к виску.

Гости продолжали возиться. Боярышников не обращал на окружающее никакого внимания, но Ропшин пару раз кинул на девку взгляды полные веселой иронии. Та, конечно, ничего не поняла и все тарасилась, копая в носу, а я мучительно соvestился, не решаясь ее одернуть. Делал ей страшные глаза, но она не замечала... Наконец, после одного особенно эффектного движения — показалось, что сейчас она вырвет себе полнотри, — я содрогнулся, и меня осенило. Я ткнулся рукой в лоб себе, как бы что-то припомнивши.

— Ах да! — воскликнул я. — Забыл совсем, Анюта!

Анюта палец освободила, но тут же прилюдно вытерла его о фартук, ввергнув меня в новый пароксизм смущения.

— Пойдем-ка, — сказал я, торопливо выходя в коридор.

Анна шмыгнула и вышла следом.

— Вот что, — сказал я, шарясь в карманах. — Вот что... Сходи-ка в булочную напротив, купи мне хлеба. Я забыл. Возьми мне две французские булки... Да, и еще спички. Три коробка.

— Что, прям сейчас, что ли, идти? — спросила Анна недовольно.

— Прямо сейчас, — отрезал я и сунул ей два пятиалтынных. — Вот тебе тридцать копеек. Значит, две фран-

цузские булки и три коробка спичек. Поняла? Ступай. Сдачу можешь себе оставить.

— Ладно уж, — смягчилась Анна и, шумно топая, пошла вниз, а я вернулся в номер.

Ропшин, подняв голову, встретил меня все тем же лукавым взглядом. Я вспыхнул.

— Прошу извинить, господа... — Я неловко улыбнулся и развел руками. — Прислуга наша... Эдакое дитя природы. Так сказать, Кандид в юбке.

Ропшин отвернулся, и никто ничего не сказал мне. Они на корточках сидели перед опущенным на пол баулом, почти соприкасаясь головами — светлые дерзкие пряди ропшинских волос почти касались платиновых сединок Боярышникова, — оба что-то в саквояже перебирали: слышалось приглушенное побрякивание... Наконец Ропшин поднялся и как-то брезгливо тряхнул руками.

— Пустое, Антон Валерьянович, — невнимательно пробормотал он.

— Давайте сейчас потянем проволоку вниз... Лев Степанович! Дайте я присяду.

Боярышников встал и посторонился, а Ропшин, подцепив рукою бухту, вышел с нею в черный ход, причем вытянутая часть провода, длинная, как удилище, нелепо заболталась по комнате, так что Боярышников вынужден был ухватить проволоку за конец. Физиономия Льва Степановича при этом выразила неудовольствие, но ничего он не сказал, сдержался и, без усилия приподняв ближнюю к нему кровать, деревянной ее спинкой придавил громоотвод. Я немало подивился этому: зная по опыту вес кроватей, я никак не мог ожидать такой легкости от поджарого Льва Степановича!.. Я с удивлением и уважительно оглядел сухошавую его фигуру.

— Пойдемте, — между тем сказал он мне. — Возьмите заодно и пассатижи.

Я послушно взял небольшие плоскогубцы, а Боярышников — фонарь, и мы вышли вслед за Ропшиным. До самой подвальной двери мне пришлось быть пассивным свидетелем работы приезжих; надо признать, что работали они споро: отмотав на длину лестничного пролета и выправив провод, Ропшин прихватывал его к перилам несколькими оборотами скотча — очень туго и ловко — примерно через каждые полметра. На промежуточных площадках он аккуратно изгибал проволоку по форме закручивания перил. Боярышников, прицепив фонарь к брюч-

ному ремню специальным карабинчиком, молча помогал своему младшему коллеге. Глядя на это, я подумал, что Боярышников по званию наверняка полковник — уж больно строг! — а вот гляди ж ты, не гнушается работать наравне с Ропшиным, который, вероятно, капитан или поручик. Я с почтением и некоторым недоумением смотрел на все это... Но может быть, он лишь майор?... А командные замашки — это уж так натура такая... Пока я думал об этой чепухе, мы достигли площадки первого этажа.

— Темновато, — заметил Ропшин, делая последний крепеж у самого нижнего торца перил. — Антон Валерьянович, откройте дверь.

Я повиновался, открыл входную дверь, и стало светлее.

— Ну, вот, — с удовлетворением констатировал Ропшин, с треском оборвал ленту и вскользь полюбовался на свою работу. — Другое дело... Ну-с, господин управляющий, ведите в подzemелье!

Дверца была такая, что приходилось нагибаться, проходя в нее. Первым шагнул Боярышников, щелкнул рычажком, и ровный свет ринулся в тесноватое помещение. Классный все-таки у них фонарь, очень мощный.

Сойдя, Боярышников остановился, поднял руку и направил рефлектор немного вниз. Получилось почти как верхнее освещение. Я бывал здесь весьма редко, да и то при подслеповатом керосиновом помигивании «летучей мыши» — и потому смотрел с интересом, хотя ничего нового, конечно, не усмотрел: угрюмое помещение, низкий потолок, ящики с оконным стеклом, штабель кирпичей в углу, трубы вдоль стены, толстая труба с вентилем — поперек. Стены и трубы покрыты каплями холодной влаги. Прохладно было здесь и сыровато, это верно. Я зябко повел плечами, а Боярышникову в одной рубашке, казалось, ничего... Он подвигал фонарем, изучая интерьер, полуобернулся вправо и произнес:

— Что ж, Герман Юрьевич... Действуйте.

И с каким-то непонятным мне и неприятным смешком это было сказано.

— Антон Валерьянович...

Я посторонился, и Ропшин протиснулся между мной и Боярышниковым, оказавшись в ареоле, как цирковой артист на арене.

И начал действовать он впрямь как циркач — фокусник-иллюзионист: размахисто, энергично и как-то особо покрутил плечами — назад, напряженно прогибая спину;

затем, держа руки на отлете, быстро-быстро поиграл всеми десятью пальцами, разминая их... Лицо при этом у него стало сосредоточенным, брови сдвинулись. Я удивился, а он, продолжая держать левую руку отстраненной, правой нырнул в карман и достал оттуда тот самый странный предмет — шарик на цепочке. Теперь я разглядел его получше.

Это действительно был медный шарик, размером чуть поменьше пинг-понгового, на вид он смотрелся тяжеленьким таким, весомым. По горизонтальному диаметру он был охвачен накладной полоской, тоже медной, шириной в полсантиметра примерно, и на ней мне показались какие-то буквы, словно что-то написано. В макушку шарика было вделано полукольцо, к которому крепилось первое звено цепочки, а последнее соединялось с тонким медным кольцом, которое Ропшин надел себе на средний палец левой руки.

Изумление мое росло. Я уже растворил было рот, чтобы спросить — что это? — но Боярышников, заметив, коротко махнул рукой, сделав мне предостерегающий жест, — и я закончил выступление, не начав его. Я оставался обалделым зрителем.

Ропшин выставил руку с маятником на половину ее длины, раздвинув пальцы. Было очень тихо, разве что со двора отдаленно слышалась какая-то никчемная возня. Я слышал свое дыхание. Рука Ропшина была неподвижна, маятник едва покачивался.

Осторожными шажками молодой человек сместился влево, и его растопыренная кисть замерла у стопки кирпичей... Ничего. Поведение маятника не изменилось, он был спокоен.

Замедленный, чтобы не колыхнуть шарик, разворот на каблуках. Небольшой шаг вперед. Стоп. То же самое.

У меня перехватило дух. Что-то неизъяснимо зловещее было в этом ритуале. Что это? Кто они — эти двое?!

Боярышников вдруг двинул фонарем и даже будто издал некий горловой звук — я вздрогнул. Шарик ожил! Он закачался, а потом перешел на круги. Я очумело смотрел на руку с раздвинутыми пальцами. Она слегка подрагивала. Шарик начал двигаться быстрее. Шаг влево. Стоп. Нет! Обратно и вперед, под трубу. Шарик нервно замотался. Спина и плечи Ропшина стали хищными, азартными. Движенья стали резче: он стремительно повернулся к правой стене и шагнул к ней — и тут же спина его дернулась, а выставленная рука рванулась вверх, и что-то звякнуло. Он развернулся, прикры-

вая глаза ладонью — а другая, с шариком, была сжата в кулак. Боярышников опустил фонарь.

— И? — предельно коротко потребовал ответа он.

— Вени, види, — произнес Ропшин, ступая на лестницу. — Что и требовалось доказать.

— Что это... — обрел я голос. — Что это такое?

Вид у меня при том, вероятно, был весьма глуп, потому что Ропшин приветливо, хотя и мимолетно, улыбнулся мне и сказал:

— Все хорошо, все так, как нужно.

— Что... нужно?

— Нужно то, что нужно. — Ропшин засмеялся и подбадривающе похлопал меня крепкой ладонью по плечу. — Сейчас вы все поймете, Антон Валерьянович, через пару минут... Лев Степанович, я наверх, быстро.

И он саженными шагами ринулся вверх, только слышно было, как потрескивают под его ногами дощатые ступени.

— Что это было? — обратился я к Боярышникову, который все разглядывал освещенный подвал. — Этот вот шарик?

Боярышников помолчал, затем ответил безо всякой охоты:

— Это выбор места для заземления... Вам разве это не известно?

Интонация вопроса содержала в себе холодное начальственное удивление, и я еще раз ощутил острый укол в самолюбие.

— Да... но метод... — пристыженно забормотал я, — метод поиска... он... какой-то непонятный!..

— В нем нет ничего странного, — сухо заметил Боярышников. — Впрочем, если хотите, Герман Юрьевич вам объяснит.

Вид и тон Боярышникова изобличали сдержанное, но явное нежелание разговора, и я стушевался, прекратив расспросы, тем более что ступеньки наверху снова застучали — возвращался Ропшин.

Он явился немного запыхавшимся от лестничного бега, радостно возбужденным.

— Антон Валерьянович, — обратился он ко мне. — Помогите мне немного. Давайте-ка мы сюда протянем проволоку, в подвал... Пассатижи при вас? Дайте-ка мне.

Он что-то держал в руке, но что — я в полутьме не угадал, а разглядел, когда мы поднялись к выходу: молоток и медный стержень, длиной в аршин, довольно замысловатой формы — похоже на иголку, употребляемую в швейной машине. Ропшин положил это хозяйство на пол, пассатижи сунул в карман, сказал: «Давайте», — и мы потащили сильно

похудевшую бухту вниз, на ходу распрямляя провод; аккуратно разместили его в уголке дверной рамы, плотно обжав им порожек — таким манером, чтобы не мешал дверце закрываться, а затем благополучно спустили моток в подвал. Боярышников молча светил нам.

Ропшин сбегал к входу, забрал молоток и эту медную палку, вернулся. Он подтащил провод к тому месту у стены, примерился, достал пассатижи и перекусил проволоку с некоторым запасом, умело и быстро зачистил конец сантиметров на десять. Затем он взял стержень и осторожно воткнул его неглубоко в грунт острием — так, наживил на вершок — и, ухватив молоток, принялся вколачивать стержень вглубь.

Бум! Бум! Бум! — падали увесисто удары. В сильной руке молоток бил ловко и несколькими взмахами вогнул штырь в землю так, что осталась от него верхушка не более спичечного коробка. Действуя пассатижами, Ропшин сделал на оголенном конце провода петлю, диаметром примерно равным толщине штыря. Померил — великовато; хмыкнул, подкрутил еще: теперь петля садилась на штырь плотно, внатяг. Он надел ее, несильно постучал вспомогательным бойком молотка, осаживая вниз. Теперь петля надежно охватывала торчащий из земли медный палец.

— Ну, вот и все, — словесно оформил положение дел Ропшин, встал, захватил инструмент и остатки провода. — Антон Валерьяныч, не откажите помочь донести это... Спасибо. Теперь вы поняли, в чем суть задачи? — спросил он, пока я запираю замок.

— Не совсем, — ответил я, справившись с навесным замком. Боярышников, не дожидаясь нас, отправился вверх.

— Не совсем? — удивился Ропшин. — А что же вам осталось непонятным?

— Вот эти вот манипуляции, — признался я, — с шариком на цепочке.

Мы начали подниматься по лестнице — он впереди, я немного сзади.

— Ну-у... — будто бы разочарованно протянул он. — Я думал, вы догадались... Я выбирал место, где грунт имеет наименьшее электрическое сопротивление. То, что вы называете шариком, — это прибор, определяющий электрические свойства грунта. Понимаете? Чем сопротивление меньше, тем шарик раскачивается сильнее. В местах с минимальным сопротивлением он совсем, можно сказать, приходит в

буйство... — Ропшин засмеялся. — Вот так. Очень просто, не правда ли?

— Да, — согласился. — Я совершенно не знал об этом. Это и в самом деле удивительно.

— Точно, точно! Поверьте уж мне.

Таким образом беседуя, мы вернулись в номер, и я, по просьбе Германа Юрьевича, положил остаток бухты на стул.

Боярышников, спиной к нам, сосредоточенно возился у окна с проводом — что уж он там делал с ним, не знаю. Я повернулся к окну. Ропшин тут же с несколько-излишним дружелюбием расставил руки и улыбнулся улыбкой выборного кандидата.

— Ну, Антон Валерьянович, премного вам благодарны. Вы нам очень помогли! Спасибо вам! Наука будет вам признательна! — И он рассмеялся.

— Ну что вы, — смущенно промямлил я. — Моя обязанность!.. Оказывать услуги жильцам, помогать...

— Спасибо! — решительно повторил Ропшин и стиснул мне руку — крепко, со значением приязни. Я неуклюже поклонился, улыбаясь.

Боярышников отвлекся от проволоки, вполоборота через плечо кивнул мне, в ответ я еще раз нырнул головой вперед и раздвинул улыбку пошире.

Оставив им ключи от обеих дверей, я пошел к себе и, не дойдя до второго этажа, услышал, как дважды щелкнул замок — исследователи заперлись. Сложные, противоречивые впечатления расшевеливали меня. Доброжелательная открытость Ропшина, сухость, почти высокомерие Боярышникова... И какая-то непонятинка тяготила меня, точила душу... Какая-то в этом сюжете была недосказанность, затаенная напряженность. Что-то было тут не так, а что — я не мог понять.

Тут я вспомнил, что забыл их предупредить, как они могут вызвать горничную звонком, и остановился на втором этаже, заколебавшись: сказать, не сказать... В глубине коридора негромко переговаривались мужской и женский голоса. Я помялся, помялся и, решив сказать, поднялся обратно.

Неслышимый в своих лаптеобразных ботинках, я приблизился к двери. Из-за нее до меня донесся неразборчивый говор Боярышникова, и в ответ ему засмеялся Ропшин — за самой дверью.

— Занятный малый, — сказал он. — Глуп, конечно, зато искренен. Самая лучшая категория! Умные чест-

ными не бывают, а жуликоватый дурак — нет уж, увольте от таких!

Боярышников снова буркнул что-то неясное, Ропшин засмеялся, и я услышал его удаляющиеся шаги. Скрипнула половица.

Я повернулся и на цыпочках, высоко поднимая ноги, пошел прочь. Таким же журавлиным ходом беззвучно спустился на второй этаж и там только малость опомнился. Постоял немного. Уши мои горели так, что о них, наверное, можно было воспламенять спички. Я был как огаженный. Ослабел в коленях, оступел и почти оглох. Постояв столбом секунд десять, я стал слышать, как продолжают бубнить в отдалении голоса, усилием вернул себе некоторое душевное равновесие и сошел в вестибюль.

Здесь все было тихо-мирно. Вкусно пахло из буфета. Федор, блуждавший по ковру, встретил меня обычным своим взглядом с некоторой приправой вопросительности.

— Поселил, — ответил я на этот немой вопрос и заговорил притворно хозяйственным голосом: — Что тут? Никаких новостей? Никто не звонил? Не заходил?

— Заходили приезжие, — неторопливо доложил Федор. — Военный, капитан, артиллерист. Затем молодая особа, по виду из коммерческих. Мест нет — пришлось отказать.

— Ну что ж, это правильно... Ирина вернулась?

— Да. Минут десять тому назад. Анна вам булки принесла и спички — сказала, что вы ее посылали.

Я прошел к себе за конторку. В душе у меня было паршиво, как наблевано туда. Разбирало желание напиться. Я вспомнил про коньяк торговца подштанниками — бутылка стояла в нескораемом шкафу... Две французские булки и три коробка спичек лежали на краю столешницы, аккуратно, на листе бумаги. Я подумал, что Анна наверняка хватала булки тою же рукой, какой поворачивала в носу, — но почему-то мысль эта не вызывала отвращения.

— Вы там с ними долго, — после небольшого молчания промолвил Федор.

Сердце мое вновь задрожало от пережитого унижения. Говорить о жильцах из девятнадцатого было сейчас непереносимо, и теперь вот как-то надо было изловчиться, чтобы и эту тему наглухо прекратить, и Федора не задеть — не хотелось обижать его, да и все же с придурью он, шут его знает, что там у него в башке замкнет.

Но, на удачу, я был выручен вывалившимися из буфета постояльцами десятого и двенадцатого номеров — уже поддавшие, в разудалой, разметельной стадии угара, они тащили с собой еще бутылку «Столичной».

— О-о-о! — выкатывая дурные, налитые зельем глаза, радостно заорал один из них, десятый номер, жлобоватый тип с чудовищным, почти кастетом, перстнем на толстом пальце. — Антон Валерьянычу!.. Наше вам с подскоком!..

Ну и пошло-поехало. Минут пять я отбивался от бурных, во всю ширь хмельной души приглашений «пойти вмазать» — до тех пор, пока люксовые обитатели наконец или малость протрезвели, или их опаленным мозгам удалось освоить мысль о невозможности управляющему распивать на службе спиртные напитки. Тогда они горячо заверили меня в своей самой преданной дружбе, пониженным голосом таинственно поведали, что вечером к ним заявятся две «барышни», против чего я не возражал, — и уволоклись к себе во второй этаж.

Странно, но от этих двух дебилов мне полегчало. Тяжкая обида как бы рассосалась, а жизнь есть жизнь — обеденное время, все зашевелилось, стали возвращаться те, кто отлучился по своим делам с утра, очнулась половина первого этажа, накануне коллективно гудевшего едва не до зари, зазвенели звонки, захлопали двери, коридоры наполнились голосами, народ потянулся в буфет. Гостиница ожила.

Я нырнул в привычный ритм, и время помчалось незаметно. Я подстегивал Анну, которая хоть и старалась, шмыгала, сопела и пыхла и даже перестала жевать, но все же не поспевала за опытными Ириной и Лукерьей, так и летавшими по этажам... Потом я зашел на кухню, где властвовал тучный и усатый повар Иван Петрович, — здесь, как всегда, порядок был, точно в роте, и работа спорилась. Удовлетворенный, я вернулся в вестибюль, и сразу же на меня, озабоченная, ссыпалась с парадной лестницы Лукерья. Я стал разбираться с ней, и немедленно зазвенел телефон — дожидался, чтоб ему пусто было! — я схватил трубку... Понеслось!

Ближе к четырем первая волна оживления схлынула, стало поспокойнее. По опыту я знал, что второго прилива следует ожидать часам к шести. Поэтому я сходил в буфет, с аппетитом там пообедал, а когда воротился на рабочее место, то столкнулся с почтальоном. На адрес «Перевала» пришли сегодня три письма, я их взял и расписался в ведомости получения корреспонденции, после чего почтальон раскланялся и убыл. Я сел за свой стол и стал просматривать письма.

Первое — это, собственно, было не письмо, а уведомление — пришло к нам из Горэнерго и напоминало об имеющейся перед сей почтенной организацией у гостиницы задолженности за электричество — каковую задолженность требовалось безусловно погасить в срок до 25 мая с.г. Тут же называлась и сумма — 237 рублей. Я отложил это послание и принялся за второе. Оно было пушено из префектуры и суть имело ту же самую: давай плати — но форма изложения была куда более элегантной, сразу было видно тонких профессиональных вымогателей, не чета еловым головам энергетиков. Бумага любезно уведомляла нас о том, что тщанием префектуры создается «Фонд социального прогресса», задачей которого является развитие социальной инфраструктуры нашего района... и так далее, на полторы страницы благородно-умного текста. За сим рекомендовалось делать взносы. Сумма, назначенная «Перевалу», определялась в 500 рублей. Надо полагать, что подобные письма чиновники позаботились разослать по всем предприятиям района.

Прочитав, я горестно вздохнул, ибо дальнейшую судьбу «Фонда социального прогресса» представляя себе вполне хорошо. Деньги, конечно, будут перечислять — кто это сделает по глупости, кто под нажимом, кто — будучи на кукане у главы районной администрации. И деньги эти обретут успокоение в карманах сотрудников префектуры, из которых, по совместительству, и будет набран весь аппарат фонда: президент, штук пять вице-президентов, ведущие специалисты... и так далее, вплоть до самого мизерного клерка — таким вот образом и будет развиваться инфраструктура.

Я отложил и это письмо. Не в моей компетенции решать такие вопросы, и пусть социальным прогрессом занимается Нестеров. Пусть это идет к нему в контору... Я вскрыл третий конверт.

Это было наконец-то настоящее письмо, и, прочитав его, я несколько оторопел, потому что автор (некто В.В. Картушко) излагал в нем удивительные вещи. Он утверждал следующее: когда тридцать четыре года тому назад фирма «Силантьев и К°» взялась за строительство здания, в котором ныне расположен «Перевал», то пришлось снести несколько одноэтажных деревянных домов, один из коих принадлежал деду В.В. Картушко, какому-то Плещееву В.С., каковой дед, впрочем, к тому времени опочил, и владелицей дома официально являлась его дочь, она же мать автора письма, Картушко (в девичестве — Плещеева) А.М. Все жилыцы снесенных постро-

ек получили квартиры, и плюс к тому «Силантьев и К°» обязалась выплатить каждому из них компенсацию в размере 1000 руб. — в течение пяти лет, выдав нотариально заверенные расписки. Получила такую расписку и Плещеева. Здание построили, фирма «Силантьев и К°» тихо скончалась, здание по частям перешло к другим владельцам, расписка завалялась где-то в семейных архивах, за событиями и житейскими переломами о ней все забыли — и вот, не далее как две недели назад, перетрясая коробки с документами, В.В. Картушко случайно расписку эту обнаружил и выяснил, что компенсация выплачена не была. Во всем этом, хотя и веяло здесь анекдотом, в общем-то ничего особо странного не было — случаются на свете и не такие заваyki.

Станным был вывод, сделанный В.В. Картушко из вышеизложенного, именно: ввиду того, что следы силантьевцев давно занесло песком времен, а фасад гостиницы «Перевал» располагается ровно на том месте, где в собственном доме некогда влачил свой земной жребий В.С. Плещеев, — администрации «Перевала» рекомендовалось выплатить законному наследнику покойного, каковым В.В. Картушко и является, указанную компенсацию, сумма которой, с учетом инфляции и каких-то непонятных мне «годовых процентов», определялась теперь наследником в 3743 рубля — эта скрупулезность поразила меня до глубины души. Деньги предлагалось выслать на указанный абонентский ящик. За этим шло уверение в совершенном почтении, сегодняшняя дата и расфуфыренная подпись.

Прочитав письмо, я некоторое время сидел, чувствуя, что чего-то в этой жизни не понимаю. Поглядел на конверт — обратного адреса там не было, почтовый штемпель стоял сегодняшний. Перечитал еще раз. Кажется, начал понимать. Святая простота В.В. Картушко имела под собой, очевидно, какое-то психоневрологическое обоснование, но вникать в эту проблему я, конечно, не стал, а приобрел текстовку и конверт к сочинению мудрецов из префектуры — в папку «На подпись», решив, что и с В.В. Картушко должен разбираться босс. После этого я взял журнал регистрации входящих документов, поместил дату и вписал в него все три корреспонденции; против первой проставил «исполнено», а против двух прочих — «отправлено в контору», проштамповал бумажки резиновым клише «Вх», проставил номера... Занимаясь этим, я позволил себе поумничать, рассуждая о том, что, дескать, деньги есть род социальной энергии, нечто вроде потенциальной

энергии в механике: тело, обладающее потенциальной энергией, находится в неустойчивом положении, например шарик на вершине горки. Силы окружающего мира стремятся скатить шарик вниз, лишить его потенциала. То же и с человеком — мир так и норовит высосать, вырвать, выжать из него деньги, сбросить его в денежную яму. Три письма! Такие разные, а смысл один: дай деньги... Тогда, развил я мысль далее: те люди, что сколачивают состояние, — они, значит, обладают некоей силой, меняющей направление движения — деньги текут к ним, а не от них, они призывают деньги внутрь какого-то заколдованного круга, подобно тому как шаман призывает духов пляской с бубном... Мысль эта показалась мне красивой, и я с полминуты, прищурясь и прикусив зубами ручечный колпачок, приятно оглаживал ее в сознании, но что-то мешало мне, что-то раздражительное. Выйдя из философского забвения, я с некоторым недоумением понял, что это «что-то» находится не во мне, а снаружи. Еще через мгновение до меня дошло, что это из буфета доносится непонятный и подозрительный шум, сильно смахивающий на ссору, причем общий гомон пронизывал визгливый деревенский фальцет Анны, которой там, в буфете, находится совершенно ни к чему.

— Федор, — удивился я. — Что там за шум?

Федор тоже казался озадаченным.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Они уже минут пять как разгуделись.

Это был явный беспорядок, и я отправился устранять его. Посетителей в буфете, к счастью, не было, а у стойки имелись буфетчица Нина, Иван Петрович и взволнованная, разгоряченная Анна. Форменный ее голубой чепчик сбился набок. В глубине кухни сновали шустрые повара.

— Так, — сказал я металлическим голосом, приближаясь к троице. — Что у вас здесь происходит? Вы знаете, что шумите на всю гостиницу?

К удовлетворению моему, Нина и Анна заглохли, а Иван Петрович внушительно выкатил глаза и пояснил:

— Локальная катастрофа, Антон Валерьянович. Молоко скисло.

Иван Петрович был отличный мужик, добрый, порядочный и трудолюбивый, грозный к своей кухонной челяди, но без малейшего злопамятства — просто уж очень он любил порядок и не терпел никакой расхлябанности. Единственный — безобидный, Впрочем — заскок был у повара:

неукротимая тяга к употреблению всяких мудреных слов и выражений. Видимо, ему казалось, что такая манера разговора есть верх респектабельности.

— Молоко скисло, — сурово повторил я, глядя на Анну. — Так что же теперь, верещать на всю улицу?

Анна надулась и засопела носом.

— У нее на этот счет своя гипотеза, — сообщил Иван Петрович, а симпатичная большеротая Нина насмешливо заулыбалась.

— Сами вы гипотеза, Иван Петрович, — сердито, но с опаской огрызнулась насупленная Анна. Но Иван Петрович был выше подобных обид.

— Вот, извольте видеть, — добродушно хмыкнул он в усы, а Анна затеребила руками передник.

— Ну, что там такое, — снизошел я до гипотезы горничной. Та, однако, молчала. — Ну, Анюта, тебя спрашиваю? Что такое?

— А то, Антон Валерьянович, — горячо заговорила Анна, — что нечистая сила эти ваши из девятнадцатого номера. Вот что!

— Вот... ты что, ополоумела? — обалдело пробормотал я.

— Ничего я не ополоумела! Мне и тогда еще почудилось: неладно там, только уж говорить не стала, все равно ведь не поверите, только надсмеетесь... А только чародеи они, колдуны, и глаза-то у них не человечесь, особо у того, у седого. Может, и совсем нежить, прости Господи. Я, Антон Валерьянович, туда к ним больше не пойду, — неожиданно закончила она.

— Ну-ну, — предостерег я ее. — Раскудаhtалась... куда я тебе укажу, туда и пойдешь. Ясно?

— Воля ваша, конечно, Антон Валерьянович, как вы здесь начальник, — а только не пойду я туда, хоть режьте, — повторила Анна с уморительно упрямым видом. Иван Петрович и Нина рассмеялись.

— Так... ну, ладно, — сдержался я. — Ну а при чем тут молоко?

— От нечисти всегда молоко киснет, — убежденно заявила Анна. — У нас в деревне всегда так было. Начинает молоко киснуть, да и все тут. Значит, нечисть в доме завелась. Батюшку позовут, он покропит, молитву прочитает, нечисть и убежит, не терпит святости.

— Ну вот, — усмехнулся я. — Так чего же ты боишься? Поднимешься туда к ним, прочитаешь молитву — чего пугаться-то?

— Так я ж мирская, — логично рассудила Анна. — Сана на мне нет.

Я сдвинул брови, готовясь было выругать глупую девку, но неожиданно выступил Иван Петрович.

— К-хм... Антон Валерьянович, — солидно и благодушно сказал он. — Между прочим, смех смехом, а элемент парадоксальности налицо.

— То есть? — не понял я, слегка раздражаясь.

— Кгм... лично я такое вижу впервые. Чтобы свежее молоко в холодильнике скисло. Сегодня свежее купили, поставили туда, а оно скисло прямо в простоквашу. Это уникальный факт. Я, грешным делом, сначала подумал, что эти, — Иван Петрович кивнул на веселых, но почтительных поварят, — дегенераты, напортачили чего-то там. Оказывается, нет. Я был крайне удивлен. Крайне. В моей личной практике это первоначальный казус.

— Ладно! Казус это или нет, сейчас такими глупостями заниматься некогда... Так! Вам, Иван Петрович, молоко еще на сегодня потребуется?

— Безусловно. В обязательном порядке.

— Хорошо. Значит, посылайте к молочнику кого-нибудь из ваших огольцов... А с этим, скисшим, что-то можно сделать?

— Ну, можно попробовать пустить молочным блюдом. Простокваша, допустим. В стаканы разлить.

— Ну, попробуйте... Ладно, будем считать, что вопрос исчерпан. А ты, Анюта, давай... нечего тебе здесь толочься. На первом этаже четвертый номер не убран, а ты тут проедаешься! Тебя на кухню так и тянет, как курицу в амбар, целый день только жуешь да лопаешь!.. Треснешь скоро. Ступай!.. Да чепец поправь, а то ходишь чумичкой... Как выручка сегодня? — обратился я к буфетчице.

— Да сотни под полторы наберется. — Нина льстиво поиграла глазками — без всяких, впрочем, задних мыслей, просто такая уж у нее образовалась профессиональная привычка.

— Ладно, — сказал я. — Давайте... Часика через полтора опять народ нахлынет.

— Да мы уж знаем...

— Ну-ну... Ладно, я пошел.

Вышел из буфета я каким-то беспокойным. Не хотелось признавать, но слова Анны неприятно будоражили. Припомнились странные эволюции Ропшина в подвале и немигающие арктические глаза Боярышникова.

Вид у меня, вероятно, сделался досадным и растерянным, потому что Федор искоса глянул на меня как-то особенно, кашлянул и поправил фуражку. Потом он очень вежливо спросил:

— Что там, Антон Валерьянович?

— Да так, — отмахнулся я. — Чушь. Молоко в холодильнике скисло. Анюта наша из этого теории выводит: нечистая, мол, сила завелась, от нее все прокисает.

Рука Федора, опять было поднявшаяся к фуражке, замерла, не коснувшись пальцами козырька.

— Анна так говорит? — сказал швейцар, опуская руку.

— Ну да. — Я пожал плечами, прошел в конторку, открыл, лязгнув дверцей, несгораемый шкаф и полез туда за бумагами.

— Антон Валерьянович, — негромко произнес Федор. — Скажите, пожалуйста... эти двое, из девятнадцатого... они не интересовались нашим подвалом?..

Очень медленно я распрямился, так же медленно обернулся. Федор смотрел мне в лицо. Глаза у него были серые, спокойные. Этого человека я не знал.

— Федор... — промолвил я, пытливо глядя на него. — Тебе... есть что поведать мне?..

Он молча смотрел, потом сказал:

— Да.

Я прерывисто вздохнул:

— Так.

Со второго этажа до нас донесся неясный шум. И там тоже неразборчиво голосили. Федор поднял голову, прислушиваясь.

— Продолжение следует? — спросил я у него, усмехнувшись.

— Да, — сказал он серьезно. — Вторая часть концерта по заявкам.

— Ты уверен?

— Уверен, — кивнул он.

— Ну что ж... Пойду погляжу, что теперь там.

— Не стоит, Антон Валерьянович, — заметил Федор. — Они сейчас сами спустятся.

Он оказался прав. На лестнице появились переполошенные Ирина и Лукерья.

— Что такое? — спросил я обреченно, предчувствуя новые гадости.

— Невесть что, — взволнованно сказала Ирина, подходя ко мне. Старшая горничная была высокая, сухая, плоская женщина, коротко остриженная. Впалые щеки ее всегда

горели каким-то нездоровым румянцем, а теперь и вовсе пунцово пылали от волнения.

— Зеркало сбесилось! — суматошно затараторила низенькая пышечка Лукерья. — Замутнело! Ничто не кажется. В семнадцатом номере.

Семнадцатый и восемнадцатый номера располагались как раз под девятнадцатым, в этаким тупичке.

— Стоп, стоп. — Движением руки остановил я болтовню. — Кто-нибудь одна. Давай ты, Ирина.

— В семнадцатом номере помутились все зеркала. В комнате и в ванной, и маленькое зеркало из несессера. Была поверхность зеркальная, стала матовая, — доложила Ирина внятно и четко. Она вообще, надо сказать, мыслила отчетливыми понятиями, гораздо более ясно, чем большинство женщин, и во внешности ее заметно сквозило нечто мужское. Мы с Федором переглянулись.

— Хм... Ну, пойдемте посмотрим, — предложил я, запер сейф, и мы пошли. Жилец семнадцатого — кочующий театральный антрепренер, — потасканный молодящийся мужчина лет за пятьдесят, тщательно маскировавший лысину остатками крашенных волос, растерянно вертел в руках круглое зеркальце из походного набора.

— Здравствуйте, господин управляющий, — встретил он меня. — Чудеса у вас в гостинице! В жизни такого не встречал. Вот, посмотрите!

Он протягивал мне кругляш, но это было ни к чему, так как я прекрасно видел напольное, в резном дубовом обрамлении, большое зеркало: оно было как хорошо отполированная серебряная пластина, и вместо людей в нем перемещались какие-то плоские бесформенные массы. Я взял зеркальце, покрутил его, посмотрел — и вернул владельцу.

— И в ванной то же?

— Совершенно то же, — подтвердил служитель муз.

— Редкий случай! — веско произнес я.

— Редкий? — сильно удивившись, переспросил он. — Вы что же, слышали о чем-то подобном?

— Читал, — поправил я его. — Это следствие каких-то там... атмосферных колебаний. Явление редкое... впрочем, неопасное.

— Правда? — обрадованно ухватился антрепренер. — Вы это наверняка знаете?

Он так просветлел, что мне сделалось неловко за свое вранье.

— Да, конечно! — Я постарался засмеяться и ткнул пальцем в зеркало: — Придется все это хозяйство менять!

Он послушно посмотрел по направлению моей руки.

— Ну, не буду вас отвлекать, — сказал я бодро. — Поменяем не сегодня-завтра, будьте уверены. А временно вам выдадим запасное. Вот, Ирина выдаст.

И я пошел к выходу.

— Да... но что же это все-таки такое?.. — беспокойно осведомился он, следуя за мной. — Это, право, так неожиданно... Насколько я помню, всякое подобное изменение есть результат химической реакции?.. Как вы полагаете?

— Право, не помню, — беззаботно ответил я. — Так давно это было, химия.

Он, кажется, хотел еще что-то сказать, но тут шелкнул замок восемнадцатого номера, дверь открылась и предъявила нам средних лет даму в шелковом халате, шлепанцах и папиюотках. Вместе с нею в коридор проникло густое, раздражающе-приторное амбре контрабандных «французских» духов.

— Что случилось? — вполголоса спросила нас дама, переводя с одного на другого круглые глаза. — Добрый день, господин управляющий, добрый день, Георгий Петрович... Здравствуй, Луша, здравствуй, Ира... Что случилось?

— Добрый день, мадам, — галантно поздоровался я. — Ровным счетом не случилось ничего. Почему вы так решили?

— Ну, как же... — неуверенно проговорила жиличка. — Я вещь слышу: голоса, шум... Мне показалось, будто что-то произошло.

Недоверчивый взгляд женщины остановился на мне. Напрягся Георгий Петрович. Замерли, как заколдованные, горничные. Стало тихо. Все ждали моих слов. Я стал как мыс Доброй Надежды.

Тревога поменяла времена — будущее, никого не спрашивая, заглянуло в человеческие глаза — и люди отшатнулись, испугавшись пустоты его глазниц, и жались боязливой кучкой.

Конечно, они не поняли, что случилось. Разум неповоротлив. Но их сердца были правы. Они услышали тревогу, она была как ночной шорох за дверью.

Я испытал восторг. Я изменился. Но и изменился мир вокруг меня. Качнулся, хрустнули его окостенелые крепления. Где-то что-то выпало. Короткий ветер. По коридорам «Перевала» пронеслись призрачные тени. Я уловил движение иных пространств.

И я улыбнулся так широко, как только мог, и звонко произнес:

— Ну что вы, госпожа Максимова! Что может случиться в нашей гостинице?.. Небольшая техническая проблема, совершенный пустяк! У Георгия Петровича к нам никаких претензий, не так ли?

Я выразительно глянул на Георгия Петровича, и он оказался молодцом. Он понял меня абсолютно точно.

— Да-да, — подхватил он. — Спасибо, Антон... э-э... Валерьянович, простите! Простите, бога ради... Евгения Ивановна, а я ведь к вам как раз хотел зайти.

— Ко мне? Прошу! — приятно изумилась Евгения Ивановна, и все тревожные предчувствия моментально выдуло из ее накрученной на папильотки головы. — Прошу, проходите.

Ирина и Лукерья ожили, неуверенно заулыбались, зашуршали юбками.

— До свидания, — со сладкой улыбкой попрощался я и сказал: — Пойдемте, девушки.

Мы отошли в холл.

— Вот что, — начал я. — Об этих зеркалах никому ни слова. Ясно? Считайте, что ничего не было.

Ирина молча кивнула, а Лукерья с жадным любопытством, с придыханием, спросила:

— А что? Что это, Антон Валерьянович?

Мгновение — одно мгновение! — я боролся: сказать — не сказать — и ревность к тайне победила.

Я напустил на лицо свою сугубую умственность и со значением повторил примерно то же, что говорил Георгию Петровичу:

— Мне кажется, здесь редкое природное явление. Особый случай. Понимаете? Я читал о таком в журнале. Но вы помалкивайте! Неровен час, попадем в газеты... Не надо нам таких сенсаций. Я сам сообщу, куда надо... Анне не говорите ни в коем случае! Она, сама знаете... деревня. Подымет тут крик, разведет панику, потом хлопот не оберешься... Кстати, больше никто не в курсе? Никто не слышал?

Девушки заверили меня, что нет, никто.

— И никаких других помутнений не наблюдалось, в других номерах?

Оказалось, что никаких.

— Хорошо, — заключил я. — Работайте спокойно, не волнуйтесь. Это мои проблемы. Ясно?

Горничные молча и энергично закивали головами, глядя мне в лицо, — Ирина с серьезным вниманием, Лукерья — с восторженным, пугливым уважением. Я остался доволен такой реакцией и повторил:

— Работайте!

Легко, молодежато сбежал я вниз, в вестибюль. Действие раскручивалось, дразня таинственностью. Я ощутил прилив сил.

— Ну, Федор, — негромко, но приподнято сказал я. — Поторкуем?

— Потолкуем, — согласился он.

— Здесь?

— Да что ж, можно и здесь, если спокойно и вполголоса. Отлучаться-то мне нельзя, верно?.. Да и телефон...

— Да, конечно. Ну, давай, слушаю тебя.

— Нет, сначала вы, Антон Валерьянович. Расскажите мне все по порядку.

Я рассказал. Федор слушал очень внимательно, кивая в такт моим словам.

— Да, — произнес он, когда я закончил. — Так оно и есть.

Он помолчал. Было тихо, кто-то невнятно переговаривался в буфете, слышалось звяканье посуды. Потом он спросил:

— В каком месте они вбили стержень этот... заземление?

— У правой стены, не доходя до основной трубы немного.

Федор быстро посмотрел мне в глаза, сжал губы; как бы в затруднении постучал ногтем среднего пальца по дубовой крышке барьера. Я почему-то посмотрел на этот ноготь. Он был гладкий, ухоженный.

— А что такое?

— Вы в электричестве разбираетесь? — вопросом на вопрос ответил Федор.

— Нет, — чистосердечно признался я.

— Совсем?

— Абсолютно. Ноль. Заметно?

— Пожалуй, — сказал он не шутя. — Все это, конечно, сплошная липа. С громоотводом. Нет таких громоотводов, не бывает в принципе. Технически безграмотно: примерно то же, что поставить на телегу полевую кухню и сказать, что это паровоз. Эта их конструкция напоминает громоотвод таким же образом... М-да. Не хотел вас впутывать, но... ладно. Теперь я расскажу, а вы послушайте.

Кивком я подтвердил готовность слушать, но тут стукнула дверь, послышались шаги, и из коридора пер-

вого этажа вышли двое, очевидно, из числа веселившихся ночью, так как на их лицах лежал явственный похмельный оттиск. Они с нами приветливо поздоровались, мы с ними тоже и молчали, покуда те не вышли на улицу.

— По-моему, нам здесь будут мешать, — сказал я с досадой. — Кто такие, шляются здесь...

— Ничего, я быстро. И тихо. Слушайте же!

И я стал слушать.

— Это было пять лет назад, без малого, в июле. Я тогда служил еще ночным портье. Был на дежурстве...

Да, на дежурстве был ночной портье Федор Баклагин. То лето выдалось дождливым, и тогда, в тот вечер, вскипела бешеная гроза — хлестали молнии, и гром лупил над самой крышей «Перевала», раскалывая ночь.

Уже была ночь: без четверти двенадцать. Гостиница почти затихла, и в полутемном вестибюле портье, сидя у настольной лампы, читал газету и с удовольствием прихлебывал горячий ароматный кофе, заправляясь бессонницей на девять часов вперед. Он читал спортивную хронику, когда раскрылась входная дверь и вместе с усилившимся сразу гулом ливня в помещение вошел высокий человек в плаще и шляпе, в руке он держал черный кейс. С посетителя лило ручьем, плащ его, казалось, вымок напроочь — и портье, вскочив, хлопотал насчет просушки, но незнакомец остановил его, сказав, что решительно ни в чем не нуждается, кроме комнаты, и потребовал номер на третьем этаже. Федор немного удивился и сказал, что имеется свободный люкс, да и на первом этаже места есть. Но пришелец повторил, что ему нужен именно третий, и Федор не стал перечить. Он занес нового постояльца в регистрационную книгу — тот назвался Павлом Константиновичем Миллером, бизнесменом из Петербурга, — взял деньги за сутки и проводил в номер. Миллер был высок и худ, а при полноценном освещении обнаружилось, что у него суровое немолодое лицо с резкими продольными морщинами, выступающим подбородком и орлиным носом. Он так и не снял мокрых плаща и шляпы, не выпустил из рук чемоданчика и с видимым раздражением ожидал, когда же портье уберется прочь. От Федора это не укрылось, и он поспешил ретироваться, пожелав спокойной ночи.

Вернувшись за конторку, он призадумался, допивая остывший кофе: почему приезжий потребовал именно девятнадцатый номер, точно знал заранее, что тот пуст?.. Это

было странным. Так Федор дохлебал кофе, ничего не надумал и стал читать дальше. Потом его побеспокоил кто-то из жильцов, потом он воротился и снова взялся за газету... А гроза разбушевалась пуще, она просто неистовствовала, причем как будто над самой головой — и вспышки молний на мгновение озаряли жутким мертвым светом пустую улицу, залитую потоками воды. Казалось, что не будет этому конца и края, и Федор уже привык к сверканию и громоханию, он снова соорудил себе кофе и только поднес чашку к губам, что гром ударил с такой силой, что здание трянуло! Кофе расплескало по столу, а наверху отчаянно задребезжали стекла и что-то глухо рухнуло. Это был необычайный, кошмарный удар! Федор аж содрогнулся, побледнел и вскочил — и пошел смотреть, что там случилось наверху. Он поднялся на второй этаж, включил свет полностью, посмотрел, прошелся на всякий случай по коридору — здесь все было в порядке, все стекла целы и никто не потревожился. Тогда Федор погасил свет и стал подниматься выше.

На маленькой площадке мансарды было темно, а под дверью номера тускло желтела полоска. Постоялец П.К. Миллер бодрствовал.

Федор в нерешительности стоял на предпоследней ступеньке лестницы. Здесь, под крышей, отчаянно завывал, высвистывая, ветер, и крупная дробь ливня молотила по железной кровле. Вдруг за стеною, в номере, отчетливо звякнуло оконное стекло, протянуло сквозняком — и дверь без шума приоткрылась на палец. Она не была заперта. Пол коридора наискось пересек световой лампас.

Федор замер. Что делать? Ветер снова взвыл, стукнуло окно, и дверь прикрылась, спрятав лампас. Федор быстро шагнул вперед, толкнул дверь и вошел.

Окно было распахнуто настежь, и дождевые брызги летели в него косо из-под фронтона наличника, усеивая подоконник. Горел стенной ночник. А посреди комнаты — белым лицом, незрячими глазами вверх — лежал П.К. Миллер. Он был мертв.

Это было ясно до абсолютного спокойствия. В армии Федор был санитаром, и он умел определять смерть с первого взгляда. На полу лежал труп: голыми ступнями к окну, одетый в длинный, до щиколоток, фиолетовый бархатный балахон с открытой шеей и широкими длинными рукавами. По богатому, переливчатому темному бархату были беспорядочно разбросаны шитые золотом таинственные символы: кружки, фигурки и загогулилки; крючок вроде цифры «5»,

только без горизонтальной черточки, почему-то особенно запомнился Федору.

Он подошел к мертвецу и, опустившись на одно колено, осмотрел подробнейше, не касаясь ничего руками. У Миллера оказались гладко зачесанные назад редкие седоватые волосы. Лицо его было бесстрастно, губы твердо сжаты, глаза смотрели строго в потолок. Федор встал и увидел на столе закрытую книгу — чудную, без названия, в кожаном станинном переплете, заметно потертом. Края страниц были желты. Никогда прежде Федор не видел таких книг. Рядом на скатерти лежал ключ. Федор взял его, вышел, запер дверь снаружи и бесшумно сбежал вниз. Все было тихо, гостиница спала — и прекратилась гроза, только последние дождинки еще слабо сыпали по крыше.

Вернувшись в вестибюль, портье поглядел на часы — без двадцати два — и позвонил управляющему, кратко, без подробностей попросив его приехать. Игорь Николаевич Зелинский был стреляный воробей, он не стал зря орать и бесноваться и учинять телефонные расспросы, а через двадцать минут, ровно в два, был в гостинице. Вместе они поднялись в третий этаж, посмотрели. Положение было затруднительным.

Главная трудность исходила от ситуации, в которую на тот момент сам себя загнал Нестеров. Он сильно влетел с банковским кредитом и теперь прилагал все свое умение, чтобы искрутиться. Кроме того, его обвиняли в мошенничестве при совершении сделок с недвижимостью — через пару недель должно было состояться судебное заседание. И наконец, он баллотировался в Городскую думу. Местные газетчики трепали его, как шакалы льва.

Естественно, что при таких обстоятельствах труп загадочного и путающего пришельца в «Перевале» явился бы недругам Владимира Карповича таким подарком, о каком они и не мечтали. О, как трубили бы взхлеб газеты о мертвеце, обряженном в невиданную мантию, испещренную каббалистическими знаками! Как ломились бы сюда сволочные репортеры и просто зеваки!.. Какими безумными и дикими подробностями, взвинчивающими тупое воображение обывателей, обрастали бы статьи и сплетни!.. А что насочиняли бы о странной книге!.. Книгу эту, кстати, управляющий и портье пролистали — она действительно оказалась очень старой — и обнаружили в ней сплошной иероглифический текст, без разбивки на главы, параграфы и даже абзацы, иногда лишь прерываемый строками более крупных символов, подобных тем, что

были на бархатной мантии... Все это, конечно, было чудно, но куда более непонятным и тревожным показалось отсутствие вещей Миллера: плаща, шляпы, обуви, кейса... Зелинский и Баклагин обшарили весь номер — нету! Потом Федор выбрался на мокрую крышу: оскальзываясь, рискованно лазал там в темноте, стараясь не греметь — нету! А между тем тянуть было нельзя. Время не ждало.

Зелинский принял решение. Собственно, он принял его сразу, как только узнал подробности и все увидел. Предавать дело огласке было немыслимо — а притом все складывалось так, что о происшествии знали лишь двое, которые будут молчать. Ситуация сама подсказывала, что делать. Кто бы он там ни был — чернокнижник или черт-те кто, — теперь это было неинтересно. Теперь это был труп, который надлежало спрятать.

Итак, решение было принято. Федор сбежал вниз и из подсобки притащил керосиновую лампу и большой мешок на молнии, какой используется у медиков для перевозки покойников (позже, в частных, с глазу на глаз разговорах Зелинский всякий раз диву давался, что же побудило его взять этот мешок — за неделю перед тем! — у знакомого завхоза городской больницы; взял на всякий случай — авось в хозяйстве пригодится, — но потом неизменно заключал, что это было провидение).

Вдвоем они упаковали ужасный груз в мешок, сунули туда же злосчастную книгу, застегнули молнию, потом осторожно закрыли окно, носовым платком досуха вытерли подоконник, вынесли ношу на площадку черного хода и еще раз, с неимоверной тщательностью, прошерстили весь номер, пока твердо не убедились в том, что ни малейших следов пребывания П.К. Миллера в помещении не осталось.

Не зажигая свет на черной лестнице, они, сдавленно пытая и оступаясь, отволокли вниз мертвеца, который порядочно-таки оттянул им руки. В подвале имелась лопата, и после часа каторжной работы, спеша, нервничая, весь взмокнув, Федор вырыл в глинистом грунте глубокую яму — и в этой яме, под неровный свет «летучей мыши» и сдавленное, секущееся дыхание двух случайных могильщиков, нашел последнее пристанище непостижимый и зловещий П.К. Миллер.

Затем управляющий и портье перебросали штабель кирпичей на прямоугольник вскопанной и тщательно утоптанной земли — как будто так и было. Через третий этаж они вернулись в вестибюль, заперев все двери, и все сошло благополучно, никто не шелохнулся в гостинице — да и время было

самое что ни на есть глухое, темное, четвертый час ночи. Дождь прошел.

Утром, в восемь тридцать, Зелинский выписал Миллера из гостиницы как выехавшего. После чего он позвонил Нестерову и попросил немедленно принять его и ночного портье «Перевала» по делу, не терпящему отлагательств, — и в десять оба они были в рабочем кабинете хозяина. Вполголоса, коротко и ясно Зелинский рассказал о произошедшем. Нестеров зло выругался — только этого не хватало! — однако с принятыми мерами согласился; сказал было, что книгу стоило бы не закапывать, а принести сюда... Но по небольшом размышлении рассудил, что это ни к чему. Скрыто — забыто! Он прихлопнул ладонью по столу, подытоживая беседу, и сказал, что завтра придет как бы с личной проверкой. И действительно пришел, совался во все углы, делал выволочки служащим, потом спустился в подвал, смотрел придирчивым глазом, но не усмотрел ничего подозрительного. Ажур! Он выбрался из подвала и заметил, что теперь остается только уповать на судьбу. Жить — и уповать.

И они продолжали жить. И судьба оказалась милостива. Никто не вспомнил П.К. Миллера, никто не разыскивал его и не интересовался им, и никогда не нашлись его исчезнувшие вещи. Кирпич пролежал три года, пока его не забрали во время ремонта, — и решительно ничего уже не было заметно. А новый штабель сложили в другом месте. И не содрогнулся «Перевал», никакая жуть не тревожила его обитателей, чего, надо признать, несколько побаивались Зелинский с Федором... Скрыто — забыто! Так было до сего дня.

— ...сего дня, — завершил рассказ Федор. Снял фуражку, пригладил пальцами волосы и снова надел ее. — Вот так.

— Так, — повторил я. Помолчал чуток. — И кто же он был, по-твоему, Миллер этот?..

— Не знаю, — коротко ответил он. — Не задумывался об этом никогда. Зачем?

Да, подумал я. Действительно, зачем?..

— Но мне ты рассказал. А это зачем?

— Потому что они пришли, — возразил он. — И дело, кажется, скверное. Они пришли через пять лет. За ним... или зачем, не знаю, но пришли. Да.

— Это они? — спросил я. — Ты уверен?

— Да. — Я узнал по «дипломату» сразу. У седого был точь-в-точь такой же «дипломат», как у него. Но не только.

Зелинский умер, вы ведь знаете. Месяц как умер. Похо-

же, они ждали, когда не станет тех, кто сможет распознать их. Время пришло.

— Не понимаю тебя, Федор. Ты ведь жив?

— Жив, — ухмыльнулся он.

— Как же?..

— Меня здесь не было в ту ночь, — сказал Федор, — выдержал паузу и вторично ухмыльнулся. — Во всяком случае, официально. Это было не мое дежурство, я подменял тогда другого сторожа, Мишу Прибылова. Документально дежурил в ту ночь он.

Федор умолк.

— Ну и?..

— Он погиб в аварии два с половиной года тому назад.

Я помолчал, усваивая сказанное, потом спросил:

— Зелинский знал, что ты на подмене?

— Нет. Хотя мог бы, конечно, график дежурств посмотреть. Но не посмотрел... А я не стал ситуацию запутывать. Так все и осталось. Ну а Нестеров тем более не знал.

— Ясно. Да, пожалуй... А... так, выходит, они вбили этот штырь точно в то место, где...

Я не закончил.

— Ну, судя по вашему рассказу, да.

— И присоединили к нему медный провод, который провели в свою комнату... Зачем?

Федор усмехнулся.

— Антон Валерьянович, — сказал он с легкой укоризной в голосе. — Я предпочитаю не задавать себе вопросов типа: зачем, почему?.. Так проще жить. Я думал, что вы уже поняли это.

Я улыбнулся в ответ:

— А то, каким я тебя видел до нынешнего дня, — это тоже из серии: «так проще жить»?

— Точно так. — Федор кивнул вполне серьезно.

— Хорошо! — Я энергически прошелся по ковру, пнув носком ботинка складку. — Тогда попробую я. Пять лет назад сюда является некий... м-м... субъект, имеющий какое-то касательство к потусторонним силам. Так?

— Не знаю, — упрямо повторил Федор. — Я вам этого не говорил.

— Не говорил. Хорошо. Тогда так: я делаю свои оценки на основании изложенных тобой фактов. С этим ты согласен?

— С этим можно согласиться, — признал он. — Только потише... Что-то мы расшумелись.

— Да-да, — понизил голос я. — Итак, предполагаем: является некто загадочный. Что его принесло именно в «Перевал»?.. Да-да, понимаю, это я просто сам себя спрашиваю, риторически, так сказать... Ладно! Мы не знаем. Можем лишь предполагать, что какие-то причины у него были... Равно как и причины занять девятнадцатый номер — именно его и никакой более... Так! Но этого, конечно, мы не знаем тоже, как и того, что произошло ночью... той ночью.

Федор сдержанно засмеялся:

— Вот видите, Антон Валерьянович. Мы не знаем, в сущности, ничего. И этого, строго говоря, не нужно — знать. Факты никогда не объяснят глубин происходящего. Но их связь достаточно говорит нам.

Я несколько секунд задумчиво глядел в пол, затем поднял на Федора просветленный взор:

— Да. Ты прав. Достаточно. Надо думать.

Мир изменился весь. Упали стены, и он стал огромным. Я захлебнулся свежим ветром. НАЧАЛО СКАЗКИ.

— Не надо думать, — мягко возразил Федор. — Надо действовать.

— Что ты предлагаешь? — спросил я.

— Я предлагаю вызвать милицию, — твердо сказал он. — Конечно, если б Нестеров... но раз уж нет, так нет. Нашего участкового нового, как его... Липеева. Вы ведь его знаете, у вас с ним отношения добрые... и без лишнего шума.

— Ты с ума сошел, — сказал я. — Ты представляешь, что это: впутывать сюда милицию!.. А потом: на каком основании мы будем вламываться в номер?!

— Антон Валерьянович, — терпеливо, как дефективному, сказал мне Федор. — Я и сам не любитель фараонов. Но дельце-то тут поганое... Нам с вами вдвоем не справиться. И вламываться не надо. Проверка паспортного режима — святое дело! Постучаться в дверь, проверить паспорта... а там уж по ситуации действовать.

— А что я Липееву скажу?

— Скажите, мол, два подозрительных типа... бдительность, туда-сюда... про провод этот не говорите пока ничего...

— Как же! Они же обязательно скажут, что это управляющий, дескать, помогал нам этот провод тянуть!.. Если уж участкового звать, то надо сразу про этот провод говорить! А представляешь, если все в конце концов раскроется и выплывает наружу и обнаружится труп Миллера, — представляешь, какой будет скандал?!

— А хоть и будет. Карпычу теперь все скандалы ниже пояса. А мы-то с вами ничего про этот труп не знаем... да, собственно, и он тоже, так ведь? Если кто и знал — так это Зелинский и Прибылов. А с них взятки гладки.

— А почему ты полагаешь, что эти... считают, что в курсе только Зелинский и Прибылов? Почему они не включили еще кого-то в круг подозрения?

— Опять «почему», Антон Валерьяныч! — засмеялся Федор. — Опять «почему», да сразу два... Но впрочем, если всерьез, так ведь тут простая логика, я ведь говорил уж: они появились после смерти именно этих двух человек... Это, конечно, тоже допущение... А вот, кстати! — вдруг оживился он. — Скажите мне, Антон Валерьяныч, вот что: открывали они, не открывали свой «дипломат»?

Я призадумался:

— Хм... Ты знаешь... я это как-то упустил из виду... то есть совершенно не вспомню... Хм! Нет, не могу сказать.

— Раз не помните, значит, скорее всего не открывали... ну да ладно. Ну, решайте, Антон Валерьянович! Что делать будем?

— Что делать, — заговорил я решительно. — Делать вот что: давай-ка для начала как следует мозгами пораскинем. Что будет, если мы вызовем Липеева под тем предлогом, что у нас в девятнадцатый номер вселились некие подозрительные личности?... Рассмотрим возможные варианты. Первый: ничего подозрительного участковый не усматривает, извиняется, козыряет и удаляется. Тогда они скорее всего понимают, что визит не случаен... и что?... Они принимают меры. Какие — мы не знаем, но вряд ли эти меры будут к нам дружественны. Хорошо. Теперь второй случай: обнаружив какую-то там непонятницу, он предлагает им пройти... Их реакция?

— Понятия не имею, Антон Валерьянович.

— Не имеешь... Вот и я тоже не имею. Что они могут сделать? Их возможности?... Они вогнали медный штык в могилу Миллера и от него протянули медный же провод... Почему медный?... Кстати! Книга!.. Вот! Известно ли им, что книга похоронена там же? Это, надо полагать, очень важный, важнейший фактор!.. И мы не знаем. И здесь — не знаем, не знаем!.. Черт! Уравнение с неизвестным количеством неизвестных! Ладно. Итак, можно предположить, что с помощью этой конструкции... этого фиктивного громоотвода они надеются вытянуть из могилы... что? Некую магическую силу?... И что тогда они смогут сделать?

— Антон Валерьянович! — Голос Федора дрогнул, и он отчаянно зашептал: — Ну ведь мы так можем бесконечно рассуждать! Время! Время ведь идет, ведь надо что-то делать!.. Ведь вы сами посудите — факты!.. Пока это курьезы, но ведь вы же видите, что это может обернуться хуже!.. Что они могут натворить, подумайте!.. Я понимаю, неохота связываться с милицией, я понимаю вас. Но ведь вы видите!.. Не тот здесь случай, чтоб выгадывать, чтоб мяться да гадать, как да что!.. Некогда, поймите!

— Ладно, ладно, — остановил я его, испугавшись, что взволнованный швейцар вдруг да начнет орудовать сам и все похерит. — Ладно! Давай так: для начала я сам к ним поднимусь, стукну под каким-нибудь предлогом, посмотрю. Ну а там решим. Это быстро. Дело?

— Ну, хорошо, — согласился Федор. — Давайте так. Надо скоро, пока тишина... Слышите, как тихо?

Он сказал, и я прислушался. И правда, гостиница затихла. Мирно что-то позвякивало в буфете, да заполняло пространство приглушенное, равнодушное журчание обычного жилья: звуковая сумма движений многих не потревоженных ничем людей.

— Да, — сказал я. — Да-да. Я иду. Жди тут.

И я помчался вверх по лестнице. Ликующая легкость понесла меня! Тайна! Тайна была разбросана по «Перевалу», как куски мозаики-загадки, — и совсем немного не хватало, чтобы их свести в единую картину. Обязательно решить! Мне вдруг представилось: цельная картина скажет все о нашем мире — что он есть и кто его хозяева. Я должен это знать!

Через две ступеньки я стремглав вымахнул на второй этаж и прямо в холле наткнулся на Ирину.

— Ну как? — спросил я у нее с разбегу. — Все спокойно?

— Да, — подтвердила она. — В десятом номере двое пьют, глаза уже залили по самое некуда... А так — порядок. Тихо, все по номерам.

— Никаких больше фокусов? — понижая голос, поинтересовался я. — Вроде тех, зеркальных?

— Нет, — помолчав секунду, проговорила Ирина. — А что... еще что-то?

Не договорив, она выжидательно замолчала. Я проклял свой язык.

— Да нет, это я так... ничего. — Я принужденно засмеялся. — Ну хорошо. Анна с Лукерьей где?

— Луша... в одиннадцатом, порядок наводит... — медленно вымолвила Ирина. — А Анна, она во дворе должна быть, ковры выколачивает... Антон Валерьянович, все-таки... Что-то случилось?

— Да с чего ты взяла? Что за чепуха!

По лицу Ирины было ясно, что она видит мое возбужденное состояние и не считает его чепухой.

— А с Федькой вы говорили... это?..

— Нет, — коротко соврал я. — Это мы о своих делах толковали.

Я врал неубедительно, и беспокойство Ирины только возросло. Но мне было не до психологии.

— Ну ладно, — сказал я. — Хватит пустяки болтать, надо делом заниматься. Не отвлекайся. Работай.

Ирина молча кивнула, а я с облегчением подумал, что как бы она ни размышляла, какие бы выводы ни делала, наружу это не прорвется: мужские гормоны и самодисциплина. Это хорошо.

— Ну, давай, действуй, — поощрил я ее. — Я в девятнадцатый поднимусь.

И я начал подниматься, нарочито неспешно, придавая своей походке уверенную вальяжность. Поднявшись, у двери я без нужды потоптался, поправил галстук, откашлялся, построжал личностью — и вежливо трижды постучал. Никакого ответа.

Я стоял, чувствуя, что не понимаю. Постучал еще раз, и опять никакой реакции не последовало. За дверью было тихо, как в могиле.

Я пожал плечами и спустился вниз. В буфете весело галдели, игриво смеялась Нина.

— Тишина, — сказал я нетерпеливому Федору. — Гроб.

— Вы как следует стучали? — с сомнением переспросил он.

— Ну, Федор...

— Нет, нет, — торопливо поправился он. — Все ясно. Что ж! Теперь у нас прямая причина обратиться: жильцы на стук не открывают. Подозрительно!

— Да, — согласился я. И снова: — Да.

— Да-да, — засуетился Федор. — Давайте. Давайте! Надо. Даже если найдут... труп, — скривившись, выговорил он последнее слово, — я ничего знать не знаю, вы год как работаете, что вам может быть известно... Гарантия! А Карпыча уже ничего теперь не шелохнет, никакие трупы. А потом: почему именно «Перевал»? Это здание раньше кому-то другому

принадлежало... а еще раньше тут частные дома были. Может, это с тех времен?.. Ну, это фантазия, конечно, но ведь все-таки... да пусть даже... да шут с ним! Возьмем наихудшее: пусть эти двое все расскажут, все про Миллера. И что? Поднимут документы: книгу регистрации, график дежурств... ну установят, что дежурил Прибылов... ну и все. Может возникнуть предположение — чистое предположение, без доказательства! — что он мог сообщить Зелинскому, а тот Нестерову. Это логично, да. И что? Зелинский помер, Прибылов давно помер, а Нестеров — вот он, поди-ка возьми его за рупь двадцать!..

— Да-а... — рассеянно пробормотал я. Мысли мои завертелись. Что-то зацепило меня в этом федоровском монологе, что-то царапнуло, и я усиленно засоображал... — Неужели все-таки они, — я ткнул пальцем в потолок, — полагают, что Зелинский тогда не поставил в известность Нестерова?.. Ведь если предположить, что они ждали того часа, когда исчезнут предполагаемые свидетели, то это значит, что они не догадываются о том, что Нестеров знает, так?.. А потом, почему они ждали целых пять лет?..

Я не ждал ответа на эти вопросы, да и не нужны они мне были, ответы эти... это я так, механически говорил, все мучительно пытаюсь соединить концы с концами... Что-то цепляло, цеплялось, контачило... Федор, однако, охотно подхватил нить рассуждений:

— Ну, вообще вполне можно было предположить, что не знают. Почему б Зелинскому не промолчать? И так все шито-крыто... Прибылов, кстати, был малый молчаливый, спокойный... нелюдим такой...

Все! Есть контакт!!! Есть ключевая фраза: раньше частные дома стояли! Вот оно. Десятка! Я сразу вспомнил письмо придурковатого В.В. Картушко. Частный дом Плещеева!.. Плещеева, никак А.С.?.. На этом самом месте. Да. Что тянет их сюда? Миллера? Этих? А может быть, еще кого?.. Плещеева? Разгадка?

Еще один кусок мозаики — еще шаг. Меня залихорадило. Сейчас все станет наконец на свои места.

— Ладно, — резко сказал я. — Давай так: ты звони в участок, телефон... вот. — Я перегнулся через барьер, взял записную книжку, пролистнул ее. — Вот. — Я отчеркнул ногтем номер.

— Почему я? — удивился Федор.

— Я сейчас в подсобку... Хочу в архив заглянуть, посмотреть ту запись. Есть соображение, хочу прове-

речь. Когда, ты говоришь, это случилось?.. С двадцать четвертого на двадцать пятое? Ладно.

Я взял со стола папку «На подпись» и подался было в сторону коридора, но остановился.

— Слушай, Федор... один вопрос. К делу отношения не имеющий, но... ты меня сегодня удивил, конечно. Я, признаться, так и думал про тебя, что ты таков и есть, каким себя изобразил... Скажи... вот ты сторожем там, потом швейцаром... это как? Тебе это... зачем-то нужно?

Федор ухмыльнулся:

— Меня это устраивает, Антон Валерьянович... Ну ладно, идите, я позвоню. — И снял трубку.

Я торопливо пошел, почти бегом, по коридору первого этажа. Последняя дверь налево — подсобка, где хранилось всякое барахло, в том числе и архив: все делопроизводство гостиницы по истечении года попадало сюда, в один из отсеков большого шкафа, на верхнюю полку. Всего таких полок имелось пять. Нижняя ежегодно в январе освобождалась, и все ее содержимое, согласно инструкции, отправлялось в городской архив, который выдавал нам справку о получении документов теперь уже шестилетней давности. Справки подшивались в особую папку, старые дела в шкафу совершали переезд на одну полку вниз, а прошлогодние бумаги занимали верхнюю. С архивным делом у нас был полный аккурат.

Я в общем-то сбrehнул Федору. Никакой интересной идеи у меня не было, была трясучка близости развязки. Нетерпение. Успеть! Мне казалось почему-то, что архив поможет мне.

Дверь в подсобку была отперта. И противоположная дверь, пробитая во двор рядом с окном, тоже. В окно я увидел, как Анна выколачивает во дворе половики, развесив их на железных перекладах. Туп! туп! туп! — доносились частые глухие удары.

Я швырнул папку на письменный стол, распахнул шкаф, полез в нижний отсек. Так... книги, не то... ага! Вот. Книга регистрации посетителей. Я отложил ее в сторону.

Теперь папки. Я выволок всю стиснутую стопку на пол, стал перебирать. Квитанции... переписка... распоряжения, протоколы... стоп! Ага, оно: дело по персоналу. Я отложил и его, а остальные сунул на место.

Ну что ж, посмотрим. Со скрипом двинув стул, я сел за стол, плюхнул дело перед собой и с неприятным стеснением посмотрел в окно. Мне не хотелось, чтобы Анна застала меня за этим занятием.

Довольно быстро я нашел график дежурства ночных портье за июль: лист скверной бумаги, расчерченный на аккуратные клеточки. Так. Двадцать четвертое... хм. Прибылов М. Все правильно.

Я засек на всякий случай номер листа, захлопнул дело и отодвинул его. Взялся за книгу регистрации, спешно пролистал шуршащие, слежавшиеся страницы, слюнявя пальцы... Двадцать пятое июля. Смотрим.

Вот она — первая запись. Миллер... выехал?.. А, так это ж утром, это Зелинский... и почерк-то бюрократа. Надо двадцать четвертого, на предыдущей странице... Ну да, вот он, другой почерк, и чернила другие. И кстати, лопухнулся здесь Федюша: если кому-то придет в голову сравнить, то и установят, что почерк этот не Прибылова, а Баклагина Федора... Так-то!.. Ну да ладно. Итак!

Итак, двадцать четвертое июля, двадцать три сорок восемь. Миллер Павел Константинович. Цель прибытия — коммерческий вояж, м-да. Место постоянного проживания — Петербург. Срок пребывания — одни сутки, уплачено по прейскуранту, два двадцать пять. Ничего себе! — инфляция, две копейки в год. Ну-ка, время убытия... восемь тридцать две. Странновато, конечно, для коммерческого вояжа, но чего только на свете не бывает — в другую гостиницу переехал, более комфортабельную... переночевал ночь и уехал.

Я вытащил письмо В.В. Картушко. С шуршанием разглядел его на столешнице ладонью. Зачем я хотел сравнить эти два документа, я и сам не знал. Надеялся на озарение... Стал сравнивать.

Так... почерки, конечно, разные, ничего схожего. В.В. Картушко выводил буквы, как отличник по чистописанию... Фамилии... Миллер... Плещеев В.С., его дочь Плещеева... или Картушко А.М... эм... эмм... Михайловна?.. Матвеевна?..

Стоп! Стоп. Стоп!!! Какого черта!!! Какая она, к черту, — эм, если ее папаша — вз!!! Проклятье!.. Я схватил конверт, облившись судорожным холодом. Обратный адрес!.. Нету. Ах да, и правда, не было, я позабыл.

Эх!.. Найти, найти бы этого Картушко! Вот тут он, вот он, вот может быть ключ! Плещеев!.. Плещеев, Плещеев, мать твою так, что ж ты делал здесь, на этом месте, в своем доме?.. Почему Миллер пришел сюда, не в какое другое место — исключительно сюда! Почему?!

М-м-ммм... нет. Не клеится. Чего-то не хватает, не стыкуется. Чего-то нет. Какого-то звена. Нет. Зачем Миллеру понадобился «Перевал»? Перевал. Перевал? Перевал Миллера.

Перевал Миллера. Е-мое, знакомое такое... знакомое до странности. Я напрягся что есть сил, пытаюсь вспомнить, где же мне приходилось встречать это, это выражение... не вспомнил, но закаруселило рядом в памяти еще что-то, еще... еще какое-то важное слово... словосочетание... причем совсем недавнее, недавно слышанное, может быть, сегодня, несколько часов назад... назад...

Так! Я схватился за виски. В них бешено стучало. Спокойно! Спокойно. Это важно, очень важно. Это тоже может стать ключом. Я помню: что-то я услышал... это было... когда?.. Да! Когда вошли Боярышников и Ропшин... Или нет? Или все же — да?.. Кто-то из них сказал что-то. Вспомнить — и все встанет на свои места. Головоломка сложится. Только припомнить.

Я посмотрел в окно и увидел, что Анна перестала колотить и сгребает коврики в кучу, чтобы их тащить сюда. Я зашпешил. Схватил книгу и дело и кое-как впихнул их назад, на нижнюю полку шкафа, не очень аккуратно, но наплевать, потом. С излишней силой треснул дверцей шкафа. Схватил со стола папку, глянул в окно — Анна, раскрасневшаяся, серьезная, вся в трудовом угаре, шлепала обратно с ворохом тряпья в руках. Я быстро вышел в коридор, захлопнул дверь — и вспомнил.

Маски долой. Я вспомнил — маски долой! Это не говорил никто, это я сам подумал, да еще пытался вспомнить — откуда. Это тоже оттуда же, что и перевал Миллера. И тоже ничего не объясняет. Мимо! Бумажный ключ. Бумажное звено. Перевал Миллера. Маски долой! Нет. Картины нет.

Я пошел по коридору в вестибюль. Я чувствовал, что я горяч и тяжело дышу. Рубашка гадко липла к спине. Галстук жал горло. Я запустил пальцы за ворот, с силой оттянул его, ослабив хватку, и под рукою отскочила пуговица. Я шумно выдохнул ртом и носом.

Коридор стал длинным, как кишка. Я шел, шел и никак не мог пройти. Но наконец дошел. Вот вестибюль.

— Ну как? — спросил я Федора. — Звонил?

— Звонил, — ответил он. — Но его нет. Дежурный трубку взял, сказал, что он пошел в обход по участку. Сказал, что, может быть, и к нам зайдет.

— Ясно. — Я кинул папку на стол. — Будем ждать?

— Наверно. Ну, что там, в архиве? Что-то есть?

— Нет, ничего. Зайдет, значит? Ладно. В «Перевал». Перевал Миллера. — Я засмеялся. — Представляешь: обратиться к Нестерову с предложением — переименовать гостиницу в «Перевал Миллера»? А?

— Звучит неплохо.

— Я тоже так считаю. Кстати, тебе эта фраза нигде не попадалась? Именно вот так — перевал Миллера. Не слышал? У меня вот в голове что-то крутится, крутится, но не пойму.

— Нет. Не слышал.

— А — маски долой? Не слыхал?

— Нет.

— Жаль.

— Не понимаю что-то вас, — сказал Федор.

— Я и сам не понимаю, — сказал я.

Дзынь! Колокольчик над дверями прозвенел. Мы повернулись резко, точно по команде. В помещение шагнул, на миг закрыв белым кителем проем — высок и могуч, — участковый инспектор капитан милиции Валентин Липеев.

— Работникам сервиса!.. — шутиливо грянул было он, но тут же изменил лицо, мгновенно распознав по нашим перевернутым физиономиям, что дело тут неладно. — Что тут у вас? У вас аж рожи не на месте. Случилось что?

— Здравствуй, Валентин Александрович, — поздоровался я. — Мы тут тебе звонили, но не застали. У нас здесь что-то странное. Похоже, по твоей части.

— Ну? Слушаю. — Липеев сразу стал серьезным. — Что такое?

— Не открывают дверь на стук. В девятнадцатом номере. Это, знаешь, наверху, единственный номер. Сегодня утром... ну, вернее, днем уже, въехали двое. Никуда не выходили. Я стучу — ни шороха.

— Ну, экое дело, — заговорил Липеев, но взгляд его стал напряженным. — Не открывают... Ну-ка, дай мне книгу регистрации. Кто такие? Может, они там с бабами?

— Вот, Боярышников и Ропшин, последняя запись. Все номера заняты. Никто к ним не заходил, и они не уходили.

— Никто, молодец? — спросил Липеев у Федора. — Тебя как зовут?

— Баклагин Федор, швейцар. Никак нет, никто.

Нехилый Федор смотрелся рядом с Липеевым недорослем. Про меня и говорить нечего — мелюзга.

— Ишь ты! Что швейцар, вижу. Никак нет, говоришь? Служил?

— Так точно, господин капитан. Но там, правда, окно прямо на крышу выходит, в этом номере. Можно спуститься с крыши по пожарной лестнице во двор.

— Ого! Так-это что ж, пожил-пожил даром, а потом через форточку фукнул — и до свиданья, так?

— Мы деньги всегда вперед берем, — объяснил я.

Гигантская лапища участкового легла на книгу, накрыв чуть не всю страницу. Запястье густо поросло светлым волосом.

— Где, которые?.. А, последние, говоришь... частные лица, по своей надобности. Ничего больше не говорили?

— Говорили, исследователи. От военного министерства.

— Военного министерства?.. Ну, ладно. Пошли посмотрим. Что они там исследуют. Пошли! Ты тоже, служивый, пойдем-ка.

Я взял запасной ключ, и мы поднялись наверх. Липеев поднял пудовый кулак, но постучал согнутым пальцем деликатно: тук-тук-тук. Все трое ждали, напряженно дыша. Ничего.

— Открывай! — скомандовал Липеев.

Я засуетился. Рука моя дрожала. Ключ брякнул о железную накладку и лишь со второго раза попал в скважину. С другой стороны выпал вставленный изнутри ключ, глухо стукнувшись о коврик.

— Ключ! — шепотом воскликнул Федор.

— Тихо! — цыкнул на него Липеев. — Открывай!

Щелк! Щелк! Два оборота. Отперто. Сердце мое неистово забилося. Я толкнул дверь.

Липеев с Федором так дружно поднажали сзади, что я ввалился в номер, запнувшись о коврик. Никого.

Никого и ничего. Номер пуст и чист. Ни «громоотвода», ни кейса, ни саквояжа. Дверь черного хода закрыта. Окно открыто настежь. Я подошел к двери и дернул за ручку. Заперто. Вот и все.

— Ну? — спросил Липеев, поправляя на портупейном ремне кобуру. — Что скажешь, хозяин?

Я пожал плечами и глупо сказал:

— Я не хозяин.

— Что они, через окно удрали?

Я не знал. Я подошел к шифоньеру, в который Ропшин вешал свой пиджак, открыл дверцу. Никаких пиджаков не было. Я закрыл шкаф и выдвинул верхний ящик письменного стола. Ключ от черного хода был здесь. Я взял ключ и отпер дверь. Посмотрел. Провода, который прикручивали лентой к перилам, не было. Не было и ленты. Ни следа.

— Чего ты там смотришь? — спросил Липеев, подходя сзади. — Это что, черный ход?

— Да, — ответил я. — Он заперт.

— Заперт... Чушь какая-то здесь у вас, — с сердцем сказал он. — Точно они не выходили никуда? А то, может, мы тут сами из себя придурков делаем?

— Нет, — сказал Федор. — Никто не выходил.

Я быстро глянул ему в глаза, и он ответил мне взглядом. Он меня понимал.

Тут меня осенило. Я поискал взглядом пепельницу. Я вспомнил, что Боярышников оставил там окурочек... Вот она, пепельница, на круглом столе. Чистенькая, нагая, никаких окурочков, никакого пепла. Скатерть. Скатерть та, что стелила Анна, свежая. Белая в синюю клетку. Значит, мне не померещилось. Это было. Было, но исчезло. Лев Боярышников и Герман Ропшин растаяли в воздухе.

Тяжко попирая половицы, Липеев подошел к окну, посмотрел туда-сюда. Избочась, глянул в небо.

— Ну и хрен с ними, — заключил он, поворачиваясь к нам. — За номер они заплатили?.. За двое суток? Ну так! А по крышам лазать законом не запрещается... не возбраняется. Хотя и не рекомендуется...

Липеев почувствовал, что начал городить невесть что, спохватился и переменял тему, заговорил, пряча досаду и смущение, покровительственно:

— Ну, а вообще правильно, что сообщили. Всегда лучше перебдеть, чем недобдеть... да.

— На крышу бы слазить, — предложил Федор. — Для очистки совести.

Липеев с сомнением вновь посмотрел в окно:

— На крышу... да. Гм! Пожалуй.

— Вы идите, — сказал я, — а я вниз сбегая, погляжу там дверь черного хода на всякий случай.

— Дело, — одобрил Липеев, и я пошел вниз. Теперь спешить было некуда. Я шел, скользя ладонью по гладкой балясине перил. Провода не было, не тянулся он и в подвал. Я услышал, как отдаленно гроыхнула крыша... Отомкнул дверцу. Где-то у меня должна быть зажигалка... Я похлопал по карманам пиджака, полез в брючные карманы — нет; вернулся к пиджачным и в левом, среди ключей, нашел. Я чиркнул кремнем, слабенькое пламя заляпало. Оберегая его ладонью, я спустился. Тени молча кидались по потолку и стенам. Я подошел к тому месту,

посмотрел. Не было никакого стержня, ни его следов. Я присел на колено, держа зажигалку над головой, как факел. Ладонью похлопал по земле. Обычный грунт.

Я погасил зажигалку и вышел прочь, запер дверцу. Отряхнул ладони. Я ощутил, что как-то враз устал. Ненужно, бессмысленно устал. Еще раз машинально вытер руки о штаны и побрел вверх. Закончилось ничем, и это было всего обидней. Невыносимо обидно.

Я вошел в номер. Голоса участкового и швейцара доносились с крыши. О чем-то они там мирно говорили.

Перевал Миллера. Мозаика не сложилась, не открыла ничего мне. Рассыпалась в труху. Смех. Я вздохнул и выбрался на крышу.

— Ну что там? — без интереса просил Липеев и задрал голову, блаженно жмурясь.

— Ничего, — ответил я.

— Ну и ладно, — благодушно сказал он, продолжая жмуриться. — Найдутся — значит, найдутся, а нет — так нет. Верно?

Эй, капитан! Размяк. Обманщица весна. Конечно, ей раз плюнуть окрутить кого угодно, а тем более на крыше. Здесь так хорошо! Тепло. Свет солнца. Небо рядом.

Весна такая же блудница, что и сотни весен, пролетевших над Землей. Как приходили они, озаряя мир надеждами! Как пахли ветры!.. Ветры приносили запахи далеких стран с обратной стороны планеты — их дыхание сливалось с запахом сирени, голова хмелела, и казалось: бескрайний мир полон счастья! — счастье, вот оно — дышать весною, ясным светом, синим небом, и шагать куда глаза глядят, и знать: все впереди и юность навсегда.

Но это обман. Не все впереди, и ничто не навсегда. Весны приходили и уходили, мир менялся, теряя счастливую звонкость, и оказалось, что никакой он не бескрайний, а бесцветный, скучный и вязкий, как деревня под дождем. И теперь уже никакая весна не обманет. Я равнодушно кивнул.

Опять усмешка на губах. Я буду всю жизнь сидеть за конторкой, ругаться с горничными, сам покорно сносить вздрючки Нестерова... Если только его сын Сашка, войдя в управление наследством, не выкинет меня... Вот так. Я никто. Нет никакой тайны, вылетела она из «Перевала», исчезла где-то, потерялась в небе за городскими крышами, за окраиной, за излучиной реки, за лугом заливым, за дальними лесами...

Рассыпалась в труху, и никакой тайны не оказалось. Но может, ее и не было?.. Да нет, была, не мог я оши-

биться. Большая... что-то неизмеримо важное, может быть, главное о нашем мире и о будущем его. Была.

КОНЕЦ СКАЗКИ.

— Осторожно! — вскрикнул Федор, в перепуге округлив глаза. — Антон Валерьянович, ради бога, осторожно!!!

Липеев круто обернулся через левое плечо. Стоячий воротник кителя глубоко врезался в толстую шею.

Оба они увидели, как под ногами у Антона Валерьяновича Жерехова, управляющего гостиницей «Перевал», подался крайний лист кровли. Стертая подошва старого ботинка оскользнулась, Жерехов потерял равновесие, нелепо взмахнул руками и упал, грянувшись спиной и боком о крышу, не удержался и, растопырив руки-ноги, соскользнул вниз. Через секунду об асфальт глухо стукнуло.

Похолодев, Липеев и Баклагин мгновение безумно смотрели друг другу в глаза — потом, опомнившись, ринулись в окно, толкаясь плечами, мешая один другому, ввалились в комнату, бегом в черный ход, промчались по лестнице — ключа нет, дверь закрыта! — и Липеев страшным пушечным ударом сапога вышиб ее — щепки брызнули, дверь хлястнула о стену — и капитан со швейцаром вылетели во двор.

— Жив!! — ликующе вскричал Федор. — Живой, слава тебе, Господи!

Жерехов сидел, привалясь спиной к стене, вытянув вперед неестественно искривленную левую ногу. Он корчился от боли и с сипением вцеживал в себя воздух сквозь стиснутые, оскаленные зубы. Федор кинулся к нему:

— Антон Валерьянович, как вы?!

— Порядок... — трудно проскрипел тот, не разжимая зубов и морщась. — Настроение бодрое, идем ко дну...

— Ну Жерехов! — облегченно загремел Липеев. — Ну ты даешь! Гусек-скакунок, мать твою!

Двор ожил. Замельтешили беспокойные голоса, задребезжали оконные стекла, замелькали в проемах испуганные лица.

— Что?.. Что случилось?

— Человек из окна выпал!

— Ой, батюшки!.. Жив ли?

— Жив, жив!..

— Э, холера... — пробормотал Липеев, озирая двор. — Ну начнется сейчас... Зеваки! Откуда, не пойму, берутся,

как из-под земли выпрыгивают... Малый! Ты беги-ка, неотложку вызывай.

— Сейчас, — ответил Федор. — Сейчас, Валентин Саныч... Я сам вроде неотложки, я в армии санитаром был... — говорил он, осматривая ногу Жерехова. — Ничего страшного! Простой закрытый перелом левой голени, большой берцовой кости. Через месяц плясать будете, Антон Валерьянович!.. Больше ничем не ударились?

— Правым плечом об стену кинуло...

Поспешно переступив через выгнутую ногу, Федор ловкими, умелыми пальцами бережно ощупал плечо.

— Ну, здесь все в порядке, — весело заключил он. — Перелома нет, вывиха тоже; возможно, сильный ушиб... ну, растяжение. Это само пройдет... ну вы даете, Антон Валерьянович! В рубашке родились. Везет!

Преодолевая боль, Жерехов усмехнулся:

— Дуракам везет... Хорошо быть никудышником. Трагедии не вышло, Федя. Недотянул. Сыграл Петрушку в балагане.

— Так это оно и к лучшему, Антон Валерьянович, — серьезно сказал Федор. — Я, честно говоря, так и надеюсь, что все именно так и закончится — пшиком. Не трагедией, а анекдотом за три копейки, унылым... и не смешным уже.

— Чего это? — сдвинул брови Липеев, недовольный тем, что не понимает ничего. — О чем это вы?

— Так, — сказал Федор, вставая. — Пустяки.

Он поднял голову, посмотрел вверх. Весеннее небо ласково сияло голубым, далеким светом. Летели голуби. Старый двор был полон запахом сирени.

— Ну, давай, давай! Я ж тебе сказал: вызывай, чего тянешь?.. Иди!

Федор улыбнулся, поправил фуражку и сказал:

— Иду, Валентин Саныч. Уже иду.

Дмитрий Скирюк

ПЫЛЬ НА ВЕТРУ

- Имя?
- Майк.
- Второе имя?
- Айвен.
- Фамилия?
- Северцев.

Даже сквозь искристо-белые, словно покрытые изморозью стекла очков было видно, как клерк удивился.

— Сервер... как? — переспросил он.

Майк вздохнул. К подобным вопросам он привык еще с тех пор, как юнцом получил свои первые водительские права. Пришлось привыкнуть.

— Се-вер-цев, — терпеливо повторил он по складам. — Майк. Ай. Северцев. «Север» — это «Nord», только на русском.

Носатый клерк в зеленой футболке с логотипом «Outforce Mega Games» и килте синей с розовым шотландки сдвинул на лоб электроды виртуал-очков и бросил из-под них на Майка долгий подозрительный взгляд. Глаза у него оказались карие.

— Вы русский? — осведомился он.

— Был русский, да весь вышел, — буркнул Майк и тут же пояснил: — Дед был русским, я — американец. Во втором поколении. Родился здесь, вырос у отца на ферме в Оклахоме... Да вы посмотрите сами, там все написано.

Клерк поколебался, потом кивнул, надвинул обратно ледяное забрало очков и протянул руку вперед ладонью вверх:

— О'кей. Давайте документы.

Порт идентификатора всосал пластинку паспорта, секунду погудел, считывая информацию, и выплюнул обратно.

Скорее из вежливости, чем ради удобства, клерк выгнал данные на голографический экран, с профессиональной быстротой их пролистал, удовлетворенно кивнул, скипнул файл и вернул паспорт Майку.

— О'кей, — опять сказал он и широко улыбнулся. — Вы нам вполне подходите. Отныне ваше имя занесено в банк данных нашей корпорации. Вы состоите в каком-нибудь профсоюзе?

Майк покачал головой: в профсоюзе он не состоял. Клерка, похоже, это вполне устроило.

— Подойдите завтра в это же время, — сказал он. — Я думаю, руководство рассмотрит вашу кандидатуру. Всего вам хорошего, господин Сервер... Сефер... — Тут он споткнулся, на мгновение надвинул на глаза очки, пошевелил пальцами, вызывая файл, и старательно выговорил снова: — Се-вер-цев.

Клерк или издевался, или в самом деле страдал плохим произношением. Скорее всего первое. На форменной табличке перед ним значилось: «Витторио Моздолледжато, секретарь». Майк невольно выругался про себя. Чертов итальяшка... Человек с таким именем вполне способен запомнить и произнести его фамилию с первого раза и без дурацких ошибок! Майк стиснул зубы, ничего не сказал, лишь вежливо кивнул и вышел вон. Дверь за ним закрылась.

За те полтора часа, что он просидел в приемной «OMG», на улице похолодало. Ветер с залива принес туман и бисерную морось. Майк плюнул в урну, не попал, поднял воротник, засунул руки глубоко в карманы джинсов и медленно поплелся по тротуару вдоль Второй авеню по направлению на север. «Сообразно с фамилией», — иронично подумалось ему. Он шел по мокрым улицам мимо дешевых закусочных, где продавали гамбургеры, кока-колу и сэндвичи с луком в «вечной» упаковке, мимо супермаркетов «Target» и «K-Mart», мимо кинотеатров, на обшарпанных фасадах которых хлопали пластиковыми обрывками афиши нового боевика с Фредди Фостером, мимо туристического агентства, мимо тумб с рекламой шампуня от перхоти, соевых консервов для собак, греческих маслин, лака для ногтей «Deer Blue», антибактериальной жвачки, тайваньских мем-кристаллов, джинсов, латексных поясов для похудения и кофе «Burst» без кофеина. Шел мимо рыбной лавки, где огромные омары пучили глаза и запускали стянутые нитками клешни в тарелки с желатиновой икрой, шел мимо настенного телеэкрана, по которому передавали свежий выпуск новостей CNN, — безупречно чистая накрашенная дик-

торша в красном жакете немного равнодушным голосом излагала обстоятельства очередного кризиса на Ближнем Востоке, скандала в Сенегале и еще чего-то — Майк не стал слушать. Девочка была как будто симпатичная, но любой, кроме самых маленьких детей, знал, что изображение «говорящей головы» на самом деле — компьютерная программа, правда, программа очень дорогая. Быстро темнело. Вечерний город зажигал огни. С интервалом в две минуты над головой гудел монорельс, невольно заставляя втягивать голову в плечи — линия проходила где-то рядом. Улицы помаленьку заполнялись спешащими с работы людьми, на светофоре выстроилась небольшая пробка. Лица встречных сливались в одно. Майк опустил глаза и брел, глядя на квадратные носы своих дешевых башмаков. Чертовски хотелось выпить что-нибудь горячего. Паспорт был в этом смысле совершенно бесполезен: кредитная директория в нем давно уже опустела — уже несколько месяцев Майк пробавлялся случайными заработками. Он побренчал монетками в кармане, вынул их и пересчитал. Сплошные «никеля» — штук пять четвертаков, три десятицентовика. Не так уж и мало. Если не особо привередничать, на пару чашек кофе хватит. Он осмотрелся, отыскал среди неоновых реклам вывеску ближайшего кафе, толкнул стеклянные двери и вошел.

Внутри было тепло. Играл негромко музыкальный автомат. В углу какой-то парень с безразличным видом резался в пинболл — там звякал шарик и мерцали разноцветные лампочки. Агрегат был старый, еще начала века, с исцарапанным фасадом в покемонах. Майк подошел к стойке, угнезвился на скрипучем одноногом табурете, из которого лезла поролоновая набивка, заказал себе дринк водки и чашечку черного, опрокинул рюмку, хрустнул прилагающимся к ней крекером и стал потягивать из чашки горьковатый напиток. Кофе был не самым лучшим, но по крайней мере горячим. Майк пил и вспоминал.

...С Артуром он столкнулся пару дней тому назад, в таком же баре, только на другом конце большого города. Не виделись они лет пять, а может, и все шесть. Майк только-только рассчитался и ушел из гаража, где последние два месяца подменял помощника механика; дела его шли туго. Артур же, судя по хорошему костюму, куртке из настоящей кожи бизона, очкам от Армани и двойному скотчу на столе перед ним, процветал. Он смеялся, лапал за задницу какую-то голенастую девицу в кожаных шортах, опрокидывал рюмку за рюмкой и бросал монетки в платный MP-чейнджер, раз за разом ставя свою любимую «Dust On The Wind». Потом завидел Майка.

— Ба! — вскричал он. — Кого я вижу! Иван Грозный собственной персоной! Иди сюда. Ты пьешь бурбон? Ах да... Эй, Джим, два коньяка... Садись, Майк, садись. Сто лет не виделись. Как дела?

Майк пожал плечами.

— Нормально, — виновато улыбнулся он. Американскую привычку врать в глаза и не краснеть он так и не сумел усвоить. В семье у них подобное было не принято, родители с самого детства учили его быть искренним, и, на свою беду, научили. Естественно, Артур его мгновенно раскусил.

— «Нормально»! — передразнил он его и ухмыльнулся. — Ну-ну. Притворяешься, русская рожа. Знакомся, — обернулся он к своей спутнице. — Бетти, это Майк. Майк, это Бетти.

Жгучая брюнетка с роскошными волосами взглянула на Майка с интересом.

— Элизабет, — представилась она и протянула ему руку, которую тот вежливо пожал. Голос у нее был низким, с хрипотцой. Майку нравились такие.

— Майк.

— А почему — Иван Грозный?

Артур хохотнул:

— Потому что он и впрямь Иван! Он русский, Бетти. У него второе имя русское — Иван. Майк Айвен. Ага. Я с ним познакомился, когда ходил на «Алеке Топмсоне» в двадцать третьем. Он был там мотористом, и попробовал бы кто без разрешения заглянуть в машинное отделение — вылетел бы с грохотом, ого! Да... — Он поднял свой бокал. — Ну, на zdorovie!

Они выпили. Артур встал, дошел до автомата и пошарил по карманам. Монетки у него, как видно, кончились. Он чертыхнулся, пощелкал кнопками и вставил в декодер кредитную карточку. Выдернул. Маленькое помещение заполнили гитарные переборы старого «Канзаса». Стив Уолш отпел тягучий первый куплет и полетел, несомый крыльями припева:

Я закрываю глаза всего на миг, и тотчас этот миг проходит.

Все мои грезы пролетают пред моим пытливым взором.

Пыль на ветру,

Все они — лишь пыль на ветру...

— Где ты сейчас?

Майк пожал плечами. Повертел в руках бокал. Залпом допил остатки.

— Можно считать, нигде, — сказал он. — Я уволился.

— Давно?

— Позавчера.

— И конечно, без выходного пособия?

Майк промолчал.

— Понятно. — Артур откинулся назад, приобнял девушку за талию, поднял руку и вскинул два пальца: — Джим! Еще два коньяка и лимон. — Он обернулся к Северцеву. — Ты же вроде бы любишь пить коньяк с лимоном, как царь Николай?

Майк усмехнулся. Для классической американской «осы»* Артур ужасно много знал. Впрочем, Майк сам на свою голову научил тогда команду сфоружать под коньячок «гвардейский пых» из сыра и лимона...

«Алек Томпсон» кончил плачевно — в шторм (не очень даже сильный) возле филиппинских берегов царапнул дном коралловую банку, повредил винты и сел на риф. Команду сняли вертолетом, сам же танкер, чуть не ставший очагом очередной экологической аварии, пришлось пустить на металлолом. Когда закончился шторм, над него как мухи слетелись «зеленые» и вопили как резанные, забивая все частоты, кроме полицейской и военных (попробовали бы они их забить!). Макс предпочел списаться на берег и с Артуром с тех пор не виделся. А оно вот, значит, как довелось встретиться...

— А ты где? — спросил он, чтоб развеять неловкость. — Ты-то уж точно не бедствуешь. Должно быть, служишь клерком в какой-нибудь большой компании.

— Точно! — с довольным огоньком в глазах подтвердил Артур. — Угадал. Я в шоу-бизнесе. Только не клерком, подымай выше — я старший менеджер рекламного отдела «OMG».

— Ого! — Майк несколько по-новому взглянул на Артура и его спутницу. — «Аутфорс Мега Геймс»! Солидно. И чем ты там занимаешься? Проводишь кастинг для рекламы?

— Не только. Но и это — тоже. Выпьешь еще?

— Выпью.

Песня доиграла до конца и началась сначала. Артур нахмурился, закрыл глаза и потер ладонью лоб.

— Наверное, я на автоповтор поставил, — вслух посетовал он. — Ну да ладно. Слушай, вот что. — Он подался вперед и многозначительно подмигнул на брюнетку. — Я сейчас как бы занят. Приходи-ка ты завтра в офис компании на Второй авеню. Знаешь, где это?

* WASP (оса) — популярное в Штатах сокращение, означающее типичного американца (White Anglo Saxon Protestant).

— Кто ж не знает! А зачем?

— Да так, ничего особенного. Думаю, там для тебя найдется работенка. Ты ведь механик?

— Электромеханик, — машинально поправил его Майк. — А что?

— Да ничего. Просто вроде я слышал, что нам нужны такие люди. Думаю, все устроится. А если что, я замолвлю за тебя словечко по старой дружбе, хоть правление этого и не любит. О'кей?

— Странно. — Майк нахмурил лоб. — Это же разработчики компьютерных игрушек. Зачем я им? Я же не электронщик, я, если что, даже компьютер наладить не смогу. А программист я вообще — никакой, а там сплошной софт. Добро бы художник или там писатель, тогда понятно, а так...

— Не знаю, не знаю. За что купил, за то продаю. Так ты придешь?

Майк поразмыслил:

— Приду.

— Вот и славно. Пошли, Бет, нам пора.

Они чокнулись полупустыми рюмками, допили, после чего Артур с подружкой удалились, а Майк еще долго сидел в полумраке дешевого бара, стучал пальцами по столу и все никак не мог решить, как отнестись к происшедшему. Наконец рассудил, что утро вечера мудренее, и тоже удалился.

А на следующий день отправился на Вторую авеню.

Сейчас, когда все кончилось, он опять сидел в баре, пил кофе, слушал гул голосов, блюграсс из автомата, надоедливое звяканье электрического бильярда и молчал. Однодневный срок выноса вердикта по результатам предварительного собеседования — это крайне мало. Возможно, что Артур и впрямь «замолвил» за него словечко, как обещал, а может, им просто позарез понадобился толковый механик, чтоб наладить, скажем, вентилятор. Или пожарную сигнализацию. Совпало так. А почему бы нет? В конце концов, денег у них куры не клюют, а послужной список у Майка очень даже неплохой.

«Аутфорс Мега Геймс»... Кому не знакомо это имя! Одна из четырех крупнейших игровых компаний в Штатах, главный конкурент «Id», «Lucas Arts» и «Virgin», самый большой игровой сервер на территории США, триста пятьдесят фирменных магазинов в одних только Штатах. Майк бросил взгляд на дом через дорогу, где мерцал известный всему миру зелено-красно-белый логотип и переливалась матовым неоновым

реклама их последнего хита — «Эребус: Катакомбы Смерти». Этот трехмерный шутер*, выпущенный всего за месяц до начала Рождества, успел к празднику стать лидером продаж и побить все рекорды. Сервер компании буквально дымился от наплыва желающих поиграть. Сам Майк компьютерные игры не любил, у него даже компьютера своего не было — остался у жены после развода.

И все-таки, зачем он им понадобился?

Он еще долго сидел, глядя на плакат, где был изображен изрядно битый бронемех без одной ноги, с направленными на него обгорелыми стволами излучателей и надписью «You next!» на угловатой башне, потом встал и направился до музкомпа. Нашарил в кармане предпоследние десять центов и, повинаясь какому-то неясному порыву, выбрал в меню на экранчике «Пыль на ветру» и бросил монетку в щель. Заиграла музыка.

«А что, — подумал Майк под тихий перебор гитар и пеньё скрипки, — как говорят в России, чем черт не шутит! Вдруг да в самом деле повезет? Работа по специальности, пусть небольшой, зато стабильный заработок, страховка, квартира, а возможно — даже дом... Может, все и наладится. В конце концов, что он теряет? Ничего».

Все та же старая песня — как капли воды

в бесконечное море.

Мы все крошим на земле и не хотим этого замечать.

Пыль на ветру.

Все это — лишь пыль на ветру...

Он вздохнул, не дослушав песню, вышел из кафешки и направился домой.

На следующий день Майка ждала целая череда сюрпризов. Вчерашний клерк, завидев его, проворно высочил из-за стола, поздоровался с ним вежливо за руку и объявил, что компания готова принять «mister Mike Severtsev» на постоянную работу. На сей раз злосчастную фамилию Майка он произнес без всякого заикания, даже с заправским русским выговором, в чем Майк усмотрел проявление некоторого уважения к себе и немного воспрял духом.

* Шутер (англ. «Shooter») — букв. «стрелок». Игра в стиле «беги и стреляй во все, что движется».

— Поздравляю! — сказал ему клерк. — Вы прошли предварительный отбор, у вас есть все шансы получить работу. Директорат компании назначил вам собеседование на два часа дня. Желаете его пройти?

У Майка пересохло в горле. Желал ли он? Тысяча чертей, конечно — да!

Следуя указаниям секретаря, он поднялся на лифте на двенадцатый этаж и очутился в кабинете у какого-то темнокожего господина, представившегося ему как «мистер Шелтон». Любезным жестом указав ему на кресло, мистер Шелтон попытался угостить его сигарой («У нас разрешено курить, мистер Северцев»), а когда Майк вежливо отказался, перешел непосредственно к делу.

— Ну-с, приступим, — объявил он, улыбаясь ослепительной улыбкой. — Сколько вам лет, господин Северцев?

— Тридцать пять, — ответил честно Майк.

— Каков у вас стаж работы?

— Э-э... Смотря как считать...

Вопросов было много. Женат ли он? Где работал? Когда и с какими машинами? С киберами? С автоматами? Полуавтоматами? Какого поколения? Где изучал теорию телемеханики? Что он читал в последний раз из литературы по специальности и когда? Ай Кью? Эй Кью? Коэффициент психической уравновешенности? Физические данные? Каким видом спорта увлекается? Имеет ли искусственные или донорские органы? Страдает ли наследственными болезнями? Сердечными недугами? СПИДом? Диабетом? Дальтонизмом? Удален ли был аппендикс и когда?

Ну и так далее.

Майк недоумевал, терялся в догадках, но старался отвечать по мере сил быстро и честно. Анкета была огромна, можно было подумать, что его вербовали работать на нефтяных платформах где-то на Аляске. В принципе, все или почти все можно было посмотреть по паспорту, затребовав информацию с государственного сервера учета и контроля населения. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят: раз им хочется, пускай их спрашивают, Майк ответит.

Дальше начались еще большие странности. После собеседования его прямо тут же, на месте попросили пройти медкомиссию, для чего проводили на соседний этаж, где размещалась очень солидная медицинская лаборатория. Там его с безукоризненной вежливостью осмотрели и обстука-

ли, сделали флюорографию, томографировали мозг, сняли ЭКГ, взяли кровь на анализ и отсканировали пальцы и сетчатку. Когда все кончилось, он вновь оказался в кабинете, один на один с мистером Шелтоном.

— Ну, что ж, — удовлетворенно объявил тот, когда на экран ему вывели результаты анализов и тестов. — Думаю, вы вполне нам подходите. Остается лишь уладить некоторые формальности, заручиться вашим согласием и подписать контракт. Контракт стандартный, на год. Но сначала я должен довести до вашего сведения некоторую информацию конфиденциального свойства. Вы согласны выслушать?

Майк кивнул.

— Отлично. — Мистер Шелтон откинулся в кресле. — Но спешу вас уведомить, что работа вам предстоит хоть и не очень сложная, но довольно ответственная. Малейшие просчеты чреваты осложнениями. Вам придется быть предельно аккуратным и внимательным.

— Что от меня требуется?

— Вам придется работать с... э-э... ну, скажем так, с промышленными роботами шестого поколения. На производстве. Электросхемы вам знакомы, в остальном, я думаю, вы тоже разберетесь. Рекомендации с прошлых мест работы у вас, как я смотрю, вполне удовлетворительные. Это не было бы решающим обстоятельством, но есть еще один аргумент в вашу пользу. Дело в том, что работать вам предстоит вахтовым методом.

— Вахтовым? — опешил Майк.

— Да. Месяц работы, неделя отдыха, и так далее в таком порядке. Естественно, все это с полагающимся отпуском. Уверяю вас, мы несколько не были бы против, чтобы вы, как все нормальные служащие, ходили утром — на работу, вечером — домой, но, к сожалению, вам предстоит работать довольно далеко от города... О, нет-нет, не беспокойтесь об оплате — транспорт обеспечивает компания. К тому же раз вы разведены, да еще и бывший моряк, то должны быть привычны к долгим рейсам. Думаю, у вас не возникнет с этим сложностей.

— Это... неожиданная новость, — признал Майк. — Я должен подумать.

— Сожалею, — мистер Шелтон развел руками, — но у компании нет времени на подобные размышления. Мы гарантируем вам квалифицированную, высокооплачиваемую работу, медицинскую страховку и защиту ваших прав. От вас требуется только делать свое дело. Я могу дать вам полча-

са на раздумье, но зачем они вам, если вы уже приняли решение? Я прав?

Майк поколебался:

— Но я надеюсь, в этом нет ничего... противозаконного?

Мистер Шелтон очень натурально рассмеялся:

— Как можно, мистер Северцев! Разумеется, нет.

— И моему здоровью ничего не угрожает?

— Ну, это вопрос техники безопасности. Лгать не буду. Здесь все зависит только от вас.

Майк тоже рассмеялся, правда, несколько нервически.

— У русских есть такая поговорка, — сказал он, стремясь разрядить обстановку. — «Семь раз отмерь, один отрежь». Не считите за грубость, я просто хочу убедиться, что не прогадаю... Я надеюсь, у вас для меня больше нет никаких сюрпризов?

— Никаких, за исключением одного: вы должны будете дать подписку о неразглашении. Вы же понимаете: компания, конкуренты, секретные технологии... Это обычная практика.

— Я понимаю, — кивнул Майк. Это действительно была общепринятая практика. — Что ж, в таком разе остается лишь вопрос цены. Сколько мне будут платить?

Мистер Шелтон назвал сумму.

Вернее, не так; мистер Шелтон назвал Сумму.

Сердце Майка подпрыгнуло и забилось сильнее. Столько он не зарабатывал даже в море. Если здесь не было никакого обмана, корпорация и впрямь радела о своих сотрудниках.

— Я согласен, — несколько поспешно объявил он.

— Вот и отлично. — Мистер Шелтон вынул из стола листки контракта и протянул их Майку, дабы тот с ними ознакомился. Майк не нашел в них никаких особенных изъяснов и лазеек, с бьющимся сердцем поставил свою подпись и пожал мистеру Шелтону руку.

— Поздравляю вас с принятием на работу в «Аутфорс Мега Геймс», — сказал тот. — Надеюсь, вы нас не подведете.

— Постараюсь, — кивнул тот. — Когда мне надлежит быть на рабочем месте?

— Сегодня пятница, — ответил тот, взглянув на календарь. — Зайдите в главному бухгалтеру — это по зеленым стрелкам, там вам выдадут аванс. Приходите в понедельник. Подготовьте все необходимое, что вам может понадобиться: ну там излюбленную парфюмерию, пару книг... Одежду и необходимые инструменты вам выдадут.

— Я могу повидаться с женой? То есть я хотел сказать — с моей бывшей женой. Просто, понимаете, мой сын... Рождество...

— Что? А, да. Да-да, конечно.

— Благодарю.

Мелисса проживала в пригороде, в маленьком одноэтажном доме с красной крышей и подземным гаражом. Роберт после развода жил с ней. Путь к ним предстоял неблизкий. Майк вывел из гаража свой старый «Форд-Атланту», снял со счета часть денег, откладываемых им на черный день (теперь-то, с контрактом в кармане, к чему мелочиться?), и двинул в ближайший торговый центр. Он запасся продуктами и подарками, а напоследок задержался в отделе компьютерных игр и приобрел для Робби подарочную копию «Эребуса» с золотым тиснением и лотерейным номером. А почему бы нет? В конце концов, как служащий «Outforce MG», пусть даже новоиспеченный, он имел право на сорока процентную скидку при покупке любой их продукции. Грех было этим не воспользоваться. Он бросил увесистую яркую коробку на заднее сиденье, свалил в багажник остальные пакеты, вырулил на сто второе шоссе и двинулся в сторону Блюберри-Филдс. Приемник фыркал и посвистывал. Майк долго давил сенсоры настройки, попадая то на новомодный батмер, то на старый рэйв, а то и вовсе на саб-диско, пока случайно не наткнулся на «Старую волну», где крутили Дженис.

О Боже, почему бы тебе не купить мне «Мерседес-Бенц»?

Мои друзья все ездят на «Порше», мне б надо это

компенсировать.

Я тяжело работала всю жизнь без всякой помощи друзей,

Так отчего же тебе, Боже, не купить мне «Мерседес-Бенц»?

Песня оказалась весьма кстати. В самом деле, почему бы кому-то там, на небесах, хотя бы раз не компенсировать Майку все его многолетние бесплодные труды и не подкинуть работенку по карману? Он откинулся назад, расслабился, мурлыча под нос знакомый мотив, и целиком отдался ощущению скорости и шороха мокрого асфальта под колесами. Старушку Перл сменили «Лед Зеппелин» с «Лестницей в небо», потом «Иглз» — «Отель «Калифорния», а их в свою очередь — Курт Кобэйн и «Нирвана». Их песня опять оказалась как-то особенно в тему:

Приходи такой, как ты есть,
Такой, как ты есть,
Как я хочу, чтоб ты был как друг,
Как друг, ты, мой старый враг.
Лови момент, поспеши,
Сделай свой выбор, не опоздай.
Расслабься как друг
Ради старой памяти,
памяти,
памяти...

Несмотря на то что на радио раз за разом один великий покойник сменял другого, доехал Майк без особых эксцессов.

И Роберт, и Мелисса оказались дома. Заслышав знакомый звук неаполитанской песенки автомобильного клаксона, одиннадцатилетний сорванец выскочил из дому как пуля, в чем был, без куртки и шапки, и сразу бросился к отцу:

— Хоу, папка!

— Хоу!

Они примерились, присели, хлопнули друг дружку в ладонь бейсбольным жестом, затем обнялись и рассмеялись.

— Мама дома?

— Ага! На кухне кашеварит. А мы тебя не ждали сегодня... Ой, ты что, мне чего-то привез? — Робби с ногами влез на заднее сиденье и вдруг увидел там заветную коробку. — Вау! — Он вцепился в нее. — «Катакомбы смерти»! Рулезз! Это мне?!

— Конечно, тебе. Не самому же мне в нее играть...

— А моя машина ее потянет? — засомневался тот.

— Сейчас посмотрим. Помоги мне разгрузить багажник...

В прихожую они ввалились, нагруженные пакетами, коробками и банками. В доме играло радио, пахло пряностями и запеченным лососем, в углу стояла елка, под ней — Санта-Клаус и деревянный индеец. Часть игрушек валялась на полу — как видно, Майка утोरаздило приехать в самый разгар процесса ее украшения. На зеленом деревце посверкивали ангелы, бумажные цепочки, орехи в радужной фольге, обшарпанные прошлогодние валентинки, оранжевые тыквы с треугольными глазами, Микки-Маусы, пластмассовые снежинки, старые мем-кристаллы, дырявые монетки и зеркальные шары — Робби выгреб весь хлам из старой коробки. Из радиоприемника играл Марк Нопфлер.

Мел выглянула в комнату, вся раскрасневшаяся, в косынке, под которой разноцветной радугой виднелись термобигуди.

— Майк, это ты? Я так и думала, что ты приедешь, — бросила она. Обернулась. — Ой, погоди, я сейчас, а то у меня жаркое пригорит... Ты надолго?

— Нет, на пару часиков, — ответил Майк, снимая куртку. — Я завтра уезжаю.

— Ой, сколько ты всего напривозил! Ты с ума сошел, ты же совсем разорился. Что случилось? Ты что, получил наследство? У тебя дедушка в Париже умер?

— Почему в Париже? — растерялся Майк. — В Штатах умер...

— Тогда это неправильный дедушка. Чего ж он умер-то? Жил бы дальше...

Майк рассмеялся. Эти словесные пикировки внезапно напомнили ему потерянное прошлое. Мелисса была все той же острой на язык, не лезущей в карман за словом, умной, яркой, осторожной женщиной, которую он когда-то полюбил. Годы ничуть ее не испортили. В который раз он задумался, почему они расстались. Скорее всего дело было в нем, в его неистребимой тяге к приключениям и вольной жизни. Как шутила в грустные минуты Мел, это в нем говорила русская кровь, то самое, что его дед называл «искать приключений на свою zadnitsu». Когда они только-только поженились и Мелисса была беременна Робертом, Майк нанялся мотористом на торговый сухогруз. Тогда это была вынужденная мера — им, буквально вчера отселившимся от родителей, позарез требовались деньги. Но когда Майк вернулся и чуть-чуть привык к своему счастью, он вдруг почувствовал себя неуютно. И едва подвернулась работа на Великих Озерах на границе с Канадой, он сразу согласился. С тех пор так и повелось. Он уходил и снова возвращался в плен домашних тапочек, утреннего молока и кукурузных хлопьев, дешевых мыльных сериалов, тыквенных пирогов и диснеевских мультфильмов, потом снова уходил. Ему никогда не сиделось на месте, он как будто покрывался пылью и налетом серой скуки, становился въедливым и раздражительным. Ему нужен был ветер, ветер, чтобы унести всю эту пыль минувших дней, и он отправлялся в путь за этим ветром, и ничто не могло его удержать.

Наконец Мелиссе надоело жить, как она выразилась, «с мужем-ребенком».

Он попытался исправить. Не смог.

И они разошлись.

— Я работу нашел, — объявил он.

— Неужели? Ага. Наконец-то! А где?

— В «Аутфорс Мега Геймс».

— Где-где? А это что?

Майк закатил глаза. Ох уж эти женщины...

— Такая корпорация. Они игрушки делают. Компьютерные.

— Игрушки? Для компьютера? — Мелисса показалаась снова, уже без платка, мимоходом поправляя прическу. Нахмурилась. — Не понимаю... Постой, ты говорил, куда-то едешь. Кем ты у них собираешься работать?

— Ну, как обычно, наверное. Где-нибудь на подхвате. Ты же знаешь... А потом, мне сулят большие деньги. По-настоящему большие.

— Ну, раз так... Робби, не смей включать машину!

— Ну ма-а...

— Не смей, я сказала. Хотя в праздники попробуй обойтись без компьютера.

— Мам, ну пожалуйста. Папка новую игру привез, вот! — Он приподнял коробку.

— Что еще за игра? — Мелисса протянула руку. — Ну-ка, дай сюда. Дай, я говорю. Гм, «Эребус»... Что еще за «Эребус»? Боже, дорогушая какая! Нет, Майк, ты определенно спятил...

— Я со скидкой купил. — Майк заглянул своей бывшей благоверной через плечо. — В конце концов, я же теперь у них работаю.

— Ма-ам, ну можно? Я немножечко, я только посмотрю, и все.

— Ну, ладно, — наконец сдалась та. — Только недолго!

— Йо-хоу!!! — Роберт прошелся колесом, чуть не врезавшись в елку, схватил коробку и умчался наверх, к себе в комнату.

— Вырос мальчишка-то, — задумчиво сказал Майк, проводив его взглядом. — Вырос...

— Ты бы еще пореже заезжал, — хмыкнула Мел. — Еще не так бы удивился.

Майк глубоко вздохнул, придвинулся к жене и осторожно свел руки. Мелисса напряглась, потом расслабилась. Не обернулась.

— Не надо, Майк, — тихо сказала она. — Не надо... Не сейчас. Пожалуйста.

Он кивнул и отступился.

— Пойду посмотрю, как он там, — неловко сказал он. — Вдруг чего...

— Угу. Присмотри за ним.

Когда Майк взобрался наверх, Роберт уже успел распотрошить заветную коробку до основания, а затем последовательно извлек оттуда два плаката, стикер с голограммой, красную футболку с логотипом игры, такую же бейсболку, толстенную книжку с руководством и целых три мем-кристалла. Еще не старый и вполне приличный «Мегатрон» задумчиво сжевал все три и выдал на экран меню загрузки. Зазвучала бравурная музыка. Игра установилась и пошла. Майк мимоходом отметил, что Мелисса все-таки разорилась на новый «теплый» голомонитор высокой четкости, и одобрил ее поступок — у сына было неважно со зрением. Роберт тем временем торопливо натянул перчатки, пристроил на голове оранжевый ободок наушников с микрофоном и подобрал с клавиатуры сенсорный стек.

— Поехали, — сам себе скомандовал он.

Майк впился взглядом в экран. Заставка впечатляла, что и говорить, — таких лихих графики и звука, такой динамики и крупных планов Майк еще не видел. Отдаленно все это напоминало старый-престарый «Mechwartior» — игрушку времен его детства. Замелькали какие-то коридоры, купола, ангары, переходы, забегали люди, залетали ракеты. Взволнованный, хотя и хорошо поставленный голос рассказчика поведал мрачную предысторию, ролик докрутился до конца, после чего на экране появилась иконка генерации персонажа. Роберт выбрал модель «Степной волк», потыкав в меню пальцами, скомпоновал машину, выбрал цвет, размер и логотип на башню, подождал, пока не высочила надпись «Ready», и вышел на сервер. Под кожухом компьютера чуть слышно зашипел модем.

— Онлайновая, — хмыкнул Майк. — Только по сети.

— Сейчас почти все такие, — кивнул Роберт. — Одному-то какой смысл играть?

— Мы в свое время играли.

Роберт лишь скривился, выражая презрение. Майку вдруг вспомнилось, как Роберт, будучи еще совсем сопливым дошколенком, пришел к нему похвастаться картинкой, которую нарисовал. На картинке было синее небо, серебристый самолетик, сахарные белые подушки облаков и какие-то непонятные квадратики в углу. Квадратиков было пять штук. «А это что?» — Майк указал на них. «А это у самолетика пять жизней», — простодушно пояснил Роберт.

«Совсем другое поколение, — с легкой тоской непонимания в который раз подумал Майк. — Они даже мыслят не как мы».

«Введите свое имя», — появилось на экране. Роберт набрал, естественно, «Роб». Получилось вполне подходяще. Масивный, шестилапый, одетый в глянцевитую обсидианово-черную броню, робот задвигался как кузнечик, повинаясь командам своего юного оператора. Включился режим голограммы, экран «просел» и выгнулся, обрел объем и глубину, задвигался, удерживая картинку в воздухе перед глазами игрока. Иллюзорный пульт боевой машины с той, другой стороны замерцал курсорами, ошестинился табло и индикаторами, раскаленная спица радара забегала по кругу. Роберт осваивался в новой игре так быстро, что Майку становилось не по себе, он за ним просто не поспевал, лишь отмечал про себя: горючее, кислород, радио, батареи... боезапас, броня, антифриз... гидроусилители, подсветка, маскировка... Блин, а это что?

Изображение чуть подтормаживало, местами было смазанным, но в целом вполне приличным.

— Чего он так дергается?

— Коннект плохой, — пояснил Роберт, нажатием кнопки открыл дверь ангара и выбрался на полигон. — Ух ты! — Он поворачивал башней, осматриваясь. — Здорово!

И двинулся вперед.

...Когда Мелисса через полчаса позвала обоих вниз, «Роб» под руководством Роберта прошел уже половину «обучалки». Майк с трудом уговорил его прервать процесс.

— Паузы нет, — пожаловался тот. — Мне придется выходить.

— Так выходи. Успеешь еще наиграться.

Остаток дня они провели вместе, потом Роберт ушел к себе спать, а Мелисса и Майк остались вдвоем. До утра. «Пара чашиков» растянулись на всю ночь.

А едва рассвело, Майк тихонько высвободился из ее цепких сонных объятий, наскоро принял душ и закусил остатками вчерашнего пиршества, потом так же неслышно выскользнул наружу, вывел «Форд» из гаража и вскоре уже гнал машину по шоссе, возвращаясь в город.

Прощаний он не любил: слишком уж большой соблазн остаться они порождали.

Вертолет мчался на восток — транспортный двухвинтовой «Сикорски» последней модели, — мощная, дорогая и красивая машина с опознавательными знаками «OMG» на обоих бортах и гидроподвеской кабины. Полет его был ровен и даже приятен, вибрации внутри почти не ощущалось. Майк,

которого при виде вертолета сперва охватил легкий мандраж, постепенно успокоился: раз в месяц такой перелет вполне можно было выдержать. Как говорится, «издержки производства». Не за красивые глаза же им, в конце концов, такие деньги платят! В конце концов, годовой оборот «Аутфорс Мега Геймс» превышал годовой доход иной какой-нибудь страны из бывшего соцлагеря, и подобную технику она вполне могла себе позволить.

В бригаде Майк оказался единственным новичком. Остальные четверо, судя по всему, летели на свою загадочную вахту далеко не в первый раз. Трех техников звали Том, Уильям, и Рамирес. Их представили друг другу, но спрашивать Майк их ни о чем покамест не решился. Надо будет, сами расскажут.

Старшим был лысый как бильярдный шар толстяк лет сорока. Звали его Хэл. Хэл Риверс.

— Можно — Хэллоун, — заявил он, когда они обменялись рукопожатием.

— Я Майк, — представился Майк. — Можно — Айвэн.

— Майк? О'кей, Майк, сработаемся, — кивнул Хэллоун. — В гидравлике смыслишь?

— Вроде бы... А куда мы летим?

— Увидишь.

Том всю дорогу молчал и вертел в руках незажженную сигарету. — курить на борту запрещалось. Кондовый ирландец, он был высок, краснорож, синеглаз и отчаянно рыж. Рамирес, как будто в противовес ему, был стопроцентный «латинос» — маленький, поджарый, черноглазый и черноволосый, с тоненькими гангстерскими усиками и нервными худыми руками. Уильям, по росту представлявший собой что-то среднее между ними, был темнокож и невзрачен. Из-под его бейсболки, как паучьи лапки, торчали растаманские дреды; он как заснул, лишь только вертолет поднялся в воздух, так и проспал до самой посадки. У Хэла-Хэллоуина было круглое и добродушное лицо, красное от загара и выражением напоминающее тыкву с известного праздника. Майк начал понимать, откуда взялось это его прозвище.

Пилотов он так и не увидел. Только с летного поля, через окошки кабины — две головы в ушастых зеленых шлемах.

Наконец приземлились. Турбины смолкли, поднятая винтами пыль осела. Майк выглянул в иллюминатор и присвистнул.

Уильям усмехнулся:

— Что, нравится?

Вертолет приземлился где-то в пустыне. То есть не совсем в пустыне — далеко, возле гор, где была тень, виднелись пятна снулой зелени. Но от пустыни окружающий ландшафт отличался очень мало. Насколько глаз хватал — кругом были одни камни, песок, чахлые кустики растительности и бетонные плиты, огражденные рабицей, а поверху еще и колючкой с прожекторами, двустворчатые ворота, пропускная будка. И никого на сотни миль вокруг, только охранники в темном. Невдалеке отбрасывал тень большой изогнутый навес на четырех дюралевых столбах, напоминающий автобусную остановку. Под навесом ржавела какая-то техника. Край крыши оторвался и хлопал на ветру, сама крыша была до крайности худой, можно сказать — дырявой, и не защитила бы даже от маленького дождя. Впрочем, разве здесь могли идти какие-нибудь дожди? Утопия...

Единственное здание помещалось на востоке. Пропыленное, вросшее в землю, оно походило на заброшенную бензоколонку. То и дело в поле зрения мелькали рыжие шары перекачки-поля, несомые ветром.

Загудела гидравлика, пандус опустился, и в брюхо вертолета ворвалась сухая пустынная жара. Песок хлестнул в лицо, Майк сощурился, закашлялся, прикрыл глаза ладонью и сдал назад. Хэл подхватил свой мешок и мягко подтолкнул его в спину:

— Чего встал? Давай, приятель, выгружаемся, приехали.

Остальные трое ненавязчиво отстранили его, сошли по пандусу и двинулись вперед, к зданию. На всех были темные очки, предусмотрительно захваченные с собой. Майк и Хэл задержались. Над бетонкой колыхался и ходил волной горячий воздух. Нагретые, в облупившейся краске борта вертолета чуть слышно потрескивали.

— Где это мы? — спросил Северцев. Кивнул на здание: — Это что?

— Это? — Хэллоуин усмехнулся, и рожа его стала донельзя похожа на тыкву. — Это, брат, главный сервер компании... Чего уставился? Пошли. Пошли-пошли — лимузина тебе здесь не подадут, а стоять тут нечего — только мешаться будем. Держись за мной.

Хэл был прав: к вертолету уже двигались техники и охрана, ехал оранжевый, с полосой на боку бензозаправщик. Кто-то махал рукой. Майк вскинул сумку на плечо и зашагал вперед. Ветер сек глаза.

Пыль на ветру.

Все это — лишь пыль на ветру...

Здание внутри было обустроено на удивление хорошо. Стеклопакеты, бронедвери, навесные потолки, кофейный автомат, шахматная плитка на полу, хром и стекло поста охраны. Жужжал кондиционер, и, похоже, даже не один. Ни пыли, ни жары. Четыре техника один за другим засунули свою поклажу в просмотровый аппарат (охранник четыре раза кивнул напарнику за стойкой), потом отдали на проверку пропуска, отметились на сканере и прошли дальше. На Майке высокий светловолосый охранник чуть задержался, сравнивая лицо и голографию на документе.

— Недавно приняты? — спросил он.

— Да. Позавчера.

Он кивнул и подвинул к нему пластинку сканера.

— Приложите ладонь... теперь другую... Хорошо. — Он вернул ему пропуск. — Проходите.

Майк забрал свою сумку и побежал догонять остальных. Втиснулся в маленький тамбур, отделанный светлым пластиком, с недоумением огляделся, ища вторую дверь. Вторых дверей не было. Тем временем кто-то нажал на кнопку, двери за ними закрылись, и комната, вздрогнув, поехала вниз.

Комната оказалась кабинкой лифта. Майк поразился про себя, но решил не задавать вопросов. Поставил сумку на пол, прислонился к стене и сложил руки на груди, не глядя никуда.

Здесь было прохладно, даже холодно. Ехали долго. Лифт был тросовый, на подвеске. Сколько уже они проехали? Четыре этажа? Пять? С какой скоростью идет лифт? Сравнить ему было не с чем. Майк украдкой посмотрел на желтую панель управления. Кнопок было три, не считая аварийных. Метров двадцать, прикинул он. Или двадцать пять. Глубже, чем на некоторых станциях подземки. Однако... С размахом работает компания! Упрянула свои потроха не хуже военной базы.

Кровь или воспитание — Майк не знал, что было причиной, но он никогда не мог подобно нормальному среднему американцу воспринимать жизнь такой, как она есть. Едут и едут, чего выяснять? На работу едут. Так нет же — все ему надо обсчитать, проверить, выверить, всюду сунуть свой нос! Сколько раз он корил себя за это свое пустое любопытство, и столько же раз оно ему спасало жизнь. Возможно, потому он и стал механиком — из-за своей привычки выяснять, как

что работает. На корабле его ценили — машину он знал как свои пять, а то и десять.

Когда двойные двери растворили пластиковый зев, взору Майка предстал широкий коридор, красиво декорированный деревом и подсвеченный лампами дневного света. На полу змеился зеленый ковровый синтетик, под потолком шуршали вентиляторы, дышалось чисто и легко. Впечатления, что все они глубоко под землей, не возникало.

У входа в лифт обнаружился человек в оранжевом полукombineзоне с логотипом AMG на нагрудном кармане. Человек был высок и чернокож, с узким лицом и длинным хрящеватым носом, жевал зубочистку.

— Хэлло, Хэл, — поздоровался он, снял кепку и провел ладонью по загривку. Голова у него оказалась выбритой «под ноль» и блестела от пота. — Сегодня вы вовремя. Как там наверху?

— Сухо, жарко. Как всегда. Президентом по-прежнему Макферсон. — Хэллоуин протянул свою руку для пожатия. — Привет, Джо. Как смена?

— Нормально. Будешь принимать?

— А то!

— Зануда, — ухмыльнулся Джо.

— Разгильдяй, — в тон ему ухмыльнулся Хэллоуин.

Коридор привел всех пятерых в просторный холл с минибаром и телевизором. В аквариуме плавали цветные рыбки, издалека было не разобрать — настоящие или компьютерная мультипликация. Стояли кресла, два стола. На одном, в оранжевой пластиковой вазочке, лежали яблоки. Хэл и встретивший их бритоголовый Джо тотчас куда-то ответвились, а три ремонтника направились к одной из дверей. Уильям остановился на пороге, сделал Майку знак следовать за ним. Майк последовал и оказался в раздевалке. Совершенно стандартной, как при душевой или спортзале, с вешалками, скамейками и металлическими шкафчиками в четыре ряда.

— Располагайся, — бросил Том, указывая куда-то в проход. — Выбирай, какой понравится. Потом напишешь на табличке свое имя. Мы бы сами написали, да вот фамилия у тебя уж больно сложная, не знаем, как писать, через «эф» или через «дабл-ю».

— Через «ю», — мрачно сказал Майк. — Просто «ю».

— Вот я и говорю: сам напишешь... Потом сходишь на склад, там выдадут спецовку. Если хочешь, можешь принять душ. Это там.

Он показал где. Майк неопределенно покачал головой:

— Не хочется пока. Когда работать?

— Еще успеешь наработаться, — ухмыльнулся тот. Потом посерьезнел. — Вечером посмотрим.

Майк выбрал пустующий шкафчик без таблички, бросил в него сумку и запер на ключ. Ключ положил в карман. Потом вернулся в холл. Как раз к этому моменту возвратился Хэллоуин и с ним четыре человека, включая того самого Джо, что их встретил.

— О'кей, ребята, все в порядке, — объявил Хэллоуин.

Джо кивнул.

— Счастливо оставаться. — Он обернулся к своим, махнул рукой: — Пошли.

Четверо проследовали к лифту. Кто-то помахал рукой. Том помахал в ответ. Никто не обменялся и словом. Майк долго смотрел им вслед. Четыре спины удалились и скрылись за дверью.

Майк сглотнул.

Четыре.

— Хэл, — позвал он тихо, — почему их четверо?

— До сегодняшнего дня в ремонтных бригадах всегда было четверо, — пожал плечами тот. — Хотя в последнее время работы прибавилось. Давно ходил слух, что начальство задумало расширить штаты, да мне все как-то не верилось, пока тебя к нам не приписали. Мы — первая пятерка. А Фаулер и его ребята, — он кивнул на закрывшуюся дверь, — наверное, последняя четверка. Ну что, пойдем на обед или сперва посмотришь свою комнату?

— Хэл, — глядя бригадиру в глаза, серьезно сказал Майк.

— Что?

— Хватит тайн. Я хочу знать, чем я буду заниматься. Что я должен делать?

— Может, сперва переоденешься? — неуверенно предложил тот.

— Потом.

Хэллоуин мгновение поколебался, потом махнул рукой: «Пойдем».

Остальные трое остались в холле.

Два коридора и туннель привели их к линии подземки, где им опять пришлось предъявить пропуска охраннику, сесть на дрезину монорельса и недолго проехать. Показалась широкая горловина бетонного колодца с открытой площад-

кой лифта. Бетон под ногами был грязный и шербатый. Они опустили еще на этаж, и перед Майком возник длинный ряд ремонтных боксов, в половине из которых стояли странно знакомые, устрашающего вида механизмы, — обожженные, местами откровенно побитые и покореженные, в облупившейся краске. Северцев посмотрел на Хэллоуина: «Можно?» Тот кивнул, и Майк пошел вперед.

Суставчатые ноги, плоские рифленые подошвы ступоходов в губчатой резине и без, клешни манипуляторов, вороненые панцири, орудийные башни с безоткатными четырехствольными спарками, турели пулеметов, хромированные тубусы излучателей, опаленные стартовым выхлопом соты ракетных пеналов...

А еще — обрывки проводов, безвольно выпавшие блестящие тяги и цилиндры, лужи пролитого масла, разбитые фары, разошедшиеся швы, лопнувшие пружины, вырванные лепестки антенн, гнутые чаши радаров, дыры, трещины, вмятины, пробоины...

А еще — номера, надписи, логотипы, раскраска, гербы и эмблемы на башнях — значки принадлежности к геймерским кланам...

Геймерским кланам.

Майк уже все понял, но боялся поверить в свою догадку и потому просто шел, переставляя ноги, как по тонкому льду, пока в одной из ниш не обнаружил знакомый контур: из полутемного пространства бокса на него смотрело бронированное рыло «Степного волка». Майк сглотнул, посмотрел направо, налево, и последние сомнения исчезли: перед ним были роботы из «Катакомб смерти». Побитые в схватках, покореженные взрывами и выстрелами, опаленные боевыми лазерами и огнеметами, они были здесь, они сражались и существовали на самом деле.

Дальше по проходу были ремонтные тележки и электрокары, тельферы, домкраты, инструментальные шкафы, клепальные пистолеты, сварочные аппараты и переносные резаки — все, что нужно для починки и отладки.

И — недлинная, но грозная череда отремонтированных машин. Настроенных, налаженных, готовых к бою.

Ждущих.

Чья-то рука легла ему на плечо. Майк вздрогнул.

— Что это, Хэл? — тихо спросил он, не оборачиваясь. — Что за...

— Я же сказал: игровой сервер компании, — серьезно и тихо ответил тот. — Бойцы арены. Двадцать пя-

тый, высший уровень игры. Большой дэфматч. Здесь те, кому не повезло. Мы ремонтируем их и возвращаем в строй.

— И у них... боевое оружие?

— В точку, приятель. Боевое некуда.

Майк обернулся. Взглянул Хэллоуину в его прищуренные тыквенные глаза.

— Хэл, — сказал он, — эти штуки... эти роботы... Они не должны существовать. Если об этом узнает правительство...

— Оно знает, — кивнул Хэллоуин. — Будь спок, приятель, уж оно-то знает. Неужели ты думаешь, что все это в самом деле затеяла какая-то долбаная фирма игрушек? За этим, парень, стоят такие люди... нам до них, как до Луны. Здесь отрабатывается новая тактика. Идеальные солдаты. Управляются на расстоянии. Слияние через компьютер, понимаешь? — Он повертел пальцем над башкой, изображая не то радар, не то полицейскую мигалку. — Ребята говорят, что все игроки отслеживаются и наиболее талантливых берут на карандаш.

— Кто?

— Не знаю. Наверное, армейские чины. А может, ФБР. Это правительственная программа.

— Так значит, говоришь, берут на карандаш... — Майк невольно вспомнил о Роберте, посмотрел на замершего рядом покореженного «Волка» и поежился. — И что потом?

— Откуда же мне знать? Наверное, держат в резерве. На случай войны или еще чего-нибудь такого. Им же все равно, где сражаться. Хоть здесь, хоть на Марсе, хоть под водой, им ни воздух не нужен, ни еда.

— Но это же дети! То есть я хочу сказать — играют в основном-то дети!

— Эх, парень! Будто сам в детстве не игрался! Вот что я тебе скажу: у меня жена — врач, так вот она мне говорила, что у детей-то как раз и есть самолучшая, значит, реакция. Растущий мозг, то да се, молодые нервы...

— Отсюда можно позвонить? — отрывисто спросил Северцев.

— Майк, — Хэллоуин впервые назвал Майка по имени и указал на него пальцем, — ты давал подписку. Помнишь? А потому старайся не болтать. Нам платят в том числе и за это. Ты нашел классную работу, так что делай ее и молчи. Усек? Хотя, если правду сказать, тебе все равно никто не поверит. А вот неприятностей себе наживешь. С военными не шутят. А телефона здесь нет, только у охраны наверху, да и

то на всякий пожарный. Даже в «сетку» с машин и то нету выхода. У компании своя замкнутая сеть.

— Но это же противозаконно!

Хэллоуин усмехнулся.

— Когда военным были писаны законы? — вопросом на вопрос ответил он.

Майк не нашелся, что ему сказать.

«Вернусь домой, — решил он, шагая за старшим механиком, — отберу у Робби эти чертовы «Катакомбы» к чертям. И Мелиссе накажу, чтоб не позволяла ему играть. Отберу. К чертям. Отберу».

Мертвые механизмы слепыми глазами негорящих фар смотрели им вслед.

Вечером следующего дня в гости к Бобу заявился Ральф — закадычный друг и вместе с тем его извечный враг-соперник. Это был толстый, вечно неряшливый парнишка, сын польских эмигрантов, живших через два дома вверх по улице. Фамилия его была Ковальски, на почве чего они и сдружились — учителя все время их обоих писали в ведомостях с ошибками. В школе оба даже сидели рядом и то воевали друг с другом, то мирились и заключали союз.

Увидев рождественский подарок друга, Ральф вцепился в коробку как бультерьер; глаза его загорелись.

— Ух ты, «Катакомбы»! Круто! Давай запустим?

Боб тоскливо посмотрел на машину, поправил очки и вздохнул:

— Мама не позволит. Я сегодня уже игрался. А если выходить в сеть... так это часа на два, а я еще не ужинал.

— Ну и что? Я тоже не ужинал. О! А давай позвоним в службу доставки! Пусть привезут чего-нибудь. Можем позволить: мне папка на праздники двадцатку подарил.

— Ага! Это ты здорово придумал.

— А то! Закажем гамбургеров и колы.

Роберт поморщился: гамбургеры он не любил.

— Лучше — пиццу. Терпеть не могу эти дурацкие булки с мясом.

— А я — твои дурацкие сушеные лепешки с помидорами! Заказывай гамбургеры.

— Еще чего! Мой дом, что хочу, то и закажу.

— Но деньги-то мои! Отдай телефон!

— Сам отдавай!

Мальчишки вцепились в телефонную трубку и повалились с дивана на пол, тузя друг друга кулаками и подушками и сбивая складками ковер.

— Пиццу!

— Гимбургеры!

— Пиццу!

— Гамбургеры! Гамбургеры!

— Жирдай!

— Сосиска!

На шум снизу прибежала Мелисса:

— Мальчики, что у вас тут... Боже мой, немедленно перестаньте! Ральф, Боб! Прекратите! Я кому сказала!

Оба нехотя прервали борьбу и теперь стояли перед ней и с мрачным видом косились друг на друга. Коробка с игрой валялась где-то в углу.

— Ну, что стряслось?

Роберт шмыгнул носом. Поправил сбившиеся на одно уочки.

— Ну, это... Мы тут хотели поиграть... и заказать чего-нибудь... ну, закусить.

— И опять не сошлись в предпочтениях, — кивнула та. Потрепала сына по волосам и в шутку немного ткнула Ральфа кулаком в живот. Ральф засопел. — Ох, Боб, Боб... — покачала она головой. — Весь в отца.

Мелисса считала себя хорошей матерью и неплохим психологом и гордилась своим умением находить с сыном общий язык. Парню явно не хватало отца, а редкие мамыны «увлечения» вряд ли могли послужить достойным образцом для подражания, но все же Боб рос нормальным мальчишкой, в меру драчливым и в меру рассудительным, и хоть моментально загорался, но зато и быстро остывал, был выдумщиком, непредсказуемым в поступках, и редко доводил задуманное до конца. Русская кровь... Впрочем, Мелисса надеялась, что это возрастное. Рано или поздно жизнь научит мальчика усидчивости и практичности.

— Ладно, — решила она, — поиграйте, только не долго. Я принесу вам пирога, хорошо? После вчерашнего должно было еще остаться, думаю, вам хватит.

Оба закивали и, едва она ушла, кинулись к компьютеру. Роберт одним взмахом руки смел со стола учебники, фломастеры, модели роботов и самолетов и прочий хлам, поправил очки, достал из ящика и стал натягивать сенсор-

ные перчатки. Шель дисковод с тихим звоном засосала синий мем-кристалл, внутри машины зашуршало; над поверхностью стола вспыхнул и развернулся экран. Зазвучала музыка. Ральф заерзал.

— Это чего? — Он ткнул пальцем в желтые циферки обратного отсчета.

— Не мешай, — отмахнулся тот. — Режим расконсервации. Перед отключением технику полагается ставить в бокс, ну типа на обслуживание и на подзарядку. Если есть кредиты или бонусы, то можно заказать ремонт или отладку.

— А что, там у каждого свой гараж?

— Нет, просто есть особые места, где можно сохраняться. Ты вводишь свой пароль, тебя пропускают, ты выбираешь режим стоянки и можешь идти гулять, остальное доделают за тебя. Классно придумано, правда?

— А если кому-то места не хватит?

— Не хватит — к другому придется идти. Это если дойдешь, конечно... Это еще что! Я в чат лазил, так мне рассказали: неделю назад один тип повадился сговаривать напарников объединиться в клан, а потом долбить своих же в спину, так у парня хакнули пароль от гаража и, пока он спал, сняли весь боезапас. Оставили только «контрольный пакет», чтоб застрелиться. Ну, в смысле — подорваться. А чтоб он не заправился опять, подожрали бонусы на милю вокруг. Так он, гад, и тут ухитрился кого-то с собой утащить: подобрался вплотную, поднырнул под брюхо и — ба-бах!..

— Вот хитрый перец! — восхитился Ральф.

— Ага. Между нами, он, наверное, не парень, а девчонка: они страсть какие вреднучие.

Пальцы Боба бегали по стику, трогали экранное меню. Робот в гараже пришел в движение.

— Слушай, Боб, а зачем это? Играли бы, как раньше, и играли. Зачем такие сложности?

— Ну-у... Я не знаю. — Тот пожал плечами. — Может, чтобы сервак не сбойнул. А может, чтобы люди сами долго не игрались. Хочешь не хочешь, а придется отдыхать. Черт... Помоги — не дотянусь: посмотри вот здесь, у локтя что-то не кончатит...

Одна перчатка глючила. Должно быть, где-то барахлил контакт: соединение с машиной то прерывалось, то включалось опять. Ральф похлопал серебристую коробочку транслятора, нажал, отпустил. Опять похлопал:

— Теперь нормально?

— Угу.

— Мальчики, вам пепси или коку? — донеслось снизу.

— Все равно! — хором крикнули оба и снова влипли в экран, где как раз закончились все приготовления и теперь раскрывались двери бронированного бокса. «Роб» вышел в буферную зону — круглый зал со множеством дверей для сохранения, где запрещался любой бой, и теперь ждал у тамбура общего входа.

— Ну, держись, — Роберт с хрустом размял пальцы, — сейчас они все скопом навалятся. Я пока начинающий, а они спесом всех молодых у выхода караулят, чтоб экспы набить.

— И чего? Чего ты сделаешь?

— Ничего, — хихикнул Роберт и потер вспотевшие ладони. — Я для них тоже секретик приготовил. Так... Экран, батареи... Пошли!

...Створки бокса еще не раскрылись до конца, а Ральф уже ударил в щель двумя гранатами, и прежде чем запалы успели сработать, перевел «Степного волка» в режим низкой посадки и рванул в коридор. Красный круг прицела зарыскал по экрану, автоматически выискивая цель, Роберт крикнул: «Ага!» — пушки дернулись, захлопали выстрелы. Несколько минут на мониторе царил безумный хаос драки — мелькали вспышки лазеров, чертили воздух дымные следы ракет-«карандашей», что-то падало и с грохотом разваливалось на запчасти.

Подошедшая Мелисса поставила между мальчишками поднос с пирогом и стаканами и тронула сына за плечо.

— Не увлекайся, — напредила она. — Не больше часа, Робби, слышишь?

— Ну ма-а...

— Боб, мы договорились. Завтра рано вставать: мы с тобой собирались в гости к тете Линде. И ты уже играл сегодня.

— Ну хорошо, ма, хорошо! Только не мешай: на меня нападут сейчас...

Мелисса еще немного постояла за спинами маленьких игроков, поглядела на мерцающий экран и тихо удалилась.

«Он слишком много играет, — подумала она. — Вот и Мэг мне то же самое говорит. Опять же, его глаза... Надо не забыть натереть мальчику завтра морковки на завтрак. Все-таки зря Майк привез ему эту игрушку. Настоящая зараза. Эти всякие дурацкие «Катакомбы» не доведут до добра».

Роберт прервался на секунду, суетливо отхлебнул кока-колы, выплюнул ледышку и снова схватился за стик.

Третью видеосенсоров его машины погорели, пол-экрана заволокло туманом. Отбившись от «мародеров», Боб первым делом укрылся на нижних горизонтах и повел машину северным туннелем, на ходу включив замену и настройку наблюдательного блока — необходимые для починки линзы и системный блок он сорвал с раскуроченного бота, легкого «Гудвина» красно-черной шахматной раскраски, сраженного наповал его внезапной контратакой. Остальным удалось удрасть.

— Ну, ты даешь! — восхитился Ральф. — А если он просто зайти хотел? Чтоб сохраниться?

— Не. — Роберт помотал головой. — Там сигнал такой специальный снаружи загорается, когда кто-то выйти собирается. Чтобы не лезли, значит. Он, гад, там нарочно стоял, караулил, когда кто-нибудь выйдет. Ах, дерьмо... Смотри — идут!

— Где? Где?

— Трое. Вон видишь, на радаре? Ишь, сговорились...

Тяжелые, обутые в резину ступоходы робота глухо топтали. В музыке, идущей фоном, постепенно стали преобладать тревожные и мрачные тона.

— Будешь драться?

— Ты что, я и так побитый. Вот если б еще парочку ракет... Так... сюда. Теперь — сюда. погоди, сейчас мины поставлю. Так... удираем... удираем...

— А получится?

— Полу-учится, еще как получится! Там два «Пардуса» и «Харон»; броня у них хорошая, а моторы — дрянь. Мы быстрее. Нам бы только до овального зала добраться, а там...

Сзади грохнуло. Звук заметался в комнате от колонки к колонке, Ральф от неожиданности втянул голову в плечи, потом завистливо вздохнул. Поскреб в затылке и потянулся за пирогом.

— Везет тебе, — сказал он, роняя крошки. — У тебя папка клевый, продвинутый, не то что мой. Мне отец хоть и ружье подарил, а игру все равно не захотел новую покупать. А мне еще надо комп апгрейдить, чтоб она у меня пошла. А он говорит, я тебе лучше ружье куплю, как обещал: цена та же, а пользы больше. А то от этих игрушек, говорит, как от онанизма, одно только нервное расстройство и порча для глаз.

— Ну, это он загнул... А дашь пострелять?

— А дашь поиграться?

— Потом как-нибудь. Там станция сигнал отслеживает, больше одной машины с одного компа не запустишь.

Вот утроблюсь окончательно, тогда — давай заходи.

— Ага, ты угробишься, как же... Слушай, а монстров тут нет?

— Монстров? Не, я что-то не видал.

— Жаль. Я монстров расстреливать люблю. Особенно со стерео-экраном. Бац ему в башку — ключья по всей комнате! Ка-айф! А потом берешь огнемёт и — пш-ш — огнем во все стороны! Тоже клёво! А тут роботы одни, железка на железке... Ой! Смотри, смотри: вон еще идет!

— Где? Ага, ты, точно! Ха! Ну, это то, что надо. Легкота. Сейчас мы их...

— Ага! Задай им, Бобби, порви их, всыпь им горячих!

— О'кей, напарник! Готовься оттаскивать трупы... Эй, ты чего там жуешь? Ну-ка, дай откусить...

— Опускай! — скомандовал Уильям.

Майк кивнул и тронул зеленую стрелку. Тельфер зажужжал, орудийная башня дрогнула и, тихонько покачиваясь, поехала вниз. Соприкоснувшись с корпусом, — массивный «Ящер» покачнулся: байонет горловины вошел в зацепление с цоклем, сухо щелкнули фиксаторы. Майк отпустил панель подъемника, сунул руку в открытый лючок и на ощупь подсоединил системные кабели. Отошел.

— Проверь, — сказал он.

Уильям, облаченный в шлем и черный вир-комбез, хлопком ладони по плечу включил консоль и пробежался по сенсорам. В башне заурчало, дважды взвизгнули моторы. Бронированная полусфера повернулась вправо, влево, пошевелила стволами. Замерла. Слышно было, как внутри двигаются и шуршат элеваторы, перезарядки, пока что вхолостую (боепитание стояло на нуле). Майк проверил сканером герметичность стыка и поднял палец: «Порядок!»

Билл кивнул, поджал локти, вскинул руки и зашевелил пальцами.

Выдохнула пневматика, из-под робота во все стороны брызнула пыль. Закрутился радар. Зеленая бронированная громада «Ящера» с тихим лязгом вдруг приподнялась, слегка качаясь, расправила суставчатые клешни и... быстро-быстро зашагала к Майку. Громадный механизм двигался проворно и легко, как таракан, плавно неся продолговатое приземистое тело в полторы тонны весом, все в чешуйках матовой брони. Не было никакой дерганости — машина переставляла конечности с завораживающей грацией живого существа. Телескопические

трубки бесшумно скользили, стволы пушек и цилиндры

излучателей выискивали цель. Майк от неожиданности опешил, попятился, споткнулся обо что-то и во весь рост растянулся на полу.

— А, черт!

Когда он поднял взгляд, «Ящер», совершенно неподвижный, уже нависал над ним всей своей громадой и протягивал ему «руку». Майк гулко сглотнул.

Послышался смех.

— Что, перепугался? Ну, извини. Давай вставай.

Злясь на себя, Майк встал и отряхнул комбинезон. Протянутую Биллом механическую клешню он проигнорировал. С неудовольствием оглядел себя и поморщился, разглядев на штанине бурое пятно от лужи пролитого масла.

— Шуточки у тебя, боцман... — ругнулся он. — У нас бы за такое на флоте...

— Ладно, будет тебе гундеть, — беззлобно отозвался тот. Откинул забрало шлема. — Он не заряжен. Видишь?

Уильям вновь поднял руки. Робот вскинул стволы к потолку и сухо защелкал затворами. Майк вздрогнул.

— Толку... — Он сплюнул. — Хрена ли ему боезапас? Одно-го веса хватит, чтобы человека раздавить.

— Да за кого ты меня принимаешь? Что я, псих, что ли? — возмутился тот. Поднял руку, покрутил кистью, сжал пальцы в кулак. «Ящер» послушно повторил все его движения, за исключением последнего — пальцев у него было всего три, и кулака не получилось.

— А хороша машина! А?

— Наверное. — Майк против воли тоже бросил заинтересованный взгляд на замершего робота. — Тяжело такой управлять?

— Не знаю. — Билл хлопнул себя по плечу, отключая систему, снял шлем и стянул перчатки. Присел на оранжевый куб сварочного трансформатора. — Все как-то само получается. Уже привык. На, хочешь попробовать?

Майк с сомнением посмотрел на протянутые сим-перчатки, потом — на замершего в нелепой позе боевого робота и покачал головой:

— Спасибо, не хочу. Еще сворочу что-нибудь... Уж лучше как-нибудь в другой раз. — Он огляделся. — Что ли, все на сегодня?

— Все. Этот последний. Повезло, на редкость мирный день вчера был — всего пять машин раздолбали.

Сейчас запущу контрольный тест, загоню железку на платформу, а ты пока иди.

Майк покачал головой:

— Еще чего! Даже не думай: одному работать не положено.

— Да ладно тебе, формалист... — фыркнул тот. — Впервой, что ли?

— Все равно, — заупрямился Майк. — Случись чего, меня же первого обвинят.

— Говоришь как долбаный военный. Ну, как хочешь. — Уильям сплюнул, натянул обратно перчатки и шлем и принялся гонять отремонтированного «Ящера» туда-сюда по стендовой площадке. Помещение наполнилось лязгом, стуком суставчатых ног, жужжанием моторчиков и клацаньем затворов. Робот бегал, приседал, подпрыгивал, стрейфился* и наводил незаряженные пушки на несуществующего противника. Наконец Вильям закончил.

— Годится. — Он стянул шлем и вытер потный лоб. — Только в правой системе давление вроде бы падает, проверь.

Майк подошел, надел очковый терминал, подстроил датчики манометра. Проверил.

— Нет, все в порядке. Должно быть, это наоборот, в левой — избыточное. Сейчас проверю нагнетатель... Ну, точно, так и есть.

— Справишься?

— Раз плюнуть. Поддай мне отвертку. Не эту, вон ту, крестом.

Тянулись дни, заполненные работой. Майк освоился быстро. Сложностей почти не возникло. Руки сами вспоминали забытые навыки. Майк мог принимать или не принимать самую идею дьявольской игры военных корпораций с детскими сердцами, но не мог не восхищаться совершенством и продуманностью боевых механизмов. Все машины имели модульную конструкцию и множество унифицированных узлов. Как правило, отдельные детали замене не подлежали: заменялся сразу целый блок, манипулятор, ступоход или секция брони. В принципе, решение разумное — когда в бою гайки перевинчивать? Легкий ремонт мог проводиться прямо на ходу: в машинах были соответствующие приспособления и модульные блоки. Все поврежденные детали подлежали описи и упаковке в ящики, которые потом куда-то увозили двое неразговорчивых парней на автокаре и привозили со склада новые. Разговорить их Майку все-таки удалось, но это ничего не

* Стрейфиться (от англ. to strafe) — игровой термин, означающий движение вбок без поворота или выража, буквально означает — бегать боком, приставными шагами.

прояснило. «А нам-то что? — бросил один из них, светловолосый, коротко подстриженный и вечно небритый парень по имени Бак. — Наше дело — отвезти на склад, а за остальное нам не платят».

«За остальное нам не платят!» Майк только поморщился. Эта фраза, столь любимая в Соединенных Штатах — чуть ли не девиз, — всю сознательную жизнь выводила из себя и деда Майка, и отца. «Лучше уж не делать ничего, чем делать от и до! — как правило, ругался старикан. — Чихнуть не могут, если им за это не заплатят! Я что им, обезьяна?» Немудрено, что и сам Майк к возрасту взросления проникся к ней здоровой антипатией.

Несмотря на все усилия, Майк ни на одной детали не смог обнаружить хоть что-нибудь, похожее на маркировку, значок фирмы изготовителя, серийный номер или же штрих-код. Ничего. Абсолютно. Все детали, блоки, электронные платы, оружие и даже боеприпасы были девственно чисты. Только масло в гидравлику заливали фирменное — «Шелл», да катафоты габаритов были от «Дженерал моторс». Но что в Америке не от «Дженерал моторс»? Только то, что от «Форда»... По некоторым мелким, незаметным для непрофессионала деталям Майк сделал еще один из своих далеко идущих выводов — все они были произведены в Соединенных Штатах; среди них не было ни одной тайваньской или малазийской штамповки или японской микросхемы, ничего вообще, что было бы произведено за пределами страны.

Когда Майк не нашел клейма на электронных платах или тягах манипуляторов, это его как-то мало обеспокоило. Но когда он не отыскал ни следа хоть какой-нибудь маркировки на оружии, то задумался уже всерьез: в какое дерьмо он на этот раз вляпался?

Тем временем Билл прогнал последний тест, удовлетворенно кивнул, расстегнул и стянул комбез, перчатки и шлем, аккуратно сложил их и запер в стенной шкаф.

— Пошли. — Он мотнул головой. — Наши уже, наверное, ужинать расселись.

Как будто подтверждая его слова, ожил потолочный репродуктор, откашлялся и сказал голосом Хэллоуина: «Билл, Майк, вы чего там застряли? Проблемы?» Майк повернулся в сторону камеры внутреннего слежения и ободряюще помахал ей рукой, показывая, что все в порядке. Хэл успокоенно хмыкнул и отключился.

Уильям оказался прав: к тому времени, когда они приняли душ и переоделись, весь персонал подземной базы уже собрался в маленькой столовой. Только вторая дежурная смена осталась на посту вести наблюдение. Контроль над катакомбами осуществлялся круглосуточно.

В момент устройства на работу Майк как-то не задумывался над тем, как они будут питаться. Когда они приняли смену и зашла речь об обеде, Майк было подумал, что вдруг еду здесь готовят какие-нибудь девчонки-поварихи или, на худой конец, какой-нибудь дипломированный мужик-повар, этакий чернокожий, бритый наголо верзила, виртуоз кастрюль, профессионал мутовки и кудесник микроволновой печки. На поверку действительность оказалась гораздо прозаичнее и скучнее. Никаких поваров не было и в помине, еду готовил автокельнер. Все продукты были приготовлены заранее, заморожены и расфасованы в контейнеры для быстрого разогрева. Да и в самом деле, если подумать, ну какая кухня в подземном бункере? Дым, чад, грязная посуда, котлы эти... Жуткая нагрузка на вентиляцию и канализацию. В конце концов, не военная же база у них тут; всего-то персонала — полтора десятка человек, не считая охранников наверху. Майк прекрасно понимал это и в душе был согласен с таким решением, но все-таки что-то внутри него протестовало. Еда была разнообразной и высококачественной, практически свежей, но что-то неуловимое терялось. Хотя бы возможность перекинуться парой слов с подземным коком, ну, типа там: «Привет, Макс. Чем сегодня будешь нас травить?», или просто — удовольствие стукнуть вилкой по тарелке и бросить то ли в шутку, то ль всерьез: «Нет, я когда-нибудь все-таки прикончу этого кухаря! Из чего он это готовит?!» А запаянным в пластик рыбе, бифштексам и пюре бесполезно было все это высказывать. Они молчали как... как рыба, бифштексы и пюре.

— Черт, — ругнулся Уильям, раскрывая свой судок. — Хэл! Опять ты заказал мне это кукурузное пюре. Ты же знаешь, я не люблю кукурузное пюре.

— А? — оторвался тот от еды. — Кукурузное пюре? Гм... Ну прости, перепутал. Закажи чего-нибудь другое, я потом спишу в отчете.

— Ладно... — обреченно махнул рукою тот. Оглядел остальных. Все молча насыщались. — Майк, что у тебя? — спросил он.

— Написано: «Рис». Сейчас посмотрю. — Майк расковырял и отогнул блестящую гофрированную крышку. —

Рис, — объявил он.

— Я так и знал! Не против, если поменяемся?

— Можно... Эй, погоди. У тебя там кофе? Дай мне, что-то башка сегодня болит.

— Не дам. Подожди, сейчас куплю в автомате...

Они обменялись подносами и принялись за еду. Кофе был без кофеина. С точки зрения Майка кукуруза была приготовлена превосходно, да и бифштекс был неплох, хоть и отдавал горохом... Черт, мысленно выругался он, везде эта проклятушая соя! Из продуктов нынче можно быть уверенным только в рыбе. В конце прошлого века сою продавали как диетический продукт, но поскольку никто не покупал, ее стали добавлять куда ни попадя — в сосиски, в колбасу... Это что! — дед говорил, что в его времена в России (а точнее, тогда еще в Советском союзе) не было даже сои и в колбасу добавляли... туалетную бумагу. Такая была фишка, да: бумагу добавляли, мясо — крали. Верилось в это с трудом, но привычки врать за дедом не водилось. Дед рванул в Штаты в конце восьмидесятых. Тогда многие уезжали. Союз трещал и распадался, в правительстве грызлись за власть и разрывали западные кредиты, народ голодал, а цивилизованному миру требовались хорошие программисты, техники, врачи и просто здоровые молодые люди. А дед Майка был докой в своем деле. Хотя все равно работы не нашел. Но к тому времени, когда он окончательно понял, что жизнь не сложилась и пора если не возвращаться, то сменить место жительства на более благополучную Канаду, сын уже вполне освоился, женился, а вскоре и карьеру сделал, и дед передумал. Последовало десять лет спокойствия и относительного благополучия, потом отец Майка погиб во время одного из исламских терактов, и дела семьи пошли наперекосяк... Майку было что вспомнить, но воспоминания эти редко бывали светлыми. Сначала перебрались на север страны, в Ситл, потом в пригороды — Грин-Виллидж, Абердин, жили в трейлере, снимали квартиру, потом, когда Майк подрос и стал работать, — дом...

Майк ел и разглядывал остальных.

За столом сидели десятеро: пятеро механиков бригады Хэллоуина, включая Майка, двое рабочих-транспортников, два охранника из сферы наблюдения и Ларс, которого все называли «доктор Ларе». Ларе Хаммер Белл и в самом деле был дипломированным доктором медицины. В его распоряжении находился великолепно оборудованный лазарет с аптечкой, кибер-диагностом и всем таким прочим. По счастью, за

истекшие с начала смены полторы недели никому ни разу не пришлось воспользоваться его услугами.

Насыщались молча, но молчание это только оттеняло некое скрытое, тайное напряжение, царившее в замкнутом мире контрольной станции. С недавних пор Майк ощущал его во всем — во взглядах охранников, в хэллоуиновских нахмуренных бровях, в том, как поджимал губы доктор Ларс, и в том, как Том с Рамиресом косились друг на дружку. Майку вспомнился эпизод из прошедшего дня, как он зашел на пост к операторам центра. Двое парней (те самые, что сейчас трапезничали за столом; их звали Эд и Чарли) сидели там в своих креслах, отслеживая «картинку» сразу с двух десятков телекамер, разбросанных по катакомбам. Они как будто тоже играли в некую игру, состоявшую из переглядываний, жестов, коротких пробежек пальцев по кнопкам и сухих, стандартных реплик:

— Бокс восемь, встал на подзарядку. Игра окончена. Три... два... один... Консервация включена, все в норме.

— Что за машина? «Волк»?

— «Ящер», «Волков» сегодня мало — невезучая машина. Черт, сильно как раздолбан... Так... Шестой участок, аптечка выбрана. Между прочим, последняя на уровне. Эд, ты слышишь? Я подключаю.

— Подожди, там бонуса еще должны лежать, пускай сперва их подберут.

— Уже почти не осталось. Так включать или пускай молотят до конца?

— Сколько там машин?

— Раз... два... шестнадцать... Нет, погоди, — уже пятнадцать.

Оранжевые точки скользили по экрану монитора, время от времени вспыхивая красным. Две камеры транслировали пустые коридоры, две — загрузочную буферную зону, еще на одной шел «снежок» (видимо, сожгло случайным выстрелом), на остальных бесшумно бились, разнося друг друга на части, боевые механизмы. Звук не транслировался — зачем?

— Пятнадцать? И все на уровне? Запускай «разброс».

— О'кей, разброс пошел.

— Сегодня народу много, поставь на автоповтор.

— Понял. Мины раздавать?

— Раздавай.

Они работали сосредоточенно, слаженно, нередко даже предугадывая реплики друг друга. Майк отнес им

кофе и вернулся, размышляя на тему, почему бы не доверить эту самую работу компьютеру. В конце концов, невелика забота перезаряжать ловушки и «аптечки», запускать по уровням закладку бонусов да время от времени запускать очистку туннелей от сломанной техники. Он уже хотел спросить об этом Хэла, но на полпути в голову ему пришла неожиданная мысль, что все это — опять-таки на случай боевых действий. В конце концов компьютеры не хуже человека могли играть в игрушки друг с другом; и если кто-то из верхушки ВПК вел плановый отбор кибер-бойцов из юных геймеров, то кто мог знать, не происходит ли такой же отбор из операторов на сервере игры с какой-то другой целью?

В любом случае поделиться с Хэлом этими своими рассуждениями ему не удалось: на полпути назад его перехватил Уильям, пальцем показал ему: «Молчи», — и поманил за собой в раздевалку. Майк оглянулся на всякий случай, нет ли кого, но коридор был пуст, и он, будто школьник, собравшийся тайком на перемене покурить, последовал за Биллом. В принципе, он угадал: все оказалось очень похоже, только причиной было не курево, а выпивка. Уильям уселся на скамью в закутке, потрянул косичками, похлопал ладонью рядом с собой: мол, садись, и вынул из-за пазухи плоскую фляжку:

— Будешь?

Майк опять против воли оглянулся, хотя за спиной было только два ряда закрытых железных шкафов и спрятаться было решительно негде.

— Вроде бы запрещено, — сказал он на всякий случай.

— Брось, — криво усмехнулся тот. — В жизни не поверю, чтобы русский отказался от выпивки.

— А Хэл не настучит начальству?

— Если ты не дурак, он вообще ничего не заметит. Давай замахивай, не дури, а то еще придет кто.

Поколебавшись, Майк принял фляжку, присосался к горлышку и запрокинул голову. Следовало отдать Уильяму должное: виски был высочайшего качества, «Джек Дэниельс», не ниже. Впрочем, с такой зарплатой, как в «OMG», это можно было себе позволить. Майк не удержался и глотнул еще раз.

— Крепкая штука, — уважительно сказал он, возвращая фляжку. — А я думал, растаманы не пьют.

— Все вы, белые, одинаковые. Как дрэды увидите, сразу — «растаман, растаман»... Кто растаман, а кто и

просто — по приколу. Хэл вон бритый, так я ж не говорю, что он нацист.

— Ну, извини, извини. Замяли. — Майк покачал на руке фляжку. — Как ты ее протащил мимо охранников?

— Уметь надо, — снова ухмыльнулся тот. — Знаешь, из чего эта фляжечка? Карбоновый биопластик. Это, брат, такая штука, считай, она вроде как часть твоего тела. Когда она нагревается, ее на сканере не видно, а спиртное на экране различать еще не научились. Знаешь, сколько я за нее отдал? То-то. Ну, давай по второй. Тысызыть, за знакомство.

Они причастились по второму разу, после чего Билл завинтил колпачок, порывлся по карманам, извлек на свет зеленый пластик жвачки «Гипер-мент» и протянул его Северцеву:

— На, зажуй. Отбивает любой запах напрочь, проверено.

— Благодарю.

— Не за что. — Билл закурил и смерил Майка одобрительным взглядом. — А ты молодец. Видел я вчера, как ты работаешь. Сечешь малину, схватываешь на лету... Имел дело раньше с зомбиками?

— С кем, с кем? — Майк заинтересованно повернулся к нему.

— Ну ты даешь! Да с ботами же.

— Нет, я больше так... по корабельной технике.

— А, верно — ты же моряк. Слушай, а какого хрена тебя вообще сюда занесло?

— А что тут такого? Как будто здесь не может работать моряк. Полагаю, ты не ожидал увидеть здесь епископа!

— Ну, ну, не кипятись, — примирительно сказал тот. — ВМФ?

— Нет, торговый флот.

— То-то, я смотрю, в тебе чего-то есть... такое. — Он неопределенно пошевелил пальцами. — Да, ваш брат в механике сечет. Если там у вас в рейсе чего погорит, надеяться вам не на кого, только на себя.

— Это точно... Кстати, а почему «зомбики»?

— Черт его знает. — Билл пожал плечами, пошарил по карманам, сунул в зубы сигарету и щелкнул зажигалкой. Выпустил дым. — Кто-то прозвал, да так и зацепилось. Вот ты скажи мне, чел, ты никогда не думал о тех сопляках, которые сейчас разбивают в катакомбах железных болванов? Какие они?

Майк невольно вспомнил Роберта и поежился.

— Ну, бывало... — неуверенно сказал он. — У меня ведь тоже сын растет. А чего?

— Тебе никогда не казалось, что все они немножко оборотни? Днем они одни — простые мальчишки-девочки, а ночью или вечером садятся за машину — шлем на башку, пальцы в сим, экран на стереоразвертку, — этак смотришь, они вроде как уже и не люди. Говорят по-своему, на уме одна экспа, да уровни, да кланы, да ракеты разные, всякие там пушки, лазеры-шмазеры... Вроде как две жизни получается, да? Так какая из них настоящая, вот ты мне скажи? А? Молчишь? Вот то-то и оно... — Он усмехнулся и затянулся сигаретой. Выпустил дым. — Это, брат, похуже, чем в старом кино играть, которое до виртуалки было, — это когда люди перед камерой вживую притворялись. Ага.

— А машины в таком разе вроде как бы зомби?

— Ну, да, точняк. Живут, но только по воле духа-наездника — «лоа». А ты как думал?

Майк нахмурился:

— Ничего такого я не думал. Не понимаю только, чем ты недоволен? Будто мы росли не на игрушках!

— Ну, положим, да, росли, — согласился тот. — Но ведь не только! Я, к примеру, в баскетбол любил играть. Не на компе, а так. Даже за сборную школы играл... правда, недолго.

— Вышарили?

— Сам ушел. Тогда как раз только-только легализовали ганч, я предпочел делать бизнес.

— Я тоже играл. Только в бейсбол.

— Ага. А я чего говорю! Мы жили, чел, в натуре жили. Хорошие мальчишки ездили в скаутские лагеря, плохие просто лазали по крышам и тянули шмаль под козырек. И те и другие дрались, строили секретные штабы на деревьях, гоняли на папковых тачках, трахали девок, играли в бейсбол... А эти что? Эти разве живут? Разве играют? А? Скажи, чувак?

Майк пожал плечами:

— Может, и так. Все играют, наверное... Слушай, Билл, зачем ты мне все это говоришь?

— А черт меня знает, — снова повторил тот и загасил окурок в карманной пепельнице. — Глянулся ты мне, чувак, не знаю почему. А то тут и поговорить бывает не с кем. Хэллоуин, хоть и наш чел, а все равно конторская крыса, без параграфа чихнуть не даст. Ему что в лоб, что по лбу. А

теперь еще и этот привязался, хуан несчастный. Будто без него проблем было мало.

— Какой «хуан»? Рамирес, что ли? — насторожился Майк. — А чего?

— Чего, чего... Будто не знаешь! Он же в нашу бригаду нарочно перевелся, чтоб жену одну не оставлять, когда Том в отпуске. Есть у него такой бзик, ага: думает, Том спит с его милашкой, пока он тут ей баксы заколачивает. Парни подшутили над ним, а он и полез в бутылку.

— Да ну? А это в самом деле так?

— Черт его знает... Они живут в одном квартале, а он, как любой латинос, первым делом попсихует, а потом уж думает. А иногда вообще не думает. Теперь вот перевелся к нам, поближе к Тому. Видел, как они друг на дружку глядят? Блин, дерьмо, куда только начальство смотрит... — Он вздохнул и покачал головой; косички его закачались. — Гнилая контора. Слушай, моряк, а ты-то как сюда нанялся?

— Друг порекомендовал.

— Хороший у тебя друг, — Уильям опять тряхнул головой, — а главное — добрый. Ты, парень, будь поосторожнее, это я тебе говорю: здесь только кажется, что тишь, да гладь, да божья благодать, на самом деле все со всеми на ножах. На Эда с Чарли не смотри: эти два парня голубее, чем небо в Калифорнии, один без другого спать не ложится... Что да, то да: есть у компании такой принцип — чтоб один другому спину, значит, прикрывал. Считается, что так они, парой, как бы работают надежней. Мне-то, конечно, похрен, но на всякий случай, если здесь задумаешь чего делать, мой тебе совет: спроси сперва меня. — Он посмотрел на часы. — Ну, ладно. Хорош болтать. Давай по последней и пойдем. А то Хэл снова пасть разявит...

Как будто услышав его слова, под потолком ожил динамик внутренней связи, и раздраженный голос Хэллоуина потребовал «всех младших техников» немедленно явиться к нему. Билл спрятал фляжку и вздохнул:

— Ну, что я говорил? Пошли, парень. Иначе Хэл нас по стенке размажет. Спасибо за компанию.

Майк встал и, на ходу распечатывая жвачку, двинулся вслед за Уильямом.

— Не за что, — сказал он.

Коридор был какой-то не такой. Все были искусственными, техногенными, обшитыми металлом или пла-

стиком, а этот словно был высечен в дикой скале, а может, так сам и образовался, разве что человек чуть-чуть помог. Роберт всмотрелся в глубину неосвещенного туннеля. Погасил проекторы и переключил камеры на инфракрасный. Помогло мало. В затопившем экран зеленоватым мерцании можно было разглядеть лишь дикий камень с косыми следами фрезы и ожогами от проходческого лазера. Спица радара задумчиво бегала по экрану. На экране рябило. Явной опасности не было. И все же Роберт чувствовал легкое беспокойство — предчувствие опытного игрока. Слишком уж удобное было место для засады. Слишком.

Он размял пальцы, с треском переклеил поплотней «липучки» на перчатках, похлопал на счастье левую коробочку ресивера и малым ходом двинул машину вперед. В подобных узких коридорах малогабаритный юркий «Волк» имел некоторое преимущество перед другими роботами. Вести огонь из движущейся машины все равно что палить с двух рук, сидя верхом на скачущей лошади. У «Волка» не было тяжелой брони и мощного оружия, но стрелять из больших пушек здесь было равносильно самоубийству, а исключительная плавность хода позволяла игроку больше уповать на точность прицела, чем на мощность лазеров и пушек. А мазал Роберт редко.

Шероховатости стены неспешно проплывали мимо. Ступоходы с легким шелестом крошили мелкий щебень, и Роберт уже слегка успокоился, когда вдруг ожил экран сообщений.

— Эй, на «Волке», — звонко прозвучало в наушниках. — Замри, где стоишь.

Роберт замер. Повращал головой. Врага по-прежнему не было видно.

— Ну стою, — хмуро сказал он. — Чего надо?

— Посмотреть на тебя хочу. Только не вздумай выкинуть чего-нибудь этакое... Хм... Ты парень или девчонка?

— А ты? — Роберт незаметно перенес вес машины на два левых ступохода, заблокировал левую перчатку и лихорадочно забегал пальцами по сим-стеку, включая один режим сканирования за другим. Коробка опять глючила. Наконец впереди что-то замаячило — так, не разбери-поймешь, расплывчатый силуэт, но это было лучше, чем ничего. Противник более-менее обозначился.

— Черт...

Что у него там? Генератор «Стелс»? В таком корпусе не поместится, даже если боезапас урезать вдвое. Тер-

мокамуфляж? Тоже вряд ли — он маскирует только оптику. Играется, зараза. Играется... Судя по габаритам, шутовина никак не меньше «Ящера». Но и не больше «Элефанта». Роберт сглотнул.

Подходящая ниша была справа и чуть позади. Слишком далеко, а если еще и пятиться...

— Чего ругаешься? — тем временем с усмешкой спросил его голос в наушниках.

— Язык прикусил.

— Ну, ну. Ври дальше. Ты из какого клана?

— Из «Техасских рейнджеров».

— Это где такие? — Голос в наушниках прозвучал удивленно.

— Где, где... — по-русски ответил Роберт и присовокупил русское же словечко, которое иногда слышал от отца в минуты раздражения.

— Что? — переспросил собеседник.

— В Техасе!!!

Роберт дернулся так, что смахнул со столика перед собой тарелку с поп-корном; белые комочки рассыпались по ковру. «Волк» отпрыгнул боком, одновременно сделав в воздухе переворот — трюк, которому Роберт научился чисто случайно и долго потом его репетировал. Одновременно с этим в темноту ушла ракета, ушла и взорвалась листочками фольги. Взрывная волна, как ладонь великана, подбросила «Волка» снизу. Любая другая машина, за исключением разве что «Пардуса», опрокинулась бы на спину, но «Степной волк» только покорежил антенну на башне и приземлился на свои обычные три точки. Стрейфом ушел за выступ скалы. Теперь противник тоже его не видел, ни на камере, ни на радаре. Дымный коридор запоздало исчертило трассерами — Роберт уже загнал машину в нишу и теперь выжидал.

— Эй, «Волчара»! — хрипнуло в наушниках. — Ты где? Найду — хуже будет!

Роберт не отозвался.

— Ну, ладно... Сам напросился.

Послышались шаги. Щебень тяжело похрустывал. «Не «Яшер», — решил про себя Роберт, весь внутренне собравшись для броска. Сердце билось как бешеное, язык пересох, точно драться приходилось в реале. — Точняк не «Яшер». Больше... Гораздо больше. «Акула» или «Старый Том». Вот же, блин, повезло!»

Как на грех, кассетные мины кончились. Для боя из засады не было ничего подходящего. В одном Роберту,

во всяком разе, действительно повезло: враг или не знал о нише, или позабыл о ней. Но и только.

Шаги приближались. Противник, по-прежнему невидимый, шел в абсолютной темноте, сканируя коридор.

В темноте... в темноте...

Роберт почувствовал, как на горизонте сознания забрезжила спасительная идея. Он торопливо заблокировал левый сим и, не включая огней, заранее вывел все прожектора на максимум.

«Только бы не «Том», — твердил он, молясь всем геймерским богам, — только бы не «Том». Замесит...»

«Акула» — быстрая, с четырьмя независимыми моторами машина, была вооружена по принципу «кашу маслом не испортишь»; любители пострелять издали чаще всего выбирали именно ее, пренебрегая бронированием в угоду дополнительным двум-трем тяжелым стволам. А вот против «Старого Тома» с его усиленной броней в ближней схватке у «Волка» не было никаких шансов.

Наконец мех показал из-за выступа скалы свое острое рыло и Роберт чуть не закричал от радости: это была «Акула».

Он врубил прожекторы и бросил «Волка» на таран из нижней стойки.

Моторы взвыли от перегрузки. Маневр, на удивление, удался — противник, хоть и ожидавший атаки, как-то упустил из виду нижнюю полусферу, а когда спохватился, приборы ночного видения уже были безнадежно засвечены. Сминая лобовую броню, Роберт ударил «Акулу» снизу и, когда в прицеле мелькнуло исцарапанное серое брюхо, в упор разрядил в него обе носовые пушки. В принципе, он успел сделать только два-три выстрела — отдачей от разрывов оба механизма отбросило друг от друга, но и этого хватило. «Акула» тут же выпала из камуфляжа в полный визуал и с лязгом грохнулась на землю, чудом не перевернувшись. Пилот, к его чести, сориентировался быстро — даже не пытаясь контратаковать, развернул машину и бросился наутек. «Акулы» вообще отличались слабой живучестью, но этой, видно, повезло — приволакивая задний ступоход, подранок метнулся в конусе прожектора и скрылся, прежде чем «Волк» успел дать второй залп. Роберт издал торжествующий клич и бросился вдогон.

Карты местности у него не было — сканер выдавал сплошное белое пятно. «Странно», — подумал Роберт и тут же об этом забыл, поглощенный азартом погони. То и дело

впереди поблескивал металл — «Акула» была быстроходнее, но повреждения уравнивали машины в скорости. Датчик перегрева пожелтел и медленно стал наливаться краснотой. «Волк» нагонял, но на дистанцию поражения выйти никак не мог — все время не хватало самой малости, жаль было, что кончились ракеты... Туннель сделал поворот, еще один, еще...

И Роберт понял, что влип.

Они стояли полукругом — пять машин, не считая побитой и юркнувшей под их прикрытие «Акулы»: побитый «Ящер» со следами многочисленных ремонтов, два «Ночных призрака», новехонький поджарый «Пардус» и тяжелый «Элефант» в грязно-зеленой термооптике. Очевидно, он-то и ставил помехи. Коридор здесь расширялся и вздымался куполом, образуя то ли зал, то ли арену. Роберт гулко сглотнул и остановил машину. Воцарилась тишина.

Шансов не было.

Никаких.

Роберт скользнул взглядом по экранам, по приборной панели и опустил глаза. Зарядов было — кот наплакал, броня «текла», датчик перегрева пульсировал красным. Что бежать, что драться — и то и другое было самоубийством.

Три недели псу под хвост. Двадцать уровней и — полная засада в никуда. Эти пятеро измолотят его так, что никакой ремонт не поможет. Придется снова начинать с нуля.

Роберт стиснул зубы.

— Ну хорошо, ребята, — медленно проговорил он, — типа, вы меня поймали. Кто первый?

«Ящер» шевельнул башней, словно бы говоря: «нет». Роберт с трудом удержался, чтобы не открыть огонь.

— А ты неплохо рубишься, приятель, — негромко и будто с ленцой вдруг прозвучало в наушниках. — Только вот какая фишка, чел: у одиночки в этой игре все равно нет шансов. Понял?

Роберт молчал.

— Так как? Сечешь поляну?

Роберт помолчал еще. Расправа, похоже, откладывалась.

— Секу, — наконец сказал он. — И что предложишь?

— Как насчет того, чтоб присоединиться к нам?

— А если я откажусь?

В наушниках хихикнули:

— Сам догадаешься, что будет, или подсказать?

Роберт не стал переспрашивать. И так было понятно, что выбора ему не оставили.

— Я согласен.

— Вот и хорошо. Только не вздумай шалить — ты у меня на прицеле, и у Тибби тоже. Меня звать Фишер, здесь все решаю я. У тебя рем-комплекты есть?

Роберт предпочел не врать:

— Есть.

— Сколько?

— Два.

— Отдай один Синди, — похоже, ты ее здорово побил. И давай катись к нам, не стой там, как тыква со свечкой. Только медленно! — опять смешок, — а то еще реактор с перегрева жажнет... Что-то еще хочешь сказать?

— Да, — ответил Роберт. — Зовите меня «Роб».

— А этот, русский, неплохо идет.

— С чего ты взял, Эд?

— Что взял? Что неплохо идет?

— Нет, что он русский.

— Ругается по-русски.

— А-а...

— «Ага». Подбрось-ка им бонусов.

— Это еще зачем? Подыграть решил?

— Ничего, им полезно. Сильная команда сбилась. Жаль будет, если скопытятся.

В ремонтном боксе было темно. В северном конце виднелась приоткрытая дверь, ведущая в нейтральную зону — идеально круглый зал с нишами вдоль стен. Ряд боевых машин смотрелся как ангар инопланетной техники из фантастического фильма. Майк уже несколько раз ловил себя на чувстве не реальности происходящего. В воздухе витали остывшие запахи окалины и подгорелой трансформаторной обмотки. Было холодно и очень неуютно.

— Слушай, Билл, — окликнул он напарника.

Тот на тележке выдвинулся из-под брюха машины. В руках его был гаечный ключ.

— Чего тебе?

— Ты никогда не задумывался, почему они никогда не сражаются здесь?

— Где?

— Ну, в этом своем... отстойнике.

— Хрен его знает. — Билл пожал плечами и, засучив ноги, пошел обратно. — Не дерутся, и все. Наверное, в программу что-то встроено. Или в потолке там где-нибудь генераторы помех установлены. Я не знаю. А что?

— Ничего. Просто интересно. А то мне как-то не по себе. Все время кажется — вот войду в рем-бокс, а оно на меня как бросится или, не дай бог, пальнет из чего-нибудь.

— Да вроде не должно... Черт, как гайку-то прижарило! Давно такого не видал. Не дно, а стейк какой-то. Не иначе, прямое попадание. Удивительно, что она вообще своим ходом сюда добралась.

— Резать будешь?

— Думаю, не стоит. Лучше весь блок заменить.

— Днище, что ли? — засомневался Майк. — А у парня хватит бонусов?

— Не знаю. Проверь. А впрочем, не надо, чего там: война все спишет. — Ключ звякнул о бетонный пол. — Что я, идиот, по ихнему, — над гайками горбатиться? Если есть охота, пусть потом на складе сами размонтируют, им все равно делать нечего. Давай кати сюда поддон от «Акулы», — это на восьмой стойке, вон тот гроб... ага. И ступоход тоже за...

Он не договорил — так и застыл с раскрытым ртом, ибо стоявшая у самого выхода машина — основательно побитый серый «Пардус», вдруг пришла в движение; шарниры лязгнули, тупорылый корпус хищно подался вперед.

Майк замер на месте и пошел мурашками, Билл выпучил глаза, физиономия его мгновенно посерела. Еще бы! В любую секунду могла раздаться пулеметная очередь — с машины не успели еще снять боезапас. Этого не могло быть, потому что этого не могло быть! Оба механика заворуженно смотрели, как башня медленно начала поворачиваться...

...А в следующий миг внутри машины что-то лопнуло. Изпод стального брюха на пол хлынула темная струя машинного масла. Картина возникла самая неприличная. Зашипело. Сочленения машины подломились, и боевой механизм с грохотом завалился набок. Воцарилась тишина. «Пардус» не двигался. Из раскуроченного ступохода толчками вытекало масло.

— Все. Хана гидравлике, — констатировал Майк и гулко сплотнул. Руки его тряслись.

— Фу-ты! — с облегчением выдохнул Билл. — Вот же, твою мать! Дерьмо святое, вот же ведь, а?! Я уж черт-

те что подумал, думал, вдруг защита сбойнула или хакер пробились, а всего-то...

— А она может сбойнуть? — насторожился Майк.

— Кто?

— Защита.

— А я знаю?!

Билл медленно, не сводя взгляда с упавшей машины, выбрался из-под брюха «Акулы». Посмотрел на Майка, на гаечный ключ в своей руке и вытер выступивший пот.

— Да... — сказал он. — Знаешь, Майк, пошли-ка лучше-ка покурим, посидим. А то чего-то мне не по себе. Я там сейчас такого с перепугу навинчу...

— Да ладно уж, — вздохнул тот, — кури здесь, чего там...

Некоторое время оба молча дымили, укрывшись в закутке от камер слежения и не сводя взгляда с искореженной машины. От дыма полегчало. «Пардус» оставался недвижим, но после всего произошедшего покоя не было: чувствовалось в нем что-то затаенное, живое, как в том хищнике, которого ухлопали в момент последнего броска, когда охотникам уже понятно, что это — все, конец сафари, совсем все, а подойти все равно еще боязно.

— Как думаешь, мы тут одни так корячимся в этих дурацких коридорах?

Уильям пожал плечами:

— Черт его знает. Вряд ли. Я работал только здесь, но думаю, у нас по всей стране такие сервера. Даже в Канаде частично есть, а уж на Аляске... А тебе не все равно?

— Да в общем, как бы да, — нехотя согласился Майк. — Только все равно интересно.

Уильям искоса посмотрел на него из-под завесы растаманских косичек. Усмехнулся и отвел взгляд.

— Любопытные вы все-таки люди, русские, — сказал он. — Как кошки, только жизнь одна. Я к вам в Россию ездил в две тыщи десятом, повидал там всякой всячины. Мавзолей ваш видел, Кремль... Знаешь, Майк, какая у вас, у русских, главная беда?

— Да что ты мне все «там» да «у вас»? — нервно огрызнулся тот. — Я в России-то и не был никогда... А что за беда?

— А такая: вы не можете пройти спокойно мимо чего-нибудь, чтоб просто так: пройти, и все. Вы как дети — все вам надо разломать, разбить, порвать, разделить пополам, уронить. От этого у вас все беды. Туристы приехали?

Бей туристов! А чего они тут разъездились? Забор стоит? Повалить забор! А чего он стоит? Водка появилась? Выжрать водку! А чего она, водка? И во всем вы так. Я там в автобусе видел: висят на стене держатели для молотков, ну, чтобы в случае чего стекло разбить. Держатели висят, а ни одного молотка нет. Я сперва подумал — сперли, а водитель мне и говорит: не, говорит, не сперли, это мы сами сняли, а то, если оставить, непременно кто-нибудь возьмет и вышибет на хрен это долбаное стекло. А чего? Ведь для чего-то же он висит там, этот молоток! Вот. А в другом автобусе вообще написано: «При аварии выдернуть шнур, выдавить стекло». А шнур этот с кольцом — с той стороны стекла, снаружи! Вот так у вас все и есть. Или молотка нет, или шнур снаружи. Или я неправду говорю?

— Да-а, — задумчиво протянул Майк, не зная, что и сказать на это, — да-а...

И умолк.

— А полигоны вроде этого, они везде есть, — философски продолжал меж тем его напарник. — Думаешь, одни мы такие умные, думаешь, только Штаты этим балуются? Ха! Дудки. У всех они есть. У бундасов, у англичан, у японцев, не говоря уж о Советях. У китайцев тоже есть. У них там на Тайване — ну, они же с ним теперь опять одно? — так вот, у них там около Тайваня есть остров такой охрененный в проливе, так он ходами изнутри насквозь ископан, ну чисто сыр голландский. Это когда там чанкайшисты к штурму готовились, еще тогда укреплений накопили. У них, как всегда, все с размахом, уж если начали играть, так не остановишь. Азия... Весь народ оттуда выселили, сейчас там офигительная боевая зона — на пол-острова. Китайчата в свои «Катакомбы» режутся, «Драконы подземелий» называются, они там все на драконах помешаны. Техника у них, конечно, дрянь, зато народу-у... — Уильям безнадежно помотал головой в попытке подыскать сравнение, затянулся в последний раз и загасил окуроч.

— А об этом-то ты откуда знаешь? — удивился Майк.

— Слышал, — уклончиво ответил тот. — Ну что, пошли, что ли? Ты как там? Все о'кей? Руки не дрожат, нет? А то смотри...

— Я в порядке.

— Тогда пошли. А то Хэл... Пошли, в общем.

— Тебя как зовут?

Свет фар скользил по стенам, оставляя слабые фосфоресцирующие следы — наверное, в краску был добавлен люминофор. Два робота неспешным шагом двигались

по полукруглому туннелю; оба — легкие разведчики, «Степной волк» и «Акула». Тут и там сверху свисали какие-то шланги, кабели, обрывки ржавых цепей, перекрученные листы железа, из-под которых кое-где проглядывала дикая порода. Плиты потолка смыкались криво и неровно, будто их укладывали второпях. Пол был сухой и чистый — ни камней, ни луж, ни старых рельсов. Ничего. Говорить не хотелось.

Тем не менее напарница, похоже, не желала отступать.

— Эй, «Волк», у тебя там радио в порядке? Постучи по шлему. Ты меня как, хорошо слышишь?

— Слышу, — отозвался Роберт. — Я ж уже назвался: Роб. Чего еще-то?

— Ну, это ник. А на самом деле?

— Зачем тебе?

— Ну... просто. Если стесняешься, то у меня приват-канал.

— Лучше по сторонам поглядывай, — уходя от темы, съехал на грубость Роберт. — Выскочит кто — костей не соберем... Что там у тебя на радаре?

— Задавака... — фыркнула та и через пару секунд сообщила: — У меня все чисто. Можно звать остальных.

— Подождем пока.

Некоторое время они двигались молча. Роберт изредка косился на машину напарницы. Надо же, девчонка, а гоняет в шутер. Не в «Семейку Льюис» гамится, не в какой-нибудь там симулятор «Дитя неожиданности», а стреляет, бегаёт, сражается... И неплохо сражается, между прочим. А может, притворяется? Может, это вообще не девчонка, а парень? А что, бывает... Хотя нет, не похоже — голос звонкий, молодой, с девчачьим писком, настоящий, наверняка без преобразователя. Да и дуется все время, и любопытная, как все девчонки... Да нет, определенно девка. Странная, но и только.

— Слышь, Синди, — окликнул ее Роберт, — а ты вообще зачем здесь играешь?

«Акула» замедлила шаг:

— Не поняла...

— Чего тут непонятного? Еще скажи, что тебе стрелять и бегать нравится. Я до тебя вообще девчонок в «Катакомбах» не встречал.

Та как будто задумалась.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Нравится мне как-то. Здесь я не такая, как всегда. Здесь все не такие, как в жизни. Здесь никого не интересуется, кто ты, как ты

выглядишь, откуда, сколько тебе лет. Здесь всех интересует только, сильнее ты или слабее, что ты за боец, а не какая у тебя мордаха, ноги или задница. Здесь настоящая свобода, здесь все равны.

— Равны... — хмыкнул Роберт. — Свобода... Чего тебе в жизни-то мешает с другими равняться? Ты что, афро, что ли?

Ответа не последовало — девочка умолкла и на этот раз молчала так долго, что Роберт, грешным делом, подумал, будто она оскорбилась.

— Эй, ты чего? — не выдержал наконец он. — Ты обиделась, что ли? Синди! Ну?

— Меня зовут не Синди, — сдавленно отозвалась та вместо ответа, — а Синтия Чистая Вода. Что здесь имя, а что ник, я не знаю. Я — навахо.

— Ё... — не сдержался Роберт. — Вот это да! Правда, что ли?

— Правда, черт бы тебя побрал. А теперь, белый мальчик, отвали.

— погоди, не отключайся! — заторопился Роберт. — Ну чего ты! Я же не хотел, просто вырвалось. Я в самом деле Роберт, правда. Роберт Северцев.

— Китаец, что ли? — заинтересовалась та.

— Русский. В смысле, папка у меня был русский. И дед... А что?

— Никогда не встречала русского.

— А я индейцев никогда не встречал, — признался Роберт и почувствовал, что краснеет самым глупым образом. Хорошо, что хоть напарница не видит. — Значит, мир?

— Да ладно... А сколько тебе?

— Пятнадцать... скоро будет.

— А мне двенадцать.

— Не может быть! — опять невольно вырвалось у Роберта.

— Может, может, — ворчливо отозвалась та. — Я бы вообще тебя не спросила ни о чем, мне просто интересно стало. Ты вообще первый, кто сумел меня так лихо побить. Я ж тогда едва не вылетела! До сих пор мурашки, если вспомню. Мне даже бонусов не хватило для починки.

— Да ладно, я сам со страху чуть не очоурился... А у тебя где компьютер стоит? В вигваме?

— В доме, дурак! У нас дом в Аризоне. А компьютер у меня, между прочим, старый, я еще с клавиатуры играю.

— А-а, — понимающе протянул Роберт. — Вон что.

462 Заметно. Ты с атакой чуть-чуть запаздываешь. Я тогда

еще удивился, как так: «Акула», а от залпа увернуться не смогла.

— Вот гад, а! — утрюмо восхитилась та. — Да ты же мне в упор... А у тебя сим-стик?

— Ага... И перчатки. Только левая барахлит.

Оба посмотрели на приборные панели и одновременно оставались. Двум машинам, оказалось, тоже понадобилось отдышаться: датчики перегрева у обоих предостерегающе желтели.

— Постоим? А то несемся как мустанги.

— Давай, — согласился Роберт и огляделся. — А тихо тут. И света нет. Дикий какой-то туннель.

— А! И ты заметил, как здесь все реально?

— В смысле? — не понял тот. — Что «реально»?

— Ну, по-настоящему, — терпеливо пояснила та. — Обычно ведь в таких играх все из элементов состоит: из кубиков, из блоков, секций там разных...

— И тут так, — несколько неуверенно заметил Роберт.

— До двадцатых уровней, — сказала Синди. — А после сразу поменялось.

— Ну?

— Ага. Перекрытия, люки, телекамеры эти, двери, лифты... мусор на полу, обломки... Вроде будто ничего особенного, но я заметила. Мы, навахо, очень наблюдательные. — В голосе ее послышались хвастливые нотки, она помолчала и, словно извиняясь, добавила: — Может быть, мне потому нравится играть во все это, что навахо всегда много воевали.

— А другие индейцы, что ли, не воевали?

— Другие тоже, но не так, — уклончиво ответила та. — А навахо даже во Вторую мировую в армии шифровальщиками работали. Все донесения на передовой переводились на язык навахо.

— Зачем?

— Вот чудак! Затем, что среди немцев и японцев точно не было навахо!

— А ты, значит, хочешь быть как они?

— Хочу, не хочу, какая разница? — окрысилась та. — Все равно делать нечего. Что мне делать, чем еще заняться? Жрать пейот батон за батоном? Корзинки плести? Одеяла вышивать на сувениры? Растить маис, как старшие братья? Так мне рано еще. Это мохавки по небоскрегам скачут, им хорошо — они высоты не боятся. А ты видел хоть одного индейца в сенате? Или индейца-космонавта? Или, может, для нас

особые игрушки должны делать? Мы и так живем, как в музее, так даже и там жить не дают. Прогресс, кричат, прогресс! Ага, прогресс... Прогресс уничтожил нас, похерил нашу культуру, превратил нас в машины. Я вот думаю иногда: эх, нам бы в ТЕ времена такие штуки, хотя бы парочку дерьмовых «Пардусов», мы б тогда этих белых ублюдков с их кораблями... а, чего там. Тебе не понять. Даже жаль бывает, что они, эти роботы, не настоящие.

Она умолкла. Роберт тоже помолчал, слегка ошеломленный этим неожиданным напором.

— Синди...

— Что?

— А можно я буду звать тебя — Чистая Вода?

— Зачем тебе?

— Ну... Это как-то здорово так... По-индейски.

— А мне тогда можно звать тебя — Северцев?

Фамилия девчонке совершенно не далась, у нее получилось что-то вроде: «Сэфертсеф». В ее исполнении это прозвучало даже красиво, но Роберту все равно понравилось.

— Лучше не надо, — уклончиво сказал он.

— Почему? — удивилась та. — Это же по-русски.

— Это — не по-русски, — отрезал тот.

— Тогда и ты не зови!

— Ну и пожалуйста, не буду. Очень надо!

— Сам дурак!

Из-за поворота совсем рядом вдруг послышался слабый шорох камней. Роберт, скорее машинально, чем осмысленно, глянул краем глаза на радар и окаменел при виде приближающихся красных точек — словно дюжина крысиных глазок смыкали полукруг.

А потом рванул машину задним ходом.

— Синди!!!

Рыжая резиновая груша шикнула в последний раз, доктор Белл сосредоточенно посмотрел на дисплей тонометра, некоторое время так же внимательно слушал пульс, затем вздохнул и отпустил вентиль клапана, ослабляя манжету. Выпускаемый воздух облегченно зашипел.

— Сто тридцать на восемьдесят, — сказал он. — Для вашего возраста — абсолютно нормальное давление. Может быть, чуть выше нормы: под землей это бывает. Может, вы переволновались или кофе перепили. Пили кофе по до-

роге ко мне? — бросил он на Майку взгляд поверх очков. — Впрочем, не важно. Для некоторых это даже норма. Так что я не вижу никаких оснований для беспокойства.

Он развернул компьютер дисплеем к себе и что-то быстро отстучал на клавишах. Удовлетворенно кивнул:

— Ну вот, я же говорю — никаких оснований для беспокойства. Записи в порядке, медосмотр не выявил патологий... В общем, все о'кей.

Майк задумчиво раскатывал обратно клетчатый рукав рубашки. Доктор тем временем копался в своих запасах — неторопливо извлекал из шкафчика пузырьки и баночки, читал этикетки и так же неторопливо ставил обратно.

— Я дам вам витамины и успокоительное, — говорил он, пока из принтера выползал листок бумаги с рецептурой. — Будете принимать три раза в день. Постарайтесь не увлекаться крепким кофе и стимуляторами. Пьете?

— Кофе?

— Спиртное.

— Откуда вы... Гм! Откуда ему тут взяться?

— Угу... — Доктор расписался на рецепте. — Под землей организм испытывает дефицит солнечного света, от этого волнение, авитаминоз, особенно в первые недели... Организм переключается в «аварийный» режим. Работали раньше под землей?

— Нет.

— А под водой?

— Слава богу, не пришлось, — невольно улыбнулся Майк. — Послушайте, док...

— Забавно, не находите? — Доктор уже уселся обратно за стол и сейчас укладывал в коробочку тонометр. — С генами вовсю работаем, вот-вот клонирование разрешат, диагноз больному можно по Интернету поставить, руку отрезанную обратно пришить... А давление меряем, как двести лет назад. Та же груша да манжета, разве что дисплей стал цифровой.

— А эта... Трубка эта ваша еще. — Майк указал и сморщил лоб, припоминая название. — Стетò... стетоскоп?

— *Фонендоскоп*, — с улыбкой поправил его доктор. — Нет, просто у меня привычка с ним не расставаться, не обращайтесь внимания. Для любого врача полезнейшая вещь. Хотя на самом деле сегодня измерить давление спокойно можно и без него. По крайней мере хорошо, хоть времена рукописных рецептов отошли в прошлое: у меня ужасный почерк. Держите.

Майк принял пару пластиковых баночек, упаковку зеленых капсул и бумажку. Помедлил:

— По правде говоря, док, я совсем не за этим к вам пришел. Хотя все равно спасибо.

— Вот как? Интересно. А зачем же? Вас что-то тревожит?

— Нет. То есть да. Мне не нравится вся эта затея с роботами, но не в этом дело. Вы не замечали, как все это на нас давит? Особенно на этих... на Рамиреса с Томасом. Вы знаете, что они друг дружку ненавидят? По крайней мере первый — второго.

— С чего вы взяли?

— Так... — неопределенно пожал плечами тот. — Говорят. Да и потом, ведь это и так видно.

— А почему вы... э-э-э... решили заговорить об этом со мной только сейчас?

— Ну... Я как-то не решался. Мне подумалось, что мы все тут под стрессом, у всех нервишки сбоят. А тут еще это... Думал потолковать с Хэлом, но тот сказал, чтоб я занимался своим делом и не совал нос, куда не просят. А кто, кроме него, еще реально может что-то с этим сделать? Вроде только вы, если не считать охраны наверху, но к ним же незаметно не пойдешь. Да и с вами я могу поговорить без свидетелей только тут.

Доктор Белл откинулся в кресле и повертел в руках карандаш:

— Станный вы народ, русские. Вечно у вас все под подозрением... Или вы поляк?

— Н-нет, я из русских иммигрантов. Я даже не еврей.

— Извините, если обидел. Но все-таки странно. Никто, кроме вас, не обеспокоился. А между тем кое в чем вы правы. Я уже обратил на эту парочку внимание.

— Его жена...

— Я в курсе дела. Мне кажется, наверху хотели этим переводом немного разрядить обстановку, но, как всегда, переусердствовали. Не надо было их назначать в одну бригаду, достаточно просто поставить так, чтоб их рабочие смены совпадали по графику. Но там не захотели возиться и предпочли решение попроще. К тому же господин Риверс уверен в своем авторитете и поручился за порядок в своей бригаде.

— Риверс? — не понял Майк.

— Хэл.

— Ага...

— Несчастных случаев в его бригаде до сих пор еще не было. Тем не менее спасибо. Я учту ваше мнение в своей докладной.

— Не за что, — кивнул Майк и встал, распахивая лекарства по карманам. — Только мне неудобно как-то. Вам не кажется, док, что я на них тут это, как это... «стучу»?

— О нет. В конце концов, это мое дело — выслушивать, кто на что жалуется. Не так ли? Ведь священника, как в армии, здесь не положено.

Майк смерил дока Ларса встречным взглядом. Станный он все-таки тип, этот доктор. Вдруг он из ФБР? А что, вполне может быть. Должен же на такой базе быть наблюдатель из верхов? Должен. Где-нибудь внутри коллектива. Да и сам по себе он какой-то не такой, как все. Взять, к примеру, эти его очки, которые он носит, может, для солидности, а может, просто из чудаковатости. Это в наше-то время!

«Вечно у вас все под подозрением»...

— Док, почему вы в очках?

Тот поднял голову:

— Не понял?..

— Ну, зачем они вам? Можно же сделать операцию или линзы носить. Почему очки?

— Ах, вы об этом... У меня глаза не переносят линз. А операцию я просто делать не хочу. К тому же статистика показывает, что докторам в очках у пациентов веры больше. Такая, знаете ли, наблюдается тенденция. М-да. В очках — значит, старый, значит, опытный...

— А сколько вам лет, если не секрет?

— Тридцать шесть. А что?

— Так, ничего, — сказал Майк. — Ну, я пойду.

— Заходите еще, если будет что-то беспокоить.

Доктор был сама любезность.

— Зайду непременно, — сухо ответил Северцев и закрыл за собою дверь медкабинета.

— Привет, вояка! Как дела? Не затрахался еще машины гробить?

На Ральфе были: а) зеленые шорты до колен с оборванными карманами и голограммой на отвислом заду, б) бейсболка с утиным козырьком и логотипом «Нью-Йорк Янкиз», с) оранжевая футболка с ананасами и d) новые кроссовки с лазерной подсветкой. Кроссовки были — зашибись: при

каждом шаге из-под пяток словно бы сверкали маленькие молнии, в первое мгновение Роберт даже испугался, что сейчас под ним загорится ковер. Все вместе, однако, не катило. На грейве, может, и сошло бы, но не здесь. Впрочем, Ральф выглядел довольным, словно анаконда, проглотившая быка.

— Дела нормально, — кивнул Роберт, покосившись на часы. — Через час выходим.

— Куда «выходим»? — не понял тот.

— В катакомбы.

— А-а... А почему «выходим»?

— Я ж теперь в команде. Вот такие ребята.

Большим пальцем Боб показал, какие именно ребята.

— Как — в команде? — Ральф на мгновение даже завис над креслом, потом все же плюхнулся в мягкую глубину. — Я думал, ты всегда дерешься в одиночку.

— Я тоже так думал. — Роберт вздохнул. — Меня подловили, пришлось соглашаться. Да ладно, я не жалею. А я с девчонкой познакомился.

— Красивая? — оживился тот.

— Не знаю, я по чату.

— Блин! Ну ты даешь. А ты что, в нее влюбился?

— С ума сошел? Ей всего двенадцать.

— А-а... Ну и что?

— Да в общем, ничего, — пожал плечами Роберт. — Она в моей команде гамится. Точней, мы оба в одной команде. Прикидываешь, мы вчера в засаду с ней попали, еле отмахались, такая кодла привалила. Хорошо, наши вовремя подошли.

— Ты прямо как на войне, — хмыкнул Ральф. Стянул бейсболку и примостил ее на ободранной коленке, потом передумал и бросил на стол. — Может, включишь сегодня пораньше? Больно посмотреть охота.

— Ну-у. — Роберт неопределенно покрутил носом. — Мама запрещает играть больше трех часов. Ну разве только пять минут, чтобы машину в бокс загнать.

— Ну... Тогда пошли на кухню, что ли. Перекусим что-нибудь. А?

— Ну, можно... — Роберт заколебался, потом решился: — А, была не была. Давай включим. Авось не заметит.

Экран вспыхнул и развернулся, поступил запрос на расконсервацию. Роберт дал согласие, ввел код доступа и принялся натягивать перчатки. Подвел машину к выходу из терминала. В левом верхнем углу приборного экрана танцевали

циферки обратного отсчета. Дошли до нуля, на мгновение будто замешкались и пошли «в минуса».

— Что-то медленно сегодня, — вслух посетовал Роберт. — А, вот, сдвинулось. Приготовились... Пошли!

Бронированная стенка скользнула вверх, Роберт уже привычным боковым маневром вывел машину в коридор, проверил радар, услышал, как позади в кресле изумленно крикнул Ральф, поднял глаза на экран и ахнул:

— Человек!

Двуногая фигура в оранжевом комбезе заметалась в свете прожектора.

— Вот ни фига себе! — вскричал обрадованно Ральф. — Я ж говорил, должны быть монстры, а ты: «Роботы, роботы»... Мочи его, мочи! А то уйдет!

Окровавленное тело охранника распласталось возле двери лифта. Майк вздрогнул и невольно сдал назад: это был тот самый парень, что сканировал ему ладони и сетчатку. В руке его все еще был пистолет. Майк наклонился, вывернул оружие из мертвых пальцев и застонал от злости, ощутив, как «поехала» под пальцами расколотая рукоять: «Глок»! Твою мать, «Глок»! Ну «OMG», ну жадюги чертовы. Радели они о своих сотрудниках, как же... Даже на экипировку для охраны денег пожалели! В стране Смита и Вессона, в стране Кольта — поганая голландская штамповка из металлокерамики, — только уронили на бетон, корпус уже и треснул. Майк повертел пистолет в руках. Дрянь дело. Стрелять из такого все равно что с гранатой играть. Впрочем, подумалось ему, на те штуки из катакомб нужен не пистолет, а по меньшей мере безоткатка.

Он выщелкнул обойму. Передернул ствол. Желтоватый патрон вылетел и глухо стукнул о конторку. Ага: четыре и один в стволе. Итого пять. Пользы от них сейчас, как от бабских тампонов, но вдруг попадется пистолет поцелее. Хотя... может, и этот сгодится. Майк перевернул пару столов, пошарил в ящиках, нашел слегка оплавившуюся бобину скотча, обмотал им треснувшую пистолетную рукоять, вставил обратно обойму и сунул изувеченный ствол в карман. Двинулся к лифту.

Искореженные дверцы замерли, не закончив движения. Рухнувшая кабинка раскосо застряла возле самого выхода, рядом валяются оба противовеса. Внутри пусто. Повсюду на стенах следы ожогов и пробойны от пуль, дюраль погнулся, пластик треснул и обуглился, пахнет дымом и горелой

изоляция. Майк осторожно просунул голову внутрь и посмотрел вверх. В проеме раскуроченного потолка виднелась уходящая вверх лифтовая шахта, в которой уныло качались обрывки тросов. Все, что могло ломаться, было сломано. Сверху тянуло пылью и горячим запахом пустыни. Майк выругался, плюнул и закашлялся.

— Пыль, — пробормотал он и утерся рукавом. — Пыль на ветру... Проклятие...

Невыносимо ныли ребра и нижняя челюсть, саднило прикусенный язык. Хотелось пить.

Гроза грянула после обеда, неожиданно, как аризонский смерч. Беды ничто не предвещало. В северном туннеле на четвертом ярусе перемкнуло кабели, — должно быть, кто-нибудь из игроков случайно раздолбал защитную бронеплиту. Ничего необычного: бывало и раньше. Правда, в этот раз весь сектор лишился освещения и выпал из слежения. Но ситуация была вполне штатная. Операторы спокойно выждали момент, когда в зоне боя никого не было, и перекрыли аварийный участок. Хэл отрядил для ремонта Томаса и Уильяма, последний сказался больным и слинял к доку в лазарет, и Хэллоуин послал вместо него Рамиреса. Спустя минут примерно десять вдруг пришел сигнал тревоги с наблюдательного поста, зазвенели звонки, началась беготня, потом был грохот, после которого Майк уже ничего не помнил: дверь в боевой коридор, задраенная наглухо, вдруг вспухла как пузырь с той стороны, швы разошлись, петли начали трещать, и Майк очертя голову бросился наутек. Дальше память сохранила только чей-то крик, грохочущие позади выстрелы и взрывы и его полет навстречу опрокинутому креслу.

Под этим креслом он и пришел в себя. Было тихо. В комнате царил разгром. Мигало красным аварийное освещение. Что и как произошло и кто был во всем виноват, оставалось только гадать, но в одном у Майка не было сомнений: проклятые машины каким-то образом умудрились вырваться на волю.

Там-то, в коридоре возле лифта, и отыскался охранник, тот самый, мертвый. Но и только. Больше людей поблизости не было. Успели убратся или?..

Майк прошел через зал мимо черного пятна на полу, мимо раздавленных столиков с пижонскими футуристически изогнутыми хромированными ножками, миновал разбитый кофейный автомат, дважды повернул к техническому сектору и тут же понял, холодея сердцем: нету никаких «успе-

ли», одно сплошное «или». Три лежащих тела. Первым — Хэл с разбитой головой и косым пунктиром из багряных клякс поперек груди, где вышли пули; мертв безнадежно, первой же очередью наповал. Остекленевшие глаза бездумно таращатся в потолок, рот приоткрылся, сходство со всесвятской тыквой стало пугающим. Следом на зеленом ковролине маячит белой шевелюрой Бак, техник-транспортировщик («За остальное нам не платят»). Третье тело, изуродованное взрывом, опознать непросто, разве только по зубным коронкам. Это с равной вероятностью мог быть как второй техник, так и один из наблюдателей, а то и вообще сам Рамирес. Ясно было только, что это не Уильям — кожа слишком светлая. И не док — слишком худой для дока. А кстати, посетила Майка неожиданная мысль, неплохо бы проверить лазарет — вдруг там кто уцелел.

Он выглянул из-за угла: никого. Снял пистолет с предохранителя. Осторожно, шаг за шагом двинулся вперед. Под ногами хрустел битый пластик с плафонов.

— Есть тут кто? — вполголоса окликнул Майк.

Тишина, треск перебитой проводки и запах дыма.

Он доковылял до медицинского блока, осторожно толкнул стеклянную дверь с зеленым «пауком». Вновь тишина и темнота, острый запах свежей крови, спирта и медикаментов. Майк прошел внутрь, нашарил настольную лампу и шелкнул выключателем.

Опустил пистолет.

— Твою мать...

Безжизненное тело дока Ларса обмякло на стуле, свесив руки, как резиновая кукла, наряженная в костюм и испачканный белый халат. Аккуратная дыра во лбу скорее всего была выжжена лазером. Похоже, он не мучился: мозги вскипели моментально, даже черепные швы разошлись. Стол и стена позади него были забрызганы кровью. Если не считать этого и опрокинутого швафа, лазарет почти не пострадал.

Майк прислонился к стене. Ему стало дурно.

Сколько он так простоял, он не смог бы потом сказать. Минут пять, может быть, десять. А быть может, и все полчаса. В голове была пустота. Тупая ноющая боль постепенно спускалась от груди вниз, к пояснице, видно, что-то он себе таки отбил во время своего памятного полета. Впрочем, грех жаловаться, грустно усмехнулся он, как-никак это кресло спасло ему жизнь. Наверняка из-за него пилоты боевых машин приняли его за труп и не стали достреливать.

— Зомби, — выругался он, сжимая крепче рукоятку пистолета. — Зомби...

Перебрал пакеты и рассыпанные ампулы. Нашел и ввел себе ультракаин под ребра; малость полетчало. Поразмыслил, не вкатить ли заодно заморозку и в челюсть, но раздумал — боль была вполне терпимой, а язык и так едва шевелился. Вышел в коридор.

И тут вдруг грохнуло. Плафон над головой лопнул, на голову Майку посыпалось стекло. Тот машинально рухнул на спину, шарахнулся назад. Упал, отполз на четвереньках и замер, спрятавшись под стол и тяжело дыша. Пистолет сам собой оказался в руках, испачканная кровью рукоятка заскользила в ладонях.

— Майк? — тем временем неуверенно послышалось из коридора. — Господи, Майк! Это ты? Это и вправду ты?

— Я, чтоб тебе провалиться! — крикнул тот в ответ. — Какого черта?..

— Господи, Майк! — В двери замаячил силуэт человека. — Не стреляй, парниша! Слышишь? Это я. Ради бога прости — я подумал, что ты одна из этих железяк. Это я, я. Билли.

Весь перепачканный докторской кровью и злой как черт, Северцев вышел в коридор.

— С ума сошел, скотина растаманская? Чего палишь? Всю шею мне стеклом изрезал... Ты техник или хрен собачий? Думаешь, такую дуру пулей остановишь?

Уильям повесил патлатую голову. Руки его тряслись. Он вытер нос тыльной стороной ладони и озадаченно уставился на зажатый в руке пистолет. Ствол еще дымился.

— Не знаю, чувак, — признался он. — Я правда не канаю, что на меня нашло. Ты же видел, что творится? Все убиты. Все! Хэл, док, охранники, Эд, Чарли... Весь командный пост разгромлен. Ну перемкнуло меня просто!

— Не ори. Как тебе удалось уцелеть?

— Сам не пойму. Я в раздевалке был. А там шкафы...

— Опять сосал бутылку?

— Брось, чувак, — устало отмахнулся тот. — Теперь-то что за дело? Мне эта бутылка, не иначе, жизнь спасла. Я же в шкаф залез, в подсобку, туда, где швабры-ведра. А они, прикинь, не стали проверять. Все личные шкафы проверили, все двери отломали, раскурочили, как банки от сардин, а в кладовую не полезли. Улавливаешь суть? Ага. Закон игры,

чувак, сам знаешь — все ценное хранится только в запертых шкафах.

— Игроки, м-мать... — сквозь зубы выругался Северцев. — Где пистолет взял? У охранника?

— Угу. Ему он больше ни к чему. Что делать-то теперь будем, а, моряк? Идеи есть?

Майк огляделся. Беспользый жест. В одну сторону коридор, в другую — коридор. Упавший лифт и никаких ступенек, разве только до тросов допрыгнуть. Полная секретность. Заперты не хуже, чем селедки в банке.

— Ты в вентиляции сечешь?

— Не, чувак. — Порядком перепачканные дрэды Билли отрицательно качнулись. — Не секу. Это Рамирес был у нас спецом в воздуходувке. Да и то ни разу ничего такого не потребовалось.

Майк устало сел на стол. Провел ладонью по лицу. Потряс головой.

— Слушай, Билл, а что вообще произошло?

Тот развел руками:

— Чел, я в натуре не знаю. Скорее всего зомбики забили Тома и взломали дверь.

— Пусть так... Но кто их запустил в закрытый сектор?

— Мыслю так, что наш хуан таки не выдержал и Тома бортанул. Может, они разругались вконец, а может, Том случайно ляпнул что-нибудь, а тот не понял. Эд и Чарли, может, что и видели, да разве их сейчас спросишь... Разве только запись посмотреть. Если она, конечно, была, эта долбаная запись. А вообще, они все записывали.

— М-да...

— Как выбираться будем? — проявил практичность Уильям. — Если аварийный выход есть, то я не знаю, где он. Смена через полторы недели, а снаружи сто сорок миль пустыни в каждую сторону. Без провианта загнемся. У меня из жратвы только виски, да и то на донышке. А еще зомбики... Зачистить зачистили, так ведь все равно вернуться могут.

— Нужно посмотреть, какая-то еда должна была остаться в столовой. Потом, нам нужны инструменты, оружие, какой-нибудь детектор движения... Черт, да хоть что-нибудь! Нам надо в ремонтные боксы.

— С ума сошел? Это же рядом с игровой, все двери сломаны. Не-е, я туда не пойду... А если нас там засекут?

— Там блок, нельзя вести огонь. Аварийное питание должно держать систему... Свет, кондиционер и это... это самое. Там ручное управление, противовесы... Если сумеем заблокировать двери, продержимся до подхода техников: связи нет, в компании уже должны забеспокоиться. В общем, надо идти.

Он встал и тотчас же услышал, как далеко отсюда грохотнул металл.

Уильям тоже вскочил. Кожа его посерела.

— Что это?

— Тихо!

— Срань господня, Майк, это они!..

— Заткнись! Черт тебя дернул выстрелить...

— Откуда они идут?

Майк лег, сжимая в потных руках пистолет, и прижался ухом к полу, силясь разобрать, кто приближается. Шорох. Тихий скрежет. Сотрясения нет. Пять ног обутых, и одна, похоже, что с ободранной резиной — механизм хромает: топ-топ, клац, топ-топ, клац... Еще в промежутках: вйиу... вйиу... Ага. Сервомоторчики... Один или два легких робота — звуки тихие, но тон высокий.

— С юга идет, — облизав пересохшие губы, шепнул ему на ухо Билл. — Если внешние динамики отключены, есть шанс прорваться в мастерскую.

— Только не вздумай стрелять. Идем на цыпочках, понятно?

— Куда уж понятнее...

— Пошли.

Майк выглянул в коридор. В оба конца никого. Справа — осторожный шум шагов.

— Быстро!

...Уже на полпути стало ясно, что план не сработал: чертова машина их услышала и теперь нагоняла: уже два раза из-за поворота бликовал свет фар. Майк задыхался, снова разболелся бок, сердце стучало как бешеное.

— Быстрее! Быстрее! Твою мать, быстрее же!!!

Майк, уже не скрываясь, ругался вслух.

Впереди открылся длинный коридор, и Северцев с отчаянием понял: не успеть. Все равно не успеть. Машина на дистанции прямого выстрела — они здесь как в дуле ружья. Что там ракета: одна пуля, жалкий лучик боевого лазера — и им конец...

Свет прожектора ударил в спину. Майк обернулся, нашаривая за поясом пистолет, и опустил руку. Бзна-

дежно. Бежать больше не было смысла: до буферной зоны тысяча футов открытой трубы. Ни закуртка, ни поворота, никакой нычки.

Будь проклят тот день, когда он встретил Артура.

Будь проклят день, когда вообще придумали игрушки.

Выстрелов, однако, не последовало, хотя топот настигал. Две длинные людские тени метались впереди по стенам. «Играется, зараза...» — цедил сквозь зубы Майк. Если эта железка их настигнет, то затопчет, как котят. При одной мысли об этом уже хотелось застрелиться. Шаг, еще шаг... Грохот железных шагов за спиной... Нервы больше не выдерживали неизвестности, Майк остановился, обернулся и тут же заслонился рукой: свет прожектора бил прямо в глаза, робот оказался совсем рядом. Потрепанный легкий бронемех, другие подробности разглядеть было трудно. Машина замедлила ход, остановилась и теперь неподвижно стояла перед человеком, словно выжидала. За спиной слышался удаляющийся топот Уильяма.

Майк вздохнул и поднял пистолет:

— Ну, сука...

Он спустил курок. Грохнул выстрел. Еще раз, еще. Звон железа, рикошет. Четвертый выстрел раздолбал прожектор, яркий свет погас, посыпалось стекло, теперь только две фары и оранжевые габаритные огни светили в стороны и вниз. Пятая пуля ушла в пустоту. Все, конец. Затвор пистолета открылся, из ствола — только дым. Надо было забрать у Билла хотя бы патроны...

Майк опустил бесполезный пистолет и теперь, моргая и щурясь, всматривался в темный силуэт.

— Что ж ты, гад, не стреляешь, а? — хрипло произнес он, не замечая, что машинально давно уже перешел на русский. — Давай же, сука! Чего медлишь? Ну! Стреляй!

И тут в машине ожил внешний динамик.

— Папка? — неуверенно прозвучало в звенящей тишине.

Майк чуть не выронил оружие. Шагнул назад, вгляделся в очертания машины. «Степной волк». Потрепанный, без камуфляжа, но определенно он. Логотип на башне... Логотип на башне...

Черт...

— Не может быть... — прошептал он. — Не может быть... Робби... ты?

— Папка... Папка, это я! Я! — Знакомый голос сына с нотками истерики, усиленный динамиками боевой

машины, заставлял Майка вздрагивать, ударял как плеть. — Что это? Почему? Это... все взаправду, да? Почему?

— Сынок, погоди, только не стреляй... дай сказать...

— Я не буду, не буду! Почему ты так? Где ты?

Майк перевел дыхание. Приблизился и положил ладони на холодную броню. Где здесь камера?

— Робби, слушай и запоминай. Мы где-то в Аризоне или в Неваде. Здесь подземная база, в пустыне, здесь все по-настоящему. Высшие уровни игры отыгрывают настоящие машины. Я работал здесь... Мы их чинили... Скажи маме, чтобы позвонила в службу «OMG», в офис, хоть кому-нибудь! Это может быть опасным. У нас авария... Билли! — обернулся он. Прямоугольник входа все еще маячил в темноте. У Майка отлегло от сердца. — Билли! — крикнул он. — Не блокируй коридор! Я жив! Ты слышишь? Все о'кей! Уильям?!

Тишина. Но по крайней мере дверь еще открыта.

— Па, я тебя не брошу! — затараторил Роберт. — У меня патронов почти не осталось, но ракеты еще есть. Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Не знаю. Я не знаю... — Анестезия почти полностью прошла, Майк еле ворочал языком. — Может, нам удастся что-нибудь найти. Нас здесь двое, но мы постараемся продержаться. Если на складе что-нибудь есть, мы тебя подзарядим...

— Па, склад мы еще вчера подожгли.

— Ладно. Все равно что-нибудь придумаем... — В конце коридора внезапно показался свет. — Эй, что там за...

— Где? — Голос сына стал тревожным и вдруг сорвался на крик: — Синди! Нет! Не надо!

Со стороны жилых помещений приближался новый бронемех. В разговоре возникла пауза. Майк замер. Радиопереговоры?

— Здесь все по-настоящему! — с отчаянием крикнул сын. — Ты слышишь? Ты была права. Да! Да! Черт, эти люди были настоящие! Предупреди...

Опять пауза.

— Сама ты дура! Это мой отец!

Майк сделал шаг назад.

— Оттуда! Модель не говорила бы по-русски! Если бы с тобой сейчас заговорил навахо, ты б его тоже убила?!

Снова пауза.

— Я знаю, знаю! Задержи их! Значит, надо! Мы их... Мама?.. Что... Нет... Не-е-т!!! Не надо! Папка, беги! Беги-и-и!!!

Майк развернулся и рванул по коридору, как никогда в жизни не бегал. Позади затопали ноги, загремел металл, зашипело. Лохмотья ковровой дорожки путались в ногах, сухая пыль жженой резины облачками поднималась в воздух, от нее першило в горле. Все пыль, все... Цивилизация, прогресс... Лишь закрой на миг глаза — и все уже прошло. Вся жизнь в один миг. История — назад. Под современными одеждами, под стальной броней, под электронной начинкой все равно скрывается мозг первобытного дикаря. Игры разума еще хуже, чем его сон, и они тоже порождают своих чудовищ.

Пыль на ветру. Все мы — только пыль на ветру...

Он бежал... бежал...

Бежал.

...Роб рвался и кричал, царапаясь и вырываясь, когда мать тащила его в кладовку. Упирался в стенки морской звездой, но все было тщетно. Мелисса зашвырнула сына в темноту так, что с полок посыпались какие-то коробки, захлопнула за ним дверь и дважды повернула ключ. Роберт заколотился изнутри:

— Мама! Не надо! Мама!!!

— Посиди здесь, остынь, — бросила она в ответ. Осмотрела исцарапанную руку, фыркнула, поправила прическу и перевела дыхание. — Впредь тебе наука, чтобы не грубил матери. Совсем отбился от рук! Весь в отца. А все эти дурацкие игрушки!

— Мама! Открой! Открой! Там папа, ты не понимаешь! Мама!!!

— Прекрати фантазировать, негодник! Лучше подумай над своим поведением!

И она двинулась вниз, на ходу поправляя измятую блузку. Спустилась в холл, утнездила в кресле напротив подруги. Волнение не отпускало.

— Что там случилось, милочка? — Линда поставила на стол опустевшую чашечку.

— Ах, Линда, не говори! Что ж это такое! — патетически воскликнула Мелисса, возведя очи горе, как восклицают все матери на свете, апеллируя непонятно к кому. — Никакого с ним сладу! Он стал совсем неуправляемым!

— О да, — горячо согласилась та, — этот переходный возраст — просто сущее наказание. А что случилось?

— Да все игрушки, эти чертовы игрушки. Вообрази: сидит за машиной с утра до вечера, совсем меня не слушает. А я ведь ему еще полчаса назад сказала, чтобы он выключ-

чил компьютер, так он — веришь ли — не выключил. Еще и нагрубил мне! Да еще и придумал чего-то. Говорит, что там Майк, внутри. Вообрази, а? Завтра же выброшу эту дурацкую игру, завтра же!

Она сердито схватила чашку с недопитым кофе и сделала глоток. Зубы стукнули о фарфор. Со стороны чулана слышались приглушенные удары — Роберт колотился в дверь.

— Боже мой, боже мой! — сочувственно покачала головой подруга. — Эти мужчины все одинаковы. Хорошо, что ты с ним развелась. А мальчика надо лечить: все эти игры не доведут до добра.

— Ты думаешь? — встревожилась Мелисса.

— Лечить, лечить непременно! — тоном светской кумушки-всезнайки воскликнула Линда. — У меня есть знакомый психиатр, доктор Лесли Норман. Замечательный человек! Очень хороший специалист и берет недорого. Я договорюсь, чтоб он его посмотрел.

— Ой, прямо не знаю... Наверное, я так и сделаю.

— Запиши телефон.

В комнате наверху остался лишь забытый всеми Ральф. Совершенно обалдевший от всего произошедшего, он сидел в кресле как замороженный среди рассыпанного поп-корна, в мокрых от пролитой газировки шортах, сидел и тупо созерцал опрокинутое кресло, брошенный сим-стик и экран компьютера, на котором мерцала багровая надпись:

GAME OVER

6.03—5.08 2002 г.

Пермь — Усолье

Андрей Плеханов

УЗОРЫ ДЛЯ УМНЫХ И ТУПЫХ

Жил-был царь, было у него три сына, и все — дураки. Один — debil, другой — имбецил, третий — идиот. Так вот, товарищи студенты, запомните по этой сказке три степени олигофрении, или, говоря по-русски, слабоумия...

Из клинической лекции профессора О.Г. Кукушко

1

Большинство людей, встретившихся мне в жизни, говорит, что я умный. Многие — что я очень умный. Я тоже так считал, пока не произошла эта история. История, о которой я хочу рассказать.

Хуч тоже считал себя далеко не глупым парнем, хотя, честно говоря, когда мы встретились с ним, был он дурак дураком. Бедняга Хуч... Впрочем, обо все по порядку.

Познакомились мы с Хучем случайно. Произошло это так: однажды я приобрел очередной компьютер, пятый уже по счету, и обнаружил, что техника моя не умещается ни на столе, ни около стола.

Места в моем логове — хоть отбавляй. Я купил двухкомнатную квартиру три года назад, после того как сорвал сказочный куш в виде заказа на рекламные щиты для пива «Альбатрос». Заказ был рассчитан человек на шесть, но я сделал

работу в одиночку. Не жрал, не спал, непостижимым образом умудрился напечатать за десять дней тысячу квадратных метров постеров на раздолбанном «Новаджете». Этот слоган мелькал тогда в нашем Нижнем Новгороде на каждом шагу: «Твой полет бесконечен. Пиво Альбатрос». На рекламных щитах белая океанская птица парила над морем пива, над волнами с золотистыми бликами. Красиво, но тупо — и слоган, и картинка. Фирма «Альбатрос» прогорела и была куплена набирающей обороты финансовой группой «Среднерусский пивовар». Один малоизвестный мудрец сказал: «Даже из попугая можно сделать образованного политэконома — все, что он должен заучить, это лишь два слова: Спрос и Предложение». Очевидно, «Альбатрос» оказался глупее попугая. Впрочем, моей вины тут не было — я лишь осуществил техническое исполнение и получил бабки.

За годы, проведенные мной в новой квартире, я так и не удосужился обставить ее мебелью. Планы на этот счет имелись, но до осуществления их руки как-то не доходили. По правде сказать, я инертен во всем, что не относится к наружному дизайну, еде и выпивке. К тому же я не люблю излишней траты денег. Поэтому ветер из вечно открытых окон свободно гулял по пустым кубометрам моих апартаментов, ворошил полиэтиленовый мусор на полу. В рабочем кабинете — стол, офисное кресло, тройка принтеров, пара плоттеров, стайка компьютеров, рулоны бумаги и виниловой пленки-самоклейки. В спальне — древний продавленный диван и больше ничего. На кухне... Не буду описывать мою кухню, это слишком интимно. К тому же гарантирую — вам не понравится.

Как и у всякого завязтого компьютерщика, аппаратура моя находилась в полуразобранном виде, системные блоки стояли где попало, демонстрируя свое богатое внутреннее содержимое. Единственного письменного стола хватало только для пары больших мониторов. С каждым новым купленным компом мне приходилось покупать все более длинные соединительные кабели, они безбожно путались друг с другом, и я уже сам с трудом понимал, как все это умудряется работать одновременно и слаженно. Пятый компьютер переполнил чашу и разрушил зыбкое, на грани хаоса, равновесие. Мои компы объявили забастовку и дружно повесились.

Пока я воевал с хитромудрой техникой, приспособив под третий монитор единственную свою кухонную табуретку, пропиликал звонок — явился мой приятель Вадик.

Иногда малозаметное событие является предвестником чего-то серьезного, способного перевернуть всю вашу жизнь. Так и случилось — вышеописанный звонок провозгласил начало первого акта драмы. Тогда я еще не знал этого. Думал, что все закончится обычным употреблением пива на кухне.

— Жмот ты, Митя, — сказал мне Вадик. — Денег у тебя до черта, а живешь как подплинтусный таракан, в антисанитарных условиях.

Мой старый приятель Вадик — специалист по художественному оформлению ротового фасада, проще говоря, зубной протезист. Окончил медицинское училище, поэтому понятие о гигиене имеет. Во всяком случае, в его квартире все вычищено и вылизано. Я сам видел.

— Ты прав, Вадя, — грустно согласился я и отхлебнул пива.

— Вот сидишь ты на ящике из-под бутылок, — продолжил нравоучение Вадик, — плющишь свою и без того плоскую задницу. А все почему? Потому что последнюю табуретку уволок. Разве это дело?

— Не дело, — кивнул я.

На табуретке, как я уже говорил, устроился третий монитор. Системный блок может и на полу притулиться, а вот монитору положено сидячее место. Иначе ни черта не видно будет, а это уже непорядок. Мой рабочий офисный стул пришлось уступить Вадике, как гостю. По большому счету, мне было абсолютно безразлично на чем сидеть — в кресле, на пластмассовом ящике или даже на полу. Хотя, смею заметить, на табуретке все же удобнее.

— Мне нужен хороший компьютерный стол, — признался я. — Я думал над этим вопросом, даже нашел кое-что в Интернете. Картинка там есть — не стол, пульт управления звездолетом. Сказка, загляденье. Вот только как такое сделать? Сам не умею — руки не тем концом вставлены. А в фирму обратиться — разоришься. Видел я их цены...

— Все-таки ты жмот, — снова констатировал Вадим. — Правильно, зачем выкидывать бабки, если комп может и на табуреточке постоять. А что будет, когда следующий аппарат купишь? Кухонный стол туда поволочешь?

— Ну, не знаю... Поживем — увидим.

Вадик закурил, стряхнул пепел в обломок кокосовой скорлупы, служивший пепельницей, уставился на меня раздраженным взглядом.

— Знаешь, в чем твой дефект? — спросил он.

— У меня нет дефектов.

— Есть. Есть ярко выраженный дефект. Бывает такое: человек приятный, просто красавчик, одет с иголочки, а рот откроет — хоть стой, хоть падай. Зубы — как деревенский забор, половины штакетин не хватает, вторая половина — гнилая. И сразу видно — задница этот человек, на зубах экономит. Экономит на своем здоровье, на комфорте, на имидже своем. В общем, на самом главном.

Такой вот у меня друг Вадик. Любит философские обобщения. Только почему-то его жизненные примеры всегда облачены в стоматологическую форму.

— У меня зубы в порядке.

— Твои гнилые зубы — эта вот квартира. — Вадик ткнул пальцем в кучу грязных тарелок, за неимением буфета сваленных на подоконнике. — Зайти сюда страшно. Сам не понимаю, что делаю в этой помойке.

— Ты мой друг. Тебе приятно сидеть и пить со мной пиво.

— Противно мне. Если бы ты был бедным, я бы спонсировал тебя по дружбе, сам бы купил все, что нужно. Так ведь ты богаче меня в десять раз, жадюга.

— Плевать мне на материальные ценности, — я еще пытался обороняться, — не это главное в жизни, Вадик...

— А что главное?! — взорвался Вадим. — Жить в бомжатнике?! Что у тебя за жизнь? Никуда ты не ходишь. В телевизор таращишься да пиво лопаешь. Из хаты своей, по-моему, совсем уже не вылезает...

— Ну почему? А бильярд?

— Пошел ты со своим бильярдом!

Вадик поднялся на ноги и собрался уходить. Почему-то я понял, что уходит он навсегда. Это меня добило.

— Сдаюсь, — сказал я. — Будет у меня мебель. Завтра же приступлю к ее покупке. Может, посоветуешь чего?

3

Была у меня двоюродная тетушка — одна из малых веточек весьма разветвленного семейного древа. Прожила она всю жизнь в Костроме, в полном одиночестве, прошла длинный жизненный путь от молодой девы — к деде старрой — до просто старушки. Интеллигентная такая

старушенция — работала библиотекарем (старшим). С пятидесятих годов сохранилась у нее привычка — выпивать каждый день, после работы, полбокала хорошего виноградного вина. Кажется, это было «Мукузани», хотя не исключено, что «Ркацител» или даже «Хванчкара» — точно не помню, лишние подробности стираются из памяти. Жила она, не тужила, отличалась отменным здоровьем, пока один из вредных докторов (все они вредные) не дал ей совет бросить пить. «Алкоголь — яд, — сказал он, — яд в любом виде и любом количестве. Вы разрушаете им свою печень». Было это, помнится, во время тотальной борьбы с пьянством под руководством генсека Горбачева. И тетушка, как дисциплинированный член партии, завязала с дурной привычкой.

На следующий день после безоговорочного отказа от вина тетушка оступилась на ровной дороге, упала и сломала ногу. Четыре месяца пролежала в больнице — кость плохо срасталась. Предупреждение было послано ей свыше, но она не вняла ему — предпочла верить в миф о разрушаемой печени. Через неделю после выхода из больницы мальчишки, игравшие во дворе в футбол, засветили ей мячом в лоб. Нечаянно, разумеется. И снова — месяц на больничном, сотрясение мозга. Вместо того чтобы принимать многочисленные лекарства, ей нужно было выпить полстаканчика «Мукузани», и все в мире снова пришло бы в порядок. Но она упорно шла собственным путем. Шла недолго. Ее разодрал медведь. Факт невероятный, фантастический — больной облезлый медведь забрел из леса на улицу Костромы и напал на человека, совершающего вечерний моцион перед сном. Человеком этим оказалась моя тетя. Об этом написали все газеты Союза. Вы можете сказать: при чем тут вино, что ты несешь? Это просто дикое совпадение. А я так думаю — не зря совпало. В этом мире многие события происходят впустую, никчемно, никого ни к чему не обязывая, но в случае с моей тетушкой взаимосвязь налицо. Для меня это очевидно.

Нужно осторожнее обходиться со своими многолетними привычками. Пять лет, после развода со второй женой, я прожил в халупах без приличной мебели. И когда решил все-таки обзавестись ею, в довесок приобрел Хуча.

С тех пор как я окончил институт, это оказалось самым серьезным изменением в моей жизни.

Хуча сосватал мне все тот же Вадик.

— Ты видел обстановку у меня дома? — спросил он. — Мебель видел? Все это сделал один человек. Один-единственный. Коля его зовут. Я пришлю его к тебе. Он займется твоим сараем, приведет его в божеский вид.

— А какой он, этот Коля? — спросил я.

— Нормальный парнишка. Туповатый; правда, слегка привязчивый, но дело знает.

— Туповатый — и знает? — усомнился я.

— Он работает по журналам. Посмотрит на картинку и может сделать один к одному, как на Западе. Талант у него такой. Сам увидишь. А что в голове у него пусто... Тебе какая разница? Он же не на компьютере у тебя работать будет.

Такое объяснение меня убедило.

Хуч явился на следующий день, в жуткую ранишу, когда я еще спал. В одиннадцать часов утра. Сонно шлепая тапками по грязному линолеуму, я добрал до двери и спросил:

— Кто там?

— Насчет мебели пришли, — сказал голос снаружи.

Я открыл. На лестничной площадке стоял тощий долговязый парень и переминался с ноги на ногу. Его короткие белые волосы стояли дыбом. Под нижней губой выросла маленькая козлиная борода.

— Коля? — спросил я.

— Хуч, — сказал он и протянул огромную лапу с длинными, на удивление аристократичными пальцами.

Я пожал его руку.

— Хуч — это что такое? — поинтересовался я.

— Это я, — сказал он и ослабил. — Ну это, типа, кликуха, погоняло у меня такое. Я привык.

Уже потом я узнал, что Хуч сам придумал себе это имя. Вроде бы за любовь к одноименному напитку. Вот ведь как забавно — по-английски Noosh звучит вполне нормально, а по-русски — неприлично, как и любое короткое слово, начинающееся на «ху». Только придурок может выдумать себе такую кличку.

Рядом с Хучем стоял здоровенный дерматиновый чемодан, обвязанный для надежности бельевой веревкой.

В левой руке Хуч держал жестяную банку какого-то пойла. Открытую.

— Ты по-английски сечешь? — спросил он.

— Без проблем.

— Здорово! — обрадовался Хуч. — А ну-ка, переведи вот это. — Он ткнул пальцем в надпись.

«Weak alcoholic drink»* — было написано там.

— Бухло для ослабленных алкоголиков, — перевел я.

— Ага, точно! В самый раз для меня. — Парень подхватил свой чемодан и попер в прихожую. — Вадя сказал, те че-то сделать надо. Давай посмотреть...

Хуч делал стол две недели.

Возился он долго — видать, тянул удовольствие. Мешал мне работать. В чемодане у него оказались электродрель, электрорубанок, электролобзик и еще несколько приспособлений, производящих дьявольский электрический шум. Шум действовал на нервы мне и моим соседям. Соседи приходили разбираться, обещали пожаловаться в милицию, я откупился двумя бутылками дешевой водки. К тому же полкомнаты было теперь завалено ламинированными плитами, торцовой лентой, заглушками, роликами, анодированными саморезами... Названия этих предметов я узнал от Хуча — он произносил их с нескрываемым удовольствием, по сто раз в день. Я перекочевал в спальню, обустроил там рабочее место, пытался хоть как-то работать, сроки заказов поджимали... Хуч не оставлял меня и там. Он ежеминутно бросал работу и вился вокруг меня с жужжанием, как назойливая муха.

Диалог в моей спальне (я сижу на кровати и терзаю свихнувшийся «Фотошоп», Хуч просунул торсом в полуоткрытую дверь):

— Хозяин, можно на пару слов?

— Ну, что еще?

— Я тут вот что придумал: у тебя ведь три телевизора?

— Это называется мониторами.

— Йес. Три монитора. А потом, может, и больше будет?

— Может.

— Йес! Но они же тебе не все сразу нужны будут?

— Все сразу. Я же тебе объяснял...

— Ну и ладно. Все или не все... — Хуч чешет пальцами в белобрысой головенке. — В общем, я тебе типа пары тележек

* Слабоалкогольный напиток (англ.).

сделаю, на мини-роликах, чтобы телевизоры туда-сюда катались.

Опять телевизоры...

— Ладно, делай.

— А ролики какие поставить, черные или белые?

— Все равно.

— Понятно... — Хуч уже заполз в комнату всем своим длинным туловищем, как глист-интервент. — А ты чего тут делаешь?

— Графику.

— Какую?

— Графическую. Слушай, Хуч, иди отсюда, а? Не видишь, софт у меня не тянет. Совсем долбанулся, каждые полчаса перезагружаю.

— Софт — это что?

— Программное обеспечение.

— Давай я тебе все устрою, — уверенно предлагает Хуч. — Там, внутри, наверное, контакты окислились. Я те все зачищу, а если надо, запаяю.

Хуч уверен, что может починить все на свете. Он уже брался ремонтировать мой старый радиоприемник, в результате появилась горсть лишних деталей, приемник же как был трупом, так им и остался.

— Все, труба! — Я с остервенением нажимаю кнопку перезагрузки и встаю на ноги. — Надо все заново устанавливать. Хватит с меня. Идем пить пиво.

— Вау! — вопит Хуч.

Хуч питает слабость к английскому языку и даже заявляет, что учит его. Выучил он пока лишь три слова — «йес», «ноу» и «вау», и вставляет их куда попало, к месту и не к месту.

5

Стол обошелся мне недешево, но получился шикарным — это следует признать. Правда, пользоваться я им не собирался, привык работать в спальне — меня и так устраивало. Вадик перехитрил меня: он заявился в гости, якобы для того, чтобы обмыть обновление в мебели, и напоил меня коньяком. А потом, пользуясь моим бесчувственным состоянием, перетащил всю мою технику в кабинет и расставил на столе в соответствии со своими эстетическими понятиями. Пору-

шил при этом с трудом налаженную локальную сеть. Когда я очухался на следующий вечер, то обнаружил, что единственное, что мне остается, — слепить все заново на новом столе. Что я и сделал, чертыхаясь и жмурясь от головной боли.

Это Хуч Вадику наябедничал. Но я не разозлился на Хуча. На Хуча вообще невозможно было злиться. К тому же я привык к нему.

Я в немалой степени раб привычки. Новое отторгаю с ходу, но уж если к чему привык — клещами не вырвешь.

Поэтому предложение Хуча построить в моей спальне кровать и стеллаж для книг и аудиоцентра я принял. В журнальных картинках я запутался — все интерьеры казались мне одинаковыми, лощено-глянцевыми, неестественно красивыми, поэтому мой палец ткнул в первую попавшуюся.

Полтора месяца я спал на полу в кабинете — Хуч, как всегда, не спешил. А потом я впервые улегся на новой кровати, на навороченный матрас за полторы тысячи баксов. Я накрылся свежим атласным покрывалом — его купил Хуч (за мои деньги, разумеется). Я лежал на спине и смотрел в потолок, оклеенный обоями со светящимися в темноте звездочками.

Я думал о том, что, оказывается, не так уж это и плохо — жить в красивой комнате.

Потом наступила очередь кухни.

По вечерам мы играли с Хучем в нарды и слушали рок-н-ролл по радио, настроенному на «Нижегородскую волну».

Нарды по сути своей — штука несложная. Если играешь давно, то комбинации выставляешь автоматически, и все зависит от везения, от того, как лягут кости. На Хуча эта закономерность не распространялась — с его глупостью он мог испортить любую партию, при самом феноменальном везении. Выигрывал всегда я, а если побеждал Хуч, то по одной лишь причине — время от времени я поддавался. Меня это устраивало. Хуч радовался победе, как ребенок.

Потом Хуч начал осваивать американский пул — я взял его с собой в местную бильярдную, где играл каждую пятницу по пять-шесть часов подряд. Здесь дело пошло лучше, чем в нардах, глазомер у парня был что надо, руки — мозолисты и тверды. Через несколько месяцев Хуч выиграл первую сотню рублей у чеченца Руслана, и это означало, что он стал бильярдистом средней руки. Со мной, конечно, ему было не тягаться, но в паре мы действовали довольно прилично.

Таким образом, с Хучем мы не то что сдружились, но скорее-шились. Он не обижался на мое покровительственное обращение, меня в нем устраивало полное отсутствие апломба, неприхотливость и незлобивость. Откровенно говоря, Хуч заполнил в моей жизни пустое место — огромное, как пустыня Гоби. После того, как я развелся со второй женой, отношения мои с женщинами как-то не налаживались надолго. Юные девушки, которые нравились мне, соглашались любить меня только за деньги, а мои ровесницы (это значит — под сорок) уже не вызывали особых симпатий.

Тогда я не думал об этом, но сейчас понимаю, что в то время Хуч стал моей семьей. Младшим братишкой — добрым, симпатичным, умственно слегка неполноценным. Словом, таким, о котором приятно заботиться.

Никаких надежд на улучшение мозговой деятельности у него не предвиделось. Он забывал сложные слова, с трудом читал и громко вопил свое «вау» при каждом удобном случае.

Зато он никогда не ругался матом. В бильярдной его любили все — даже те юные девушки, которые не любили меня бесплатно.

6

Однажды Хуч сказал мне такую фразу:

— Какой процессор нужен для девяносто восьмого «Виндовса»? Двухсотый Пентиум потянет? Или слабоват будет?

Он озадачил меня. Несколько дней подряд он отсутствовал, бросив почти законченную работу на кухне. Телефона у Хуча не было, адреса его я не знал, а позвонить Вадиду ленился — надеялся, что Хуч объявится сам по себе. Так оно и случилось. Объявился.

— Ты где был?

— Пиво пил, гы-ы... — Хуч любил общаться при помощи фраз из рекламы. — Мить, так двухсотый подойдет? Йес или ноу?

— Ноу, — сказал я, — не подойдет. На двухсотку нужно девяносто пятый ставить, не выше. Зачем это тебе?

— Я компьютер купил.

— Компьютер?!

— Да. Учиться на нем буду. Чтобы как ты быть. Графику делать. Я читал, что такая трехмерная программа

есть, не помню, как называется. Там можно чертеж мебели сделать и со всех сторон его смотреть, поворачивать.

— Читал? — переспросил я, не веря своим ушам. — Где читал?

— В книжке. Она про компьютеры.

Хуч полез в чемодан и выудил оттуда книжонку в желтой мягкой обложке. «WINDOWS-98 для чайников» — гласило ее название.

— Ну и как там, понятно что-нибудь? — спросил я, едва удерживаясь, чтоб не сказать какую-нибудь ироничную гадость.

— А че, нормально. Я думал, ниче вообще не просеку, а там типа все как по полочкам разложено. Шаг за шагом. По пять страниц в день — все понятно.

— Поэтому тебя три дня не было?

— Ага. — Хуч осклабился. — Йес.

— Ты лежал сверху пузом и читал эту дребедень?

— Йес.

Я открыл книгу на первой странице:

— Что такое «Виндоус»?

— Это операционная система.

— Рабочий стол — это что?

— Ну, это то, что на экране. Там иконки нарисованы. Когда по иконке щелкаешь, запускается программа...

Я устроил небольшой экзамен и выяснил, что Хуч добросовестно усвоил текст и даже выучил его большими кусками. В принципе, ничего сложного — подумаешь, книжонка для «чайников». Только не для Хуча.

Одно из двух — либо он совершил трудовой подвиг, либо неожиданно поумнел. Я не верил в чудеса и склонялся к первому предположению. Как вскоре выяснилось, я ошибся.

Хуч доделывал кухню долго, урывками, постоянно пропадая на несколько дней. В те дни, когда он все-таки появлялся, то не столько работал, сколько торчал у меня за спиной, наблюдал за трудовым процессом и задавал вопросы, становившиеся все более изощренными. А потом начал давать и советы. Я отмахивался от него, как от назойливого насекомого.

Доконал он меня через неделю, когда помог справиться с неразрешимой до сих пор проблемой глючащего «Фотошопа». Запинаясь и путаясь в словах, Хуч пояснил мне, как изменить настройки программы. При этом выяснилось, что он поставил «Фотошоп» на свой домашний компьютер и успел изучить его вдоль и поперек.

— Хуч, — сказал я тогда, — признавайся, что с тобой случилось. Колись, братишка. Ты прямо как тот парень из «Газонокосильщика» — умнеешь на глазах. Это меня пугает. Так просто это не случается.

Голубые глазки Хуча забегали, длинный нос шмыгнул, рука привычно полезла в соломенный затылок. Хуч смутился.

— Это... Ну как сказать... Плитка у меня в туалете такая. Я когда на толчке сижу, на плитку смотрю и умнее становлюсь.

— А водицу из унитаза не пьешь? Для просветления разума?

— Не, ну ладно прикалываться. Я те правду говорю. Приходи ко мне, сам увидишь.

Так я попал в гости к Хучу.

7

Хуч, оказывается, был счастливым обладателем отдельной квартиры. Квартиру купила ему мать — еще в советские времена, про запас. Маманя Хуча была директором овощебазы, могла позволить себе такое. Что можно сказать о квартирке Хуча? Сущий недомерок. Кухня малюсенькая, комната — двенадцать квадратных метров. Единственная роскошь — отдельные туалет и ванна, то и другое микроскопических размеров. Оглядел я эти апартаменты, хмыкнул — мебель самопальная, корявая, все в недоделанном и полуразобранном состоянии. В нашей стране сапожник должен обходиться без сапог — традиция обязывает.

Пришел я не просто так, притащил Хучу системный блок с Пентиумом-II — мне такое старье было уже без надобности, а парню в радость. Подарок надлежало обмыть, чем мы немедленно и занялись. Тяпнули пивка, причем весьма основательно, эффект усугубили водочкой, и уже через час почувствовал я необходимость посетить туалет. Поскольку градус я набрал к тому времени немалый, то журчать сверху не стал, промазать боялся, а спустил штаны и чинно сел сверху. Тут и вспомнил о мифической плитке, делающей человека умнее. Пьяно пошагивал взглядом по стенам...

И тут меня прошибло. Показалось, что окатило ледяной водой — настолько сильным было ощущение. Хмель сошел в долю секунды. Я сидел на унитазе, дрожал от холода и смотрел на эту самую плитку.

Надо сказать, что плитка в сортире Хуча была хоть куда — такого идиотского, несуразного узора видеть мне

еще не приходилось. Зеленые ромбы и розовые треугольники, составленные в безобразном порядке, противоречащем всем принципам эстетики. Рисунок на всех плитках был замутненным, смазанным, словно машина, наносящая краску, производила сплошной брак.

На этой отдельно взятой плитке узор был тем же самым, только четким. Болезненно четким. Плитка находилась чуть ниже уровня глаз — не уткнуться в нее взглядом было невозможно.

Я встал, натянул штаны и направился в кухню.

— Ты сам клал плитку? — спросил я Хуча.

— Не. Я не умею. Я только по дереву работаю.

— А кто? Кто ее клал?

— Мужик один.

— Как его зовут?

— Игорь. Сказал, что Игорь. Фамилию не знаю, не спрашивал.

— Откуда он взялся?

— Не знаю откуда. — Игорь пожал плечами. — Он сам пришел. Сказал — дешево. Работа недорого, и плитка тоже дешевая. Я че, против?

— И когда он все это сделал?

— А недавно. Когда я тебе кухню делал, он как раз у меня и работал.

— Кто же за ним присматривал?

— А никто. Он сам тут все делал. Я ему ключ оставил.

Эх, Хуч, простая душа...

— Ничего из квартиры не вынес?

— Ничего. А чего у меня выносить-то? Денег нету, я их матери отдаю. Компьютер разве только... Но у меня тогда еще компа не было. Я его после купил. Если бы комп был, я бы этого мужика без присмотра не оставил...

— Мужик рыжий? — поинтересовался я.

— Ага, рыжий...

— И с усами. Крепкий такой, пузатый. Да?

— Да. — Хуч удивился настолько, что забыл сказать свое любимое «йес». — А ты откуда знаешь?

— Он и ко мне заходил. Шлялся по всем квартирам, услуги свои предлагал.

— А ты чего не согласился?

— Станный ты, Хуч, — заявил я. — Каждый день тарачишься в свои журналы, понятие о евродизайне

имеешь, знаешь прекрасно, как должна выглядеть приличная плитка, а сам позволяешь ляпать на свои стены черт знает какое уродство. Это же не плитка, это страх божий. По виду — некондиция, с какого-нибудь завода списанная.

— Так ведь дешево было! И материал у него свой. Так бы я еще сто лет плитку не поклал, а так хоть какая, а есть!

— Сколько он с тебя взял?

Хуч назвал сумму. Сумма была до смешного малой. Я за такие деньги ковырять в носу не стал бы, не то что работать.

— Этот Игорь — псих, — определил я. — Шица у него такая — за копейки отделявать туалеты людям уродским материалом. Он как, со странностями был?

— Да нет, нормальный мужик. Правду тебе говорю, нормальный. И работал быстро. За два дня мне и ванну и туалет обклат.

— В туалете есть одна странная плитка, — сказал я. — Ты про нее говорил?

— Ага.

— От нее — мороз по коже.

— Ага. Холодит маленько.

— Жуткая вещь.

— Не жуткая она, зря ты это. Хорошая она, чистая. На нее посмотришь — все равно как ключевой водой умылся. Голова ясной становится.

— Это мы проверим, насколько она у тебя ясной стала, — проворчал я.

8

Никогда не думал, что когда-нибудь стану исследователем. Однако именно так и случилось. Я энергично принялся за работу — нашел в Интернете три разновидности тестов, определяющих интеллектуальный коэффициент, заставил Хуча (брыкающегося как козлик) ответить на сотни положенных вопросов и убедился в том, в чем уже давно не сомневался. Гением Хуч, конечно, не стал — он всего лишь дорос до уровня интеллекта среднего человека. А кое в чем даже поднялся над средним уровнем — особенно в том, что касалось логического мышления.

Говорил Хуч по-прежнему коряво. Так часто бывает — мне приходилось встречать профессоров родом из деревни, полувосточных высшие ученые степени, но все еще говорящих

«чажечка» и «тубаретка». Словарный запас меняется медленнее, чем остальные проявления умственной деятельности.

Почему я так рьяно принялся за изучение содержимого бেলобрысой головы Хуча? Потому что меня зацепило не на шутку. Я понял, что в мои руки попала поистине выдающаяся вещь.

Рисунок на туалетной плитке.

Визуальное воздействие — сфера моих профессиональных интересов. Более того — я считал себя крутым специалистом по этому вопросу. Прочитал десятки книг, объясняющих, как тем или иным расположением графических компонентов улучшить действенность вывесок, рекламных щитов и объявлений в газетах. Вынужден признать, что большая часть этих книг — обычный примитив, азбука для профанов. Однако случались и дельные советы — иногда в ходе кропотливой работы мне удавалось применить их на практике. Помнится, всего лишь три моих щита с рекламой балахнинской мебели, поставленные в удачных местах, увеличили продажу на двадцать пять процентов. Что ни говори, а это — признак высокопрофессиональной работы.

Итак, сокровище в руках наличествовало, но требовало обращения осторожного и деликатного. Я начал с дополнительной проверки его чудесных свойств.

У моей родной сестры Ларисы есть девятилетний сыночек, зовут его Сева. Увы, Сева — умственно отсталый, так вот нам не повезло. Олигофрения в стадии дебильности. Это означает, что парень никогда не выучится толком читать, а работа дворника — венец его профессиональной карьеры. С Севы я и начал.

Я выковырял волшебную плитку из стены. Очень боялся, что она расколется, но все прошло удачно. Сосканировал узор, добился максимальной точности цветопередачи. Хуч, само собой, присутствовал при всех этих процедурах. Теперь я не скрывал от него ничего — не было в том смысла, он сам догадывался обо всем в считанные секунды и делал правильные выводы. Мне приходилось учиться обращаться с Хучем как с умным. Скажу откровенно — мне нравилось это.

Я пришел в гости к Ларисе. Мы вкусно пообедали, поболтали о жизни, а потом я отправился отбывать родственную обязанность — играть с племянником. Я решительно отодвинул в сторону машинки и солдатиков и начал учить Севку считать до десяти. Мальчонка старался изо всех сил. Само собой, ничего у него не получалось.

Потом наступила очередь картонки с узором. Едва Сева увидел ее, с ним произошло нечто особенное. Он вздрогнул, забыл обо всем, поплелся к дивану, уселся, впился в рисунок глазами и замер. Минут через десять я попытался отобрать у него картинку, но не тут-то было. Я вернул рисунок с большим трудом — обменял тайком от Ларисы на шесть шоколадных конфет. Именно шесть. Сева резко научился считать до шести.

Через три дня Лариса позвонила сама.

— С Севочкой что-то случилось, — сказала она, глотая слезы — судя по интонации, счастливые.

— И что же? — полюбопытствовал я.

— Он попросил научить его считать до тысячи.

— Научился?

— Да! Весь день ходил и считал, как одержимый. А потом взял книжку и начал читать. Ты помнишь, я учила его буквам, а он сразу все забывал? Теперь вспомнил! Уже прочитал «Буратино»! За день! А теперь сидит и читает «Волшебник Изумрудного города»!

Сплошные восклицательные знаки.

— Отлично, Лариска, — сказал я. — Я всегда говорил, что Севка умный. Он только притворялся бестолочью, поросенок этакий...

9

Хуч пришел в полный восторг. Он начал строить планы.

— Вау! — говорил он. — Это просто супер! Мы вылечим всех дураков в нашей стране. Нет, во всем мире. Представляешь, класс! Надо попасть на телевидение. Специальную передачу сделать, показывать эту картинку просто так, по часу каждый день. Рекламу дать на всю страну. Все дураки умными станут — так же, как я.

— Дурень ты, Хуч, — охладил я его пыл. — Так нельзя.

— Сам ты дурень! — Хуч, кажется, научился обижаться. — Почему нельзя?

— Это не просто узор. — Я постучал пальцем по плитке, лежащей на столе. — Это технология будущего. Она стоит миллионы баксов. В то же время скопировать ее — раз плюнуть.

Стоит показать ее хоть один раз широкой публике, и миллионы будут для нас потеряны.

— То есть ты думаешь о деньгах, а на людей тебе наплевать...

— Слушай внимательно. — Я зашагал по комнате с видом лектора. — Любая графическая комбинация, обладающая экстраординарным визуальным воздействием, может обладать кучей побочных, неожиданных эффектов. В том числе и эта сортирная плитка. С такими вещами не шутят. Может быть, все, кто излечился от олигофрении, одновременно станут педофилами или клептоманами...

— Я не педофил!

— Откуда ты знаешь? — зловеще произнес я. — Это может проявиться не сразу. В любом случае, если подходить к процессу серьезно, потребуется длительное изучение воздействия этого рисунка. Это может занять годы. А скорее всего, если мы расскажем о нашем рисунке, его вообще засекретят. Объявят сферой интересов государственных спецслужб, у нас с тобой возьмут подписку о неразглашении и запретят выезжать из страны. А сами будут лечить умственно отсталых детишек олигархов и высших чиновников за бешеные бабки. Поверь мне, так оно и будет. Знаю я наш бардак.

— Что же делать?

— Все очень просто. Мы должны сделать эту плитку своим ноу-хау. Использовать его эффективно, но незаметно, ни в коем случае не открывая секрета технологии. Заработать первоначальный капитал. Большой капитал. Стать настолько богатыми и сильными, что ни одна чиновничья крыса не сможет нам повредить. Потом запатентовать свое чудо-изобретение, чтобы нам капал процент с каждой рекламы, где используется наш рисунок. И вот тогда-то мы сможем себе позволить лечить всех дебилов в мире бесплатно.

— А при чем тут реклама? — Хуч впал в окончательное недоумение.

— При том, что я хочу использовать этот узор в наружном дизайне. Думаю, должно получиться.

10

Мы с Хучем обследовали все плитки в туалете и в ванной. Я предположил, что мы должны найти еще что-нибудь интересное.

Нашел Хуч. Я до ряби в глазах всматривался в чертовы ромбы и треугольники в туалете, а он занимался

тем же в ванной. Неожиданно он начал хохотать. Сперва я не придал этому значения — подумаешь, ржет бывший дурачок над чем-то своим, бывшим-дурацким, но через несколько минут заливистого «гы-ы» я понял, что это всерьез и надолго.

Хуч сидел в ванной на полу и веселился. Беспредельное блаженство было написано на его простецкой физиономии.

— Что случилось, Хуч? «Ха-ха» поймал?

— Йес! Гы-гы-гы! Ввауу!!!

Вытирая слезы, Хуч показал пальцем на кусок стены, частично прикрытый краем ванны. Я заглянул туда и свалился от хохота. Корчился на полу рядом с Хучем минут пять — думал, задохнусь. А потом, слава богу, отпустило.

Так мы нашли узор, который я называл «Эйфо». От слова «эйфория».

Итак, среди всех плиток с одинаковым узором оказались две особенные. В сущности, рисунок на них был тот же самый, отличался только большей четкостью. Самый четкий рисунок был у «Эйфо». Название для узора, лечащего олигофренов, придумал Хуч. Он назвал его «Антидурь». Словечко дурацкое, но почему-то прижилось.

Для того, чтобы извлечь из стены «Эйфо», пришлось заклеить плитку бумагой. Убойная была штука — сшибала с ног напрочь. Сканировал я его тоже чуть ли не с закрытыми глазами. А потом укротил при помощи «Фотошопа».

Варьируя толщину линий, я создал приемлемый вариант — нечто среднее между «Эйфо» и «Антидурью». Так и назвал его — «Медиум»*. «Медиум» мгновенно повышал настроение, вызывал симпатию ко всему на свете, но особенно к тому, что было носителем рисунка.

Моим очередным заказом была реклама электробритв «Агидель». Я украсил черный пластмассовый корпус бритвы маленьким значком «Медиума» — зашифровал его в виде солнечного блика. Рекламодателям проект рекламы понравился до поросячьего визга, и я знал почему. Через две недели щиты с моей бритвой украшали Казанское и Московское шоссе. Еще в течение недели «Агидель» смели с прилавков Нижнего Новгорода начисто. Говорят, в Москве и Казани тоже выявилось значительное повышение спроса — даже женщины начали покупать бритву «Агидель» — не только для подарков своим любимым, но и для личного пользования.

Думаю, что завод, производящий электробритвы, неплохо заработал на мне. Но я не собирался предъявлять к нему имущественных претензий. Скучно это — размениваться по мелочам. Нас с Хучем ждало поистине бриллиантовое будущее.

11

Нефть — вот наилучший источник дохода в нашей стране. Благословенная жидкость, вязкая и вонючая, доллары приносящая.

Я взял трубку и набрал заветный номер.

— Это фирма «ЭТК-Ойл?»

— Да.

— Господина Журавского можно к телефону? — вежливо попросил я.

— А кто его спрашивает? — спросил в трубке женский голос. Я сразу представил секретаршу — длинноногую, блондинистую, отдающую шефу прямо на письменном столе в свободное от работы время.

— Это Дмитрий Анатольевич Васильев, специалист по наружной рекламе.

— Нам не нужны специалисты по наружной рекламе. Извините.

В ухе противно запищали короткие гудки.

— Ну че, — любопытствовал Хуч, — йес или ноу?

— Ноу. Мы им не нужны, видите ли. Гадина эта секретарша. И дура к тому же. Не знает, с кем только что разговаривала. Через пару дней она будет любезно поить тебя и меня чаем и порхать вокруг нас как бабочка. А мы будем сидеть как ковбои, положив ноги на журнальный стол. Ты хочешь так сидеть, Хуч?

— Не хочу. У меня кроссовки дырявые.

— Выкинь их. Купим тебе хорошие туфли — баксов за пятьсот.

— Пятьсот?! — Хуч вытаращил глаза. — У меня нет таких денег.

— Я найду. Выглядеть нужно прилично — никуда не денешься. И сбрей свою неприличную бородку — ты же не рэппер из подворотни, ты солидный деловой человек. Йес?

— Ладно уж, че там... Йес.

В длинном плаще, в лайковых перчатках, в дорогом, только что купленном пиджаке я чувствовал себя уве-

ренно и комфортно. Хуч, наоборот, маялся, ежился в обнове и поминутно хватался за галстук, пытаясь ослабить узел. Я бросал на него суровые взгляды.

— Мить, ну не могу я так, — громко зашептал Хуч. — Тошно мне в этой удавке. И ботинки натирают. Может, без меня пойдешь?

— Обломись. Ты мой партнер по бизнесу и обязан присутствовать, — заявил я и решительно открыл дверь офиса «ЭТК-Ойл».

— Вы к кому? — заступил нам дорогу охранник, здоровенный детина в синей форме и фуражке.

— К Журавскому. К Степану Иосифовичу. — Я небрежно стянул перчатку с левой руки. — Фирма «Дизайн-люкс». Мы записаны на прием.

— Да-да, конечно. — Охранник расплылся в широчайшей улыбке, не отрывая взгляда от моей руки. — Подождите секундочку, я сейчас позвоню в приемную...

— Не надо звонить, — сказал я. — Мы так пройдем. Нас ждут.

Тыльную сторону моей левой кисти украшала татуировка. Точнее, имитация татуировки. Знак «Медиум».

— Проходите! — Охранник пропустил нас в дверь-вертушку, сияя как начищенный самовар. Похоже, мы очень понравились ему.

Длинный коридор. Матовые стены, подвесной белый потолок. А где золотые светильники? Где фонтан и бассейн с писающим амуром, модным в нынешнем сезоне? Бедновато, ребята.

Ничего, мы сделаем вас богаче.

Секретарша оказалась теткой старше пятидесяти, полнова-той брюнеткой. Я хмыкнул. Предположение насчет любви на письменном столе, пожалуй, было чересчур смелым. Стол мог от такого развалиться.

— Добрый день. — Я положил левую руку на стол. — Мы звонили вам пару дней назад. Насчет наружного дизайна, помните?

— Э... да, что-то такое было... — Секретарша заворуженно скользила взглядом по линиям «Медиума». — Но ведь, кажется, встречу вам не назначили...

— Это не обязательно, — сказал я и убрал руку. — Главное, что мы пришли. Степан Иосифович будет очень рад нас видеть. Очень.

— Клавдия Васильевна, три кофе, пожалуйста, — сказал в коммутатор Журавский. — Итак, господа, — он пронизательно уставился на нас сквозь стекла очков, — что вы можете предложить нашей компании?

— Рекламу, — произнес я. — Хорошую рекламу. Я говорю об отдельно стоящих щитах в сити-формате.

«ЭТК-Ойл» была местной компанией, торгующей бензином, маслом и прочими нефтепродуктами. Компанией, надо сказать, не самой процветающей. За последний год два гиганта российского нефтяного бизнеса, лидирующие в Нижегородской области, задавили «ЭТК-Ойл» почти насмерть, она едва сводила концы с концами. Дело неуклонно шло к продаже компании одному из этих самых гигантов.

— У нас уже есть контракт с одним производителем рекламных щитов, — сказал Журавский. — Вы мне нравитесь... сам не знаю почему. Я никогда не слышал названия вашей фирмы, но почему-то мне кажется, что вы хорошо делаете свою работу. Увы, место на ближайшие десять месяцев занято. Жаль, что вы не появились раньше. Вы опоздали, господа. Просто опоздали.

— Я видел щиты, которые делает для вас ваш производитель, — сообщил я. — Откровенно говоря, фигня полная. Дорого, помпезно, но по сути — абсолютный стандарт. Сколько процентов прироста продаж бензина вам это дает?

— Процентов пять — семь. В общем-то неплохо. На большее мы и не рассчитывали.

— Мы не претендуем на то, чтобы вы расторгали контракт с вашими рекламщиками. Мы предлагаем вам работать параллельно с ними, и сперва — в небольших масштабах. Начнем с пробы. Поставьте в городе всего три наших щита, и мы обещаем вам прирост продаж процентов двадцать пять — тридцать.

— Двадцать пять? От трех щитов? — Брови Журавского поползли наверх. — Быть такого не может!

— Может, — уверенно сказал я.

— И на каких же условиях вы хотите работать?

— Пока не будем об этом говорить, — сказал я, стараясь соблюдать нейтрально-холодную интонацию. — Сперва вы должны увидеть товар, как говорится, лицом. Ваши продажи резко повысятся. И тогда вы согласитесь на все, что мы запросим. Внакладе в любом случае не останетесь. И, самое главное, ваша компания выживет и останется на плаву. У вас откроется новое дыхание...

Мы пообещали Журавскому тридцать процентов прироста, сами не зная, что получится. Конечно, мы ошиблись. Прирост превысил шестьдесят процентов. Степан Иосифович сиял от восторга. Он подписал контракт со всеми нашими требованиями, он строил наполеоновские планы — поставить по области две сотни щитов и вытеснить из региона его величество «Лукойл». Мы охладили его пыл. Вежливо намекнули, что не стоит взлетать настолько высоко — падать будет очень больно. Пока мы не хотели высовываться слишком явно и подставляться для всеобщего обзора. Мы только начинали, мы отчаянно боялись, что наша технология перестанет быть секретом.

Пока все получалось. Мы работали без особых проблем, находя себе все новых и новых клиентов. Каждый раз начиналось с пробы, через неделю клиент был наш с потрохами, через месяц мы получали новый ворох денег.

Никакой фирмы «Дизайн-Люкс», конечно, не существовало. Признаюсь, что работали мы абсолютно нелегально и налогов не платили. Хуч настойчиво предлагал легализоваться и спать спокойно — доходов на это хватило бы с лихвой. Но я все время откладывал процесс регистрации фирмы. Честно говоря, я привык работать в тени, так мне казалось безопаснее. К тому же я не любил тратить деньги впустую — а именно таким занятием мне казалась уплата налогов.

Гораздо больше меня волновало то, чтобы наш заветный узор не стал достоянием гласности. Однако и здесь все обстояло спокойно. «Медиум» нигде не выплывал на поверхность — я зашифровывал его в цветном фоне, вставлял в буквы и прятал в изображении стиральных машин, шампуней, моторного масла, купальников и сигарет — всего, что мы рекламировали. Я категорически отказывался от рекламы на телевидении, в газетах и журналах, — только большие придорожные щиты. Когда человек проносится по шоссе в машине, у него нет времени пристально рассматривать рисунок — мимолетный взгляд, моментальный отпечаток в подкорке. Это либо действует, либо нет. В нашем случае действовало эффективно. Потрясающе эффективно.

Все было в ажуре.

Хуч разрабатывал планы избавления человечества от дебилов, идиотов и прочих тупых. Он справился с пер-

воначальной своей нетерпеливостью, понял, что быстро не получится. И теперь действовал методично и скрупулезно.

Хуч первый наткнулся на заметку в газете «Нижегородский рабочий». В заметке сообщалось, что в последние месяцы в Нижнем Новгороде значительно снизилось количество людей, страдающих различными степенями слабоумия. И что по этому поводу в Нижнем созывается международная конференция психиатров, на которую прилетят такие-то и ские-то российские и заграничные светила науки.

Энтузиазм Хуча разгорелся с новой силой.

— Это наша с тобой работа! — кричал он, тыкая в меня длинным узловатым пальцем. — Это наш знак так срабатывает! Нам с тобой давно пора Нобелевку получать, а мы все еще тратим время на примитивную рекламу. Неандертальский уровень! Пора перейти к технологической манифестации!

Нужно сказать, что лексикон Хуча значительно обогатился за несколько месяцев. Он прочитал много умных книг. Слово «вау» он больше не употреблял.

— При чем тут мы? — Я попытался свернуть тему. — Интеллект повышает «Антидурь», а мы используем «Медиум».

— Значит, «Медиум» тоже повышает! Только, может быть, в меньшей степени.

— Ну и пусть себе повышает. Рано пока высываться.

— Что, денег у нас еще мало? — спросил Хуч язвительным тоном.

— Мало.

— Я пойду на эту конференцию, — решительно сказал Хуч. — Попаду на нее, чего бы мне это ни стоило.

— Объявишь о нашем открытии?

— Нет, конечно. Просто послушаю. Мне нужна информация. Я люблю информацию. Я ем ее как хлеб.

И все же я не был уверен в Хуче. Я боялся, что он, одержимый наивным мессианством, разгласит нашу тайну. Я даже подумывал, как нейтрализовать Хуча на время этой чертовой конференции. Связать его, запереть в комнате... Найти ему потрясающую девчонку...

Я не успел сделать ничего. Рыжий хмырь появился раньше. Он превратил нашу стабильность в руины.

В этот вечер мы с Хучем играли в бильярд. К тому времени я решил, что выкидывать каждый день деньги в бильярдном клубе слишком разорительно. В целях экономии я купил собственный бильярдный стол. Поскольку ни в мою, ни тем более в Хучеву квартиру стол не влезал, пришлось в приложение к нему обзавестись новыми апартаментами. Мелочи всегда тянут за собой более крупное: нашел на дороге подкову — покупай ишака. Квартирка в элитном доме — каждая из трех комнат метров всего лишь по тридцать. Бильярд, впрочем, убирался там без труда, и кием было где размахнуться.

Иногда экономия — весьма разорительная штука.

В дверь зазвонили. Пошел открывать Хуч. Пошел и не вернулся. А когда я побрел по коридору узнавать, что случилось, то получил по лбу чем-то тяжелым.

Очухались мы с Хучем почти одновременно. Пришли в себя и обнаружили, что сидим на диване, связанные вульгарными веревками. А напротив нас стоит здоровенный — килограммов на сто двадцать — бугай с рыжими усами, в темных очках.

Вопросы «Кто вы такой?» и «Откуда вы взялись?» в данной ситуации прозвучали бы совершенно неуместно. Ежу понятно, кем был рыжий толстяк. Был он Игорем — тем самым, который клал Хучу плитку.

— Неплохо вы прибрахлились. — Плиточник первым прервал молчание. — Это ж сколько такая хата стоит? Тысяч шестьдесят — семьдесят баксов, наверное, не меньше. Шикарно живете, ребятки. Поделиться желания нет?

— Хрен тебе, — заявил я. И немедленно был наказан — мясистая лапа отвесила мне оглушительную оплеуху.

Сам виноват — с грабителями так не разговаривают. Что ж тут поделать — ненавижу отдавать деньги всяким сволочам.

— Ты че, Игорь! — заныл Хуч, вернувшись к давно уже забытому образу недотепы. — Мы ж, типа, понимаем — денег тебе надо, и все такое. Ты скажи, скоко тебе надо, и все путем будет, без шума. Две тыщи устроит? Прямо шас отдадим.

— Не изображай из себя придурка, Хуч, — сказал плиточник. — Двести тысяч. Долларов, само собой, не рублей.

— Нет у нас таких денег, — прошепелявил я разбитыми губами. — И не было никогда. Тысячу баксов найдем. Больше нет — хоть всю квартиру обыщи.

— Значит, так, господа оформители, — рыжий усмехнулся в усы, — вижу, что вы принимаете меня за обычного налетчика. Позвольте объяснить, что это не так. Я вовсе не грабитель. Я пришел за своим. Полгода назад я отдал вам в аренду свои технологические разработки. Должен заметить, что воспользовались вы ими весьма умело и смогли заработать приличную сумму. Ценю ваши таланты, господа. Теперь дело за малым — заплатите мне за аренду.

— Какие такие разработки?

— Как какие? Две плитки с оригинальным узором. Теперь я с удовольствием вижу этот узор на рекламных щитах нашего города.

— Это ты их придумал?

— Я.

Врешь, хотел сказать я. И осекся. Понял, что получу по морде еще раз.

— Мы только что купили эту квартиру, — пробубнил я, — и с деньгами сейчас полный голяк. Двадцать тысяч тебя устроит? Нет, даже тридцать, машину продам, черт с ней. Это — все.

— А квартиру продать не хочешь?

— Не хочу.

— В общем, так, — толстяк махнул рукой, — выкручивайтесь как хотите, продавайте, занимайте, работайте, но двести штук мне извольте выложить. Я добрый — понимаю, что у вас проблемы, не буду требовать деньги прямо сейчас. Даю вам месяц.

Мне сразу же захорошело. Я понял, что эта тварь сейчас уйдет и оставит нас в покое на целый месяц. Месяц! За этот срок мы разберемся с ним по полной программе. Деньги ему, наглецу такому, да еще и дураку, оказывается! Да мы его под асфальт закатаем, с нашими-то возможностями...

— Без проблем, — бодро сказал я. — За месяц бабки сделаем. Все тебе отдадим, с гарантией.

— Догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь, — флегматично произнес Игорь. — Чтобы сбежать из города подальше, да? Или что-нибудь еще глупее — в милицию обратиться или даже наехать на меня. Забудь об этом. Если сделаете что-то не так, превратитесь в полных идиотов. И ты, и твой приятель. Понятно?

— И как ты это сделаешь?

— А вот так. — Толстяк проворно извлек из кармана фонарь и ослепил нас серией ярких вспышек.

— Что эта за дрянь была? — спросил я, морщась и моргая. Перед глазами плыли белые круги.

— Одно из моих изобретений. Сильная штука. Действует наподобие узора для поумнения, только в противоположном направлении. Если не предпринять специальных мер, ровно через месяц вы в одночасье превратитесь в безмозглых кретин-нов. Я зарядил вас, ребятки. Теперь каждый из вас носит в своей голове бомбу замедленного действия. Принесете мне деньги — сниму с вас порчу. Нет — пеняйте на себя.

— Я тебе не верю.

— Поверишь, — сказал толстяк. — Позвони своей сестрице Ларисе и поверишь.

14

Лариса позвонила сама, через полчаса после того, как ушел рыжий.

— С Севочкой что-то случилось, — рыдая, сказала она.

— Что?!

— Он снова поглупел. Еще больше, чем раньше. Он вообще ничего не понимает. И буквы все забыл...

— Лариса, — крикнул я в трубку, задыхаясь от волнения, — ты не знаешь, к нему никто не подходил? В смысле, к Севе, где-нибудь на улице? Какой-нибудь рыжий мужик, с фонариком? Месяц назад?

— Что ты за чушь спрашиваешь? Какой мужик? Откуда я знаю, кто к нему подходил? Лето, Севка по полдня на улице гуляет... Что делать?

— Сейчас мы к тебе приедем, — сказал я.

Любовь Хуча к детям граничила с патологией — не зря я шутил, называя его педофилом. Хуч побледнел и чуть не упал в обморок, когда увидел, что случилось с Севкой. Мой племянш сидел на полу, пускал слюни и тарасился совершенно идиотским взглядом. Лариса была права — таким тупым он не был никогда.

Разумеется, мы пришли, чтобы срочно вылечить мальчонку — показать ему картинку с «Антидурью». Само собой, узор не подействовал... Слезы, бессмысленные упреки, бабья истерика, запах валерьянки, вонь мочи — мальчонка описался...

Лучше не вспоминать такое.

Мы с Хучем поняли, что влипли крепко.

Мы стояли у бильярдного стола. Играли партию уже полчаса, катали шары туда-сюда и никак не могли забить — руки тряслись. Даже водка не помогала расслабиться.

— Как он вообще на меня вышел, гад такой? — сказал Хуч, задумчиво крутя в пальцах кий. — Почему подсунул свою плитку именно мне?

— Не тебе он ее подсунул, а мне. Вспомни — когда он предлагал положить плитку, то сперва заходил ко мне. Я не согласился, да и не мог согласиться на такое уродство. Он узнал, что ты у меня работаешь, и зацепил тебя. Зацепить тебя тогда было проще простого... извини... Ты поумнел, я заинтересовался плиткой. Сработано идеально. Чувствуется опытная рука.

— Но он же по многим квартирам ходил. И плитка у него жутко дешевая. Почему больше никто не согласился?

— Я сегодня зашел к соседке, бабе Дусе. Спросил, помнит ли она рыжего мужика, плиточника? Помнит, само собой. У наших бабулек удивительно цепкая память, они еще с советских времен натасканы на отлов шпионов. Так вот, она говорит, что он за свою безобразную плитку втридорога запросил!

— Значит, другим он предлагал плитку только для отвода глаз?

— Похоже, что так. Нужен ему был именно я. Он знал, что я — спец по наружной рекламе. И что именно мне нужно подложить эти картинки.

— Но откуда он знал, что это подействует в наружной рекламе? Ты же создал «Медиум», а не он.

— Знал, все он знал. Я уверен, что мы у него — не первые клиенты. Он уже набил руку на подобном вымогательстве. Он действует по четко отработанной схеме.

— Занять денег, отдать ему, и пусть катится к чертовой матери, — предложил Хуч. — Деньги, конечно, большие, но мозги дороже. Ты вот не был олигофреном, не знаешь, что это такое. А я знаю...

— Это не решит проблемы. Он так просто не отцепится.

— Почему ты так думаешь?

— Какой ему смысл брать разовый выкуп, если он сможет доить нас постоянно?

— Может, все-таки к ментам обратиться?

— И спугнуть его? Ты снова хочешь стать тупым, Хуч?

— Н-да...

— Что же делать?

— Есть у меня идея, — сообщил я. — Месяц у нас еще впереди, время есть. Время для расследования нашей личной детективной истории. Так вот — если мы у него действительно не первые жертвы, нужно найти тех людей, которых он уже обработал.

— И как ты это сделаешь?

— Очень просто. Пересмотреть всю нижегородскую рекламу за несколько последних лет. Внимательно, с лупой, если нужно. Искать знак «Медиум» или его модификацию. Когда найдем — выяснять, кто ее делал. А дальше уж выходить на человека...

— Искать будешь ты, — сказал Хуч. — Я завтра занят, у меня конференция.

— Какая еще конференция?

— Та самая, международная. Психиатрическая.

— Кто тебя туда пустит?

— Пустят, — уверенно заявил Хуч. — Пустят. Куда они денутся?

16

Весь следующий день я провел в областной библиотеке. Использовал старый трюк с «Медиумом», чтобы получить неограниченный доступ к архиву местной прессы, и с энтузиазмом принялся за работу.

К обеду мой энтузиазм изрядно иссяк, но я держался. Вечером я вернулся домой выжатый как лимон. В глазах рябило от цветных пятен, слово «реклама» вызывало изжогу и тошноту.

— Ну что? — спросил Хуч. — Нашел что-нибудь?

— По нулям. В прессе — ни малейших признаков наших узоров. Наверное, если их и использовали, то так же, как мы — на щитах. Может быть, еще на вывесках, там тоже действует эффективно. Только как вот теперь найти эти старые щиты? Живут они недолго — пару месяцев повисела бумажка, потом ее содрали, новую наклеили...

— Очень просто, — сказал Хуч. — Нужно исследовать нижегородскую наружную рекламу за два определенных периода.

Это апрель — октябрь тысяча девятьсот девяносто пятого года и январь — июнь восемьдесят девятого.

— Откуда ты взял эти сроки?!

— Из доклада с сегодняшней конференции.

— Что это за цифры?

— Данные медицинской статистики. В эти периоды в Нижнем отмечалось резкое снижение распространенности олигофрении.

И тут же меня осенило. Окаатило волной озарения — увы, не счастливого, скорее мрачного. Я понял, что мне делать дальше.

— Ты молодец, Хуч! — сказал я. — Просто молодец. Извини, что напрягал тебя с конференцией. Ее действительно стоило посетить. Завтра я схожу в гости к одному человеку. Думаю, он выложит мне кое-что интересное.

— Что именно?

— Пока не скажу.

Я не хотел пугать Хуча раньше времени.

Когда-то я окончил архитектурный факультет нашего строительного института. Архитектором проработал недолго — надоело день за днем, месяц за месяцем вычерчивать квадратные метры проектов, да и денег приличных это не приносило. Однако связи среди бывших коллег остались.

Я навестил старого приятеля Евгения Балашова. Во времена учебы в институте он отличался высокой общественной активностью, был старостой потока, и до сих пор поддерживал отношения с большинством выпускников архфака. К тому же Женя работал в той же сфере, что и я, — занимался наружным дизайном.

— Женя, ты знаешь всех, — сказал я, сидя в офисе Балашова и прихлебывая чай. — Скажи-ка, в октябре девяносто пятого года и июне восемьдесят девятого кем-нибудь из наших коллег-рекламщиков не случилось чего-нибудь этакого... э... скажем, нехорошего...

Я замялся.

Евгений резко помрачнел.

— В октябре девяносто пятого Сашка Точилин утонул, — сказал он. — Не помнишь такого?

— Нет.

— Он на два года моложе нас был. Тоже, как и ты, наружкой занимался. Хороший был парень, звезд, правда, с неба не хватал, потом вдруг быстро разбогател. А потом утонул. Две дочки у него остались.

— Утонул? В октябре?! Он что, моржеванием занимался?

— Никогда в жизни. Странно, правда? И водки не пил. Нормальный человек приехал осенним вечером на собственном «Вольво» к Волге, полез в ледяную воду купаться и утонул.

— Может, самоубийство?

— Так не топятся. Сам подумай.

— Стало быть, убили его?

— Следствие не нашло признаков насильственной смерти. Бог его знает, темная история...

— А в июне восемьдесят девятого что-нибудь произошло?

— Навскидку не помню, давно было. Сейчас посмотрим. — Жень со вздохом полез в компьютер. — Тут у меня база данных. Так... Ага, есть. Лена Лукошкина. Как я забыл? Такая милая девчонка была. В студтеатре у нас танцевала...

— Что с ней случилось?

— Выбросилась из окна. Девятый этаж. Насмерть.

— Тоже нечаянно?

— Ну, тут уж самоубийство, это понятно.

— Чем она занималась? Щитами сити-формата?

— Витринами. Щитов тогда еще почти не было.

— А незадолго до смерти разбогатела?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Потому что, похоже, следующая очередь кончать с жизнью — моя, — буркнул я. — Интересно, как это случится? Отравлюсь выхлопными газами или повешусь на дереве?

— Ты что, Дим, серьезно? — Жень вытаращил глаза. — Может, тебе к врачу обратиться? Ведь так нельзя — руки на себя накладывать. Что случилось?

— На меня наехали.

— И что, это повод для самоубийства?

— Не было здесь никаких самоубийств, — сказал я зло. — Убийства чистой воды. Слышишь, Жень? Если найдут мой труп, то запомни: меня пристукнули, как бы это ни выглядело.

— Тебе нужна помощь, — заявил Евгений. — У меня есть выход на шефа МВД Приокского района.

— Никаких ментов. Сам разберусь.

— А почему тебе в частное агентство не обратиться? — спросил Жень. — В то, например, которое нас охраняет. Гарантирую, что все твои тайны и грешки останутся в полном секрете. У тебя там что, мафия орудует? Или мелкий жулик? Если одиночка, то разберутся с ним в два счета. В этом агентстве такие профессионалы работают... Думаешь, на нас не наезжала всякая шантрапа? Всех отшили. Вот в этом беда та-

ких нелегалов, как ты, — когда вас шантажируют, вы и пикнуть боитесь. Думаете, что все само собой утрясется. А кончается все плохо...

— А что, — сказал я, — мысль дельная, почему бы и нет? Познакомь меня с агентами, Женя.

17

— Значит, альтернатива у нас поганая, — уныло подвел итог Хуч. — Не заплатим — дураками станем, заплатим — на тот свет угодим. Ты что предпочитаешь, Митя?

— Собираюсь выжить и остаться в полном здравии, — заявил я. — Более того — хочу прищучить этого подонка Игоря.

— Может, не трогать его?..

— Трогать. Еще как трогать. Такую тварь нельзя оставлять в покое. Вспомни, как ты мечтал сделать всех тупых умными, какие глобальные планы строил. В руках у Игоря — та же технология массового воздействия, только использует он ее по-своему, для жульнических делишек. Хорошо хоть, использует по мелочи, а представь, что будет, если эта дрянь попадет в руки преступников большого масштаба? Или в лапы политиков? Или к военным? Да они половину человечества кретинами сделают, прежде чем разберутся, что к чему. Поэтому мой приговор такой — рыжего выследить, нейтрализовать, порчу с себя снять, все игрушки-узорчики у рыжего отнять, те из них, которые обладают разрушительным воздействием, — уничтожить, полезные — засекретить до лучших времен...

— Нейтрализовать рыжего — это что такое? — поинтересовался Хуч.

— Ну, не знаю... Я бы его просто шлепнул.

— Шлепнул? По попке?

— Убил бы я его, ясно! — заорал я. — Не корчи из себя дурака, Хуч! Что еще с ним можно сделать?

— В олигофрена превратить, — сказал мягкосердечный гуманный Хуч, — при помощи его же собственного фонарика. Не представляю только, как нам удастся все это сделать. Мы же с тобой не супермены...

Я представлял все достаточно четко. Причиной тому была моя встреча с подполковником запаса Ольгиным из агентства «Ангел-хранитель» — того самого, что отвечало за безопасность фирмы Балашова.

Итак, Виталий Сергеевич Ольгин — чуть выше среднего роста, поджарый, мускулистый. Лет около пятидесяти. Седой ежик волос, аккуратно подстриженные усы, желтые волчьи глаза. Профессионал по охоте на людей, вышедший на военную пенсию. Новый герой нашей повести, призванный исправить ситуацию и довести ее до победного конца.

Он привел меня в отдельный кабинет, запер дверь, включил кондиционер, закурил и приступил к делу (угадайте, что курил подполковник Ольгин — самокрутки с махрой? Сигары Chateau de la Fuente? Нет, всего лишь обычный «Винстон»).

Я изложил суть. Умолчал, само собой, об узорах, нарисованных на плитке, о их необычном воздействии, о том, как мы использовали их в рекламе... Я боялся, что Ольгин умело вытящит из меня нежелательные подробности, но он обошелся малым.

— Итак, вы хотите, чтобы я нашел человека, который вас шантажирует? — уточнил он.

— Да. Нужно узнать его имя и фамилию, если можно — что-нибудь из биографии. Обязательно — где он живет. На все это — две недели, не больше. Сроки нас поджимают.

— Дальше что? Отдадим его милиции или сами разберемся?

— А что, это возможно — самим?

— Для нас нет ничего невозможного, — сказал Ольгин с жесткой уверенностью. — Я таких типчиков, как ваш Игорь, колю как орехи. Голыми руками. Только скорлупа хрустит.

Деньги дают силу — старая житейская аксиома, не изведенная, впрочем, среднестатистическим большинством населения. До сих пор мне не приходилось запускать эту машину в действие. Да и денег, собственно говоря, больших не было. Теперь наличествовали все компоненты: крутые бабки, гнусный убийца, профессионал-спецназовец. Механизм был запущен и начал набирать обороты.

Я снова почувствовал себя уверенно. Решил, что развязка наступит скоро, на днях. Благополучная развязка, само собой.

Все шло к этому.

18

— Ты слишком уверен в своем суперподполковнике, — сказал Хуч. — А он действует по стандартной, примитивной схеме. Почему ты решил, что наш преступник Игорь укладывается в стандарты?

— Никто ничего не решил, — огрызнулся я. — Просто мы с Ольгиным работаем, решаем ситуацию. А ты ни черта делаешь, балбесничаешь, читаешь какие-то дурацкие книжонки.

— Это сборники научных статей, — Хуч с любовью провел пальцами по стопке истрепанных брошюр, — начиная с пятидесяти восьмого года и заканчивая две тысячи первым. Все они посвящены высшей нервной деятельности. Я притащил их из медицинской библиотеки.

— Для чего тебе нужна эта заумь?

— Наши узоры. Все дело в них. Тебе никогда не хотелось узнать, откуда они появились? Ты же не думаешь, что их изобрел пролетарий-плиточник?

— Понятно... — Я картинно сложил руки на груди. — И что тебе удалось откопать?

— У этих трудов есть одна интересная особенность — все они написаны учеными нашего города.

— И что с того?

— По данным конференции, феномен снижения уровня олигофрении имел место только в Нижегородской области, больше нигде. Из этого можно сделать вывод, что узоры были разработаны в Нижнем.

— Ты хочешь найти людей, которые это сделали?

— Да, конечно.

— Их убил Игорь, — жестоко сказал я. — Убил, закопал, на дощечке написал. Технологию присвоил себе. А мы разберемся с ним самим — другого выхода у нас нет. На этом закончится плохая история и начнется история хорошая. Я назначу тебя, Хуч, главным координатором по исключительно гуманному применению наших графических комбинаций. Нобелевку можешь забрать себе — думаю, это будет Премия Мира. Не нужны нам создатели узоров — старых и новых. Будем надеяться, что их нет в живых. Эта игрушка слишком опасная, дорогой мой Хуч.

— Игорь пудрит нам мозги, — встревоженно сказал Хуч. — Он обманывает нас, и пока я не могу понять в чем. Нам нужна информация, как можно больше достоверной информации. Иначе он обведет нас вокруг пальца.

— Виталия Сергеича не обведет! — уверенно заявил я.

Виталий Сергеевич Ольгин уселся в кресло, открыл кейс и кинул на стол пяток цветных глянцевых фотографий:

— Его физиономия?

— Он самый, — сказал я, морщась от пикантной смеси удовольствия и отвращения. — Толстая рыжая сволочь. Как его зовут, узнали?

— И в самом деле Игорь. Игорь Федорович Сяганов. Живет на отшибе, на окраине Сормова. Адрес известен. Занятная у него там избушка...

— Сяганов? — Хуч оживился. — Знакомая фамилия. Где-то я ее видел...

— Подожди! — Я нетерпеливо махнул рукой. — Виталий Сергеевич, как вы его зацепили?

— Очень просто. Он регулярно следит за вашей квартирой. А я — за ним. У него «Жигуль» третьей модели, старый, но в приличном состоянии. Стекла — высокой степени тонирования. Каждый день с двух дня до десяти вечера Сяганов проводит на улице, выходящей к вашему подъезду. Несколько раз сопровождал вас, Дмитрий, по пути следования вашего автомобиля.

— Вот гад, — выдохнул я. — Ну ладно, попался, голубчик. Когда брать его будем?

— Брать? — Брови подполковника приподнялись как бы в искреннем недоумении. — Что значит — брать?

— Как что? — На этот раз удивился я. — Мы приходим к нему в дом, берем его за хибон и... как бы это сказать... нейтрализуем. Потом забираем то, что принадлежит нам. А потом уезжаем.

— А в его доме есть что-то, принадлежащее вам? — Ольгин хитро прищурился.

— Есть.

— Все это незаконно, господа, — спокойно сказал Ольгин. — Абсолютно незаконно. Действия, которые вы планируете, грозят вам статьей Уголовного кодекса Российской Федерации. Точнее, сразу тремя статьями.

— Я ничего не планирую, — тут же забормотал Хуч. — Митя, я же тебе говорил, зря ты все это, ничего не выйдет...

— Помолчи, — оборвал я его. — Виталий Сергеевич, давайте говорить откровенно. Как вопросы такого рода решаются в вашем агентстве? Вы же их как-то решали до сих пор? Вы сами говорили, что для вас нет невозможного.

— Говорил... — Ольгин забарабанил пальцами по столу, полез за очередной сигаретой. — Можно, конечно, решить, если постараться, но сложно, сложно... Во-первых, у этого вашего Игоря не дом, а настоящий бастион. С виду —

обычное одноэтажное строение, примыкает к заброшенному складу. Участок шесть соток, окруженный деревянным забором. Но есть основания подозревать, что на территории участка имеются подземные помещения, связанные с территорией склада. Я видел, как субъект наблюдения заходил в свой дом и через десять минут выходил с территории склада. Что там — просто туннель? Вряд ли. Я думаю, что там могут быть обширные помещения, защищенные современными техническими средствами. Значит, захватить субъекта на его территории будет не так-то просто, потребуется создание опергруппы из трех-четырех человек. Естественно, поскольку операция незаконна, всем им придется прилично заплатить...

Ольгин выразительно посмотрел на меня.

— Естественно. — Я кивнул.

— Дальше: поскольку дом находится в населенном районе, операцию захвата могут наблюдать немало свидетелей. А это — немедленный вызов милиции и большие неприятности. Поэтому вопросы с УВД нужно решить заранее. Получить, так сказать, негласное разрешение. Лучше даже, чтобы во время операции присутствовал наш человек из Сормовского отдела УВД. Само собой, не бесплатно, человека нужно отблагодарить.

Я снова кивнул.

— В общем, то, чего вы хотите, будет стоить приличных денег, — резюмировал подполковник.

— Сколько именно?

— Нужно посоветоваться с людьми, все обсчитать...

— Не тяните кота за хвост, — сказал я. — Вы прекрасно знаете, сколько это стоит. Говорите. Мне нужно знать, потянем ли мы такое.

— Тридцать тысяч долларов.

Ольгин назвал сумму явно наобум, зависил ее раза в два, в расчете, что я начну торговаться и снижать цену. А я едва не взвыл от восторга, едва удержался, чтоб не заорать: «Да, да!!!»

Что такое тридцатка по сравнению с двумястами тысяч? Мелочь. Зато мы будем единственными владельцами уникальной технологии. Монополистами. Будущее уже рисовалось мне в виде орла с золотыми крыльями и алмазной головой, парящего в недостижимой для простых смертных высоте.

— Это возможно, — сказал я, задумчиво почесывая подбородок. — Тридцать, конечно, много, но... скажем так, двадцать пять — сумма вполне реальная.

На этот раз чуть не взвыл Ольгин. Счастливые чертики запрыгали в его глазах.

— Что ж, — произнес он не менее флегматично, чем я, — пожалуй, на такой сумме мы и остановимся. Через неделю можно будет все сделать.

— Почему через неделю? Что, раньше нельзя? Завтра-послезавтра?

— Завалить все дело хотите? Я должен как следует обследовать территорию субъекта. Пока он следит за вами, порыскать по его владениям и выяснить, что нас там может ждать. Произвести, так сказать, рекогносцировку. Со своими хлопцами, опять же, договориться, подобрать надежных ребят, оргвопросы решить.

— Три дня, — сказал я.

— Пять. Никак не меньше. И аванс. Три тысячи прямо сейчас.

На том и сошлись.

19

Едва мы прибыли с Хучем домой, как он бросился к своим научным брошюркам и начал их ворошить. Через пять минут издал победный клич — я едва не оглох.

— Сяганов! — вопил он. — Сяганов! Ну конечно, он самый!

— Что означают сии истошные крики? — осведомился я.

— Профессор Сяганов Федор Андреевич. Такое сочетание тебе о чем-нибудь говорит?

— Похоже, что это папаша нашего Игоря Федоровича.

— Наверняка так и есть! Сяганов — известный нейрофизиолог, он занимался исследованиями неокортекса еще в шестидесятых—семидесятых.

— Ты становишься умнее меня, Хуч, — заметил я. — Говоришь слова, которых я не знаю.

— Неокортекс — это определенные участки серого вещества головного мозга. Понятно?

— Более или менее.

— Мы найдем этого профессора! — Хуч пришел в небывалое возбуждение, скакал козлом по своей захлавленной комнате и сшибал все на пол. — Мы поговорим с ним! Мы узнаем, как все это произошло.

— Хорошо, — согласился я. — Найдем, поговорим. Если он еще жив, конечно.

Честно говоря, мне было ни капли не интересно. Мой золотой орел не нуждался в подпорках. Но так желал Хуч, а желание Хуча надлежало исполнить.

Я любил Хуча как младшего братишку. Мне было приятно исполнять его детские прихоти.

Профессор жил в десяти минутах ходьбы от нас, в старом «сталинском» доме. Он сам открыл нам. Вежливо поздоровался и повел по темному коридору, пропахшему мышами и стариковским одиночеством.

Лицом старый профессор отдаленно напоминал своего непутевого сына. Возможно, что некогда Федор Андреевич тоже был рыж и крупен телом. Теперь он был сед, тощ и безнадежно стар. При ходьбе он пошатывался и опирался на палочку.

В кабинете царил полумрак, толстые зеленые шторы едва пропускали солнечный свет. Сяганов опустился в кресло, положил на стол сухие морщинистые руки.

— Вот, Федор Андреевич. — Хуч, нервно моргая, выложил перед ним рисунок «Антидури». — Что вы можете об этом сказать?

Профессор уставился на картинку сквозь толстые линзы очков. Потом вытащил из кармана склянку, открыл ее, отправил под язык таблетку. Запахло валидолом.

— «Комбинация 3216 д», — тихо сказал он. — Давно я ее не видел. Вам ее Игорек дал?

— Дал... — Я усмехнулся. — Ладно, можно и так сказать — дал. Лучше бы не давал.

— Когда вы видели Игорька?

— Меньше месяца назад. А вы давно его видели?

— Давно. Очень давно. В девяносто втором он вышел... — профессор кашлянул в кулак, — вышел из тюремного заключения. Вернулся домой, пожил у меня месяца два. А потом ушел.

— Как к нему попала эта дрянь? — Я показал на картинку.

— Украл. Взломал мой сейф, для него это было нетрудно, он хорошо разбирался в замках... Он забрал все, включая копии.

— Он знал, какое воздействие могут оказывать эти комбинации?

— Знал, конечно, знал. Игорек — очень умный. — В голосе профессора послышалась гордость.

Я уже начал догадываться, в чем дело. «Игорек — очень умный». Хорошо звучало. Звучало так, что нетрудно было догадаться: когда-то Игорек был очень тупым.

— Федор Андреевич, кто изобрел эти комбинации? Вы?

— Я.

— Специально, чтобы излечить вашего слабоумного сына?

— Нет, не специально. — Профессор махнул рукой. — Это случайность, всего лишь случайность... В семидесятых годах я занимался высшей нервной деятельностью приматов. Как бы вам объяснить суть экспериментов...

— Мы знаем, как это выглядело, — сказал Хуч. — Вы просверливали в черепе шимпанзе маленькие дырочки, вставляли тонкие проволочки-электроды в определенные участки коры головного мозга и регистрировали биотоки.

— Да, именно так оно и было. — Профессор удивленно посмотрел на Хуча. — Откуда вы знаете, молодой человек?

— Я читал ваши работы. Стандартная методика.

— Да, да. Моя кафедра изучала условные рефлексы обезьян. Мы проводили серии опытов — комбинировали различные геометрические фигуры, демонстрировали их приматам, записывали кривые биотоков, делали вывод о реакции. В общем, ничего необычного. Одна докторская диссертация, три кандидатских. Потом деньги на обезьян перестали давать, они дорогие, много едят, легко простужаются. Мы перешли на кошек...

— Ближе к сути, Федор Андреевич, — нетерпеливо сказал я. — О кошках поговорим потом.

— Одна из случайно составленных комбинаций резко повысила умственные способности Герцога.

— Герцог — это обезьяна?

— Да, шимпанзе-четыrehлетка. Ах, малыш Герцог, такой умничка был... — Старик прикрыл глаза, вздохнул. — Он стал лучше понимать человеческую речь... да что я лукавлю, он начал понимать русский язык не хуже нас с вами. Говорить Герцог, конечно, не научился, гортань антропоидов для этого не предназначена, но мы общались при помощи жестов. Часами с ним разговаривали. Герцог начал считать до тысячи. Решал арифметические примеры. Порой мне казалось, что он даже скрывает свои умственные способности. Он что-то замышлял...

— Сбежать он хотел, — заявил Хуч. — Вот вы попробуйте, просидите всю жизнь в клетке.

— Кто-нибудь еще знал об этом? — вмешался я.

— Никто. Никто не успел узнать.

— Почему?

— Потому что Герцог погиб. Острая двусторонняя пневмония. Кто-то забыл закрыть форточку на ночь, зима... В общем, он не прожил и трех дней, антибиотики не помогли. Такой вот печальный итог.

— Это вы его убили! — заявил я. — Сначала форточку открыли, потом лечили его неправильно или еще что-то там... Не важно как. Главное то, что вы это сделали.

— Нет, нет, что вы... — забормотал старик. — Как я мог?

— Вы испугались. Страшно испугались.

— Да! — признался вдруг профессор. — А вы бы не испугались на моем месте? У нас обычный мединститут, я руковожу кафедрой, ответственное лицо. А тут такое феноменальное открытие! Вы вспомните время — холодная война, гонка вооружений, империалисты разрабатывают секретное оружие. К нам и так из КГБ регулярно наведывались, интересовались, нет ли у нас разработок, перспективных в плане... Ну, вы понимаете, в плане чего. Они называли это «оборонными приоритетами». Если бы сведения о «Комбинации 3216 д» стали известны, нас бы засекретили.

— А что в этом плохого для вас? — спросил я. — Заработали бы немало денег, за оборонку тогда хорошо платили, дали бы вам еще какой-нибудь допнак, привилегии, а со временем, глядишь, и Героя Соцтруда бы получили...

— Я бы сразу стал невыездным, понимаете? Я регулярно ездил за границу с докладами, конечно, не в капстраны — в ГДР, в Чехословакию, Польшу, но тогда и это было высоким уровнем. Я жил очень неплохо и вовсе не собирался разрушать свой уклад жизни. И самое главное: я не хотел, чтобы все это попало в грязные руки. — Профессор покачал головой. — Вы можете мне не верить, но я всегда был пацифистом. Это же не просто картинки-узоры... Оружие, мощное оружие... Сделать тупых умными, умных — олигофренами... Боже упаси. Стоит только начать, и уже не выберешься. Помните, что они сделали с Дмитрием Андреевичем? С Сахаровым. Я знал его лично, в больнице его консультировал...

— Понятно, — сказал я. — Должен признаться — вы были абсолютно правы, доктор. Обезьянку, конечно, жалко, но что тут было поделывать... Только как же получилось, что комбинация до сих пор существует, почему вы ее не уничтожили сразу?

— Вы уже догадались почему. У меня был больной сын, Игорек. Олигофрения. К тому времени ему было

восемнадцать лет, полжизни провел в интернате для слабоумных. Здоровенный парень, в армию не берут, читать едва научился, зато преступных наклонностей — хоть отбавляй. К этому у него были явные способности — к воровству, к бродяжничеству, к постоянным дракам на улицах. Наркотиков тогда не было в таком масштабе, как сейчас, но дешевым портвейном он напивался постоянно. Ужасно... Он свел в могилу свою мать, и я тогда тоже был близок к инфаркту. Он выносил из квартиры вещи и продавал. Ко мне приходил участковый... В общем, я решил, что попробую комбинацию на Игоре, а потом уничтожу ее — вне зависимости от результата.

— И Игорь стал умницей.

— Да. Феноменально! Это превзошло все мои ожидания...

— И тут же исправился, свернул с преступного пути и пошел светлой дорогой в будущее?

— Сперва все было хорошо — Игорь стал намного спокойнее, начал читать, много и с удовольствием. Поступил в техникум, учился неплохо, стал разбираться во всякой механике. Пить бросил. Я просто нарадоваться не мог. Он собрал мотоцикл своими руками, потом машину старую купил, починил... Техникум окончил, стал зарабатывать. А через три года его арестовали. Оказывается, там целая преступная шайка была, они квартиры грабили, а Игорек все это на своей машине возил. Дали ему четыре года. Отсидел, вышел. А дальше вы все знаете.

— С тех пор как он забрал рисунки и ушел, он с вами никак не связывался?

— Никак. Я пытался найти его — безуспешно.

— Хотите знать, где он живет? Увидеть его хотите?

— Не уверен. — Руки профессора задрожали. — Откровенно говоря, я к этому не готов. Он избивал меня... несколько раз, после тюрьмы. Пожалуй, лучше мне его не видеть. Он жесток — холодно, расчетливо, бесчеловечно. Я боюсь его.

— Итак, почему же вы все-таки не уничтожили свои волшебные узоры?

— Жалко было. Я думал, никто не знает о них. Думал, унесу этот секрет с собой в могилу. Увы, не получилось...

— Сколько графических комбинаций было в вашем сейфе?

— Две. Всего две. И один нейтрализатор.

— Нейтрализатор? Это что еще такое?

— Устройство, генерирующее световые вспышки. Похоже на фонарь. Оно снимает положительный эффект от «Комбинации 3216 д». Больше того — нейтрализатор приво-

дит умственные способности в состояние гораздо хуже прежнего. Проще говоря, бывший дебил становится имбецилом.

— Знакомая штука... Тоже ваше изобретение?

— Да. Уже в восьмидесятих годах я экспериментировал на кошках. У кошек, конечно, эффект слабее, и вообще находка действующей частоты была случайностью...

— Слишком много у вас случайностей, — перебил его я. — Вы создали эту штуку, чтобы попытаться нейтрализовать Игоря. Только он опередил вас.

— Подождите, Федор Андреевич, — встрял Хуч, — вы сказали, что нейтрализатор действует на бывших олигофренов. А на нормальных людей?

— Никак не действует.

— То есть он не может сделать нормального человека дураком?

— Никоим образом. Только того, кто был «исправлен» при помощи «Комбинации 3216 д».

Меня прошиб холодный пот. Хуча, судя по всему, тоже.

— Ты понял, Митя, что это значит? — произнес он дрожащим голосом.

— Понял, — сипло сказал я. — Мне не грозит превратиться в овощ. Я уже почти спасен. А вот ты — нет.

— Так вы — «исправленный»? — Профессор вытаращился на Хуча.

— Да. Ваш Игоречек обработал меня нейтрализатором. — Хуч едва не плакал.

— Быть того не может! — уверенно заявил профессор.

— Почему?

— Нейтрализатор действует почти мгновенно, в течение пяти секунд.

— Тогда все понятно, — тихо сказал Хуч.

20

Мы покинули профессора, но не дошли до дома. Забредли в ближайшее кафе и набросились на холодное пиво, снимая стресс.

— На твоего Севу он воздействовал настоящим нейтрализатором, — сказал Хуч. — А нам показал имитатор, игрушку. И это намного облегчает дело.

— Дело в шляпе, — заявил я. — Ты гений, Хуч, что додумался навестить дедулю-профессора. Нам с тобой ничто не угрожает. А рыжего, гада такого, скрутим на наших глазах.

— Отнимем у него нейтрализатор, — подхватил Хуч, — и посветим в рожу. Пусть снова станет дебилом. Он это заслужил.

— Только ты не вздумай присутствовать при этом, — сказал я. — Тебе на работу настоящего нейтрализатора смотреть нельзя. Пятнадцать секунд — и ты кретин.

— Козе понятно, — сказал Хуч.

Профессор Сяганов скончался на следующий день у себя дома. Официальный диагноз — острый инсульт, кровоизлияние в мозг и так далее. Но я почему-то до сих пор уверен, что к этому приложил руку его мерзкий сынок. Рыжий Игорь бродил за нами невидимой тенью. Он знал обо всем, что мы делаем.

Почти обо всем.

Своим визитом к профессору мы сравнивали счет. Всего лишь сравнивали. Но мы об этом не знали — были уверены, что убойно выигрываем по очкам.

*Errare humanum est**.

21

— В чем дело? — спросил я. — Где ваша команда, Виталий Сергеевич? Почему вы один? Сегодня наша операция не состоится?

— Все нормально, — сказал Ольгин. — Не надо лишних людей. Я сделаю все сам.

Ольгин выглядел так, словно шел на деловой визит, а не на боевую операцию. Серые отутюженные брюки, белая рубашка, куртка из дорогой замши. Даже галстук не забыл, пиджак хренов.

Я зло помотал головой:

— Так не пойдет. Вы же сами доказывали мне, что нужна опергруппа, что там у Сяганова — настоящие катакомбы. Если вам нужно больше времени на подготовку — так и быть, дадим вам еще пару дней.

— Нет там никаких катакомб. Я все облазил, знаю теперь его усадьбу как свои пять пальцев. Признаюсь, что я переоценил сложность ситуации. Лишние люди — лишние языки. С районным ОВД все улажено. Остальное сделаю сам. Сегодня в одиннадцать сорок пять вечера мы возьмем его.

— Вы как будто в ресторан собрались. Я не вижу никакой экипировки.

— Экипировка? Вот тебе экипировка! — Подполковник распахнул полы куртки, и я увидел ремни с кобурой и широкий пояс, из десятков кармашков которого торчали ножи, отвертки, сверла и гаечные ключи причудливых форм, а также не поддающиеся распознаванию металлические приспособления. — Ты что, хочешь, чтобы я шел в камуфляже и с «калашниковым» наперевес? Чтобы устроил там пальбу из гранатомета? Так вот что я тебе скажу, дорогой Дмитрий: ты свое дело знаешь, а я свое. И если я говорю, что надо делать так-то, то делать надо именно так. Таких ерундовских дел, как сегодня, я уже миллион сделал. Я профессионал, понял? И если я тебя не устраиваю, то уйду прямо сейчас, а ты ищи другого. Только не найдешь — это я тебе гарантирую. Никто в городе после сегодняшнего с тобой работать не станет.

Безупречно корректный Ольгин резко перешел на «ты», это произвело на меня определенное впечатление. Хуч же, как замороженный, тарасился на хромированную амуницию подполковника. Выглядело действительно впечатляюще.

— Аванс-то хоть вернешь? — спросил я.

— Аванс? — Подполковник захохотал. — На, бери свои три тыщи! — Он вытащил из кармана и швырнул на стол пачку купюр. — Небось думал, что я проел-пропил эту твою мелочь?

Это меня добило.

— Извини, Виталий, — сказал я. — Кажется, я ошибался. Ничего не отменяется, договоренности остаются в силе. Делай свое дело.

22

Итак, на дело пошли вдвоем — Ольгин, я и Хуч. Машину оставили в километре от дома Сяганова — чтобы не светиться. К дому пошли пешком. Моросил холодный осенний дождь, грязь хлюпала под ногами, на улице стоял кромешный мрак. Сяганов жил на отшибе, до ближайшего уличного фонаря было метров триста.

Дом окружал забор — деревянный, высокий, из досок, плотно прилегающих друг к другу. На воротах висел здоровенный замок.

— Это что, его дома нет? — опешил Хуч. — Кого же мы брать будем?

— Дома он, — уверенно сказал Ольгин. — Как обычно, проник на свою территорию через подземный ход со склада. А замок — для отвода глаз. Сейчас этого замка не будет.

Через десять секунд замка не было.

— Окна не горят, — объяснял подполковник, пока мы шли по дорожке к дому. — Вероятнее всего, это означает, что он сидит в своем подвальном помещении. Это хорошо — шума не услышит. Замки на двери у него капитальные, многоригельные, с секретами, возиться придется долго...

— Справишься?

— Спрашиваешь...

Белокирпичный дом, простецкий с виду, был защищен по первому классу. Я слышал, как тихо матерится обычно невозмутимый Ольгин, щупая внутренности двери длинной отмычкой. После открытия первого замка в ход пошли электрические провода, присоединенные к хитроумному электрическому прибору. Через десять минут что-то негромко загудело, невидимые ригели щелкнули и вышли из пазов. Ольгин вытер пот со лба.

— Наставил всякой приблуды ваш рыжий, — сказал он, — а что толку? Для толкового специалиста это не работа, а так, работенка. Вход свободен, господа.

Я посмотрел на него с уважением. Хуч — с восхищением.

За дверью оказалась не прихожая — длинный коридор с голыми стенами, а в конце его — снова железная дверь. С нею Ольгин справился минут за пять.

— Достал он меня своими запорами, — сообщил Ольгин. — Долго возимся. Выбиваемся из графика на две минуты.

— Он нас не засек еще?

— Не засек. Там он, внизу, телевизор смотрит. — Ольгин ткнул пальцем вниз. Из подвала доносился слабый отзвук речи. — Сейчас как раз «Убойная служба» идет. Он ее не пропускает.

Мы вошли в просторный квадратный холл, подполковник осветил стены фонариком. Четыре внушительные двери, одна из них открыта.

— Это ход в подвал, — тихо сказал Ольгин. — Идем туда. И берем его.

— Как ты думаешь, он вооружен?

— Нет. Точно нет. Проверено. Сяганов питает личную неприязнь к огнестрельному оружию.

— А если нож?

— Для этого существуют приемы рукопашного боя. — Ольгин сдержанно улыбнулся.

— Виталий, я напоминаю: сперва пусть он отдаст нам все, за чем мы пришли. Кое-какие документы и один хитрый фонарик. Сами мы можем их не найти. Потом его нужно обездвигить — это твоя работа. А потом я его нейтрализую. Этим самым фонариком.

— Все помню, — кивнул Ольгин. — Не волнуйтесь, ребята, все будет по плану. Я иду первым, вы — за мной, метрах в трех. Голосов не подавать, в мои действия не вмешиваться. И аккуратнее двигайтесь — лестница здесь крутая, шеи себе не сломайте.

Он бесшумно скользнул вперед.

— Мужик — супер! — прошептал мне в ухо Хуч. — Зря я в нем сомневался.

23

Комната, в которую мы вломились, была обставлена по канонам мешчанского совка — ковры на полу и стенах, горка с хрусталем и хохломой, телевизор на тумбочке, полированный стол. На столе — початая бутылка коньяку, нарезанная селедка, наломанный большими кусками ржаной хлеб. На разложенном диване собственной усатой персоной возлежал хозяин дома.

— Гражданин Сяганов, — рявкнул Ольгин, — встать, лицом к стене, руки за голову!

Сяганов испуганно вскочил на ноги, вытаращился на нас, медленно поднял лапы, поросшие оранжевым волосом. Его монументальное пузо оттопыривало майку и свешивалось над дешевыми тренировочными штанами.

— Эй, начальник, — сказал он, — в чем дело-то? Если вы из милиции, то ордерок предъявите. А если просто так, то права не имеете, я жаловаться буду.

— Значит, так, — сказал Ольгин, — ты, Сяганов, мошенник и рецидивист, не по делу обидел двух наших клиентов. Это называется шантаж и вымогательство, ты понял? Снова на зону хочешь? Загресишь в два счета. А если не хочешь — делай, что тебе говорят. Понял?

— Понял, — хмуро сказал рыжий.

— Давай все рисунки и нейтрализатор, — сказал я. — И плитки, если еще остались. Все давай.

— Нет у меня ничего такого...

— Придется объяснить, — сказал я. — Виталий, займись.

Ольгин сделал быстрое движение, я даже не успел понять какое, и толстяк упал на пол. Захрипел, засучил по ковру ногами.

— Не придуривайся, — сказал Ольгин, — жить будешь. В следующий раз сделаю большее. Вставай и давай то, что от тебя требуют.

Сяганов открыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

— Ушлые вы ребята оказались, — прогудел он. — Ваша взяла. Значит, так — я отдам все, что вам надо, а вы меня отпустите с миром. Я больше перед вами мелькать не буду, из города уеду. Лады?

— Лады, — сказал я.

Не люблю обещать невыполнимого. Но иногда приходится.

24

Рыжий возился с сейфом долго — набирал код, поворачивал круги с делениями и цифрами. Ольгин стоял рядом и дышал ему в затылок.

— Вот оно, — сказал Сяганов, наконец открыв дверь. — Все тут. Можете посмотреть.

Смотреть, по идее, должен был я. Или Хуч. Но Ольгин первым сунул нос в сейф — уж очень ему любопытно было, что за секреты стоят двадцать пять тысяч баксов. И тут же осел на пол в приступе истерического хохота.

Сяганов пнул подполковника ногой в ребра и с непостижимым для столь тучного тела проворством рванулся в сторону. Вломился в стенной шкаф и исчез.

Хуч бросился к сейфу.

— Там «Эйфо» лежит! — завопил я. — Не гляди, Хуч, вырубись!

Хуч, послушно зажмурившись, пошарил рукой на полке и вытащил большой фонарь — раза в два больше того, которым дурачил нам головы Игорь.

— Нейтрализатор!

— Он самый. Эй, Виталий, вставай!

Я присел рядом с Ольгиным и начал хлестать его по щекам. Подполковник очухался удивительно быстро.

— Что это было? — взвыл он, ошарашенно вращая глазами.

— Не важно! Рыжий уходит!

— Сейчас догоним. — Ольгин резво вскочил на ноги. — Спокойно, ребятки, все под контролем.

Проем шкафа открывался в темный туннель. Ольгин пошел вперед, шаря рукой по стене.

— Не видно ни зги, — бормотал он. — Сейчас найдем... Здесь должен быть рубильник. Ага, вот он!

Вдоль потолка разом вспыхнули люминесцентные лампы. Я увидел Игоря, стоящего в центре туннеля. В руке он держал пистолет.

Пистолет оглушительно кашлянул. Подполковник запаса Ольгин повалился на спину вверх лицом. Во лбу его появилась аккуратная багровая дырка.

Я стоял онемев, не чувствуя ватных ног. Наш супергерой, спаситель, профессионал в долю секунды отправился на тот свет, разрушив тем самым тщательно расписанный сюжет.

— Откуда пистолет? — проблеял Хуч. — Ты же не любишь оружие, Игорь?

— Полюбил, — коротко сообщил рыжий. — С вами, козлами, еще не то полюбишь. А ну-ка, давай сюда игрушку. Будешь дергаться — шлепну, как этого легавого.

Он надвигался темной неопрятной тушей. На меня нашел ступор — как на кролика, гипнотизируемого удавом. Рука моя медленно поднялась вверх и протянула нейтрализатор вперед. Игорь уже притронулся к нему пальцами... И тут Хуч с визгом бросился наперез.

Игорь успел выстрелить, но пуля ушла в сторону. Пистолет покатился по полу. Я стоял и обалдело смотрел, как барахтаются на бетонном полу Хуч и Сяганов. Кажется, я не сообразал ничего.

— Митька, включай фонарь! — Вопль Хуча вывел меня из оцепенения. — Включай скорее, чего стоишь?

— Не могу, — просипел я. — Ты тоже тогда, Хуч... Тоже...

— Включай!

Сяганов весил в два раза больше тощего Хуча. Он уже почти скрутил бедолагу, Хуч держался из последних сил, не пуская громилу ко мне.

Резкое движение — и Хуч полетел в сторону. Рука Сяганова цапнула пистолет.

— Включай! — слабый голос Хуча.

— Хуч, зажмурься!!! — заорал я. И нажал кнопку.

В подземелье ворвался клубок ослепительных молний. Сильные отсветы заплескали на стенах.

Игорь поднял пистолет и направил его на меня. Потом громко икнул. С удивлением посмотрел на пистолет, словно не понимая, что это такое... Разжал пальцы и уронил оружие на пол. Из угла его рта потекла струйка слюны.

— Хуч, ты зажмурился? — крикнул я. — Ты как, Хуч? Все нормально?

— Гы-ы, — раздалось в ответ.

Хуч смеялся, широко разевая рот.

25

Перед тем как продать квартиру Хуча, я отодрал от стен ванной и туалета всю плитку, расколошматил ее в мелкие осколки, вывез на машине в лес и закопал в овраге. Я с ужасом думал о том, что кто-нибудь может восстановить проклятые графические комбинации и пустить их в дело. Мало ли дураков на свете? Таких, как я.

Хучу квартира больше не нужна. Он живет у меня. Я кормлю его, стираю его простыни, в которые он регулярно мочится, вожу его на прогулку два раза в день. Мой братишка Хуч любит гулять.

Я — его опекун. Он недееспособен.

Мне стоило больших трудов добиться опеки над ним. Я сделал фальшивую справку, что он — мой двоюродный брат. Это основательно опустошило мои карманы... Я не жалею об этом. Я пересмотрел свое отношение к деньгам. Деньги — дерьмо. Я отдал бы все, что имею, лишь бы вернуть Хучу разум. Увы, никто не в состоянии сделать это. Даже известный московский профессор О.Г. Кукушко, к которому я возил Хуча, сказал, что данный клинический случай безнадежен. Что никто не в состоянии превратить имбецила в нормально мыслящего индивидуума.

Много они знают, эти профессора.

Перед тем как уничтожить все три комбинации, я пытался привести Хуча в нормальное состояние. Каждый день показывал ему «Антидурь» раз по сто. Конечно, без толку. Покойный проф. Сяганов хорошо знал свое дело, будь он проклят. Нейтрализатор выжиг Хучу большую часть мозгов. Впрочем, как и Игорю Сяганову.

Игорь занял место, приличествующее ему, в психушке на улице Ульянова. Безобидный идиот... Почему-то этот

конец никак не устраивает меня. Не могу я считать его счастливым, и все тут.

Полгода назад я стер с лица земли все узоры, созданные проф. Сягановым. Все туалетные плитки, бумажные копии, эскизы рекламы, компьютерные файлы. Гнусный нейтрализатор я растоптал ногами, а обломки сжег в костре. Само собой, я больше не пользуюсь «Медиумом» в работе. Иногда мне снится, что «Комбинация 3216 д» ожила — как мертвец, восставший из гроба. И тогда я просыпаюсь в холодном поту.

Почему-то я уверен, что люди не готовы к тому, чтобы получить такую игрушку в свои руки. Один Большой Вождь уже пытался избавиться от олигофренов, сумасшедших и прочих, не укладывающихся в рамки стандартного человеческого интеллекта. Этого вождя звали Адольф Гитлер. Что у него получилось? Ничего. Я проверял статистику — процент слабоумных в нынешней Германии вполне соответствует среднеевропейскому. Природу не обманешь.

Хуч... что сказать о нем? Он по-прежнему жизнерадостен и безобиден, но теперь он уже не дебил, а имбецил. Это более тяжелая стадия. По умственному развитию он соответствует четырехлетнему ребенку, поэтому мне не так уж и трудно с ним. Он слушается меня во всем. Он любит сосать леденцы «Чупа-чупс» и смотреть мультики. В компьютерные игры не играет. Не справляется — мозгов не хватает.

Я пытался наладить личную жизнь. Приводил в свою берлогу разных женщин. Умных, красивых... очень умных и очень красивых. Первое, что мне приходилось делать, — объяснять, кто такой Хуч. Треть из моих новых знакомых сразу же предлагали отдать Хуча в приют, и, соответственно, моментально вылетали из дома. Остальные терпели Хуча дольше, но потом все равно скатывались к тому же предложению и вылетали... Странно это, правда? Может быть, я еще не встретил правильную женщину?

Это не страшно. Нам с Хучем хорошо и вдвоем. Иногда я привожу его с собой в бильярдную. Он не понимает правил игры, но я вижу, как по-детски блестят его глаза. Он громко радуется, когда кто-то красиво кладет шар в лузу. Он кричит «Вау!» — единственное из трех английских слов, которое почему-то не забыл.

Самое главное — он никогда не плачет. Он искренне любит эту жизнь.

Иногда я ему завидую.

IN MEMORIAM

Алексей Свиридов ушел из жизни в ночь с 1-го на 2-е июня 2002 года в результате продолжительной болезни. Известный фэн, писатель и бард, автор фантастических книг «Миры, что рядом», «Крутой герой», блестящей пародии «Звирьмариллион» и эссе «Малый типовой набор для создания гениальных произведений в стиле фэнтэзи», Алексей пользовался огромным авторитетом в фэндоме, особенно среди поклонников ролевых игр. Проходящий в Казани конвент «Зиландкон-2003» посвящен его памяти. Ему было всего 36 лет.

Алексей Свиридов

ТЕ, КОТОРЫЕ ЗНАЛИ

Авиазаовод находился в кризисе, даже если смотреть на фоне общего состояния российской авиационной промышленности. Контракт на десять истребителей куда-то в Океанию (фирма-заказчик собиралась уже на месте то ли перепродавать их, то ли сдавать в аренду), который мог бы завод спасти, вдруг обернулся еще одним камнем, тянущим предприятие ко дну. Первая часть проплат, на которую так рассчитывало руководство, дошла до завода с усушкой и утруской, как и все, что в России не передается напрямую из рук в руки. Но в данном случае сушащие и трясушие, осознав величину суммы, потеряли всякую меру — «Лось большой, на всех хватит» — и в результате потери превысили самые пессимистические ожидания.

По такому случаю банковская группа все-таки решила сменить коней на переправе и, быстро провернув все судебные и бюрократические дела, взяла власть на заводе в свои руки в лице «кризисной команды» и «внешнего управляющего».

Сам термин «внешний управляющий» среди рабочих и инженеров не прижился: было в этом «управляющем» что-то старорежимное, виделся этакий зажавшийся холуй в «спинжаке» и сапогах бутылками, перед приездом барина устраивающий поголовную порку «за-ради порядку и прохфилактики» — о том, что ситуация близка именно к такой, заводской народ старался не думать. Слово «менеджер» тоже не слишком удобно ложилось на язык, и в конце концов за глаза управляющего стали называть просто — «Внешний». В авиации «Внешний» и его команда понимали столько же, сколько в разведении крокодилов, но в технические вопросы они в общем-то и не лезли, занимаясь финансовыми делами. В результате

первых трех месяцев их деятельности четверть сотрудников оказалась уволенной, но зато оставшиеся получили зарплату и обещание к концу года погасить долги.

Да и вообще — экономя буквально на мелочах, внешняя команда не стеснялась, когда дело шло о серьезных вещах. Когда в партии истребителей (той самой, контрактной) начал проявляться «плавающий дефект», то был заключен договор со столичным испытательным институтом и на завод прибыли двое летчиков — правда, ехать им пришлось поездом. На рейсе «Аэрофлота» Внешний решил сэкономить.

Сергей Васильевич, командированный летчик-испытатель первого класса, сидел в кабинете Внешнего и смотрел ему в лицо. Выражение лица было вежливым, само лицо — каменным, а глаза — стеклянными. За свою довольно долгую жизнь Сергей Васильевич приобрел немалый опыт общения с начальством разного рода и прекрасно знал, что обозначает такая картина: перед начальником сидит заслуженный человек со звездой Героя на пиджаке, которого нельзя прогнать просто так, но и дать какое-то послабление в деле, с которым он пришел, тоже невозможно. Тем не менее летчик заговорил:

— Петр Эдуардович! Возможно, я плохо объяснил и вы не поняли. Дело в том, что это не просто традиция. Это... ну как вам сказать... это дань памяти и почтения и погибшему летчику, и тем, кто остался жив, кто летал с ним рядом, с которыми завтра может случиться то же самое. Не сделать проход машины над погибшим для нас, испытателей, это словно...

«Внешний» поднял руку ладонью вперед, прерывая говорящего, и заговорил сам. Голос у него был под стать лицу — вежливый и никакой.

— Да, да, я это уже все понял, вы объяснили как раз очень хорошо. И сейчас вы повторяете ровно то же самое, только с большей долей эмоций. Придется повториться и мне, только я как раз постараюсь без эмоций обойтись.

Рука сделала плавный жест — такие жесты описываются в руководствах по менеджменту как успокаивающие и располагающие к себе и отрабатываются на разнообразных тренингах.

— Я понимаю вас и вашу приверженность к традициям, я уважаю ваши чувства. Но реализация вашей традиции, к сожалению, имеет вполне ощутимую денежную стоимость.

И немалую. Вам известно, сколько будет стоить этот вылет?

Сергей Васильевич кивнул — известно, а как же. Сам катал жаждущих экзотики иностранцев. Пускай здесь и не будет каких-то накруток, но все равно это было значительно больше, чем лежало у него на сбербанковской кредитке.

— И вы, конечно, в курсе, что завод сейчас в очень сложной ситуации. Мы стараемся ее перебороть, мы идем на непопулярные меры, мы экономим буквально каждую копейку. К сожалению, приходится так делать! Но когда произошло это несчастье, мы все-таки изыскали средства, чтобы провести похороны на должном уровне и оказать помощь семье погибшего, тем более что она живет на территории нашей области. Мы так же оплатили ваше пребывание в госпитале в хороших условиях. Но, опять же повторяю, — это максимум, что мы могли выделить. Что же касается вашей просьбы, то со всем уважением к вам я вынужден отказать.

И Внешний слегка развел руками, показывая, что разговор окончен. Жест вроде бы даже сочувственный, но в его исполнении он показался тоже начальственно-железобетонным.

В принципе Сергей Васильевич знал, чем должен был кончиться этот разговор. Была даже не надежда — тень надежды, что Внешнего как-то коснется чувство. Чувство с большой буквы, подсознательное и неощутимое, которое было у каждого, кто работал на испытательном комплексе, и не только...

С каких пор появился обычай во время выноса из институтского клуба гроба (или гробов) разбившихся испытателей делать проход самолета над ними, Сергей Васильевич не знал до сих, так же как не знал, придя в испытательный институт практически мальчишкой. Это было давно, но традиция уже была. И как-то сразу к Сергею (да, тогда еще даже Сережке) пришло Чувство, то самое, с большой буквы. Чувство того, что это не просто один из «исторически сложившихся ритуалов», а нечто более серьезное, что это необходимая часть и жизни и смерти испытателей. Оно жило где-то на уровне подсознания, не пытаясь оформиться ни в мысли, ни тем более в слова, но оно было, и так же, на уровне подсознания, Сергей ощущал, что это Чувство есть и у других летчиков, и у техников, и у инженеров, обитающих в многочисленных корпусах... А потом, когда он был уже Сергеем Васильевичем, пришло и Знание. Знание с большой буквы.

...Машина была хорошо знакомой, стоящей на вооружении уже несколько лет. И задание было неслож-

ным — полет по прямой на таком-то эшелоне для отработки нового оборудования. И авария была, если вообще можно так об аварии сказать, не слишком страшной: диск турбины двигателя разлетелся очень аккуратно, самолет был управляем, высоты оставалось с запасом. И катапультирование прошло штатно... Но Сергей Васильевич приземлился как в аэроклубе, а оператор погиб. Погиб по совершенно идиотской причине: не сработал один из пиропатронов, и человек остался прикованным к катапультируемому креслу до самой земли.

Начальник института сказал тогда просто, даже как-то обыденно:

— Вынос будет в двенадцать. Лететь тебе.

«А кому же еще?» — не ответил вслух летчик и направился оформлять документы на полет, уже прикидывая, где ему «висеть» в зоне полетов, чтобы оказаться над клубом ровно-ровно. Само собой, должна быть связь, мало ли какие задержки... Словом, для него как для летчика этот полет ничего особо сложного не представлял.

Был «проход», был грохот форсажа, когда истребитель уходил практически вертикально вверх... А когда Сергей Васильевич, посадив самолет, шел переодеваться — он уже знал. Знал с большой то, что с их пор только чувствовал. И поражался тому, что до сих пор не узнавал таких, как он, знающих. Говорить о своем знании, да что там говорить, проявить его легчайшим внешним намеком было для каждого из них за гранью законов природы и человеческого существа — примерно так, как невозможно дышать водой. Но тем не менее они друг друга узнавали всегда, и Сергей Васильевич начал узнавать их тоже...

— Что-то случилось?

Мелодичный женский голос ворвался в его мысли, и летчик обнаружил, что все еще стоит в предбаннике Внешнего, держась за ручку двери в коридор. Секретарша Леночка смотрела на него сочувствующе: она, конечно, обо всем была в курсе, была на его стороне, очень сочувствовала, но ничем помочь не могла. Даже за шоколадку.

То, что собирался сделать Сергей Васильевич, конечно же, должно было обойтись гораздо дороже шоколадки. И в денежном смысле, и в смысле последствий для карьеры, пенсии, а может быть даже и... Да и черт со всем этим! Как говорят в народе — не зарекайся. Он должен был это сде-

лать, и это «должен» было так же естественно, как должно было биться сердце.

Володины родители действительно жил на территории области, до его деревни от завода было километров четыреста — рукой подать по здешним масштабам. Когда в институт пришло письмо с просьбой прислать опытного летчика (а лучше — двух) для поиска дефекта, который нащупал, но не может «поймать» заводской испытатель, Володя из кожи лез, пытаясь доказать, что он уже опытен достаточно. В результате же поехали они вдвоем, Сергей Васильевич на правах старшего группы, а Володя — вроде бы как для развития навыков испытательной работы под мудрым руководством старшего товарища.

Как и было договорено неофициально, по дороге Володя сделал остановку и, навестив стариков, явился на завод сияющий — еще более чем обычно. Этот парень вообще редко обходился без улыбки. Стремясь компенсировать опоздание, он с энтузиазмом впрягся в работу...

Дефект в самолетах действительно был, причем во всей серии. Скорее всего причина крылась в какой-то электронной комплектующей, затерянной среди тысяч таких же, составляющих систему управления. Проявлять себя на земле он отказывался напрочь да и в воздухе каждый раз начинал ощущаться на разных режимах — и тут же исчезал, как только изменялся хотя бы один параметр. Возни с ним ожидалось много, и Сергей Васильевич решил, что не слишком нужный на первый взгляд в этой командировке Володя на самом деле будет здесь очень к месту.

Неделю все шло по плану, кольцо поисков дефекта потихоньку сужалось, выходные Володя опять провел у родителей — словом, беды ничто не предвещало. Тяжелый день понедельник ничем себя не проявил, а потом наступил вторник. В этот день у них был запланирован полет на спарке (опять спарка!), с Володей на месте командира. Беды ничто не предвещало до тех пор, пока на одном из режимов самолет так резко закрутило, что сомнений не осталось: дефект наконец-то проявил себя всерьез, выбивая из работы то каналы управления, то регулировки двигателя. Дальше была борьба со взбесившейся машиной, дальше Володя (да, именно он!) нащупал очень тонкую грань, на которой самолет можно было держать, а дальше...

— Второму пилоту — покинуть борт!

Сергей Васильевич сначала не понял:

— Володь, ты чего?

— Садиться буду, вот чего. Повторяю приказ: покинуть борт! Лучше сам, а то выкину.

Первым позывом Сергея Васильевича было продолжить спор, но он сдержал себя. Сколько было потеряно машин, сколько погибло людей именно из-за этого — из-за того, что кто-то решал, что он умней другого! Даже если так оно и было на самом деле...

И летчик взялся за держки катапульты: действительно, лучше прыгнуть самому, а не ждать, пока Володя нажмет на кнопку принудительного покидания самолета. Катапультирование вещь такая — даже если все по правилам, то есть риск, а если уж она срабатывает в неожиданный момент, шансы получить серьезную травму возрастают в несколько раз.

— Понял, выполняю, — сообщил Сергей Васильевич и добавил: — Счастливой посадки!

А вот посадки-то как раз и не было.

Прыжок и приземление были сравнительно удачными, но пять дней в госпитале Сергею Васильевичу провести пришлось. Не выпускали его ни под каким видом, и поэтому обо всем он знал только со слов заводских.

Самолет окончательно вышел из-под контроля за несколькими километрами до полосы, когда до счастливой развязки оставалось буквально несколько секунд. Машину закрутило, и даже попытаться спастись Володя уже не мог.

Приехавшие родители настояли, чтобы его как можно скорее отпели в церкви в родном селе и похоронили там же, — к счастью, они не требовали, чтобы гроб для прощания можно было открыть. Ребята из института еле успели на похороны, а Сергея Васильевича врачи отпустили, когда все уж было кончено. И теперь он шел по грязной дорожке, ежась под противным ветром, и прикидывал, что надо сделать, — вернее, не что, а как.

Следующие два дня и ушли на это «как». Он поговорил с людьми с аэродрома, выпив при этом совершенно нездоровое количество водки, и кое с кем даже договорился, несмотря на все грозящие неприятности. Также Сергей Васильевич сделал то, что ему всегда было делать омерзительно — а именно дал взятку трем должностным лицам при исполнении служебных обязанностей, причем двоим из них брать было так же противно, как и ему давать. Оформил несколько «левых» документов, а еще один попросту подделал, после чего на их основе сделал еще

несколько, уже «почти настоящих». Все эти действия привели к тому, что к четырем часам вечера старенький «Миг-21», числящийся при заводе как учебно-пилотажный, был выкачен из ангара на рулежку, подготовлен к полету и заправлен. Топлива должно было хватить в обрез, но по сравнению со всем остальным посадка «на лампах» была такой ерундой!

Карту Сергей Васильевич изучил хорошо, характерную излучину реки заметил еще издали, и ошибки быть не могло. Вот деревня, вот церковь, вот кладбище... Он потянул ручку управления на себя, другой одновременно включая форсаж. Самолет свечой пошел вверх, и летчик вдруг почувствовал, что переносит перегрузку гораздо хуже, чем обычно. Или может, это была совсем другая перегрузка?

Володя появился слева — в высотно-компенсирующем костюме и защитным шлемом с разбитым стеклом и оборванным кислородным шлангом. Шланг слегка вело назад, но совсем не сильно, как под ласковым майским ветерком. Володя шел рядом с кабиной «Мига», как бы поднимаясь по лестнице, без труда сохраняя одинаковую с истребителем скорость, — словно он шагал по бетонке, а самолет рядом тащил неторопливый буксировщик.

Сергей Васильевич сглотнул. Так же, как и до этого, когда он провожал — или уводил? — погибшего товарища, и каждый раз на его глаза навертывались слезы. И каждый раз их, проклятых, надо было сдерживать — кроме того, что зареванный мужчина вообще картина малоприятная, лететь и садиться в таком состоянии было бы просто опасно.

Володя повернул голову и улыбнулся. Такой улыбки у него еще никто и никогда не видел: не было в ней ни задора, ни подначки, ни приглашения улыбнуться в ответ. Была только печаль. Не горе, не отчаяние, а именно печаль, избыть которую невозможно.

— Спасибо, Серега Васильевич! — произнес Володя. Голос его не был громок, но легко отстранил рев двигателя и потока.

— Оказывается, там... — Он коротко показал глазами вниз. — Там очень плохо, когда ты, что называется, после того.

«Мы... мы свидимся?» — Разумеется, Сергей Васильевич не сказал об этом вслух. Это было бы таким же нарушением законов природы, как и попытка что-то рассказать Внешнему. Это была всего лишь мысль, но Володя эту мысль услышал и слегка пожал плечами:

— Откуда я знаю? Но вы в любом случае не торопитесь!

После этих слов он повернул голову вперед и... Самолет остановился, а потом воображаемый буксировщик мощно потянул его назад. Володя не ускорял шагов, а просто, поднимаясь по невидимой лестнице стал уходить все выше и быстрее, выше и быстрее, пока в несколько секунд не пропал из виду.

Внешний стоял у широкого окна своего кабинета, откуда была прекрасно видна заходящая на посадку пилотажно-тренировочная машина. Он уже знал, каким путем попала она в план полетов, кто ее поднял в воздух, и уже нажал кнопку селектора... Но глаза его вдруг перестали быть стеклянными, а лицо каменным. Он, живущий по законам совершенно чуждым и даже враждебным тому, чем жил Сергей, тоже — Знал. С большой буквы. Знал свое, собственное, доступное лишь таким же, ничем не связанное ни с небом, ни с авиацией, ни с летчиками вообще, ни с летчиками-испытателями, — но знал. И сейчас когда остатков его души коснулось то, что Сергей про себя называл «чувствовать», и эти глубоко запрятанные остатки души вдруг не дали, запретили сделать Внешнему то, что он собирался.

— Петр Эдуардович? Вы чего-то хотели? — напомнил селектор женским голосом.

— Да... э-э-э... Лена, сделайте мне большую чашку кофе. И коньячку туда грамм пятьдесят. Того, что в холодильнике слева.

Отключив селектор, Внешний развернул кресло к окну и принялся глядеть на полосу, хотя она уже опустела.

Алексей Свиридов

СКОРО НАС БУДЕТ МЕНЬШЕ

И Митяй, и Астроном были одеты примерно одинаково — так себе кроссовки, так себе джинсы, и так себе рубашки на-выпуск. Правда, у Астронома рубашка была явно слишком теплой, и под мышками угадывались пятна пота — хоть солнце уже и скрылось за домами, летняя жара продолжала ощущаться. Одежда Митяя более подходила к сезону, и ему было гораздо легче, хотя он и тащил на запястье хозяйственную сумку, через ткань которой проглядывались контуры какого-то паке-та, какой-то коробки, еще чего-то бытового...

Шли они оба тоже примерно одинаковой походкой — не то чтобы очень быстрой и деловой, но вполне себе целеустремленной, так ходит девять десятых населения московских улиц. И надо же было, чтобы менты доцепились именно к Митяю!

Менты были прямо как из анекдота — один по-русски говорит, другой три улицы знает. Толстяк-сержант с циничным и добродушным («ну куды ж ты денешься») лицом и сухощавый татарин-рядовой словно выросли из асфальта парой попере-рек тротуара. Деваться Митяю было некуда.

— Документики ваши, пожалуйста...

Митяй послушно вытащил свободной рукой паспорт и вручил сержанту. Тот принялся его листать, и его лицо озарила улыбка.

— Что ж вы так, молодой человек... Регистрация-то ваша... а? Уж я-то свой район знаю!

Сержант замолчал, многозначительно поигрывая паспортом. Митяй район знал гораздо хуже, но он вполне был в курсе, что зарегистрирован в нежилой трехэтажке — почему-то в местном отделении милиции это было самым быстрым и самым дешевым.

Он кинул взгляд вдоль тротуара, вслед удаляющемуся Астроному. Чуда не происходило: Астроном шел все так же энергично, не выказывая желания зайти в магазин или остановиться у лотка. Теоретически, если развязаться с ментами прямо сейчас, секунд за пять, а потом так же двинуться следом, то можно было еще все поправить. Но это было нереально, и Митяя аж передернуло от обиды.

Рядовой-татарин по-своему понял его движение и неуклюже, но в целом грамотно толкнул его в грудь, туда, где на рубашке торчал открытый после вытасченного паспорта клапан кармана.

— Наркотеки е? — поинтересовался рядовой после завершения процесса.

То, что теперь у Митяя в кармане лежат «три грамма белого порошка» в пакетике (соль или мука — не важно), можно было и не сомневаться, поэтому он просто промолчал, перенеся внимание на сержанта. Сержант стоял молча, держа паузу, а время уходило безвозвратно, Астроном мелькал среди прохожих уже довольно далеко, и дело было, можно сказать, провалено. Просто сунуть менту дежурную бумажку и кинуться бегом с криком «Опаздываю, командир!» Это было именно то, что сейчас нужно, но Митяй прекрасно осознавал, что если действительно хочется отделаться от патруля, то надо играть в совсем другую игру. А отделаться от патруля по-хорошему ему было даже более необходимо, чем догнать Астронома. Проваленное дело — подстава, конечно, еще та, бывало, за такое люди и сами по полной получали, но все-таки есть шансы ответить по деньгам или отработать. А вот под нормальный обыск сейчас попасть... После этого Митяй без вариантов опускался туда, куда ему не хотелось совершенно.

Он сделал подходящее лицо и затянул:

— Ну... Так ведь, командир, сам понимаешь, пока то, пока се, а я в Москве уже работать устроился, ну мне и подсказали, а насчет работы — вот, у меня и пропуск есть...

Сержант милостиво кивал и столь же милостиво принял на осмотр пропуск в ЗАО «Стройремонтмонтаж», в который было вложено два слегка мятых столбника. Потом пропуск вернулся к хозяину, естественно, уже без денег, и сержант вынес вердикт:

— Ладно, парень, хрен с тобой. — И в порыве добродушия напутствовал: — Насчет нормальной регистрации потопись.

Рядовой-татарин хотел что-то сказать, видимо насчет «наркотеков», но сержант коротко глянул на него, слегка качнул головой, и рядовой промолчал.

Патруль двинулся дальше беречь покой москвичей, а Митяй, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, пошел прежней дорогой. Впрочем, он понимал, что уже беги не беги — Астроном наверняка уже свернул в свой двор, прошел его по тропинке поперек детской площадки (ее на плане специально отметили как самое удобное место) и вошел в подъезд. А когда договаривались, было специально отмечено: во дворе, и только во дворе, или у подъезда. Об этаже, на котором живет Астроном (вариант «у двери»), речь даже не заходила. Тем более о номере квартиры.

Словом, все, что было спланировано и было бы сделано без сучка и задоринки, не попадись этот дурацкий патруль, полетело к черту. Митяй это прекрасно осознавал, но тем не менее дошел до нужного двора и пристроился на пресловутой детской площадке, на скамеечке, предназначенной для бабушек, надзирающих за внучатами в песочнице. Песка и внучат в песочнице не было, бабушек, соответственно, тоже, и он мог без помех сидеть и ждать — мало ли. Вдруг Астроному все-таки приспичит сбегать за пивом или еще куда и все поправится само собой.

Не поправилось! В чехле на поясе запищала мобила, Митяй извлек ее из-под рубашки, услышал знакомый голос и принялся докладывать, как он облажался. В ответ на рассказ трубка несколько минут помолчала (звук на том конце отключили), а потом сообщила, что Митяй — козел и что пусть он сидит, где сидел, а через часок к тротуару причалит желтая «Нексия» с желтыми же номерами, там будут сидеть люди, и они дадут новые инструкции.

Когда трубка замолчала, Митяй сунул ее на место, уселся поудобнее, сунул руку в сумку и проверил, правильно ли размещена железка, прикрытая той из коробок, что лежала сверху. Часок так часок, а хоть бы и полтора. Вдруг Астронома все-таки вынесет за чем-то во двор...

Тот, кого называли Астрономом (а эта кличка утвердилась за ним еще со школьных времен), во двор выходить вовсе не планировал. Не для того он уговаривался уйти с работы на два часа раньше, чтобы потом тратить это время на всякую ерунду. А пиво... если сегодняшний вечер пройдет так,

как ожидается, то оно уже ждет в холодильнике, еще со вчера. Хотя по случаю жары и вообще за удачу безнадежного дела одну бутылочку можно и сейчас оприходовать!

Он снял рубашку, добыл бутылку «Старого Тельника» и, держа ее в одной руке, другой принялся включать аппаратуру. Ископаемая ДВК-шка, менее древний, но тоже ничего себе старикашка пентиум-сто, и наконец, главные действующие лица представления — «пень» последнего поколения и... Впрочем, это «и» включать здесь, в квартире, не требовалось. Здоровенный ящик надо было тащить на крышу и возиться там. И кстати — Астроном глянул на часы, — побыстрее. Время еще есть, но тянуть не стоит!

Он одним махом прикончил пиво, неудобно подхватил ящик под мышку и, как был, в одних джинсах, вышел на площадку. Железная лестница на крышу была прямо перед дверью, а замок с люка Астроном снял еще перед тем, как войти домой.

От прожарившейся за день крыши все еще исходили почти видимые глазом потоки горячего воздуха, однако это было уже не надолго: уже темно-синее на востоке небо, легкие дуновения свежего ветерка... Ветерок Астронома не взволновал, а небо очень порадовало. Точно под прогноз, нечасто так бывает!

Он подтащил ящик к грубо сваренной железной раме, установил его, потом еще раз сходил вниз и вернулся, волоча за собой толстый кабель с штепсельным разъемом на конце, подключил его и только потом снял крышку.

Под ней оказались шестнадцать конструкций, больше всего похожих на театральный бинокль, водруженный на банку горбуши, только и бинокли, и банки были серого цвета. Ну и само собой — разноцветные проводки, крепеж, множество малопонятных деталей... Словом, система сложная. Каждый раз, когда Астроном снимал крышку с этого ящика, он испытывал чувство законной гордости — сам ведь и собрал, и заставил работать. Кстати, оно сейчас и должно начать работать. Ну?

Раздалось тихое «в-ж-ж-ж», и «бинокли» задвигались: суперпентиум сначала прогнал тест, а потом начал выставлять их в нужное положение. Процесс этот был небыстрый, и Астроном перешел к другому объекту своей собственности, расположенному здесь же на крыше. В отличие от ящика с «биноклями», эта штука была гораздо более громоздкой, и каждый раз вытаскивать ее по частям и собирать было бы слишком долго.

До появления оптической системы главной гордостью Астронома было именно это: блок из четырех таре-

лок, похожих на тарелки спутникового телевидения, только каждая слегка поменьше. Внутри массивного основания тоже время от времени тихонько повизгивали моторы, этот блок был занят настройкой — правда, им управлял уже не современный компьютер, а самая первая машина Астронома, ДВК. Гибрид творения инженеров фирмы PDP и советских ГОСТов оказался на удивление жизнеспособен и до сих пор безукоризненно управлял наведением антенн. А вот сами антенны...

Астроном улыбнулся, глядя на них: еще в советские времена ходили байки о том, что круглые детские «санки-ледянки» выпускает некое оборонное предприятие на том же оборудовании, на котором штампует антенны спутниковой связи. Уже во время начала перестройки, когда Астроном решил сделать антенный блок, ему пришлось здорово побегать по спортивным магазинам, пока где-то не нашлись нераспроданные старые запасы. Обошлись эти тарелки в копейки, чуть дороже — списанное в Останкине устройство для дистанционного управления студийной камерой, этакая тумба, корпус которой вызывал в памяти формулировку «противопульное бронирование». Самым накладным оказался процесс транспортировки до дому и перетаскивания этого устройства на крышу. Три бутылки мужикам, по горбачевским временам — целое богатство!

И вот, пожалуйста, уже лет несколько действует, и неплохо действует настоящий радиотелескоп, пригодный хоть внеземные цивилизации искать. Или, как, например, три месяца назад, отследить радиообмен двух японских спутников, отрабатывающих взаимные маневры в космосе. Никто не смог, а Астроном на своей самоделке смог.

Он удовлетворенно кивнул головой, вернулся к оптическому блоку. «Бинокли» двигаться уже перестали и согласованно смотрели в небо, на невидимую пока что простым глазом звезду. Разумеется, это были вовсе не бинокли. Каждый блок был всего-навсего главным элементом головки самонаведения новейшей и секретнейшей противотанковой ракеты. Астроном эти блоки попросту спер с одного из пораженных разрухой заводов, и совестью при этом не мучился. Отражать вторжение вражеских танковых армад России явно не предстояло, а больше такие ракеты были ни для чего не нужны — ну не для «зачистки» же очередного Хрензнай-Мартоя их применять?

Собственно говоря, эта головка по принципу работы была схожа со стереоскопической видеокамерой, хотя, конечно же, ее параметры и настройки весьма отличались от до-

машного хэндикама. Чтобы сводить воедино все шестнадцать двойных сигналов, обрабатывать их, приводить полученный результат в «человеческий» вид, Астроном и был куплен супер-пупер-пень. Менеджер в магазине расписывал, как прекрасно идет на новом компьютере какая-то очередная кровавая игрушка, не допуская и мысли, что гигагерцы процессора и сотни мегабайт памяти нужны клиенту для чего-то другого.

Итак, на крыше все было о'кей, включая и небо, на котором на востоке уже можно было увидеть первую звезду (строго говоря, не звезду, а планету). Астроном спустился вниз, запер люк сначала дэзовским, а затем, для верности, и своим замком и вернулся в квартиру.

Здесь тоже все продолжало работать как надо, а старичок-сотый, продолжая тянуть в одном окне зигзаги и полосы, изображающие приходящий с тарелок сигнал, в другом уже и до Интернета достучался, и на нужный узел залез.

Астроном подтащил к себе клавиатуру, отстучал «Astronom — hey all. I am ready!» и лишь потом просмотрел предыдущие сообщения. Собственно, пока что сообщать никому было нечего, и участники сегодняшнего наблюдения попросту сообщали о своем присутствии и готовности. Johner, Cheng, 112th, Sergey, Bimmer, Alexander S. Brunsteyn, г\АЗАСТЫК... Астроном вздохнул: он знал, что приветствие от Биммера пришло автоматически, а сам Биммер лежит в клинике и, видимо, доживает последние дни. Каким образом он схватил в своей тихой и благополучной Ирландии африканскую лихорадку? А ведь умудрился...

Кроме приветствий и сообщений о готовности, было только одно сообщение — Sergey подтверждал, что CNN действительно будет вести прямую трансляцию запусков. «Вот ведь хвастуны!» — восхитился про себя Астроном и потянулся за ленивкой. Конечно, время известно заранее, и пуски прекрасно отслеживаются по работе радиоканалов, но уж если американцы сами предлагают смотреть на все вживую, грех отказываться.

Теперь предстояло ждать — не очень долго, минут десять, но все-таки ждать. CNN уже демонстрировало готовую к запуску ракету-мишень «Афина», которая должна была стартовать первой, комментарий был на редкость занудный, и Астроном, не утерпев, еще раз сходил к холодильнику. Бутылку

удалось растянуть минут на пять, еще пять минут про-

шли просто в безделье, а потом раздался мелодичный звук — оптическая система через колонки компьютера сообщила, что объект найден.

Астроном не торопясь (специально себя заставил не кидаться к монитору бегом) занял основное рабочее место. Объект был еще низко над горизонтом, качество картинки было так себе — но сейчас в высоком разрешении необходимости не было. Во-первых, к нужному моменту эта штука окажется в гораздо более удобном для наблюдения положении, а во-вторых, ее вид был и так уже прекрасно известен.

Странные люди, избравшие своим хобби наблюдение за искусственными космическими объектами, обычно занимаются самими космическими аппаратами. Особым шиком среди них считается выследить очередной секретный спутник, запуск которого нигде не афишировался, определить его внешний вид, сделать выводы о его назначении, а то и марке и производителе. Гораздо меньше интереса для них представляет «космический мусор» — обломки отработавших ступеней ракет-носителей, разгонные блоки, части обтекателей, отброшенные переходники, крепящие спутники к ракетам... Да мало ли всякой бесполезной ерунды оказывается на орбите при запуске очередного «объекта»!

А вот Астроном тратил на «мусор» чуть ли не половину времени, несмотря на то, что это ему не добавляло авторитета в маленьком сообществе наблюдателей. Ему просто было интересно определять точное происхождение очередного незапланированного спутника Земли, предугадывать время существования на орбите и схода с нее. И однажды он наткнулся на то, что теперь называл про себя «Зеркало», и то, что в международном каталоге проходило под длинным номером с примечанием — «часть обшивки 3-й ступени ракеты-носителя Дельта-3, такого-то числа выведшей на орбиту спутники такие-то и такие-то». Астроном по своей привычке сначала просчитал траекторию этой «части обшивки» и вдруг понял, что она находится слегка не на той орбите, куда должна была попасть после разрушения последней ступени ракеты. И это «слегка» добавило чуть ли не два месяца ко времени нахождения «части обшивки» в космосе. Тогда Астроном не поленился и несколько вечеров подряд ловил погоду, чтобы осмотреть объект, и, осмотрев, понял: это «ж-ж-ж» неспроста. Фрагменты обшивки не имеют такой правильной формы, и дюраль не отражает света с такой правильностью и яркостью. А главное (вот тут-то и помогли шестнадцать «би-

ноклей» и гигагерцы процессора) — у кусков обшивки не бывает вынесенных на несколько метров на штангах блоков, которые Астроном определил как двигатели ориентации. Никто другой из наблюдателей не смог их разглядеть, и Астроному даже сначала не поверили. Но потом нашлось еще два таких же «куска обшивки» со странной орбитой, а потом... Впрочем, это уже не потом. Это уже сейчас.

Бубнеж CNNновского комментатора сменился грохотом — мишень стартовала. Старт перехватчика ожидался через полторы минуты, и еще около четырех минут он будет идти к цели. Но астроном оглядываться на телеэкран уже не стал — его внимание было распределено между монитором с изображением «Зеркала» и графиком радиообмена. Что там сейчас идет по каналам, конечно, по графику не понять, но интенсивность видна замечательно... Ага, вот оно! Перехватчик даже не стартовал, а данные по движению мишени уже пошли! И пошли именно туда, куда ожидалось...

Следующие минуты прошли в томительном ожидании. Если выводы, к которым пришли сообща наблюдатели, верны, все произойдет в последние секунды... Или даже доли секунд... Или не в последние, а, наоборот, последующие после расчетного момента встречи мишени и перехватчика...

«Но как все придумано! — в очередной раз восхитился про себя Астроном. — А еще говорят, что американцы глупые и зажавшиеся! Тупиковая ветвь развития систем обороны — ха-ха, а на самом деле ракетный перехватчик, прикрывает собой испытания, не предусмотренные никакими поправками к договору... Хотя стоп! — оборвал он себя. — Еще ничего не произошло, еще никто ничего не видел... Но сейчас увидим!!!»

И он действительно увидел — не сам импульс, конечно, а его последствия для «Зеркала». А последствия оказались самые печальные: поблескивающая плоскость померкла, конвульсивно свернулась, как сухой лист осенью, по ней побежали расширяющиеся трещины, и через пару секунд ее разорвало на несколько частей. Оптический блок попытался навестись на самую крупную из них, но она оказалась слишком темной и неконтрастной даже для него, и еще через несколько секунд экран показывал просто звездное небо: система автоматически перешла в дежурный режим.

«Черт возьми, какая же там была энергия!» — воскликнул Астроном и наконец-то оторвался от монитора и перевел взгляд на телевизор. Там царил ликование: испытание прошло прекрасно, мишень уничтожена, ракета-перехватчик наконец-то, после многочисленных провалов, настигла свою жертву. И волки сыты, и овцы целы: и ракета-перехватчик есть, и согласованные с Россией поправки к договору по противоракетной обороне соблюдены.

«Соблюдены? А это мы сейчас посмотрим...» Астроном еще немного посмотрел телевизор, подождал, пока там прокрутили запись испытания, — и ничего особенного не увидел. Два инверсионных следа пересеклись где-то в вышине, и на месте пересечения расплылась клякса. Ну что ж, здесь все прекрасно. А если подойти к делу серьезно?

Астроном переключил внимание на Интернет. Сообщения о наблюдении уже шли. И у всех «объекты» разрушились, причем ровно за три десятых секунды до расчетного времени встречи перехватчика и мишени. Ченг со своего Тайваня отсмотрел их полет и взрыв, записал через высокоскоростную камеру и уже вроде бы нашел кадр (правда, смазанный), где мишень разлетается на кусочки, а взрыв перехватчика еще не произошел. Загадочный «Глазастык» (этот наблюдатель никогда не вдавался в подробности о своей личности, но по некоторым признакам Астроном подозревал в нем сотрудника военной аэрологической лаборатории где-то на Дальнем Востоке) сумел зафиксировать в стратосфере три шнура ионизации, направление которых четко совпадало с линиями «объект — мишень».

Астроном усмехнулся и принялся набивать свое сообщение, иногда запинаясь, вспоминая нужные английские слова, но думал он при этом о другом. То, что сейчас прошло испытание лучевого оружия, довольно оригинально прикрытое работами по ракете-перехватчику, можно было считать доказанным. Наблюдатели сообща сумели раскрыть такую тайну, перед которой определение орбит спутников-шпионов выглядели попросту детской игрой. Свое чувство глубокого удовлетворения они, безусловно, получили.

Но что будет с этой информацией дальше? Может, кто-то уже торгуется с журналистами, несмотря на все писанные и неписанные правила? Или же будет решено выдать в сеть сообщение со всеми доказательствами анонимно и бесплатно? «А еще возможно, что все мы люди умные и договоримся держать свои открытия при себе, — подумал Астроном. —

Правительства, договоры, международные скандалы — оно нам надо? Договориться и выполнить договоренное вполне возможно: не так уж нас и много. И... — Он вспомнил Биммера. — Скоро будет еще меньше».

На крыше, наверное, было уже свежо, и Астроном потянулся за рубашкой. Наблюдение закончено, обработка материалов не горит, а вот оптический блок надо было снять как можно скорее. Все-таки в доме не единственный подъезд и не единственный выход на крышу.

Желтая «Нексия» с желтыми же номерами и «в ноль» тонированными стеклами неспешно подрулила к бордюру. Успевший уже устать ждать Митяй подхватил свою сумку и неспешно пошел под детской площадке в сторону улицы. Он прошел примерно половину пути, когда правое стекло машины не торопясь пошло вниз. Митяю понадобилось не больше секунды, чтобы понять: если в этой машине для него не открывают дверь, а просто опускают стекло — вариант «выдачи новых инструкций» только один. Он не раздумывая выпустил сумку из рук и бросился обратно, в глубь двора, петляя как заяц.

Первые две пули вошли в кору деревьев, растущих на площадке, а третья с жестяным лязгом пробила стенку мусорного бака и завязла в завалах давно не вывозившихся отходов. Человек, сидящий в «Нексии» на переднем пассажирском сиденье, четвертый раз стрелять не стал, а раздраженно сунул пистолет с глушителем в наплечную кобуру, под пиджак.

— Окно закрой, духоты напустишь! — недовольно буркнул водитель и в том же тоне добавил: — Ну что, выпендрился? Да я им покажу, да как надо работать... Показал. Урод.

Вся фраза, кроме последнего слова, была произнесена по-английски. Оба человека в машине были выходцами из русских семей, но между собой предпочитали общаться на более привычном языке.

— Ладно, поехали! Ну что за день, а? Что за день! Все через задницу! — Стрелок не стал оспаривать свое уродство, он скорее, что называется, возносил небу пени.

Водитель молча вырулил на пустую дорогу — улица была отнюдь не магистральной. Только остановившись на светофоре, перед таким же пустым пешеходным переходом, он соизволил сообщить:

— Через твою задницу, заметь. Теперь исполнитель пуганый, его и свои класть замучаются. И получается:

аванс дан за два тела, а в итоге ни одного. Так что у тебя будут проблемы.

— Ну будут... — Стрелок опять не стал спорить. После небольшой паузы он внес предложение: — А может, я этого Астронома завтра сделаю?

— Ты что, свихнулся? — возмутился водитель — Сам же знаешь, и без твоих гениальных импровизаций график у нас на грани фола. Завтра кладут Сергея, это и так риск, а ты хочешь в один день с ним еще Астронома добавить? Понятно, тебе хочется отмыться, но я тебя прикрывать не стану, учти!

— Ладно, ладно, не шуми. Это я так сказал... А что тогда с ним делать будем?

— Что-Что... Вернемся в контору — там решат. Скорее всего перенесут в конец графика. На ноябрь. Ты был в Москве в ноябре?

— Был.

— Ну и как?

— Отвратительно.

— А ведь еще и меня с тобой опять пошлют. Удружил.

Последнее слово вновь было произнесено по-русски. Желтая «Нексия» свернула под стрелку и растворилась в мощном потоке машин возвращающихся дачников.

Алексей Свиридов

НОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА

Коробка выглядела вызывающе убого: белый, но отнюдь не глянцевый картон, и надпись, выполненная заглавными буквами, гарнитурой «Таймс Нью Роман Кир». Вернее, надписей было две — одна на боковой стороне коробки, и еще одна на лицевой, в три строчки.

«НОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА». Ради лицевой стороны неизвестный дизайнер решил дать волю своей буйной фантазии и потрясающей креативности, выполнив каждую строчку разным кеглем.

Я на всякий случай поморгал и потряс головою — а вдруг это у меня просто галлюцинация? Отметив с парнями с работы зарплату (на мою долю пришлось три бутылки «Балтики-6» сомнительного вкуса) и закусив пиво парой чебуреков не менее сомнительного происхождения, я имел право на такое предположение. Но коробка не исчезла, а новых деталей в ее облике не прибавилось. Зато, чуть прищулив глаз, мне удалось рассмотреть небольшой рекламный слоган, размещенный на ценнике: «Эта покупка заставит вас по-новому взглянуть на жизнь! Вы получите то, чего не ожидали!»

Второй фразе стоило поверить — хотя бы потому, что на первый взгляд ожидать от содержимого этой коробки не стоило ничего вообще, и любой результат отличный от нуля оправдал бы заверения рекламы. Но вот насчет нового взгляда на жизнь... Сомнительно, что его могут мне предложить типы, не имеющие ни малейшего представления о том, как вообще принято оформлять коробки с играми. Или это такой как бы новый, а на самом деле затертый до дыр рекламный трюк? Типа пустой страницы в газете с маленькой строчечкой вни-

зу: «Прокладки с изменяемой геометрией крыла — защита от кариеса с 19.00 до 21.15!» В любом случае на полке компьютерного отдела магазина «Вселенная», куда я забрел по дороге в метро, эта коробочка была уместна так же, как «Москвич-412ИЭ» на стенде Парижского автосалона.

Я презрительно хмыкнул и принялся за продолжение осмотра витрины с играми, изображая безумца, вдруг решившегося купить вместо пиратского сидюка за три бакса точно такой же, но лицензионный, в глянцевого картонной коробке, и за тридцать. Других неожиданностей нас — Тех, Кто Всегда Покупает Настоящий Продукт — не подстерегало, остальная экспозиция была знакома и узнаваема. Стоявшие на полке коробки были одна ярче другой, и с них скалились на потенциального покупателя скелеты с мечами, зомби с автоматами, спейсмаринесы с бластерами и алиены с аalien-девайсами. Время от времени попадались заблудившиеся среди них тамагочиобразные персонажи игр «для всей семьи», а потом снова: боевые роботы, злобные гоблины, размазанная по камням кровь...

Не торопясь я передвигался вдоль витрины и вчитывался в надписи на коробках, с удовольствием входя в роль Обеспеченного Представителя Среднего Класса, который решил прикупить развлекуху для дома, при этом не придавая особого значения цене.

«Захватывающий сюжет», «Великолепная графика», «Полное использование современных технологий», «Совершенный искусственный интеллект», «Свирепые монстры», «Реалистичная гибель», «23459281 вид боевой техники», ну и само собой — как бы ненавязчивые примечания типа «Специальный приз журнала ЭниКей-Пресс» или «Общая оценка игры — 12 баллов!!!»...

Потенциальный Клиент — то есть я — с умным видом кивал. Ведь у меня, как у типичного представителя широких масс покупателей, не могло возникнуть даже подозрения, что и сам журнал, и его приз давно куплены той же фирмой, что выпустила игру-лауреатку. И само собой, не было никакого желания задумываться — а по какой такой шкале выставлены пресловутые двенадцать баллов — по Рихтеру? Или по Цельсию?

Все это разноцветье красок и завлекательных надписей на самом деле вызвало впечатление чего-то очень одинакового и очень неинтересного. На фоне этой серой пестроты наглая голымость «Новой компьютерной игры» действительно смотрелась по меньшей мере оригинально.

Мягкие волны «Балтики» придавали миру вокруг меня плавное покачивание из стороны в сторону, а мышлению и телу — пресловутую приятную гибкость. Благодушное настроение не могло испортить даже осознание того, что в бутылках с красно-черной этикеткой была конечно же никакая не «шестерка», а бодряное жигулевское, подкрашенное жженым сахаром и сдобренное щедрой дозой спирта. Мне было хорошо, и я искренне желал всему миру того же.

Наверное, это благодушие было настолько явно написано у меня на лице, что нерешительно стоявшая у другой витрины девушка с лаконичным бейджиком «Наташа» отважилась подойти ко мне и поинтересоваться, чем она может быть мне полезна.

Первый вариант ответа на этот вопрос я благоразумно решил не озвучивать, впрочем, как и второй. Вспомнив о том, что я — Серьезный Клиент, а так же Уважаемый Покупатель, я небрежно ткнул пальцем в белую коробку:

— А это что у вас такое?

Девушка наморщила лоб, и лишь высокий профессионализм опытного менеджера торгового зала (стаж работы этой красавицы здесь я бы оценил в неделю) удержал ее от того, чтобы почесать в затылке.

— Это совсем новое поступление... Это... — Она замялась, но тут же сообразила, что полагается делать в таких случаях. — Это очень интересная игра, с совершенно оригинальным сюжетом и великолепной графикой... — принялась барабанить она, с каждым словом обретая все большую уверенность в себе. Не дожидаясь неизбежного продолжения про «совершенный искусственный интеллект» и тому подобное, я перебил ее:

— А какого жанра эта игра? Стратегия, шутер или что?

Не ожидавшая такой подлости Наташа запнулась, легонько покраснела и промолчала. Я попытался ей помочь:

— Ну, на что она похожа? Из известных игр? И кстати, если у меня на видюхе проц гнаты, она глюкавить не сильно будет?

Но это только еще сильнее испортило дело. Она заморгала глазами и начала озиаться по сторонам. Паника на милом личике девушки проступила настолько явно, что секунду спустя рядом с ней материализовался лохотонный длинноволосый хлыщ по имени Сергей, имя которого, в отличие от имени девушки, было на бейджике подчеркнуто красной чертой. Глаза Сергея светились профессиональной тоской человека, вынужденного пять дней в неделю по восемь часов в день разьяснять Уважаемым Клиентам, что, несмотря на все

законы о защите прав потребителей, отсутствие кнопки «Эникей» на компьютере еще не повод для замены покупки.

— Слушаю вас. Что бы вы хотели? — спросил он, одновременно мягким движением руки отсылая Наташу куда-то в глубь зала.

— Это че такое? — Я некультурно ткнул пальцем в коробку. К сожалению, золотой печатки на пальце не было, и жест потерял половину задуманной внушительности.

— Это новая компьютерная игра.

— Ну я, типа, читать умею. А подробнее?

«Сергей» смерил меня взглядом. Он явно не поверил, что я — Серьезный Клиент; и заговорил почти презрительно:

— Онлайнновый симулятор софт-девелоперской фирмы, специализирующейся на разработке компьютерных игр. Это очень сложная игра, рассчитанная на людей с навыками близкими к профессиональным. У нее очень высокие системные требования, а кроме того, необходим нелимитированный доступ в Интернет. Боюсь, что ВАМ, — слово «вам» он выделил именно большими буквами, — вам она не подойдет. К тому же она стоит...

Если бы Сергей не был так явно уверен, что названная им цифра убьет меня наповал, тем бы все и кончилось. Я бы важно кивнул, сделав вид, что «посоветуюсь с женой», и мы бы расстались довольными друг другом. Но этот, блин, хозяин жизни имел наглость не принять моей игры! Вернее, он ее принял, вступил в нее и явно считал, что последней фразой выиграл у меня всухую. Я очень живо представил себе, как он так же презрительно глядит вслед мне, уходящему, а потом поучает Наташу: «Это же нищее ламерье, у них даже на пиво деньги не всегда есть...»

И нанес ему ответный удар ниже пояса:

— Выпишите, пожалуйста.

Все на свете имеет свойство заканчиваться. В случае с благотворным эффектом консервированного ерша, замаскированного под благородный напиток, это произошло часа через четыре, после холодного душа и горячего чая. Осталась только тяжесть в голове, которая не мешала, а скорее помогала вновь объективно воспринимать окружающий мир таким, как он есть. Со всеми его пакостями и мерзостями, одна из них в настоящее время пребывала на столе, рядом с монитором. Интересно, а собственно, какого черта я купил ЭТО? Нет, ну серьезно?! Отдал... Сколько там я отдал? Матерное слово! Это же почти десятая часть зарплаты... или двенадцатая? Словом, пить явно надо меньше.

Я с ненавистью уставился на коробку: ну вот скажите, люди добрые, что мне теперь с этим бесценным при-

обретением делать?! Подавив естественное желание кинуть «НОВУЮ КОМПЬЮТЕРНУЮ ИГРУ» на пол и как следует потоптать ногами, я задумался всерьез.

Обратно в магазине, естественно, ее не примут, это ясно. Продать? Кому? Другу — стыдно. Врагу — не возьмет. Кто-нибудь незнакомый и безразличный? Все равно не возьмет. Ни за полцены, ни за четверть. Подарить? Нет, это не сойдет даже за шутку...

Похоже, остается лишь одно: расслабиться и получить удовольствие. Я вытащил из коробки коробочку с диском и руководство пользователя — оно уместилось на одном листочке и предписывало вставить диск в сиди-ром. Остальное место занимала реклама все той же сети магазинов «Вселенная». Ну что ж, расслабимся...

Вступительного мультфильма не оказалась, игра сразу перешла к делу. На экране появилась на удивление качественно сделанная заставка, изображающая хорошо отделанный офис, где, листая журналы, скучали несколько посетителей. Из-за столлика поднялась длинноногая секретарша и слегка, но вполне заметно покачивая бедрами направилась ко мне и вручила пачку документов. Весь дальнейший интерфейс вступительной части ограничивался возможностью просмотра этих бумаг — верхний листок пачки превратился в стандартное «вордовое» окошко, которое можно было мышкой вертеть как угодно и даже заглядывать за него. Это было забавно, но не более, и, сориентировав окно поудобнее, я взялся за чтение.

Суховатым, стилизованным под официальный документ языком Новому Участнику (то есть мне) предлагалось принять участие в создании компьютерной игры. На выбор предлагалась любая должность — от секретаря до руководителя проекта, причем системные требования к компьютеру игрока (то есть моему) менялись в зависимости от роли, которую я выберу: для художников требовалось наличие практически профессиональной графической станции, да и для «программиста» моя машинка годилась бы, только если вложить в нее еще полштуки на апгрейд. В секретари мне не хотелось, а тех, кто решил играть за руководителя проекта, создатели «Новой компьютерной» честно предупреждали, что для неопытного игрока вероятность успешно закончить проект весьма невелика.

Пока я просматривал вакансии, внутри моей машины застрекотал модем, дозваниваясь до провайдера, — игра решила, что пора лезть в обещанный «онлайн», и через

пару минут у меня появилось новое окошко: оказывается, я мог не только начать новый проект, но и подключиться к уже идущим, которые начали безумцы, купившие «Новую компьютерную» до меня. Как я понял, часть персонала в проектах имитировалась искусственно созданными персонажами, но среди них были уже и живые игроки, так что — я усмехнулся — не один я попал на эту удочку...

Хотя, если честно, мой скепсис был уже заметно поколеблен. То, что я успел понять, обещало нечто большее, чем обычный «сим-сити», «сим-больница» или «сим-публичный-дом». Здесь действительно маячила возможность творчества, причем творчества отнюдь не в тепличных условиях. Еще раз перелистнув документы, я перечитал пункты, касающиеся «абсолютно реального построения схем финансирования и маркетинга».

Нет, здесь точно халявы не будет! Тот, кто сумеет продержаться на должности коммерческого директора проекта хотя бы месяц, может смело открывать свое дело — в документе фигурировали названия настоящих банков и туманно обещались «полностью реальные алгоритмы работы»...

Не иначе, когда где-нибудь в середине игры баланс уйдет на минус, на мониторе проявятся бритые пацаны с предложением «конкретно решить вопросы», после чего «гейм» будет «чиста овер» или же начнется квэик на «калашниковых» и «мухах». Кого-то это наверняка позабавит, но у меня к таким финалам душа не лежит. Надо поискать чего-нибудь более творческое и мирное.

Я пробежался по списку проектов и наконец остановился на игре с завлекательным названием «Partizanen!» — нечто стратегически-тактически-ролевое по мотивам Второй мировой войны. Коротко описывался сюжет: героя игры забрасывают в тыл врага, и он должен там создать партизанский отряд. Хлопот у командира-игрока ожидался полон рот: налаживать снабжение, вовремя выполнять задания центра, строить землянки, вылавливать шпионов, улаживать конфликты внутри отряда и вербовать новых бойцов в запуганных белорусских селах... И не только белорусских. Для любителей революционной романтики предлагались Фронт Сандино и французское Сопротивление, а ревнители демократии могли попробовать себя в «лесных братьях», в «фольк-сштурме». Но идея оставалась все та же: с нуля, на «подножном корму», создать боеспособное формирование и выиграть если не всю войну, то хотя бы главную ее битву.

Игры такого типа мне нравились всегда, но от каждой мне всегда хотелось чего-то большего — и вот теперь у меня будет возможность сделать именно то, что я хочу! Хотя бы понарошку, хотя бы в симуляторе — а там, чем черт не шутит, может быть, все получится настолько здорово, что можно будет предложить эту идею какой-нибудь серьезной фирме.

Вызвав пункт меню «подробности», я выяснил, что «Partizanen!» сейчас находится на стадии пятидесятипроцентной готовности, но вакансий все равно хоть отбавляй. Например, дизайнер миссий... А почему бы и нет? Что я теряю-то? Не на корову же, в конце концов, играем. И я решительно щелкнул кнопкой мышки.

Процесс создания персонажа занял около часа: я ответил на кучу вопросов, включая достаточно странные — например, любимый сорт кофе или предпочитаемый тип женщины. Но нельзя не отдать должное создателям «Новой компьютерной»: получившийся парнишка был почти точным воплощением меня самого с необходимыми поправками (живот поменьше, плечи пошире, волосы потемнее). Была бы у меня видеокамера, я бы даже мог снабдить персонажа своим «живым» лицом, но за ее отсутствием пришлось обойтись фотороботом.

Вопрос о зарплате меня здорово повеселил: диапазон цифр предлагался неширокий, зато выбор, в чем получать оплату, был велик и очень экзотичен — там были и круэйро, и аустрали, и «купоны» (какой самозванной республики, я так и не понял), и даже прославленные «тугрики». Само собой, что я выбрал валюту, не известную нигде в мире, но очень популярную в России: «у.е.». Пусть это игра, но все-таки приятнее иметь оплату своего труда в сотнях «у.е.», чем во стольких же метрах метров керенок.

Как оказалось, отдельный кабинет по должности мне не положен: следующий экран явил мне большую комнату, где в разных позах сидели за компами человек десять. Практически все они были неподвижны, лишь пальцы летали над клавишами. Был еще один стол с компьютером, пустой, а над ним пульсировала стрелка, недвусмысленно намекающая, что это мое место. Интересно, вся дальнейшая игра будет происходить здесь же и на моем мониторе будет демонстрироваться экран другой машины?

Я положил левую руку на клавиатуру, а правой пошевелил мышкой. Рефлексы оказались правильными: картинка двинулась, и мой персонаж отправился в прогулку по комна-

те. Сидящие за столами парни не обращали пока что на меня никакого внимания. Привычным «квэйковским» движением я запрыгнул на ближайший стол, а потом на монитор.

Его владелец поднял голову, и в колонках раздалось:

— Новенький, да?

Теоретически моя звуковая плата позволяла общаться через сеть, но почему-то ни один микрофон к ней еще не подошел. Я напечатал в ответ: «А что, заметно?»

Другой голос сообщил:

— Все так начинают. Я сразу на голову Сереге запрыгнул. И часа три катался — тут раньше движок дерьмовый, верхняя часть объекта воспринимается как движущаяся площадка. При чем сам объект этого не замечает. Пришлось переделывать!

Сверху экрана появилась строчка непонятных символов — в разговор вступил еще один бедолага, лишенный возможности общаться голосом.

— Русификатор! — коротко бросил голос, опознавший во мне новичка. Строчка загадочных символов пропала, и фраза началась заново, уже вполне понятно: «Насчет движка! Я тогда еще к художникам самодельную мышку запустил. Сам нарисовал, сам санимировал. Там у них девчонок много работает, думал, испугаются. Так ни фиги! Они на этой мышке как на скейтборде катались: она маленькая, быстрая».

— Ладно, харе болтать, — подвел итог кто-то. — Как тебя зовут-то, новенький?

Я ответил, потом сам задал какие-то вопросы, обычные при водворении на новое место работы. Если среди ребят и были искусственные персонажи, то я этого не заметил: общение было вполне естественным. Оказалось, что эти парни и есть программисты проекта, и, по их общему мнению, играя в «Новую компьютерную» они получают огромное удовольствие.

«Ты пойми, — втолковывал мне безголосый, забивая текстом по-полэкрана. — Я же по жизни ровно тем же самым занимаюсь, игруху програю. Если честно, то в итоге такая дрянь получится! И все это понимают, а куда деваться? Я уже знаю, где сам напахал, знаю, где остальные два программера дерьма налили, и они знают, знаем, как в два раза лучше сделать... Но ведь это ж дел — начать да кончить, а у нас сроки, бюджет и так далее. А здесь — блин, на меня никто не давит, я делаю так, как мне надо, и столько, сколько мне надо. Ни тебе распорядка дня, ни мороки с отпусками... Отдыхаю я здесь, понимаешь? Лучше любого кантер-страйка!»

Примерно так же охарактеризовали ситуацию и другие «работники» виртуального офиса, по которому я в тот же день совершил экскурсию. Среди них оказался еще один профессиональный игродел, а вернее, оказалась. Художница с фигурой фотомодели и лицом голливудской красавицы честно призналась, что на самом деле ее параметры — 165-46-88 (в смысле — рост-возраст-вес) и что с игровой индустрией ее связывают последние пять лет и восемнадцать килограммов. Но там, «в реале», ей под лозунгом «шаг влево-вправо — нарушение дисциплины» приходится моделировать и анимировать пушистых чебурашек по готовым эскизам, хотя она сама большой поклонник игр с «кровишшшей». А тут каждый сам себе голова и делает то, что хочет.

В качестве того, а чего она на самом деле хочет, девушка (несмотря на признания о возрасте и весе, я все-таки продолжал воспринимать ее как секс-бомбу) продемонстрировала некоего фэнтезийного персонажа... Нет, она не пригласила меня взглянуть на экран своего монитора. Она просто сделала красивый пасс рукой, и персонаж соткался из воздуха прямо в комнате. Этот... эта... как бы правильной сказать... словом, ЭТО вроде бы ничего такого и не делало, а просто стояло и дышало — но в первую секунду я ожидал, что сейчас увижу собственную «кровишшшу», а потом отреспаунюсь около своего стола.

Эффективность творческой свободы была налицо: монстров, производящих ТАКОЕ впечатление, я не видел больше нигде. И несмотря на всю виртуальность происходящего, почувствовал облегчение, когда создательница вернула свое творение в небытие.

Собственно, в первый день я так за работу и не взялся, потратив все время на знакомства и прогулки по «офису» — он оказался чем-то схож с булгаковской «нехорошей квартирой», и маленький простенок с узкой дверью мог скрывать за собой огромную комнату, а то и целый зал, оформленный в стиле разрабатываемого проекта.

Как рассказал мне один из старожилов «Новой компьютерной», поначалу офис был простой и скучный, а все навороты — дело рук самих игроков. Я поинтересовался, почему же тогда стены моего «Партизанен!»-ского отдела еще не увешаны шмайсерами и плакатами «Родина-мать зовет!», и узнал, что проект начат недавно, художников еще не набрали, а программистам всякий антураж по фигу — у них свои способы получения кайфа от жизни.

Следующий рабочий день, а вернее, игровой вечер у меня заняло знакомство с редактором миссий, еще неде-

лю я ваял абстрактную тестовую миссию, еще месяц — первую реально действующую... Белая картонная коробка с надписью «Новая компьютерная игра» так и осталась лежать на системном блоке — выкинуть ее уже не поднималась рука. Визиты в виртуальный офис стали для меня необходимой частью жизни, а удачи и неудачи в проекте «Partizanen!» воспринимались едва ли не острее, чем успехи и ляпы в реальной работе. И когда мне прибавили несуществующую зарплату на 50 у.е. в месяц, я так обрадовался, что просадил в дешевом клубе полсотни вполне реальных баксов премии.

Хотя почему я назвал ту, вторую, зарплату несуществующей? Там, в виртуальном офисе, она оказывалась вполне весомой, и тратить ее можно было вполне конкретно: кроме непосредственно работы, «Новая компьютерная» предоставляла возможности и развлечься — причем эти развлечения тоже были плодом творчества игроков, так сказать, побочным продуктом побочных занятий. С теми же самыми «партизанскими» программерами я не раз и не два участвовал в совершенно фантастических гонках в стиле незабвенного «Нид фо спид», скрещенного с «Ре-вольтом», и каждый заезд уносил из моего кармана по сотни-две «у.е.» на ремонт, не считая затрат на изначальную покупку машины.

Всякого рода нововведения в офисе, как оказалось, тоже стоили «денег» — когда новопришедшие художники нашего проекта (и какие художники! Знающие расположение и вид каждого винтика на древнем ППШ!) решили отделать все наши помещения в стиле игры, нам всем пришлось скидываться... Зато и отделка получилась — заглядение! Теперь программёрская комната превратилась в партизанскую землянку, а себе художники смоделировали подвалы краковского гестапо, и сделали это настолько старательно, что я при любой возможности избегал появляться у них. Чем творцы «Новой компьютерной» объясняли необходимость оплачивать такие вещи, так и осталось мне неизвестным, да и вообще, как оказалось, хозяева игры не очень-то любят обнаруживать себя. Все шло само по себе, и лишь один раз одного парня (впрочем, кто он был в реале — парень или девушка, осталось неизвестным) кикнули без объяснения причин. Просто в холле на стене повис листок с приказом об увольнении, и все.

Однако, несмотря на все возможности увлекательно поотрываться на кровные «у.е.», главным моим развлечением оставалась все-таки сама работа — новые миссии, новые коварные ловушки для игроков и возможности для не менее коварного прохождения. А через некоторое время кто-то

из программеров дал мне самому в облике одного из персонажей бродить по мною же сделанным картам. И не только мне, а в компании с желающими потестить миссию.

Конечно, в шутер наши «Partizanen!» от этого не превратились, и графика, рассчитанная на вид в три четверти сверху, в таком режиме отчаянно глючила — но это мало меня беспокоило. Я ходил по собственноручно созданной земле, сражался с собственноручно расставленными врагами... Не знаю, от чего больше я получал удовольствия — от победы или от самой возможности почти вплотную окунуться в мир, который сделал я сам... Ну, не только я сам, конечно, а вся команда.

Так прошло около года, а то и все полтора — я, честно говоря, не считал. За это время я успел дважды проапгрейдить реальный компьютер у себя дома и четырежды — тот, что в виртуальном офисе, жениться и развестись в реальной жизни и сойтись с художницей — любительницей жутких монстров. Само собой, что сошлись мы с ней тоже виртуально, но даже просто смотреть на взаимные приключения моей и ее моделей было гораздо интереснее, чем на сцены из порнофильмов. Наша партизанская игра была почти что завершена, и я мог позволить себе подолгу заниматься посторонними делами.

Само собой, что дополнительная анимация и прочие приблуды для секса сожрали все мои «у.е.», что успели накопиться, — впрочем, состояние моего счета в «Новой компьютерной» меня волновало мало. Но вот оно, коварство виртуальной реальности! Так же мало внимания я стал обращать и на свой счет у провайдера и, можно сказать, на самом пике отношений оказался на нуле. До зарплаты на работе оставалось полторы недели, а денег (именно денег, а не «у.е.») в запасе оказалось ровно столько, чтобы не помереть с голоду. И ни о каком Интернете речи и быть не могло.

Я не то чтобы махнул рукой на это, но суровая реальность внешнего мира заставляла смириться с лишениями. И я начал покорно ждать зарплаты...

...В желудке у меня булькало и переливалось полтора литра разливного «Амстердама», в котором растворялись два чебурека столь же сомнительного качества, как и полтора года назад. Карман оттягивала зарплата, приятная гибкость в теле отсутствовала, и вывеска магазина «Вселенная» показалась мне сегодня особенно яркой и привлекательной. «Инте-

ресно, а продается ли там еще «Новая компьютерная игра»? — подумал я и вальяжно вошел в магазин.

Наверное, за прошедшее время продавцы-консультанты несколько утомились, и ни молоденькая Наташа, ни многоопытный Сергей ко мне не бросились, предоставив самостоятельно прогуливаться вдоль полок. И я с удовольствием прогуливался, не спеша и расслабленно, и чуть было не пропустил ее.

Нет, не «Новую компьютерную игру». А коробку, украшенную изображением добродушного бородача в ушанке со звездочкой на фоне взрыва летящих под откос вагонов. Я моргнул, потом еще раз — да нет, картинка была все та же. И точно так же от моих морганий никуда не делось название игры — «Partizanen!».

Я стоял, глядя на эту коробку, как тот самый баран на новые ворота, и никак не мог понять — что же я чувствую? Обиду? Гордость? Разочарование? Удовлетворение? И кто я теперь? Крутой парень, разработчик классной игры? Или же лох позорный, добровольно и забесплатно давший кому-то на себе нажиться?

И самое главное — что теперь делать? Выкинуть наконец-то и белую коробку, и ее содержимое в помойку? Подать в суд? И... А наши, из проекта? Неужели они ничего не знают об этом? А заранее — знали, не все, но кто-то точно знал?

В сложном коктейле чувств, который бурлил у меня в мозгу, черт ногу сломал бы — а я ведь не был чертом. Я был всего лишь слегка пьяным человеком, который вдруг осознал, что игра, которой он так долго забавлялся, вовсе и не игра, а вполне серьезное занятие, только вот мне этого никто не удосужился сказать. И то, что случилось дальше, наверное, даже черт со сломанной ногой объяснить бы не смог.

— Фака мазафака! -- произнес я вслух с таким чувством, что почтенного вида тетка с ребенком пионерско-скаутского возраста отшатнулась от меня, как от террориста-смертника. Потом я подошел к кассе и купил Интернет-карточку на пятьдесят часов. На улице словил тачку и за совершенно сумасшедшие деньги доехал до дому.

Там, не снимая кроссовок, я включил машину, обновил счет и запустил «Новую компьютерную игру». А когда она запустилась, залез в меню и стал выбирать новый проект, к которому можно было присоединиться...

***О ФАНТАСТИКЕ
И НЕ ТОЛЬКО***

Евгений Войскунский

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА В БАКУ

Страницы воспоминаний

Осень — лучшее время года в Баку. Спадает безумная жара, влажное дыхание моря делается прохладным. Северный ветер — норд — чаще врывается в город, с присвистом гоня по улицам опавшие листья, семечную шелуху, обрывки газет.

Тот осенний вечер 1957 года, который мне запомнился, был тихим, свежим, немного печальным. Мы с Лукодяновым и моим десятилетним сыном Аликом вышли из цирка — старого бакинского цирка на улице Гаджибекова. Мы любили цирковые представления, их яркую зрелищность, волшебный запах манежа.

Не спеша шли мы, обмениваясь впечатлениями. Свет фонарей желтыми островками лежал на асфальте. Вдруг на перекрестке, на улице Лейтенанта Шмидта, пронзительно взвизгнули тормоза. Мы увидели: из-под колес грузовика вынырнул человек, незадачливый пешеход, спасшийся в последний миг. А было мгновенное впечатление, будто он прошел невредимый сквозь машину...

Как ни странно, но именно это уличное происшествие стало толчком к рождению сюжета романа «Экипаж «Меконга».

Исай Борисович Лукодянов, мой двоюродный брат, был старше меня на девять лет. В детские годы мы не очень-то общались, никакой дружбы из-за разницы в возрасте и быть не могло. Иное дело — после войны. Мы отвоевали — Лукодянов в авиации, я на флоте, на Балтике, — и возвратились в родной Баку. Он, технарь по образованию и призванию, вернулся к любимой конструкторской работе. Я же, по образованию гуманитарий (в 1952 году заочно окончил Литературный институт им. Горького), в 1956-м ушел после долгой флотской службы в запас и начинал профессионально работать в литературе. У меня уже вышла первая книжка

морских рассказов в Воениздат, и я готовил вторую. На всероссийском конкурсе к 40-летию Октября получила премию моя пьеса «Бессмертные» («Субмарина»).

Что нас сблизило с Лукодяновым? Конечно, книги. Еще не писание книг, а чтение, обмен книгами. Мой колоссально начитанный брат был из особенно любимой мною породы людей — из всезнаек. Разговор он часто начинал так: «А знаешь ли ты, что...» Или: «Послушай, что я вычитал сегодня...»

В то время, о котором идет речь, он занимался разработкой легкосплавных труб для бурения нефтяных скважин. Увлеченно говорил о своей идее — пластмассовые трубопроводы вместо металлических, — и как-то в наших разговорах вдруг возникла странная, фантастическая картина: струя нефти идет через море вовсе без труб, в «кожуре» усиленного поверхностного натяжения...

Тут надо пояснить: к фантастике у нас обоих было тяготение с детства. Прежде всего — к романам Жюль Верна. Может, самым ранним образом, поразившим мое воображение, была прогулка капитана Немо и Аронакса по океанскому дну. Я летел к Луне в ядре, выстреленном из гигантской пушки, вместе с Мишелем Арданом. Вместе с капитаном Сервадаком, профессором Пальмиром Розетом и лейтенантом Прокофьевым устремлялся в космические дали на обломке Земли, оторванном кометой Галлея...

У нас с Исаем Борисовичем была как бы жюльверновская выучка по части фантазирования.

Однако разговоры о «беструбном» нефтепроводе, может, так и остались бы разговорами, если б не тот пешеход, вынырнувший из-под колес грузовика.

Проницаемость материи! На нее натыкаются молодые инженеры из НИИТранснефти. На что именно, на какой предмет натыкаются? Тут и возник фантастический нож из проницаемого вещества. А нож-то откуда? Да вот же, была загадочная страна, в которую издавна стремились европейцы, в том числе и россияне... при Петре состоялась экспедиция в Хиву, но с дальним расчетом разведать дорогу в Индию... постой, кажется, у Данилевского описан этот неудачный, трагически окончившийся поход...

Сюжет складывался, обрастал всякого рода ответвлениями, угасал, потом, подстегнутый фантазией, снова пускался вскачь. Мы стали записывать сюжетные ходы. Рылись в книгах...

А вокруг шумел, гомонил пестрый многоязычный город, прильнувший к теплему морю. По вечерам на приморском бульваре было многолюдно, били подсвеченные фонтаны, и бакинский певучий говор наполнял аллею. Моряна, южный

ветер, несла влажный воздух, пахнувший мазутом. Во дворах поутру раздавались призывные крики: «Мацони, мацони!», «Зэлень, зэлень!», «Стары вещь пак-пайм!» С улицы в раскрытые окна влетали обрывки песен: «Авара я...», «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...», «Если черный кот дорогу перейдет...» На улице Самеда Вургуна угол Шаумяна всегда сидели два старика в облезлых бараньих папах, азербайджанец и армянин, и со страшным стуком играли в нарды. Мы с Лидой, моей женой, идя на бульвар, проходили мимо и слышали, как они вышучивали друг друга. «Совсем играть не умеешь!» — кричал один. А второй: «Такой ход сам-мий глупый человек не сделает!»

Нам с Исаем хотелось вставить в роман пёстрый бакинский быт. Вместе с этим бытом поселились в романе веселые молодые инженеры из НИИ и их руководитель, похожий на Лукодянова. А еще втиснулся в будущую книгу внезапный исторический экскурс в XVIII век, в Петровскую эпоху, — несчастливая экспедиция князя Бековича-Черкасского, мрачная мистерия в индийском храме богини Кали, волшебный нож и некто «Бестелесный». Конечно, не обошлось без плавания на яхте по любимому нами Каспию и — для пушей занимательности — извержения грязевого вулкана.

Писали роман весело, с увлечением. Для эпиграфа Лукодянов раскопал прекрасное изречение немецкого натуралиста Александра Гумбольдта: «Я умру, если не увижу Каспийское море». Вообще с эпиграфами мы изрядно намучились: решили снабдить ими все главы, а глав-то в романе целых пятьдесят, да еще эпиграфы ко всем четырем частям... Если к первой главе эпиграф нашелся легко — из наших любимцев Ильфа и Петрова («Знаете, не надо кораблекрушений. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательнее. Правильно?»), — то к последней главе последней части искали мучительно долго. Наконец добрались до «Естественной истории» Плиния Старшего и нашли в ней то, что нужно: «Император Клавдий передает, что от Киммерийского Боспора до Каспийского моря 150 000 шагов и что Селевк Никатор хотел прокопать этот перешеек, но был в это время убит Птоломеем Керавном». Не уверен, удалось ли бы нам подобрать к последней главе подходящий эпиграф, если бы не это жуткое убийство.

Да, писали весело, но — трудно это, трудно сочинять роман. Лукодянов работал в те годы в проектно-институте Гипроазнефть и литературе мог отдавать (и отдавал с удовольствием) лишь вечера и выходные дни. А у меня поспевала книжка морских рассказов для Воениздата, и далеко не сразу я включился в работу над романом. В общем, если за точку отсчета взять эпизод с грузовиком и пешеходом, то на «обговаривание» и написание романа ушло два года и три месяца.

Но вот легла на стол толстая кипа машинописи. На титульном листе стояло: «Экипаж «Меконга». И подзаголовок: «Книга о новейших фантастических открытиях и о старинных происшествиях, о тайнах вещества и о многих приключениях на суше и на море».

Однако одно дело — рукопись на авторском столе, и совсем другое — она же на столе издательства.

Поскольку наш роман предназначался юному читателю, мы отправили рукопись в московское Издательство детской литературы — Детгиз. Очень долго не было ответа. Мы терпеливо ждали. Я, со своим тогдашним скромным литературным опытом, понимал, что «дикие», приходящие со стороны рукописи (их называют емким словом «самотек»), в издательствах не любят. Чаше всего их отдают «под зарез» внештатным рецензентам, а потом с отпиской, исполненной ледяной вежливости, возвращают авторам.

Но нам с Лукодьяновым повезло.

После долгого молчания пришло из Детгиза письмо от 24 августа 1960 года следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Мы с интересом и удовольствием ознакомились с «Экипажем «Меконга». На наш взгляд, книга получается. Рукопись читается отлично, и вас можно поздравить с литературной удачей. Конечно (без этого сакраментального «конечно» таких писем не бывает), поработать еще придется немало. В повести остались длинноты, отдельные сюжетные несоответствия, случайные и ненужные мелкие отступления, неясности научные. Короче, в рукописи еще предостаточно неубранного «строймусора». Тем не менее мы сочли возможным представить «Экипаж» на редакционный совет для включения в план. Рукопись в тематический план Детгиза включена. В ближайшие дни получите договор.

Итак, формальности позади. Нужно начинать работать с таким расчетом, чтобы окончательный вариант был на нашем столе к 15 декабря. Для этого необходимо:

а) Второй экземпляр рукописи — немедленно.

б) Выезд одного из вас в Москву для личных переговоров.

в) Тщательная проверка вами научной линии повести, чтобы на ней, линии, не осталось ни одной заусеницы, которые сейчас ее, линию, украшают (вернее, не украшают).

Подробности при личной встрече.

С приветом

ст. редактор А. Стругацкий».

Стругацкий... Эта фамилия была нам знакома по рассказам в журнале «Знание — сила». Как раз недавно мы прочитали книгу братьев Стругацких «Страна багровых туч». Ну что ж,

это большая удача, что наш «Меконг» попал в руки не просто старшего редактора, но старшего из братьев Стругацких.

Вскоре Аркадий Натанович прислал рецензию на «Экипаж «Меконга», написанную Юрием Рюриковым. Рецензия на семнадцать страницах представляла собой в высшей степени обстоятельный разбор романа.

Начиналась она так: «Думаю, что книга в общем получилась. Читается она с интересом, написана живо, и интерес этот вызван отнюдь не внешними приманками. У него два основных возбудителя, связанных воедино: фантастическая научная проблема, никогда не поднимавшаяся в фантастике, притягивающая читателя своей новизной и необычностью, и — сюжет тайн и борьбы, построенный на постепенном разворачивании этой проблемы, на раскрытии секретов, связанных с ней, на борьбе и приключениях героев...»

Тут я должен признаться, что мы Лукодяновым первоначально задумали именно приключенческую книгу. Ведь «Меконг» и начинается-то с фразы: «Приятно начать приключенческий роман с кораблекрушения...» Фантастическая проблема проницаемости служила если не «внешней приманкой», то главным сюжетным стержнем, на который нанизывались приключения героев — в наши дни и в XVIII веке. Увлеченные движением сюжета, мы не задумывались над такими вещами, как жанровая принадлежность, соблюдение неких законов жанра. Словом, писали мы так, как писалось.

Умный же критик Рюриков сразу определил место романа в литературном процессе. «Экипаж «Меконга», — писал он, — по своему жанру относится к научно-технической фантастике, наиболее распространенному среди видов нашей фантастической литературы. Но по своему характеру книга эта резко отличается от той научно-технической фантастики, которая господствовала у нас в первое послевоенное десятилетие и которая развивалась под знаком «теории предела». Смелостью и интересностью своей проблематики, живостью повествования она примыкает к новому направлению нашей фантастики, которое прокладывают такие писатели, как Ефремов, Долгушин... а также новое поколение фантастов, вступающее в литературу в последние годы».

(Замечу в скобках, что в наши дни еще более внятную оценку роли и места «Меконга» дал столь же серьезный литературовед Всеволод Ревич в своей последней книге «Перекресток утопий», до выхода в свет которой он, увы, не дожил: «Несмотря на всю свою переходность, «Экипаж «Меконга» был одной из тех книг, которые и создавали знаменитую фантастику 60-х. А то, что в ней не было больших философских обобщений, то не бу-

дем забывать, что книга изначально была рассчитана на подростковую аудиторию и в этом качестве может считаться одной из родоначальниц новой фантастики для детей».)

Похвальная часть рецензии Рюрикова заканчивалась на 5-й странице, а дальше следовало: «Думаю, что после выхода книги в свет авторы услышат и другие приятные слова. Чтобы увеличить их число, я перехожу к словам неприятным». И дальше на двенадцати страницах шли критические замечания. Они относились как к некоторым сюжетным построениям, так и — весьма подробно — к характерам героев. Самым существенным было пожелание усилить романтику научного искания, преодолеть несоответствие между масштабностью открытия и прагматизмом поведения и разговоров героев.

И мы с Лукодяновым приняли критику, большинство замечаний Рюрикова нельзя было не принять. Месяца два мы усиленно работали. В ноябре пришел из Детгиза договор. Выход книги получил, таким образом, официальное подтверждение, а это, разумеется, немаловажный стимул, побуждающий к трудолюбию.

К тому же Стругацкий прислал нам еще одну рецензию — Евгения Рысса. Она начиналась так: «Это хороший, интересный роман. Авторам не приходится экономить выдумку. Они щедры в материале, в сюжетных положениях, в характерах...» И далее: «В романе много событий, действие развивается стремительно, герои сталкиваются в напряженной борьбе, от романа трудно оторваться... Удалось самое важное: роман достоверен. Хотя с точки зрения рядового читателя события, происходящие в нем, поразительны — реальность обстановки и людей заставляет в них верить...»

Е. Рысс предлагал некоторую доработку текста, его пожелания были сходны с рюриковскими. Заключал рецензию словами: «Мне кажется, что вопроса — издавать роман или не издавать — не существует. Ясно, что издавать. Ясно, что роман — радостная находка в жанре научной фантастики, в котором за последние годы находки очень редки».

На последней странице рецензии была приписка Стругацкого: «Вот так-то, друзья. Ужасно рад за вас. Теперь работайте всю, с нетерпением (не только как редактор, но, гл. образом, как читатель) жду последнего окончательного варианта...»

А еще в письме Аркадий сообщил, что «Меконгом» заинтересовался журнал «Знание — сила».

Заведующая редакцией научно-художественной литературы Калакуцкая прислала грозное предупреждение: 15 декабря истек договорный срок сдачи рукописи. В Москву полетело наше покаянное письмо, адресованное Стругацкому: «Переработка

занимает больше времени, чем мы предполагали... Ничего не поделаешь, критика пробудила в нас придиричность к собственному детищу. Так что в опоздании виноваты не мы, а скорее — тт. Рюриков и Рысс. Рукопись пришло в первых числах января... Очень обрадованы Вашим сообщением относительно «Знания — силы», нам этот журнал по душе; кстати, именно ему мы обязаны первым знакомством с Вами...»

Мы переписали заново всю первую, экспозиционную часть, значительно сократив её, выбросив целую главу о «стиляжных» похождениях Валерика Горбачевского. Много переделали в третьей части. Сняли излишнюю «жирность» с характера Юры Костюкова, а Николаю Потапкину и Рите Матвеевой добавили переживаний, встревоженности. У Привалова стало меньше резонерства. Елико возможно мы решили противоречие между инженерным прагматизмом наших героев и масштабом открытия. Мы умяли рукопись до 30 авторских листов (так просил Стругацкий: «30 листов, non plus ultra»).

В первой половине января я прилетел в Москву с переработанным романом. В Деттизе познакомился с Аркадием Стругацким. Мне он понравился с первого взгляда: рослый усатый очкарик поднялся из-за стола с дружелюбной улыбкой, мы обменялись приветствиями, руки друг другу пожали, и тут он говорит: «Бойтесь женщин, падающих с теплоходов». Это фраза из «Меконга». И сразу у нас возникла, как я полагаю, взаимная приязнь. Я побывал у Аркадия дома, на Бережковской набережной, познакомился с его красивой белокурой женой Леной. Конечно, мы и водки выпили по случаю нашего знакомства, очень быстро превратившегося в дружбу.

Аркадий рассказал, как обстояло дело с нашей рукописью. Она долго лежала в шкафу, где томился, молча взывая к прочтению, самотек. Наконец она попала на стол Марии Михайловны Калакуцкой. Возможно, толщина двух папок, в которых пребывал «Меконг», ничего, кроме отвращения, у завредакцией не вызвала. Мария Михайловна позвала Стругацкого: «Аркадий Натанович, посмотрите эту рукопись, полистайте и напишите авторам ответ». Можно было не спрашивать, какой ответ она имела в виду. Аркадий унес папки с «Меконгом» домой и вечером стал «смотреть и листать».

— Вскоре, — рассказал он мне, — я перестал листать, а вчитался. И, знаешь ли, увлекся. Почти всю ночь читал. А на следующий день говорю Калакуцкой, что эту книгу надо издать. Мадам удивилась: «Да вы что? Никому не известные авторы». Я повторил, что роман интересный, надо издать. Ну, она велела дать на рецензию серьезному рецензенту. И я позвонил Юре Рюрикову...

Из нашего письма от 14 февраля 1961 г.:

«Дорогой Аркадий Натанович! Прежде всего поздравляем Вас с запуском ракеты в сторону Венеры: знаем, что это грандиозное событие особенно близко Вашему научно-фантастическому сердцу. (Имелось в виду, что в романе братьев Стругацких «Страна багровых туч» действие происходит на Венере. — *Е.В.*)

Засим посылаем Вам набор тем для иллюстраций и кое-какие эскизики, которые, может быть, помогут художнику учесть наши образные представления. Если еще чего понадобится — напишите, и мы нарисуем...

Что слышно насчет одобрения и его последствий?..

С большим приветом Ваши друзья с Востока» (эту фразу мы написали по-азербайджански).

Из письма А. Стругацкого от 17 февраля 1961 г.:

«Дорогие друзья! Получил ваше письмо с эскизами. Да, совсем забыл. Прочитал повесть до конца. Отлично, братцы, просто отлично. Редактировать не хочется и, скорее всего, почти не буду. Портить только. Если вас это утешит, могу сообщить вам: читал повесть мой брат и соавтор и тоже весьма хвалил...

Так вот. Выписал вам одобрение, коли хотите — шлите в бухгалтерию №№ ваших текущих счетов, а справки о детях шлите незамедлительно.

Вот и все, что я хотел вам, так сказать, сообщить.

Засим... (следовала строка японских иероглифов. Мол, вы мне по-басурмански, вот и я вам по-басурмански).

Из письма А. Стругацкого от 6 апреля 1961 г.:

«Дорогие ребята!

...С вашей рукописью все обстоит нормально. Сдал я ее в художественную редакцию — это прошло, хотя, как правило, они и слышать не хотят о рукописях будущего года. Естественно, однако, что, приняв, они не торопятся. А вы, братцы, не волнуйтесь. Все идет отлично и нормально. И если меня что-нибудь беспокоит в судьбе «Меконга», так это только судьба мекония, который я хочу во что бы то ни стало сохранить в книге.

В Москву, натурально, специально ехать смысла нет. Однако же видеть вас всегда буду рад, а при случае и пенника хватим и поговорим за проблемы...»

В июне того же 61-го Стругацкий прислал нам третью «внутреннюю» рецензию — написал ее весьма влиятельный литературовед в области фантастики Кирилл Андреев. «Увлечение, с каким авторы писали свою книгу, невольно передается ее читателям», — так начиналась эта рецензия, тоже вполне положи-

тельная. Ну что ж, теперь нам оставалось только ждать выхода книги в будущем году.

Как-то трудно было расставаться с «Меконгом». Конечно, были и другие дела. У меня в 60-м вышла в Воениздате вторая книжка рассказов о морях-подводниках «Наш друг Пушкарев», и мне предложили подумать о новой книге. Кроме того, я переводил (с подстрочника) прозу некоторых азербайджанских писателей. Делал это не только для заработка — таково было, так сказать, позиционирование русского писателя в национальной республике (в 1959 году меня приняли в Союз писателей).

Шестидесятые годы...

Знаменитая хрущевская «оттепель», омраченная травлей Пастернака и расстрелом в Новочеркасске. Но — тут и вынос Сталина из Мавзолея. И поразительное, невозможное в прежние годы появление «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире». И «Задалью — даль» Твардовского, и «Баллада о солдате» Чухрая на киноэкранах. И первые песни Галича, Окуджавы, Высоцкого...

Под напором шестидесятых — времени странного, противоречивого, шумного, словно бы очнувшегося после долгой спячки — отступало великое оледенение сталинской эпохи. Шутка ли сказать — смена эпох...

Одной из характерных черт шестидесятых был всплеск интереса к НФ.

В конце 50-х годов над унылым полем послевоенной советской фантастики, венцом которой представлялся электроуправляемый трактор, вдруг разверзлись космические дали «Туманности Андромеды». Знаменитый роман Ивана Антоновича Ефремова был как бы взвившейся сигнальной ракетой. Смело можно сказать, что все мы, новое поколение писателей-фантастов, вступивших в литературу в 60-е годы, вышли из «Тантры» — ефремовского звездолета.

Этот читательский интерес ощутили и мы с Лукодяновым. Еще не был издан «Экипаж «Меконга», а слух о нем прошел, и мы получили несколько заявок. В 61-м главы из «Меконга» были напечатаны в московском журнале «Знание — сила» (№ 8), бакинском русскоязычном «Литературном Азербайджане» (№ 8—12), в барнаульской газете «Молодежь Алтая», в красноводской газете «Знамя труда».

Да, расставаться с «Экипажем «Меконга» было трудно. У нас остались «отходы» романа — главным образом бурильные, трубопроводные, милые сердцу Лукодянова. Как-никак он здорово поработал (и продолжал работать) в бакинском нефтяном царстве. Ему-то и пришла в голову идея о бурении сверхглубокой

скважины в Тихоокеанской впадине. Задача — проникнуть в загадочную мантию Земли. А дальше что? Ну, дальше сугубая фантастика: с сорокакилометровой глубины недра выгалькивают колонну бурильных труб, поднимается к небу черный столб из непонятного вещества мантии, он неудержимо растет... происходит грандиозная катастрофа: короткое замыкание Земля — ионосфера искажает магнитное поле планеты, генераторы перестают вырабатывать ток...

Не могу сказать, что эта крамольная (с точки зрения физики) идея увлекла меня. В общем-то, при всей своей давней любви к фантастике, я вступил под ее зеленые куши довольно случайно. Человеческие истории, судьбы людей моего поколения привлекали меня куда больше, чем столб, выдавленный мантией Земли. Но поскольку вступление под вышеупомянутые куши все же состоялось, была по-своему привлекательной идея соединить научность и художественность, создать такого литературного кентавра. Позднее я сформулировал это более определенно: научно-фантастическая проблема лишь тогда становится фактом литературы, когда наполнена человеческим содержанием и имеет прямое отношение к современной духовной жизни общества.

Работа над «Черным столбом» шла неровно, да и нервно: в то жаркое бакинское лето тяжело заболела мама, несколько месяцев я был поглощен медицинскими делами. Осенью мамы не стало. В ноябре того же 61-го мы с Лидой приехали в подмосковный Дом творчества Малеевку. Протоптанная в глубоких снегах тропинка ввела в еловый и сосновый бор, и на ней, конечно, были следы невиданных зверей (сиречь зайцев). Морозный воздух бодрил. Мы, измученные трудным летом, перевели дух.

После Малеевки я позвонил Аркадию Стругацкому, и мы встретились в ресторане «София». С нами были наши жены. Вспомнить тот застольный разговор во всех деталях я не могу, но помню, что мы сошлись на мысли, что фантастика не столько «литература мечты», как ее называли иные теоретики и практики этого жанра, сколько *прием заострения*, остранения действительности, столкновение человека с явлением странным, неведомым, но по сути социально детерминированным. Какие генеральные сюжеты преобладали в фантастике? Жестокий изобретатель страшного оружия рвется к мировому господству; космонавты высаживаются на дальних планетах и ведут борьбу с тамошними чудищами; человек, ищущий спасения, бежит от угнетающей действительности. Список, конечно, не полон. Но вот о бегстве, об эскапизме мы говорили, это я помню — однако я еще не знал, что братья Стругацкие недавно закончили новую повесть — «Попытка к бегству», определившую поворот их творчества к новым ориентирам.

Наше с Лукодяновым письмо от 1 февраля 1962 г.:

«Дорогой Аркадий Натанович!

Во первых строках выражаем надежду, что заморская инфлюэнтная болезнь-испанка, ныне, после научных открытий, именуемая гриппом, Вас миновала, чего нельзя сказать о Лукодянове. Дело в том, что он, будучи человеком обстоятельным, старается не пропустить ни одной эпидемии и уж тем более — пандемии.

Во вторых строках — проявляем нездоровое любопытство, извинительное для людей нашего положения. Должно быть, Вы, со свойственной Вам прозорливостью, уже догадались, на что мы намекаем. Так что не томите, отпишите нам за «Меконг»: где он нынче обретается, в каких друкарнях?

Фряжского екривана Жака де Бержьера читали, как он Вас с братцем Вашим на своем немецком языке выхваляет, отчего и нам плезир немалый, что-де нашего редактора и за морем чтут.

А еще кланяемся.

С апшеронским приветом...»

Почти одновременно, 2 февраля 1962-го, Аркадий нам написал:

«Дорогие друзья!

Рад сообщить вам, что «Экипаж» наконец прорвался через корректорскую (больше месяца его, сироту, терзали!) и сейчас чередом поплелся через техредов в типографию.

Вопрос ближайшего времени — примерно март — это верстка. Я — само собой, но мне очень бы хотелось, чтобы кто-нибудь из вас тоже посмотрел с тщанием и прилежанием верстку...

Сейчас перерачитывал «Экипаж» и заходиллся от удовольствия. Отменная все-таки книга, озорная и умная. Ну, пока всего хорошего.

Ваш А. Стругацкий».

Еще через месяц:

«Дорогие друзья!

Сим сообщаю, что «Экипаж» прошел все прспоны и отправлен в печать...

Больше сообщить ничего не имею. Вот разве только — у нас создано литобъединение писателей-фантастов.

Женя, большой привет Вам и Вашей супруге от меня *privatim* и от Ленки.

Ваш А. Стругацкий.

Когда книга выйдет, приезжайте все. Напьемся — уф-ф-ф!»

В летний день 62-го пришла телеграмма о выходе «Экипажа «Меконга». Лукодянов вскинул седую голову и воскликнул: «Сбылась мечта идиота!»

Так состоялся наш дебют. Книга вышла в серии «Библиотека приключений и научной фантастики», именуемой также «Золотой библиотекой», 115-тысячным тиражом. Теперь таких тиражей не бывает, но тогда, в незабвенные 60-е, для фантастики этот тираж был обычным.

В том году журнал «Техника — молодежи» проводил международный конкурс НФ-рассказов. В № 7 был напечатан наш рассказ «Алатырь-камень», получивший одну из премий, а в августе (а может, в сентябре) я побывал на большом сборе писателей-фантастов, устроенном этим журналом. Тогда-то и познакомился с москвичами — Ариадной Громовой, Георгием Гуревичем, Севером Гансовским, Анатолием Днепровым, Александром Полещуком, Еремеем Парновым и Михаилом Емцевым, ленинградцем Борисом Стругацким, киевлянами Владимиром Савченко и Игорем Роховатским.

Вспоминая это молодое время и всех нас, еще сравнительно молодых, легко соскользнуть на умилительную интонацию: вот-де как хорошо было! Не стану умиляться. Мы много спорили, критиковали появлявшиеся в журналах рассказы коллег и рукописи, обсуждавшиеся на собраниях литобъединения при издательстве «Молодая гвардия». В этом издательстве была сильная редакция фантастики, возглавляемая Сергеем Жемайтисом. Редактором тут работала Белла Григорьевна Ключева — подлинная энтузиастка молодой фантастики 60-х. С именем этого превосходного редактора связано издание многих книг, которые шли нарасхват, и особенно — 25-томной «Библиотеки современной фантастики». В «Библиотеку» вошли, наряду с советскими авторами, лучшие зарубежные фантасты того времени — Р. Брэдбери, С. Лем, А. Азимов, Р. Шекли, К. Воннегут, А. Кларк, Кобо Абэ, К. Саймак, Дж. Уиндем, Г. Гаррисон и др. Впервые в истории отечественного книгоиздания выплеснулась огромным (250-тысячным) тиражом такая мощная волна мировой фантастической литературы. Такой блеск ума, полет воображения, такая многоцветная палитра популярного жанра...

На литобъединении в «Молодой гвардии», бывая в Москве, я с интересом слушал споры о НФ-новинках. Умный физик и знаток фантастики Рафаил Нудельман сделал доклад, выделивший «Попытку к бегству» Стругацких как наиболее перспективное направление фантастики. От него же, Нудельмана, досталось нам с Лукодьяновым за короткое замыкание мантия Земли — ионосфера в «Черном столбе»: такого быть не может! Но вот вопрос: вправе или не вправе фантастика писать о том, чего не может быть?..

На одном из собраний в «Молодой гвардии» я прочел наш новый рассказ «Прощание на берегу». Он вызвал спо-

ры, одним рассказ понравился, другим — нет. Несколько позже этот рассказ, доработанный нами, вошел в один из томов молодогвардейской «Библиотеки».

Не стану умиляться и утверждать, как хорошо было нам, шестидесятникам. Но то, что было *свежо и интересно*, — это точно.

Станный все-таки город...

Сбежавший с желтого нагорья к синей полукруглой бухте, продутый нордом и моряной, с запахом нефти, растворенным в морском воздухе, населенный пестрым многоязычным людом, Баку обладал таинственным очарованием. Нефтяная столица дореволюционных нобелевских — и советских времен. Город контрастов: высоколобые инженеры — и погонщики верблюдов, романтические художники — и крикливые алверча — торговцы всякой всячиной.

Здесь размышлял об «евразийстве» и сочинял звукообразы Велимир Хлебников; полуголодный и бездомный, пытался читать «клинопись созвездий».

Здесь в последний год своей короткой и бурной жизни Сергей Есенин закончил шемящие душу «Персидские мотивы»; «Отчего луна так светит грустно?» — вывел он своим круглым почерком.

Баку дал миру великого физика Льва Ландау, великого музыканта Мстислава Ростроповича, великого разведчика Рихарда Зорге, великого шахматиста Гарри Каспарова.

Этот странный город на каспийском стыке Европы и Азии породил и Генриха Альтова.

Генрих Саулович Альтшуллер, щедро наделенный от природы даром нестандартного мышления, был, что называется, генератором идей. Эта особенность в ранней молодости чуть не погубила его. Еще будучи студентом Азербайджанского индустриального института, Альтшуллер вместе со своим другом и однокурсником Рафаилом Шапиро, таким же головастым парнем, занялись изобретательством. Они придумали новый вид скафандра, новую модель акваланга. В 1949 году друзья окончили институт, тогда же завершили опасную работу — изобрели мощное взрывчатое вещество. О своем изобретении они написали — кому бы вы думали? — самому товарищу Сталину. Ну как же, дело государственной важности, нужное для армии. Однако вместо лавров и премий молодые изобретатели получили по 25 лет лагерей. Обвинение, конечно, было вздорным, но приговор «тройки» — беспощадно крутым.

И поехали молодые инженеры, Альтшуллер — в Воркуту, Шапиро — в Казахстан (между прочим, во второй раз: впервые он побывал в Казахстане в детстве, с матерью, последовав-

шей за мужем, осужденным по «шахтинскому делу»). Им повезло: в 53-м умер Сталин, и спустя год наступил «век великого реабилитанса». Обоих изобретателей выпустили на свободу, почти одновременно они вернулись в Баку.

О взрывчатке они постарались забыть: слишком сильно она их обожгла. Теперь друзей интересовала психология изобретательства и творчества вообще. Они занялись выявлением законов, по которым развивается техника. А мировая техника, мощно подстегнутая военным производством, развивалась быстро, уже надвигалась «неизбежность странного мира» — эпоха кибернетики, электроники. В 1956 году в журнале «Вопросы психологии» появилась статья Альтшуллера и Шапиро «О психологии изобретательского творчества». Она и положила начало целой науке, которую в последующие годы основательно разработал Альтшуллер, — теории решения изобретательских задач (ТРИЗ).

В конце 50-х стали появляться в периодике — в журналах «Техника — молодежи» и «Знание — сила», потом и в ленинградской «Звезде» — научно-фантастические рассказы Генриха Альтова (псевдоним Альтшуллера) и Валентины Журавлевой, его жены.

Идеи, во множестве рождавшиеся в умной голове Генриха Сауловича, были захватывающе неожиданны и красивы. Они явно опережали время. Потому и явилась потребность обратиться к жанру научной фантастики.

Выше сказано, что фантастика как жанр литературы — прием остранения действительности. Это неполное определение. Фантастика — не только прием, но и *тема, идея*. В рассказах Альтова это выражено с большой силой. Кому еще пришла бы в голову идея, что человечество в отдаленном будущем сумеет управлять разбеганием галактик (рассказ «Порт Каменных бурь»)? Или идея о корабле без двигателя, с огромной скоростью идущем по океану на волне искусственно вызванного цунами («Создан для бури»)?

В 1961-м вышел в Детгизе первый сборник рассказов Г. Альтова «Легенды о звездных капитанах». Как и подобает легендам, стиль был несколько возвышенный — это не моя эстетика. Но мощь фантазии — увлекала.

Жюль Верн, прогнозируя технику будущего, шел путем, так сказать, количественного возрастания. Полет к Луне? Пожалуйста, люди летят в ядре, выстреленном из пушки, — только пушка очень большая. Соединение Европы с Америкой? Пожалуйста, гигантская подводная стальная труба от Ливерпуля до Бостона, и в трубе бегут поезда, движимые сильным давлением воздуха, — ну как в Париже пересылаются депеши пневматической почтой...

Принципиально иным путем шел Генрих Альтов, выстраивая качественно другую, ни на что не похожую техносферу будущего.

В ЦК компартии Азербайджана в те годы работал секретарем по пропаганде умный человек Назим Гаджиев. Образованный по-русски, он не пренебрегал чтением текущей литературы. И он обратил внимание на то, что в московских журналах все чаще появляются рассказы бакинских авторов, издаются в Москве книги Альтова, Журавлевой, Войскунского и Лукодянова. Гаджиев позвонил первому секретарю Союза писателей Азербайджана Мехти Гусейну: дескать, почему не замечаешь, что у нас в Баку появилась фантастика? Мехти Гусейн вызвал меня и расспросил — кто да что, какие книги и т.п. И предложил мне возглавить комиссию по научно-фантастической литературе, учреждаемую президиумом Союза писателей.

Дело было новое, интересное. Мы — новоиспеченная комиссия — собрались в одной из комнат дома на улице Хагани, который занимал Союз писателей. Как это часто бывает в старых бакинских домах, комната не имела окон, а выходила на застекленную галерею. Тут стояли два письменных стола, стулья и клеенчатый диван. За столами сидели два штатных консультанта — по прозе и поэзии. В дни заседаний нашей внештатной комиссии (два раза в месяц) они уступали нам комнату. Пожилой добродушный поэт Осман Сарывелли, уходя, говорил обычно: «Ребята, просьба есть — не курите».

Мы честно не курили в комнате. Мы — это Лукодянов, Журавлева, Альтов и Шапиро. (Рафик Шапиро — он же Р. Бахтамов — уже издал в московском Детгизе свои первые научно-художественные книги — «Для кого падают яблоки» и «Властелин оксимира».) Кроме нас, участвовали в работе комиссии начинающие авторы Амнуэль и Леонидов, Караханов и Милькин.

Павлик Амнуэль был из вундеркиндов, с детства сочинял фантастические рассказы. Кто-то из моих знакомых привел его, стеснительного худенького школьника с огромной шевелюрой, ко мне домой, и я прочитал его рукопись. Вещь была ученическая, то и дело сбивалась на красоты, но — свидетельствовала о несомненной литературной одаренности мальчика. Теперь, когда я пригласил Павлика в комиссию, он уже был студентом физмата университета. Его интересовали звезды — он о них писал и готовился стать (и стал) астрофизиком. Амнуэль, интересный писатель-фантаст, — убедительное опровержение расхожего мнения, будто из вундеркиндов ничего серьезного не получается.

Комиссия приступила к работе. Что мы делали? Во-первых, обсуждали НФ-рукописи. Стали готовить сборник фан-

тастики бакинских авторов. И — last not least — готовить прием в Союз писателей Альтов и Журавлевой.

И вообще — это были приятные посиделки, я бы сказал, высокого интеллектуального уровня. Генрих Альтов задавал тон нашим разговорам о фантастике. Он любил и умел систематизировать все, что его интересовало, — инженерный или, точнее, ТРИЗовский подход. Подобно науке об изобретательстве, предметом его исследования стала фантастика. Альтов обладал техникой быстротечения и прочитал всю доступную НФ-литературу. Со своей иронической усмешкой говорил, что он, вероятно, единственный человек, прочитавший все книги В. Немцова.

И однажды Альтов принес плод своих изысканий — «Регистр научно-фантастических идей и ситуаций». Это был поистине гигантский труд. Альтов классифицировал примерно 10 тысяч идей, содержащихся в массиве научной фантастики: разбил их на классы, группы, подгруппы. Буквально каждая прочитанная книга занимала свое место в «Регистре» — и было отчетливо видно повторение, вторичность некоторых из них. Неудивительно, что кому-то из писателей-фантастов «Регистр» крайне не понравился.

Вообще своей бескомпромиссностью Альтов нажил себе немало врагов. Среди них были и писатели, издававшие огромными тиражами свои маловысокохудожественные НФ-произведения. Были и чиновные деятели ВОИРа (Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов), которым вовсе не нравился ТРИЗ и особенно то, что его создатель обучал всех желающих, у него возникла целая школа. В ТРИЗе, говорил Альтов, главное — знать метод, использовать четырехступенчатый алгоритм изобретения. Все чаще его приглашали читать лекции о ТРИЗе в Москву и Ленинград, в Новосибирск, Петрозаводск и другие города страны, где жили люди, для которых научно-технический прогресс был не пустым звуком.

А еще Генрих придумал «Гриадный крокодил» — ежегодную премию за худшее произведение научно-фантастической литературы. «Гриада» — роман А. Колпакова о полете в дальний космос — была беспомощной, но амбициозной вещью. В ней как бы сгустились все пороки, свойственные НФ: вторичность темы, дубовый язык, вопиющий схематизм, а точнее — полное отсутствие характеров. Именно такие сочинения и служат причиной, по которой многие люди, и прежде всего критики, относят фантастику к литературе второго сорта («осетрина второй свежести»).

«Лауреатов» «Гриадного крокодила» выбирали члены клуба любителей фантастики при Московском дворце пио-

неров. Для этих начитанных и дерзких мальчишек Генрих Саулович был главным авторитетом.

В течение 1963 года мы, комиссия, подготовили сборник фантастики и предложили его бакинскому издательству Азернешр. Наша с Лукодяновым небольшая повесть «Формула невозможного» дала название сборнику. В него вошли также: два рассказа Максуда Ибрагимбекова, рассказы В. Журавлевой, И. Милькина и В. Антонова, эссе Г. Альтова «Машина открытий». Мы привлекли к участию в комиссии симпатичного улыбчивого детского писателя Эмина Махмудова. Два его рассказа, переведенные с азербайджанского Бахتامовым и Лукодяновым, не были, конечно, шедеврами, но годились для того, чтобы в сборнике был представлен и местный колорит.

В Азернешре сборник приняли благосклонно: ну как же, фантастика выдерживает большие тиражи, издательству это выгодно. Редактором назначили Фаика Мамедова, человека с седыми бакенбардами. По-русски Фаик говорил хорошо. Ну, думали мы, все в порядке, сборник пошел в производство.

И вдруг он застрял, будто уткнулся в невидимую стену. Шли месяц за месяцем — и наконец Фаик Мамедов заявил нам, что включил в сборник пьесу поэта Новруза Гянджали. Задержка тем и объяснялась, что эту пьесу срочно переводили с азербайджанского на русский. Естественно, я попросил дать нам пьесу прочесть. «Прочтете в верстке», — ответил Фаик, покрутив свои бакенбарды.

В мае 64-го поспела верстка. Мы прочитали пьесу Новруза Гянджали «Сокровища сгоревшей планеты», заверстанную в конце сборника, — и пришли в ужас. Это была жалкая пародия, не имевшая отношения ни к фантастике, ни к литературе вообще.

С бакинского космодрома отправляется «в созвездие Центавра» звездолет, во главе экипажа космонавт Аяз. Перед отлетом появляется пожилой садовник Ами, он принес семена бамбука.

«РЕНА. Да разве семена этого растения так уж нужны?

АМИ. А как же? Нужно думать и о плохом, чтобы достичь хорошего. Вдруг... вы попадете в такой мир, где будет недостаточно кислорода. Посеете эти семена (показывает маленькие мешочки с семенами), и через 10—15 лет этот мир превратится в рай...

РЕНА. А что это за цветы?

АМИ. Розовая герань! Эти растения все время будут очищать воздух на корабле...»

Мудрец Ами прячется в корабле и «зайцем» отправляется в полет. Экипаж дружно поет песню «Среди звезд». А следующим утром на «научную станцию наблюдения» врывается

Фатьма, бывшая уборщица космодрома, а ныне пенсионерка. Пропал ее муж садовник Ами!

«ГУЛАМ. Может быть, он в милицию попал?

ФАТЬМА. Послушай, что мой муж — хулиган или вор? Ты на свой аршин не мерь!..

ГУЛАМ. Тетушка, зачем же вы сердитесь? Ну, пропал он...

ФАТЬМА. Послушай, что мой муж — курица, чтобы пропасть?

НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ. Фатьма-хала...

ФАТЬМА. Нет, я вас спрашиваю, такой большой мужчина — курица?»

Тут следует ремарка: «Загорается зеленый глазок телерадиофона. Гулам настраивает его. На экране появляется изображение Ами».

«ФАТЬМА. Киши, где ты?

ГУЛАМ. Летит в небе.

ФАТЬМА. Где ты?

АМИ (находясь в невесомости, плывет по воздуху). На орбите. Фатьма, я провожал Рену. Заглянул в корабль, а он оторвался от земли, я свалился в кухню. Береги себя. Прощай».

Эту душераздирающую сцену прерывает ремарка: «...Свет гаснет. Все встревожены. Гулам хватается за ручку приборов».

Нет смысла цитировать дальше. Звездолет достигает «созвездия Центавра», и экипаж высаживается на планету, населенную человекообразными существами, которые разговаривают только стихами. Одновременно туда прибывает американский корабль со зловещим намерением завладеть «залежами радия». Но аборигены прогоняют злодеев, а бакинских космонавтов одаривают чудо-лекарством — «удлинителем жизни». Там еще есть странное животное Бибия, из рогов которого течет целебная молочная жидкость...

Мы безуспешно попытались остановить издание сборника «Формула невозможного», испорченного этой вздорной пьесой. Книга вышла большим тиражом. Мы, комиссия, написали письмо в газету «Бакинский рабочий» — изложили историю сборника и дали оценку пьесе, включенной в него вопреки желанию составителей. Письмо напечатали. Новруз Гянджали поднял шум на весь писательский Союз: что это за комиссия, да как посмели... Его ярость еще возросла после того, как Дмитрий Биленкин, которому Альтов послал злосчастный сборник, опубликовал в «Комсомольской правде» реплику под названием «Не дергайте ручку приборов».

Такого в Баку еще не было, чтобы «нацменьшинство» устроило выволочку азербайджанскому писателю.

Мехти Гусейн вызвал меня и показал гневное письмо Новруза Гянджали. «Он требует, чтобы вашу комиссию разогнали».

Я рассказал, как было «дело». Мехти Гусейн усмехнулся:

«Знаешь, когда Новруз смотрит так, — он прищурил глаза и остро взглянул на меня, — я его боюсь. Он ведь служил в органах... Ладно, продолжайте работать».

«Дело» замяли. Какое-то время мы использовали в качестве поговорок выражения: «Такой большой мужчина — курица?» и «Гулам хватается за ручку приборов». Но потом это забылось, как забывается всякая мура.

Да, чуть не забыл. В часть тиража злополучного сборника, как говорится, вкралась досадная опечатка. В оглавлении стояло: «Сокровища сгоревшей планеты. Пьса».

Все было подготовлено для приема Г. Альтова и В. Журавлевой в Союз писателей: заявления, рекомендации, анкеты. И настал день приема. В кабинете Мехти Гусейна собрались члены президиума СП Азербайджана — все важные, именитые — и расселись за длинным приставным столом. И на этот стол Генрих Альтов вывалил из сумки журналы и книги — свою и Валину — и альманахи и сборники, в которых опубликованы их рассказы. Получилась солидная горка. Кто-то из членов президиума громко поцокал языком. А один из них, с профилем усталого кондора, по своему обыкновению, погрузился в дремоту.

Я, конечно, не был членом президиума, но присутствовал как председатель комиссии по фантастике.

Первой обсуждали Валентину Николаевну Журавлеву. Члены президиума не без интереса смотрели на молодую красивую женщину. Прочитали рекомендации, задали несколько вопросов — Валя ответила своим тихим голосом. Президиум проголосовал, «против» не было никого, и Мехти Гусейн поздравил Журавлеву.

Настала очередь Альтова. Все шло по накатанной дорожке, небо было ясным, безоблачным. Прочитали рекомендации, анкету, кто-то спросил что-то касающееся биографии. И тут, как назло, очнувшись от дремоты член президиума, похожий на старого кондора. Прикрыл рукой зевок и спросил: «А почему вы ничего не пишете о нашем Азербайджане?» На формальный вопрос Альтову бы ответить общей, ни к чему не обязывающей фразой — дескать, есть такое намерение... ну, в общем, отбрезхаться бы. Но не таков был Генрих Саулович. Он сдвинул брови. Он стал похож на пловца перед прыжком в воду. И — обрушил на кондора, на президиум гневную тираду. Ее смысл заключался в том, что фантастика не может замыкаться в национальные рамки, она имеет дело с проблемами всего человечества, а вы не можете это понять...

Члены президиума никогда не слышали такое. Они заговорили между собой по-азербайджански, а Мехти Гусейн

постучал карандашом по графину и, прервав Альтова, объявил голосование. «За» не проголосовал никто.

Мы вышли из кабинета Мехти. Я был расстроен. Валя со слезами на глазах бросила Генриху, что он вел себя как дурак. А он, упрямый и непреклонный, молча спускался по лестнице. Волосы его торчали как козырек надо лбом.

Какое-то время спустя я обратился к Мехти Гусейну с просьбой снова рассмотреть вопрос о приеме Альтова в Союз писателей. Мехти холодно ответил: «Мы никогда не примем этого человека. Он нас не уважает».

Альтов говорил: «В фантастике еще нет теории, и теоретиком может быть каждый. Аналогичная ситуация наблюдается только в футболе».

Но именно он тогда, в 60-е годы, создавал теорию фантастики: своим «Регистром», своими статьями, исполненными язвительных выпадов против «предельщиков», и своими таблицами.

Как и все, что он делал, его таблицы были незаурядны. Первая из них — «Судьба фантастических предвидений Жюль Верна» — была опубликована в деттизовском альманахе «Мир приключений» в 1963 году. Прочитав всего Жюль Верна, Альтов выписал из его романов около сотни идей и рядом с каждой поставил две графы: «Что было в то время» и «Сбылось или не сбылось». Большинство прозрений великого фантаста — да, сбылось.

«Это, конечно, не значит, что в фантастике идеи «главнее» художественности. Научная фантастика — синтетический литературный жанр, в котором одинаково важны оба компонента. Я хочу лишь сказать, что судьбы фантастических идей интересны и сами по себе, ибо идеи эти обладают удивительным свойством выходить за рамки литературы. Так, роман Жюль Верна «Из пушки на Луну» дал толчок работам Циолковского. Подобных примеров множество».

Эту цитату — пожалуй, ключевую в теории фантастики, которую строил Альтов, — я выписал из его статьи «Перечитывая Уэллса», опубликованной в сборнике НФ-рассказов «Эти удивительные звезды». Это был второй сборник, сделанный нашей комиссией. Да, неудача с первым нас не расхолодила, и на сей раз удалось не допустить редакторского произвола — никакая «пьяса» не испортила книгу, вышедшую в том же Азернешре в 1966-м.

Статья Альтова предваряла таблицу о судьбе научно-фантастических предвидений Герберта Уэллса. 86 идей выписал Альтов из произведений Уэллса и дал им оценку. «Интуитивный» метод английского фантаста он явно предпочитал экстраполяциям Жюль Верна. Вот он выписывает основную идею «Машины

времени»: «Остановить или ускорить свое движение по времени или даже направить свой путь в противоположную сторону». Рядом, во второй графе, стоит: «С точки зрения физики того времени — абсолютно невозможно». А в третьей: «Отчасти. Из теории относительности следует, что при движении со скоростями, близкими к скорости света, время замедляется и, таким образом, теоретически возможно путешествие в будущее».

Никакой — или почти никакой — идее Уэллса, даже самой невозможной (как, скажем, способность мистера Дэвидсона без приборов видеть события, происходящие в отдаленной части земного шара), не хотелось Альтову сказать категорическое «нет». Он весьма высоко оценил прогноз Уэллса о практическом применении атомной энергии, высказанный в «Освобожденном мире» задолго до атомной эпохи — в 1913 году. Уэллс предвидел, что через сорок лет, в 1953-м, появится первая атомная электростанция, — и ошибся всего на один год: первая советская АЭС вступила в строй в 1954-м...

В феврале 1970 года в издательстве «Гянджлик» («Юность») вышел третий сборник НФ-рассказов, подготовленный бакинской комиссией, — «Полус риска». В него вошли вещи тех же авторов — Р. Бахтамова, В. Журавлевой, П. Амнуэля, Р. Леонидова, М. Ибрагимбекова, Э. Махмудова, В. Караханова, И. Милькина, отрывок из нашего с Лукодяновым нового романа «Плеск звездных морей», а также произведения двух москвичей — рассказ Владимира Фирсова «Зеленый глаз» и отличное эссе Георгия Гуревича «Сколько вы будете жить?».

В сборник вошел и очерк Альтова «Гадкие утята фантастики». В начале очерка — ссылка на рассказ Клиффорда Саймака «Необъятный двор». На Землю прибывают посланцы инозвездной цивилизации — для установления торговых контактов. Но никакие земные товары их не интересуют — только идеи. «Им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру».

Новые идеи... Фантастике они нужны как свежий воздух для нестесненного дыхания. Именно с этой точки зрения Альтов рассматривает творчество Александра Беляева. Казалось бы, дела давнишних дней. Казалось бы, только «Человек-амфибия» и остался от Беляева, да и то благодаря знаменитому фильму. Ан нет! Странный писатель Беляев, нещадно битый критиками, человек с несчастливой судьбой, незадолго до смерти написал свой последний роман «Аризель». Критики встретили его в штыки: вздорная выдумка!.. Человек не может вспорхнуть и полететь, он не птица!.. Альтов пишет: «Есть в этом мире что-то вроде закона

сохранения фантазии: вся сдерживаемая эти годы дерзость мысли, весь неизрасходованный запас воображения воплотились в великолепной идее летающего человека».

Беляев умел находить новые идеи — и это обычное дело, что обыденному, заземленному уму новые идеи кажутся чепухой, гадкими утятами. «Будущее, — пишет Альтов, — сначала всегда бывает гадким утенком, и, вероятно, самое трудное в трудном искусстве фантаста — увидеть гадкого утенка, которому суждено превратиться в прекрасного лебедя».

Очерк завершала таблица «Пятьдесят идей Александра Беляева». В графу «Идеи» за номером 50, в соответствии с хронологией, Альтов вписал выдумку из «Ариэля»: «Летающий человек (управление броуновским движением частиц тела)». И рядом в графе «Судьба идей»: «По мнению литературоведов, это чистейшая сказка. Что ж, можно согласиться — сказка. Такая же сказка, какой был когда-то Ихтиандр. У подобных сказок есть удивительное свойство становиться реальностью».

Три изданных сборника фантастики за восемь с половиной лет работы бакинской комиссии — пожалуй, неплохой показатель. Проходили сборники всякий раз нелегко, и, между прочим, мы натыкались на долгие оттяжки с выплатой гонорара, на попытки главного бухгалтера Азернешра присвоить его часть. Однажды, когда мы безуспешно посетили Азернешр, Генрих снял своей кинокамерой, как мы входим в издательство, в бухгалтерию, и как выходим с пустыми руками. Он вмонтировал в пленку кадры из какого-то фильма: идет родео, ковбой пытается вспрыгнуть на норовистую лошадку, а она лягается, сбрасывает его. Смешной получился микрофильм.

Мы часто выступали. Нашу комиссию приглашали на радио, в библиотеки и школы, в студенческие аудитории. Иногда для затравки острого разговора мы предлагали парадоксальные темы вроде: «Что больше угрожает цивилизации — телевидение или футбол?»

Молодым людям импонировали максимализм Альтова, спокойное глубокомыслие Бахтамова. Разинув рты, слушали Лукодянова. Исая Борисович свободно и неожиданно переходил с предмета на предмет, он мог говорить часами, «растекаясь мыслью по дереву», и приходилось дергать его за штаны.

Любопытно, что экологическая тема еще только начинала входить в зону внимания писателей-фантастов, а Лукодянов уже практически занимался охраной жизненной среды — конструировал приспособления для очистки Каспия от промышленных вод.

Он хорошо знал историю техники. Я думаю, он смог бы спроектировать по древнеегипетской технологии водяное ко-

лесо на Ниле или наладить производство рыцарских лат. У него был огромный интерес к старинным инструментам и приемам обработки металла и дерева. Не случайно его любимыми книгами были: «О природе вещей» Лукреция Кара, «История свечи» Фарадея, «Абрисы» начальника сибирских и уральских заводов петровских времен де Геннина (полное название: «Генерал-лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена Святого Александра Георгием Вильгельмом де Генниным собранные натуралии и минералии камер в сибирских горных и заводских дистриктах также через ево о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и протчих куриозных вещах абрисы»).

Лукодянов обожал Ломоносова, испытывал, я бы сказал, детское удивление перед его универсальным гением. Любил цитировать: «Пою перед тобой в восторге похвалу не камням дорогим, не злату, но стеклу». Или: «Вам путь известен всех планет; скажите, что нас так мятет?»

К литературе у него был инженерный подход. В «Тружениках моря» Виктор Гюго подробно описывает, как Жильят снял паровую машину с «Дюранды», потерпевшей кораблекрушение, застрявшей в Дуврских скалах, — в одиночку, ценой невероятных усилий, спускает машину с неприступных утесов. Эти подробности, которые многие читатели пропускают, бегло скользя взглядом, Лукодянов проанализировал по-инженерному: вычислил объем и вес машины, подъемную силу сооруженных Жильятом талей, — словом, тщательно проверил выдумку Гюго. И установил: все верно!

А вот в «Человеке, который смеется» доктор Герардус в каюте корабля усаживается перед печкой на эзельгофт. «Ну и чушь, — сказал Лукодянов. — Эзельгофт соединяет мачту со стеньгой, как это он очутился в каюте?» Разыскал французский текст романа, там было: «chouquet». В словарях это слово действительно означает морской термин «эзельгофт». Но Лукодянов не поленился заглянуть в энциклопедический словарь Ларусса и обнаружил, что у chouquet есть старинное значение — плаха, чурбак. Итак, фразу следовало перевести: «сел перед печкой на чурбак».

Однажды моему братцу попался на глаза роман с гордым названием «Гранит не плавится» (издан «Роман-газетой»). «Это почему же он не плавится? — удивился Лукодянов. — Точно температуру плавления не помню, но — порядка полутора тысяч градусов».

В 1966 году мы с Исаем Борисовичем закончили писать роман «Очень далекий Тартесс». Нас заинтересовало утверждение Авиена, что существовал в древности большой и богатый город, имевший «такое могущество, такой блеск». Тартесс вел торговлю медью и оловом по всей ойкумене, с греческими городами — а

в VI веке до н.э. бесследно исчез. Что-то там произошло. И вот мы с Лукодьяновым отправились в бронзовый век — прочитали все, что можно было прочесть о полумифическом городе, и особенно выделили мнение некоторых ученых, что Тартесс имел какое-то отношение к Атлантиде. Ну а дальше — работа воображения.

Не стану пересказывать сюжет романа, скажу лишь, что он стал возможен только в 60-е, после солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича». Социальные и человеческие проблемы современности, перенесенные в другие времена, в иные миры, — но не изложение проблем, а их биение, пульсация в характерах и судьбах героев.

«Тартесс» заинтересовал редакцию фантастики «Молодой гвардии». Ранней осенью 67-го в Баку прилетела Белла Григорьевна Ключева — редактировать роман. Замечаний было мало, управились быстро. Мы возили Беллу в Кобыстан — гористую местность юго-западнее Баку, — там недавно обнаружили наскальные изображения и надписи, свидетельствовавшие, что некогда до этих мест добрался легион древних римлян. Ездили с Ключевой в Бузовны — приморское селение на северном берегу Апшерона, там прекрасный песчаный пляж, хорошее купанье. Запомнилось: Альтов прихватил с собой какую-то оригинальную удочку, мы стояли на плоском камне, омываемом водой, и разглядывали удочку, вникали в ее устройство; Белла, выходя из воды, засмеялась: «А вы похожи на мальчишек...»

Приезжала в Баку Нина Матвеевна Беркова, редактор Детгиза: готовилось переиздание «Экипажа «Меконга». Приезжали Аркадий Стругацкий с женой Леной — отдохнуть, пообщаться с бакинскими фантастами. Мы были рады гостям. И конечно, было приятно, что бакинская НФ-комиссия получила безусловное признание столицы.

В Москве выходили наши книги. Детгиз выпустил книгу Р. Бахтамова «Загадка НТР», это было его третье научно-художественное произведение. Рафик обладал удивительным даром писать просто и интересно о самых сложных явлениях науки и общественной жизни. У него был на редкость ясный взгляд на мир, проникающий в глубинную суть явлений. Маленький, косенький, в круглых очках, с доброй и как бы по-детски смущенной улыбкой, Рафик был желанным гостем у нас в доме; наши разговоры обо всем на свете часто прерывались остротами и смехом.

В Детгизе же вышла книга НФ-рассказов Г. Альтова «Опаляющий разум» с многозначительным эпиграфом из Ф. Бэкона: «Читай не затем, чтобы противоречить и отвергать, не

затем, чтобы принимать на веру, и не затем, чтобы найти предмет для беседы, но чтобы мыслить и рассуждать».

Положим, сам-то Генрих Саулович очень даже умел противоречить и отвергать. В одном из его рассказов есть фраза: «Постоянно жить в вихре идей». Вот так он и жил.

У нас с Лукодяновым в 1964 г. в московском издательстве «Знание» вышел сборник рассказов «На перекрестках времени». В журнале «Литературный Азербайджан» напечатали «Повесть об океане и королевском кухаре». В 1968-м «Молодая гвардия» издала «Очень далекий Тартесс», иллюстрированный гравюрами Александра Полещука. В 1970-м Детгиз выпустил наш роман «Плеск звездных морей».

Ранней весной 1971 года мы с Лидой насовсем уехали в Москву. Здесь я не буду вдаваться в причины нашего переезда, скажу только, что к тому времени наш сын окончил Московский университет. Бакинская комиссия по фантастике (руководство ею я передал Лукодянову) еще какое-то время собиралась — все реже, реже — и заглохла. Альтов, увлеченно занимавшийся ТРИЗом, постепенно отошел от фантастики. Рафик Шапиро занялся публицистикой. Амнуэль, окончив физмат, уехал на работу в Шемахинскую обсерваторию.

А у меня началась новая — московская — полоса жизни. Может быть, если достанет времени, я расскажу и об этом. В советской фантастике в 70-е и 80-е годы происходили небезынтересные события, так или иначе отразившиеся на нашей жизни.

Потом наступило время тяжких потерь.

Не стало моей Лиды, с которой мы прожили в любви и согласии сорок четыре года.

В 1984 г. умер в Баку И. Лукодянов.

В 1993 г. умер в Иерусалиме Р. Шапиро.

В 1998 г. умер в Петрозаводске Г. Альтов.

Все реже снится мне по ночам родной Баку. Он теперь совсем другой. Он стал мононациональным, совершенно не похожим на себя прежнего. Он — в другом государстве.

Иногда я вспоминаю: мы с Лидой идем на приморский бульвар и видим на углу Самеда Вургуна и Шаумяна двух стариков в облезлых бараньих папах. Они — азербайджанец и армянин — играют в нарды. Бросают кости, со страшным стуком переставляют шашки и по-русски вышучивают друг друга.

Вышучивают, а не режут.

Дмитрий Ватолин

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Что такое официальные страницы писателей? Зачем они нужны? Чем они полезны для писателей? Какие проблемы с ними возникают? Попробую вкратце ответить на эти вопросы...

Для тех, кто еще не знает, что такое Интернет, сразу скажу, что все очень просто. Страница писателя — это место в сети, где могут быть расположены его книги, рецензии, интервью, фотографии и другие материалы. Более того, там можно поместить фильмы, например, фрагменты кинофильмов, поставленных по сценарию писателя («Гостя из будущего» по Киру Булычеву), или звуковые файлы — песни, имеющие отношение к книге, или радиопостановки по книгам автора («Тополиная рубашка» по Владиславу Крапивину).

Термин «официальная страница» означает всего лишь, что все материалы страницы выложены с согласия писателя. Именно автор определяет набор материалов, относящихся к себе. Помимо официальных, встречаются также неофициальные страницы, причем у некоторых популярных писателей таких страниц может быть несколько.

В отличие, например, от журналов все выложенные на странице писателя материалы доступны любому человеку, подключившемуся к Интернету дома, на работе, в Интернет-кафе.

Сколько таких людей в России? По социологическим оценкам, на первый квартал 2002 года периодический доступ к сети имеют порядка пяти миллионов жителей России. Однако не думайте, что все они увидят размещенную в Интернете стра-

ницу. До недавнего времени одним из 1001 сравнительно честных способов изъятия денег было предоставление услуги размещения страницы в сети («И миллионы пользователей Интернета смогут увидеть вашу...») безо всякой заботы о реальной посещаемости этих страниц. Фактически размер Интернета растет намного быстрее реального спроса, и повторяется ситуация, хорошо знакомая по крупным библиотекам: чем крупнее библиотека, тем реже запрашивается большинство книг. Помнится, РГБ (бывшая Ленинка) приводила статистику, какая доля книг ни разу не запрашивалась за последние пятьдесят лет, и таких книг было больше половины. Аналогично растет число выкладываемых, но незапрашиваемых страниц в Интернете.

Какое же число людей от всех посетителей сети действительно интересуется информацией о русской фантастике? Ежедневная посещаемость серверов сети «Русская фантастика» составляет на середину 2002 года больше двенадцати тысяч человек в день. При этом за месяц через сервера проходит больше ста тысяч разных посетителей. В среднем один человек за одно посещение выкачивает 350 Кб материалов, месячный трафик при этом составляет более 120 Гб. Много это или мало — прикидывайте сами. Долю других ресурсов по фантастике можно оценивать еще примерно в 200—300 Гб, в основном разделяемые между сотнями небольших ресурсов.

Интересно, что на Россию приходится около 65% посетителей. Остальные посетители (в порядке убывания) — из Украины, Белоруссии, США, Германии, Казахстана, Израиля, Прибалтики и т.д. Доля иностранных посетителей получается непропорционально высока, поскольку на Западе не представляет особого труда подключиться дома к Интернету, да и ностальгия по языку сказывается.

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

В 2002 году исполнилось шесть лет существования «Русской фантастики» — крупнейшего ресурса, собравшего официальные страницы авторов, изданий и конференций в области фантастики. Причем ни по одному направлению современной литературы аналогичных по размеру ресурсов просто нет, да и вообще более типична ситуация, когда официальные страницы существуют отдельно, обособленно. Причем «Русская фантастика» собрала не просто страницы писателей, а мэтров жанра — Стругацких, Бульчева, Крапивина, Лукьяненко... Не просто журналы — а все профессиональные журналы по фантастике, не просто конферен-

ции — а лучшие конференции и фестивали. Фактически сервер выступает как средство массовой информации, нацеленное на публикацию избранного.

Эти шесть лет нашей истории фактически соответствуют возрасту русского Интернета, и серверу пришлось переболеть многими болезнями роста. Изрядное количество проблем успешно преодолено, и накоплен богатый опыт. Небольшой толикой этого опыта и хотелось бы с вами поделиться.

ЗАДАЧИ ОФИЦИАЛЬНЫХ СТРАНИЦ

Если верить Книге Рекордов Русского Интернета, то первая официальная страница писателя появилась именно на «Русской фантастике» в 1996 году. Это была страница Сергея Лукьяненко. Задача официальной страницы очень проста: любому автору (журналу, фестивалю) необходимо иногда сообщать СВОЕЙ аудитории какую-то информацию. Для писателей ранее эту задачу решали интервью, статьи в специализированных журналах, выступления на конференциях, встречи с читателями.

При этом возникало две проблемы: популярных в данный момент писателей атаковали десятки журналистов, в надежде на эксклюзивное интервью, и ПИСАТЕЛЬ был не в состоянии ответить всем желающим. Его менее известные коллеги сталкивались с тем, что уже ЖУРНАЛЫ не хотели брать интервью с ними. Поскольку «журнал не резиновый» и вместить всех желающих не может. Ограничения возникали как со стороны писателей, так и со стороны «издателей».

Не будем забывать и о читателях. Ведь и в том, и в другом случае какая-то часть читателей не может узнать того, что хотела.

Рассмотрим, что хочет узнать подавляющее большинство читателей. Типичные вопросы можно разбить на три категории:

1) Вопросы по произведениям, героям, сюжетам. Например: «Так вы ответьте прямо — был Лев Абалкин Странником или нет?», «А как работает миелофон?», «Чем закончилась история дайвера Леонида?»...

2) Вопросы текущей работы и интересов писателей. «Что вы пишете сейчас?», «Будет ли продолжение?..», «Какой ваш герой вам наиболее дорог?», «Что вы думаете о статье Лурье?», «Каков тираж ваших книг?», «Будут ли переиздания?»...

3) Вопросы о жизни писателей: «Будете ли вы голосовать за КПРФ?», «Вы инопланетянин?», «Каков у вас рекорд в Master of Orion?», «Правда ли, что вы работаете на спецслужбы?»...

Эти вопросы звучат практически на любой встрече с писателем. Такое повторение, конечно, дает возможность до блеска отточить ответы (так что люди будут встречать их взрывами хохота), однако с какого-то момента это становится привычно и скучно, позднее такие вопросы воспринимаются с неприятием, а потом и вовсе доходит до «Боже! Опять про это!».

Аналогично в журналах вынуждены считаться с тем, что каждое интервью будут читать люди, незнакомые с писателем, и каждый раз помещают небольшую справку об авторе. Журналистам, конечно, тоже претит такое однообразие, и они стараются по мере сил творчески перерабатывать и додумывать сведения о писателе, но свой предел есть и здесь.

Официальная страница снимает эти вопросы. На писательских страницах «Русской фантастики» авторы получают читательские вопросы и отвечают на них в бесконечном интервью на своей странице.

Самая сложная ситуация была у Бориса Стругацкого, которого и по сей день атакуют журналисты. Причем вопрос можно решить, когда это крупное центральное издание, хуже и менее приятно отказывать, когда обращается действительно энтузиаст, любящий книги Стругацких, но результаты беседы пойдут в заводскую многотиражку. На это физически нет времени.

Борису Стругацкому сразу (с 1998 года) и очень понравилась идея отвечать в сетевом интервью, и сейчас у нас собрано более трех тысяч ответов. Причем иногда доходило до двухсот ответов в месяц (можете сами посчитать, сколько это ответов в день). Фактически получился отдельный том собрания сочинений братьев Стругацких с интереснейшими дискуссиями и богатейшим материалом по творчеству писателей «из первых уст». И сегодня час-тенько, вместо того чтобы давать интервью очередному изданию, Борис Стругацкий просто отправляет людей на свой сайт, уверяя, что там ВСЕ ЕСТЬ. И там действительно собраны буквально ВСЕ стереотипные вопросы, а доля уникальных, ни на что не похожих вопросов в этом интервью превышает все известные ранее интервью, вместе взятые. И это неудивительно... За четыре года возможность отбирать вопросы сделала свое дело. Сейчас это интервью с Борисом Стругацким претендует на статус одного из самых больших интервью мира и, как мы надеемся, войдет в Книгу рекордов Гиннесса.

Забавная ситуация произошла со мной в Керчи в позапрошлом году. Проходя мимо газетного киоска, я совершенно случайно увидел фамилию «Лукияненко». Оказалось, что в глянце-вом журнале компьютерной тематики, издаваемом в Киеве,

было помещено интервью с Сергеем Лукьяненко. С первого взгляда стало видно, что все фото были взяты со страницы писателя, однако оформлено все было так, будто корреспондент беседовал лично. Я ничего не заподозрил (благо писатели часто дают разрешения «надергать» ответы, наиболее подходящие по тематике издания), ведь здесь все было сделано весьма грамотно и аккуратно. Однако позднее, в Москве, выяснилось, что никакого разрешения на интервью не выдавалось и оно было в чистом виде самостоятельностью редакции приличного с виду издания.

С тех пор эта история повторялась много раз. Причем надо честно сказать, что хотя почти все такие интервью оформлялись изданиями как эксклюзивные, информация подавалась без искажений. То есть просто работал механизм повышения цитирования писателя без участия самого писателя, что, по большому счету, можно только приветствовать.

ЧТО ДАЕТ ПИСАТЕЛЮ СТРАНИЦА

Сейчас распространенной практикой является указание адреса официальной страницы в конце книги, рядом с выходными данными.

Страница в первую очередь удовлетворяет ответы на текущие простые читательские вопросы типа: «А какие еще книги написал этот писатель?», «Есть ли продолжение или предыдущая книга у этой книги?» и т.п. Это вопросы, ответы на которые человек будет активно искать в течение недели после прочтения понравившейся книги. Если ответ найден не будет, человек забудет об этом. Поэтому Интернет — самый удобный для людей способ найти ответы на свои вопросы.

Другая задача, решаемая страницей, — предоставить информацию разного рода профессионалам. Например, журналистам, готовящим обзор, фоторепортаж или интервью. Если страницы какого-то писателя нет или ее тяжело найти — то какой-то обзор выйдет без его фото. А если найти легко и фотографий там большой выбор — то с хорошим фото и т.д.

Как правило, даже если писатель является профессионалом (то есть основной доход получает от книг и пишет постоянно), ему неудобно выдавать новую информацию на страницу чаще чем раз в две недели. Иногда доходит до того, что какие-то существенные вещи, типа фрагментов новых книг, появляются на странице раз в полгода. То есть людям не имеет смысла заходить на страницу часто — там ничего не меняется, и когда что-то изме-

нится, они узнают об этом далеко не сразу — только когда случайно забредут. Именно здесь и проявляется большой плюс объединения интересных людям ресурсов. Конференция дает несколько пачек материалов, но всего один раз в год. Журнал — один раз в месяц, писательская страница — тоже на практике один раз в месяц. Но когда вместе объединены больше пятидесяти таких проектов (как у нас), то новости идут по две-три каждый день. Соответственно люди, интересующиеся фантастикой, заходят на сервер постоянно, и любой анонс гарантированно видят 20—40 тысяч человек. Выигрывают все: и посетители, и писатели, и журналы.

Также у нас сейчас активно растет англоязычная часть ресурса, где переводятся многие материалы писательских страниц. Переводятся рецензии, рассказы, отрывки произведений. На меня регулярно выходят представители западных издательств и потенциальные литагенты. Например, было письмо австралийского издателя, в котором тот писал, что слышал, что в России есть писатели-фантасты, и интересовался различными рейтингами (премиями) популярности авторов.

Есть известный литературный анекдот про Кира Булычева, приехавшего в Польшу. В книжном магазине сопровождавший его человек сказал продавцу: «Вот этот пан — русский писатель-фантаст!» — на что продавец вышел из-за прилавка и с большим уважением поздоровался: «Здравствуйте, пан Стругацкий!» Сейчас мы прикладываем силы к тому, чтобы на Западе знали не только одних Стругацких.

КАК ОТКРЫТЬ СВОЮ СТРАНИЦУ

И напоследок ответу на традиционно злободневный вопрос. Почему мы не открываем много-много страниц писателей? Ведь двенадцать официальных писательских страниц — это очень мало.

Во-первых, мы изначально нацеливались на глубокое представление писателей, а это большая и серьезная работа. Увеличивать число представленных писателей за счет снижения уровня страниц крайне не хотелось бы. Во-вторых, размещение писательской страницы — это фактически рекламная услуга автору (собственно, именно поэтому к нам хотели бы попасть многие). Однако на данный момент мы не берем с авторов денег за размещение их страниц. Благодаря известности наших авторов текущие расходы окупаются весьма и весьма умеренным размещением рекламы на страницах. Идти по пути ресурсов, пытающихся охватить все и вынужденных заполнять свои страницы рекламой сверху донизу,

нам также не хотелось бы. И наконец, в-третьих, — даже поднимая 5—10 новых проектов в год, то есть отнюдь не форсируя открытия новых разделов, мы растем с экспоненциальной скоростью. В начале 2001 года наш размер был порядка 1 Гб, в середине 2001-го — 2 Гб, в середине 2002-го мы перевалили за 5.7 Гб, и скорость роста остается экспоненциальной уже несколько лет подряд, причем как по размеру, так и по количеству материалов. При таком росте основной задачей ставится поддержание качества на высоком уровне («борьба за качество»), а отнюдь не сам рост. Однако сейчас мы чувствуем достаточно сил, чтобы поднять большой проект отдельного сервера официальных писательских страниц. Надеемся на его открытие до конца 2002 года.

На этой оптимистической для многих ноте разрешите завершить свой рассказ о писательских страницах. Пусть таких страниц становится больше, пусть они становятся лучше и интереснее, и пусть среди читателей никогда не переводятся те, кому интересно не только читать, но и создавать что-то новое и интересное (например, писательские страницы). А мы в меру сил поможем.

Дмитрий Володихин, Игорь Черный

LA FEMME CHERCHE

(Женщина ищет)

«Женский цех» в современной литературе занимает весьма твердые позиции. Если взять детектив или фантастический роман, то в глаза бросается очевидная тенденция. Женщины-писательницы пользуются здесь большим успехом.

Женщины вошли в отечественную фантастику еще на заре ее появления в русской литературе, в XIX веке. Первой писательницей-фантасткой стала героиня Отечественной войны 1812 года «кавалерист-девица» Надежда Дурова, из-под пера которой кроме записок вышло и несколько повестей с запутанным фантастическим сюжетом: «Клад», «Угол», «Ярчук. Собака-духовидец». Тогда же, в 40-е годы XIX столетия, выпустила несколько произведений в фантастическом роде и Елизавета Кологривова, писавшая под псевдонимом Фан-Дим: роман «Два призрака», повесть «Хозяйка». Более заметным явлением в этом плане стало творчество Веры Крыжановской (Рочестер). На рубеже XIX — XX веков она написала и издала ряд романов оккультно-мистического содержания: «Адские чары», «Дочь колдуна», «В царстве тьмы», «Жизненный эликсир», «Маги», «Гнев божий», «Смерть планеты», «Законодатели». В них перед читателем предстают картины борьбы во Вселенной божественных и сатанинских сил. Несколько произведений Крыжановской («На соседней планете», «В ином мире») представляют собой попытки создать социальную утопию. Однако заметного следа в истории отечественной фантастики творчество этих писательниц не оставило. Хотя стоит признать, что переиздание книг Крыжановской-Рочестер в конце 80-х годов XX века в немалой степени способствовало возрождению в «литературе крылатой мечты» интереса к эзотерике и мистицизму.

В советской фантастике было не столь уж много ярких женских имен. Одной из пионеров здесь стала Мариэтта Шагинян, выпустившая в 20-е годы под псевдонимом Джим Доллар несколько авантюрно-фантастических романов с детективной фабулой («Месс Менд, или Янки в Петрограде», «Лори Лэн, металлист», «Дорога на Багдад»), написанных в виде пародии на бульварно-развлекательную литературу типа брошюр о похождениях сыщика Ната Пинкертона.

В 60—80-х годах «женский цех» в фантастике представляли прежде всего Ольга Ларионова, Ариадна Громова и Валентина Журавлева.

Первенство принадлежит, несомненно, Ларионовой. Ее роман «Леопард с вершины Килиманджаро» (1965), относящийся к жесткой НФ, стал одним из высочайших достижений отечественной фантастики того десятилетия. Позднее Ларионова «поменяла профиль». В своем творчестве 70—80-х она стала настоящим предтечей перелома, совершавшегося уже в 90-х. Ее проза буквально дышала фэнтези, как будто воспринимала ответное дыхание этого рода фантастической литературы, воцарившегося у нас намного позднее. Ее повести «Соната моря» и «Сказка королей» — в полушаге от фэнтези. А маленький роман «Чакра кентавра» (1988) почти распрощался с НФ-атрибутикой. Впоследствии Ларионовой удалось использовать «Чакру кентавра» как первую часть чисто фэнтезийной трилогии. Все, что написано Ольгой Ларионовой, так или иначе посвящено любви — вне зависимости от стиля, в котором исполнено конкретное произведение.

Близким путем развивалось творчество Ариадны Громовой. Она никогда не покидала НФ, даже не приближалась к границам этого вида фантастики, но с течением времени ее проза становилась все более мягкой, «гуманитарной». Вершина творчества Громовой — роман «Мы одной крови — ты и я!», в котором фантастики до крайности мало, зато в тексте царит настроение поэтической гармонии с окружающим миром, глубокого родства человека со всем живым на Земле.

Валентина Журавлева известна прежде всего циклом рассказов о космопроходах и повестью «Баллада о звездах», написанной в соавторстве с супругом, Генрихом Альтовым. И то, и другое умещается в рамки твердой НФ, трактованной в романтическом ключе.

Процесс «феминизации» мало затронул русскую фантастику советских времен. В отличие, например, от той же англо-американской, в которой женщины-писательницы давно заняли достаточно прочное положение и вписали немало золотых страниц. Достаточно вспомнить хотя бы такие громкие имена, как Урсула Ле Гуин, Мэрион Зиммер Брэдли, Ли Брэкет, Танит Ли, Андре Нортон, Лоис Макмастер Буджолд... Их творчество

многогранно и не ограничивается рамками какой-либо одной разновидности фантастической литературы. Но в принципе, настоящей «дорогой славы» для женщин в англо-американской фантастике стала литература фэнтези. Конечно, и в НФ некоторым из них удавалось достичь вершин — в качестве примера можно привести форкосигановский цикл той же Буджолд, «Ксеногенез» Мириам де Форд, цикл «Королева Солнца» Андре Нортон или, скажем, цикл о Хайнской цивилизации, принадлежащий Ле Гуин. Однако трамплином для триумфального успеха и полноты творческого самовыражения послужила все-таки фэнтези.

В значительной степени подобная ситуация повторилась и в отечественной фантастике конца XX — первых лет XXI столетия.

В 90-е годы XX века ситуация с русской «женской» фантастикой отчасти изменилась, но не коренным образом*. Массовый приход женщин в фантастическую литературу наметился только в последнее пятилетие — приблизительно с 1997—1998 годов. Причем освоение этого литературного пространства идет неравномерно.

В научной фантастике, как ни парадоксально, видна скорее утрата позиций. Здесь на протяжении всего постсоветского десятилетия никому из женщин не удалось повторить успех Ольги Ларионовой и Ариадны Громовой. Характерная черта самого времени: издатели считали полезным давать женщинам, пробующим свои силы в научной фантастике, мужские псевдонимы. Так, от имени «Максима Голицына» были выпущены три НФ-романа Марии Галиной: «Гладиаторы ночи», «Время побежденных» и «Все источники бездны». Общий элемент, связывающий романы, — детективная основа сюжета. Галина-Голицын пытается ставить в этих текстах этические проблемы, но детектив все забывает. И кстати, такова судьба многих произведений женской фантастики: они писались с установкой «сделать не хуже существующих «мужских» образцов и ввести побольше действия!». Один из самых неудачных образцов — сериал Татьяны Грай «Чужие сны».

Избавившись от необходимости делать «форматную» НФ, та же Галина по-настоящему развернулась в повестях. Ее интересует, прежде всего, какой ломке подвергнется человеческая нравственность, если наше будущее устроится по эзотерическим моделям. Этому посвящены повести «Совсем другая сторона» и «Экспедиция». Еще одну модель ситуации, в которой нравственные принципы взяты «на излом», предлагает повесть «Прощай, мой ангел», написанная в жанре альтернативной истории. Во всех перечислен-

* Речь здесь не идет о таких дуэтах, как Евгений и Любовь Лукины, Марина и Сергей Дяченко, Александр Зорич: совместное творчество мужчин и женщины в фантастике — особая тема.

ных случаях литературный уровень ощутимо выше «голицынского». Но наиболее яркая работа выполнена Галиной за пределами НФ — это новелла «Покрывало для Аваддона», вся наполненная мотивами иудейской мистики и хорошенько одобренная иронией. Повести Галиной представляют собой приятное, но редкое исключение. Женская НФ не дала в последние годы ничего нового.

В некоторых случаях у женщин-фантастов видно стремление слить НФ и фэнтези в один флакон или, если угодно, смягчить суровую логику НФ капелькой фэнтезийной романтики. Скажем, у Марии Симоновой в романе «Снайперы» действие развивается в условиях земной технологической цивилизации ближайшего будущего, сравнительно недалеко ушедшей от современного состояния. Все, так сказать, узнаваемо. До того момента, пока главная героиня не обрела статус космической принцессы... У той же Симоновой вектор на «фэнтезацию» НФ еще более ощутим в романе «Воины тьмы». Драконы и космические корабли соседствуют друг с другом, не испытывая особых затруднений. Некоторые элементы фантастического допущения невозможно твердо классифицировать как НФ-ские или фэнтезийные. Например, некая «жемчужина в бархате», она же «Мертвая Точка»... «Ступи на нее — и окажешься в любой из вселенных, в какой пожелаешь... За небольшим исключением». В таком варианте сайнс-фэнтези от «сайнс» остается совсем немного.

Аналогичная ситуация и в романе Виктории Угрюмовой «Дракон Третьего Рейха», решенном в ключе юмористической фэнтези. Волею колдуна-недоучки из земной реальности периода Великой Отечественной войны в фэнтезийный мир перенесены экипаж фашистского экспериментального танка «Белый дракон» и группа советских партизан. Ситуация, напоминающая ту, что была смоделирована еще Марком Твеном в романе о похождениях янки при дворе короля Артура. Однако Угрюмовой не всегда удается сохранить чувство вкуса и меры в подтрунивании над героическим прошлым нашего народа, что, кстати, характерно и для «мужской» фантастики, обыгрывающей аналогичную тематику.

На стыке НФ и фэнтези написан роман Далии Трускиновской «Аметистовый блин». Автор работала в хорошо знакомом ей пространстве фантастического детектива, продолжая традиции, начатые в мистическом «Демоне справедливости» и «альтернативно-исторических» «Секундантах». В принципе же «Аметистовый блин» по своей поэтике наиболее близок ироническим детективам Хмелевской и Донцовой. В его центре группка комичных, чутко придурковатых героев, гонящихся за таинственным артефактом, способным исполнять наиболее потаенные человеческие желания. Трускиновская с грустной иронией анализирует тип нового героя времени, культуриста-качка, не способного ни на романтические порывы, ни

на контакт с Чудом, Неведомым. Герой решительно захлопывает открывшуюся было ему дверь в параллельный мир, не будучи в состоянии найти для Неведомого место в традиционной шкале человеческих ценностей. Что ж, вздыхает Трускиновская, каждый выбирает по себе. Ох уж эти мужчины...

Традиции «Смягченной» или «разбавленной» НФ имеют глубокие корни. «Женский цех» и в советское время был склонен к этому стилю: удачные образцы принадлежат, например, той же Ольге Ларионовой и, конечно, Людмиле Козинец. Последняя получила известность еще в 80-х годах и совсем недавно вернулась на подмостки отечественной фантастики с романом «Три сезона мейстры». О Людмиле Козинец и прежде писали: «проза на грани НФ и фэнтези», хотя, может быть, ее поэтическая и чуть-чуть абсурдистская манера пребывает скорее на грани мэйнстрима и фантастики. Визитная карточка прозы Козинец — хорошая филологическая школа в сочетании со сверхэмоциональностью.

Зато в «чистой» фэнтези женщины во многом стали законодательницами мод. Приход этого рода фантастики в Россию в начале 90-х открыл блистательные перспективы перед «женским цехом».

Правда, и в фэнтези достаточно случаев, когда наши дамы идут проторенными дорогами, используют антураж, сюжетные ходы, стиль, — одним словом, формат, — созданный прежде. Это может обеспечить им понимание читателей и в большинстве случаев благосклонное отношение издателей. Но разумеется, первооткрывателей с подобным арсеналом обставить невозможно...

Отечественному потребителю фэнтези, например, отлично известна ее детективная разновидность. Глен Кук и Макс Фрай дали крепко сработанные образцы для подражания. Так вот, если инфантилизм, содержащийся в романах Макса Фрая, счесть недостаточно концентрированным и, что называется, «повысить процент», получится роман Полины Греус «Дело о проклятых розах». Это первый выпуск свежей саги об очередном магически-магоборческом детективном агентстве, в котором работает герой (в данном случае — героиня), с психологией человека, абсолютно принадлежащего современному российскому социуму, притом чрезвычайно гордого процессом собственного взросления.

«Славяно-киевскую», то есть написанную на условно отечественном материале, ветвь фэнтези представляют Ольга Григорьева, Мария Семенова и Галина Романова. Первая и вторая писательницы создали сравнительно немного текстов. Перу Григорьевой принадлежат четыре романа: «Колдун», «Ладога», «Берсерк», «Найдена». Классическими образцами «славянского фэнтези», принесшими автору небывало шумный, но, впрочем, во многом заслуженный успех, стали три романа Семеновой о могу-

чем богатыре Волкодаве: «Волкодав», «Право на поединок», «Истовик-камень». Особенной «плодовитостью» отличается Галина Романова, опубликовавшая уже восемь полновесных романов: «Дороги богов», «Золотые рога Дажда», «Легенда о Велесе», «Обретение Перуна», «Властимир», «Странствия Властимира», «Застава», «Чужие цепи».

В принципе, «славянское» фэнтези в плане поэтики мало чем отличается от традиционной героико-сказочной фантастики. Та же бесконечная борьба Добра и Зла, поединки черных и белых магов или богов, между которыми затесались несколько людей, используемых высшими силами в каких-то одном их ведомых раскладах. Порою люди ведут себя словно марионетки, повинувшись законам Судьбы, Рока. Иногда же они бунтуют против своих благодетелей, создавая собственные миры или королевства. Единственной разницей между «славянским» и «европейским» фэнтези являются имена нечистой силы. Вместо традиционных гоблинов, фей, ундинов, троллей, орков и эльфов в «славяно-киевских» романах проказят более привычные для русского человека лешие, домовые, кикиморы, водяные, русалки, кот Баюн и пр. Да еще попытки стилизации авторов под древнерусский язык: «Поздорову ли будешь, друже?», «Камо грядеши, человече?». Иногда встречаются попытки создать историко-мифологические романы на базе древнеславянской мифологии по типу того, что сделали в ряде своих произведений Олди с Валентиновым. Галина Романова создала цикл «Сварожичи», где главными действующими лицами стали боги языческого пантеона восточных славян: Перун, Дажьдбог, Велес. Такой эксперимент вряд ли можно считать удачным, так как материала о русском язычестве сохранилось гораздо меньше, чем от греческой или древнеиндийской мифологии. Построения автора «Сварожичей» представляются весьма наивными и неубедительными, хотя главные герои цикла вышли довольно милыми и симпатичными.

Встречаются в нашей «женской» фантастике и редкие попытки освоить в фэнтези не только русское или европейское сказочно-мифологическое пространство, но и восточно-мусульманское. В повести Трускинской «Сказка о каменном талисмани» во всей полноте воссоздан мир «Тысячи и одной ночи». Автору удалось создать блестящую стилизацию, в которой условный схематизм, диктуемый рамками жанра и мифологии, сочетается с глубоким историзмом, реконструкцией психотипа восточного средневекового человека.

Героическую отрасль фэнтези успешно осваивают Виктория Угрюмова, Анна Тин и Наталья Игнатова. Так, роман Анны Тин «Дарители вихрей» представляет собой добротный салат из множества мелко порубленных ингредиентов в широком спектре от конановского цикла до дракониады Маккерфи. Мечи,

магия, любовь, драконы, и в центре всего — величественная фигура королевы-воительницы... В общем, хорошо знакомые декорации. Философская составляющая текста стремится к нулю. Но лихо закрученные хитросплетения сюжета и приправа из придворных интриг позволяют роману выйти на, как бы это поточнее выразиться, — коммерчески оправданный уровень приключенческой фантастики.

Из-под пера Натальи Игнатовой вышло три романа: «Чужая война», «Змея в тени орла» и «Последнее небо». Первые два составляют некое подобие дилогии, связанной общим местом действия. Наиболее значительным в творческом багаже Игнатовой пока представляется ее первый, дебютный роман «Чужая война». После первого знакомства с главными героями книги поначалу может возникнуть сомнение. А не с сиквелом ли романов Майкла Муркока об Эльрике Альбиносе мы имеем дело? Несчастный принц, Вечный Воитель и Скиталец, прилетел на другую планету, где продолжает свою миссию: воюет со злыми силами во имя торжества добра. Сомнения так и не рассеялись до конца «Чужой войны». Однако не появилось и твердой уверенности в своей правоте. Очень уж отличаются книги английского и российского авторов и по духу, и по содержанию, и, основное, в трактовке образа главного героя. Эльрик Игнатовой более «живой», что ли. Несмотря на постоянно муссирующийся романисткой мотив одиночества шефанго, тот не производит впечатления страдающего героя. В принципе же в «Чужой войне» все достаточно традиционно. Планета, населенная эльфами, шефанго, гномами, гобберами, орками и людьми. Разные религии, парочка воинствующих орденов. Несколько скучающих Творцов-Демиургов, которым захотелось в очередной раз поиграть в шахматки, где фигурами выступают люди и не люди, а доской — весь мир Божий. Поиски героями артефактов, в принципе, не так уж и нужных. Локальные драки и финальная Последняя Схватка. Старое доброе фэнтези.

Когда хорошо известный читателям, так сказать, «разработанный» жанр фэнтези задает автору и антураж, и в какой-то степени композиционный рисунок, — для того, чтобы выделиться из общей массы осваивающих эту нишу фантастов, логично воспользоваться одной из двух стратегий. Во-первых, можно выжать максимум из усложнения сюжета, увеличения числа действующих лиц, усиления чисто приключенческой составляющей. Анна Тин и Наталья Игнатова здесь не одиноки. Тою же проторенной дорогой пошла и Виктория Угрюмова в ее эпическом цикле «Кахатанна», куда входят четыре романа: «Имя богини», «Обратная сторона вечности», «Огненная река», «Пылающий мост». Вера Камша, открывшая в 2001 году проект «Хроники Арции» романом «Темная звезда», также избрала эту стезю. Может быть, даже с неко-

торым перебором: нить повествования теряется, сложность композиции переходит в избыточную сложность. Две авторские удачи, два характера, выписанных живее прочих, — эльфийский бард Роман и герцог Рене Аррой, — не в состоянии «вытянуть» груз сюжета, завязанного в десяток морских узлов.

Во-вторых, можно сосредоточиться на «отделке» фэнтезийного мира. Сделать так, чтобы читатель сконцентрировал свое внимание на его яркости, экзотичности или хотя бы добротной сбалансированности. Здесь автору скорее всего понадобятся основательные знания в области культурологии, истории, филологии и, возможно, даже экономики. Названный путь, видимо, более перспективен: чего-чего, а образованных людей в стране хватает. Есть кому написать, есть и кому прочесть... Удачным примером «культурологического» варианта в героической фэнтези могут служить романы Юлии Горишней «Слепой боец» и Арины Ворониной «Дети Брагги». Видно, как основательно поработали авторы с источниками по скальдической поэзии, раннесредневековой истории и мифологии скандинавских народов. В России этой тематикой увлекаются многие, так что Горишняя и Воронина рисковали нарваться на замечания вроде: «Какой же ты, к черту, викинг, если не отличаешь висы от фюлька!» Но этого не произошло: романы, что называется, выдержали экзамен. Еще один удачный пример — «Повесть о последнем кранки» Натальи Некрасовой. Ее мир абсолютно виртуален и никак не связан с реальной историей. Сильная сторона повести — логика, связывающая различные страны и народы. Их взаимодействие продумано до такой степени, что напоминает политологическую модель какого-нибудь «горячего» региона в динамике. На таком же «логизме» построена фантастическая проза Юлии Латыниной. Наибольшую популярность получил ее цикл, посвященный судьбам Вейской империи или «Страны Великого Света» («Сто полей», «Колдуны и империя», «Инсайдер»). Нелегко определить жанровую принадлежность латынинских текстов. Это своего рода «экономическая фэнтези» или, может быть, «политологическая фэнтези». Средневековый китайский антураж разбавлен «арканарской ситуацией» (при том, что в текстах Латыниной земные прогрессоры оказались куда корыстнее коммунаров-комконовцев) и расставлен по «игровой доске» фабулы в соответствии с прагматической логикой пана Анджея Сапковского. Везде виден предельный рационализм, жесткая логическая сцепка: сюжет и устройство мира просчитаны с необыкновенной, даже, возможно, несколько гипертрофированной четкостью.

Елена Артамонова уверенно работает в том же пространстве, в каком создавались классические «готические» романы и создаются произведения Стивена Кинга и его последователей. По-настоящему добротных книг такого рода в отечественной фантастике немного. Из мужчин-фантастов с нею успешно сопер-

ничают разве что Андрей Дашков и Дмитрий Емец. Встреча с каждым новым хорошим произведением фэнтезийного «хоррора» — праздник для подлинных любителей и ценителей жанра. У Артамоновой на данный момент вышли четыре повести, или маленьких романа, предназначенные автором вроде бы для детей: «Духи Зазеркалья», «Мой друг — вампир», «Призраки рядом с тобой», «Талисман богини тьмы». На самом деле названные произведения можно назвать детской литературой с большой натяжкой. Особенно «Духов Зазеркалья». По мнению автора, «зеркало — это окно в мир духов. Злобных, жестоких существ, могущественных и одновременно бессильных. Бессильных, если мы не дадим им силы. Духи Зазеркалья живут за счет энергии смотрящих на них людей». На долю героев книги выпало столько приключений, что даже и не перескажешь: встречи с «Летучим голландцем» и злобными духами из Зазеркалья, привидениями и ходячими мертвецами — зомби, участие в мрачных кровавых обрядах-жертвоприношениях и т.п. То же и в прочих книгах писательницы: проникновение в наш мир коварных потусторонних сил, древних полузабытых божеств, угроза конца света. Суть привычных «детских» книг в том, чтобы в конце книги зло наказывалось и у детишек оставалась светлая уверенность в победе добрых сил. Закрывая же книги Артамоновой, вы не испытаете облегчения. Покой вам только снится. Зло отступило лишь на время. В любой момент злобные существа из иного мира могут ворваться в наш собственный и устроить здесь небывалую кровавую вахханалию.

Еще один бранч традиционной фэнтези — так называемые «дописки за профессора», то есть попытки поиграть с толкиеновским Средиземьем. Ник Перумов когда-то собрал на этой ниве урожай высоких тиражей... Единственная по-настоящему серьезная попытка «дописать», «творчески развить» и т.п. в отечественной женской фантастике была предпринята Наталией Васильевой и Натальей Некрасовой. Они создали дилогию «Черная книга Арды» — «Черная книга Арды: исповедь стража». «Исповедь стража», принадлежащая перу Некрасовой, сделана более добротнее в литературном смысле. Видно, что автору было не так-то просто собственную этику развернуть поверх «профессорского» мира. Получился в какой-то степени компромисс. Это естественно. Толкиен для многих стал колыбелью, но тот, кому колыбель не становится однажды тесна, навек останется при соске и погремушках.

Гораздо продуктивнее стал поиск форматов, расширяющих традиционную фэнтези и выходящих фактически за ее пределы. И к настоящему времени очевидно появление как минимум двух новых форматов. Первый из них характеризуется, прежде всего, использованием эстетики европейского Средневековья (в рамках первой половины XII — XVI веков) в качестве основы для строитель-

ства романтического пространства. Иногда оно «вшивается» в реальность-1, но чаще вся Европа переходит в параллельную вселенную, становится Европой-2. Во всех случаях оно пребывает вне или почти вне кельтской традиции. Романтическое пространство прочно связано с историческими романами Вальтера Скотта, Александра Дюма, Артура Конан Дойля, Сигрид Унсет и т. д. Порой более прочно, чем с действительной историей. Это мир меча, таверны, дворцовой интриги, пергаментных грамот, брабантских кружев, лангедокских менестрелей, лесных дорог, рыцарских замков и роскошных костюмов.

Прежде всех прочих в романе «Мракобес» «опробовала» романтическое пространство Германии-2 первой половины XVI века Елена Хаецкая. Ее романтика — сгусток веры и страстей человеческих. Хаецкая в наименьшей степени стремится подарить читателю наслаждение от антуража, для нее точность психологического портретирования и «диалектика веры» бесконечно важнее. То же самое видно в повести «Бертран из Лангедока», а также в романе «Жизнь и смерть Арнаута Каталана». Здесь романтическое пространство прочно привязано к Южной Франции XII — XIII столетий, и это самый настоящий исторический Лангедок. Но приоритеты — те же, что и в «Мракобесе». По аналогичной схеме построен и роман Хаецкой «Голодный грек», только сцена действия перенесена на восток Европы — в Византию (XIII в.) и, далее, на бесконечные степные пространства Евразии, вплоть до ставки монгольского императора.

А вот романах Натальи Резановой «Золотая голова» и «Я стану Алиеной» романтическое пространство (суровая Северная Европа-2 XIV — XV века) фактически обретает самостоятельную ценность, наравне с психологическим и философским планами. Роскошное, выписанное в деталях романтическое пространство приблизительно XV — XVI столетий предложила читателям Наталья Ипатова в дилогии «Король-Беда и Красная Ведьма» и «Король забавляется». У Ипатовой, так же, как и у Резановой, пребывание в ее мире — большой подарок для читателя и большая художественная ценность для самого текста.

Рыцарско-дворцовая Европа-2 примерно XVI — XVI веков — сцена для действия романа Ольги Елисеевой «Хельви — королева Монсальвата». Данный роман — типично женская литература. Если убрать из «Хельви» несколько мистических эпизодов да прибавить парочку постельных сцен, то получится традиционный любовно-сентиментальный роман. Властная женщина-королева из политических соображений находит себе короля-ширму, человека робкого и сломленного обстоятельствами. Но затем мужчина преобразается, а женщина становится мягче и покладистее, между королем и королевой вспыхивает сильное чувство, и все заканчивается хеппи-эндом. Обычная история. Путь Женщины к Мужчине. И наоборот. Примерно то же составляет основу повестей

Елисейевой «Сокол на запястье» и «Дерианур — море света», в которых осваивается все то же романтическое пространство, но уже не на базе Средневековья, а в иных хронологических рамках. Подчеркнем, однако, что в остальном названные произведения ни в малой мере не копируют «Хельви», что очень важно. Все три книги Елисейевой очень различаются по своей поэтике. Что же касается любовной линии, составляющей основу книг писательницы, то это вполне оправданно, ибо возвращает термину «роман» его исконное значение — книга о чувствах. Люди, мысли, чувства — вот основа каждого подлинно художественного произведения. Если писатель жертвует чем-либо из этих составных, то получается либо сухой трактат, либо эссе, либо физиологический очерк. Но ни в коем случае не роман. У Елисейевой из этих трех компонентов превалирует чувственный. В наибольшей мере это проявилось в первом романе.

В «Соколе на запястье» и «Дериануре» чувственное начало уравновесилось с остальными двумя компонентами. «Сокол», посвященный античным временам, по своему замыслу и воплощению относится к явлению, получившему название «роман-гипотеза» или «роман-исследование». Елисейева здесь выступает в качестве смелого экспериментатора, по крупице восстанавливая картину мира, о котором мы практически ничего не знаем. Она пользуется данными и науки, и собственным воображением. Скифы, греки, таинственные амазонки населяют пространство «Сокола на запястье». Клубок человеческих драм, обнаженных до самых нервов и сухожилий.

Повесть «Дерианур — море света» посвящена любимому времени Елисейевой-исследователя. XVIII век — столетие безумно и мудро. Век великих открытий и великих социальных потрясений, гениальных ученых-просветителей и не менее талантливых и гениальных авантюристов. О некоторых из них и повествует писательница. Предметом ее художественного исследования стали такие титанические характеры и личности, как граф Сен-Жермен, великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая императрица Екатерина II) и два Григория — Орлов и Потемкин. И шире: судьба России, перед которой открылись великие перспективы. И чувства, конечно же Чувства. Миром правят люди, а людьми правит Любовь. Умело используя прием уплотненной прозы, писательница на сравнительно небольшом текстовом пространстве соединяет и в основном заканчивает несколько любовных историй. По насыщенности событиями «Дерианур» превосходит предыдущие сочинения Елисейевой.

Дальше всех от реалий действительного европейского Средневековья отошла Полина Копылова. В ее романе «Летописи святых земель» невозможно отыскать географические и этнографические признаки Испании, Германии или, скажем, Франции... Европа-2 по-копыловски представляет собой прихотливо раз-

рисованные ширмы, не более того. Булыжные мостовые, придворные наряды, пыточные застенки, дворянские титулы — все это изящная стилизация наподобие королевства Арканарского. Основа сюжета — борьба между двумя расами: людей и не совсем. «Не совсем» означает нечто посередине между людьми и эльфами. Из-за этого Европа-2 несколько толкиенизируется. Копылова концентрирует внимание читателя на неестественности эльфийской составляющей в реальной жизни; жизнь постепенно берет свое. А значит, люди свергают господство эльфоподобных существ. Порой это делается с необыкновенной жестокостью. Люди в Европе-2 подобрались, как на грех, горячие, кровь Юга заставляет их быть порочными храбрецами, щедрыми и на злобу, и на любовь. Конфликт двух рас — это скорее не борьба одной физиологии с другой, а поединок идеологий. В ряде случаев он звучит вопиюще современно: что лучше — холодно отрешиться от реальности, поискать силы и смысла где-то вне ее или попытаться взять ее за глотку, овладеть всеми ужасами и прелестями нашего здесь-сейчас? Более поздняя повесть Копыловой «Virago» ближе к общему вектору: действие происходит в Испании конца XV века, романтическая сказка о счастливой любви (с минимальным элементом фантастического) только выиграла от зарисовок быта, костюмов, нравов.

Несколько в стороне от этой славной когорты стоит Марианна Алферова, выпустившая в 2000 году трилогию, посвященную квазиримской империи. Собственно, разница состоит только в том, что романтическое пространство организовано Алферовой с использованием античного, а не средневекового антуража. В результате хорошо подготовленного хроноклазма император Деций не погиб в войне с варварами и Римская империя благополучно пережила катастрофические для ее реального прототипа столетия Великого переселения народов. В результате появилось крайне экзотическое общество, где экономика и техника Нового времени прочно связаны с атрибутами классической древности. Алферова наложила детективный сюжет на этические проблемы, и могла бы получиться блестящая новинка. Но все романы трилогии перегружены героями и в меньшей мере перегружены сюжетными поворотами, не имеющими никакого иного значения, помимо «приключения продолжаются». Слабее прочих выглядит роман «Мечта империи». С середины текста возникает ассоциация со взбесившейся шахматной партией: фигуры уже не слушаются игроков, смысл комбинаций утрачен, на доске — беспорядочная бойня... Но, во всяком случае, хотя бы замысел Алферовой достоин внимания и уважения.

Наталия Мазова поместила романтическое пространство в некое подобие Прибалтики, вполне современной в бытовом отношении, но вынесенной в параллельное пространство

(повесть «Золотая герань»). Почти то же проделано и Далией Трускинской в романе «Королевская кровь», где нарисована условная Франция конца XVIII — начала XIX века, уже пережившая все ужасы буржуазной революции, но не дождавшаяся своего Наполеона. Законные наследники трона, лишённые памяти злобным карликом, постепенно ощущают зов королевской крови и собирают под белую с золотыми лилиями Орифламму верный престолу народ. Трудно определить, с чем мы имеем дело. То ли это альтернативная история, то ли параллельная реальность, а может, и социальная утопия с очередным проектом реставрации монархии, которые стали столь популярными в современной российской фантастике (достаточно вспомнить книги Романа Злотникова «Виват император!» и Юлия Буркина «Звездный табор, серебряный клинок»). В то же время наличие в книге магии и волшебства говорит о ее несомненной принадлежности к фэнтези. Если, конечно, мы снова-таки не имеем дела с хорошо замаскированной едкой сатирой, высмеивающей конкретные фигуры прошлого или настоящего.

Во всем этом тренде отчетливо видна еще одна особенность: магия, столь любимая авторами фэнтези, играет второстепенную, подчиненную роль или совсем исчезает из текста. В ряде случаев магизм заменяется мистическим отношением к реальности. В мире существует божественное начало, та сторона, которая «безусловно блага», по выражению В. Гончарова и Н. Мазовой*. Существует и противоборствующая сила. Обе они по сути своей — потусторонние, но борьба между ними так или иначе затрагивает каждого человека. Нечто чудесное, «не от мира сего» — все равно, в позитивном или негативном смысле — всегда результат их деятельности; не существует никакой безымянной, нейтральной, независимой магии, магии-вне-противостояния. Магическое действие переходит либо в разряд чуда, либо в разряд проделок нечистой силы. Элементы сакральной фантастики видны у Елены Хаецкой, Ольги Елисеевой, в меньшей степени — у Далии Трускинской, Полины Копыловой, Марии Галиной («Покрывало для Аваддона») и Натальи Иртениной (повести «Праздник синего ангела», «Запас вечности», «Ракурсы»).

Второму новому формату трудно отыскать твердое определение. Он родился на стыке «ужасика», киберпанка и трэшевой темы. Это, если можно так выразиться, проза «задворков». Таково творчество Александры Сашневой, выпустившей на данный момент всего один роман: «Наркоза не будет», который достаточно трудно описать и классифицировать. С одной стороны, это несомненный мэйнстрим, с другой — социально-бытовой роман, с третьей — боевик, причем

* Статья «Толпа у открытых ворот», 3-й выпуск «Если» за 2002 г.

боевик мистический. По своей жанровой специфике произведение Сашневой — это типичный городской роман. Главной темой и объектом его является Человек в Городе. Одиночество маленькой личности, способной затеряться и раствориться в многотысячной толпе. Персонифицированные страхи человека. Отсюда и стиль жизни героев романа. Поистине волчьи законы божьего общежития, где хищник норовит съесть более слабого, а члены одной стаи (или, по-новому, тусовки) абсолютно равнодушны к судьбам друг друга. Беспорядочные половые связи, основанные лишь на быстром удовлетворении физиологических инстинктов. Угар от спиртного и наркотиков. «Наркоза не будет» — до предела жесткая, если не сказать жестокая, проза. Написанная на последнем выдохе, даже издыхании. Сашнева скупа на портретные описания, на психологические характеристики. Но ее персонажи живут и запоминаются. Пропущенные через психоделический поток сознания героини, проанализированные нею, они получают самостоятельное воплощение. Коша становится демиургом — создателем личностей. И фантастический элемент в романе отчасти воспринимается как часть полубредового состояния героини. Было, не было? Кровожадный собакоголовый бог Древнего Египта Нубис, по прихоти Кого-то очутившийся в современном Питере и взалкавший человеческих жертв. Мастер погоды Чижик, умеющий летать. Жуткий профессор Легион, правящий черную мессу и воскресающий после смерти.

Итак, перед нами прошла галерея портретов писательниц, пришедших в фантастику недавно. Буквально вчера. В этом беглом очерке мы, естественно, не смогли дать полную характеристику творчества женщин-фантастов. В одной статье, какой бы она ни была большой по объему, это сделать просто невозможно. Наша цель была гораздо скромнее. В то время, когда все громче и настойчивее раздаются тоскливые голоса и сетования по поводу того, что русская фантастика находится в застое, в глухом тупике, мы попытались показать, что не все так плохо. В нашу «литературу крылатой мечты» то и дело вливается струя свежей крови. Появляются новые явления, новые лица, новые произведения.

Москва — Харьков, 2002 г.



Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын И ЭТО ВСЕ О НЕМ

Подлинная история Юрия Семяцкого

При написании этой статьи ни одного Семяцкого не пострадало.

Писатели, как большие дети, очень любят поиграть. Одной из самых популярных литературных игр в нашей фантастике последних лет стало «убийство Семяцкого». Попытаемся пролить немного света на этот загадочный ритуал.

Пока ты не умер, ты жив.

Килгор Траут

«Я не хочу никакой власти, — сказал я. — Я только хочу, чтобы... Семяцкий не умер!»

Сергей Лукьяненко

Будущее

Собрались мы как-то с целью написать статью о Килгоре Трауте, величайшем писателе-фантасте XX века. Траут, надо сказать, чтение не ординарное, сразу и не поймешь, что к чему. Как раз тот случай, когда просто необходим дополнительный мозговой стимулятор. Благо таковой нами был мудро припасен. Еще по весне, до того как стараниями неугомонного человечествоненавист-

ника Александра Громова было затоплено пол-Европы* мы съездили в Прагу, где на одной из узких, вымощенных тяжелым камнем улочек и приобрели указанный продукт. Поначалу освещенная лишь керосиновой лампой лавочка не произвела на нас должного впечатления. Однако, выслушав серьезные доводы добродушного продавца — здоровенного лысого детины с татуировкой на черепе KAFKA FOREVER и с окровавленным ножом в руках, которым он в процессе разговора отпиливал лапы орущей черной курице с красными глазами, — мы быстро поняли, что литровый флакон с ярко-зеленой жидкостью — это именно то, что нам необходимо.

Только через несколько дней, окончательно придя в себя, мы выяснили, что за каких-то пятьсот чешских крон получили знаменитый семидесятиградусный эликсир La Fee Verte, в просторечии именуемый Absinthe. Одной из активных составляющих этого волшебного напитка является вытяжка из горькой полыни *monotegrene* или туйон, которая в состоянии помочь практически любому смертному разобраться в творчестве не только Килгора Траута, но даже Андрея Лазарчука.

Итак, сидим мы, стимулируем мозговую деятельность, делаем все по правилам, с применением специальной ложечки для сахара и ледяной воды. Один из нас еще не Винсент, второй уже почти Эдгар. Гениальность Траута становится почти осязаемой. Но в кульминационный момент, вместо наметившегося прорыва в трансцендентность, перед нами, как и в прошлый раз, появился некий третий**.

Между тем некий третий, окинув нас горящим взглядом, передал нам прекрасно изданный том. На титуле значилось: «Евангелие от Андрея и Дмитрия. Описание страданий, изгойства и перевоплощения Великого святого Юрия Семяцкого, исполненное первоапостолами его». Удивляться появились и желание, и возможность.

«Я прибыл из 2149 года по вашему варварскому летоисчислению с тем, чтобы направить вас к написанию труда сего. Наши умельцы сотворили по чертежам самого Кулибина паровой времяход и переместили меня сюда. Преклоняю колени пред первоапостолами».

* См.: А. Громов. «Крылья черепахи»; А. Сеницын. «Эффект синей папки»; «Если», №11, 2001 г. Кстати, в приватной беседе А. Громов «разоткровенничался»: «Все, о наводнениях больше не пишу, перехожу на нефтяные пожары».

** См.: Д. Байкалов, А. Сеницын. «Истина где-то рядом», «Фантастика-2002», вып.1. Удивляться уже не было ни желания, ни возможности.

повествование и пристально на нас посмотрел, — поклялись в вечной преданности и за очень короткое время написали «Житие», впоследствии переработанное в «Евангелие». А издательство АСТ, ранее печатавшее те самые описания изуверств, творимых над Семяцким, выпустило святой текст стомиллионным тиражом. И бесплатно раздало его людям. Так, практически в одночасье, возникла самая гармоничная за всю мировую историю держава, сочетающая в себе «имперский пафос» и «снисходительную иронию к варварам-иноверцам», «диктатуру мудрого закона» и непритворную уверенность в том, что «хорошие люди есть». А назвала ее в честь нашего великого вождя и духовного руководителя Юросью.

Совсем недавно мы отметили знаменательную дату — Три по семь на семь лет Великому Перевоплощению. В Юргороде (бывшем Владимире) прошли грандиозные торжества. Миллионы людей пришли к основанию самого высокого монумента в мире. Небольшого роста лысоватый человек сидит, опираясь руками на гранитную глыбу. Встретившись с его заботливым взглядом, с непривычки можно впасть в ступор или упасть в обморок. Но самое удивительное, что у этого памятника любят запечатлевать друг друга посещающие Юрось западные варвары, до сих пор по недомыслию ведущие отсчет лет от рождения Христова, да еще и в десятичной системе счисления.

Одно лишь омрачает нашу жизнь. Семь семилетий назад Юрий Семяцкий незаметно исчез. До сих пор нет единого мнения на этот счет. Одни считают, что состоялось Второе Перевоплощение и Семяцкий-2 стал Семяцким-0, поскольку выполнил свою миссию на земле. Наша же Церковь придерживается мнения, что он «просто сделался, благодаря своей добродетели и мудрости, бессмертным» и путешествует по дорогам необъятной Юроси, чтобы заглянуть каждому ее жителю в глаза и тем самым *освятить* его жизненный путь. Поскольку население страны постоянно растет, то и странствовать Юрию предстоит вечно. Народ его так и называет — Вечный Странник.

Косвенными доказательствами бессмертия Семяцкого служат появляющиеся время от времени у адептов высших кругов советы по благоустройству Юроси, воплощение которых приводит поистине к грандиозным результатам. А в прошлом семилетии вдруг ниоткуда появилась песня, которую до сих пор повсюду поют. И мелодия и слова ее западают прямо в душу: *«Время остынет. В этом ли правда? / Вечность, возможно, обличие бога... / Вечность, возможно, излишне много... / Тысяча лет — это то, что надо»* *.

* Слова из песни Александры Сашневой (Фелічіты) на стихи Юрия Семяцкого.

А теперь — о главном. Как-то я с молодым послушником прогуливался по Сиреневому саду и «вдруг услышал странные звуки». «Мы обернулись и увидели животное — у него была собачья голова, лисье тело и кошачьи лапы. Оно тонко поскуливало и смотрело на нас большими глазами, а из глаз текли слезы». Как адепт высшего уровня, я сразу распознал его. Это был песец. Моему волнению, казалось, не будет границ, сбылось одно из пророчеств святого Юрия: «Песец подкрался незаметно». Появление этого зверя было предвестником эпохи «самых ужасных потрясений». Вскоре пушные зверьки стали встречаться все чаще и чаще. Началась паника. И напрасно мы ждали указания свыше. Тогда на совете адептов седьмого уровня постановили искать решение в Истоках. Спасибо Кулибину. Жаль, в Изначальный День его времяход меня доставить не смог: мощности не хватило. И так семь лет лучший лес на дрова изводили.

Наш новый знакомец, похоже, закончил свой монолог, взгляд его прояснился. Он посмотрел на нас и наш мозговой эликсир. Ярости его не было предела: «Как вы смеете в Юрьев пост вкушать что-либо, кроме речной форели и Кубанской водки». Тут уж не выдержали мы: «Знаете ли вы, адепт, что все вами изложенное не соответствует действительности, поскольку было совсем не так».

Прошлое

«На самом деле, уважаемый гость из будущего, — начали мы свой рассказ, — Юрий Михайлович Семяцкий отнюдь не мифический персонаж и, упаси боже, не земное проявление высшей сущности, а вполне реальное лицо. Просто звезды сложились так, что он стал одним из самых популярных переходящих персонажей в российской фантастике* почти как наш любимый Килгор Траут.

Впервые Ю. Семяцкий проявился в 1983 году, когда в МВТУ им. Баумана, где он учился, создавался клуб любителей фантастики «Три парсека». Двумя годами позже в этот КЛФ пришли и ваши покорные слуги, где и познакомились с героем этого повествования. Сам клуб был достаточно известен, из него вышло немало популярных деятелей фантастики, таких, например, как писатель и бард Алексей Свиридов (увы, его больше нет с нами). Многие бывшие члены КЛФ «Три парсека» сейчас не без успеха трудятся в книжном бизнесе.

* См.: Д. Байкалов, А. Синицын «Игры больших детей», «Если», № 4, 2002.

В фэндоме быстро перекроили название клуба в «Три поросенка», его представителей стали именовать «поросятами», а впоследствии попросту «свиньями»: поросята ведь растут. Теперь многим станет ясно, почему в «Танцах на снегу» Сергея Лукьяненко можно встретить Юрия Семяцкого в такой вот ипостаси: *«Меня зовут Юрий, — сказал старик. — Юрий Семяцкий-младший, всецело к вашим услугам... — Я его видел пару раз на Авалоне, — сообщил вдруг Стась. — Скотопромышленник, свиновод. Занесло же его сюда в недобрый час...»*

Первым «убийцей» Семяцкого волею судеб стал упомянутый выше Лукьяненко. История сия загадочная и несколько комичная. Когда Сергей писал роман «Осенние визиты», он еще не был знаком с Юрием Семяцким. Тем не менее в одной из первых сцен романа наемный убийца расправляется с предпринимателем Эдуардом Петровичем Семяцким. *«ПМ» хлопнул два раза, вначале почти неслышно, потом с легким, невнятным звуком. Эдуард Петрович, все с тем же удивлением на лице, повалился на янтарно-желтый паркет»*. Когда настоящий Семяцкий наконец познакомился с Лукьяненко, он первым делом задал ему вопрос: «Зачем ты меня убил? — и, глядя в непонимающее лицо Сергея, добавил, смягчившись: — Ну ладно, раз уже убил, то должен пообещать убивать меня в каждом следующем романе». Лукьяненко в ужасе пообещал. И с тех пор почти в каждом произведении Лукьяненко присутствует убиенный Семяцкий. А в интернете даже появилась частушка: *«Книгу Сергей написал без прикрас. / Бедный Семяцкий убит в третий раз. / Счастлив Сергей, все как надо идет. / Завтра беднягу он снова убьет»*. Но до повального увлечения наших фантастов такими убийствами было еще далеко.

Несколько позже «Осенних визитов» вышла в свет книга Владимира Васильева «Абордаж в киберспейсе, или Сердца и моторы». В этом романе персонаж Семяцкий тоже погибает от руки наемного убийцы: *«Вряд ли», — спокойно ответил Платонов и выстрелил... Человечек с печальным лицом выронил такое же, как у негра, ружье и сложился пополам, а потом упал набок»*. Второе убийство заставило многих авторов задуматься — с чего бы это Юрика (а знакомы с ним были многие: такая уж странная общность — фэндом) убивают такие известные люди. Тем более что Лукьяненко, верный обещанию, старался вовсю. В дальнейшем он, безусловно, стал чемпионом России по убийству Семяцкого. При чем убийства от книги к книге становились все изощреннее.

Если в «Фальшивых зеркалах» все ограничивается небольшим диалогом (*«Слышал, Семяцкого убили? Три раза подряд?» — «Ну?» — Так вот, он ожил и догнал своих...»*), в «Холодных

берегах» лишь присутствует Семецкий полк, в «Дневном дозоре» нашему герою посвящена всего-навсего строчка (*«Девятилетний Юрий Семецкий, проживающий в Москве, через месяц после возвращения из «Артека» погиб от асфиксии, захлебнувшись в ванне»*).), в повести «Тени снов» между делом рассказывается, как инопланетные захватчики уничтожили ополченца с самым приметным оружием (*«Семецкий глотнул, и завозился, пытаясь улечься на «Ультиматуме» и прикрыть его собой. Получалось плохо, то боковые ручки торчали, то ствол высывался»*).), а в «Геноме» вспоминается о книоторгово-издательской деятельности Юрия Михайловича и его двухфазном образе жизни (*«А вот книжный магазин, принадлежащий Юрию Ка-второму Семецкому, не просто развалился, но и погреб под собой хозяина»*).), то в самых свежих романах Сергея «Танцы на снегу» и «Спектр» убиению посвящена не одна страница. Впрочем, об этом чуть позже.

Во второй половине девяностых к еще не возникшему «заговору убийцев» присоединился Александр Громов. В его романе «Шаг влево, шаг вправо» *«покойный гражданин Емецкий Юрий Михайлович был захоронен на Кузьминском кладбище Москвы 31 мая 2002 года»*. Правда, через несколько лет он оживает на полярном острове с полностью опустошенным сознанием. Вот откуда взялась эта сакральная дата. Московская фантастическая тусовка отпраздновала этот «день перевоплощения Семецкого» с размахом. На Медвежьих озерах. Правда, на Крестный ход, дорогой наш Визитер, это мероприятие похоже не было.

И пошло-поехало. Кто-то (скорее всего это был сам Юрий Михайлович) распустил в фантастических кругах слух, что писатель, не убивший в романе Семецкого, не имеет никаких шансов пробиться в классики жанра. Писатели чрезвычайно суеверны и по-детски наивны, поэтому с радостью ухватились за необычное развлечение. Если в книге имелся второстепенный персонаж, которого необходимо было убить, то ему давали фамилию Семецкий.

Олег Дивов в автобиографии, опубликованной на его персональном сайте, гордо признается: *«Короче всех отечественных фантастов — в два слова — убил Юрия Семецкого»*, и забывает упомянуть, что вставил эти два слова, спохватившись в самый последний момент, когда рукопись романа «Выбраковка» уже находилась в издательстве. В романе Романа (хорошее сочетание) Злотникова «И пришел многоликий...» пролог посвящен подвигу некоего капитана второго ранга Семецкого, чей космический эсминец «Стремительный» мужественно противостоял превосходящим силам противника, пытавшегося взять эсминец на абордаж: *«Капитан Семецкий повис на ограждении мостика командного уровня,*

но подниматься наверх, чтобы убедиться в его смерти, необходимости не было. В грудь капитана по самую рукоятку был вогнан ятаган. Впрочем, судя по тому, что рядом с креслом валялась разрубленная туша троля, капитан сумел-таки нанести свой последний удар. Не дав доставшему его врагу хоть сколько-нибудь поторжествовать». В книге Сергея Щеглова «Разводящий Апокалипсиса» Семяцкий сгораёт: «Прямо перед ним, с выпученными глазами, с искусанными в кровь губами, с раскрытым в немом крике ртом бился в агонии Юрий Семяцкий. Тот самый весельчак из команды Крайчека, завсегдатой половины эльсанских кабаков, неунывающий искатель приключений, всегда выходивший сухим из воды». Сжигает его и Владимир Васильев в романе «Смерть или слава»: «Нервно поигрывая бластом, я пробежался к куполу. И почти сразу увидел Семяцкого. Семяцкий лежал на спине, остекленело вытаращившись в небо. Грудь его была разворочена тремя бласт-импульсами. Крохотный «Сверчок», малоомощный бласт, валялся рядом с ладонью убитого. На ладони запечатлелся рифлёный отпечаток чьего-то ботинка». В повести Леонида Каганова «Коммутация», единственным погибшим во время кристаллизации Мертвого моря, оказывается, естественно, Семяцкий. Юлий Буркин в романе «Звездный табор, серебряный клинок» убивает нашего героя не единожды: сначала гибнет Семяцкий-человек, а потом завод, которым управлял спасенный в прошлый раз мозг Семяцкого. Еще больше — семнадцать раз — гибнет Семяцкий-террорист в романе Ант. Скаландиса «Причастные. Скрытая угроза» — здесь наш популярный персонаж обладает свойством уходить в другое измерение за мгновение до взрыва или выстрела, а потом неожиданно «оживать». Александр Громов вернулся к убийству в романе «Тысяча и один день». Семяцкий тут сначала чуть не утонул в чане с черной икрой, но был спасен, однако позже его ждала абсолютно героическая смерть. Совсем уж оригинально попытался убить Юрия Михайловича Эдуард Геворкян. Если попробовать сложить вместе все прописные буквы первого абзаца повести «Возвращение мытаря» получается фраза «СЕМЕЦКИЙ УБИТ»*. А в романе Дмитрия Янковского «Флейта и ветер» могила инженера Семяцкого стала единственной точкой реальности в нашем ирреальном мире. И подобных примеров можно привести немало.

Впрочем, писатели тем и отличаются от военных, что строем не ходят. Не все хотели становиться классиками, не все хотели играть в модную игрушку. Например, Святослав Логинов и супруги Дяченко сразу объявили, что ни за что не станут убивать в

* К слову, подобный прием с прописными буквами Геворкян использовал отнюдь не первым. В эпилоге романа Лукьяненко «Геном» таким способом зашифровано целое послание к читателям.

своих романах такого хорошего человека. И даже упоминать не станут. Некоторые авторы поступили еще гуманнее — упоминали, но не убивали. Так произошло в рассказе Далии Трускиновской «Вот это по-нашему!», а герои «Слепого пятна» Андрея Плеханова очень даже хотели убить соответствующего персонажа, но... *«Склад охранялся слабо, Хадди управился с двумя стражниками в считанные мгновения, бесшумно свернув им головы. К счастью для упоминавшегося выше шефа охраны Юрсемецшу, оный отсутствовал — наверное, спал дома или отбыл в командировку, поэтому, как ни странно, обошлось без акта предательского убийства собутыльника».*

Волна литературных убийств ширилась, фэндом реагировал на появления Семяцкого на страницах очередного бестселлера по-разному. Некоторые раздраженно морщились, некоторые писали страшилки вроде: *«Дети в подвале во что-то играли / Взрослым про эту игру не сказали / Вот результат этих шалостей детских: / Зверски замучено восемь Семяцких»* (Миш Наранек), некоторые предлагали на соответствующие книги помещать лейбл «Semetsky Inside». А между тем фигура Семяцкого возникла даже в фанфике приключений Фандорина.

Начинающие авторы, почувствовав модное поветрие, также стали вставлять подобные эпизоды в свои гениальные творения. Нам известен реальный случай, когда редактор крупного издательства отверг рукопись молодого фантаста с формулировкой: «Не дорос еще Семяцкого убивать!»

Наконец многим стало предельно ясно, что игра затянулась. Но остановиться было сложно. Подсознательное желание прекратить игру выплескивалось на страницы книг ситуациями с одномоментным появлением «в кадре» Семяцкого и породившего всю эту вакханалию Лукьяненко. Олег Дивов в «Саботажнике»: *«Причер шагнул к табличке — это оказалась памятная доска с надписью на трех языках. «17 мая 24...1 года, — прочел капеллан, — здесь при попытке спасти утопающего судового библиотекаря старшего матора Семяцкого трагически погиб водолаз Лукьяйнен».* Сергей Зайцев, Борис Завгородний, «Рось квадратная, изначальная»: *«Присмотревшись, Благуша узнал в нем Сдельного Пахана — Лук Ян Ко, который, как самый богатый человек среди торгашей, вполне мог себе позволить роскошь вроде этой шубы. Ведь юрсеми, небольшие пушистые зверюшки размером с домашних кошар, когда-то водившиеся во всех доменах, ныне стали большой редкостью из-за своей удивительной доверчивости к человеку, в частности к охотнику».* Но дальше всех пошел Андрей Белянин — в романе «Сестренка из преисподней». Благородный мэтр, библиофил, неоднократно убиваемый Семяцкий, начинает мстить своим обидчикам, и пер-

вым от его руки, конечно же, страдает... Лукьяненко: *«Вдоль улицы, по направлению к книжной лавке, неторопливо шествовал толстый молодой мужчина с усиками, в модной одежде и с большим космическим бластером на пузе.*

— *Последний лауреат... — мстительно прошипел мэтр Семецкий, до хруста в пальцах сжимая стальной гарпун. — Он устроил взрыв и завалил меня книгами в моем же магазинчике. Смерть была долгой и мучительной... Так этот разжиревший моллюск прилюдно пообещал в следующий раз просто пристрелить меня из бластера. Вот с него-то я и начну... На фокареи мерзавца! В кандалы таки и в трюм! За борт под килем, морского ежа ему в глотку, кар-р-р-рамба!!!*

И робкий книготорговец (или отчаянный капитан?) с ревом бросился на недавнего обидчика. Как я понимаю, этот убийца был не единственным, но первый чек к оплате предъявили именно ему. Бездарно отстреливаясь от рычащего «морского волка», бедолага пытался удрать, а китобой Семецкий ловко бил его гарпуном по новым джинсам...»

Про лауреата было упомянуто не зря. В 2000 году известная фэн-группа «Мертвяки» учредила ежегодную премию за лучшее литературное убийство Семецкого. Первым лауреатом этого симпатичного приза стал как раз Сергей Лукьяненко за роман «Геном», вторым, в 2001 году, Александр Громов за «Тысячу и один день», ну а в 2002 году премии вручались уже по четырем номинациям: за роман — Юлию Буркину («Звездный табор, серебряный клинок»), за повесть — Леониду Каганову («Коммутация»), за рассказ — Далии Трускиновской («Вот это по-нашему!»), за статью — Дмитрию Байкалову («На последнем берегу»). Еще цитата из белаянинской «Сестренки...»: *«...местные умники объявили убийство бедного Семецкого национальной традицией! Они даже дают за это ежегодную премию! Ви себе представляете — премия тому, кто лучше убьет Семецкого... И шо ви скажете?!»*

Как мы уже упоминали, С. Лукьяненко в последних книгах убивал Семецкого крайне изощренно. В кульминации «Танцев на снегу» престарелый скотопромышленник направляет свое инвалидное кресло на главных злодеек — *«Я успел увидеть искаженное ужасом лицо Аллы Нейдже, плюющийся огнем бластер в руке Снежинской. А потом кресло Семецкого врезалось в них пылающим болидом»,* — но инсургент успевает умереть от старости еще до того, как в него попадет заряд бластера, и он вместе с врагами рухнет вниз в растворитель для промывки топливных элементов звездолетов. Воистину геройская смерть.

Ну а романом «Спектр» Лукьяненко, похоже, вознамерился поставить жирный восклицательный знак в этой бес-

конечной истории. Вначале, не называя имя персонажа, он пользуется проверенным «шифром прописных букв», чтобы проницательному читателю стало ясно, что это Семяцкий (попробуйте найдите!). Затем описывается схватка этого персонажа с четверкой «охотников за наградами»: *«Один — средних лет, румяный, толстый, коротко стриженный, с щеточкой усов над губой. Другой — смуглый, вроде бы не старый, но с явной сединой в волосах. Третий — аккуратно выбрит, но с собранными на затылке в хвост длинными волосами. Четвертый — самый пожилой, высокий, чуть сутулый, с бородкой и баками»*. Хотя немного знакомые с писателями-фантастами без труда узнают в этой четверке самого Лукьяненко, Васильева, Дивова и А. Громова. Наш герой блестяще расправляется с охотниками, однако его все же убивает подоспевший пятый, внешне подозрительно напоминающий Ника Перумова. В конце книги выясняется, что таких вот Семяцких во Вселенной несколько сотен — однажды произошел сбой в системе нуль-транспортировок, Юрик-один размножился, и множество его двойников регулярно появляются из различных Врат на разных планетах. Однако само Мироздание ополчилось на многочисленных Юриков-два — ведь по его, Мироздания, законам может существовать лишь одна личность. Остальные должны так или иначе погибнуть... В результате в «Спектре» убийство Семяцкого становится изощренным полиубийством, порожденным буйной фантазией автора, по случайности ли, по велению свыше ли заварившего и до сих пор расхлебывающего всю эту кашу. Может быть, тарелка, наконец, опустеет?

Вот как, коллега (мы опять назвали его так!), оно было на самом деле!»

Настоящее

Длительное время некий третий не мог проронить ни слова. На бритом под Семяцкого черепе выступили крупные капли пота, руки дрожали. Наконец он смог выдавить: «Так вы не будете писать Евангелие?»

«Даже и в мыслях не было».

Адепт седьмого уровня порывлся в складках своей просторной хламиды и извлек что-то типа раструба. Судя по внешнему виду, к этому агрегату явно приложил руку Кулибин. Последовало разъяснение: «Это паровой уничтожитель. С его помощью я заставляю вас сделать все, что мне необходимо».

«Это вряд ли. Когда вас сюда отправляли, наверняка в спешке не успели познакомить с теорией перемещений во

времени. Мы же на ней собаку съели. После нашего отказа писать всякую ересь, вашему миру осталось существовать лишь несколько мгновений. Как там у Семецкого: «Песец всему?»

«Не совсем...» — Очертания нашего гостя стали стремительно таять. Вскоре на полу валялись лишь хламида и уничтожитель. Вещи оказались крепче их хозяина. Но и они продержались недолго. Петля времени замкнулась. Юроси пришел конец. Последней исчезла книга. Очень символично... В конце было слово.

Этой статьей авторы надеются поставить точку в непомерно затянувшейся литературной игре и выражают надежду, что в дальнейшем ни один Семецкий больше не будет убит. Уж очень не хочется писать Евангелие.

РАССКАЗЫ

Сергей Герасимов. ЖИВОТНОЕ	7
Дмитрий Володихин. ДЕСАНТНО-ШТУРМОВОЙ БЛЮЗ	21
Дмитрий Воронин. ЧЕМПИОНКА	32
Наталья Точильникова. ДУХ ОГНЯ	39
Роман Афанасьев. ВЕЧЕР ТЕПЛЫЙ, ВЕЧЕР ТАЛЫЙ	49
Екатерина Некрасова. ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ	
Сказка пьяного геймера	63
Юлий Буркин. КАКУКАВКА ГОТОВИТСЯ	74
Алексей Калугин. ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ	92
Василий Головачев. КРАЙ СВЕТА	101
Василий Головачев. СМОТРИТЕЛЬ ПИРАМИД	132
Олег Овчинников. ДВА МИРА — ДВА СОЛНЦА	163
Леонид Каганов. МАСЛО	189

ПОВЕСТИ

Владимир Васильев. РОК НА ДОРОГЕ	205
Владимир Васильев, Александр Громов. АНТАРКТИДА	
ONLINE	253
Всеволод Глуховцев. ПЕРЕВАЛ МИЛЛЕРА	362
Дмитрий Скирюк. ПЫЛЬ НА ВЕТРУ	414
Андрей Плеханов. УЗОРЫ ДЛЯ УМНЫХ И ТУПЫХ	479

IN MEMORIAM

Алексей Свиридов. ТЕ, КОТОРЫЕ ЗНАЛИ	531
Алексей Свиридов. СКОРО НАС БУДЕТ МЕНЬШЕ	539
Алексей Свиридов. НОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА	550

О ФАНТАСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Евгений Войскунский. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА	
В БАКУ	565
Дмитрий Ватолин. ОФИЦИАЛЬНЫЕ	
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА	590
Дмитрий Володихин, Игорь Черный. LA FEMME	
CHERCHE (Женщина ищет)	597
Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын. И ЭТО ВСЕ	
О НЕМ	611

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2002. Выпуск 3

Рассказы, повести

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

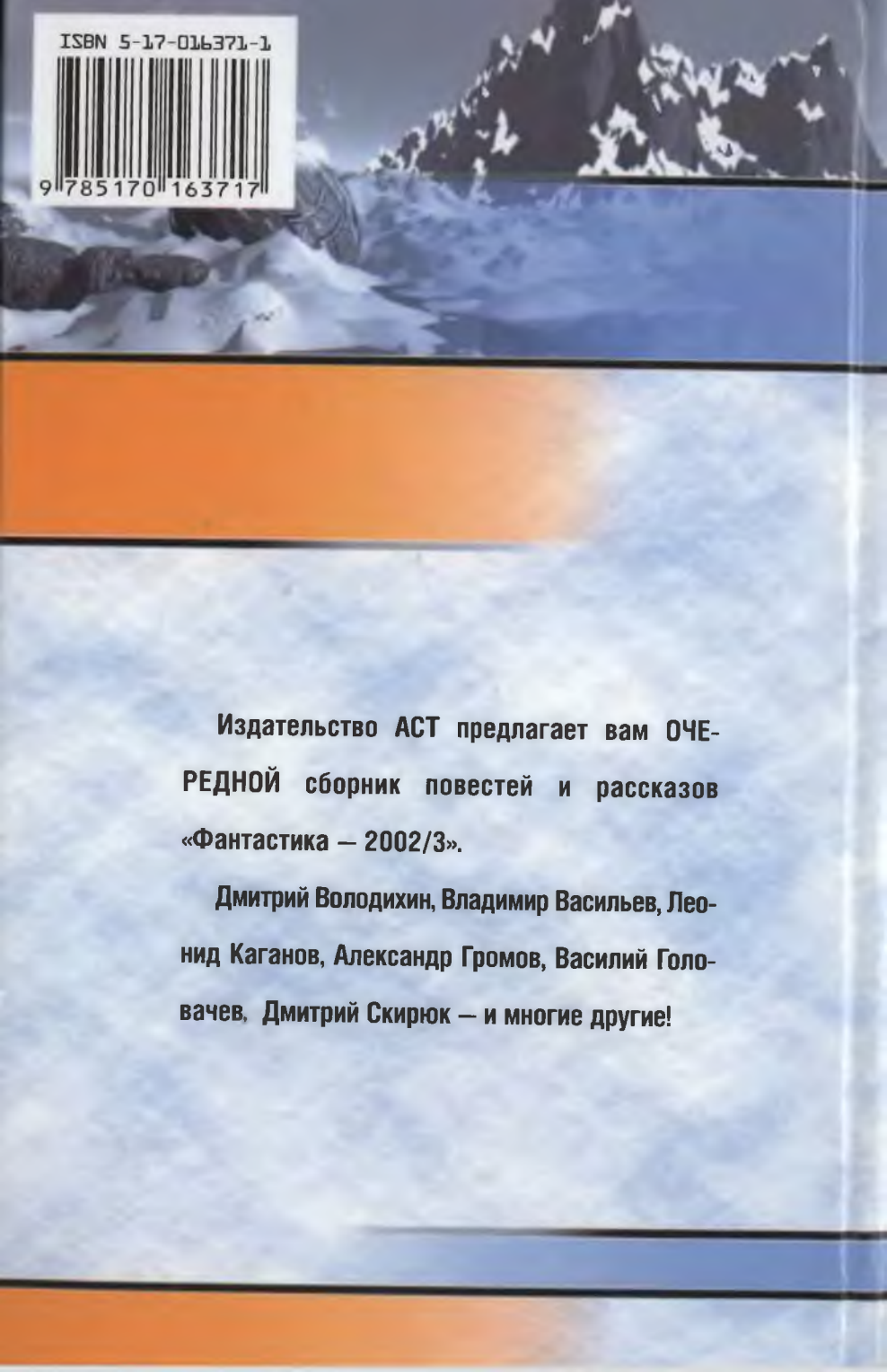
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”

443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам







ISBN 5-17-016371-1



9 785170 163717

**Издательство АСТ предлагает вам ОЧЕ-
РЕДНОЙ сборник повестей и рассказов
«Фантастика — 2002/3».**

**Дмитрий Володихин, Владимир Васильев, Лео-
нид Каганов, Александр Громов, Василий Голо-
вачев, Дмитрий Скирюк — и многие другие!**